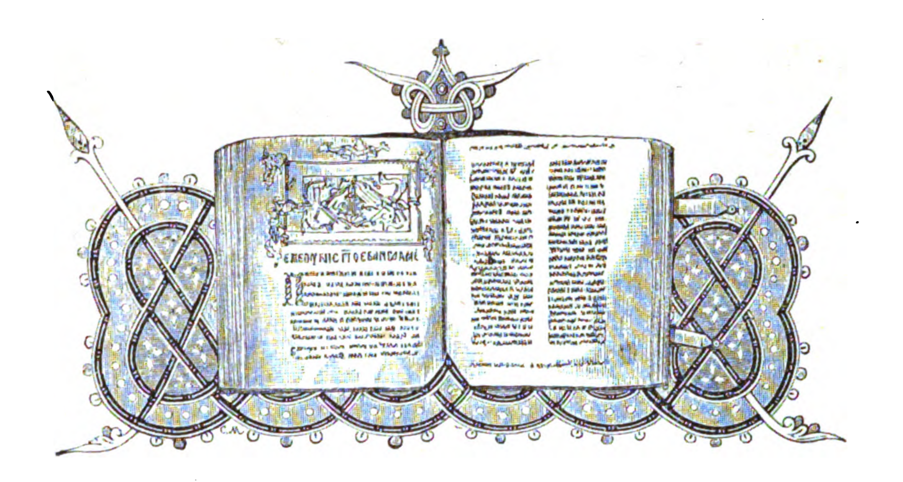

Напечатано 150 нумерован. экз.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 Октября 1900 г.

Типографія „Акц. Общ. Брокгаузъ—Ефронъ". Прачешн. пер. № 6.

319. Дорожный календарь съ описаніемъ почтовыхъ становъ въ Россійскомъ государствѣ за 1762 годъ. Санктпетербургъ, при Императорской Академіи Наукъ. (Безъ означенія года печати).— Въ 8 д. л.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія составляютъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость.

См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1878 г.», стр. 51-я.

Грановскій, Тимоѳей Николаевичъ.

Знаменитый профессоръ. Род. въ Орлѣ 9 марта 1813 г. ум. 4 октября 1855 г.

Снимокъ съ портрета приложеннаго къ его сочиненію.

320. Достовѣрное извѣстіе о происшедшемъ въ ночь съ 16 на 17 число марта 1792 года злодѣйственномъ умыслѣ на жизнь Его Величества короля шведскаго. Съ приложеніемъ королевскихъ повелѣній. Переведено со шведскаго языка, съ указаннаго дозволенія (безъ означенія года и мѣста печати).—Въ 8 д. л., 2+14 стр.

Эта рѣдкая брошюрка, надо полагать, переведена съ шведскаго языка В. Петровымъ (авторомъ «Приключенія Густава III короля Шведскаго 1788 г. 6-го іюля»). Она была напечатана въ Москвѣ 1795 года, въ 8 д. л., 2+14 стр.; въ началѣ этой весьма интересной брошюрки слѣдуетъ краткое предисловіе отъ автора, въ которомъ онъ говоритъ, что происшествіе противъ особы Шведскаго короля и злодѣйское на жизнь его умышленіе есть такой важный случай, что заслуживаетъ вниманіе всякаго благомыслящаго вѣрнаго и Государя своего любящаго подданнаго; далѣе авторъ говоритъ какъ обыкновенно, таковыя происшествія служатъ во всякихъ собраніяхъ и бесѣдахъ почти всегдашнимъ поводомъ къ разговорамъ, въ которыхъ наивеличайшее участіе принимаетъ по большой части одинъ невѣрный вымыселъ, а не настоящая историческая истина, то издатель сего достовѣрнаго извѣстія надѣется отъ читателей заслужить благоволеніе, когда предложитъ имъ самыя вѣрныя извѣстія, изданныя отъ самого Шведскаго правительства и присланныя сюда изъ Стокгольма, которыя авторъ и перевелъ со Шведскаго языка. Это весьма интересная брошюрка въ историческомъ отношеніи, почему я считаю не лишнимъ привести ее здѣсь съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

1.

Извѣстіе о происшедшемъ противъ Короля въ ночь съ 16 на 17-е число 1792 года убивственномъ умыслѣ, читанное въ Королевскомъ правленіи 18 марта по полудни.

Въ прошедшую пятницу 16-го марта въ три четверти одинатцатаго часа по полудни Его Величество прибылъ въ бывшей въ оперномъ домѣ редутъ. Одна неизвѣстная маска изъ толпы окружающихъ Короля выстрѣлила по высочайшей его особѣ изъ пистолета и ранила его въ спину близь лѣвой бедры. Сколь рана сія не была тяжела, однакожъ Его Величество сохранилъ въ себѣ столько силы, что дошелъ до примыкающагося въ той залѣ кабинета, гдѣ легъ на софу и разговаривалъ съ неустрашимою бодростію съ нѣкоторыми придворными и провожавшими его Государственными чиновниками до самаго того времени, покаместь приведены были врачи, которые тутъ же осмотрѣли рану и учинили первую перевязку. Потомъ Его Величество отведенъ былъ въ Королевскій замокъ и поутру въ четыре часа отворена была ему кровь. Вскорѣ послѣ выстрѣла нашли въ оперномъ залѣ два пистолета, изъ коихъ одинъ былъ убійцею выстрѣленъ, а другой заряженъ двумя пулями, дробью и нѣсколькими небольшими гвоздями. На другой день, то есть 17 числа въ 10 часовъ утра, открытъ былъ и пойманъ убійца, которой былъ отставной капитанъ Іоганнъ Іаковъ Анкарстремъ. Онъ признался въ своемъ преступленіи и объявилъ притомъ, что выстрѣленной пистолетъ заряженъ былъ круглою пулею, четверогранимъ жеребьемъ, двенатцатью дробинами и семью небольшими гвоздями, кромѣ пыжа изъ сѣрой толстой бумаги; что сверхъ другого пистолета имѣлъ онъ при себѣ вострой ножъ съ зазубриною, которой купилъ для сего, и приготовленъ еще до того за недѣлю. До сего времени не могли рану еще отъ всего заряда очистить совершенно; однакожъ врачи увѣряютъ, какъ погруженной въ чрезвычайное огорченіе Королевскій дворъ, такъ и сѣтующихъ безмѣрною горестью жителей столицы, что выстрѣлъ, благодаря Бога, не коснулся ни мало такихъ частей, отъ поврежденія коихъ надлежало-бы ожидать для драгоцѣнной жизни Его Величества опасныхъ слѣдствій. Послѣ того Его Величество имѣлъ нѣсколько времени спокойный сонъ, и въ разсужденіи настоящихъ обстоятельствъ находится въ нарочитомъ состояніи.

Съ такимъ точно спокойствомъ и твердостью духа, съ каковымъ сей Монархъ при многихъ случаяхъ отваживалъ неустрашимо жизнь свою, и при семъ случаѣ не только снесъ терпѣливо и съ удивительною бодростію болѣзненное и мучительное разсматриваніе и перевязываніе своей раны; но будучи въ постелѣ допущалъ къ себѣ весь Королевскій дворъ, многихъ придворныхъ, государственныхъ чиновниковъ и чужестранныхъ посланниковъ, вступалъ съ ними въ разговоры, и наконецъ учредилъ на время своей болѣзни Государственное Королевское правленіе, диктовалъ самъ оному инструкцію, и подписалъ своеручно. Изслѣдованіе сего ужаснѣйшаго злодѣянія, и всего того, что до онаго принадлежитъ, продолжается въ Королевскомъ Шведскомъ Надворномъ судѣ ежедневно по утру и послѣ полудня, и къ общему свѣдѣнію не упущено будетъ ни одного обстоятельства въ разсужденіи сего происшествія, которое чувствительно во внутренности для каждаго вѣрнаго подданнаго, и до самаго несчастнаго того часа внутри предѣловъ Шведскаго Королевства было не слыхано.

2.

КОРОЛЕВСКІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

Божіею милостію мы, Густавъ, Король Шведскій, Готоскій, Герцогъ Шлезвигскій, Голштинскій, и пр. и пр. и пр. Объявляемъ симъ всенародно. Будучи злодѣйственнымъ образомъ поражены и ранены отъ одного неблагомыслящаго и можетъ быть кѣмъ нибудь обольщеннаго нашего подданнаго, не оставили мы ничего, чтобы стараться узнать не только самаго преступника, покусившагося на жизнь нашу, но и тѣхъ, кои могутъ соучаствовать въ семъ учиненномъ противъ насъ и отечества злодѣяніи. И во время сего изслѣдованія, какъ и при всѣхъ случаяхъ, а особливо въ сіе время видѣли мы отъ вѣрнаго народа нашего всѣ тѣ вспомоществованія, какими онъ изъ давнѣйшихъ временъ оказывалъ Королю своему и Королевскому дому любовь свою и приверженность. Память о семъ сохранена будетъ навсегда въ благодарномъ нашемъ сердцѣ, пекущемся о истинномъ благѣ своего народа; между тѣмъ надѣемся, поелику нѣкоторая уже часть преступниковъ открыта и предана из-

слѣдованію, что дѣло сіе будетъ обнаружено совершенно во всемъ своемъ пространствѣ, и разъисканіе онаго произойдетъ въ тишинѣ, съ добрымъ порядкомъ и согласно съ законами. Но не можемъ мы сокрыть того, коликую имѣемъ причину страшиться, что явная и извѣстная любовь и приверженность къ намъ нашихъ подданныхъ можетъ быть устремится съ необузданностію противу тѣхъ злодѣевъ, коихъ казнь принадлежитъ только однимъ законамъ Государства; и дабы отъ того не могло произойти затрудненія и остановки въ дальнѣйшихъ изъисканіяхъ и изслѣдованіяхъ, кои какъ для нашего собственнаго, такъ и для Государственнаго спокойствія не малой суть важности; то какъ въ разсужденіи сего, такъ и для того, дабы не могъ какимъ ни есть образомъ пострадать невинный, желаемъ, просимъ и повелѣваемъ всѣмъ жителямъ сего города и всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, явить намъ истинное доказательство своей къ намъ любви и приверженности въ томъ, чтобы вездѣ и во всемъ сохранять тишину и спокойствіе; въ продолженіе изслѣдованія сего дѣла не собираться ни въ какомъ мѣстѣ многонародно, но ожидать съ терпѣніемъ того, что съ участниками въ семъ преступленіи опредѣлятъ Шведскаго Государства законы. Между тѣмъ всѣ и каждой могутъ быть увѣрены, что мы соотвѣтствуя Королевской нашей обязанности и удовольствію съ любовью вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, простремъ исполнительность правосудія надъ преступниками съ такою честностію и властію, съ какою Богъ и вѣрные наши подданные оную намъ поручили. И каждой да поступаетъ въ семъ случаѣ съ достодолжною покорностію и повиновеніемъ. Данъ въ Стокгольмскомъ замкѣ, марта 19 дня 1792 года.

Подлинной подписанъ учрежденнымъ на время болѣзни Его Королевскаго Величества

правленіемъ тако:

Карлъ.

К. А. Вахтмейстеръ.

І. Г. Оксенстіерна.

Евертъ Таубе.

Г. И. Армфельдтъ.

К. Легербрингъ.

321. Достовѣрные портреты Московскихъ Государей Ивана III, Василія Ивановича и Ивана IV Грознаго и посольства ихъ времени. Собралъ и привелъ въ порядокъ Д. Ровинскій. Спб. Печатано въ Эксп. Заг. Гос. Бумагъ, въ 1882 году, въ большой листъ 2 и 16 стр. текста въ 2 столбца и 45 изображеній.

Ровинскій, Д. А.

Извѣстный юристъ и Государственный дѣятель, ученый изслѣдователь по исторіи русской жизни и исторіи искусствъ, почетный членъ Академіи наукъ и художествъ.

Яковъ Березинъ-Ширяевъ въ своихъ «Матеріалахъ для библіографіи» говоритъ, что въ этомъ изданіи помѣщены копіи съ рѣдкихъ портретовъ и рисунковъ, которые даютъ самое точное понятіе о подлинникахъ. Изданіе драгоцѣнное какъ въ археологическомъ, такъ и въ художественномъ отношеніяхъ. Въ текстѣ изложено подробное описаніе всѣхъ изображеній, съ указаніемъ на подлинники, когда они были изданы и гдѣ находятся. Въ изданіи помѣщены: портреты великаго князя Ивана III, 14 портретовъ вел. кн. Василія Іоанновича и 12 порт. царя Ивана IV Грознаго. Въ числѣ рисунковъ три портрета Герберштейна.— Русскіе на Феррарскомъ Флорентійскомъ соборѣ. Посольство боярина Колычева въ 1568 и посольство князя Сугорскаго въ 1676 г. съ Висбаденскаго оригинала и съ оригинала, находящагося въ Императорской Публичной библіотекѣ.

322. Достопамятности Москвы, издаваемыя подъ покровительствомъ его свѣтлости князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Москва. 1843—1845 года.—Въ листъ и въ 4-ку, 128 стр. съ 97 стр., предисловіе на почтов. бум.; текстъ литографированный.

Роскошное изданіе того времени въ полномъ видѣ встрѣчается весьма рѣдко и составляетъ библіографическую рѣдкость. По рѣдкости этой замѣчательной книги, прилагается содержаніе оной. Заглавный листъ на цвѣтной бумагѣ съ литографированнымъ рисункомъ. Въ книгѣ помѣщены слѣдующія статьи и портреты: 1) Царь и в. кн. Іоаннъ Васильевичъ, съ литографированнымъ раскрашеннымъ портретомъ; 2) Царь и в. кн. Михаилъ Θеодоровичъ, съ портретомъ; 3) Святославъ Ярославичъ съ супругою и сыновьями, съ рисункомъ изъ Святославова сборника; 4) Снимокъ съ собственноручнаго Евангелія митрополита Алексѣя; 5) Уставъ-грамота царя Іоанна Василіевича, со снимкомъ; 6) Лицевыя изображенія конца XVI столѣтія съ замѣчаніями на нихъ изъ псалтиря, съ 24 раскрашенными рисунками; 7) О началѣ книгопечатанія въ Россіи съ изображеніемъ знаковъ на бумагѣ, на коей напечатанъ Апостолъ при царѣ Іоаннѣ Василіевичѣ Грозномъ, съ четырьми листами снимковъ съ него, на одномъ изъ которыхъ изображенъ Евангелистъ Лука, и съ рисункомъ съ переплета, въ которомъ находился экземпляръ первопечатнаго Апостола, принадлежавшій купцу Царскому; 8) Пушка «Апагръ» съ рисункомъ; 9) Пушка «Царь» съ двумя рисунками; 10) Знамя князя Пожарскаго съ изображеніемъ; 11) Надпись на подсвѣчникѣ, находящемся въ Успенскомъ Соборѣ, съ рисункомъ; 12) Крестъ, находящійся въ часовнѣ у Крестовой заставы; 13) Надпись украшенія пушки «Единорогъ», съ рисункомъ; 14) Письмо царя Θеодора Алексѣевича, съ снимкомъ; 15) Савва Тунтало, съ портретомъ; 16) Надпись въ стѣнѣ церкви Св. ап. Петра и Павла; 17) Надпись на большомъ колоколѣ Воскресенскаго монастыря; 18) Ярлыкъ «Московскаго печатнаго двора», съ рисункомъ; 19) Надпись на стѣнѣ церкви Св. Николая, что въ Воробинѣ; 20) Надпись на колоколѣ церкви Св. Николая, что у Столпа; 21) Выписка изъ хронографа 1702 года о числѣ соборовъ, монастырей и церквей, находящихся въ Москвѣ; 22) Надпись надъ дверьми церкви Владимірской Божіей Матери, что на Никольской; 23) Записка, находящаяся на рукописномъ Евангеліи, хранящемся въ патріаршей библіотекѣ, съ снимкомъ; 24) Послѣсловіе рукописнаго пролога; 25) Приписка на Евангеліи, напечатанномъ въ Польшѣ; 26) Письма патріарха Филарета къ брату; 27) Отрывокъ изъ грамоты Симонова монастыря; 28) Разсказъ архимандрита Арсенія о названіяхъ башенъ, находящихся въ Симоновомъ монастырѣ; 29) Церковный обрядъ, совершавшійся въ вербную недѣлю при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, съ гравюрой; 30) Замѣчаніе о словѣ: «Кремль» и о именованіи Москвы; 31) Покровскій соборъ и лобное мѣсто въ Москвѣ при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, съ двумя изображеніями, изъ которыхъ одно гравированное; 32) О пожарѣ и о вихрѣ въ Москвѣ и о ворахъ; 33) Грамота Архангельскаго собора; 34) Пріемъ пословъ гольштинскихъ царемъ Мих. Θеодоровичемъ, съ гравюрой; 35) Русскій временъ царствованія Михаила Θеодоровича, съ двумя гравюрами; 36) Успенскій соборъ и Ивановская колокольня, съ двумя изображеніями; 37) Св. Петръ, митрополитъ; 38) Надпись на Ивановской колокольнѣ, со снимкомъ; 39) Видъ Ивановской колокольни, снятый въ 1805 году, съ изображеніемъ; 40) Повѣсть о в. кн. Даніилѣ Александровичѣ; 41) Надпись, находящаяся на стѣнѣ соборной церкви у алтаря въ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ; 42) Надпись на стѣнѣ церкви Іоанна Златоустаго въ Рождественскомъ монастырѣ; 43) Надписи на гробницахъ и надгробіяхъ, находящихся внутри и около церквей московскихъ и подмосковныхъ, съ портретами Платона Петровича Бекетова и Тимофѣя Архипова и съ краткими біографическими о нихъ свѣдѣніями; 44) Мортира перваго самозванца; 45) Патріархи московскіе и всея Россіи, съ тремя листами снимковъ; 46) Письмо и гербъ патріарха Никона, съ двумя снимками; 47) Образецъ каллиграфіи, снятый съ грамоты Ново-Спасскаго монастыря; 48) Билетцы для пропуска въ соборы, грановитую палату и галлерею Ивановской колокольни во время коронацій, съ тремя изображеніями на одномъ листѣ; 49) Ладонница съ изображеніемъ; 50) Гробница въ Марьиной рощѣ; 51) Церковь Троицкая, что въ Китаѣ-городѣ, съ изображеніемъ; 52) Симонъ Θедоровъ Ушаковъ; 53) Родъ сибирскаго царевича Василія Алексѣевича; 54) О старинномъ русскомъ платьѣ; 55) Происшествія 1612 года; 56) Царскіе хоромы въ селѣ Коломенскомъ съ садомъ; 57) Царь Акексѣй Михайловичъ, съ портретомъ; 58) Кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій, съ портретомъ; 59) Выписка изъ рукописи XVII вѣка о смутномъ времени въ Россіи, съ двумя снимками съ этой рукописи; 60) Письма Петра І-го къ цесаревнамъ: Аннѣ и Елисаветѣ, со

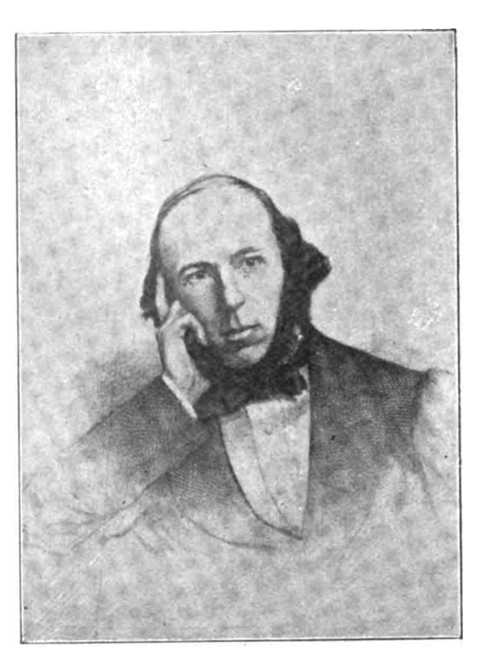
снимками и 61) Письма Петра I-го къ бригадиру Яковлеву, со снимкомъ. Текстъ «Достопамятностей» съ 97 страницами литографированъ. Всѣхъ рисунковъ и снимковъ помѣщено въ нихъ 75; нѣкоторые изъ нихъ гравированы Милославскимъ и Грачевымъ и нѣкоторые раскрашены. См. «Книжныя рѣдкости» Геннади, № 183. У Якова Березина-Ширяева № 5 Чертковъ: 1875 года 209 стр. Хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 60 до 100 рублей.

323. Достопамятности Московскаго Кремля. Составлено Ал. Вельтманомъ, помощникомъ директора Оружейной палаты, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, одесскаго общества любителей исторіи и древностей и общества русской словесности. Печатано по высочайшему повелѣнію. Москва, въ типографіи Степанова, 1843 года.—Въ 8 д. л., IV+97 стр.

«Достопамятности Московскаго Кремля», содержащія въ себѣ историческія свѣдѣнія о началѣ Москвы. Около семисотъ лѣтъ Москва извѣстна, какъ удѣльное княженіе рода Георгія, сына Владиміра Мономаха. Слишкомъ пятьсотъ лѣтъ она уже столица русскаго государства и много сохранилось въ ней не простыхъ памятниковъ славы и прошедшей жизни народа, но завѣтной его святыни. Западъ Европы сохранилъ памятники своихъ побѣдителей, Востокъ Европы — Россія—памятники своихъ отцевъ, царей и святителей». Затѣмъ, слѣдуетъ обозрѣніе соборовъ, дворцовъ, теремовъ и другихъ достопамятныхъ зданій, находящихся въ Московскомъ Кремлѣ. Къ описанію приложено авторомъ 12 рисунковъ. 1) Чертежъ древняго Кремля съ XIV по XVIII столѣтіе, съ видами дворца царскаго при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Кремля при Петрѣ Великомъ. 2) Панорама Москвы при Петрѣ Великомъ съ оригинала, гравированнаго въ Голландіи, судя по фронтиспису — во время возшествія Петра I на престолъ. 3) Общій видъ соборовъ. 4) Видъ Кремля со старымъ дворцомъ. 5) Видъ Кремля съ новымъ императорскимъ дворцомъ. 6) Андреевская зала, тронная его величества. 7) Видъ Николаевскаго дворца и Чудовъ Монастырь. 8) Видъ Грановитой Палиты, Краснаго крыльца, Меньшей золотой Палаты и надъ нею храмъ Спаса, за золотой рѣшеткой. 9) Внутренній видъ Грановитой Палаты. 10) Фасадъ терема со стороны кухоннаго двора. 11) Престольный покой въ теремѣ. 12) Внутренній видъ храма Св. Лазаря.—См. описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ Як. Березинъ-Ширяевъ, стр. 138-я—Означенное изданіе въ настоящее время довольно рѣдкое; хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 8 до 12 рублей.

324. Достопамятности С.-Петербурга и его окрестностей. 5 томовъ. Санктпетербургъ. 1816—1817 года.—Въ 4 д. л., съ рисунками.

Достопамятности С.-Петербурга. Сочиненіе П. Свиньина, съ гравированнымъ на мѣди портретомъ Александра Перваго, планомъ Петербурга и 26 гравюрами видовъ С.-Петербурга. Полные экземпляры весьма рѣдко попадаются въ книжной торговлѣ и цѣнятся любителями отъ 25 до 35 рублей, смотря по степени сохранности.

Гербертъ Спенсеръ.

Знаменитый англійскій философъ и соціологъ—изложилъ свои философскія воззрѣнія въ цѣломъ рядѣ сочиненій, которыя переведены на всѣ европейскіе языки.

Съ фотографіи Везенберга.

325. Досуги. Журналъ (рукописный), издаваемый А... В.... С... 1845 г.

Этотъ оригинальный и чрезвычайно любопытный «журналъ» издавался неизвѣстно кѣмъ и безъ подписи сотрудниковъ.

Всего журнала вышло 8 №№, изъ коихъ № 1 вышелъ въ январѣ, а № 8—5-го августа 1845 года.

Для болѣе нагляднаго представленія объ этомъ интересномъ изданіи, считаю не лишнимъ привести здѣсь, изъ послѣдняго № 8, помѣщенныя въ немъ четыре небольшія стихотворенія, изъ которыхъ одно имѣетъ подпись автора.

Правописаніе и знаки препинанія сохранены полностію, согласно подлинника.

I.

Пѣсня сиротки.

Грустно мнѣ безродному
Въ бѣломъ свѣтѣ жить!
Страшно между горестей
Жизнь свою влачить.

Всѣмъ, всѣмъ людямъ счастіе
Улыбается;
Отъ меня же бѣднаго
Словно прячется...

Взглянешь-ли на деревцо,
Сердце обомретъ:
Какъ оно зеленое
Роскошно растетъ.

Встрѣтишь-ли нечаянно
Пташку межъ кустовъ..
Есть у нихъ, подумаешь,
Есть родимый кровъ.

Лугъ съ цвѣтами милыми
Кинется-ль въ глаза;
Въ сердцѣ грусть появится,
А въ глазахъ—слеза.

Что мнѣ дѣлать, бѣдному,
Какъ мнѣ въ свѣтѣ жить,
Гдѣ мнѣ безпріютному
Голову склонить.

Кто мнѣ будетъ матерью,
Кто—роднымъ отцомъ,
Кто меня порадуетъ
Ласковымъ словцомъ.

Кто вздохнетъ надъ холмикомъ,
Гдѣ я буду спать?
Нѣтъ, по мнѣ—сироточкѣ
Некому вздыхать!

Всѣ меня покинули
Съ смертію родныхъ.
Былъ утѣхой братецъ мнѣ,
Но и тотъ—утихъ.

Нѣтъ, ужъ видно счастіе
Я найду въ землѣ.
Тамъ спать въ тѣсномъ гробикѣ
Сладко будетъ мнѣ!!

Леденовъ.

II.

Отрады нѣтъ въ моихъ созданьяхъ:
Пишу, читаю цѣлый вѣкъ,
И наконецъ при всѣхъ познаньяхъ
Останусь тотъ же человѣкъ.

III.

Свѣтъ наполнился друзьями,
Ихъ вездѣ теперь найдешь!
Къ нимъ приди хоть ты съ мѣшками,
Безъ рубашки же уйдешь.

IV.

Что здоровъ ли? другъ сказалъ.
Карманъ боленъ... отвѣчалъ.
Ты меня спашешь отъ бѣдъ?
Спасъ бы, да лекарства нѣтъ.

326. 15,000,000,000 достоянія, теряемаго русскимъ дворянствомъ. Берлинъ. 1863 года. B. Behr's Buchhandlung (E. Bock).—Въ 12 д. л., 15 стран.

Предлагаемыя въ брошюрѣ соображенія, основанныя единственно на цифрахъ, доступны для умовъ всѣхъ степеней развитія.

Здѣсь приводится подсчетъ тѣхъ потерь для дворянства, которыя являются слѣдствіемъ положенія 19-го февраля 1861 года, и авторъ настоящей брошюры по поводу этого положенія говоритъ, что если оно осуществится во всѣхъ частяхъ его, то дворянство понесетъ слѣдующіе убытки, которые ниже и указываются.

327. Досуги Крымскаго судьи или второе путешествіе въ Тавриду Павла Сумарокова. По высочайшему повелѣнію въ Санктпетербургѣ печатано въ Императорской типографіи. 2 части. 1-я часть 1803 г.; 2-я—1805 г.—4 д. л., въ 1 части 226 стр., во 2 части—244 стр.

Съ 55 гравюрами и 3 картами. Книга интересная, въ особенности потому, что описывается Крымъ вскорѣ послѣ его присоединенія къ Россіи. Въ этомъ отношеніи, въ особенности интересны гравюры, на которыхъ изображены виды Крыма и сцены изъ народнаго быта. Гравюры работы Калашникова, Евсѣева, Пядишева, Казачинскаго и др.—Кромѣ гравюръ и картъ, которыя въ моемъ экземплярѣ составляютъ отдѣльный атласъ, книга украшена виньетками. Описаніе же перваго своего путешествія, Сумароковъ издалъ въ 1800 году.—Остроглазовъ «Русскій Архивъ» за 1891 годъ, № 9. — Книга цѣнится отъ 10 до 15 рублей.

328. Драгоцѣнная капля меду изъ камня Христа, или краткое слово увѣщанія ко всѣмъ святымъ и грѣшникамъ. Москва, въ университетской типографіи, 1784 года.—Въ 16 д. л., 84 стр.

Рѣдкость сей книги объясняется тѣмъ, что она была уничтожена. См. «Реэстръ книгамъ, въ силу высочайшаго, ея императорскаго величества, имяннаго указа, изъ разныхъ въ Москвѣ лавокъ, отобраннымъ и слѣдующимъ къ доставленію, святѣйшаго правительствующаго синода» въ контору; отобраны за № 61. Новиковъ и «Московскіе мартинисты». Изслѣдованіе М. Н. Лонгинова. Сія небольшая, но довольно рѣдкая книжка, содержитъ въ себѣ превосходную, созерцательную нравственность, какую въ немногихъ книгахъ найти можно. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 3296. Есть у Губерти, часть II, № 69. Книжка рѣдкая. Цѣнится до 2 рублей.

329. Драгунскіе полки. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры по 15 іюля 1897 года. Типо-хромо-литографія Сойкина. 1897 года.—Въ 8 д. л.

Это изданіе печатано по распоряженію командующаго Императорскою Главною квартирою,—не для продажи.

Изданіе роскошное.

Каждая страница окружена фигурною рамкою, отпечатанною золотомъ и серебромъ, и изображающею аттрибуты даннаго драгунскаго полка.

Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

П. Н. Араповъ.

Драматургъ, лѣтописецъ театра.

330. Драматическій альбомъ съ портретами русскихъ артистовъ и снимками съ рукописей. Изданіе П. Н. Арапова и Августа Раппольта. Москва, въ университетской типографіи И. В. Готье. 1850 года.—Въ 4 д. л., XCIV+267+V стр.

Это чрезвычайно рѣдкое изданіе съ 21 литографированнымъ портретомъ русскихъ артистовъ и артистокъ, со снимками съ рукописей кн. А. Шаховскаго, актеровъ—Яковлева и Мочалова, снимками съ отмѣтокъ Екатерины II, и трехъ печатныхъ афишъ 1786, 1788 и 1807 годовъ.

Въ началѣ книги помѣщенъ очеркъ постепеннаго хода и усовершенствованія русскаго театра.

Затѣмъ слѣдуетъ гравированный заглавный листъ со снимковъ отмѣтокъ Императрицы Екатерины II и подписей Н. Соймонова и А. Храповицкаго на всеподданнѣйшемъ докладѣ о постановкѣ пьесы «Начальное управленіе Олега».

Книга содержитъ въ себѣ слѣдующія весьма любопытныя статьи:

1. Очерки постепеннаго хода и усовершенствованія театра въ Россіи, П. Н. Арапова.

2. Снимки (Facsimile) съ отмѣтокъ Императрицы Екатерины II и куплеты (приложеніе).

3. Оригинальная комедія: «Вѣсти, или убитый живой», сочиненіе графа Ѳ. В. Растопчина.

4. Біографія артистки М. Д. Львовой-Синецкой.

5. Отрывки изъ ком. въ стихахъ «Ненавистникъ женщинъ» И. В. Сушкова.

6. Біографія автора—артиста Д. Т. Ленскаго.

7. Анекдотъ-водевиль— «Живописецъ Теньеръ» Н. В. Сушкова.

8. Біографія артиста П. М. Садовскаго.

9. Біографія артистки Н. В. Рыкаловой.

10. О драматическомъ искусствѣ въ Россіи и средствахъ къ образованію артистовъ, Раф. Мих. Зотова.

11. Біографія артиста И. Б. Самарина.

12. Комедія въ стихахъ: «Бальтійскій кавалеръ» М. А. Офросимова.

13. Біографія артистки Л. П. Косицкой.

14. Отрывокъ изъ драмы въ стихахъ: «Семейная тайна» графа А. П. Растопчина.

15. Біографія артистки П. И. Орловой.

16. Сцена изъ драматической фантазіи въ стихахъ: «Екатерина II», Влад. Раф. Зотова.

17. Біографія артистки Лавровой-Васильевой.

18. Біографія артистки танцовщицы Ирки Матіасъ.

19. Комедія съ куплетами: «Квартира въ Московской гостинницѣ», перед. П. Н. Араповымъ.

20. Списокъ артистовъ московскихъ драматической, оперной и балетной труппы.

Въ книгѣ помѣщены слѣдующіе портреты:

1) Ѳ. Г. Волкова. 2) Якова Шумскаго. 3) И. А. Дмитревскаго. 4) С. Н. Сандунова. 5) М. С. Щепкина. 6) М. Д. Львовой-Синецкой. 7) А. Т. Сабуровой. 8) В. И. Живокини. 9) Д. Т. Ленскаго. 10) П. И. Орловой. 11) П. М. Садовскаго. 12) И. В. Самарина. 13) Н. В. Рыкаловой. 14) Л. П. Косицкой. 15) К. Н. Лавровой-Васильевой. 16) Артистки-танцовщицы Ирки-Матіасъ. 17) А. П. Глушковскаго; двѣ группы возникающихъ талантовъ. 18 и 19) Бороздины: 1-я и 2-я. 20 и 21) Корифеи въ танцахъ: Г-жи Баркова и Панова, и затѣмъ снимки съ рукописей: князя А. А. Шаховскаго, актеровъ Яковлева и Молчанова и три печатныя афиши 1786, 1788 и 1807 годовъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры со всѣми рисунками очень рѣдки.

Купленъ мною экземпляръ за 18 рублей.

Книга эта въ настоящее время чрезвычайно рѣдка и для большинства любителей не всегда доступна. Между тѣмъ, она весьма любопытна въ отношеніи знакомства съ исторіей русскаго театра.

Въ виду этого считаю не лишнимъ привести здѣсь выписку помѣщеннаго въ началѣ книги: «Очерка постепеннаго хода и усовершенствованія русскаго театра», П. Н. Арапова, который дастъ наглядное понятіе о самомъ содержаніи названнаго труда.

Очеркъ
постепеннаго хода и усовершенствованія русскаго театра.

Волшебный край! тамъ, въ стары годы
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталъ фонъ-Визинъ другъ свободы
И переимчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ.
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой;
Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ
Младые дни мои неслись!

Пушкинъ.

Исторію нашего театра можно раздѣлить на три періода:

1. Отъ начала зрѣлищъ до времени Сумарокова.

2. Отъ Сумарокова до содержателя театра въ Москвѣ, Медокса, включительно.

3) Отъ поступленія Московскаго театра (1806 года) въ вѣдѣніе Императорской Театральной Дирекціи до настоящаго 1850 года.

Трудно опредѣлить съ точностію происхожденіе зрѣлищъ на Руси: отъ языческихъ ли обрядовъ, игрищъ, тризнъ и т. д., восприняли онѣ свое начало, или же, какъ думаетъ Елагинъ, сценическія у насъ представленія существовали со временъ Великаго Князя Владиміра.—Скажемъ съ большою достовѣрностію *), что начала ихъ надобно искать въ мистеріяхъ западныхъ, кои, какъ увидимъ далѣе, уже позднѣе перешли въ Россію съ измѣненіями соотвѣтственно вкусу и духу народному. Пи-

*) Словарь свѣтскихъ писателей Митрополита Евгенія, изданіе дополненное Снегиревымъ, 1838 г.

лигримы или поломники, на западѣ Европы, въ чужеземной одеждѣ, съ посохомъ страннническимъ въ рукахъ (palmer), обвѣшенные крестами и образками, возбуждали любопытство въ народѣ, который, слѣдуя за ними, внималъ имъ съ чувствами удивленія и нѣкоего подобострастія, когда на городскихъ площадяхъ, или на кладбищахъ, или въ притворахъ храма, они разсказывали ими видѣнное. Къ одному пилигриму присоединялся другой и третій — случалось, что они раздѣляли между собою разсказъ: тотъ декламировалъ, этотъ пѣлъ, такъ что изъ сего выходилъ родъ представленія, которое впослѣдствіи превратилось въ торжественное дѣйствіе и повторялось въ извѣстныя времена.

Уже въ 1437 году, русскіе духовные съ удивленіемъ смотрѣли во Флоренціи невиданное ими дотолѣ сценическое представленіе: Благовѣщеніе Богородицы *).

Мало по малу вкусъ къ такимъ представленіямъ распространился по Европѣ, гдѣ сценическія дѣйствія, мистеріи, священнаго содержанія драмы положили начало театру. На югѣ и западѣ Россіи подобныя зрѣлища появились между простымъ народомъ подъ названіемъ Польскихъ жартъ (т. е. шутки).

Начально въ Малороссіи и Литвѣ, а потомъ и въ другихъ странахъ Россійскаго Государства, на Святкахъ и на Масляницѣ, простой народъ любилъ наряжаться, надѣвать разныя личины, слагать оживленные разговоры и принимать видъ лицедѣевъ и шутовъ. Въ Великомъ Новгородѣ, который перенялъ подобныя увеселенія отъ чужихъ земель, во время союза его съ Ганзою, такое переодѣваніе издревле извѣстно было подъ именемъ окруты, а рядившихся называли окрутниками **).

Собственно мысль о драматическихъ зрѣлищахъ въ Россіи осуществилась около половины XVII вѣка. Въ Кіевѣ студенты Академіи распѣвали Польскіе канты, разъигрывали на площадяхъ прологи, ходили о Святкахъ по домамъ, съ такъ называемымъ вертепами (ящики, кукольные театры), и потѣшали любопытныхъ разными разсказами.

*) См. Древней Вивліоѳики Россіи, ч. XVII и VI.

**) Этотъ обычай сохраняется и донынѣ во время святокъ въ Новгородѣ: окрутники цѣлыми компаніями разъѣзжаютъ по улицамъ и желающіе ихъ принимать выставляютъ свѣчи на окна.

Долго не рѣшались великороссіяне заводить у себя подобныя зрѣлища, хотя смотрѣли ихъ охотно. Въ 1659 г. русскій посолъ, въ первый разъ увидѣвъ во Флоренціи театральное представленіе, описывалъ его слѣдующимъ образомъ: «объявились палаты и бывъ палата и въ мигъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; а аргамачки со каретами, какъ быть живы, ногами подрягиваютъ» *).

Первыя подражанія Кіевскимъ представленіямъ начались въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ полагаютъ, въ домѣ его тестя, боярина Ильи Даниловича Милославскаго **). Впослѣдствіи этотъ домъ былъ обращенъ въ потѣшный дворецъ (нынѣ домъ Коменданта въ Кремлѣ).

Такія представленія для потѣхи Царя были повторяемы на Масляницѣ, въ Заговѣнье и на Святой недѣлѣ и въ домѣ любимца Царскаго, боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, который устроилъ и у себя театральныя зрѣлища (въ Армянскомъ переулкѣ, между Покровской и Мясницкой улицами, въ приходѣ Николая Чудотворца, что въ Столпахъ) ***). Онъ испросилъ у Государя дозволеніе представить нѣсколько театральныхъ пьесъ пріѣхавшему въ Россію иностранному обществу актеровъ; въ числѣ ихъ была славившаяся въ Копенгагенѣ актриса Анна Паульсонъ. Съ этихъ поръ сдѣлалось извѣстнымъ названіе—комедія.

По описанію Рейтенфельса, въ 1672 году дано представленіе изъ исторіи Ассура и Есфири на Царскомъ театрѣ, гдѣ сдѣлана была ложа для Царицы Натальи Кириловны съ дѣтьми.

Послѣ кончины Марьи Ильиничны Милославской, первой супруги Царя, дворскія потѣхи были перенесены на время въ подмосковное село Преображенское. Въ разрядныхъ книгахъ 1676 года значится: «была комедія въ Преображенскомъ, тѣшили Великаго Государя иноземцы, какъ Алферна

*) Древн. Россійск. Вивліоѳики, часть IV, стр. 350, 2-е изд.

**) Исторіографъ Миллеръ выдавалъ Кремлевскій потѣшный дворецъ за первый придворный театръ, а словарь Россійской Академіи—за оперный домъ, учрежденный при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. По свидѣтельству Голикова и Туманскаго, здѣсь Царевна Софія Алексѣевна забавлялась драматическими представленіями („Русская Старина", Мартынова, текстъ соч. Снегирева, 1849 г., тетрадь 7).

***) Нынѣ на этомъ мѣстѣ Институтъ восточныхъ языковъ Лазаревыхъ.

Царица Царю голову отсѣкла (т. е. Юдифь Царю Алоферну) и на органахъ играли Нѣмцы, да люди дворовые Боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева. Того-жъ года, другая комедія тамъ-же, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, и въ органы играли, и на фіоляхъ и въ струменты и танцовали; въ третіе тамъ-же тѣшили Великаго Государя, на заговѣньѣ Нѣмцы и люди Артамона Сергѣевича, на органахъ и на фіоляхъ и на струментахъ и всякими потѣхами разными». Представлялись и аллегорическіе балеты; въ одномъ изъ нихъ появился Орфей, пропѣлъ похвальную пѣснь Царю и протанцовалъ между двумя двигавшимися пирамидами.

Первыя славянорусскія драмы показались въ Москвѣ при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, любившемъ особенно поэзію и музыку. Учитель Царя Ѳеодора Алексѣевича, Іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, написалъ двѣ драмы, одну о Блудномъ сынѣ, другую о Царѣ Новуходоносорѣ, о тѣлѣ златѣ и трехъ отроцѣхъ въ пещи. Онѣ были представлены въ новомъ потѣшномъ дворцѣ; позднѣе ихъ играли *) студенты въ Академіи Заиконоспасскаго монастыря.

Св. Дмитрій Ростовскій (Туптало) писалъ на славянскомъ церковномъ языкѣ. Его духовныя драмы: Успенская, Дмитріевская, Рождественская, Воскресенская, Эсфирь и Агасферъ, Грѣшникъ кающійся, отрывокъ въ остальныхъ сочиненіяхъ: «Суда изреченіе отъ невѣрныхъ Іудеевъ на Іисуса Назарея искупителя міра» **), написаны силлабическими стихами съ риѳмами; онѣ были представлены въ Кіевѣ, а двѣ изъ нихъ игрались впослѣдствіи и на придворныхъ театрахъ Императрицы Елисаветы. Нѣкоторыя изъ сихъ драмъ сохранились въ рукописяхъ въ Патріаршей библіотекѣ и частью въ Ростовѣ.

*) Напечатаны въ VIII части Древ. Россійск. Вивліоѳики, изд. 2-е Москва. 1789 года. Обряды пещнаго дѣйствія или представленіе трехъ отроковъ: Ананія, Азарія и Мисаила въ Вавилонской пещи. Этотъ обрядъ совершался въ Московскомъ Успенскомъ и Новгородскомъ Софійскомъ соборахъ. Уставъ сего дѣйствія сочиненъ въ началѣ VIII вѣка при Московскомъ Патріархѣ Филаретѣ. Въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ донынѣ сохраняется деревянная Халдейская пещь.—Слов. Русск. свѣт. писат. Снегирева.

**) Св. Дмитрій Митрополитъ Ростовскій, стр. 106, Москва, 1849 года. Въ типогр. В. Готье.

Ѳеофанъ Прокоповичъ сочинилъ траги-комедію на русскомъ языкѣ: Владиміръ всѣхъ Славяно-Россійскихъ странъ Князь и повелитель;— она была играна студентами Кіевской Академіи. Георгій Конисскій оставилъ нѣсколько духовныхъ драмъ въ рукописи *). Ѳеофилъ, Архимандритъ Батуринскаго монастыря, написалъ нѣсколько комедій стихами **). Въ вѣкъ Петра I драматическое искусство такъ цѣнилось, что даже въ Духовномъ Регламентѣ 1722 г. предписано семинаріямъ: «заставлять въ свободное время учениковъ разыгрывать нравственныя комедіи», и по этому поводу сочинены были Заиконоспасскими учителями многія духовныя драмы, также и въ Новгородской семинаріи, въ Ростовскомъ Архіерейскомъ домѣ и въ Троицко-Сергіевской семинаріи. Онѣ приготовлялись на всякіе торжественные случаи.

Царевна Софія Алексѣевна любила театръ; она устроила у себя сцену во дворцѣ. Н. М. Карамзинъ въ Пантеонѣ Россійскихъ авторовъ объясняетъ, что она сочинила одну драму и сама въ представленіи оной участвовала съ приближенными боярышнями и царедворцами. У нея-же въ 1690 году, когда завелись представленія въ теремахъ, была играна первая появившаяся въ то время свѣтская піеса: Врачъ противу воли (Мольера), переведенная съ французскаго; играли также пословицу въ лицахъ: Шемякинъ Судъ.

Петръ Великій, признавая театръ въ нравственномъ отношеніи необходимымъ ***), указомъ 1701 года, повелѣлъ послать въ Данцигъ венгерскаго комедіанта, Іоганна Сплавскаго, бывшаго тогда въ Москвѣ, для вызова иностранныхъ актеровъ, и въ слѣдующемъ году пріѣхала нѣмецкая труппа, которая состояла изъ 9 человѣкъ, подъ управленіемъ Іоганна Кунштa; ему были отданы въ обученіе 12 человѣкъ изъ дѣтей подьячихъ, купцовъ и мѣщанъ, и русскія представленія давались въ то время приказнослужителями.

*) Словарь Истор. о писателяхъ духовнаго чина Грекороссійской Церкви, СПБ. 1818 года.

**) См. ст. М. Н. Загоскина, о русскомъ театрѣ, въ Труд. Общ. любит. россійск. словесн. Часть 2. Москва 1822,

***) Государь Петръ видимо поощрялъ искусство драматическое. Во время пребыванія своего въ Парижѣ онъ часто бывалъ въ театрѣ и подарилъ шпагу знаменитому актеру Барону.

Кунштъ обучалъ актерскому искусству и Корабельнаго училища Сухаревскихъ учениковъ (дворянъ и дѣтей чиновниковъ), которые представляли свѣтскія комеди на Сухаревой башнѣ; не рѣдко бывалъ тамъ и самъ Царь зрителемъ дѣтскихъ опытовъ театральнаго искусства *).

Между тѣмъ повелѣно было построить въ Китаѣ городѣ, на Красной площади, комедіальную деревянную храмину, длиною въ 20, шириною въ 12, вышиною въ 6 саженъ; а во время постройки этой храмины, представленія продолжались въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ Лефорта (впослѣдствіи Лефортовской Дворецъ, гдѣ нынѣ помѣщается 1-й Московскій Кадетскій Корпусъ). Когда были представленія въ комедіальной храминѣ, на Красной площади, то въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ не запирали воротъ до 9-го часа вечера, и было обнародовано, что «съ проѣзжихъ всякаго чина и званія людей, съ Русскихъ и иноземцевъ, проѣзжая указная пошлина брата не будетъ, чтобы смотрящіе того дѣйствія ѣздили въ комедію охотно».

Потомъ построили нѣмцы у Красныхъ воротъ деревянную комедію; остатки ея послѣ пожара, по указу 1753 года, сломаны **). Театральныя зрѣлища давались обыкновенно два раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ и четвергамъ. Директоръ и главный актеръ Кунштъ тоже сочинялъ пьесы для представленія. Ему однажды было приказано послѣ побѣдъ русскихъ надъ шведами, сочинить комедію, въ которой бы подъ чужими именами, выведены были побѣжденные шведскіе генералы. Эта пьеса была играна во время торжественнаго шествія Петра въ Москву съ войсками.

Въ то время театръ посѣщало одно высшее сословіе; входъ былъ безденежный; мѣста занимали по чинамъ; женскія роли исполняли мужчины.

Впослѣдствіи Кунштa замѣнилъ комедіантъ Отто Фирштъ со своею труппою, которая представляла нѣмецкія комеди и оперы.

До 1079 года въ Москвѣ представляли только тринадцать свѣтскихъ, большею частью переводныхъ пьесъ съ нѣмецкаго, ибо послѣ Полтавской побѣды, Царь жилъ болѣе въ Петербургѣ. Нѣкоторыя изъ сихъ пьесъ написаны языкомъ, составленнымъ изъ разныхъ нарѣчій и преисполнены оборотовъ нѣмецкихъ, польскихъ, славянскихъ и простонародно-русскихъ. Вотъ описанія комедіямъ, какія хранились тогда въ Посольскомъ Приказѣ: 1) «О Франталпеѣ, королѣ Эпирскомъ, и о Мирандонѣ, сынѣ его, и о прочихъ». 2) «О честномъ измѣнникѣ, въ ней-же первая персона Арцухъ (Герцогъ) Фридерикъ фонъ Поплей». 3) «Донъ Педро, почитанной шляхта, и Амариллисъ, дочь его». 4) «Прельщенный, любящій». 5) «Тюремный заключникъ или Принцъ Пикель-Гярингъ» *). 6) «О крѣпости Грубетона, въ ней-же первая персона Александръ, Царь Македонскій». 7) «Сципій Африканскій, погубленіе Королевы Софонизбы». 8) «О Графинѣ Тріерской Геновевѣ». 9) «Два завоеванные города, въ ней-же первая персона Юлій Цесарь». 10) «Постоянный Попиньянусъ». 11) «Порода Геркулесова, въ ней-же первая персона Юпитеръ». 12) «О Баязетѣ и Тамерланѣ». 13) «Докторъ принужденный».

Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ сихъ драмъ заключались въ 8 и даже въ 12 дѣйствіяхъ и представляемы были въ продолженіе трехъ вечеровъ кряду и каждый разъ въ антрактахъ не только комическихъ, а даже и трагическихъ піесъ, выбѣгали на сцену шуты съ дурами и забавляли зрителей пляскою, подъ звуки рожка, съ припѣвами и площадными остротами, которыя иногда оканчивались дракою между актерами, къ большому удовольствію тогдашней публики.

Къ тому же времени должно отнести дошедшее до насъ въ печатномъ экземплярѣ **) драматическое представленіе, подъ слѣдующимъ названіемъ:

БОЖІЕ

Уничижителей гордыхъ, въ гордомъ Израиля уничижителѣ, чрезъ смиренна Давида, о уничиженномъ Голіаѳѣ.

---

*) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, Митрополита Евгенія и Русская старина Снегирева 1849 г., тетрадь 7-я. Старожилы также увѣряютъ, что во время Екатерины II, дѣти Московскихъ подьячихъ играли разныя комедіи на Сухаревой башнѣ въ рапирной залѣ.

**) Полное собраніе законовъ VII учр. 10, 167.

*) Pikelhäring—значитъ по голландски арлекинъ.

**) Эта драма напечатана на славянскомъ церковномъ языкѣ и весьма рѣдкій экземпляръ оной находится въ библіотекѣ Ѳ. В. Вулгарина въ имѣніи его Карловѣ, возлѣ Дерпта. Карловская библіотека весьма богата рѣдкими книгами на разныхъ языкахъ.

УНИЧИЖЕНІЕ

вкупѣ же и

ПРАВЕДНОЕ ЕГО

въ отцеругателѣ Авесаломѣ. Образъ всѣхъ ковниковъ и измѣнниковъ, Отцу своему, Благочестивѣйшему Монарху Россійскому, противниковъ, судьбами его Божіими

НАКАЗАНІЕ.

При труімфальномъ торжественномъ вшествіи въ царствующій великій градъ Москву Преславнаго торжественника и побѣдителя, свѣйскія прекрѣпкія силы разорителя, Богопротивныхъ измѣнниковъ потребителя, Россійскія своея державы обновителя, разширителя и защитника,

Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Августѣйшаго, Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя, Перваго тѣмъ именемъ и побѣдою

ПЕТРА АЛЕКСІЕВИЧА

Всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца.

ДѢЙСТВІЕМЪ

Его же Государевой Академіи, Ученіемъ Греческимъ, Славенскимъ и Латинскимъ благолѣпнѣ процвѣтающія.

ИЗОБРАЖЕННОЕ.

Въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ. Лѣта отъ воплощенія Господня 1710, мѣсяца февраля въ день.

Это представленіе состоитъ изъ двухъ частей: преди-дѣйствій пролога и эпилога. Въ немъ появляются между прочими лицами и «левъ храмый, и слава на орлѣ съ трубою, и лютая гидра и дѣвы съ тимпанами и гусли срѣтаютъ Давида, поютъ торжественныя пѣсни и танцуется офицерскій танецъ съ словесными похвалами оружія и воинства—интермедіумъ».

По перенесеніи столицы въ Петербургъ, перемѣщенъ былъ туда и театръ. Пріѣзжій нѣмецъ Маннъ, съ походными комедіантами, прежде чѣмъ началъ показывать свои фарсы, испросивъ у Государя позволеніе обмануть зрителей объявленіемъ, публиковалъ, что на Мойкѣ въ такомъ-то домѣ, въ виду всѣхъ, онъ влѣзетъ въ столовую бутылку. Народъ собрался, поднялась занавѣсъ— и увидѣли на столѣ пустую бутылку съ надписью: 1-е апрѣля *), «Это вольность комедіантовъ», сказалъ Петръ I, бывшій въ числѣ зрителей.

Ни Екатерина I, ни Петръ II, не обращали вниманія на театральныя зрѣлища; при послѣднемъ однако же было нѣсколько представленій въ деревянномъ театрѣ, устроенномъ у мытнаго двора, по соизволенію Царицы Натальи Алексѣевны. Первая пьеса, игранная на немъ, была трагедія въ нѣсколькихъ сценахъ, заимствованныхъ изъ мятежей, потушенныхъ Правительствомъ; актеровъ было 10, а музыкантовъ — 16 человѣкъ, и всѣ они были русскіе.

Со вступленіемъ на престолъ Императрицы Анны Іоанновны въ 1730 году увеличился вкусъ къ зрѣлищамъ въ Россіи; къ ея коронованію Польскій Король Фридрихъ Августъ прислалъ въ С.-Петербургъ изъ Дрездена лучшихъ актеровъ, которые играли при Дворѣ итальянскія интермедіи **). Въ 1735 году солдатскіе дѣти Артиллерійской школы завели свой театръ; они представляли на немъ о святкахъ разные фарсы. Въ томъ же году выписана была полная Итальянская опера, которая давала представленія подъ дирекціею капельмейстера Араія. Театры были устроены въ Лѣтнемъ саду и въ Зимнемъ дворцѣ, во флигелѣ; мѣста раздавались безденежно по чинамъ. Русскія-же духовныя и свѣтскія пьесы разыгрывались при Дворѣ знатными дамами и кавалерами (подъ названіемъ интермедій). Сочинена была сказка Яга-Баба въ лицахъ, въ которой главную роль игралъ Оберъ-Гофмаршалъ Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ, и представляли Фениксово ясное перышко.

Въ 1736 году, по указу Императрицы, игралась переведенная съ Итальянскаго языка драма съ музыкою въ 3 хъ дѣйствіяхъ: Сила любви и ненависти; но она не удалась, потому что еще не пришло время Русской драмы.

Въ 1737 году была поставлена на придворномъ театрѣ первая лирическая драма Abiasare; вскорѣ послѣ этого, капельмейстеръ Араія поставилъ и вторую: Semiramide ol finto Nino.

Императрица не столько обращала вниманія на Итальянскую оперу, сколько на театръ національный, на забавныя сцены и фарсы. Балеты, маскарады и музыка назывались потѣхами. При Импе-

*) Это дало мысль Хемницеру написать басню Хитрецъ.

**) Словарь древней и новой поэзіи, III, 273.

ратрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ была даже въ Петербургѣ потѣшная зала для шутовскихъ маскарадовъ *).

Съ 1738 до 1740 года играла въ С.-Петербургѣ труппа нѣмецкихъ актеровъ, выписанная изъ Лейпцига, а въ 1749 году прибыла туда французская труппа изъ Касселя, подъ дирекціею Сериньи, который за 25 т. руб. въ годъ обязался еженедѣльно представлять комедіи и трагедіи.

Первымъ уставщикомъ балетовъ въ Россіи былъ танцмейстеръ Ланде, обучавшій танцованію въ Кадетскомъ Корпусѣ, и первые балеты были даваемы тамъ кадетами.

Ландѐ принятъ въ службу въ 1738 году и обязался составить балетъ изъ русскихъ танцовщиковъ и танцовщицъ, для чего было избрано 24 человѣка обоего пола, изъ бѣдныхъ сиротъ; ихъ называли въ то время по именамъ; танцовщицы: Аксинья Сергѣева и Авдотья Тимофѣева; изъ русскихъ славился Тимошка (Бубликовъ); первые танцовщики были: Жозефъ и Томасъ, потомъ Тесси и Джузеппи, а танцовщицы: жена балетмейстера Фоссано, Джулія, и Антонина Константини; музыканты въ оркестрѣ: на скрипкѣ Монтонисъ и на віолончели Далоліо.

Настало время царствованія Елизаветы. Дворъ ея блисталъ великолѣпіемъ; Императрица сама занималась учрежденіемъ празднествъ и зрѣлищъ съ пѣніемъ, которое она особенно любила; въ ея коронацію была представлена въ Москвѣ, на новомъ театрѣ подлѣ Яузы, большая Метастазіева опера: «Титово милосердіе» (La clemenza di Tito) съ прологомъ: la Russia afflitta e riconsolata (Россія опечаленная и вновь утѣшанная) **). Послѣ этой оперы давали балетъ: «Радость народа о явленіи Астреи на Россійскомъ горизонтѣ и о возстановленіи златаго вѣка».

Капельмейстеръ Араія привезъ изъ Италіи кастрата Салети, живописца Валеріана, машиниста Жибелли и гобоиста Статеи. Русскія представленія въ это время давались также съ роскошью при Дворѣ. Директоръ комическихъ оперъ, Локателли, поставилъ имъ сочиненное драматическое дѣйствіе: «Убѣжище боговъ», въ 2-хъ частяхъ. Былъ данъ еще балетъ: «Золотое яблоко на пирѣ боговъ, или судъ Париса», и первыя актрисы въ операхъ отличались: Жоржъ, Моссанни и Горани. Актеры: Солетти, Жоржъ, Компосси и Марко Партурацкій—малороссіянинъ *).

На другой день празднованія восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны, итальянская труппа представила новую оперу: «Беллерофонтъ», соч. Бонеки**). Въ главной роли баснословнаго героя авторъ желалъ изобразить свойства Государыни; опера привела всѣхъ въ восхищеніе ***).

Въ театры въ Петербургѣ обращены были и манежи, одинъ Герцога Курляндскаго, а другой деревянный у Казанской церкви.—Былъ также деревянный театръ у лѣтняго дворца огромный, и въ Петергофѣ придворный. Иностранные театры тогда, можно сказать, процвѣтали въ Россіи: Итальянская опера подъ управленіемъ капельмейстера Араія, нѣмецкая труппа подъ руководствомъ извѣстныхъ актеровъ Гильфердинга и Школярія, французская труппа подъ дирекціей Сериньи.

По случаю брачнаго торжества Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Петра Ѳеодоровича и Государыни Екатерины Алексѣевны, по Высочайшему повелѣнію Императрицы Елисаветы Петровны, была сочинена докторомъ Бонеки на итальянскомъ языкѣ опера «Сципіонъ», и съ большимъ великолѣпіемъ играна на новомъ придворномъ театрѣ въ 1745 году, музыка соч. Араія; балеты для нея сочинялъ Фоссано; украшенія и машины устроивали Валеріани и Бона. Въ программѣ этой оперы, переведенной на русскій языкъ, сказано, что она въ 3-хъ дѣйствіяхъ, третьею частью короче той, которая была представлена въ предшествовавшемъ году; послѣ всякаго дѣйствія слѣдуетъ новый балетъ. Психею представляла жена балетмейстера Фоссано, Венеру—дѣвица Аксинья Баскакова, купидона—Томасъ ле Брюнъ. Остальные дѣйствующія лица были три Граціи, Гименей, Аполлонъ и Панъ. При праздновании новаго 1748., въ оперномъ домѣ давали итальянцы комедію «Новый свѣтъ».

---

*) Русская старина Мартынова, текстъ Снегирева, годъ 1849, тетрадь 7-я.

**) Штелина, краткое извѣстіе о театрахъ въ Россіи, въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ 1799 г. августъ.

*) Отечественныя Записки Свиньина, 1822 г. № 32, гдѣ помѣщены отмѣтки Пав. Ив. Сумарокова, племянника Александра Петровича, заимствованныя изъ рукописей послѣдняго.

**) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1750 года.

***) Опера, „Белорофонтъ“, напечатанная на русскомъ языкѣ, Спб. 1757 года, находится въ Румянцевскомъ музеѣ.

Объ отечественныхъ зрѣлищахъ помышляли мало и только изрѣдка повторялись нѣкоторыя русскія пьесы, сложенныя безъ правилъ и безъ искусства. Замѣчательными изъ нихъ были все-таки: «Яга-Баба» и «Польскія Жарты».

Въ 1751 году, 25-го апрѣля, поставлена была, въ день воспоминанія коронаціи, при Дворѣ опера: «Евдоксія вѣнчанная, или Ѳеодосій второй», соч. піиты Флорентинца Бонекія, переведенная Адамомъ Васильевичемъ Олсуфьевымъ; сценическія украшенія, машины и проч. въ ней устраивалъ живописецъ Валеріани; балеты балетмейстеръ Фоссано, потомъ была играна опера, тоже великолѣпной постановки «Селевкъ».

Давалъ въ это же время представленія въ Петербургѣ славный Аккерманъ съ своею труппою, въ Большой Морской, гдѣ для комическихъ пьесъ существовалъ Нѣмецкій комедіальный домъ *).

Но мало-по-малу языкъ нѣмецкій сошелъ со сцены и мѣсто его заступилъ французскій, котораго литература, въ то время уже обогащенная твореніями многихъ писателей, представила прекрасные образцы для подражанія. Геній Ломоносова, въ торжественныхъ одахъ и похвальныхъ рѣчахъ, славилъ царствованіе Елисаветы, и его же первыя трагедіи появились, написанныя правильными ямбическими шестистопными стихами на русскомъ языкѣ; но по недостатку въ нихъ дѣйствія, на театрѣ онѣ не были играны; между тѣмъ въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ первый кадетскій корпусъ) созрѣвалъ уже творецъ русской Мельпомены: кадетъ Александръ Петровичъ Сумароковъ, любившій страстно иностранную литературу, восхищенный Расиномъ, Вольтеромъ, Корнелемъ, обнаружилъ въ раннихъ лѣтахъ умъ, остроту и пылкое воображеніе. Въ 1740 году Сумароковъ былъ выпущенъ въ офицеры того корпуса и сдѣлался любимцемъ товарищей.

Здѣсь начинается новый, болѣе, можно сказать, радостный періодъ русскаго театра, перехожденіе его отъ печальной посредственности къ нѣкоторому усовершенствованію. Въ 1748 году Сумароковъ сочинилъ первую трагедію правильными александрійскими стихами — «Хоревъ». Сначала она была напечатана, переходила въ чтеніи изъ рукъ въ руки и въ 1750 году разъиграна воспитанниками Кадетскаго корпуса такъ хорошо, что самъ авторъ, приглашенный на представленіе, приведенъ былъ въ восхищеніе; о таковомъ необыкновенномъ успѣхѣ доложили Императрицѣ, и она велѣла кадетамъ представить «Хорева» во дворцѣ. 8-го января 1750 года происходило это торжество Сумарокова: изъ царской кладовой были выданы одежды и украшенія; Императрица сама наряжала Оснельду, которую представлялъ кадетъ Свистуновъ. Меллисино игралъ Кія, а Бектовъ Хорева; самъ Сумароковъ, будучи еще кадетомъ, графъ Бутурлинъ и князь Мещерскій тоже отличались игрою на сценѣ.

Можно себѣ представить, какой восторгъ произвела первая русская трагедія, оживленная и складомъ и чувствомъ; авторъ былъ осыпанъ всеобщими похвалами, введенъ въ ложу Императрицы и удостоился ея благоволенія.

Долго не было другого разговора въ Петербургѣ, какъ о «Хоревѣ», и даже затверживали наизусть монологи изъ этой трагедіи; ободренный такимъ успѣхомъ, Сумароковъ вслѣдъ за этимъ сочинилъ «Синава» и «Трувора», играннаго въ томъ же году 29-го іюля въ Петергофѣ *), и «Артистону», появившуюся въ октябрѣ мѣсяцѣ; 1751 года сочинена была «Семира»; она увѣнчала новою славою автора; онъ перевелъ «Гамлета», который былъ представленъ въ 1750 году, потомъ появились «Ярополкъ» «Демиза» и «Дмитрій Самозванецъ» въ 1771 г. и т. д. Впослѣдствіи этотъ дѣятель драматургіи сочинилъ 12 комедій и всѣ онѣ были играны. Первая лирическая опера на русскомъ языкѣ была его же, Сумарокова: «Цефалъ и Прокрисъ» (1755 года); для нея капельмейстеръ Араія сочинилъ музыку, ее исполняли русскіе пѣвцы; опера имѣла блестящій успѣхъ; Императрица пожаловала за нее композитору 500 р. и соболью шубу. Въ этой оперѣ первыя роли занимали: пѣвица, дочь лютниста Елисавета Бѣлоградская, и пѣвчіе графа Разумовскаго; въ числѣ ихъ: Гаврила Марценковичъ (отличный пѣвецъ,

*) Словарь древней и новой поэзіи, III, 275.

*) Лагарпъ въ своемъ отзывѣ объ этой трагедіи замѣчаетъ, между прочимъ, что она есть явленіе новое, не только на Россійскомъ театрѣ, но и въ общемъ мірѣ драматическомъ. Она дышетъ простотою древнихъ греческихъ трагедій... Пользуясь красотами иностранныхъ писателей, русскій поэтъ пожалъ новыя пальмы. См. журналъ „Mercure de France“ 1755. Основаніе русскаго театра г. Коробанова.

коего знали подъ именемъ Гаврилушки), Николай Клутаревъ, Степанъ Рожевскій и Степанъ Евстафьевъ. Въ то время не было ни соперниковъ, ни соревнователей въ драматической словесности у Сумарокова, кромѣ трудолюбиваго ученика Роллена, Тредьяковскаго, написавшаго въ 1750 году трагедію «Дейдамія», наипродолжительнѣйшую изъ всѣхъ русскихъ пьесъ; въ ней заключалось 2313 стиховъ двоестрочныхъ (гекзаметровъ); эта трагедія была одинъ разъ съиграна, но на сценѣ не имѣла никакого успѣха *).

Первоначальнымъ разсадникомъ двигателей драматическаго искусства въ Россіи можно почесть Сухопутный кадетскій корпусъ; кромѣ Сумарокова, который тамъ получилъ свое образованіе, изъ него вышли многіе драматическіе русскіе писатели, пріобрѣтшіе славу и извѣстность впослѣдствіи **).

Около этого времени въ Заиконоспасской Академіи въ Москвѣ, гдѣ образовался рыбачій сынъ Ломоносовъ, учился купеческій сынъ Волковъ (Ѳедоръ Григорьевичъ) ***), пасынокъ богатаго Костромскаго купца, кожевеннаго фабриканта Полушкина, имѣвшій отъ природы свѣтлый умъ и дарованіе необыкновенное и опередившій въ наукахъ всѣхъ своихъ товарищей; онъ отличался своею игрою въ ихъ сценическихъ представленіяхъ нѣкоторыхъ духовныхъ драмъ и Мольеровыхъ комедій, которыя Заиконоспасскіе студенты представляли на полуславянскомъ языкѣ. Сверхъ большихъ свѣдѣній въ изящныхъ наукахъ и словесности, Волковъ успѣлъ въ музыкѣ, въ хоральномъ пѣніи и живописи, особенно ландшафтной. Рѣзьба также была любимымъ его занятіемъ. До сихъ поръ остались въ Ярославлѣ, въ приходской церкви Николы Надѣина, рѣзныя царскія врата и на нихъ Тайная Вечеря работы Волкова; тамъ же въ холодной церкви устроенъ иконостасъ по его рисунку и много сохранилось въ Ярославлѣ картинъ, рисованныхъ Волковымъ. Кромѣ рѣзьбы, онъ еще упражнялся и въ лѣпной работѣ. По окончаніи ученія, въ 1746 году, фабрикантъ Полушкинъ отправилъ своего пасынка съ кожевеннымъ товаромъ въ Петербургъ; хозяинъ, къ коему Волковъ былъ посланъ, чрезвычайно полюбилъ его и взялъ его съ собою однажды въ придворный театръ. Здѣсь юношѣ Волкову первый разъ представилась Итальянская опера во всемъ ея блескѣ; онъ почувствовалъ въ себѣ неодолимую страсть къ зрѣлищамъ, а когда нашелъ средство пробраться за кулисы, въ кадетскомъ театрѣ, и увидѣлъ кадета Бекетова въ роли Синава, то пришелъ въ такое восхищеніе, что не зналъ, гдѣ онъ былъ, на землѣ или на небесахъ? *) Потомъ сошелся коротко въ знакомствѣ съ содержателями иностранныхъ театровъ, въ особенности нѣмецкаго; ибо зналъ хорошо и любилъ по преимуществу этотъ языкъ; сталъ обучаться итальянскому языку, вникнулъ въ устройство театра, снялъ и начертилъ себѣ размѣры сцены и декорацій. Такимъ образомъ, постигнувъ хорошо сценическій механизмъ, Волковъ возвратился въ Ярославль и принялся обучать драматическому искусству, музыкѣ и живописи своихъ меньшихъ братьевъ Григорія и Гаврила, также и сосѣднихъ дѣтей: Василья и Михаила Поповыхъ, Чулкова, Ванюшу Нарыкина (Ивана Аѳанасьевича, впослѣдствіи Дмитревскаго) **), родственника его Соколова и еще нѣсколькихъ посадскихъ мальчиковъ, которые, по ограниченности дарованія, не сдѣлались извѣстными.

Волковъ любимъ былъ Полушкинымъ, какъ родной сынъ, и всѣмъ семействомъ; однажды онъ разсудилъ потѣшить своего отчима въ день его имянинъ. Въ большомъ кожевенномъ его сараѣ устроилъ театръ, сцену съ кулисами, прибралъ ее какъ слѣдуетъ, зажегъ плошки, досталъ двухъ немудрыхъ скрипачей и гусли, и съ юными своими товарищами представили драму «Эсѳирь» (вѣроятно переводъ той нѣмецкой пьесы, о коей сказано въ разрядныхъ книгахъ 1766 года) и пастораль: «Евмондъ и Берѳа». Въ первой Артаксеркса представлялъ Ѳед. Волковъ, Амана Вас. Поповъ, Мардохея Григорій Волковъ, Эсѳирь Ив. Нарыкинъ; онъ-же игралъ роль Берѳы во второй пьесѣ, а меньшой Поповъ—Евмона.

*) Стихи ея обращены при Императрицѣ Екатеринѣ въ наказаніе. См. Русская Талія, 1825 года.

**) Херасковъ, Озеровъ, Крюковской, Ефимьевъ, Сер. Глинка воспитывались въ Сухопутномъ корпусѣ; Княжнинъ былъ тамъ учителемъ.

***) Родился въ Костромѣ 9-го февраля 1729 года.

*) Это онъ самъ разсказывалъ И. А. Дмитревскому (см. Энциклопедическій лексиконъ т. XI).

**) Сынъ протоіерея Дьяконова, родился въ Ярославлѣ 1734 года февраля 28.

Музыка была аранжирована и припаровлена къ стихамъ самимъ Ѳ. Г. Волковымъ *); мать Волкова и старикъ Полушкинъ пришли въ восхищеніе отъ этого, никогда невиданнаго, зрѣлища. Особливо отъ облаковъ, которыя ходили вверхъ и внизъ, какъ настоящія. Ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ и помѣщикъ Майковъ (отецъ стихотворца В. И. Майкова) такъ были очарованы этимъ представленіемъ, что сами употребили значительныя суммы и уговорили Ярославскихъ дворянъ и купечество, для чести ихъ города, способствовать къ построенію и обзаведенію деревяннаго театра. Волковъ былъ основателемъ, архитекторомъ, декораторомъ, машинистомъ, капельмейстеромъ, авторомъ, переводчикомъ и директоромъ этого театра.

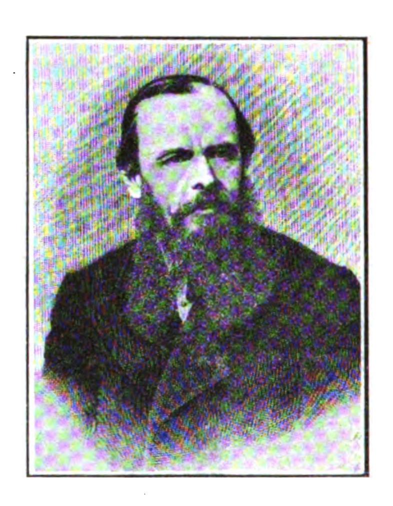
Небольшой Ярославскій театръ, праотецъ нынѣшнихъ колоссальныхъ русскихъ театровъ, скоро выстроился на берегу Волги и торжественно открытъ представленіемъ оперы: «Титово милосердіе», которую Волковъ перевелъ съ итальянскаго. Оркестръ былъ собранъ изъ домашнихъ помѣщичьихъ музыкантовъ, а хоръ пѣтъ архіерейскими пѣвчими.

Возбудивъ, такимъ образомъ, любовь къ драматическому искусству, Волковъ думалъ и о нѣкоторомъ обезпеченіи театра, и бралъ съ зрителей за мѣста: на переднихъ скамейкахъ по пятаку, на среднихъ по алтыну, а на заднихъ по одной копѣйкѣ.

*) См. репертуаръ русскаго театра. 1840 г., томъ 1-й, лѣтопись кн. Шаховскаго.

Драматургъ нашъ князь Шаховской сочинилъ впослѣдствіи прекрасную комедію-водевиль, въ коей олицетворилъ творца русскаго театра Волкова съ товарищами, разыгрывающаго означенныя пьесы въ кожевенномъ сараѣ, и вотъ одинъ изъ монологовъ, который говоритъ Волковъ предъ тѣмъ, какъ ему явиться на сцену. Нашего времени даровитый артистъ Мочаловъ передавалъ его съ большимъ одушевленіемъ.

Скажи мнѣ, сердце, отъ чего
Въ тебѣ столь сильное біенье?
Отъ страха-ль только одного,
Иль болѣе отъ восхищенья?
Жизнь новую мнѣ дастъ успѣхъ,
Убьетъ партера судъ ужасный.
Ахъ! мнѣ извѣстно, какъ для всѣхъ
Смѣшенъ актеръ несчастный.
Нѣтъ жалости къ нему ни въ комъ,
Не легче-ль быть дурнымъ поэтомъ?
И не успѣвъ ни въ томъ, ни всемъ,
Придется мнѣ проститься съ свѣтомъ.
За то какая-жъ слава ждетъ
Актера и творца большого:
Одинъ въ сей жизни лавры жнетъ,
Безсмертье ждетъ другого!
Но полной благостью небесъ
Они не насладятся оба:
Актеръ, какъ умеръ, такъ исчезъ,
Поэтъ не оцѣненъ до гроба.
Ахъ! часто зависти навѣтъ
Грызетъ обоихъ клеветою,
Но все актеръ или поэтъ
Великъ самимъ собою.

Достоевскій, Ѳедоръ Михаиловичъ.

Знаменитый романистъ, род. 30 октября 1821 г., ум. 28 января 1881 г.

Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ А. Баумана «Наши дѣятели».

331. Драматическій букетъ. Imp. Lemercier. Paris. 1859 года.—Въ листъ.

Въ этомъ рѣдкомъ изданіи помѣщено 13 портретовъ актрисъ того времени, великолѣпно изданныхъ въ литографіи Лемерсіе, въ Парижѣ, расположенные въ слѣдующемъ порядкѣ: I. II. И. Орлова, II. В. Владимірова, III. Ф. А. Снѣткова, IV. А. А. Латышева, V. Е. І. Фридбергъ, VI. Н. К. Богданова, VII. Д. М. Леонова, VIII. А. И. Шубертъ, IX. А. Д. Кошева, X. В. В. Стрѣльская, XI. Н Р. Надеждина, XII. В. А. Лядова и XIII. М. Н. Муравьева.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія въ настоящее время довольно рѣдки.

332. Драматическій словарь или показаніе по алфавиту всѣхъ россійскихъ театральныхъ сочиненій и переводовъ,

съ означеніемъ именъ извѣстныхъ сочинителей, перводчиковъ и слагателей музыки, которыя когда были представлены на театрахъ, и гдѣ и въ которое время напечатаны, въ пользу любящихъ театральныя представленія. — Собраны въ Москвѣ, въ типографіи А. А. 1787 года. — Въ 16 д. л., 166 стр

На оборотѣ заглавнаго листа сказано: — «печатано съ указаннаго дозволенія». Затѣмъ слѣдуетъ предувѣдомленіе, въ которомъ авторъ книги говоритъ:—«Извѣстно всему просвѣщенному свѣту, сколь полезны и притомъ забавны театральныя сочиненія, не только идущія къ благонравному воспитанію дѣтей, да и человѣку совершеннаго возраста пріятныя нравоученія безъ отягощенія памяти въ свободное время принесть съ пользою удовольствіе и пріятную забаву, и паче младенцамъ при воспитаніи вкореняютъ въ нихъ благонравіе, показывая имъ въ лицахъ тяжесть пороковъ, искушенія въ слабостяхъ, или пристрастія, легковѣрія, наглость, подозрительную застѣнчивость, непослушаніе и многіе другіе человѣческіе недостатки.

Сіе есть зеркало, въ которое каждой самъ себя ясно видѣть можетъ. Кто бъ могъ подумавши удостовѣриться, чтобъ онъ не былъ въ какомъ нибудь лицѣ представленъ на театрѣ когда ни есть. Ясно увидишь свое образованіе, свой недостатокъ, какъ напримѣръ, скупаго въ чрезмѣрности, расточителя безъ поправленія, жестокаго до ужаса, лицемѣра, ревниваго; недовѣрчивость до безумія, робкаго въ наглости, прихотника до разслабленія, влюбленнаго до дурачества и протчіе пороки, не столь уважаемые, навсегда представляются на театрахъ для нравоученія и поправки нашей.

Благородное россійское дворянство, вошедши во вкусъ благонравнымъ воспитаніемъ, пользуясь просвѣщеніемъ нынѣшняго времени, премудрой обладательницы нашей, къ добру на разумѣ законовъ всѣхъ ведущей, приохотившись къ наукамъ, ищущіе полезнаго съ пріятнымъ, находятъ свою забаву вмѣсто отдохновенія въ чтеніи книгъ, музыкѣ, въ зрѣніи театра и въ протчихъ безбуйственныхъ удовольствіяхъ.

Кто же похвалитъ веселія прежнихъ вѣковъ! Они дирались со звѣрьми, боролись сами между собой до убивства, почитая то геройствомъ: кулачные бои бывали лучшимъ позорищемъ: выживали дѣтей своихъ онымъ забавляться; и какъ ручаться, чтобъ въ ребячемъ возрастѣ человѣкъ не пріучилъ сердце свое къ ожесточенію; даже благородныя женщины въ недавнемъ времени были зрительницами сихъ позорищей.

Къ счастію нашему время оное перемѣнилось. Просвѣщеніе торжествуетъ, благонравіе и нѣжность въ обхожденіи, жестокость исчезаетъ, буйственныя оставлены вездѣ, даже въ отдаленныхъ россійскихъ провинціяхъ невѣжества не видно.

Каждый знаетъ, что въ десятилѣтнее время и меньше, начальники, управляющіе отдаленными городами отъ сто лицъ Россіи, придумали съ корпусомъ тамошняго дворянства заводить благородныя и полезныя забавы; вездѣ слышимъ театры построенные и строющіеся, на которыхъ заведены довольно изрядные актеры, во многихъ благородныхъ людей стараются къ забавѣ своей и общей пользѣ писать и переводить драматическія сочиненія, и примѣтно, что дѣти благородныхъ людей, и даже разночинцовъ восхищаются болѣе зрѣніемъ театральнаго представленія, нежели голубей, конскими ржаніями или травлею зайцевъ, и входятъ въ разсужденія о піесахъ, чему я самъ бывалъ въ провинціяхъ свидѣтель.

Будучи я въ отдаленномъ отъ Москвы городѣ, гостилъ у ближняго моего родни, которой имѣетъ большую семью и къ счастію его умныхъ и хорошихъ дѣтей, коимъ также старается дать доброе воспитаніе. Маленькія дѣти рѣзвясь подлѣ меня завсегда, чѣмъ изъявляли мнѣ свое усердіе и привязанность, разсуждая со мною, спрашивали меня очень часто, какія забавы въ Петербургѣ и Москвѣ, часты-ли театральныя представленія, какія играютъ больше піесы. Но я не знавши всѣхъ наизусть, удовлетворялъ ихъ любопытству наименованіемъ только нѣкоторыхъ. Они будучи симъ не довольны, желали знать, кто которую сочинялъ, какая матерія, чья музыка, когда представлена, удачно ли принята публикой, и говоря, между протчимъ, жаловались, для чего на французскомъ языкѣ есть Anecdot Drammatic, а на россійскомъ нѣтъ. Сіе самое и подало мнѣ мысль начать собирать россійскія оригинальныя и переводныя съ разныхъ языковъ драматическія сочиненія и дѣлать имъ короткое по алфавиту описаніе, что меня завело къ труду, и я упреждая читателя

прошу отъ его благосклонности не осуждать меня, такъ, какъ писателя, пикирующагося онымъ быть: потому что я писателемъ быть не умѣю, а работа моя идетъ для всѣхъ любопытныхъ дѣтей, желая чтобъ мой драматическій словарь былъ для нихъ памятникомъ. Вотъ въ чемъ состоитъ мое безкорыстное удовольствіе, и я обѣщаю продолжать его. Выпуская первый томъ, начинаю собирать другой; и какъ есть нынѣ много трудящихся сочинять и переводить разныя піесы, то въ томъ я и не замѣшкаюсь. Собравъ же сей словарь для читателя, не боялся я оной напечатать, почитая услугою публикѣ, и не робѣлъ осужденія, какъ напримѣръ читалъ я въ предисловіи отъ переводчика вновь переведенной комедіи, называемой «Фигарова женитьба». Господинъ переводчикъ объясняется въ своемъ предисловіи, выводя, что переводъ его послѣ того, какъ былъ представленъ на московскомъ публичномъ театрѣ, многими былъ критикованъ, даже и оригиналъ: будто бы говорятъ, для чего продолжительна піеса и много наглости въ роляхъ. Я думаю, подозрѣніе г. переводчика есть напрасно. Нельзя, чтобъ публика ей была не довольна: всякой разъ, какъ представляли, театръ былъ наполненъ, безпрестанно партеръ апплодировалъ; ктому жъ господинъ Бомарше заслужилъ въ цѣломъ просвѣщенномъ свѣтѣ похвалу и имя писателя замысловатаго, остраго и важнаго, какое сомнѣніе: нечего было останавливаться печатать. Много ревности г. переводчика. Онъ пишетъ, что самъ слышалъ притчину. Отъ кого же? Мимоходящій ему сказывалъ, что дурно расположенъ театръ и г. переводчикъ его спрашивалъ: читалъ ли онъ комедію, видѣлъ ли съ примѣчаніемъ въ представленіи. Нѣтъ, знакомой г. переводчика отвѣчалъ, а слышалъ, что разсуждалъ съ нимъ на Тверской въ трактирѣ одинъ гвардіи офицеръ. Странное воображеніе! какое подозрѣніе! вѣроятно многіе гвардіи офицеры не имѣютъ въ Москвѣ времени быть въ вольныхъ домахъ, здѣсь оное не въ обычаѣ: воспрещаетъ имъ благовоспитаніе; напротивъ того имѣютъ въ городѣ много своей родни, знакомыхъ и частныя публики: слѣдовательно не скучно имъ и безъ трактировъ, да притомъ и некогда. Чему-жъ вѣрилъ г. переводчикъ! Сходнѣе бы было, фантазія его знакомца пересказать, что слышалъ отъ кого ни есть стараго приказа подьячаго, то уже бы вздоръ былъ складнѣе. Г. Сумароковъ, извѣстной нашъ россійской писатель, ревновалъ только приказныхъ людей, а не сомнѣвался въ благовоспитанныхъ молодыхъ дворянахъ. А паче въ нынѣшнее время вкусы еще болѣе исправились: дѣти благородныхъ людей разсуждать умѣютъ. Я почитаю за пристойное припомнить, что воспитаніе много обязано покойному г. Сумарокову. Онъ много успѣлъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ въ разсужденіи умягченія нравовъ, и вкусъ къ театру, конечно, отъ его пера исправленъ. До него представленія почитали одними только театральными игрищами, а онъ показалъ нѣжность съ трагедіей, далъ почувствовать посмѣяніе страстей въ комедіяхъ г. Моліера и протчихъ, подражая онымъ. Басни его поставить можно нравоучительной азбукой, служащей для каждаго, паче всего заслуживаетъ безсмертіе омерзеніе къ ябедѣ, къ чему конечно ліющійся складъ стиховъ его притчина. Не щеголяетъ никто нынѣ, какъ прежде, десятилѣтней тяжбой, которую помощію стряпчаго могъ продолжать, а до его ополченія на подьячихъ, ставили въ старину дворяне читію, будучи добрые люди, что проворствомъ повѣреннаго тянетъ виноватое дѣло четверть вѣка, хвалясь притомъ ему секретари въ судахъ знакомы. Невѣжество конечно оное было, чему бы остались нѣкоторые слѣды, когда бы благополучное нашего времени правленіе не просвѣтило насъ лучемъ истины и не вселило духъ въ насъ благородной и правдолюбивой. Вотъ истинное счастіе нашего вѣка, дѣти воспитываются съ омерзеніемъ ябеды, имъ твердятъ наставники: не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь. Повинуйся законамъ и не вымышляй противу ихъ пустыхъ оправданій. Буйныя забавы изъ обычая вышли, а когда досугъ и не учимся, веселись благопристойно. Ѣзди въ театръ и танцуй въ маскерадѣ».

Драматическій словарь имѣетъ важное значеніе для исторіи русской драматической литературы. Составитель его неизвѣстенъ.

Въ словарѣ находятся указанія на 339 пьесъ и свѣдѣнія о томъ, какая изъ нихъ и какой имѣла сценическій успѣхъ и кто изъ актеровъ особенно отличался. Въ 1880 году означенный драматическій словарь изданъ г. Суворинымъ вторично.

См. у Сопикова, въ «Опытѣ россійской библіографіи» за № 10399.—Геннади—№ 61.—Губерти—№ 116.—Чертковъ—1838 г. стр. 392.

Куплень мною экземпляръ за 15 рублей (въ хорошемъ видѣ).

333. Древнія иконы изъ собранія А. М. Постникова. Издано при спб. археологическомъ институтѣ. 1899 года. — Въ листъ, XCVIII листовъ.

Въ началѣ книги слѣдуетъ посвященіе профессору Альфреду Александровичу Парланду, въ знакъ искреннихъ и глубокихъ чувствъ уваженія и почтенія этотъ трудъ посвящаютъ составители М. И. и В. И. Успенскіе.

Это роскошное и въ высшей степени любопытное изданіе отпечатано въ количествѣ только пятидесяти экземпляровъ, по цѣнѣ 35 рублей за каждый.

334. Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ и вторично изданныя съ прибавленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва. Москва, въ типографіи Семена Селивановскаго. 1818 года.— Въ 4 д. л., XXXIX+123 стр.

Древнія или лучше сказать старинныя россійскія стихотворенія, вторично теперь изданныя, принадлежатъ къ числу любопытныхъ произведеній нашей словесности. Присоединивъ еще къ нимъ, еще ни гдѣ не напечатанныхъ 35 стихотвореній съ приложеніемъ нотъ и вѣрность изданія даютъ имъ совершенное превосходство надъ первымъ изданіемъ. За открытіе и сохраненіе этихъ старыхъ памятниковъ русской словесности, мы обязаны покойному г. дѣйствительному статскому совѣтнику Прокофію Акинфіевичу Демидову, для коего они, предъ симъ лѣтъ за 70, были списаны. По смерти его рукопись сія перешла къ Н. М. Хозикову, а имъ уже подарена была въ 1802 году его превосходительству Ѳедору Петровичу Ключареву. По разсмотрѣніи оригинала онъ нашелъ ихъ довольно любопытными для просвѣщенной публики и поручилъ издать служившему подъ его начальствомъ воспитаннику московскаго университета (нынѣ калужскому губернскому почтмейстеру) А. Ѳ. Якубовичу. Г. Якубовичъ выбралъ лучшія по его мнѣнію изъ сихъ стихотвореній, напечаталъ сей памятникъ поэзіи протекшихъ вѣковъ, въ Москвѣ, въ типографіи Семена Селивановскаго, 1804 года, въ 8 д. л., 324 стр. подъ названіемъ «Древнія русскія стихотворенія». По напечатаніи рукопись осталась собственностію издателя; въ ней сохранилось еще много, не менѣе любопытныхъ піесъ, которыя въ томъ же 1804 году г. Якубовичъ приготовлялъ ко второй части, но обстоятельства не дозволили появиться полному изданію. Въ 1816 году, знаменитый саномъ, а еще болѣе любовію своею къ русскимъ древностямъ, Государственный Канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, получивъ сію рукопись въ собственность, приказалъ мнѣ, говоритъ г. Якубовичъ. Оно писано въ листъ на 202 стр., скорописью, безъ наблюденія орѳографіи и безъ раздѣленія стиховъ. Надъ каждою статьею, для игры на скрипкѣ, приложены ноты. Рукопись оканчивается началомъ пѣсни о Стенькѣ Разинѣ. Сочинитель или вѣрнѣе—собиратель древнихъ стихотвореній, ибо многія изъ нихъ принадлежатъ временамъ отдаленнымъ, былъ нѣкто Кирша (безъ сомнѣнія по малороссійскому выговору—Кирилъ, такъ какъ Павша—Павелъ) Даниловъ, вѣроятно казакъ; ибо онъ не рѣдко воспѣваетъ подвиги сего храбраго войска съ особеннымъ восторгомъ. Имя его было поставлено на первомъ листѣ.

Это рѣдкое изданіе. См. у Геннади «Книж. рѣдкости» стр. 7-я. Сониковъ—за № 5670.

335. Древности Босфора Киммирійскаго, хранящіяся въ Императорскомъ музеѣ въ Эрмитажѣ. Ф. Жиль. С.-Петербургъ. 1854 года. — 2 тома, въ большой листъ, въ картонажѣ.

Изданіе на слоновой бумагѣ съ особымъ атласомъ, состоящимъ изъ 91 листа гравированныхъ и хромолитографированныхъ рисунковъ, рисованныхъ съ натуры Р. Пикардомъ и Ѳ. Е. Солнцевымъ и двумя картами.

Это великолѣпное и роскошное изданіе, напечатанное по высочайшему повелѣнію въ количествѣ 200 экземпляровъ. Сочиненіе это знакомитъ съ памятниками древняго искусства, вырытыми изъ кургановъ обоихъ береговъ Босфора Киммирійскаго и преимущественно въ окрестности древней Пантикапеи. Рисунки, сопровождающіе сочиненіе, поражаютъ своею замѣчательною вѣрностію и отчетливостію въ исполненіи и такія роскошныя изданія всегда будутъ имѣть значеніе въ художественной литературѣ.

Купленъ мною экземпляръ за 300 рублей.

336. Древности Геродотовой Скиѳіи. Сборникъ описаній археологическихъ раскопокъ и находокъ въ Черноморскихъ степяхъ. С.-Петербургъ, 1866—1872 г. — Въ 4 д. л.

Съ рисунками въ текстѣ и картою и особымъ атласомъ въ большой листъ, состоящимъ изъ 40 листовъ рисунковъ, большею частію хромолитографированныхъ. Роскошное изданіе Императорской археологической комиссіи. — Книга въ настоящее время рѣдка и цѣнится отъ 35 до 40 рублей.

Солнцевъ, Ѳедоръ Григорьевичъ.

Академикъ по части акварельной живописи, посвятившій свое искусство исключительно отечественнымъ древностямъ.

337. Древности Россійскаго государства, изданныя по высочайшему повелѣнію, съ рисунками академика Ѳ. Г. Солнцева и съ пояснительнымъ текстомъ. Москва, 1849—1853 года.—6 томовъ текста, 4 д. л., и 6 альбомовъ рисунковъ, въ листъ.

Это великолѣпное и замѣчательное изданіе съ цѣлыми сотнями прекрасныхъ хромолитографій, исполненными красками, — дастъ массу матеріала для изученія разныхъ проявленій древне-русскаго искусства со стороны художественной формы. Всѣ находящіеся въ означенномъ изданіи рисунки изображаютъ древніе великокняжескіе, боярскіе и царскіе сосуды, древнюю утварь, старинную царскую одежду, одежду всероссійскихъ патріарховъ и т. п. Всѣ рисунки изображены съ подлинникомъ со строгою точностію и вѣрностію. Изданіе это напечатано было въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, какъ сказано въ статьѣ «о рѣдкихъ книгахъ, въ особенности русскихъ» въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за 1852 г. № 129 и 130, по случаю аукціона въ Императорской публичной библіотекѣ. Это великолѣпное и роскошное изданіе цѣнится въ настоящее время отъ 500 до 800 р., смотря по степени сохранности.

338. Древности іудейскія, Іосифа Флавія, съ латинскаго на россійскій языкъ переложенныя придворнымъ священникомъ Михаиломъ Самуйловымъ. 3 тома, въ 20 книгахъ. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ, 1818 геда.—Въ 4 д. л.—Томъ 1-й 16+403; томъ 2-й 2+421; томъ 3-й 16+465.

«Древности Іудейскія» Іосифа Флавія переложены съ латинскаго языка придворнымъ священникомъ Михаиломъ Самуйловымъ, какъ драгоцѣнные памятники Іудейскихъ древностей, которыя по справедливости есть великія суть важности, что Іосифъ Флавій, будучи еврей, повѣствуетъ о многихъ вещахъ къ поутвержденію Евангельской Истины. Сей знаменитый писатель «іудейскихъ древностей» жилъ въ первомъ столѣтіи послѣ пришествія въ міръ Христа Спасителя, въ началѣ послѣднія іудейскія съ римлянами войны, окончившіяся совершеннымъ паденіемъ Іерусалима. Взятъ онъ былъ въ плѣнъ отъ военноначальника Веспассіана и чрезъ нѣкоторое время содержанъ невольникомъ. Но отмѣнныя дарованія сего ученаго іудеанина скоро потомъ прославили его въ Римѣ, такъ что писанія его по повелѣнію самого императора положены были въ государственную книгохранительницу и ему поставлена была въ честь на общенародной площади статуя. Написалъ онъ двадесять книгъ Іудейскихъ древностей: исторію о послѣдней Евреевъ съ римлянами войнѣ. Оставилъ двѣ книги, писанныя противъ Апіона Александрійскаго грамматика; одну противъ Филона и другія сочиненія. Древніе отцы, какъ Ириней, Аустинъ мученикъ, Тертуліанъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Евсевій, Василій Великій, Григорій, Назіонзинъ, Амвросій, Іеронимъ и другіе упоминаютъ о немъ съ похвалою и приводятъ изъ него многіе противъ іудеевъ и язычниковъ доводы, которые по справедливости великія суть важности, ибо кромѣ того, что сей писатель, будучи еврей, повѣствуетъ о многихъ вещахъ къ поутвержденію Евангельскія Истины служащихъ упоминаетъ именно и о нѣкоторыхъ лицахъ, знаменитыхъ въ Евангельской исторіи, какъ о Крестителѣ Іоаннѣ и о его кре-

Заглавный листъ изъ книгѣ Ѳ. Г. Солнцева
„Древности Россійскаго Государства“.
По рѣдкому экз. изъ собраніе А. Бурцева.

щеніи, о Апостолѣ Іаковѣ, котораго толь великимъ почитаетъ праведникомъ, что разореніе Іерусалима и всѣ постигнувшія евреевъ злоключенія признаетъ Божіемъ наказаніемъ, ниспосланнымъ за убіеніе сего неповиннаго мужа, но что всего важнѣе есть въ его писаніяхъ, то подаваемое имъ о Христѣ Спасителѣ и о сотворенныхъ отъ него чудесахъ свидѣтельство, тѣмъ больше заслуживающее вѣроятія, что находится въ писателѣ, въ тѣ самыя времена жившемъ, писателѣ иновѣрномъ, и потому въ семъ случаѣ безпристрастномъ, который, какъ видно изъ самыхъ его писаній, былъ ревностный защитникъ еврейскихъ обрядовъ и притомъ послѣдовалъ сектѣ фарисеевъ, которые всегда упорно Евангельской сопротивлялися Истинѣ. Чтоже касается до писанныя имъ древнія іудейскія исторіи, то она хотя есть та-же самая, которая въ священномъ писаніи, но въ чтеніи оныя должно употреблять осторожность. Іосифъ въ предъувѣдомленіи своемъ упоминаетъ, что онъ, описывая народа своего древности, намѣренъ точно послѣдовать во всемъ законодавцу Моисею, однако часто отступаетъ отъ сего боговдухновеннаго писателя; нѣкоторымъ Св. Писанія мѣстамъ далъ толкованія, съ тогдашними умствованіями фарисеевъ согласныя. Индѣ опустилъ знаменитыя приключенія, описанныя въ святыхъ книгахъ; примѣшалъ несовмѣстныя выдумки, когда суть, напримѣръ: разговоры животныхъ съ человѣкомъ въ началѣ бытія, супружескій союзъ ангеловъ съ человѣческими дщерями, бракъ Моисея съ Еѳіопскою Царевною и другіе, получившіе начало свое отъ фарисеевъ, коихъ книги, какъ Гемара, составляющая талмуды жидовскіе, суевѣрными наполнены были преданіями, въ чемъ не рѣдко изобличалъ ихъ Спаситель. И такъ Іосифъ, живучи въ сія времени, внесъ въ писанія свои повѣсти, которыя или въ тѣхъ книгахъ находилися, или подъ именемъ изустныхъ преданій въ суевѣрномъ носилися народѣ.— См. у Сопикова за № 4968.

Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія и полные экземпляры въ хорошемъ видѣ встрѣчаются очень рѣдко въ книжной торговлѣ.—Купленъ мною экземпляръ за 15 рублей.

339. Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго гр. И. И. Толстаго, С.-Петербургъ. 1882 года.—Въ листъ.— Книга съ 19 таблицами рисунковъ.

Этотъ замѣчательный трудъ гр. И. И. Толстаго весьма важенъ по количеству снимковъ, по своду мнѣній нумизматовъ о монетахъ этой эпохи и по попыткамъ ихъ классификаціи.

Серьезныя возраженія относительно этой классификаціи представилъ Н. П. Черновъ въ замѣткахъ о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ. 1888 г. Изд. Археологическаго института и въ «Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности». Вып. 3 и 4. Кіевъ. 1891 г. См. «Книга о книгахъ» И. И. Янжула, стр. 75-я.

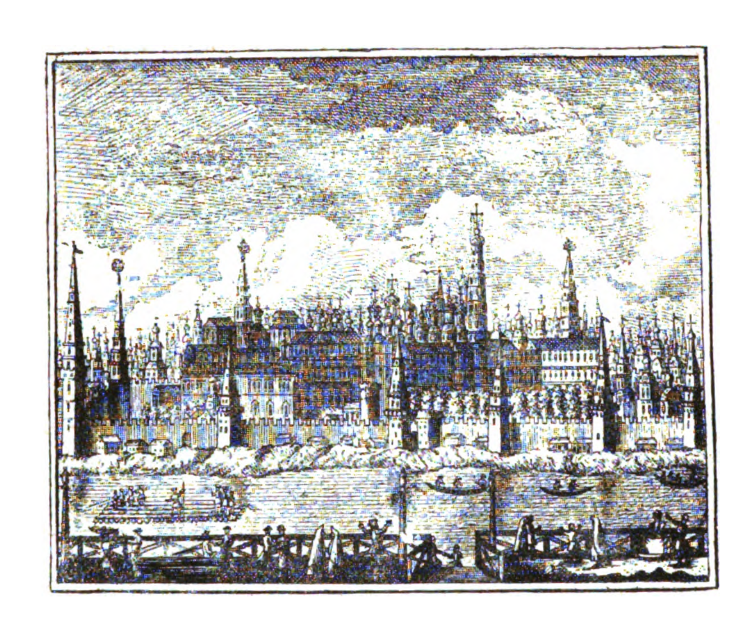
Купленъ мною экземпляръ за 20 рублей.

340. Древняя россійская гидрографія, содержащая описаніе Московскаго государства рѣкъ, притоковъ, озеръ, кладязей и какіе по нихъ города и урочища и на какомъ оныя разстояніи. Изданіе Н. Новикова. С.-Петербургъ. 1773 года.—14 ненумер.+233 стр.

Съ гравюрой передъ текстомъ, изображающей Московскій Кремль. — Книги этой, составленной 1680 года и заключающей въ себѣ описаніе Москвы съ окрестными городами при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, — вышла только первая часть. Изъ предисловія ея видно, что она была напечатана съ рукописи, принадлежавшей тогдашнему библіографу Н. К. Хлѣбникову и сличенной съ пятью другими списками.—См. Лонгиновъ стр. 32.—Губерти—ч. I,—180.

Цѣнится отъ 4 до 6 рублей.

ДРЕВНЯЯ РОССІЙСКАЯ

ИДРОГРАФІЯ.

Въ началѣ книги сея написанъ царствующій градъ *Москва* на рѣкѣ на *Москвѣ*, на лѣвомъ берегу; а рѣка *Москва* вытекла по *Вяземской* дорогѣ, за *Можайскимъ* верстъ съ тридцать, или не много больше.

а А

Первый листъ изъ книги «Древняя россійская идрографія».

341. Древности, изданныя временною коммисiею для разбора древнихъ актовъ Высочайше учрежденною при Кiевскомъ военномъ подольскомъ и виленскомъ генералъ-губернаторѣ. Кiевъ, въ литографiи I. Вальнера. 1846 года. — Въ большой листъ.

Это прекрасное изданiе снабжено многими таблицами съ очень хорошими рисунками различныхъ предметовъ древностей. Строго научный текстъ имѣетъ характеръ пространнаго археологическаго описанiя.

Изданiе это выходило выпусками, въ разныхъ обложкахъ, на превосходной бумагѣ, съ бордюрами на страницахъ.

342. Древняя россiйская вивлiоѳика или собранiе разныхъ древнихъ сочиненiй, яко то: россiйскiя посольства въ другiя государства, рѣдкiя грамоты, описанiя свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей и многихъ сочиненiя древнихъ россiйскихъ стихотворцевъ, издаваемая по-мѣсячно Николаемъ Новиковымъ, въ Москвѣ, 1773 г., 20 частей.—Въ 8 д. л.

Новиковъ, Николай Ивановичъ.

«Древняя россiйская вивлiоѳика» издавалась Николаемъ Новиковымъ въ видѣ ежемѣсячнаго журнала, въ продолженiе нѣсколькихъ лѣтъ. Первый выпускъ вышелъ въ январѣ 1773 года; каждый выпускъ состоялъ изъ пяти листовъ; шесть выпусковъ составляли часть. Въ 1774 г. ежемѣсячные выпуски состояли изъ большаго количества листовъ и часть составлялась изъ трехъ книжекъ. Въ 1775 г. «вивлiоѳика» выходила въ два мѣсяца разъ; обѣщано было 6 частей, но прекратила она свое существованiе на четвертой части. Итого, такимъ образомъ, всего вышло 10 частей «вивлiоѳики». Первая и вторая части вивлiоѳики были изданы вторично въ 1782 г., а въ 1788—91 г.г. «вивлiоѳика» была напечатана въ Москвѣ въ 20 частяхъ. Въ ней, кромѣ прежде помѣщенныхъ историческихъ документовъ, помѣщено было большое количество новыхъ документовъ. Кромѣ того издано 11 частей продолженiя «вивлiоѳики». Продолженiе «вивлiоѳики» издавалось Академiею Наукъ.

См. у Сопикова—за № 2468, гдѣ перепечатано полное оглавленiе «вивлiоѳики».—У Остроглазова—«Русскiй Архивъ» за 1892 г., № 56. — Есть у Якова Березина-Ширяева—1878 г., ст. 6. — У Неустроева,—стр. 181—201.

Купленъ мною экземпляръ за 60 рублей у букиниста Наумова (изъ библiотеки покойнаго П. Саваитова).

343. Древняя Русь. Сочиненiе Худякова. Санктпетербургъ, печатано въ типографiи Куколь Яснопольскаго, 1867 года.— Въ 16 д. л., 263 стр., съ приложенiемъ родословной таблицы царственнаго дома.

Это небольшая, но довольно рѣдкая книжка начинается съ краткаго предисловiя, въ которомъ авторъ говоритъ:—«Исторiя Россiи за истекшее тысячелѣтiе, какъ исторiя развивающагося народа,—представляетъ собою постепенный ходъ впередъ. Постепенное развитiе и распространенiе знанiй,—постепенное совершенствованiе формъ жизни,—не смотря на случайныя вредныя влiянiя временныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ,—напримѣръ:—Монгольское иго и пр. Но и подъ игомъ русскiй народъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ. Онъ сплотился въ одно цѣлое, сознаљ народное единство,—что рѣзко высказалось во время смутъ 1612 года». Далѣе авторъ говоритъ, что—«съ воцаренiемъ Романовыхъ начинается усиленное стремленiе къ сближенiю съ западными народами, къ усвоенiю ихъ знанiй. Россiя тѣснѣе и тѣснѣе входитъ въ союзъ западныхъ государствъ. Внѣшнiя прiобрѣтенiя не

останавливались въ это время. Колонизація русскихъ на Востокѣ и пріобрѣтеніе новыхъ земель даже до сихъ поръ не закончились. Русскій національный типъ до сихъ поръ окончательно еще не сложился. Исторія народа еще только начинается. До сихъ поръ народъ успѣлъ только заготовить колыбель будущей исторіи,—отъ Балтійскаго моря до Камчатки,—а исторія должна повести его далеко, благодаря новой эпохѣ, открывшейся для него съ освобожденіемъ крестьянъ, въ нынѣшнее царствованіе».

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о сей рѣдкой книгѣ, прилагаю оглавленіе оной.

1) Русская земля. 2) Внутреннее устройство. 3) Положеніе князей. 4) Войны князей между собою. 5) Отношеніе къ иноземцамъ. 6) Умственное развитіе. 7) Нашествіе татаръ. 8) Положеніе русскихъ земель. 9) Возвышеніе Москвы. 10) Новгородъ. 11) Отношеніе Новгорода къ великимъ князьямъ и паденіе его. 13) Дальнѣйшее усиленіе Москвы. 13) Положеніе народа. 14) Умственное развитіе. 15) Смутное время. 16) Новое усиленіе московскаго государства: присоединеніе Малороссіи. 17) Положеніе народа. Бунтъ Стеньки Разина. 18) Умственное развитіе. 19) Положеніе женщины въ древней Руси.—Означенное сочиненіе въ настоящее время довольно рѣдкое; цѣнится любителями отъ 5 до 8 рублей.

344. Дрезденская картинная галлерея. Текстъ Германа Люке. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей А. И. Сомова. С.-Петербургъ. Изданіе А. С. Суворина. 10 выпусковъ.—Въ листъ. 100 фотогравюръ.

Дрезденская галлерея пользуется всемірною извѣстностію. Причина тому—ея чрезвычайное богатство превосходными картинами первоклассныхъ мастеровъ, замѣчательнѣйшими изъ произведеній живописи, явившихся въ самыя цвѣтущія времена этой отрасли искусства. Всѣ происходившія измѣненія артистическаго вкуса не могли повліять на оцѣнку достоинства этихъ произведеній, возбуждающихъ и до нынѣ одинаковое удивленіе въ приверженцахъ различныхъ художественныхъ направленій, и чѣмъ жарче оспариваются то одни, то другіе художественные взгляды, тѣмъ выше поднимается значеніе подобныхъ произведеній, передъ которыми умолкаетъ всякое разногласіе во мнѣніяхъ.

Дрезденской галлереѣ посвящено нѣсколько особыхъ сочиненій, но до послѣдняго времени не существовало ни одного такого, въ которомъ главныя сокровища этого, единственнаго въ своемъ родѣ, музея были бы воспроизведены въ снимкахъ, сдѣланныхъ прямо съ оригиналовъ.

Пополнить этотъ пробѣлъ взялась художественно-издательская фирма Франца Ганфштенгля въ Мюнхенѣ. Пользуясь всѣми новѣйшими усовершенствованіями размноженія эстамповъ, она приступила въ 1894 г. къ печатанію на нѣмецкомъ языкѣ общедоступнаго сочиненія о дрезденской галлереѣ, иллюстрированнаго фотогравюрами любопытнѣйшихъ изъ числа ея картинъ, исполненными непосредственно съ нихъ самихъ. Цѣль этого сочиненія—доставить возможность нѣмецкимъ любителямъ искусства, посѣщавшимъ галлерею, оживлять свое воспоминаніе о ней, а не посѣщавшимъ ее—получить нагладное возможно-вѣрное понятіе объ ея драгоцѣнностяхъ. Желая оказать такую же услугу своимъ соотечественникамъ,—говоритъ издатель,—мы приступили къ изданію того же сочиненія въ переводѣ на русскій языкъ, съ приложеніемъ тѣхъ же самыхъ фотогравюръ, которыми украшено изданіе г. Ганфштенгля.

Переводъ нѣмецкаго текста, принадлежащаго перу Германа Люке, профессора высшаго техническаго училища въ Дрезденѣ, приготовлялся подъ редакціей старшаго хранителя Императорскаго Эрмитажа А. И. Сомова. Текстъ этотъ содержитъ въ себѣ, сверхъ очерка исторіи галлереи, бѣглый обзоръ художественныхъ эпохъ, къ которымъ относятся воспроизведенныя картины, а также краткую характеристику ихъ самихъ и ихъ исполнителей.

Полное изданіе состоитъ изъ 10 выпусковъ. Всего въ «галлереѣ» находится 100 фотогравюръ на отдѣльныхъ листахъ и 50 иллюстрацій въ текстѣ.

Это великолѣпное и роскошное изданіе отпечатано въ количествѣ 285 экземпляровъ. Первоначальная подписная цѣна была 60 рублей.

345. Дружескій совѣтъ всѣмъ тѣмъ, до кого сіе касаться можетъ. Напечатано въ пользу разоренныхъ и не разоренныхъ. Продается по пятидесяти копѣекъ мѣдью. Москва, въ университетской типографіи, 1813 года.—Въ 8 д. л., 46 стр.

Въ началѣ книги слѣдуетъ размышленіе о вѣчности, молитвѣ, покаяніи, о почитаніи священнаго писанія. Далѣе слѣдуетъ дружескій совѣтъ и важнѣйшія разсужденія. Книга переведена съ французскаго языка на русскій—Руничемъ, бывшимъ потомъ попечителемъ С.-Петербургскаго университета и стяжавшимъ себѣ на этомъ поприщѣ печальную извѣстность. Книга была конфискована за разсужденія о таинствѣ крещенія, несогласныя съ ученіемъ православной церкви.

См. «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ» СПБ. 1862, стр. 83. У Сопикова № 11048. У Остроглазова—№ 57. У Геннади—№ 121. У Як. Березина-Ширяева, стр. 25, У Бурцева «Кн. рѣдкости»—№ 123.

Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

Чтобы дать понятіе о сей рѣдкой книжкѣ, для любопытныхъ прилагаю «Дружескій совѣтъ всѣмъ тѣмъ, до кого сіе касаться можетъ» слово въ слово.

Желаніе ближнимъ всякаго добра и милости Божеской было поводомъ къ изданію предлагаемыхъ трехъ разсужденій. Внимательное чтеніе оныхъ принесетъ истинную пользу всякому, а покупка доставитъ вспомоществованіе потерпѣвшимъ разореніе, ибо выручаемыя за распродажу деньги на сіе опредѣляются.

> **Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ, свыше есть, сходяй отъ Отца свѣтовъ.**
>
> **Соб. Пос. Іакова гл. 1. ст. 17.**

I.

Размышленіе о вѣчности.

Вѣчность! что она такое? кто въ состояніи изъяснить оную? кто понимаетъ ее? Вѣчность есть продолженіе безпредѣльное. Говоря правильно, то только вѣчно, что ни конца, ни начала не имѣетъ, и въ семъ смыслѣ одинъ Богъ вѣченъ: никогда не было времени, въ которое бы Онъ не былъ. Нѣтъ круга временъ, которымъ бы измѣрялось бытіе Его, какъ бы оный повторяемъ и умножаемъ ни былъ. Онъ всегда одинаковъ, отъ вѣчности до вѣчности. Онъ былъ, есть и будетъ Верховное и Высочайшее Существо, обитающее въ вѣчности. Есть твари, имѣющія начало и конецъ, какъ то всѣ сотворенныя животныя. Есть другія, имѣющія начало, но которыя конца имѣть не будутъ: таковы ангелы и духи человѣковъ. И такъ, колико же нужно рожденной твари для вѣчности познать то будущее состояніе, къ которому она быстрыми шагами приближается; какой иной предметъ удобнѣе остановить и обуздать можетъ развращеніе сего чувственнаго и буйнаго вѣка?—По истинѣ—одна вѣчность. И такъ, посвятимъ же нѣкоторое время на прочтеніе сего краткаго сочиненія, и приступимъ къ тому съ духомъ расположеннымъ, вознесши предварительно слѣдующую молитву къ Господу:

«О Боже, источникъ мудрости и милосердія! даруй мнѣ прочесть сіе малое твореніе въ духѣ смиренія и со всѣмъ вниманіемъ; да не возбудитъ оно во мнѣ одну только хвалу важнѣйшихъ истинъ, въ немъ содержащихся; но научи меня, Ты, Господи! благочестиво употребить оныя на пользу мою! Да послушаю оныя, какъ гласъ, зовущій къ совѣсти моей, по колику сообразны онѣ Святому Слову Твоему; да приму ихъ, какъ велѣнія Твои и да покорюсь онымъ! Да научатъ онѣ меня нынѣ и послужатъ къ спасенію моему, и да содѣлаютъ меня достойнымъ насладиться вѣчною Твоею славою!» — Душа человѣческая безсмертна; она есть начало, на коемъ основаны всѣ Божественные законы. Святые Писатели не представляютъ прямыхъ доводовъ къ тому, но въ книгѣ Божіей они во множествѣ находятся. Спаситель нашъ утверждаетъ будущее состояніе души въ томъ, что Богъ Самъ называетъ Себя Богомъ Авраама, Исаака и Іакова, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ смерти; ибо Богъ, говоритъ Онъ, не есть Богъ мертвыхъ, поелику всѣ живы въ Немъ. Сей же Божественный Учитель увѣряетъ, что хотя люди и могутъ убивать тѣло, но души убить никакъ не въ состояніи. Впрочемъ, естьли бы душа умирала вмѣстѣ съ тѣломъ, то есть, естьли бы она преставала мыслить и дѣйствовать послѣ смерти, то они могли бы и душу убивать также какъ и тѣло. Апостолы говорятъ: о совлеченіи плоти, или тѣла, или храмины, въ которой душа обитаетъ; о освобожденіи духа; о духахъ злыхъ, въ заключеніи содержащихся, и духахъ праведныхъ, усовершенствовавшихся.

Писаніе говоритъ также о двухъ будущихъ состояніяхъ: о состояніи блаженства на небеси и

состоянiи бѣдствiя въ адѣ и утверждаетъ, что оба сiи состоянiя вѣчны. Святыя души, исходящiя изъ мiра сего, прiемлются въ небо, что конечно есть состоянiе блаженства и славы; и положительно сказано, что состоянiе сiе есть вѣчное. Такъ часто находимъ мы въ Словѣ Божiимъ слова: жизнь вѣчная, вѣчное искупленiе, вѣчная слава. Жилище, въ которомъ праведные обитать будутъ на небеси, есть жилище вѣчное; Царство, которое стяжатъ они, есть Царство безконечное; блаженство ихъ названо вѣчною мѣрою славы, и сказано, что они вѣчно пребудутъ съ Господомъ.

Бѣдствiя ада также вѣчны. Тѣ, которые провели жизнь, отступную предъ Богомъ, не покорялись Евангелiю и умерли въ ожесточенiи невозрожденными, тѣ пойдутъ въ мѣсто бѣдствiй и мученiя. Господь нашъ, говоря о немъ, называетъ его огнемъ, никогда неугасающимъ, и сiе повторяетъ не менѣе четырехъ разъ. Св. Павелъ говоритъ: что злые наказаны будутъ разрушенiемъ, которое никогда не кончится. Iуда говоритъ о жителяхъ Содома, что они осуждены на мщенiе вѣчнаго огня; и Господь нашъ, описывая день судный, говоритъ: злые грѣшники осуждены будутъ на муку вѣчную.

И такъ, сколь непонятны буйство и дерзость человѣковъ! Смотря на поступки ихъ, подумать можно, что они или ожидаютъ смерти подобной скотамъ, или, что Богъ столько безсиленъ, что и гнѣва Его страшиться нечего; или столько не милосердъ, что имъ и надѣяться не на что. Разсмотримъ жизнь человѣковъ вообще, и мы увидимъ, что предметы, видимые и преходящiе, они почитаютъ наиважнѣйшими; невидимые же и вѣчные сущими бездѣлками. Они силятся удовлетворить нуждамъ бреннаго бытiя тѣлъ своихъ, которымъ надлежитъ умереть; собираютъ богатства, которыхъ перенести съ собою по ту сторону гроба не могутъ: но о благороднѣйшей части естества своего, которая есть душа ихъ, о той или мало, или вовсе не пекутся. Каждодневно накопляютъ на предбудущiе годы сокровища, не помышляя о собиранiи сокровищъ нетлѣнныхъ для вѣчности. Прилежа къ исправленiю домашнихъ дѣлъ своихъ, не радятъ о молитвѣ. Счетныя книги свои содержатъ въ наилучшемъ порядкѣ, въ Книгу-же Божiю и не заглядываютъ. Есть такiе, которые достигнувъ 60 или 70 лѣтъ, и вѣдая, что уже вѣчность не далека отъ нихъ, ни часу можетъ быть въ жизни не употребили на порядочное размышленiе о состоянiи душъ своихъ, и не думаютъ, какъ бы прiуготовиться къ вѣчности. Другiе, хотя и менѣе занятые временными выгодами, равномѣрно остаются въ безпечности на счетъ вѣчныхъ выгодъ. Сiи во снѣ или въ пустыхъ забавахъ проводятъ большую часть времени, которое искупать надлежало бы для вѣчности. Вымышляютъ тысячи средствъ, какъ бы убивать время, и сiе выраженiе ввели по невѣжеству въ поговорку, и оказываютъ благодарность всякому, кто хотя одно изъ средствъ къ тому доставить имъ можетъ. Тратятъ священное время Божiе, подобно своему собственному, и кратчайшаго даже теченiя Воскреснаго дня не хотятъ посвятить на размышленiе о предметахъ, вѣчное ихъ блаженство содѣлать могущихъ. Они конечно вѣрятъ вѣчной жизни, но предметъ сей весьма легко забываютъ и выпускаютъ изъ виду. Гласъ совѣсти, дружескiя предваренiя, увѣщанiя и молитвы Служителей Евангелiя мгновенное только дѣлаютъ на умы ихъ впечатлѣнiе. Проводя такимъ образомъ всю жизнь свою въ буйствѣ и нераскаянности, иногда внезапу нога ихъ скользяетъ на краю ужасной пропасти, и ниспадая въ оную, они на вѣки погибаютъ.

Одинъ изъ Святыхъ Отцевъ называетъ смерть Вратами вѣчности: выраженiе превосходное и правильнѣйшее! Смерть человѣка есть переходъ его отъ времени къ вѣчности; и какое событiе важнѣе сего! Со всѣмъ тѣмъ оно такъ обыкновенно, что весьма рѣдко внимательно имъ занимаются, и говорятъ объ этомъ съ такимъ же равнодушiемъ, какъ и о статьѣ изъ газетъ. Что касается до самой смерти, то она есть общiй предѣлъ и праведнымъ и злымъ, но увы! какое величайшее различiе непосредственно за нею слѣдуетъ! И для тѣхъ и для другихъ время испытанiй прекращается и вѣчное состоянiе ихъ воспрiемлетъ начало. Праведный оставляетъ тѣло свое со всѣми его заботами, попеченiями и искушенiями; душа его возносится къ Богу и вступаетъ въ вѣчный покой, въ вѣчную тишину и вѣчную радость.—Какое славное превращенiе! Колико долженствуетъ быть оно сладостно! Грѣшникъ равномѣрно оставляетъ временные предметы и вступаетъ въ вѣчность, но на мученiя и бѣдствiя. Когда злой умираетъ, говоритъ Соломонъ, ожи-

данія его погибаютъ, чаянія его и надежда уничтожаются! Послѣднее дыханіе его и послѣдняя его надежда въ одно время исчезаютъ; онъ не услышитъ болѣе ни проповѣди, ни молитвъ; ни что болѣе призывать его къ милосердію Божію не будетъ; онъ приводится предъ судилище Бога, и долженъ отдать отчетъ во времени, которое ему въ удѣлъ дано было, въ пріобрѣтеніяхъ и средствахъ коими онъ пользовался, и потомъ узнаетъ свое осужденіе. Такова часть грѣшника! Не ужасна ли смерть? Мысль сія придетъ къ тебѣ, когда Царь ужасовъ обыметъ тебя. Нѣкто шутникъ, въ часы веселости, написалъ и напечаталъ исторію тѣхъ, которые шутя умерли; но на смертномъ одрѣ онъ торжественно отрекся отъ безумнаго своего сочиненія; ибо увидѣлъ и почувствовалъ, что смерть не шутка. Ахъ, вѣчность! вѣчность! вскричалъ умирая развращенный вольнодумецъ, и кинувъ ужасный взоръ на окружавшихъ его, на томъ и остановился; болѣе сказать онъ ничего не имѣлъ и не могъ, да и подлинно сказать болѣе ему нечего было. Помысли о семъ примѣрѣ, и естьли ты страшишься подобной смерти, то не веди подобной жизни:

Когда ты слышишь о чьей-либо смерти, какъ бы кстати было помыслить: онъ пошелъ въ вѣчность! Когда ты слышишь унылый звонъ погребательнаго колокола, скажи: вотъ еще душа, перешедшая въ вѣчность! Когда видишь несомое на кладбище тѣло покойнаго сосѣда твоего, скажи: время его кончилось, онъ достигъ вѣчнаго жилища своего, и теперь онъ въ томъ состояніи, которое не измѣнится болѣе! «Человѣкъ испускаетъ духъ, говоритъ Іовъ, и гдѣ онъ?» Что случилось съ тѣмъ, котораго нѣсколько дней только назадъ мы видѣли и съ которымъ бесѣдовали? Въ какомъ онъ нынѣ мѣстѣ и съ кѣмъ? Что видитъ онъ, что чувствуетъ, что помышляетъ въ сіе время, когда я вспоминаю о немъ? Онъ умеръ, и завтра можетъ быть смерть прекратитъ и мои дни!» О день торжественный и страшный, въ который странствованіе мое прекратится, день знаменитый, въ который я вступить долженъ въ вѣчность!.. Конечно размышленія сіи, правильныя и естественныя, должны содѣлать меня внимательнымъ, подобно тому, какъ обратили они на себя вниманіе извѣстнаго Царедворца и великаго Государственаго чиновника Королевы Елисаветы, Секретаря Вализкгама, достопримѣчательныя слова котораго не могутъ не сдѣлать впечатлѣнія надъ всякимъ, кто-бы ни сталъ читать оныя. — Сей великій мужъ, оставя свѣтъ и государственыя занятія, удалился въ деревню свою; нѣкто изъ старинныхъ товарищей прежней веселой жизни его вздумалъ посмѣяться надъ его набожностію и замѣтилъ ему, что онъ печаленъ. «Нѣтъ, я не печаленъ, а одумавшись, нахожу, что не прилично мнѣ быть разсѣяннымъ. Ахъ, друзья мои! мы смѣемся, а вокругъ насъ все проповѣдуетъ важность! Богъ, милосердіе котораго терпитъ насъ, не пустая шутка и забава; Христосъ, пролившій за насъ кровь Свою, не шутка; Святый Духъ, противоборствующій ожесточенію сердецъ нашихъ, также не шутка; Святое Писаніе не о шуткахъ и забавахъ міра сего говоритъ намъ; все твореніе, не шутя, служитъ Богу и намъ; все, что ни есть на небѣ и въ аду, не шутка: какъ же можемъ мы забавляться и заниматься шутками!»

И такъ, будемъ постоянно обращать взоры наши на вѣчность, гдѣ бы мы ни были и что-бы мы ни дѣлали. Естьли бы мы съ точностію оцѣняли вещи временныя и вещи вѣчныя, то никогда и не вообразили бы того, какъ попеченіе о нуждахъ настоящей жизни можетъ заставить насъ употреблять каждодневно съ толикимъ прилежаніемъ и трудомъ многіе часы, когда вѣчность занимаетъ мысли наши одно толко мгновеніе, да и то въ нѣсколько часовъ, а можетъ быть не шутя обращаетъ вниманіе на себя наше одинъ только разъ и въ нѣсколько дней. Правильныя понятія о вѣчности обуздать могутъ непомѣрное пристрастіе наше къ вещамъ временнымъ; они покажутъ намъ, что богатство, почести и удовольствія сей жизни суть блага невѣрныя и ненадежныя, гибнущія и обманчивыя. Они научатъ насъ и въ мірскихъ законныхъ дѣлахъ нашихъ поступать съ умѣренностію, воспоминая намъ, что есть дѣла важнѣйшія, о коихъ мы помышлять должны. Они умѣрятъ страсть нашу къ свѣтскимъ отличіямъ, столь вообще много цѣнимымъ. Почести и слава міра сего не могутъ заглушать гласа совѣсти, и еще менѣе удобны удержать вѣчное опредѣленіе, касающееся тѣхъ, кто стяжалъ оныя. Одинъ великій мужъ, лежа на смертномъ одрѣ, былъ удостоенъ отличныхъ признаковъ благоволенія своего Государя. «Увы! сказалъ онъ, смотря на нихъ равнодушно: почести сіи весьма значительны

въ семъ мірѣ; но я перехожу въ другой, гдѣ онѣ никакой не принесутъ мнѣ пользы».

Обращеніе на вѣчность обуздаетъ равномѣрно чрезмѣрную привязанность твою къ пріятностямъ и забавамъ жизни. Гораздо превосходнѣйшіе предметы будутъ занимать тебя; гораздо благороднѣйшая откроется цѣль, къ которой надлежитъ стремиться.

Одна знатная госпожа, проведя вечеръ въ блестящемъ собраніи за картами, возвращаясь домой, нашла служанку свою читающею благочестивое твореніе. Заглянувъ чрезъ плечо ея въ книгу, она сказала ей: «Бѣдняжка! какое удовольствіе находишь ты столь долгое время заниматься своею книгою?» Въ ночь сію госпожа не могла сомкнуть глазъ отъ безсоницы и во всю ночь проплакала и воздыхала. Служанка ея нѣсколько разъ спрашивала у нее, что съ нею сдѣлалось, и наконецъ она сказала ей, проливая токи слезъ: «Причиною тому одно слово, которое я увидѣла въ твоей книжкѣ; оно смущаетъ меня: я видѣла въ ней слово: вѣчность. Ахъ! какъ была бы я щастлива, естьли бы была готовою къ вѣчности!» Послѣдствія сего впечатлѣнія были тѣ, что она перестала заниматься картами и развлекаться собраніями, и начала, не шутя, приготовлять себя къ другому міру.

Извѣстный г. Филиппъ Генрихъ, страдая каменною болѣзнію, во время самыхъ величайшихъ мученій, отъ нея происходившихъ, говорилъ: «Я страдаю ужасно, но благодареніе Богу, что не страдаю въ вѣчномъ огнѣ; меня жжетъ, но благодареніе Богу что жжетъ меня не адское пламя».

Воззрѣніе на вѣчность сдѣлало бы насъ внимательными и усердными во всѣхъ обязанностяхъ религіи. Извѣстный живописецъ изъ древнихъ, котораго спрашивали, для чего онъ съ такимъ тщаніемъ вырабатываетъ свои картины, отвѣчалъ: «Для того, что я пишу для вѣчности»; мысль—я читаю, слушаю, говорю для вѣчности—вдохнула бы жизнь и силу во всѣ благочестивыя упражненія наши.

Помысля, не шутя, о вѣчности, Евангеліе Іисуса Христа представится намъ несказанно драгоцѣннѣйшимъ, и мы почувствуемъ въ себѣ расположеніе вкусить оныя смиренныя истины, толико противуположныя гордости чадъ міра сего. Почему приближеніе смерти и вѣчности толико наполняетъ умъ нашъ страхомъ и опасеніемъ? Потому, что мы грѣшники—и слѣдовательно «всѣ человѣки подпали подъ осужденіе;—въ самомъ дѣлѣ, страшно впасть ва руки Бога живаго!»—Когда сіи ужасы Господни объемлютъ совѣсть, колико утѣшительно узнать, что въ словѣ Божіемъ открывается полное прощеніе и вѣчное спасеніе. Слово сіе возвѣщаетъ оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную, что даръ Божій, пріобрѣтенный послушаніемъ и смертію Сына Его Іисуса Христа; безъ чего мы никакъ не получили бы прощеній грѣховъ нашихъ, и не могли бы сдѣлаться участниками вѣчнаго блаженства. И такъ, чрезъ Вѣру только въ Кровь Его мы можемъ надѣяться получить оправданіе. Могуществомъ только благодати Его мы пріемлемъ часть въ небесномъ наслѣдіи.—Такъ возбуждали и поддерживали бы мы порывы сердца нашего, которое восполнялось бы чрезъ то благодарнѣйшими и любовнѣйшими чувствованіями къ Господу нашему Іисусу Христу и Богу Отцу нашему, возлюбившему насъ и давшему намъ вѣчное утѣшеніе и надежное упованіе на благодать Его. — Чѣмъ постояннѣе и живѣе будетъ сіе упованіе, тѣмъ оно большею славою и неизъяснимою радостію наполнять насъ будетъ. За симъ, любезный читатель, позволь мнѣ попросить тебя, чтобы ты занялся симъ предметомъ, какъ возможно внимательнѣе и тщательнѣе, сколько ты можешь только, и сдѣлалъ себѣ слѣдующій вопросъ: Ахъ, душа моя! готова ли ты къ вѣчности?—Готова, или нѣтъ; но вѣчность близка. И такъ, сдѣлай мнѣ сію только милость, приди въ себя съ нынѣшняго дня, и употребляй по нѣскольку времени на размышленіе о вѣчности. Разсмотри самъ въ себѣ, что такое жить навсегда въ состояніи безконечнаго блаженства, и безконечнаго бѣдствія? Естьли ты рѣшишься на сіе, я надѣюсь, что четверть часа на сіе употребленная будетъ для тебя полезнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя ты провелъ доселѣ, и что Богъ содѣлаетъ размышленіе твое полезнымъ для души твоей и началомъ вѣчнаго блаженства. Естьли бы я почиталъ нужнымъ изъясниться, почему я столь много распространяюсь здѣсь о вѣчности, и почему такъ усильно прошу каждаго обратиться къ ней; въ оправданіе мое не могу дать другаго отвѣта, а приведу здѣсь сдѣланный нѣкогда однимъ благочестивымъ человѣкомъ, котораго одинъ изъ пріятелей его вопрошалъ: «На что употребляешь ты столь много времени на чтеніе, размышленіе и

молитву?» на что почтеный мужъ поднялъ глаза и руки къ небу, отвѣтствовалъ съ великою важностію: «**Навсегда! навсегда! навсегда!**»

II.

Дружескій совѣтъ.

Преимущество, отличающее человѣка отъ низшихъ животныхъ, есть разумъ,—способность размышлять о прошедшемъ и простирать взоры въ будущее; способность, посредствомъ которой углубляемся въ самихъ себя, и съ помощію коей возносимся къ Верховному Существу, насъ сотворившему. Какъ разумъ означаетъ превосходство человѣковъ надъ скотами, такъ и употребленіе онаго возвышаетъ одного человѣка предъ другимъ. Но коль болѣзненно видѣть большую часть человѣковъ, живущихъ при всемъ томъ подобно скотамъ, ни думающихъ ни мало ни о томъ, что они такое нынѣ, ни о томъ, что съ ними впередъ случится. Бывъ сотворены для содружества съ ангелами, они унижаютъ себя наравнѣ съ скотами; не перенося и взоровъ своихъ далѣе нуждъ тлѣннаго и подверженнаго разрѣшенію тѣла. Утопая въ предметахъ видимыхъ и временныхъ, они остаются въ совершенной безпечности на счетъ духовныхъ и вѣчныхъ. И такъ, цѣль сего малаго писанія есть та, чтобъ пробудить тебя, любезный другъ, отъ спячки, столько же пагубной, сколько всѣмъ общей; и склонить тебя убѣдительною просьбою къ внимательному разсмотрѣнію предметовъ, касающихся до вѣчнаго твоего блаженства, прежде, нежели они сокроются навѣки отъ глазъ твоихъ. Иботы имѣешь душу, и душу безсмертную;—душу, которая въ скоромъ времени должна будетъ обитать въ Небѣ съ Богомъ, или въ адѣ съ демонами. Думаешь-ли ты когда объ этомъ? Размышлялъ ли о томъ со вниманіемъ, для какого состоянія душа твоя приуготовлена; къ какому она требуется. Вопросъ сей величайшей важности, ибо какая будетъ для тебя польза, естьли и весь міръ пріобрѣсти можешь, а погубишь душу твою? Ахъ! не откладывай размышленія о вѣчности до того времени, когда уже поздно будетъ! Естьли ты погибнешь, подумай, въ состояніи-ли ты претерпѣть вѣчный пламень и вѣчную муку?

Но ты надѣешься быть спасеннымъ; и такъ, разсмотри, основательна-ли твоя надежда? Ты полагаешься можетъ быть только на благость Божію, но вспомни, что Богъ столько же Истиненъ и Правосуденъ, сколько и Милосердъ. Богъ далъ тебѣ законы, которые всѣ, и ты, и я, нарушаемъ. Не обязанъ ли ты любить Бога всѣмъ сердцемъ; но не любишь-ли ты міръ? Міръ врагъ Богу. Апостолъ Іоаннъ говоритъ: Естьли человѣкъ любитъ міръ, то нѣтъ любви Отчей въ немъ. I Іоан. Гл. 2 ст. 15. Не такъ ли ты живешь, какъ большая часть живетъ въ мірѣ? И такъ, ты на открытомъ пути, ведущемъ къ погибели. **Матѳ.** VII, 13, 14. Не осквернилъ ли ты Святое Имя Божіе и Воскресеніе, освященный день Его? Не предавался-ли ты гнѣву, зависти, сладострастію и многимъ другимъ худымъ расположеніямъ и пристрастіямъ? Не обрѣталась-ли ложь въ устахъ твоихъ? Я полагаю, что ты не забываешь и утромъ и вечеромъ молиться; но всегда ли ты молишься и просишь о помилованіи тебя съ такимъ усердіемъ, съ какимъ нищій, умирающій съ голоду, выпрашиваетъ кусокъ хлѣба, или преступникъ, осужденный на смерть, проситъ о прощеніи? Я полагаю, что ты никогда не забываешь хвалить Бога два раза въ день за всѣ благодѣянія, тобою отъ Него получаемыя; но возносилъ ли ты когда благодареніе Богу за то, что Онъ послалъ Сына Своего на страданія за грѣшниковъ, съ такимъ сердечнымъ признаніемъ, съ какимъ сталъ бы ты благодарить человѣка, который спасъ бы тебя въ то мгновеніе, когда ты тонулъ и вода готова была поглотить тебя? Такого только рода хваленіе ты долженъ возносить къ Нему. Совѣсть твоя должна признать себя преступною; а Слово Божіе объявляетъ, что таковыя не могутъ войти въ Царство небесное. **I Коринѳ.** VI, 9, 10. **Галат** ст. 19—21. **Апок.** III—16. **Матѳ.** XV—9.

Но ты думаешь можетъ быть, что тѣ только достойны всякаго осужденія, которые постоянно проводятъ жизнь въ грѣхахъ, и въ семъ ты обманываешься чрезвычайно. Святѣйшій Законъ Божій и за обиду ближняго проклинаетъ насъ. Галат. III—10. Подумай же сколько проклятій виситъ на нещастной душѣ твоей, о которой ты не имѣлъ понятія. Естьли за обиду уже мы справедливо на вѣчность осуждаемся, какой долженъ ты дать отчетъ! какое ужасное опредѣленіе ожидаетъ тебя! И я тебя спрашиваю теперь, какимъ образомъ избѣжишь ты сего бѣдствія?

Положимъ, что ты въ грѣхахъ своихъ раскаиваешься; но заслуживаетъ ли тебѣ прощеніе сіе раскаяніе? Отнюдь нѣтъ! Простилъ ли бы ты человѣку нѣкоторую сумму денегъ, которую онъ тебѣ долженъ, за то только, что онъ сталъ-бы изъявлять тебѣ сожалѣніе свое о томъ, что онъ состоитъ тебѣ должнымъ? Богъ не проститъ тебѣ равномѣрно за одно только раскаяніе твое: и Іуда раскаялся, но не спасся. Естьли ты раскаиваться будешь о прошедшемъ и даже исправишься, спасетъ ли тебя сіе? Нѣтъ. Простишь ли ты человѣку большой долгъ за то только, что онъ вновь у тебя не занимаетъ? Такъ и Богъ не проститъ тебѣ! Не ужели ты надѣешься, что раскаяніе твое, нѣкоторое исправленіе нравственности и ничтожныя какія-либо добрыя дѣла спасутъ тебя? Будь увѣренъ, что не можетъ спасти тебя. Богъ сказалъ: всякая грѣшная душа умретъ; правосудіе и истина Его обязаны во всей точности исполнить законъ сей. Естьли бы Богъ простилъ тебѣ, такъ какъ ты сего ожидаешь и желаешь, Онъ бы былъ и неправосуденъ и несправедливъ.

Но что говоримъ мы о наружныхъ только дѣйствіяхъ грѣха? Прострем далѣе взоры наши, заглянемъ въ глубину поврежденія естества нашего, котораго дѣйствія наши суть одни только признаки и доказательства. Обратимъ скользящіе взоры сіи на блистательныя чистоту и святость Естества Божія, предъ которыми и самые Ангелы лица свои скрываютъ, взывая: «Святъ, Святъ, Святъ, Господь Богъ Саваоѳъ! (Всемогущій)». Сей Богъ, Святый и Праведный, сказалъ, что сотворилъ человѣка по образу Своему и подобію, и день, въ который сотворилъ его, назвалъ изящнымъ. И такъ возможно ли, чтобы Богъ отозвался такимъ образомъ о такой твари каковъ нынѣ человѣкъ? Ахъ, нѣтъ! мы окаянны, мы согрѣшили! Слава исчезла, вѣнецъ спалъ съ главъ нашихъ; состояніе, въ которомъ мы находимся, есть состояніе совершенно противное тому, въ какомъ мы сотворены были. Богъ создалъ насъ праведными, а мы развращенны.—Онъ сотворилъ насъ по образу своему, а мы носимъ образъ сатаны.—Онъ опредѣлялъ насъ быть предметами любви Его, способными наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ, а мы подвергли себя гнѣву и пламени адскому. Коль бѣдственно состояніе наше! Даруй, Боже, чтобъ сердце наше тронулось сими, толь плачевными истинами! Сіе приготовило бы насъ къ услышанію, что Богъ, богатъ сей милостію, по великому милосердію Своему изобрѣлъ средство, чрезъ которое помиловать можетъ грѣшниковъ, не нарушая правосудія Своего и Правды. Знаешь-ли ты, какъ милосердіе и правосудіе сопряжены быть могутъ? Остановись на нѣкоторое время! Оставь бумагу на нѣсколько мгновеній и размысли самъ въ себѣ, какъ надлежитъ спастись душѣ твоей! . . . .

. . . .

. . . .

Не ужели провелъ ты столь много лѣтъ достойнымъ вѣчной смерти; не ужели оставался покойнымъ, подвергаясь ежеминутно совершенію надъ тобою сего опредѣленія; и не ужели доселѣ не вѣдаешь единственнаго средства, чрезъ которое можешь избѣгнуть оное? Въ какомъ жалостномъ положеніи бѣдная душа твоя! Ахъ! подумай, естьли ты умрешь сегодня, какая будетъ навсегда участь твоя? Естьли бы ты умеръ вчера, гдѣ въ сіе мгновеніе находилась бы душа твоя? На Небѣ-ли?—Но какъ могла бы она и достичь онаго тогда, когда не только не шествуя единымъ путемъ спасенія, объявленнымъ въ Святомъ Писаніи, ты и не вѣдаешь о немъ даже? И такъ, благослови же Бога, сохранившаго жизнь твою, да содѣлаетъ Онъ тебя способнымъ къ принятію нижеслѣдующаго наставленія.

Ты спросишь, что должно тебѣ дѣлать чтобъ спастись? И на сей важнѣйшій вопросъ я отвѣтствую: «Вѣруй въ Господа Іисуса Христа, и ты спасешься». Прочти донесеніе тюремщика, Дѣян. XVI. 25—35. Христосъ по Воскресеніи своемъ сказалъ Ученикамъ Своимъ, Марк. XVI—16: «Кто вѣруетъ, тотъ спасется, а кто не вѣруетъ, тотъ осужденъ будетъ».

Но въ чемъ состоитъ вѣра во Іисуса Христа? Она состоитъ въ вѣрованіи, что Онъ есть Богъ, равный Отцу: что принялъ естество наше и воплотился для того, чтобы покориться оному закону, который мы чрезъ ослушаніе нарушили, и чтобы претерпѣть казнь и мщеніе, заслуженныя грѣхами нашими; и что никто изъ человѣковъ, какъ бы кто честенъ, цѣломудренъ, воздерженъ и милосердъ ни былъ, не могъ бы избавиться отъ ада и насладиться небеснымъ блаженствомъ, естьли бы Іисусъ Христосъ не предалъ Себя на смерть, какъ въ томъ увѣрены всѣ вѣрующіе въ Него. Изъ чего слѣдуетъ, что истинная вѣра есть дѣйствіе Свя-

таго Духа въ душѣ, чрезъ которое мы пріемлемъ Іисуса Христа, и полагаемся на Него, такъ какъ и Онъ изъ милости, туне, предлагается намъ въ Евангеліи.

Не думай, чтобы заслуга собственныхъ добрыхъ дѣлъ твоихъ могла спасти тебя; или что ты спасаешься отчасти собственными дѣлами твоими и отчасти Іисусомъ Христомъ. Естьли ты когда-либо спасешься, то спасетъ тебя единая заслуга Іисуса Христа; ибо нѣтъ другаго имени подъ небомъ, даннаго между человѣками, которое бы могло спасти тебя; и естьли Богъ содѣлаетъ тебя способнымъ принять какъ вѣрное слово и всякаго пріятія достойное, что Іисусъ Христосъ пришелъ на землю, чтобъ спасти грѣшниковъ, тогда и оставленія грѣховъ твоихъ отъ одного Христа ты ожидать будешь. Ты обратишь взоры твои ко Христу, какъ для того, чтобы освятиться, такъ и для того, чтобы получить отъ Него благодать для слѣдованія примѣру Святой жизни Его. Наконецъ, ты почитать будешь Христа Пророкомъ, научающимъ тебя, Первосвященникомъ, умиротворяющимъ за тебя, и Царемъ царствующимъ надъ тобою и въ тебѣ, и тогда ты непреложно спасенъ будешь.

Я сказалъ выше, что раскаяніе, покаяніе и исправленіе не могутъ спасти тебя; и то истина: ибо прямое раскаяніе и покаяніе не въ твоей власти. Оно есть даръ Божій. 2, Тимоѳ. II—25. Ты можешь страшиться послѣдствій грѣховъ твоихъ, и потому сожалѣть о согрѣшеніи; можешь и отвращаться отъ нихъ, оставлять большую часть оныхъ, и со всѣмъ тѣмъ погибнуть. Такое покаяніе есть покаяніе мірское, смерть причиняющее. 2. Коринѳ. VII—16. Божественное покаяніе, какъ равно и вѣра, суть дѣло Святаго Духа, и сопровождаются всегда увѣренностію въ томъ, что Христосъ сдѣлалъ и претерпѣлъ. Тогда ты прибѣгнешь къ Тому, котораго ты уязвилъ беззаконіями твоими, и скорбѣть будешь. Захарія XII—10. Тогда ты возненавидишь и грѣхъ и самаго себя, ощутивъ собственное твое ничтожество. Одна вѣра во Іисуса Христа превратить можетъ сердце твое и освятить твою натуру. Дѣян. XX—18. Естьли кто изъ человѣковъ, говоритъ вдохновенный Апостолъ, находится во Христѣ (то есть, вѣруютъ въ Него), такой новая тварь. 2 Коринѳ. V—17. Такой возродился. Іоан. 1. 13.—Возродился-ли ты? Естьли возродился, то ты долженъ любить духовные предметы, которые ненавидѣлъ прежде, и ненавидѣть то, что любилъ предъ тѣмъ. Доселѣ ты любилъ міръ, самого себя и грѣхъ; теперь, естьли ты возродился, ты любишь Бога, слово Его, заповѣди Его, домъ Его и повелѣнія Его. Ты не пекся до сего о душѣ твоей; нынѣ ожидаешь отъ единаго Неба прощенія, благодати и славы. И такъ: «Естьли цѣль твоя, твои намѣренія и твои стремленія не перемѣнились, короче, естьли ты не возродился, ты никакъ неможешь увидѣть Царствія Божія». Іоан. III—3.

Ты думаешь вѣроятно, что крещеніе уже возродило тебя; но берегись обмануться заблужденіемъ столько же опаснымъ, сколько вмѣстѣ съ тѣмъ и общимъ. Крещеніе есть обрядъ наружный, совершаемый надъ тѣломъ; новое рожденіе есть внутренняя работа надъ душею.—Крещеніе есть только знакъ, коего сущность есть возрожденіе.—Крещеніе производится подобными тебѣ человѣками; новое рожденіе есть дѣйствіе единаго Святаго Духа. — Великое множество крестившихся не вошло во врата жизни; но ни одинъ изъ истинныхъ возрожденныхъ никогда по сю сторону оныхъ не оставался. Молю тебя, не предавайся покою, но прочитывай каждодневно нѣчто изъ Святаго Писанія, и ты получишь полное свѣдѣніе о существѣ онаго новаго рожденія. Когда ты постигнешь истинное состояніе всякаго человѣка, рожденнаго въ мірѣ, какъ то сказано Рим. III; тогда ты лучше познаешь сущность и необходимость онаго новаго рожденія, о коемъ говорится у Іоан. въ Гл. III.

Будь внимателенъ къ истинѣ, возвѣщенной въ Святомъ Писаніи, какъ къ слову Бога живаго, лгать и льстить не могущаго; вѣрь тому, что сказуетъ оно о состояніи поврежденія, въ которомъ ты по естеству находишься, и о свойствахъ Іисуса, довершиваго дѣло спасенія твоего и вознесеннаго нынѣ, яко Царя и Спасителя, дающаго покаяніе и отпущеніе грѣховъ, могущаго спасти величайшихъ грѣшниковъ, возвращающихся чрезъ него къ Богу. Вѣрь тому, что говоритъ оно касательно трехъ служеній, совершенныхъ Имъ, какъ Посредникомъ служенія Пророка, Священника и Царя; и тому, какъ разительно соотвѣтствуютъ они тремъ бѣдствіямъ, коимъ мы подвержены. Мы покрыты мракомъ невѣжества и заблужденій, который Іисусъ Христосъ разгоняетъ свѣтомъ Слова Своего; мы объяты Божескимъ проклятіемъ, и Священство Его умиротворяетъ оное, примиряя насъ съ Богомъ: и

взводя насъ къ щастію усыновленія Его, мы подъ рабствомъ грѣха, бѣдствій и смерти и не въ силахъ сами собою избавиться отъ того, и въ семъ помогаетъ намъ Іисусъ Христосъ, яко Царь. Чрезъ вѣру ты ощутишь всеконечно радость, тишину и спокойствіе, которыхъ міръ ни дать тебѣ, ни отнять у тебя не въ состояніи. Да благословитъ Господь слова сіи на пользу души твоей.

Обратись къ тѣмъ мѣстамъ Св. Писанія, которыя указаны тебѣ, и моли Бога Отца, во имя Іисуса Христа, возлюбленнаго Сына Его, Ходатая нашего, да благоволитъ Онъ ниспослать Святаго Духа Своего, для вразумленія тебя въ предметахъ, до вѣчнаго покоя твоего касающихся, и да содѣлаетъ тебя мудрымъ ради спасенія, вѣрою во Іисуса Христа. Аминь.

Приближьтесь, грѣшные, въ сіе благопріятное время къ Благому Господу, васъ зовущему; Онъ проститъ васъ; естьли и многихъ грѣховъ бремя тяготитъ васъ, Божественный Искупитель облегчитъ вамъ оное.

И такъ, признавъ себя окаяннѣйшими грѣшниками, приближьтесь со смиреніемъ ко Христу, признайте грѣхи, васъ осуждающіе, и не скрывайте ни числа, ни гнусности оныхъ!

Драгоцѣнная Кровь Его, пролитая для искупленія міра, не потеряла ни силы, ни могущества своего. Сей богатый источникъ, убѣляющій всѣ злодѣянія наши, обильно течетъ еще.

О ты, котораго преступныя цѣпи грѣха держатъ еще подъ игомъ міра и ада, приди въ объятія Его! Благость Его зоветъ тебя. Онъ исцѣлитъ всѣ болѣзни твои и разрѣшитъ твои узы.

Не будемъ упорны предъ благостію Господа; пойдемъ, полетимъ къ Нему! Онъ простираетъ къ намъ руку Свою. Увы! придетъ можетъ быть нѣкогда такое время, въ которое, оставаясь столь долго невѣрными, мы и будемъ искать Его, но не найдемъ уже болѣе!

III.

Важнѣйшія разсужденія.

— —

Я хочу познать себя!...

1. Подумай, что ты такое. Какъ! не ужели ты не позналъ себя? Или ты столько наружностію занятъ и развлеченъ, что никогда во внутренность свою не обращался и существа бытія твоего не изслѣдывалъ? Не есть ли ты тварь драгоцѣннѣйшая и превосходная? Колико тварей различныхъ родовъ ниже тебя для того только, кажется, и созданы, чтобъ служить тебѣ и приносить тебѣ пользу? Не для тебя развѣ сотворены птицы небесныя, скоты селеній, рыбы рѣчныя и морскія? Не лучше ли ты всѣхъ ихъ? Кто даровалъ тебѣ преимущественно предъ ними и болѣе ихъ познаній, чувства, разсудка? Не Творецъ ли и раздаятель всяческія? Кто образовалъ чудесныя тѣла сіи и сіи преславныя души; тѣла толь прелестнаго вида, толико многочисленныя? Кто сотворилъ главу сію и мозгъ, управляющій тѣломъ и движенія его опредѣляющій? О! колико чудесъ въ существѣ твоемъ! Кто образовалъ оную душу, жизнь и движеніе тѣлу сообщающую? Оную душу, познающую, разсуждающую и способную воспоминать случившееся; могущую толь много, и ощущающую печали и радости? О! колико безумны и неблагодарны человѣки! Вы, которые забываете самихъ себя и не помышляете ни мало о происхожденіи вашемъ и вашемъ Творцѣ! Увы! какихъ безпечности и буйства доселѣ не оказали вы! Какъ унизили вы данную вамъ способность разсуждать, и колико оподлили вы душу вашу, погрязшую въ заботахъ, попеченіи и разсѣянности міра? Коль мало помышляли вы о Творцѣ вашемъ и о величайшей любви, которою вы Ему обязаны за все то, что Онъ для васъ сдѣлалъ и не перестаетъ еще каждодневно дѣлать для васъ!

2. Разсмотри, что Богъ есть. Колико великолѣпенъ, великъ и славенъ Тотъ, Который сотворилъ и тебя, и все видимое и невидимое! Онъ, конечно, есть то всемогущее величество, обитающее въ вѣчности! Онъ толико великъ и безмѣренъ, что все пространство небесъ вмѣстить Его не можетъ; Онъ толико сіяетъ славою, что Ангелы, блистающіе чистѣйшимъ свѣтомъ, предъ Нимъ скрываютъ лица свои. Ахъ! возведи взоры твои къ небу и насладись великолѣпною премудростію и могуществомъ, которыя оно проповѣдуетъ! Кто освѣтилъ день? Кто усѣялъ звѣздами сводъ небесный?

3. Разсмотри, каждой, гдѣ законъ Божій? Не въ Библіи ли находятся повелѣнія Его? Главнѣйшія изъ нихъ не въ десяти ли членахъ, или заповѣдяхъ заключаются, дабы по тому самому легче воспоминать и размышлять о нихъ мы могли? Когда помышлялъ ты о томъ, что онѣ повелѣ-

ваютъ, или что онѣ воспрещаютъ? Онѣ касаются и разума, и помысловъ, и совѣсти, и судятъ тайны сердца, проницая во всѣ изгибы онаго. Увы! какъ мало и слабо прилежалъ ты къ исполненію должностей твоихъ въ отношеніи къ Богу, и какъ не охотно повиновался Ему! Не думаешь ли ты, что подобно тебѣ Онъ забываетъ законы Свои, и что Онъ никогда не потребуетъ отъ тебя отчета въ твоемъ невѣжествѣ, въ твоемъ упорствѣ и въ твоемъ непослушаніи? О! знай, что Судія всей земли не нарушитъ законовъ Своихъ и правосудіе Его восторжествуетъ!

4. Разсмотри, какова совѣсть твоя? Рано или поздно она обнаружится предъ тобою; она не останется навсегда въ стѣсненіи и молчаніи. Не ужели же у тебя нѣтъ совѣсти? Захотѣлъ ли бы ты, чтобъ весь міръ узналъ, что ты не имѣешь ее, и что ты по сему заслуживаешь быть изгнаннымъ изъ міра? Не устыждаетъ ли тебя внутренно то, что ты говоришь, или что дѣлаешь? Можешь ли ты существовать безъ страха Божія, не имѣя достодолжнаго глубокопочитанія къ закону Его? Можешь ли, безъ угрызенія, умертвить всякаго, встрѣчающагося тебѣ, или сдѣлаться безстыднымъ любодѣйцомъ, воромъ, клятвопреступникомъ, при увѣреніи, что дѣянія твои сокрытыми останутся? О! какое имѣешь ты сердце! какъ не способенъ ты жить между человѣками! Не ужели совѣсть твоя никогда не возстаетъ противъ тебя? Не ужели же ты никогда не содрагаешься, слыша гласъ Божій, когда онъ гласитъ тебѣ чрезъ громы, молніи, землетрясенія, бури, голодъ и моровыя язвы? О! колико ожесточилась совѣсть твоя! Естьли въ тебѣ нѣтъ совѣсти, ты несравненно хуже скотовъ, лишенныхъ оной, и сіе потому, что безсовѣстный человѣкъ можетъ болѣе ихъ произвести бѣдствій и вреда. Естьли ты имѣешь совѣсть, каковъ гласъ ея? каковы ея желанія? Не говоритъ ли она тебѣ о бытіи Бога Всесвятаго и Страшнаго, что ты оскорбляешь Его, что тебѣ умилостивить Его и примириться съ Нимъ должно? Не говоритъ ли тебѣ она, что ты имѣешь душу, которую тебѣ спасти надобно, и что ты долженъ работать для вѣчности? Не говоритъ-ли она тебѣ, что смерть приближается, что ты не готовъ, и что ты не вѣдаешь, что съ тобою навсегда будетъ?

5. Размысли, что есть Религія. Она есть средство служить Богу и угодить Ему;—размысли, что есть Христіанская Религія;—она Религія, основанная во Іисусѣ Христѣ и Іисусомъ Христомъ, которой училъ Онъ міръ, и которая содержится въ Новомъ Завѣтѣ. Научаешься ли ты Религіи твоей въ сей Божественной книгѣ, или вовсе Религіи не имѣешь? — Естьли не имѣешь оной, то нѣтъ въ тебѣ и совѣсти; естьли же совѣсти нѣтъ въ тебѣ, то всеконечно нѣтъ въ тебѣ и разума и разсудка, и слѣдовательно ты живешь по-скотски.—Естьли ты имѣешь Религію, то гдѣ же она?—Откуда научился ты ей?—Отъ обычаевъ ли, или человѣческихъ учрежденій? — отъ родителей твоихъ, или чрезъ воспитаніе?—Увы! всегда-ли хороши обычаи! Всегда-ли воспитаніе сообразнымъ бываетъ Слову Іисуса Христа!—И такъ, не думаешь ли ты быть Христіаниномъ, не зная Христіанства, и не вѣдая, что оно значитъ?—Развѣ ты чуждъ Религіи, которой почитаешь себя принадлежащимъ, и которою надѣешься пріобрѣсти спасеніе?—Ахъ! коль велико невѣжество твое! Не ужели ты думаешь, что Религія, тебѣ невѣдомая, можетъ быть для тебя полезной? или, что достаточно уже для тебя и того только, что ты носишь имя Христіанина и говоришь много о сей Религіи, хотя бы она никакого дѣйствія не производила надъ тобою? — О, бѣдный грѣшникъ! съ какою лестію обманываешь ты душу свою и погружаешь оную въ вѣчную тьму!

6. Разсмотри, что есть Іисусъ Христосъ? Не есть ли Онъ Глава и Основатель твоей Религіи; а ты и не знаешь Его? Ты носишь на себѣ Имя Его, ты называешься Христіаниномъ, и ты не знаешь, что есть Іисусъ Христосъ! Что думаешь ты о Немъ? Что Онъ такое? Богъ, человѣкъ, или то и другое? Какія суть принадлежности Его? или Онъ вовсе оныхъ въ глазахъ твоихъ не имѣетъ? Что думаешь ты о лицѣ Его, о Его посольствѣ, о подвигахъ Его и о Его намѣреніяхъ? Что мыслишь ты о Его воплощеніи и рожденіи? Что извѣстно тебѣ о Его жизни, его чудесахъ, Его Святости и Его Духѣ? Что знаешь ты о Его смерти, которой Онъ за грѣхи наши и для нашего искупленія подвергся; о Его воскресеніи, вознесеніи, о сошествіи Духа Его, для обращенія и освященія міра? Что знаешь ты о Его ходатайствѣ и о второмъ Его пришествіи, въ которое придетъ Онъ судить міръ сей? О, безразсудный и неблагодарный Христіанинъ, не желающій познать Іисуса Христа, Спаси-

теля твоего и Господа! О, слѣпецъ, небрегущій о спасеніи души твоей, нехотящій ни познать, ни воспомянуть о Томъ, Который пришелъ откупить и спасти тебя! Ахъ! какъ устоишь ты въ Его присутствіи, когда Онъ паки пріидетъ!

7. Подумай, что такое Библія, сія Божественная книга, которую Богъ далъ тебѣ для открытія тебѣ пути, ведущаго къ небу, къ блаженству и къ Нему Самому; сія книга, изданная для того, чтобъ сдѣлать тебя добрымъ и мудрымъ: да, мудрымъ ради спасенія твоего; книга сія, содержащая Законъ Божій и Евангеліе Іисуса Христа; Законъ Божій и то, чего Онъ, какъ обязанности, отъ тебя требуетъ; Евангеліе Іисуса Христа и путь, по которому ты идти долженъ, чтобъ получить прощеніе, сдѣлаться угоднымъ Богу и спастись. Сія книга научитъ тебя, что сдѣлалъ Богъ, чтобъ сотворить, сохранить, управить и искупить міръ; она научитъ тебя, какъ поступилъ Богъ съ человѣкомъ, создавъ его праведнымъ и блаженнымъ; ты найдешь въ ней и то, что Богъ сдѣлалъ пославъ Сына Своего на землю, чтобъ спасти родъ человѣческій; и что сей самый Сынъ сдѣлалъ, чтобъ искупить насъ и примирить насъ съ Богомъ; ты увидишь въ ней, какъ добродѣтельные Мужи, ходившіе въ присутствіи Его, были Имъ возлюблены и вознаграждены; какъ напротивъ того покаралъ и наказалъ Онъ безбожныхъ, оскорбившихъ Его; въ ней ты научишься вѣрить, раскаяваться, повиноваться, побѣждать міръ и быть вѣчно блаженнымъ. О Божественная книга! колико забыта ты и презрѣна! О міръ развращенный! который ни оцѣнить, ни научиться, ни размыслить о священной книгѣ сей, содержащей слово истины и спасенія, не хочешь! О долготерпѣніе Божіе, терпящее безпечный міръ, оставляющій законъ и завѣтъ Твой волю Твою и благодать, открытыя Тобою человѣкамъ, погибель коихъ была неизбѣжна!

8. Разсмотри, что суть обращеніе, раскаяніе и возрожденіе. Ты часто слыхалъ объ нихъ, но весьма слабое только имѣешь объ нихъ понятіе. Знаешь ли ты, что такое обратиться къ Богу? знаешь ли, что есть раскаяніе, внушающее намъ отвращеніе къ грѣху и возносящее сердца наши къ Богу? знаешь ли ты, что такое вновь духовно родиться, или имѣть сердце и душу, обновленныя Духомъ Божіимъ? Не чувствуешь ли ты, что надобно произойти великой перемѣнѣ въ сердцѣ и совѣсти твоихъ, прежде нежели ты придешь въ состояніе войти въ небесное Царство? Не видишь ли ты, что тебѣ надлежитъ почти совершенно перемѣниться и въ духѣ и въ свойствахъ, прежде нежели возможешь сдѣлаться Святымъ и придешь въ состояніе любить Бога и Іисуса Христа всѣмъ умомъ твоимъ, всею мыслію и всѣми силами твоими. Не видишь ли, колико ты суетенъ, безуменъ, плотянъ, прилѣпленъ къ міру и испорченъ; что ты долженъ быть новою тварію, имѣть новое сердце, новый умъ и новыя вожделѣнія, чтобъ быть такимъ, каковымъ ты быть долженъ, и какъ сего отъ тебя Богъ требуетъ, чтобъ приготовиться къ смерти и явленію предъ Нимъ? Ахъ! сколько времени располагаешься ты еще проводить жизнь въ беззаконіяхъ, въ привязанности и привычкѣ къ грѣху! Сколько времени будешь ты оставаться врагомъ Божіимъ и въ удаленіи отъ Него, не помышляя объ обращеніи и чистосердечномъ возвращеніи къ Нему? «Ахъ! обратись, обратись! Для чего желаешь погибнуть? О домъ Израилевъ»! Вы живущіе въ странѣ свѣта, въ землѣ озаренной блескомъ Евангелія.

9. Разсмотри, что есть смерть. Думай о ней, поелику она скорыми и великими шагами приближается: блаженъ, тысячекратно блаженъ ты, естьли она не прекращаетъ дней твоихъ внезапу, прежде, нежели ты соберешься, не шутя, подумать о ней. Не разлучитъ ли она душу твою отъ тѣла? Не пожденетъ ли она тѣла сего, чтобы предать его землѣ? О грѣшникъ, слѣпой и безумный, остающійся толь малое время на землѣ и не хотящій помыслить о смерти и о ужаснѣйшихъ ея послѣдствіяхъ! Ахъ! какой духъ ослѣпленія толико овладѣлъ твоимъ сердцемъ; что препятствуетъ тебѣ изготовиться къ принятію вѣстника, приходящаго препроводить тебя въ другой міръ? Ахъ! какіе токи слезъ пролить должно о тѣхъ умирающихъ грѣшникахъ, непекущихся о мѣстѣ своего переселенія! О міръ льстивый и развратный, препятствующій человѣкамъ помышлять о смерти и приготовляться къ оной! О грѣхъ, производящій въ душѣ оное усыпленіе, которое погрузитъ ее во тьму и вѣчное отчаяніе! Друзья мои! выдте, умоляю васъ, выдте изъ сей ужасной дремоты, оживите чувства и разумъ ваши; подумайте, куда вы скоро пойдете! Увы! сколько погребеній мы видимъ ежедневно! Сколько людей въ траурѣ встрѣчаемъ повсюду! Увы!

въ скоромъ времени, и можетъ быть на сей же еще недѣлѣ, лице твое измѣнится; уста и глаза твои сомкнутся; тѣло твое охладѣвшее, безчувственное и бездыханное положится во гробъ, и потомъ вмѣстѣ съ нимъ заключится въ мрачную могилу, которая скроетъ его отъ взоровъ человѣковъ! Пребудешь ли ты и тогда суетнымъ, тщеславнымъ, горделивымъ, безразсуднымъ и буйнымъ, каковымъ ты до сего дня оставался? О, любезнѣйшіе братья! гдѣ бы вы ни были, помышляйте о смерти, и не упущайте ничего изъ виду, что можетъ пріуготовить васъ къ оной!

10. Подумай, что такое небо; но кто возможетъ изъяснить радости, наслажденія и удовольствія на немъ вкушаемыя! Ахъ! какое пламенное желаніе стремиться туда, нѣкогда познать оныя радости и насладиться ими, долженствовало бы постоянно возбуждать тебя! Ахъ! умоляю тебя, имѣй живѣйшее и чистосердечнѣйшее стремленіе къ небу! Ты ощутишь нѣкогда, что оно достойно было всего уваженія твоего и всѣхъ понесенныхъ тобою для пріобрѣтенія онаго трудовъ! Тамъ истинный источникъ жизни, міра, и благословеніе! Тамъ вѣчное жилище Божіе, присутствіе Коего внушаетъ неизъяснимую и безконечную радость. Царство Спасителя нашего, Который тебя безпредѣльно блаженнымъ содѣлаетъ, тамъ пребываніе блаженныхъ Духовъ, содружество коихъ будетъ восхитительно: наконецъ, небо есть отечество Святыхъ душъ, вышедшихъ изъ міра сего и наслаждающихся совершенствомъ бытія своего, которыя доставятъ тебѣ чистѣйшую радость! Естьли святое сообщество сіе не возбуждаетъ въ тебѣ живѣйшей горячности къ нему, по истинѣ ты не достоинъ когда-либо достигнуть онаго. Ахъ! не ужели ты всегда небо и блаженныхъ обитателей его презирать будешь? Ахъ! подумай объ ужасной минутѣ, въ которую ты на вѣчность изъ онаго изгнанъ будешь!

11. Разсмотри, что есть адъ! Подумай не шутя о томъ, дабы нѣкогда не низвергнуться въ оной! Да вложитъ въ сердце твое Богъ желаніе избѣгнуть сихъ мученій! Ахъ! какой языкъ изъяснить удобенъ, какія чувства ощутить могутъ ихъ силу, ихъ жестокость, ихъ продолжительность! Адъ есть жилище демоновъ и осужденныхъ, испытующихъ на себѣ всю тяжесть злобы и проклятія Всесвятѣйшаго Бога! Ахъ! колико несносна должна быть тяжесть гнѣва Его и строгость Его прощенія! Колико правосудіе, негодованіе и отмщеніе Божіе должны быть страшны и ужасны! Увы! червь, въ аду точащій, не умретъ никогда! огонь, тамъ живущій, никогда не угаснетъ. О! Езеро горючей сѣры, пламя и казнь въ которомъ вѣчны! О вопли! о рыданія! денно и нощно отъ онаго восходящія! О плачъ! о содраганіе и скрежетаніе зубовъ! о терзанія совѣсти! о ужасъ! о тьма смертная! о смятеніе! о отчаяніе! Помилуй насъ Господи! помилуй насъ навѣки отъ сего мѣста мученія! О бѣдные смертные! войдите въ самихъ себя, размыслите, не шутя! Ахъ! естьли вы повержены будете въ адъ, подумайте, что состояніе ваше останется на всю вѣчность несравненно ужаснѣйшимъ, нежели каковымъ вы его себѣ представить можете! Да и какъ избавитесь вы отъ него, когда многія тысячи уже наполняютъ его, а еще большее число оныхъ въ послѣдствіи времени повержено въ него будетъ! Чѣмъ лучше мы другихъ? Какое имѣемъ предъ ними преимущество? Что сдѣлали и дѣлаемъ мы во избѣжаніе осужденія нашего? Не такова-ли же и наша безпечность? На таковы ли же преступленія и грѣхи наши? Ахъ! выдте изъ пагубнаго усыпленія вашего, всѣ имѣющіе душу, которую надлежитъ спасти вамъ! Ахъ! ради Бога, ради оныхъ дражайшихъ и драгоцѣннѣйшихъ душъ, берегитесь, чтобъ не впасть и вамъ въ вѣчное пламя и вѣчныя муки ада!

Не такъ быстро паритъ по воздуху орелъ, не такъ стремительно летитъ пущенная изъ лука стрѣла, не съ такою скоростію падаетъ камень къ средоточію своему, какъ быстро, стремительно и скоро низпадаетъ въ адъ грѣшникъ по разлукѣ души отъ тѣла.

Претерпѣвать тысячи смертей, не имѣя возможности умереть болѣе, раздирать сердце свое отъ бѣшенства и досады; безпрестанно и безъ отдыха мучиться; се, весьма впрочемъ слабое, изображеніе ада!

Легче перечесть всѣ мгновенія времени, всѣ капли воды въ моряхъ, рѣкахъ и источникахъ, весь песокъ морской и рѣчной, и всѣ травы въ поляхъ, лѣсахъ и садахъ растущія, нежели осужденному вычислить въ аду свои мученія.

Оставь грѣхи твои, и вознеси вздохи твои къ Небу, естьли избѣгнуть хочешь сего вѣчнаго пламени! Устреми жарчайшія желанія твои къ Божественному Искупителю, естьли желаешь, чтобъ адъ не возгорѣлся въ душѣ твоей.

346. Думы. Стихотворенія К. Рылѣева. Москва, въ типографіи Селивановскаго. 1825 года.—Въ 8 д. л., VIII+172 стр.

Первый заглавный листъ, гравированный Флоровымъ, съ виньеткой. «Думы» посвящены Н. С. Мордвинову. Подъ каждой «думой» помѣщены историческія примѣчанія, составленныя большею частію П. М. Строевымъ. «Думы» были перепечатаны въ «Сочиненіяхъ и перепискѣ К. Ѳ. Рылѣева», изданныхъ подъ редакціею П. А. Ефремова въ 1872 и 1875 гг.—Кромѣ того «Думы» были изданы въ Берлинѣ въ 1857 и 1860 гг. и въ Лейпцигѣ — 1861 1872 гг. Заграничныя изданія запрещены.— См. у Остроглазова—«Русскій Архивъ» за 1891 г. № 9.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія весьма рѣдко попадаются въ книжной торговлѣ.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

347. Дурацкой колпакъ. С.-Петербургъ, въ типографіи главнаго управленія путей сообщенія, 1828 года.—Въ 8 д. л., 2 части, 1 часть 60 стр., 2 часть 58 стр.

Двѣ небольшія, но довольно интересныя книжки, содержащія въ себѣ юмористическія стихотворенія; чтобы дать нѣкоторое понятіе о сей интересной книгѣ, прилагаю выписку изъ предисловія оной.

Читатель: ради-ли вы услугѣ,
Предъ вами слово я сдержалъ,
Я часть вторую на досугѣ
Въ колпакъ Дурацкой навязалъ,
Вы въ немъ V главъ прочесть рѣшились,
И шесть прочтите жъ, вотъ онѣ,
Мы, помните, остановились,
На брани страшной, грозномъ снѣ.

Эта книжка въ настоящее время рѣдка, мною купленъ экземпляръ за 2 рубля.

348. Духовная тайнаго совѣтника и астраханскаго губернатора Василія Никитича Татищева. Сочиненная въ 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу Татищеву. Печатана въ Санктпегербургѣ 1773 г. — Въ 8 д. л., 4+57 стр.

Въ 1773 году Сергѣй Друковцовъ издалъ книгу подъ слѣдующимъ заглавіемъ «Духовная тайнаго совѣтника Татищева». Въ своемъ вступленіи авторъ говоритъ, что «разбирая оставшіяся послѣ покойнаго родителя моего, титулярнаго совѣтника Василія Максимовича Друковцова книги, нечаянно нашелъ списанную рукою его копію подъ именемъ: завѣщаніе, сдѣланное покойнымъ астраханскимъ губернаторомъ тайнымъ совѣтникомъ Василіемъ Никитичемъ Татищевымъ сыну его, господину, нынѣ статскому совѣтнику, Евграфу Васильевичу; а притомъ, усмотрѣвъ въ книгѣ россійскаго судебника, что издатель онаго, уважая повидимому достоинство господина Татищева, и усердствуя общественной пользѣ, знавъ его благоразуміе, приглашалъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ у себя какія либо нибудь его сочиненія, чтобъ они сообщали ихъ свѣту; и я не преминулъ то, сочиненное имъ, господиномъ Татищевымъ для общенародной пользы наставленіе, предать печати».

См. «Опытъ россійской библіографіи» Василія Сопикова—за № 35. — Есть у Губерти — за № 181.—Слов. Митр. Евгенія —т. II, стр. 200—201.

349. Духъ законовъ. Твореніе знаменитаго французскаго писателя де-Монтескье. Переводъ Е. Корнеева. 3 части. Изданіе второе. Санктпетербургъ, въ типографіи штаба отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. 1862 года.—Въ 8 д. л., часть 1-я 363+VIII Часть II-я 376+IX. Часть III-я 384+VIII стр.

Это сочиненіе знаменитаго французскаго писателя де-Монтескье, представляющее собою обширное изслѣдованіе, которое доставило автору почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ.

Изданіе въ переводѣ Е. Корнеева считается самымъ полнымъ и лучшимъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры рѣдки. Куплена мною книга за 8 рублей.

350. Духъ жизни и ученія Іисуса Христа въ Новомъ Завѣтѣ. Часть первая, отдѣленіе первое, содержащее Евангеліе отъ Матѳея. Переводъ съ нѣмецкаго языка. Сочиненіе І. Госнера. Въ С.-Петербургѣ, печатано у Греча, 1824 г.— Въ 8 д. л., 856 стр.

Означенная книга, по высочайшему повелѣнію, была изъята изъ типографіи Греча недопечатанною и поручена для разсмотрѣнія А. С. Шишкову и

Министру Внутреннихъ Дѣлъ Ланскому. Комитетъ Министровъ, выслушавъ докладъ объ этой книгѣ, призналъ, что толкованіе пастора Госнера оскорбительно для греко-россійской вѣры и содержитъ въ себѣ мнѣнія, клонящіяся къ разрушенію общественнаго благоустройства, вслѣдствіе чего книга, какъ зловредная, была сожжена 10 сентября 1824 г. См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1855 годъ», стр. 37, и за 1861 годъ, стр. 57.—У Геннади—№ 243 и Скабичевскаго «Очерки по исторіи русской цензуры».

Пасторъ I. Госнеръ.

Съ портрета, приложеннаго къ Библіогр. Запискамъ.

Означенное изданіе въ настоящее время почти не находимо. У меня имѣется рукописный экземпляръ этого изданія, но не полный.

Въ виду особаго интереса, представляемаго этою книгою, считаю не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько словъ относительно судьбы ея.

Митрополитъ Серафимъ лично явился къ Государю Александру I съ просьбою объ уничтоженіи вредныхъ книгъ, и въ книгѣ Госнера указывалъ ему мѣста, въ которыхъ говорилось противъ православія и самодержавія. Затѣмъ онъ поставилъ на видъ Св. Синоду необходимость отобрать зловредныя книги изъ духовныхъ училищъ и приступить къ подробному ихъ разсмотрѣнію.

Затѣмъ Смирновъ, губернскій секретарь, переводчикъ московской медико-хирургической академіи, въ августѣ 1816 г. подалъ Императору Александру I доносъ на мистическія и другія книги, изданныя 1815—16 г., книги, въ которыхъ онъ видѣлъ отступничество отъ православія и крайнюю опасность для государства, и источникомъ ихъ считалъ тайныя массонскія и квакерскія общества, ведущія къ потрясенію государства, а потому и престоловъ *).

И затѣмъ Шишковъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія, такъ писалъ Государю о мистическихъ книгахъ: «Если бы извлечь изъ нихъ всѣ въ разныхъ видахъ и смыслахъ разсѣянныя лжеученія и привесть ихъ въ совокупность, то какой пагубный ядъ, миссіонерами, сектами и разными средствами распространяемый, открылся бы въ нихъ! Плоды распущенныхъ во множествѣ книгъ, въ которыхъ приводимые изъ библіи тексты толкуютъ превратно, вездѣ оказываются въ есаульскихъ и солдатскихъ посланіяхъ. Чрезвычайное въ краткое время умноженіе самыхъ опаснѣйшихъ расколовъ есть несомнѣнно отъ сего послѣдствіе».

Докладъ этотъ однако до времени не былъ принятъ въ уваженіе.

Въ виду исключительной рѣдкости этого отдѣла, считаю не лишнимъ привести здѣсь списокъ нѣкоторыхъ рукописныхъ и печатныхъ сочиненій XVIII и XIX вѣка, относящихся къ исторіи массонства и мистической литературы въ Россіи.

1. Магазинъ свободно-каменьщическій, содержащій въ себѣ рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ, пѣсни, письма, разговоры и другія краткія писанія, стихами и прозою; томъ первый, въ 3 частяхъ, Москва, въ тип. И. Лопухина, 1784 года.—Въ 8 д. л.

У В. Сопикова за № 6137, сказано: «очень рѣдка».

Въ этой книгѣ содержатся мысли сектическія и не сообразныя извѣстнымъ истинамъ. По мнѣнію Архимандрита Фотія, книга худая, массонская.

2. Вольно-каменьщическія рѣчи, говоренныя въ присутствіи II. Н., братомъ Розоваго Креста; Москва.—Въ 8 д. л.

---

*) См. „Минуты пастырскаго досуга Гермогена, епископа Ладожскаго“ стр. 360.

У Сопикова за № 9974, сказано: «рѣдка».

Эта книга наполнена странныхъ сектическихъ мыслей. См. «Замѣчанія цензоровъ».

3. Духовный путеуказатель, служащій къ отвлеченію души отъ чувственныхъ вещей, къ приведенію ея внутреннимъ путемъ къ совершенному созерцанію и ко внутреннему миру. 3 части, переводъ. Москва, въ типографіи И. Лопухина, 1784 года.—Въ малую 8 д. л.

У Сопикова за № 3506 сказано: «очень рѣдка».

Въ этой книгѣ есть нѣкоторыя выраженія очень жестокія и уставу церкви нашей противныя.

4. Избранная библіотека для Христіанскаго чтенія. 4 части, Москва, 1784 года.—Въ 12 д. л.

У Сопикова за № 2219, сказано: «рѣдка, а особливо 4-я часть, которой окончаніе не допечатано».

Въ этой книгѣ находятся темныя мѣста, въ которыхъ усматриваются мысли, не сходствующія съ разумомъ нашей церкви (см. подлинные реестры).

5. Избранная библіотека для Христіанскаго чтенія. 2 части. Изданіе второе, для бѣдныхъ. Москва, 1786 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 2220, сказано: «рѣдка».

Въ этой книгѣ есть нѣчто противное уставу нашей православной церкви.

6. Начертаніе всеобщаго нравовъ исправленія. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1786 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 6749.

По мнѣнію Архимандрита Фотія, книга не нужная.

7. Собраніе разныхъ пѣсней, къ умиленію души служащихъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Часть 1-я. Москва, въ типографіи И. Лопухина. 1785 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 10959.

Эта книга совсѣмъ не нужная.

8. Тайна творенія по видимымъ и невидимымъ чудесамъ его. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1785 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 11681, сказано: «весьма рѣдка».

Авторъ этой книги отступилъ отъ истины слова Божія и примѣшалъ слово лишнее и ненужное.

9. Новое химическое свѣтило. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1784.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 10169, сказано: «весьма рѣдка».

Въ этой книгѣ авторъ смѣшиваетъ физику съ Богословіемъ, превращая и ту и другое. См. «Замѣчанія цензоровъ».

10. Магическій драгоцѣнный камень, то есть краткое изъясненіе книги натуры по семи величайшимъ листамъ ея, въ которой можно читать божественную и натуральную премудрость, вписанную перстомъ Божіимъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1784 г.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 5011, сказано: «очень рѣдка».

Въ сей книгѣ примѣчаются нѣкоторыя выраженія, не сходствующія съ священной истиною.

11. О рожденіи и рожданіи натуральныхъ вещей. Переводъ. Москва.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 9772.

Эта книга наполнена новыхъ жесткихъ и соблазнительныхъ выраженій (Архимандритъ Мефодій).

12. Духъ Масонства, нравоучительныя и истолковательныя рѣчи г. Гучинсона, въ 14 рѣчахъ состоящій, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ и отвѣтовъ о Масонскихъ таинствахъ.—Переводъ съ нѣмецкаго. Москва (около 1785 года).—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 3535, сказано: «очень рѣдка».

По мнѣнію Архимандрита Мефодія, эта книга содержитъ въ себѣ мудрованія соблазнительныя.

13. Посланіе св. Апостола Іакова, съ толкованіемъ и примѣчаніями относительно внутренней жизни. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1785 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 8548, сказано: «очень рѣдка».

Эта книга напечатана въ тайной масонской типографіи.

14. Таинство Креста, огорчевающаго и утѣшающаго, умертвляющаго и животворящаго, уничиженнаго и торжествующаго Іисуса Христа и членовъ его; писано посреди креста внутрь и внѣ, ученикомъ креста Іисусова, кончено 12 августа 1732 года. Переводъ съ французскаго. Москва, 1784 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 11684.

Въ этой книгѣ Богословскія матеріи толкуются страннымъ и суемудреннымъ образомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣчены и хулы на восточную церковь.

15. Простосердечное наставленіе о молитвѣ, во-1-хъ, какъ сердце въ усердной молитвѣ внут-

реннимъ предразмышленіемъ возбуждается и уготовляется, во-2-хъ, какъ Адамъ и Христосъ въ насъ суть, а не внѣ насъ, на сіе цѣлое Св. Писаніе указуетъ, въ 3-хъ, чего ради Христомъ повелѣна молитва, хотя Богъ издалече насъ предупреждаетъ благими своими, прежде нежели молимся мы. Переводъ. Москва.—Въ 8 д. л. Безъ означенія года.

У Сопикова за № 9122, сказано: «рѣдка».

Книга напечатана въ тайной масонской типографіи.

16. Шестидневныхъ дѣлъ сего міра тайное значеніе, открытое въ зерцалѣ предревней Моисейской философіи, въ коей изъясняется о водахъ, Едемѣ, о древѣ добра и зла и проч. Соч. Аббатами: Дюгетомъ и Дисфелетомъ. Переводъ съ французскаго. Москва. Въ типографіи Лопухина, 1786 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 12616, сказано: «весьма рѣдка».

По мнѣнію Архимандрита Меѳодія, авторъ этой книги мудрствуетъ противно и слову Божію и уставу церкви.

17. Словарь библейный и эмблематическій. Москва, 1786 г.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 13161, сказано: «рѣдка».

Въ этомъ словарѣ есть нѣкоторыя толкованія, противныя истинѣ вѣры.

18. Должность братьевъ златорозоваго креста древнія системы. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 3254, сказано: «рѣдка».

По мнѣнію Архимандрита Меѳодія, книга эта, содержащая въ себѣ мудрованія сектическія, безмѣстныя.

Книги, признанныя Архіепископомъ Платономъ въ 1786 году «сумнительными и могущими служить къ разнымъ вольнымъ мудрованіямъ, а потому къ заблужденію и разгоряченію умовъ».

19. О заблужденіяхъ и Истинѣ, или воззваніе человѣческаго рода ко всеобщему Началу знанія. Сочиненіе, въ которомъ открывается примѣчателямъ сомнительность изысканій ихъ и непрестанныя ихъ погрѣшности, и вмѣстѣ указывается путь, по которому должно бы имъ шествовать къ пріобрѣтенію физической очевидности; о происхожденіи добра и зла, о Человѣкѣ, о Натурѣ вещественной, о Натурѣ невещественной и Натурѣ священной, объ основаніи политическихъ Правленій, о власти Государей, о правосудіи Гражданскомъ и Уголовномъ, о Наукахъ, Языкахъ и Художествахъ. Соч. Философа неизвѣстнаго (Сенъ-Мартеня). Переводъ съ французскаго. Москва, 1785 года.—Въ 8 д. л. (на 542 стр.).

У Сопикова за № 4138, сказано: «довольно рѣдка».

Въ этой книгѣ находятся мѣста, не согласующія священной истинѣ.

20. Апологія, или защищеніе ордена В. К. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1784 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 1994, сказано: «рѣдка».

Книга сомнительная, совсѣмъ лишняя.

21. Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братьямъ Св. К., писанныя братомъ Седдагомъ. Москва, 1784 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 12068, сказано: «очень рѣдка».

Эта книга, содержащая странныя мысли.

22. Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть, различнаго весьма важнаго содержанія. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1783 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 12487, сказано: «рѣдка».

По мнѣнію Архимандрита Фотія, книга худая, масонская.

23. Карманная книжка для Вольныхъ Каменьщиковъ, и для тѣхъ, которые не принадлежатъ къ числу оныхъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1783 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 5082, сказано: «рѣдка»

Книга сомнительная.

24. Химическая псалтирь или философическія правила о камнѣ мудрыхъ. Соч. Ѳеофраста Парацельса. Переводъ съ нѣмецкаго. 1784 года.—Въ 12 д. л.

У Сопикова за № 9142, сказано: «очень рѣдка».

Книга напечатана безъ указаннаго дозволенія.

25. Новая Киропедія. Изданіе второе, исправленное, съ англійскаго подлинника. 2 части, съ картиною. Москва, 1785 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 5145, сказано: «рѣдка».

Книга запрещенная.

26. Похвала Сократу, произнесенная въ обществѣ человѣколюбцевъ. Переводъ съ французскаго. Москва, 1783 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 8587.

27. Драгоцѣнная меду капля изъ камня Христа, или краткое слово—увѣщаніе ко всѣмъ святымъ и грѣшникамъ. Москва, 1784 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 3296.

28. Іосифъ, въ IX пѣсняхъ. Соч. г. Битобе. Перевелъ съ французскаго Денисъ фонъ-Визинъ.—Изданіе второе. 2 части. Москва, 1780 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 8673.

29. Человѣкъ въ сорокъ талеровъ. Переводъ Г. Галченкова. Спб., 1780 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 2618.

Книга не важная и не нужная.

30. Іоанна Масона, А. М. Познаніе самого себя, въ которомъ естество и польза сея важныя науки, равно и средства къ достиженію оныя показаны, съ присовокупленіемъ примѣчаній о естествѣ человѣческомъ; переведено съ англійскаго на нѣмецкій, а съ сего на Россійскій І(ваномъ) Т(ургеневымъ); 3 части. Изданіе второе. Москва, 1786 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 4963.

Въ этой книгѣ находятся мѣста, не согласующія истинѣ.

31. Наставленія отъ отца къ дочерямъ.—Перевелъ съ французскаго Н. Загоровскій. Москва, 1784 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 6605.

32. Исторія (всеобщая, древняя и новая); соч. аббата Милота. Перевелъ съ французскаго Михайло Багрянскій. 9 частей. Москва, 1785 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 4736.

33. Аристидъ или истинный патріотъ, историческая повѣсть. Переводъ съ французскаго. Спб., 1780 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 2015.

34. Лактанція Фирміана, нареченнаго Христіанскимъ Цицерономъ, Божественныхъ наставленій седмь книгъ, писанныхъ къ Константину Великому, первому Христіанскому Императору. съ присовокупленіемъ: 1) о гнѣвѣ Божіемъ, 2) о удивительномъ строеніи человѣка, и 3) о кончинѣ гонителей Христіанства. Перевелъ съ латинскаго Иванъ Тредьяковскій. 2 части. Москва, 1783 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 2015.

Авторъ этой книги мудрствуетъ противно истинѣ.

35. Русскія сказки, содержащія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и проч., оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти приключенія. Соч. М. Чулковымъ. 10 частей. Москва, 1780—1783 годовъ.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 10316.

36. Сказки духовъ или забавныя наставленія Горама, сына Асмарова, соч. на персидскомъ языкѣ. Переводъ съ французскаго. 6 частей. Москва, 1785 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 10307.

37. Библіотека нѣмецкихъ романовъ; переведена съ нѣмецкаго Васильемъ Левшинымъ. 3 части. Москва, 1780 г.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 2223.

38. Новое и полное собраніе Россійскихъ пѣсенъ. Изданіе третіе, дополненное. 6 частей. Москва, 1780—1781 годовъ.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 10944.

39. Евдомадевхаріонъ или молитвы на каждый день седмицы, избранныя Аѳанасіемъ, Іеромонахомъ Критскимъ, съ присовокупленіемъ молитвъ умилительныхъ къ Пресвятой Богородицѣ, на каждый день также расположенныхъ, и нѣкоторыхъ другихъ. Переводъ съ греческаго. Москва, 1787 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 3674, сказано: «рѣдка».

Книга запрещенная.

40. Изслѣдованіе философическихъ и нравственныхъ проповѣдей. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1787 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 4516, сказано: «рѣдка».

Книга запрещенная.

41. Іоанна Арндта, о истинномъ христіанствѣ, съ присовокупленіемъ райскаго вертограда и другихъ мелкихъ сочиненій сего знаменитаго писателя; вновь перевелъ съ нѣмецкаго Ив. Тургеневъ. 5 частей. Москва, 1784 года.—Въ 12 д. л.

У Сопикова за № 4956.

Книга запрещенная.

42. Наука обращаться съ Богомъ. Переводъ съ латинскаго. Москва, 1786 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 6637.

Книга запрещенная.

43. Образъ житія Енохова или родъ и способъ хожденія съ Богомъ. Сочиненіе англинскаго богослова Іосифа. Переводъ. Москва, 1784 года.— Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 6972, сказано: «рѣдка».

Книга запрещенная.

44. Опытъ подвига въ благочестіи. Переводъ съ латинскаго. Москва, 1783 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 7860.

Книга запрещенная.

45. Мессія, соч. г. Клопштока; перевелъ съ нѣмецкаго Алексѣй Кутузовъ. 2 части. Москва, 1785—1787 годовъ.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 8682. сказано: «сіи двѣ части составляютъ только половину нѣмецкаго подлинника».

Книга запрещенная.

46. Истинныя правила христіанскаго воспитанія дѣтей, предложенныя въ письмахъ, въ которыхъ содержатся также начальныя основанія христіанской религіи и жизни для людей всякаго состоянія. Перевелъ съ французскаго Максимъ Невзоровъ. Москва, 1785 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 8800.

Книга запрещенная.

47. Священная сатира на суету міра или экклезіастъ премудраго пророка Соломона. Переведено съ латинскаго М. Цвѣтихинымъ. Москва, 1783 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 10179.

Книга запрещенная.

48. Слова поучительныя (два) и четыре рѣчи похвальныя, сочинены и говоренныя на италіянскомъ языкѣ Греческимъ Епископомъ Иліею Минятіемъ. Перевелъ на россійскій языкъ Степанъ Писаревъ. Спб., 1773 г.—Въ 4 д. л.

У Сопикова за № 10371 сказано: «помѣщены также въ 3-мъ томѣ собранія его поученій».

Книга запрещенная.

49. Судьба религіи. Москва, 1785 года.— Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 11599.

Книга запрещенная.

50. Иліотропіонъ, то есть обращеніе солнца или созерцаніе воли человѣческой съ волією Божією. Переводъ съ латинскаго. 2 части. Москва, 1784 года.—Въ 8 д. л..

У Сопикова за № 4558.

Напечатана безъ указаннаго дозволенія.

51. Священныя христіанскія размышленія или бесѣды со Христомъ, происходящія внутри сердца благочестиваго христіанина, служащія къ распространенію истиннаго благочестія и возрожденію внутренняго духовнаго невидимаго человѣка. Москва, 1783 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 9521.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

52. Священныя размышленія, ведущія къ настоящему исправленію христіанской жизни. Сочинены г. Буссеемъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1784 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 9520.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

53. Наука благополучно умирать, основанная на правилахъ христіанской жизни. Сочиненіе Кардинала Беллармина. Перевелъ съ латинскаго Василій Бѣляевъ. 2 части. Москва, 1783 года.— Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 6621.

Напечатана безъ указнаго дозволенія. Книга мистическая.

54. Разсужденіе о началѣ и концѣ нынѣшняго и о состояніи будущаго міра. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1783 года.— Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 4965.

Напечатана безъ указнаго дозволенія. Книга мистическая.

55. Единобесѣдованіе души съ Богомъ. Переводъ съ латинскаго. Москва, 1783 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 1746.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

56. Ангола, индѣйская повѣсть. Переводъ съ французскаго. Москва, 1785 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 1951.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

Книга не нужная и не важная.

57. Бесѣды св. Василія Великаго, Архіепископа Кессаріи Каппадокійскія, на шестодневъ, то есть на шесть дней творенія, описанныхъ Проро-

комъ Моисеемъ. Переводъ. Москва, 1782 года.— Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 2206.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

58. Бесѣды преподобнаго Макарія Египетскаго, нарѣченнаго великимъ, о христіанскомъ совершенствѣ, и о снискапіи онаго; переведены съ Еллиногреческаго Іеромонахомъ (бывшимъ потомъ Епископомъ) Моисеемъ. 2 части. Москва, 1782 года.— Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 2210.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

59. Избранныя бесѣды св. Іоанна Златоустаго; выбралъ и перевелъ съ Еллинскаго Знаменскій игуменъ (нынѣ Псковскій архіепископъ) Ириней. 2 части. Москва, 1784 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 2212, сказано: «рѣдка».

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

60. Вѣра, Надежда и Любовь, ученія Богословскаго составъ. Сочиненіе Іеромонаха Аполлоса. Москва, 1782 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 2726.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

61. Радостныя мысли о блаженствѣ благочестивой жизни. Сочиненіе Гарвода. Перевелъ съ нѣмецкаго Іеромонахъ Іеронимъ. Москва, 1783 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 2742.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

62. Діоптра или зерцало мірозрительное, представляющее въ себѣ суету сего свѣта, съ наставленіемъ о презрѣніи оной; переведено съ латинскаго Иваномъ Тредьяковскимъ. 3 части. Москва, 1781 года.—Въ 4 д. л.

У Сопикова за № 3185.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

63. Героическая добродѣтель или жизнь Сифа, Царя Египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая (соч. Г. Террасона). Перевелъ съ французскаго Денисъ фонъ-Визинъ. 4 части. Москва. Изданіе второе. 1786 года.—Въ 12 д. л.

У Сопикова за № 3196, сказано: «рѣдка».

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

Книга имѣетъ замыслы нововведенные.

64. Домъ молчанія, философическая повѣсть, соч. Г. А. д'Арка. Перевелъ съ французскаго Авраамъ Волковъ. Москва. 2 части. 1763 года.— Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 3265.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

65. Драгоцѣнная книжка о внутренней духовной гордости. Москва. 1785 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 3295.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

66. Покоящійся трудолюбецъ, заключающій въ себѣ Богословскія, философическія, нравоучительныя, историческія и всякаго рода, какъ важныя, такъ и забавныя матеріи, и проч., служащій третьимъ продолженіемъ «Утренняго Свѣта». 4 части. Москва, 1784—1785 гг.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 3840.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

67. Житіе св. Григорія Назіанзина, писанное имъ самимъ, съ присовокупленіемъ философической поэмы на нещастіе въ его жизни. Переводъ съ французскаго. Москва, 1783 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 4076.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

68. Златая книжица о прилѣпленіи къ Богу, ко вразумленію, утвержденію и утѣшенію истинно благочестивыхъ и спасенія своего жаждущихъ Христіанъ. Москва, 1784 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 4289.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

69. Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Сочинено особливымъ Обществомъ одного губернскаго города. Тула, 1790 г.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 4506.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

70. Книга о дѣвствѣ. Сочиненіе св. Іоанна Златоустаго. Переводъ. Москва, 1783 года. —Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 4958.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

71. О познаніи самого себя, въ которомъ естество и польза сея важныя науки, равно и средства къ достиженію оныя показаны, съ присовокупленіемъ примѣчаній о естествѣ человѣческомъ. Переведено съ Англинскаго на Нѣмецкій, а съ сего на Россійскій І(ваномъ) Т(ургеневымъ). 3 части. Москва, 1783 года.—Въ 8. д. л.

У Сопикова за № 4962, сказано: «Есть экземпляры сего изданія на почтовой Голландской бумагѣ: они рѣдки».

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

72. Новое Киронаставленіе или путешествія Кировы, съ приложенными разговорами о богосло-

віи и баснотворствѣ древнихъ; сочинено г. Рамзеемъ. Перевелъ съ французскаго Авраамъ Волковъ. 2 части; съ картиною. Москва, 1765 года.— Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 5144, сказано: «рѣдка».

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

Въ этой книгѣ находятся мѣста, не согласующія истинѣ.

73. Чему быть, тому не миновать. Сочиненіе г. Ленокса. Москва, 1788 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 5678.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

74. Лучи мудрости или нравоучительныя и полезныя разсужденія Сенеки и Плутарха, и прочихъ славныхъ въ древности мужей. Переводъ съ латинскаго. 2 части. Москва, 1786 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 6055.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

75. Мысли почерпнутыя изъ Эклезіаста, съ присовокупленіемъ трехъ главъ изъ премудростей Соломоновыхъ. Москва, 1779 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 6367.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

76. Натура и благодать или нѣкоторыя существенныя разнствія между чувствованіями натуральнаго человѣка и человѣка духовнаго, въ разсужденіи вѣчнаго спасенія. Москва, 1784 года.— Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 6620.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

77. Христіанское нравоученіе, состоящее изъ истинно-христіанскихъ и душеспасительныхъ 229 статей или увѣщаній св. Нила. Переводъ. Москва, 1783 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 6894.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

78. Плоды трудовъ прозаическихъ сочиненій Барона Галлера; часть первая, содержащая въ себѣ изображеніе самовластнаго въ государствѣ Единочалія, въ образѣ Усонга восточной повѣсти описанное; часть вторая, содержащая въ себѣ изображеніе Аристократическаго или властію законовъ ограниченнаго въ государствѣ правленія, въ образѣ Алфреда, Короля Англо-Саксоновъ, описанное Перевелъ съ нѣмецкаго Николай Поливановъ. Спб., 1783—1784 гг.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 8301, сказано: «Новое сей книги заглавіе см. «Увѣнчанные подвиги людей мудрыхъ и великихъ».

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

79. Посрамленный безбожникъ и натуралистъ. Перевелъ съ латинскаго іеромонахъ Ѳеофанъ. Москва, 1787 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 8568.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

80. Приключенія Теострика и Ліебъ-Розы, или искушеніе добродѣтели; аллегорическое сочиненіе. Переводъ съ французскаго. 3 части. Москва, 1788 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 8997.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

81. Таинственное путешествіе въ островъ добродѣтели. Перевелъ съ французскаго Свящ. Иванъ Александровскій. Москва, 1781 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 9249.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

82. Путь къ безсмертному сожитію Ангеловъ или собраніе разныхъ для совѣсти утѣшительныхъ размышленій и всѣхъ другихъ побудительныхъ средствъ къ исправленію разума, воли и сердца. Переводъ съ французскаго. Москва, 1787 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 9264.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

83. Надгробныя размышленія, сочиненныя на англинскомъ языкѣ г. Жервеемъ. Переводъ съ французскаго. Москва, 1782 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 9514.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

84. Райскіе цвѣты, помѣщенныя въ седми цвѣтникахъ. Москва, 1784 года.—Въ 4 д. л.

У Сопикова за № 9689.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

Книга, содержащая странныя мысли.

85. Свойства забавъ и увеселеній человѣческихъ. Сочиненіе г. Галлера. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб., 1781 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 10150.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

86. Смерть и страданія Господа нашего Іисуса Христа, истинно и обстоятельно изображенныя, или чудный образъ Христовъ, достойный замѣчанія, удивленія, жалости и подражанія всякому Христіанину, чтеніемъ услаждающемуся. Переводъ съ латинскаго. Москва, 1784 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 10929.

Напечатана безъ указнаго дозволенія

87. Собраніе сочиненій Іоанна Бюніана, содержащее въ себѣ путешествіе Христіанина и Христіанки къ блаженной вѣчности, жизнь и смерть г. Квата, и небесный скоротечецъ или описаніе человѣка, стремящагося къ небесамъ и достигающаго оныхъ. Переводъ съ нѣмецкаго. 4 части. Москва, 1787 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 11008.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

Въ этой книгѣ находятся мѣста, не согласующія истинѣ.

88. Увѣщаніе къ христіанскому жизни препровожденію, съ показаніемъ существеннаго способа, какъ Христіанину привесть себя къ совершенству своему. Москва, 1783 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 12067.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

89. Филонъ іудеанинъ о Субботѣ и прочихъ ветхозаконныхъ праздникахъ. Перевелъ съ Еллинскаго іеромонахъ Гедеонъ. Москва, 1783 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 12372.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

90. Христіянская философія или руководство къ небесамъ, содержащее въ себѣ лучшія изъ Св. Писанія, святыхъ Отцевъ и древнихъ философовъ правоученія; сочиненіе Кардинала Боны. Перевелъ съ латинскаго Андрей Байбаковъ. Москва, 1784 года.—Въ 8 д. л. Изданіе второе, дополненное.

У Сопикова за № 12379.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

91. Христіанинъ воинъ Христовъ и побѣдоносное его оружіе или спасительныя правила жизни Христіанскія. Сочиненіе Еразма Ротердамскаго. Перевелъ съ латинскаго Михайло Завьяловъ. Москва, 1783 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 12489, сказано: «О другомъ переводѣ смотри «Мечъ воинствующаго Христіанина».

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

92. Собранные полезные цвѣты, содержащіе въ себѣ: 1) золотое сочиненіе Самуила Раввина Іудейскаго, 2) нравоучительное христіанское наставленіе, 3) лекарства моральныя на разныя случайности, 4) золотые стихи Пиѳаговоры и нѣкоторыя его письма. Москва, 1786 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 12524.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

93. Щитъ противу боязни и смерти или утѣшеніе всякаго православнаго Христіанина во время искушенія при концѣ его жизни. Сочиненіе Богослова Іоанна Герарда. Переводъ съ латинскаго. Москва, 1783 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 12683.

Напечатана безъ указнаго дозволенія.

351. Духъ или избранныя сочиненія Г. Волтера. Переводъ съ французскаго, съ указаннаго дозволенія. Смоленскъ, при Губернскомъ Правленіи. 1803 года.—Въ 8 д. л., 360 стр.

Въ книгѣ помѣщены слѣдующіе весьма любопытные разсказы: 1) По времени и мысли. 2) О арабскихъ или индѣйскихъ басняхъ. 3) Утѣшенія. 4) Сова и прочія птицы. 5) Царь Бутанскій. До какой степени должно обманывать народъ. 6) Янни или мудрецъ и атеистъ (нравоучительная философическая повѣсть). 7) Ода на суевѣріе. 8) Ода на миръ. 9) Сколь опасно быть разумнымъ. 10) Бѣлой волъ. Справедливая повѣсть. 11) Путешествіе въ небо. 12) Украшеніе Кашеміра, или Бостанжи и философъ индѣйскій. 13) Храмъ вкуса. 14) Факиры въ Индіи, или письмо одного турка. 15) Что есть слово. Разговоръ съ китайцемъ, и 16) Тимонъ, доказывающій, что наука повредила нравы.

Книга по изданію очень рѣдка.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 3 рубля.

352. Духъ и природа. Извлеченія и отрывки изъ твореній Эммануила Сведенборга. Приложеніе „Загробный міръ". — Парижъ, типографія Адольфа Рейффа. 1897 года.—Въ 8 д. л., 107 стр.

Эта книжка «Духъ и природа» по Сведенборгу извлечены изъ его творенія «Ангельская мудрость» о божественной любви и божественной мудрости.

Книжка по изданію рѣдка.

Купленъ мною экземпляръ за 2 рубля.

353. Духъ масонства. Нравоучительныя и истолковательныя рѣчи Вильгельма Гучинсона.—Въ 8 д. л., 276 стр., безъ обозначенія мѣста и года печати.

Въ началѣ книги приложенъ рисунокъ, изображающій обѣ стороны овальнаго берилла, на одной сторонѣ котораго вырѣзано лице Творца, подъ именемъ Юпитера Аммона; на другой видны: солнце, луна, звѣзды, скорпіонъ и змѣя; вокругъ еврейская и между обѣими сторонами берилла—греческая надпись «ABPASIA».—Русское изданіе, исключая заглавій и примѣчаній, напечатано все курсивомъ, и содержитъ въ себѣ слѣдующія рѣчи:

I. Предметъ сего сочиненія. Здѣсь говорится о происхожденіи вольнаго каменьщичества, начало котораго отнесено ко времени Адама.

II. О обрядахъ, обыкновеніяхъ и учрежденіяхъ древнихъ.

III. О томъ же.

IV. Существо ложи.

V. Украшеніе ложи.

VI. Украшеніе и клейноды каменьщиковъ.

VII. Храмъ Іерусалимскій.

VIII. О геометріи.

IX. О каменьщической степени мастера.

X. Таинство каменьщиковъ.

XI. О щедрости.

XII. О любви братской.

XIII. О учрежденіи каменьщиковъ.

XIV. Заключеніе и прибавленіе.

Это рѣдкое изданіе напечатано въ тайной масонской типографіи въ количествѣ 200 экземпляровъ, но не для продажи, а для раздачи членамъ общества. Въ 1792 году эта книга была отобрана отъ Новикова въ его подмосковномъ сельцѣ Авдотьинѣ, Бронницкаго уѣзда, и потомъ сожжена.

См.—Сопиковъ—№ 3535, сказано: «книга очень рѣдкая».—У Губерти—II, № 49.—У Якова Березина-Ширяева—1884 г., стр. 15. Въ «Отч. Имп. Публ. Библіот.» 1855 г. стр. 36—37. Пыпинъ—«Вѣстн. Европы» 1867 г. № 9, стр. 40—44. У Остроглазова—«Книж. рѣдк.» № 63.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость.

Куплена мною книга въ С.-Петербургѣ у букиниста Клочкова за 15 рублей.

354. Духовный путеуказатель, служащій къ отвлеченію души отъ чувственныхъ вещей и къ приведенію ея внутреннимъ путемъ къ совершенному созерцанію и ко внутреннему миру. Москва, въ типографіи И. Лопухина, съ указаннаго дозволенія, 1784 года.—8°, въ 3-хъ частяхъ—1 ч. 148 стр., 2 ч. 102 стр. и 3 ч. 164 стр.

Вся книга, кромѣ предувѣдомленія, предисловія и введенія, напечатана курсивомъ. Изъ масонскихъ книгъ такимъ шрифтомъ печатались весьма не многія. «Духовный путеуказатель» былъ по распоряженію правительства сожженъ: Остроглазовъ—«Русскій Архивъ» за 1892 годъ.—Книга цѣнится отъ 12 до 15 рублей.

355. Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностію Петра Великаго. Изслѣдованіе Н. И. Кедрова. Москва. 1886 года.—244 стр.

Въ своемъ изслѣдованіи авторъ ограничился лишь печатными матеріалами, но весьма подробно знакомитъ съ вопросами, входящими въ предметъ его темы. Вотъ содержаніе его труда. 1) Очеркъ преобразовательной дѣятельности Петра въ области церковной въ связи съ государственными его реформами, до учрежденія сѵнода. 2) Церковно-административныя реформы Петра, центральныя и областныя, со времени учрежденія сѵнода. 3) Заботы Петра Великаго относительно устройства и положенія бѣлаго духовенства. 4) Мѣры преобразователя относительно образованія духовенства. 5) Заботы правительства относительно организаціи монашествующаго духовенства.—Въ заключеніе авторъ полемизируетъ противъ тѣхъ, нерѣдко высказываемыхъ сужденій о церковномъ законодательствѣ Петра Великаго, въ которыхъ заявляется, что великій преобразователь Россіи занесъ руку на дѣло, до основаній котораго рука человѣка не должна касаться, и что церковь съ его реформой, будучи одѣта въ государственный мундиръ, навсегда взята была въ казну, а духовное вѣдомство стало не болѣе, какъ однимъ изъ бюрократическихъ учрежденій. Такой взглядъ авторъ прямо связываетъ съ излюбленными толками защитниковъ старины современныхъ Петру Великому, но авторъ не находитъ оправданія указанному взгляду. Глубоко ошибаются тѣ изслѣдователи церковныхъ реформъ, говоритъ онъ, которые видитъ въ нихъ намѣреніе царя подчинить своей власти церковь, въ смыслѣ цезарепапизма. Ни духовный регламентъ, ни какой

другой актъ времени Петра Великаго не даетъ права къ таковому. Созданныя формы церковнаго управленія нисколько не нарушали самобытнаго начала церкви и въ то же время согласовались съ каноническими формами церковнаго устройства. Несовершенства такого порядка проявились собственно послѣ Петра Великаго, въ смутный періодъ нѣмецкаго владычества на Руси (см. «Русская Старина» за 1886 годъ).

356. Духовный рыцарь, или ищущій премудрости. Сочиненіе И. Лопухина 5791 (1791 г.).—59+1 стр.

Эта рѣдчайшая книга была напечатана въ количествѣ 200 экземпляровъ безъ разрѣшенія правительства. Лонгиновъ признаетъ ее чрезвычайно рѣдкою. Собственно «Духовный Рыцарь» помѣщенъ на первыхъ 46 страницахъ, а съ 47 страницы начинается—«Нравоучительный катехизисъ истинныхъ Ф-къ М-въ». Какъ первое, такъ и второе сочиненія весьма интересны въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ потому, что они содержатъ въ себѣ всю, такъ сказать, суть ученія масонства, всю соль его, а во вторыхъ потому, что они почти единственныя оригинальныя сочиненія русскаго масонства XVIII вѣка.

См. у Сопикова—№ 3507, сказано: «книга очень рѣдкая».—У Остроглазова—№ 61: «рѣдка». Губерти—II, № 154. Пекарскій—«Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII в.» стр. 208-я.—«Лѣтописи русской литературы и древностей» т. 5, стр. 20-я—Купленъ мною экземпляръ у Клочкова за 15 рублей (хорошо сохранившійся).

«Духовный рыцарь» Лопухина въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость, и слѣдовательно не всегда бываетъ находимъ въ книжной торговлѣ, а потому для большинства любителей книга недоступна. Между тѣмъ «Духовный рыцарь» весьма интересенъ въ отношеніи болѣе близкаго ознакомленія съ масонствомъ. Поэтому я считаю не лишнимъ привести его здѣсь, съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

Облецытеся во вся оружія Божія, яко возмощи вамъ стати противу кознемъ діавольскимъ: станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшеся въ броня правды и обувшей нозѣ во уготованіе благовѣствованія мира: надъ всѣми же воспріимше щитъ вѣры и шлемъ спасенія, и мечъ духовный, иже есть Глаголъ Божій.

Ефес. VI. II. 14.

Пламенное усердіе къ Царю и Отечеству своему, любовь къ ближнимъ, ненависть къ порокамъ и стремленіе разумомъ и сердцемъ ополчаться противу враждающихъ Христіанству и Свѣту Ученія Его гонящихъ, суть *доблести Духовныхъ Рыцарей* и однѣ они давать могутъ право и достоинство ко вступленію въ ихъ Общество, котораго цѣль есть, подкрѣпляя силу Законныхъ Властей на земли Предержащихъ и прогоняя мракъ невѣрія, отверзать въ Душахъ путь къ *Горнему Іерусалиму*.

ОБЩІЯ ПРАВИЛА

ДУХОВНЫХЪ РЫЦАРЕЙ

или

ИЩУЩИХЪ ПРЕМУДРОСТИ,

которыя каждый вступающій предъ введеніемъ въ комнату пріуготовленія долженъ подписать, клятвенно обѣщая исполнить ихъ наистрожайше.

I.

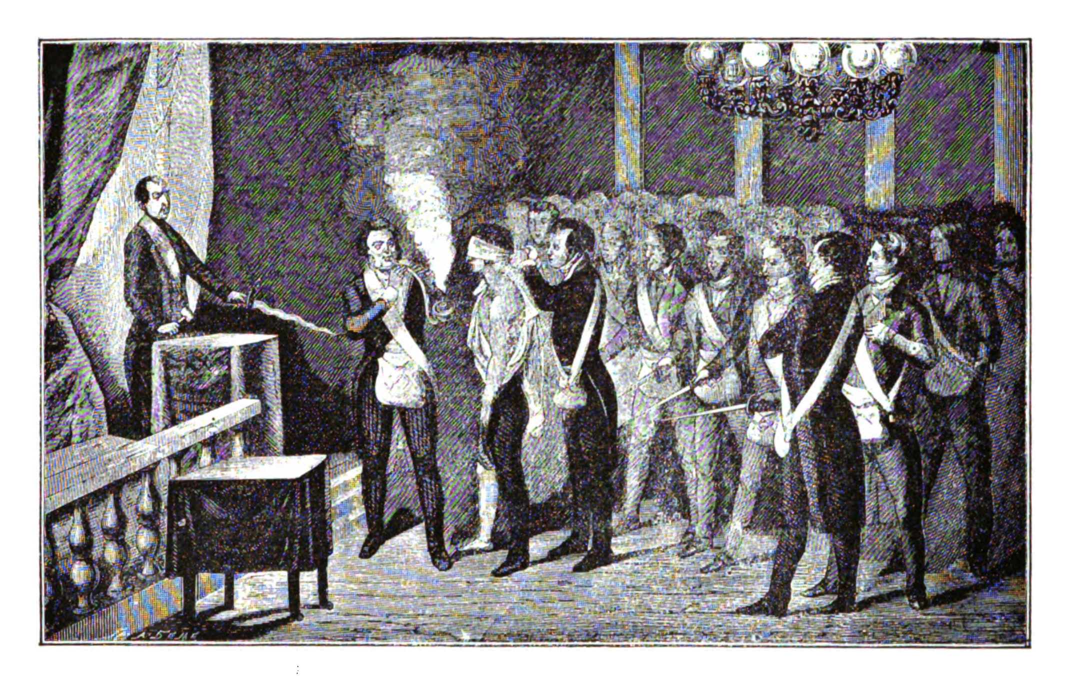
Прилежное упражненіе въ Страхѣ Божіемъ и тщательное исполненіе Заповѣдей Евангельскихъ.

II.

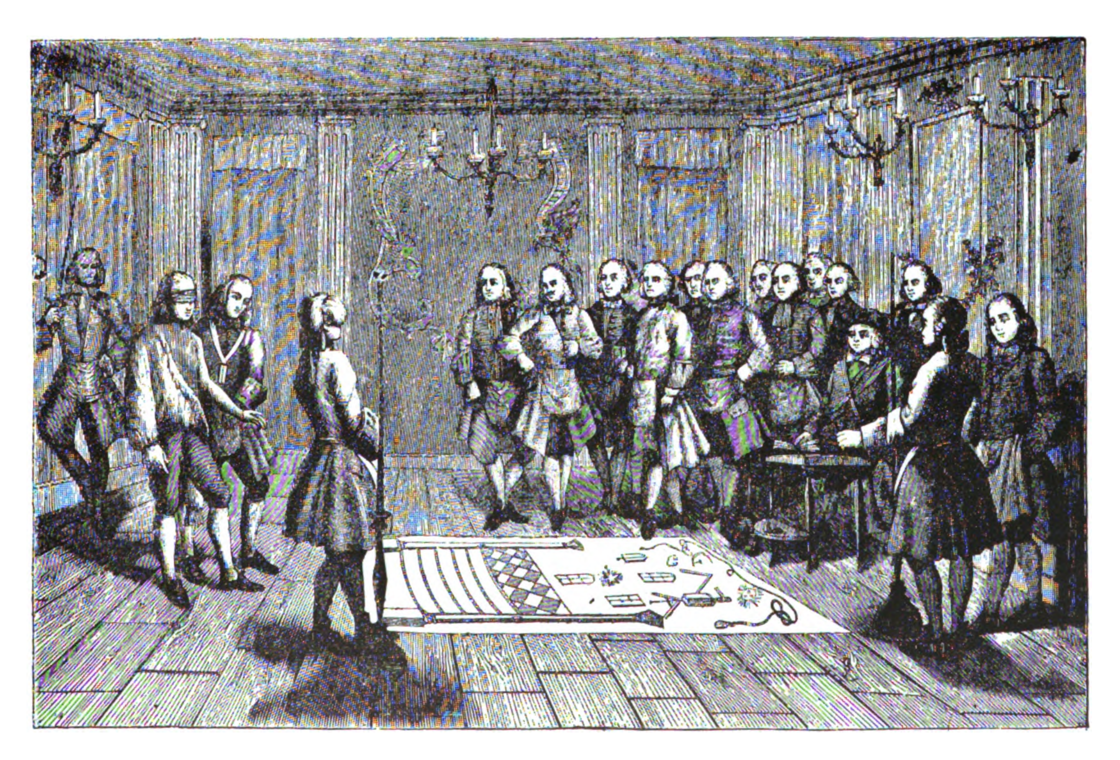
Непоколебимая вѣрность и покорность къ своему ГОСУДАРЮ, съ особливою обязанностію сохранять Престолъ ЕГО, не только по долгу общей вѣрноподданныхъ присяги, но и всѣми силами стремясь изобрѣтать и употреблять всякія къ тому благія и разумныя средства; и такимъ же образомъ стараясь отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче въ настоящія времена Адскаго буйства и волненія противу Властей Державныхъ.

III.

Рачительное и вѣрное исполненіе Уставовъ и Обрядовъ своея Религіи. NB. Изъ Христіанскихъ токмо Религій могутъ быть приняты въ *Общество Рыцарей Ищущихъ Премудрости*.

Пріемъ въ Масонскую ложу вновь поступающаго Члена.

Посвященіе въ Масоны.

(Съ старинной гравюры).

IV.

Совершенное повиновеніе учрежденнымъ въ Правительствѣ Начальствамъ и примѣрное наблюденіе Законовъ Государственныхъ.

V.

Совокупными силами и каждому особо, сколько возможно, противоборствовать буйственной и пагубной системѣ мнимыя вольности и равенства; и стараться искоренять ее всѣми искусными средствами дѣйствій разума и всякими возможными путями добрыми.

VI.

Стараться вообще распространять благонравіе и дѣлами и словами и произведеніями разума, по силамъ и способностямъ своимъ.

VII.

Естьли бы при всей благонамѣренности Учрежденія Рыцарей Ищущихъ Премудрости, Верховной МОНАРШЕЙ Волѣ по какимъ либо причинамъ заблагоразсудилось запретить ихъ собранія, то повиноваться оному повелѣнію безропотно и безъ малѣйшаго нарушенія Его.

ПРІУГОТОВЛЕНІЕ.

Въ Комнатѣ Пріуготовленія поставляются три стола.

Одинъ покрытый чернымъ. На семъ столѣ должны находиться *а*) Библія, открытая на 6 и 7 главѣ книги Премудрости Соломоновой. *б*) Знакъ Рыцаря Ищущаго Премудрости, т. е. *въ сердцѣ Крестъ*, сей Знакъ долженъ быть вызолоченъ) привѣшенный на красномъ снуркѣ съ пятью узлами. *в*) Обнаженный Мечъ. *г*) Погашенный Свѣтильникъ. *д*) Кость мертвой Головы, подъ которою должна стоять зажженная Лампада. *е*) Малый Сосудъ съ чистою Водою. *ж*) Небольшая Доска, на которой изображено золотыми буквами: ***Познай себя; обрящеши блаженство внутрь тебя сущее.***

Другой столъ покрытый бѣлымъ. На семъ между 4-хъ незажженныхъ свѣчъ должно положить изображеніе пламенной Звѣзды съ буквою Д въ срединѣ. Напротиву стола сего на стѣнѣ (къ которой близко онъ стоять долженъ) на доскѣ находятся слѣдующія слова золотыми буквами: ***Блаженъ! слышащій въ сердцѣ своемъ громогласное вѣщаніе Слова Божія, и зрящій откровеніе Божественнаго Свѣта Натуры.***

На семъ же столѣ кладется Запонъ весь бѣлый, подбитый чернымъ, коего весьма узко выпущено на края.

Третій столъ покрытый желтымъ, на которомъ поставленъ Рукомойникъ съ Водою, и положены бѣлыя Перчатки и Мастерская Лопатка золотая.

NB. Естьли мѣсто и обстоятельства дозволяютъ, то лучше, чтобъ всѣ сіи столы были поставлены въ разныхъ комнатахъ, и въ нихъ бы по порядку происходили Бесѣды и дѣйствія съ Кандидатомъ.

ВВЕДЕНІЕ КАНДИДАТА

КЪ ПРІУГОТОВЛЕНІЮ.

Въ назначенное время Вводитель *) приведетъ Кандидата безъ шпаги и безъ шляпы, съ завязанными глазами, въ *комнату пріуготовленія*, надѣнетъ на него мантію темнаго цвѣта, на лѣвой сторонѣ которой изображено зміемъ обвитое сердце, посреди коего какъ бы находится малый свѣтъ, но покрываемый тьмою, помрачающею все сердце; подкладка сея Мантіи темная же. Потомъ открываетъ Кандидату глаза, и посадя его подлѣ перваго стола, совѣтуютъ ему пребывать въ тихомъ размышленіи, углубляться всѣми силами во внутренность свою, и при семъ ему скажетъ:

«Щастливъ будешь, братъ, естьли живо ощутишь въ себѣ тьму невѣжества и мерзость пороковъ, и ихъ возненавидишь. Сіе ощущеніе спасительно для тебя будетъ, и можетъ дать тебѣ существенное средство въ единый часъ, въ единую даже минуту духовно приблизиться къ *Источнику Свѣта*, который живетъ во внутреннѣйшемъ и близъ есть воистинну Ищущихъ Его».

Совѣтуетъ Кандидату примѣчать и испытывать все имъ видимое, и все окружающее его; и положа руку на мечъ, лежащій на столѣ, говоритъ ему:

---

*) Для Введенія и Пріуготовленія Кандидата, каждый разъ Настоятель назначаетъ одного изъ Врр. по своему выбору.

«Любовь на Востокѣ царствующая, посылаетъ силу удобную раждать желаніе Свѣта Премудрости и одолѣвать препятствія, срѣтающіяся на пути исканія Свѣта сего».

Потомъ Вводитель уходитъ.

По открытіи Капитула Предсѣдающій говоритъ Бр. Вводителю.

«Иди во Имя Премудрости ко Брату Ищущему и найстрожайше испытай Его по нашимъ предписаніямъ».

Когда Бр. Вводитель выдетъ, то Предсѣдающій говоритъ ко всему Собранію:

«Любезные Братья! Во внутреннѣйшемъ сердецъ нашихъ пожелаемъ добраго успѣха испытающему Брату и соединимся въ духовномъ прошеніи, да Сама Премудрость просвѣщаетъ его и сопровождаетъ на пути прехожденія важнаго Сана его; да Она же Сама вожжетъ въ сердцѣ ищущаго истинное, существенное желаніе искать Ея; и да споможествуетъ ему при многотрудномъ его путешествіи. Сіи чувствованія должны мы воспламенять въ себѣ вящше и вящше во все время испытанія и путешествія каждаго Ищущаго Брата».

Послѣ сея рѣчи какъ Предсѣд. такъ и всѣ Брр. да пребудутъ NB. въ глубокой тишинѣ и въ благоговѣйномъ молчаніи; что должно дѣлаться въ продолженіе каждой Бесѣды.

ПЕРВАЯ БЕСѢДА.

Бр. Вводитель пришедъ къ Ищущему вопрошаетъ его: *А*) возчувствовалъ ли онъ, что тьма его окружаетъ; что все однакожъ свѣтъ свѣтится, и что хотя количество онаго весьма мало кажется, но освѣщаетъ все видимое пространство? *Б*) Вѣритъ ли онъ, что во тьмѣ свѣтъ, и въ смертномъ безсмертное скрывается? *В*) Вѣритъ ли онъ, что во тьмѣ открыться можетъ Свѣтъ, и что въ тлѣнномъ нетлѣнное, живое раждаться можетъ?

NB. При семъ Вводитель долженъ дать понятіе Кандидату о томъ, что всякое рождание сопровождается *болѣзнію, гніеніемъ* и *разрушеніемъ*, NB. доказывая сіе токмо примѣрами отъ Натуры почерпаемыми.

Г) Истино ли онъ желаетъ искать Премудрости? *Д*) Гдѣ обрѣсти ее надѣется?

Потомъ представляетъ ему трудности, соединенныя съ исканіемъ Премудрости, которую міръ почитаетъ буйствомъ и благотворенія ея почитаетъ часто злодѣяніями; что Ищущіе Премудрости подвержены въ мірѣ презрѣнію, поруганію, гоненію, а иногда и лишенію временной жизни и проч. И такъ готовъ ли онъ къ охотному принесенію всѣхъ тѣхъ трудностей, которыя и ему приключиться могутъ?

Когда Ищущій отвѣтами своими удовлетворитъ всѣмъ онымъ предложеніямъ, то Вводитель отъ него требуетъ, чтобъ онъ во свидѣтельство того, что чувствуетъ погруженіе свое во тьму, въ знакъ ненависти къ ней и рѣшительнаго предпріятія освободить себя отъ ея плѣна, такъ же во знаменіе искренности и довѣренности, исповѣдовалъ *Господствующую* въ немъ *страсть* и сомнѣніе, ежели въ чемъ либо оное имѣетъ, относительно къ *Ученію Мудрыхъ*.

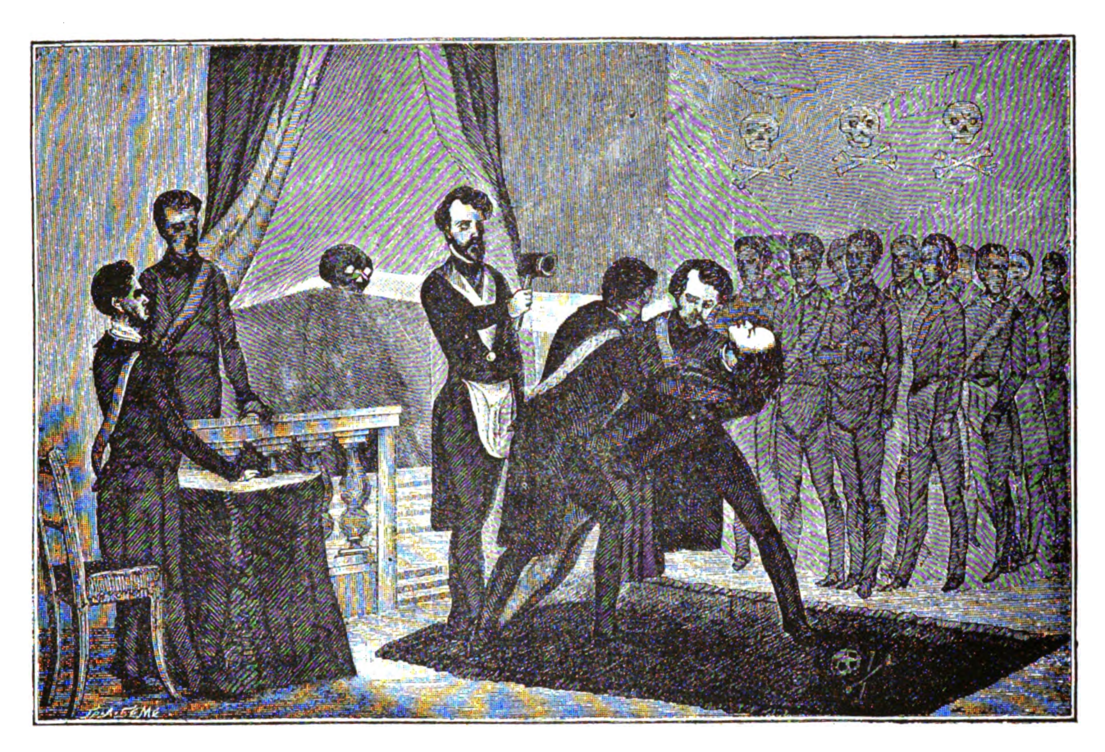
Когда Ищущій исполнитъ сіе, то Вводитель долженъ пристойно и по силамъ своимъ его наставить и объяснить ему то, въ чемъ найдетъ его заблуждающимся;— а потомъ, надѣвъ на него знакъ Рыцаря Ищущаго Прем., лежащій на первомъ столѣ въ комнатѣ пріуготовленія, у котораго онъ паки оставляетъ Ищущаго на испытаніе своего предпріятія, скажетъ ему, что пять узловъ, находящіеся на снуркѣ надѣтаго на него знака избранія, образуютъ, что Ищущій Премудрости долженъ обуздывать чувства свои и покорятся Ея Ученію.—Совѣтуетъ ему наипаче *стараться о смиреніи, яко о добродѣтели, необходимо нужной Ищущимъ Премудрости*—и входитъ въ Капитулъ для донесенія о сей первой Бесѣдѣ.

Предсѣд., выслушавъ донесеніе Бр. Вводителя, говоритъ ему:

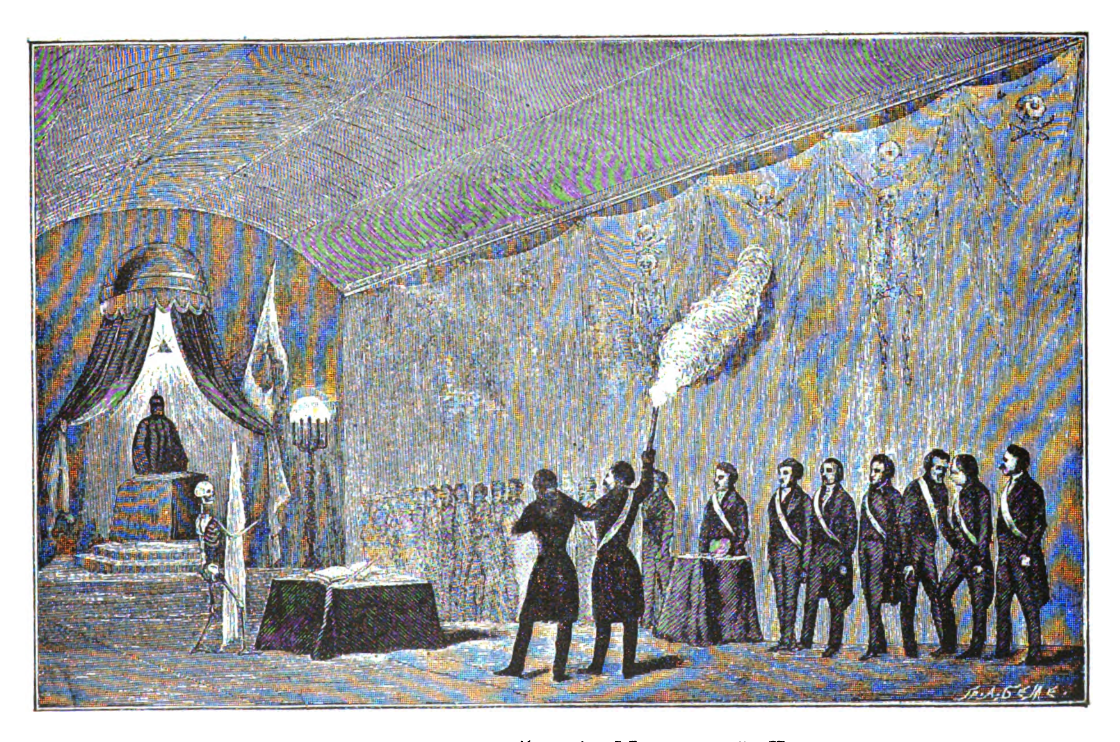
«Иди, вторично испытай Ищущаго: и ежели «онъ постоянно пребываетъ въ своемъ намѣреніи «и мужественно продолжаетъ предпріятый имъ подвигъ; то да пріиметъ отъ Востока силу подкрѣп«ленія, и да откроется ему Свѣтъ большій».

ВТОРАЯ БЕСѢДА.

Бр. Вводитель, пришедъ къ Ищущему, вопрошаетъ его: размышлялъ ли онъ о трудностяхъ предпредпріемлемаго имъ пути, и твердое ли имѣетъ желаніе продолжать его?

Посвященіе въ Мастера Масонской Ложи.

Торжественное засѣданіе Масонской Ложи.

Ежели Вводитель найдетъ сіе желаніе въ Ищущемъ, то вручаетъ ему лежащій на столѣ мечъ, говоря:

«Постоянно желающимъ Свѣта, и мужественно противу тьмы борющимся, посылается вящшая отъ Востока сила для подкрѣпленія на подвигѣ спасительнаго ихъ теченія».

Потомъ велитъ ему омыть глаза изъ предстоящаго сосуда, и зажегши изъ Лампады стоящій тутъ же Свѣтильникъ, вручаетъ Ищущему, говоря:

«Въ тѣхъ, кои ревностно, постоянно ищутъ Премудрости, возжигаетъ она Свѣтильникъ, путь къ ней освѣщающій.—Свѣтъ сей распространяться и еще большій открывать долженъ.—Но рачительно надобно хранить Его отъ губительныхъ вѣтровъ злобныя тьмы, которые тѣмъ сильнѣе устремляться на него будутъ, чѣмъ блистательнѣе свѣтить онъ станетъ».

Послѣ сего Вводитель провождаетъ Кандидата къ другому столу и, подошедъ къ нему, надѣваетъ на Кандидата передникъ, повелѣваетъ ему разуться, и потомъ возжечь находящимся въ рукѣ его свѣтильникомъ стоящія на семъ столѣ 4 свѣчи. По исполненіи сего, Вводитель, давъ примѣтить Кандидату все предлежащее, говоритъ ему:

«Достойный Братъ! Видимое тобою изображаетъ великую уже награду, отъ Любви Премудрости даруемую Ищущимъ Свѣта Ея *съ намѣреніемъ чистымъ!* Но, любезный Братъ, дабы достигнуть цѣли, надлежитъ одолѣть величайшія трудности и подвергнуться наистрожайшимъ испытаніямъ.— Готовъ ли ты покоряться всей строгости опытовъ на пути тобою предпріемлемомъ?»

По надлежащемъ на сіе отвѣтѣ, Вводитель продолжаетъ:

«Премудрость, для вѣрнѣйшаго испытанія Любителей своихъ, не желаютъ ли они Свѣта Ея токмо для собственнаго наслажденія своего, а не ради Ея служенія; и пребудутъ ли они Ей вѣрны и въ то время, когда ни мало не вкушая Ея сладости, безутѣшно страждутъ въ бѣдствіяхъ, яростію тьмы Любителямъ Премудрости наносимыхъ:—ради таковаго испытанія, говорю, Премудрость, осіявъ уже великимъ просвѣщеніемъ и открывъ многія красоты и богатства свои, отъ узрѣвшихъ уже оныя, совсѣмъ скрывается, лишаетъ ихъ всѣхъ услаждавшихъ предметовъ! — Образъ сего представится теперь и тебѣ».

Сказавъ сіе Вводитель паки завязываетъ Кандидату глаза, погашаетъ стоящія на столѣ свѣчи, беретъ отъ него свѣтильникъ, и непогашенный поставляетъ на столѣ подлѣ Кандидата; мечъ же оставляетъ у него, и говоритъ:

«Премудрость скрываетъ свой Свѣтъ для испытанія, но никогда не лишаетъ она силы соблюсти къ Ней вѣрность во время и самыхъ жестокихъ нападеній».

«Въ такомъ состояніи *испытательныя слѣпоты* страшиться должно отчаянія, яко величайшаго искушенія въ сей степени, и могущаго повергнуть въ бездну тьмы. Страдательное, безропотное покореніе себя святымъ Уставамъ Премудрости есть надежнѣйшая опора во время онаго слѣпотствованія, могущаго быть предтечею величайшаго Свѣта.—Сію истину сказать тебѣ повелѣваетъ мнѣ Духъ Братскія Любви, коимъ въ высочайшей степени всегда водимые мудрые Мастера Истинныхъ Своб. Каменщ. ни о чемъ толико не скорбятъ, какъ о плѣненныхъ тьмою Братьяхъ.—И сіе составляетъ величайшее—и можетъ быть—единое страданіе сихъ Мудрыхъ, въ невозмутимомъ уже пристанищѣ райскаго существа блаженствующихъ; и готовыхъ однакоже съ радостію погибнуть для спасенія Братій своихъ.— Вѣрь мнѣ, что сей Братственный Духъ въ сопряженныхъ Любовію сердцахъ ихъ царствующій, и туне спомоществующій, не тщетенъ для тебя быть можетъ на пути твоемъ».

По семъ Вводитель оставляетъ Кандидата и, пришедъ въ Капитулъ, доноситъ о его состояніи и о бесѣдѣ съ нимъ.

NB. Донесенія Бр. Вводителя о бесѣдахъ съ Кандидатомъ должны быть кратки; и о искренномъ исповѣданіи Кандидата какого либо порока его или сомнѣнія Вводитель обязывается никому не сказывать кромѣ управляющаго Капитуломъ, коему на единѣ долженъ онъ о семъ сказывать.

По донесеніи о второй бесѣдѣ Предсѣд. скажетъ Бр. Вводителю:

«Иди въ третій и послѣдній разъ испытать Ищущаго; и ежели не погасло въ немъ желаніе узрѣть Свѣтъ, а особливо естьли онъ надѣется паки откровенія Его не по мнимому праву заслугъ, оказанныхъ имъ на его путешествіи, но вѣритъ, что *просвѣщеніе* туне даруется единою Благостію, сопровождающею Премудрость: то да от-

кроется ему паки видѣнный имъ Свѣтъ, да узритъ онъ еще большій и весь освѣщающій мѣсто работы».

ТРЕТІЯ БЕСѢДА.

Вводитель, пришедъ къ Кандидату, испытуетъ его по данному ему наставленію; и естьли Кандидатъ въ желаемомъ состояніи, то Вводитель, снявъ съ него находящуюся на немъ мантію, надѣваетъ на него другую, у которой вся лѣвая сторона бѣлая; на надлежащемъ мѣстѣ изображено сердце очищенное, кровоточивое и окруженное лучами свѣта; другая же сторона мантіи темная, только окропленная нѣсколько кровію ліющеюся отъ сердца. Подкладка мантіи бѣлая, но съ темной стороны нѣсколько заворочено темнаго.—Потомъ зажигаетъ всѣ погашенныя свѣчи, возвращаетъ свѣтильникъ Кандидату и, открывъ ему глаза, говоритъ:

«Любителю Премудрости, соблюдшему къ Ней вѣрность во время оставленія его на жесточайшее искушеніе тьмы, сія Любительная Премудрость сугубо возвращаетъ вкушенное имъ во время просвѣщенія его, и даруетъ возможность и легчайшую удобность не только не отъемлемо онымъ наслаждаться, но и узрѣть *полное сіяніе Свѣта Ея*».

Потомъ подведя Кандидата къ третьему столу, Вводитель омываетъ ему руки и притомъ говоритъ:

«Сіе происходитъ въ знакъ того, что во храмѣ Премудрости хранится *неизреченно изящное и безцѣнное сокровище*, коимъ Премудрость увеселяетъ и награждаетъ тайныхъ друзей своихъ, и которое толико чисто есть, что нечистое и прикоснуться къ оному мѣсту не можетъ. Для напоминанія о семъ продолжай, братъ, носить въ собраніяхъ нашихъ запонъ и перчатки бѣлыя».—

Ищущій долженъ надѣть ихъ. Вводитель вручаетъ ему лопатку, говоря:

«Мудрые пріемлютъ орудіе къ работѣ для прославленія токмо Источника всѣхъ благъ и для точнаго исполненія Его воли!»—

Кандидатъ привѣшиваетъ лопатку къ запону, и Вводитель поведетъ его представить Собранію Капитула.

ПРИНЯТІЕ.

Когда Вводитель съ Ищущимъ подошедъ къ дверямъ постучится, то Предсѣдающій прикажетъ посмотрѣть, *кто тамъ?*

Бр. Обрядоначальникъ отвѣтствуя стукомъ отворяетъ немного двери и посмотрѣвъ паки затворяетъ и доноситъ Предсѣдающему, говоря:

Испытанный, омовенный, знаменіемъ избранія и ранами на добромъ подвигѣ полученными украшенный, желатель Премудрости.

Предсѣд. таковому не должно и не можно воспретить входъ.

Двери отворяются и Вводитель ведетъ Кандидата (несущаго въ одной рукѣ мечъ, а въ другой горящій свѣтильникъ) прямо, и поставляетъ его у Ковра.

Какъ скоро Принимаемый приступитъ къ ковру, то Предсѣдающій долженъ ему сказать:

Осторожно приступай къ дѣлу!

потомъ вопрошаетъ:

«Желаешь ли, люб. Братъ! вмѣстѣ съ нами продолжать твой подвигъ въ исканіи Премудрости?»

По удовлетворительномъ отвѣтѣ, говоритъ:

«И такъ долженъ ты обѣщать, стараться всѣми силами, и сколько возможно тебѣ: I-е, испрашивать Премудрости отъ Бога, служить Ему и кланятися; истинное же поклоненіе Ему есть *поклоненіе духомъ и истиною:* Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною, достоитъ кланятися. *Іоан.* IV. 24. II-е, хранить душу и тѣло твое отъ оскверненія, и прилежно убѣгать всего, что можетъ препятствовать *наитію духа премудрости*: ибо въ злохудожную душу не внидетъ Премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси повиннемъ грѣху. *Прем. Сол.* I. 4 III-е, *любить Ближнихъ* и служить имъ желаніемъ, мыслями, словами, дѣлами и примѣромъ: Богъ Любы есть, и пребываяй въ Любви въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ. I *Іоан.* IV. 16». Размысли и отвѣтствуй».

Получа удовлетворительный отвѣтъ, Предсѣдающій продолжаетъ:

«Любезный Братъ!

«Для исполненія всѣхъ обязанностей твоихъ, старайся почерпать силу отъ Источника искомыя тобою Премудрости.—

«Просящему дается, ищущій обрѣтаетъ, и толкущему отверзается!

«Безъ силы же отъ Востока посланной не токмо горѣть, но ниже родиться въ насъ можетъ желаніе путешествовать къ Востоку; не можетъ безъ силы сея одержана быть никакая побѣда

во Брани противу Міра, Пороковъ и адскаго источника Зла.—

«Противу Зла борющійся и Премудрости Ищущій Воинъ, болѣзненно возчувствовавъ Тьму его плѣняющую, долженъ ощутить въ себѣ мучительную ея власть и немощь собственныхъ силъ своихъ; и ожидая избавленія отъ Единаго Всемогущаго, глубочайшею внутри себя преданностію обратиться, такъ сказать, въ *ничто*».

«И тако готову ему воспріятъ *глаголъ просвѣщенія*, найдетъ на него Духъ, сущій въ Премудрости, и Сила Источника Ея осѣнитъ Его!»

«Симъ Духомъ зачатый, и яко *духовно премудростію* Рожденный, долженъ онъ совершенно предаться родительницѣ своей, и подобно младенцу сосать дѣвственное Ея *свѣтное* млеко».

По нѣкоторомъ молчаніи:

«Вступи, Братъ, на *мѣсто работы!*»

NB. Вводитель стоящій подлѣ Принимаемаго взводитъ его разутаго (т. е. тутъ Кандидатъ снимаетъ туфли, надѣтыя на него послѣ снятія сапоговъ во время пріуготовленія) на Шаръ Земный изображенный на коврѣ, говоря:

«Vifita interiora Terrae etc. *Испытуй сокровеннѣйшее земли, обрящешь таинственный камень, истинное врачевство*».

По нѣкоторомъ молчаніи вступившему уже на мѣсто работы Предсѣдающій повелѣваетъ Принимаемому, въ знакъ покорности, довѣренности и особливо въ знакъ неприлѣпленія къ богатству Премудрости, которую должно любить и искать единственно для Нея самой, а не ради Ея сокровищъ, повелѣваетъ ему пожертвовать плодами работы своей.

NB. Въ исполненіе сего Принимаемый долженъ отдать нѣсколько золота (которое ему послѣ принятія возвращается) и стклянočку, налитую какою нибудь свѣтлою тинктурою, стоящему подлѣ его Вводителю. Послѣ сего Предсѣд. говоритъ:

«Вещество, колико бы драгоцѣнно ни было, и хотя бы заключало оно въ себѣ всѣ сокровища земныя, не должно быть, и не есть цѣлію Истинныхъ Каменщиковъ.—Но благо есть искати *Зерцало Премудрости*, дабы видѣть пресвѣтлое Лице невидимаго Ея Источника, Божественное Его дѣйствіе и откровеніе Пресвятыя Его воли; въ Ея же единомъ исполненіи Мудрые обрѣтаютъ все блаженство, всю сладость и все свое богатство. И чтожъ Премудрости богатѣйше, NB. Его же дѣлаются вся.—*Прем.* VIII. 5».

«Премудростію рожденный, въ вѣрности и въ повиновеніи испытанный Любитель Ея, старающійся познать твореніе для созерцанія въ немъ Творца; Творца же созерцать ищущій единственно для любленія Его, о любящій Премудрость ради угожденія Дающему Ея, а не ради того, что въ десницѣ Ея долгота житія и лѣта жизни, въ шуйцѣ же Ея богатство и слава. *Притч.* III. 16. Таковый только, таковый можетъ войти въ истинную Ложу».

По нѣкоторомъ молчаніи:

«Блаженъ *Духовный Юноша*, который возрастая во внутренней жизни Премудрости, отъ самаго младенчества жизни сея сохранилъ любовь къ Божественному Источнику рожденія своего, и соблюлъ Елей *Духовнаго Помазанія* на дѣвственный бракъ съ Софіею!»

«Блаженъ Премудростію просвѣщенный Ея Любитель, который не покорится искушеніямъ тьмы и живоносныя сѣмена Божественнаго Просвѣщенія не расточитъ сѣяніемъ на землю неплодную».

«Ежели Свѣтъ его просвѣщающій и сокроется отъ него, яко не совсѣмъ еще искушеннаго въ вѣрности: то сіе не для того, чтобъ повергнуть его во тьму неисходную; но онъ сокроетъ облакомъ сіяніе свое отъ сего непорочнаго Любовника только для того, дабы испытать преданность его и способность къ соблюденію вѣрности въ самомъ состояніи брака».

«Пребывшу же ему постоянну въ жесточайшемъ всего предшедшаго испытаніи, явится Свѣтъ оный въ полной славѣ своего сіянія, и снабдитъ его силою многою пріити въ возрастъ *мужа совершенна въ духѣ*; и огненнымъ Крещеніемъ совлекшуся одежды ветхія, облеченному же въ новую ризу чистоты и непорочности, сочетаться Духовнымъ Бракомъ съ Небесною Дѣвою, великое совершать Дѣло, рождать чадъ Премудрости и блаженно внити яко Священнику во Святая Святыхъ для совершенія таинства жертвы обновленія, приносимой самимъ Первосвященникомъ: и яко ближнему Другу и Наперснику Премудрости воздѣлывать таинственныя нивы живоноснаго Ея сѣянія, и вѣдати тайны Царства Ея!»

«*Приступи Бр. къ Жертвеннику*».

NB. Когда онъ приступитъ, то Предсѣд. повелѣваетъ ближайшему подлѣ его брату явственно прочесть въ книгѣ *Прем. Соломон. VII главы отъ 7. Помолихся и данъ бысть мнѣ разумъ, и проч. до ст. 22.*

Потомъ Предсѣд. говоритъ:

«Мудрымъ токмо дано есть вѣдати тайны Храма Премудрости; намъ же надлежитъ поучатися въ притчахъ».

«Пріиди, Братъ, принять знаменіе побѣды и зрѣти образъ свободы».

NB. Принимаемаго подводятъ съ правой стороны къ Предсѣдающему, который надѣваетъ ему золотое кольцо *), а потомъ снявъ съ него знакъ †, говоритъ:

«Освобожденному не подобаетъ уже носить тяготы сего: Носи, Любезный Братъ, знакъ сей на розовой лентѣ (отдавая ему другой на розовой лентѣ такой же знакъ) для воспоминанія о величайшемъ Подвигоположникѣ и Божественномъ Учителѣ, Который огнемъ страданія своего выработалъ возможность обновленія, просвѣтлѣнія и безконечнаго блаженства всея твари; и совершa сію *великую работу* на изображенномъ въ знакѣ семъ Орудіи, учинилъ его драгоцѣннѣйшимъ, паче злата чистаго и краснѣйшимъ паче крина райскаго!»

Обратясь ко всѣмъ Братьямъ:

«Братіе! да будетъ намъ всегда любезно сіе Спасительное *Таинство Креста*, которому мудрость міра сего не вѣруетъ; ибо понять Его не можетъ; но въ которомъ Истинные Мудрецы ищутъ и обрѣтаютъ все Таинство Премудрости и все свое Блаженство; и коего сущій виденъ образъ при совершеніи *великаго дѣла Мудрыхъ* и при *возрожденіи малаго міра!*»

При семъ всѣ брр. восклицаютъ:

«Слава воистину совершившемуся спасенія таинству!»

Предсѣд. продолжаетъ къ принятому:

«Блаженъ идущій во слѣдъ воплощенныя Премудрости, яже въ мірѣ бѣ, и єю же міръ бысть, и юже не позна міръ!»

*) Кольцо обыкновенное, только съ вырѣзаннымъ внутри † Крестомъ и словами *помни смерть*, которое получившій и долженъ носить всегда.

«Блаженъ духовно пришедый въ возрастъ мужа совершенна въ сей Премудрости!»

«Блаженъ добродѣтельный Воинъ Свѣта! подвигомъ добрымъ подвизавыйся и въ неизмѣнной вѣрности ко Истинѣ теченіе свое во времени скончавый!»

«Три краты блаженъ Мудрый Мастеръ и Священникъ Премудрости, непорочно пребываяй во Святая Святыхъ Благодати и Натуры Храма, учинивыйся самъ живымъ Храмомъ Премудрости и въ Ней владычествуяй надъ самимъ собою и надъ всею Натурою.»

«Таковый для успокоенія отъ трудовъ имъ понесенныхъ во *странѣ зиждительства;* по изліяніи всея животворныя силы, влiянной въ него на оживотвореніе опредѣленнаго ему Круга; по разрѣшеніи всѣхъ узловъ и самыхъ тончайшихъ невидимыхъ духовныхъ нитей, сопрягавшихъ его со *страною испытанія и строенія.*— внидетъ въ *превѣчное Царство невозмутимой тишины и наслажденія*, исполняемое бездомнымъ и неизсякаемымъ изліяніемъ Источника всея чистыя сладости».

«Свѣтъ Духовнаго Свѣтила сего, исполнивъ мѣру опредѣленнаго Просвѣщенія имъ во странѣ тьмы и заблужденія, прольется во свое начало; и самъ сей избранный Сосудъ Премудрости, преображенный въ непомрачимую Свѣтлость, вознесется къ Источнику своему и *централъно* сліется съ *вышнимъ солнцемъ чистаго Свѣта.*

Тутъ Предсѣд. беретъ отъ Принятаго держимый имъ Свѣтильникъ, погашаетъ его и продолжаетъ:

«Сосуществленный сему Божественному Солнцу, Свѣтомъ Его будетъ жить, двигаться, питаться и одѣваться!!!»

«Се награда и успокоеніе обѣтованныя Мудрому!»

NB. Тутъ Предсѣд. беретъ назадъ отъ принятаго мечъ, говоря:

«Не нужно Оружіе входящему въ обитель Мира и Покоя, куда никакая непріязненная сила приблизиться не можетъ».

«Возсяди, Братъ на мѣсто, образующее торжественное отдохновеніе».

NB. Снимается съ принятаго бывшая на немъ досѣлѣ одежда, и облеченный въ такую же, какая на Предсѣдающемъ, садится онъ возлѣ него на

правой сторонѣ, и Предсѣд. нарицаетъ принятаго Рыцаря, говоря такъ:

«При бывшемъ съ тобою произшествіи получилъ ты *новое имя* и нарицаешься Рыцарь N. N.

Потомъ продолжаетъ:

«Для истиннаго Воина Премудрости и Добродѣтели, который во времянной еще жизни мужественно совершилъ весь духовный подвигъ своего обновленія, и увѣнчанный славно одержанною надъ Зломъ побѣдою, преселенъ непосредственно въ Царство вѣчной радости, Благости и Покоя, трудъ и работа престаютъ; но не можетъ никогда скончаться блаженное теченіе его, понеже онъ течетъ въ *безконечное!*»

«И сей *неизобразимый течецъ*, яко капля Окіяномъ поглощенная, въ безпредѣльности свѣта плавая, при непрерывномъ теченіи своемъ въ Бездну Источника Премудрости, влекомый Божественнаго движенія силою, непрестанно погружается въ *новую свѣтлость Свѣта*».

Обратясь ко всѣмъ (Братьямъ):

«Такъ, братья, блаженны и преблаженны суть вѣрноработающіе во Храмѣ Премудрости, непорочно трудящіеся въ *великомъ дѣлѣ обновленія* и уготовляющіе трапезу вѣчныя сладости въ Царствѣ новомъ».

«Вкушая отъ трапезы сея возвеселятся они питіемъ новымъ отъ обновленнаго плода лознаго».

«Сущимъ подъ сѣнію Священнаго Винограда, коего они содѣлатели были, не проникнетъ къ нимъ Стихій тлетворная сила».

«Но гдѣ Стихіи будутъ?»

«Небеса погибнутъ; и вся яко риза обетшаютъ, и яко одежду свіетъ я Премудрость и измѣнятся».

«Исчезнетъ въ огнѣ очищенія тлѣнныхъ стихій жало, и въ *дѣвственной персти новаго неба и земли новыя*, возродятся они въ свѣтлую прозрачность чистаго, нетлѣннаго Существа Райскаго».

«Просіяетъ незаходимый Свѣтъ Обновленія, имъ же вся отъ Воплощенія Премудрости сокровенно исполнишася».

«Вездѣ воцарится Безсмертіе: сама тварь взыграетъ веселіемъ о свободѣ своей отъ работы истлѣнія; и блаженствуя воспоетъ свободу Сыновъ Премудрости, славою блистающихъ въ златосолнечномъ облаченіи безсмертныхъ духовныхъ тѣлъ».

«Всякое дыханіе восхвалитъ совершеніе спасительнаго таинства Креста, Премудростію на Престолъ Славы Отчія вознесеннаго, и вѣнцемъ побѣды неприступно сіяющаго».

«Пострадавшіе съ Премудростію, съ Нею и прославятся; внидутъ въ радость Ея Божественнаго торжества, въ преблаженной Единаго Свѣта Обители Безконечныя Вѣчности, гдѣ ликовствуя Угодники *Неизглаголаннаго*, наслаждаются пѣніемъ Чистыхъ Духовъ, поющихъ Славу *Трисвятаго*: сліютъ съ ними гласы своя, и *во единомъ соборѣ*, всѣ будутъ Единый Гласъ и Око Едино, для прославленія и созерцанія всѣхъ сотворенныхъ и несотворенныхъ Чудесъ и Красотъ».

Знакъ степени сего есть крестообразное сложеніе рукъ на груди.

Прикосновеніе дѣлается троекратнымъ цѣлованіемъ, при взаимномъ другъ друга объятіи.

Слово проходное . . . . .

Слово степени сказывается въ оба уха по поламъ (gnothi feavton).

УСТРОЕНІЕ КАПИТУЛА.

На Востокѣ поставляется равносторонній столъ, до самаго низу одѣтый краснымъ. На семъ столѣ лежитъ Св. Библія, раскрытая на первой главѣ Евангелія Св. Іоанна. Предъ нею (къ сторонѣ ковра) поставленъ вызолоченный Седмисвѣчникъ; во образъ того, что Богъ Словомъ Своимъ, Премудростію, иже спасенія Человѣческаго ради плоть бысть, посредствомъ *седми духовъ*, всегда предстоящихъ Престолу Его, Седмью Очесами въ откровеніи нарицаемыхъ *Апок. V. 6.* вся зритъ, вся източно просвѣщаетъ, дѣйствуетъ и обновляетъ на Небеси и на Земли.

Возлѣ Предсѣдающаго находится небольшой Мечъ обнаженный, *обоюдуострый*.

Предъ Столомъ на полу лежитъ Коверъ, на коемъ изображается шаръ земный (Globus Terrae), окруженный 7-ю Планетами, и въ верху между Солнцемъ и Луною *пламенѣющая звѣзда*.

NB. Стражи не имѣть; но двери запираются прежде еще, нежели приготовляется все надлежащее къ открытію Л.; и прежде открытія все въ вышесказанномъ порядкѣ приготовляется и зажигаются свѣчи въ Седмисвѣчномъ Свѣтильникѣ.

Предсѣдающій на востокѣ Братъ облачается въ мантію бѣлую Златомъ испещренную. Всѣ же Брр. носятъ на лѣвой сторонѣ въ петлѣ знакъ на розовой лентѣ, запонъ, привѣшенную къ нему на бѣлой лентѣ лопатку золотую и бѣлыя перчатки, какъ то описано въ продолженіи Ритуала. Шпагъ и шляпъ въ Собраніи не носитъ.

Брр. садятся по сторонамъ, начиная отъ восточнаго края Ковра.

Во время поучительныхъ собраній всѣ украшающія Капитулъ убранства оставляются; а только поставляется столъ покрытый чернымъ; на немъ Библія отверстая на означенной главѣ; предъ нею Седмисвѣчникъ, предъ тѣмъ на столѣ же маленькой коверъ (тапи) на бумагѣ нарисованный; подлѣ Предсѣдающаго Мечъ и нѣсколько книгъ къ Ученію Премудрости принадлежащихъ.

ОТКРЫТІЕ КАПИТУЛА.

Предсѣд. вопрошаетъ, ставъ на свое мѣсто, и въ знакъ обращенія ко вниманію, ударяетъ ефесомъ меча по столу.

«Достойные Брр.! взяли мы должную осторожность для упражненія въ тайнѣ отъ Міра нелюбящаго Премудрости?»

Бр. Обрядоначальникъ отвѣчаетъ:

«Надлежащее исполненно; и сама Премудрость сокрываетъ истинныя работы любящихъ Ея».

Всѣ садятся, и

Предсѣд. говоритъ:

«Что есть Премудрость?»

Одинъ изъ брр.:

Она есть Пара Силы Божія, и Изліяніе Вседержителя Славы Чистое Сіяніе Свѣта Присносущнаго и Зерцало непорочно Божія дѣйствія. *Прем.* VII. 25. 26.

Вопросъ: гдѣ обитаетъ Премудрость?

Отвѣтъ: Она вездѣ и представляется взору всѣхъ и каждаго, но видима только Любящими Ея; и токмо ищущими Ея обрѣтается. *Прем.* VI 12. 13. 14. 16.

В. Что потребно для обрѣтенія Премудрости?

Всѣ отвѣчаютъ: *Единое.*

В. Что есть Начало Премудрости?

О. Страхъ Господень.

В. Какое лучшее средство ощутить Его?

О. Помышляя о вездѣсущіи Божіемъ, сколько можно чаще себѣ представлять, что мы всегда предъ Очами Всевидящаго; и такъ наконецъ привыкнуть къ этой мысли, чтобъ она въ насъ непрестанно обращалася и присутствовала при всѣхъ нашихъ дѣлахъ, словахъ и размышленіяхъ *).

В. Кто есть Мудрый?

О. Тотъ, кто во *свѣтѣ Божественныя Благодати*, зритъ *чистый свѣтъ натуры*, и имѣетъ истинное познаніе о существѣ и составленіи Великаго и Малаго Міра.

В. Какъ открывается Богопознаніе?

О. Во вся времена Богъ любящимъ Его открывался Духомъ Своимъ: понеже Божія ни ктоже вѣсть, точію Духъ Божій; душевенъ же человѣкъ не пріемлетъ яже Духа Божія, юродство бо ему есть; и не можетъ разумѣти, зане духовнѣ востязуется: но духовный востязуетъ вся. *I. Кор. гл 2.*

В. Что потребно къ познанію о составленіи Великаго Міра?

О. Познать *то, изъ чего произошли всѣ вещи.*

В. Изъ чего онѣ произошли?

О. *Хаосъ* былъ и есть коренное начало всѣхъ тварей.

В. Что нужно, дабы познать составленіе Малаго Міра?

О. *Познать себя самаго* въ тройственномъ существѣ своемъ.

В. Что есть Человѣкъ?

О. Малый Міръ, ибо онъ есть извлеченіе, *Екстрактъ изъ всѣхъ Существъ*: и потому подобится Великому Міру. Богу же самому онъ подобенъ разумною душею, которая божественно влита въ живый небесный духъ, управляющій человѣческимъ тѣломъ сооруженнымъ изъ стихій.

В. Какъ сотворенъ былъ первый Человѣкъ?

О. Богъ созда Человѣка въ неистлѣніе и во образѣ подобія своего сотвори его: завистію же діаволею смерть вниде въ Міръ. *Прем.* II. 24.

В. Въ чѣмъ состоитъ Работа Мудрыхъ?

О. *Въ разрушеніи ветхаго и въ созиданіи новаго.*

В. Чѣмъ производится сія работа?

---

*) Сей великой и спасительной истинѣ поучать наипаче долженъ управляющій К.. и при каждомъ собраніи дѣлать о томъ наставленія, руководствуясь особливо книжкою, называемою la presence de Dieu, которую, желательно, чтобъ всякой Ищущ. Прем. зналъ наизусть.

О. *Творительною силою.*

В. Какія должны быть качества Ищущаго Премудрости?

В. Ищущій Премудрости долженъ во первыхъ любить Бога; и стараясь познавать Волю Его, употреблять всѣ свои силы и способности на угожденіе Ему. Онъ долженъ любить ближняго; воспламеняться желаніемъ Премудрости; прилежно наблюдать и испытывать все его окружающее; тщиться проникать всегда во внутренѣйшее; убѣгать усетности; любить молчаніе, чаще обращаяся внутрь себя; и стараться познавать корень и различныя сѣмена пороковъ, дабы ихъ вящше возненавидѣть и удобнѣе предпринимать всѣ возможныя мѣры къ разрушенію царства тьмы, изъ плѣна коея Ищущему Свѣта освобождаться должно.

В. Когда долженъ Ищущій Премудрости начинать свою работу?

О. Въ самый тотъ часъ, какъ онъ познаетъ, что Премудрость сокрылась отъ падшаго Человѣка.

Встаютъ и Предсѣд. говоритъ:

Да начнется и продолжается работа наша во Имя и во Славу 3-Единаго!

Потомъ читается отъ него слѣдующая

МОЛИТВА.

О Тріединый и Единый Всемогущій, Премудрый и Милосердый Боже! рекій устами Единороднаго Сына Твоего, пресвятымъ Твоимъ воплощеннымъ Словомъ рекшій, что Царство твое внутрь насъ есть Даждь намъ Тобою рождаемую Премудрость; посли ю съ Небесъ святыхъ и отъ Престола Славы Твоея посли ю, да сущи съ нами трудится, и уразумѣемъ, что благоугодно предъ Тобою. И такъ да направятся стези наша, да Премудростію Твоею мы свободимся отъ ига Царства Смерти и Грѣха; и омовенны животворною Водою Чистоты Ея, и Духомъ Твоимъ возрожденны, внидемъ во святое, безначальное и безконечное Царствіе Твое!

Всѣ Брр. говорятъ:

Аминь!—

Садятся и начинаютъ работу.

ЗАКРЫТІЕ.

Предсѣд.: достойные Брр.! не имѣетъ ли кто чего предложить къ споспѣшествованію на ***пути исканія премудрости и воинствованія противу тьмы?***

Ежели никто ничего не имѣетъ предложить или когда по предложеніи надлежащее исполнится, то:

Предсѣд.: когда оканчивается работа Ищущаго Премудрости?

Одинъ изъ Брр. отвѣтствуетъ: тогда, какъ исчезнетъ возможность лишиться ему Премудрости.

В. Чѣмъ управляются истинные Сыны и Любители Премудрости?

О. Единыя Любви Духомъ, который якобы во едино тѣло ихъ совокупляя, существенно въ нихъ живетъ, водитъ ихъ, одушевляетъ, утѣшаетъ и подкрѣпляетъ.

В. Какой есть знакъ, по которому познаются они?

В. ***Охотное страданіе*** для прославленія Любимаго ими.

NB. При семъ дѣлаютъ знакъ, встаютъ и Предсѣдающій:

«Сдѣлайте прикосновеніе и скажите Слово Ищущихъ Премудрости».

Сіе исполняется и чрезъ двухъ стоящихъ близь Предсѣдателя, приходитъ къ нему.

Потомъ Предсѣд. ударяетъ ефесомъ меча по столу и скажетъ, что собраніе закрыто.

Послѣ сего имъ читается молитва.

МОЛИТВА

О неизглаголанный и Непостижимый Боже, Отецъ Свѣтовъ, Источникъ живота и жизнь единая! Ты еси Премудрый Строитель всего чина и всея лѣпоты, и въ Ангельскомъ, и въ Небесномъ и въ Стихійномъ Мірахъ, коихъ *согласіе* есть таинственная Лѣствица къ невидимому Престолу Твоему, и всѣми чертами видимаго возвѣщаетъ о Зракѣ твоемъ, сокровенно ***вездѣ сущемъ, въ чистомъ свѣтѣ Натуры.*** Раствори Истинною Любовію сердце наши, да возлюбимъ Тебя паче всего, и ближнихъ нашихъ возлюбимъ Тебя же ради. Отверзи духовный слухъ нашъ, да слышимъ Гласъ Божественнаго Пастыря, взыскующаго овцу погибшую, да будемъ покорны сей непостижимой Любви, учинившейся Агнцемъ, вземлющимъ грѣхи міра. Очисти внутреннія въ насъ очеса, да узримъ ясно, что все видимое Кругъ есть ***великія цѣпи,*** ся же Ты еси Начало и Конецъ; и въ каждой твари, яко въ звенѣ цѣпи сея, да обрѣтаемъ черты образа и подобія Свѣта, освѣщающаго и просвѣщающаго всякаго Человѣка, грядущаго въ Міръ.—

И все сіе, о Боже! для достойнаго поклоненія Тебя во Царстіи Твоемъ, сущемъ во внутренности и сокрытомъ темною и тлѣнною храминою падшаго естества.

Даждь намъ быти чадами Твоими; дабы достойне служити Тебѣ, пренебесному Отцу, въ Божественномъ Твоемъ Царствіи, коего плоть и кровь наслѣдовать не могутъ; и для зрѣнія коего внутреннему человѣку подобаетъ родитися свыше, и Водою и Духомъ родиться, дабы внити въ Него.

Всѣ Брр. говорятъ:

Аминь!

ОБРЯДЪ

СТОЛОВАГО СОБРАНІЯ.

Предъ Предсѣдающимъ находятся:

а) Седмисвѣчникъ, который одинъ долженъ освѣщать весь столъ; предъ нимъ б) большая Солонка съ Солью; в) бѣлый Хлѣбъ и г) красное Вино.

Когда всѣ Брр. соберутся къ столу, то Предсѣд. ударитъ по оному ефесомъ лежащаго подлѣ него меча; всѣ станутъ въ порядокъ, и слѣдующимъ образомъ начинается

ОТКРЫТІЕ.

Предсѣдающій вопрошаетъ;

Одинъ изъ Брр. отвѣтствуетъ.

В. Что Θ. образовать можетъ?

О. Мудрые говорятъ, что Θ. есть Образъ Премудрости, въ которой Богъ вездѣ присутствуетъ въ средоточіи свѣта.

В. Что должно воспоминать Хлѣбъ и Вино?

О. Таинственную работу, произведенную надъ ними Премудрѣйшимъ Мастеромъ.

В. Какъ питаться долженъ Ищущій Премудрости?

О. Душа его должна питаться Словомъ Божіимъ и Духомъ живущимъ въ Премудрости; стихійное же тѣло, учинившееся необходимымъ орудіемъ для путешествія во Странѣ испытанія, должно получать подкрѣпленіе отъ Силъ Натуры чрезъ стихійные естественные плоды.

Предсѣд. говоритъ:

«И такъ достойные Брр., испросивъ Благословеніе отъ Дающаго Премудрость и Хлѣбъ насущный, подкрѣпимъ тѣло наше, соблюдая драгоцѣнную умѣренность и памятуя Слова Мудраго: аще ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся во славу Божію творите. 1 *Посланіе Коринѳ.* X. 31.

NB. По нѣкоторомъ благоговѣйномъ молчаніи садятся за столъ.

ЗАКРЫТІЕ

СТОЛОВАГО СОБРАНІЯ.

Предсѣдающій говоритъ:

«Любезные Братья! Во исполненіе священнаго Закона самыя Любви, повелѣвшей намъ любити ближнихъ нашихъ яко самихъ себя, подадимъ милостыню бѣднымъ нашимъ Братьямъ, которые купно съ нами находясь во Странѣ испытанія, труда и болѣзни будучи заточенны въ Матеріальное тѣло имѣютъ нужду и въ Матеріальныхъ вещахъ».

Обрядоначальникъ собираетъ отъ каждаго сколько кто дать пожелаетъ; и собранныя деньги отдаетъ Казначею, который доноситъ Предсѣдат.

что *исполнено*; а

послѣ сей говоритъ:

«Достойные Брр.: Что есть натура; сія вѣрная рабыня Господня, и щедрая къ намъ Благотворительница, отъ коея плодовъ питается смертное наше тѣло?»

Один. изъ Брр.:

«Натура есть Духъ летучій, невидимый, въ тѣлахъ же видимо дѣйствующій, и пребывающій въ Божественной Волѣ».

В. Какимъ Символомъ представляютъ Натуру?

О. Своб. Кам. изобразили ее чрезъ *пламенѣющую звѣзду*, толико уважаемую древними ихъ Мастерами, и представляющую Божіе Дыханіе, всеобщій и центральный Огонь, который все сотворенное оживляетъ, соблюдаетъ и разрушаетъ.

В. Какіе суть еще важнѣйшіе Символы у Своб. Каменщиковъ?

О. Неотесанный Камень, Кубическій Камень и Гробъ.

В. Что можетъ изображаться неотесаннымъ Камнемъ.

О. Materia prima et cruda Philosophorum.

В. Что можетъ представлять Кубическій Камень.

О. Sal Philosophorum.

В. Что Гробъ знаменовать можетъ?

О. Смерть и Тлѣніе, которое есть необходимый путь къ возрожденію Великаго Міра и всѣхъ сущихъ въ немъ видимыхъ вещей.

В. Что еще Гробъ напоминать можетъ?

О. Что *чрезъ внутреннюю на сердечномъ крестѣ смерть, и чрезъ гніеніе ветхаго человѣка*, можетъ совершиться въ *маломъ мірѣ* Новое Твореніе и Просвѣтлѣніе, въ которомъ Духовный Человѣкъ освободится отъ владычества плоти и тьмы.

Тутъ Председ. долженъ сказать:

Къ сему паче всего долженъ стремиться каждый Ищущій Премудрости.

NB. При сихъ вопросахъ и отвѣтахъ, которые дѣлаются сидя, Председ. можетъ останавливаться и дѣлать пристойное поученіе; послѣ же сего всѣ встаютъ

и Председающій говоритъ:

Возблагодаримъ Всемогущаго Премудраго и Милосердаго Творца Натуры, питавшаго Израильтянъ въ пустынѣ манною; четыре тысячи 5 хлѣбами насытившаго и дающаго потребную пищу всѣмъ Его созданіямъ.

Всѣ пребываютъ въ благоговѣйномъ молчаніи, и когда Председ. ударитъ ефесомъ меча по столу, то всѣ воскликнутъ:

Единому Іеговѣ да будетъ Благодареніе, Честь и Слава!!

Въ продолженіи Стола пьютъ:

1) За драгоцѣнное здравіе Мудрыхъ.

Начинаетъ Председ. говоря:

«Да распространяется въ нихъ паче и паче Свѣтъ Премудрости, ихъ и чрезъ нихъ освѣщающій».

2) За здравіе всѣхъ Ищущихъ Премудрости.

Начинаетъ съ дозволенія Председ.

Старшій Братъ съ желаніемъ:

«Да не ослабѣютъ они на многотрудномъ подвигѣ своемъ и охотно да воспріемлютъ Бремя, несомое Сынами Премудрости».

3) За здравіе Председающаго.

Начинаетъ младшій Братъ, говоря къ нему въ лицѣ всѣхъ Брр.

«Мы желаемъ достойный нашъ Братъ и Предводитель, чтобъ Любовь, Смиреніе и Покорность къ Ученію Мудрыхъ были основаніемъ всѣхъ твоихъ предпріятій, словъ и дѣлъ».

Председ. благодаритъ вставши, Брр. же всѣ сидятъ, и говоритъ:

«Благодарю васъ за Братское Увѣщаніе. Богъ да поможетъ мнѣ исполнить наставленіе, которое чрезъ васъ мнѣ дѣлается».

Потомъ выпивъ, продолжаетъ стоя:

«Достойные Брр.! я есмь человѣкъ слабый, порочный и мало вѣдущій свои пороки. Имянемъ братскія Любви прошу и молю васъ, открывайте мнѣ погрѣшности мои; и буде я предъ кѣмъ либо изъ васъ виновенъ: то подайте мнѣ сладкое утѣшеніе облобызать колѣна, или духомъ Любви отпущающаго мнѣ, или обвиняющаго меня брата».

ОДЕЖДЫ РЫЦАРСКІЯ.

Мантія Настоятельская, въ Торжественныя Собранія, каковая надѣвается и на Принимаемыхъ въ первый день принятія, должна быть бѣлая, златомъ, какъ въ Ритуалѣ сказано, или золотыми розами испещренная.

Кромѣ знаковъ, лопатокъ и запоновъ, тамъ же описанныхъ, и которыя носятъ только въ Торжественныхъ Собраніяхъ, т. е. во дни принятія и Праздника Общества: ибо въ Поучительныя Собранія, какъ Настоятель такъ и всѣ Брр. никакихъ украшеній не надѣваютъ; кромѣ оныхъ, еще въ день Праздника Общества Брр., надѣвая шляпы, носятъ и шпаги черезъ плечо, на широкихъ перевязяхъ по кафтану, сдѣланныхъ изъ черной шелковой матеріи по краямъ складками, а въ срединѣ на гладкой полосѣ, со слѣдующею золотыми буквами надписью: *станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшеся въ броня правды.*

ПРАЗДНИКЪ ОБЩЕСТВА

Ищущихъ Премудрости, которая есть Богъ Слово, спасенія нашего ради воплотившійся, да будетъ День Рождества Христа Спасителя нашего, и праздноваться долженъ слѣдующимъ образомъ:

Наканунѣ праздника ввечеру всѣ Рыцари (того мѣста) соберутся подъ предводительствомъ Старшаго Настоятеля во всѣхъ своихъ украшеніяхъ, и открывъ Капитулъ въ такомъ видѣ, какъ оный въ комнатѣ собранія устроется во время принятій,— читаютъ приличныя торжественнымъ собраніямъ Рѣчи; а послѣ онаго, открывъ столовое собраніе,

бесѣдуютъ, занимаясь назидательными разговорами, въ благопристойномъ веселіи и пѣніяхъ благочестивыхъ, продолжая то до самой полуночи: какъ же скоро пробьетъ двѣнадцать часовъ, то по знаку отъ Настоятеля, всѣ встаютъ—и воспѣвъ радостную Пѣснь въ прославленіе Спасителя міра, закрываютъ предписаннымъ порядкомъ собраніе.

NB. Въ сіе праздничное собраніе должно дѣлать знатнѣйшій сборъ на какую либо чувствительнѣйшую помощь ближнимъ, во Славу Рождшагося Спаса.

Вся искушающіе: добрая держите.
1 Сол. V. 21.

Нравоучительный катихизисъ истинныхъ Ф-къ М-въ для употребленія ищущихъ Премудрости, которые для пріобрѣтенія понятій о путяхъ Премудрости и таинственномъ ея училищѣ, съ пользою могутъ заниматься также разсматриваніемъ извѣстной картины, представляющей изображеніе храма натуры и благодати.

Аще Сынъ вы свободитъ, тогда свободни будете.

1. Истинный ли ты Ф. М?

Мнѣ извѣстны та невидимая и не устроенная Земля и тѣ Воды, на коихъ носился Духъ Великаго Строителя Вселенной при ея сотвореніи.

2. Чѣмъ наипаче отличается истинный Ф. М?

Духомъ Собратства, который одинъ есть Духъ съ Христіанскимъ.

3. Какая цѣль Орд. истинныхъ Ф. М?

Главная Цѣль его та же, что и Цѣль Истиннаго Христіанства.

4. Какой главный долгъ истиннаго Ф. М?

Любить Бога паче всего, и ближняго какъ самаго себя, или еще болѣе по примѣру Св. Павла, который желалъ даже быть анаѳема и отлученъ быть отъ Іисуса Христа, ради своихъ Братій. Рим. IX. 3.

5. Какое должно быть главное Упражненіе (работа) истинныхъ Ф. М?

Послѣдованіе Іисусу Христу.

6. Какія суть дѣйствительнѣйшія къ тому средства?

Молитва, упражненіе воли своей въ исполненіи заповѣдей Евангельскихъ, и умерщвленіе чувствъ лишеніемъ того, что ихъ наслаждаетъ: ибо истинный Ф. М. не въ иномъ чемъ долженъ находить свое удовольствіе, какъ токмо въ исполненіи Воли Небеснаго Отца.

7. Гдѣ истинный Ф. М. долженъ совершать свою работу?

Посредѣ сего Міра, не прикасаяся средцемъ къ суетамъ его, и въ томъ состояніи, въ которое каждый былъ призванъ. 1. Кор. VII. 20.

8. Какія суть самые вѣрные знаки послѣдованія Іисусу Христу?

Чистая любовь, Преданность и Крестъ.

9. На какой матеріи работаютъ Мудрые Отцы истинныхъ Ф-къ М-въ?

На той же, изъ которой все сотворено.

10. Въ чемъ состоитъ ихъ Искусство?

Въ Наукѣ вѣдать тайны Царствія Божія, кои другимъ сообщаютъ они въ притчахъ, поелику то нужно къ созиданію Царства сего.

11. Гдѣ мѣсто ихъ пребыванія?

Въ обновленномъ Едемѣ.

12. Почему Таинство Ордена не можетъ быть всякому извѣстно?

Потому же, почему не всякой можетъ видѣть и ощущать Присутствіе Бога Вездѣсущаго.

13. Чѣмъ пріобрѣтается оное Таинство?

Возрожденіемъ.

14. Что открывается симъ Таинствомъ?

То, чего око не видѣло и ухо не слышало, и на сердце Человѣку не всходило: сіе то Богъ чрезъ Таинство оное открываетъ возлюбленнымъ своимъ.

15. Всѣ ли Ф-къ М-ны должны искать онаго Таинства?

Изучаясь познавать въ Натурѣ пути къ нему ведущіе, должны они всѣ искать во первыхъ Царствія Божія и Правды Его; и каждому изъ нихъ потребное приложится Волею Божіею, которую одну любить должно.

16. Какихъ свойствъ долженъ быть тотъ, который можетъ получить (имѣть) оное Таинство?

Онъ долженъ быть таковъ: что хотя бы имѣлъ способъ излѣчать всѣ болѣзни тѣла, и жить нѣсколько сотъ лѣтъ по примѣру древнихъ Праотцевъ, совсѣмъ тѣмъ могъ бы терпѣливо сносить, не помогая себѣ, жесточайшую боль; и быть въ готовности на завтра умереть безъ роптанія; также чтобъ былъ готовъ сносить величайшую бѣдность, обладаючи

способами производить богатства, превосходящія богатства всего міра; и имѣя средство бесѣдовать съ Ангелами, могъ бы смиренно пребывать въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно Волѣ Источника Свѣта; и имѣя съ Іисусомъ Навиномъ силу остановить Солнце, и съ Иліею отверзать и затворять Небо, считалъ бы себя менѣе всѣхъ; и могъ бы скитаться безъ роптанія по земли, не имѣя мѣста, гдѣ на оной преклонить голову свою. Однимъ словомъ: ни чѣмъ бы не желалъ наслаждаться, и на все бы рѣшился, естьли бы оное потребно было для исполненія Воли Небеснаго своего Владыки.

17. Какая должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего Государя?

Онъ долженъ Царя чтить, и во всякомъ страхѣ повиноваться Ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому. 1 Петр. II. 17. 18. Ефес. VI. 5. 7.

18. Какія его обязанности въ разсужденіи Властей управляющихъ.

Онъ долженъ быть покоренъ вышнимъ Властямъ, не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти.—Рим. XIII. 1—5.

19. Какая обязанность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи внѣшняго Богослуженія?

Почитая его Установленія и Обряды, долженъ онъ прилежно ими пользоваться какъ средствомъ для внутренняго; чему надлежитъ быть ихъ предметомъ во всѣхъ Христіанскихъ Учрежденіяхъ Богослуженія внѣшняго.

20. Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ подвластными ему?

Наиболѣе долженъ онъ пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ во Страхѣ и Ученіи Господнемъ; обязанъ наблюдать между ими правду и уравненіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на Небѣ, у Котораго нѣтъ лицепріятія. Ефес. VI. 4. 9. Колос. IV. 1.

21. Какъ долженъ онъ поступать со всѣми Людьми вообще?

Всѣхъ долженъ любить для Бога, желать имъ всѣмъ всякаго въ Немъ Блага, и вспомоществовать имъ сколько ему возможно.

22. Какъ онъ долженъ расположенъ быть противу своихъ враговъ?

Любить ихъ.

23. А противу тѣхъ, кои клянутъ его?

Благословить ихъ.

24. Какъ онъ долженъ поступать съ ненавидящими его?

Дѣлать имъ добро.

25. А съ тѣми, которые гонятъ его?

Молиться за нихъ.

26. Какъ долженъ истинный Ф. М. поступать съ тѣми, которые у него просятъ?

Онъ не долженъ отказывать тому, кто хочетъ у него занять; просящему долженъ давать; и когда даетъ милостыню, то чтобъ его лѣвая не знала, что дѣлаетъ правая *).

27. Что долженъ истинный Ф. М. дѣлать съ тѣмъ, кто хочетъ съ нимъ судиться и лишить его принадлежащаго ему?

Естьли кто хочетъ съ нимъ судиться и отнять у него платье, то долженъ онъ отдать ему и рубашку; и естьли кто пожелаетъ заставить его итти съ собою версту, то итти съ нимъ и двѣ. Матѳ. V. 40. 41.

28. Что долженъ онъ дѣлать съ тѣмъ, кто его обидитъ?

Естьли кто ударитъ его по одной щекѣ, то онъ долженъ оборотить ему и другую.

29. Слѣдовательно онъ не можетъ быть на войнѣ?

Истинный Ф. М. чтитъ Царя, и повинуется Властямъ управляющимъ.

30. Какое должно быть правило истиннаго Ф. М. въ исправленіи долга своего къ Отечеству?

Зная, что не только каждое дѣйствіе и каждое слово, но даже мысль, каждой взглядъ, каждой вздохъ, служатъ къ распространенію Царства Божія или къ сопротивленію оному, и имѣя непрестанно сіе въ виду, долженъ онъ помнить при всемъ, чтобъ онъ ни дѣлалъ, что чрезъ оное могутъ открываться Правда или Благость Господня, Котораго Воля должна ему быть драгоцѣннѣе всего.

---

*) Истинные Ф. М. должны наблюдать сіе правило во всѣхъ добрыхъ поступкахъ: также должны они молиться тайно, постясь умащать главу свою и умывать лице, какъ сказано въ Евангеліи; и слѣдовать всѣмъ принятымъ въ общежительствѣ обычаямъ, какъ то въ нарядахъ, въ обхожденіи, въ образѣ домашней жизни и проч. тому подобномъ, избѣгая и виду лицемѣрія. Матѳ. V. 42. VI. 3. 6.

31. Какія чувства истинный Ф. М. долженъ имѣть къ своимъ Родителямъ?

Долженъ ихъ почитать, слушать и любить: Ефес. VI. 1. 2. Но такою любовію, которая бы не препятствовала ему быть ученикомъ Іисуса Христа, рекшаго: «Аще кто грядетъ ко мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матерь, и жену, и чадъ и братію и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти Ученикъ» Лук. XIV. 26, т. е. не можетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ тотъ, кто не только всѣми оными естественными связьми, но даже и любовію къ самому себѣ, и всякимъ къ себѣ прилѣпленіемъ не пожертвуетъ дѣятельному исполненію Ученія Христова; и изъ ревности къ Нему не возненавидитъ, или не отвергнетъ въ оныхъ всего того, что можетъ Ему препятствовать.

32. Можетъ ли истинный Ф. М. жениться?

Богъ видя, что Человѣкъ утопаетъ во снѣ грѣховномъ, благоволилъ сотворить ему помощницу, и отдѣля отъ него натуру (часть) женскую, сдѣлалъ изъ оной жену. Быт. II.

Ученики Христовы, услыша Слова Его о брачномъ состояніи, сказали Ему лучше есть не женитися. Онъ же рече имъ: «не вси вмѣщаютъ словесе сего (не всѣ могутъ жениться), но имъ же дано есть; суть бо скопцы, иже изъ чрева матерня родишася тако, и суть скопцы иже скопишася отъ Человѣкъ, и суть скопцы иже исказиша сами себе Царствія ради Небеснаго. Могій вмѣстити, да вмѣститъ». Матѳ. XIX. 10—12.

Въ Откровеніи Іоанновомъ сказано, говоря о 144000 искупленныхъ отъ земли: «сіи суть, иже съ женами не осквернишася; зане дѣвственницы суть: сіи послѣдуютъ Агнцу, аможе аще пойдетъ: сіи суть куплени отъ людей первенцы Богу и Агнцу: и во устѣхъ ихъ не обрѣтеся лесть: безъ порока бо суть предъ Престоломъ Божіимъ». Апок. XIV. 4. 5.

Іовъ сказалъ: «Завѣтъ положихъ очима моима, да ни помышлю на дѣвицу». XXXI. 1.

А Св. Апостолъ Павелъ къ Коринѳянамъ говоритъ: «Хощу бо да вси человѣцы будутъ яко же и азъ (въ безбрачіи, и не общеніи плотскомъ съ женами): но аще не удержатся (естьли похоти плотской воздержать не могутъ) да посягаютъ, лучше бо есть женитися, нежели разжизатися. 1. Кор. VII. 7—9.»

33. Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ своею женою?

Долженъ ее любить, какъ Христосъ возлюбилъ Церковь, беречь ее и содержать какъ свое собственное тѣло; и стараться, чтобъ она была освящена и омыта чистотою крещенія въ словѣ жизни. Ефес. V. 25. 26.

34. Какъ долженъ онъ воспитывать своихъ дѣтей?

Онъ долженъ, какъ скоро только возможно, начать воспитывать ихъ къ оному новому рожденію, безъ котораго не можно войти въ Царствіе Божіе, какъ говоритъ Христосъ. Іоан. III. 5.

35. Какъ истинный Ф. М. долженъ употреблять свое имѣніе?

Считая себя токмо Орудіемъ Божіимъ, долженъ онъ знать, что всякая полушка можетъ служить или къ строенію дѣла Его и къ прославленію святаго Имени Его на землѣ, или къ умноженію того, что оному препятствуетъ; и по сему долженъ поступать со ввѣреннымъ ему имѣніемъ.

36. Какъ долженъ онъ поступать въ разсужденіи пищи и питія?

Дѣлая все въ Славу Божію, долженъ то же наблюдать и при вкушеніи пищи и питія. 1. Кор. X. 31. Употреблять оныя долженъ умѣренно, не въ удовольствіе сластолюбію, но дабы только подкрѣпить тѣло, какъ храмину, которой надлежитъ быть яслями возрожденія и Земною Обителью истиннаго Человѣка, внутренняго, духовнаго, сотвореннаго по Образу и по Подобію Божескому. 1. Кор. 11. 14. 15.

37. Какимъ образомъ истинный Ф. М. долженъ готовиться съ смерти?

Непрестанно стараясь умирать грѣху. Рим. VI.

38. Когда начинается истинная Работа въ Нравственности?

Когда Человѣкъ начнетъ совлекаться Ветхаго Адама.

39. Когда она оканчивается?

Тогда, какъ Ветхій Адамъ совлеченъ совершенно.

40. Когда престанетъ всякой Трудъ и Работа?

Когда не останется на Землѣ ни единой воли, которая бы не совершенно предалася Богу; когда золотой вѣкъ, который Богъ хощетъ прежде внутреннее возстановить въ маломъ своемъ Избранномъ Народѣ, распространится вездѣ и явится

внѣшнѣ; и когда Царство самой Натуры освободится отъ проклятія и возвратится въ Средоточіе Солнца.

Любопытству Читателя.

Сочиненіе подъ названіемъ „Духовный рыцарь“ написано меньше нежели въ сутки, и безъ всякаго приготовленія. Вдругъ родилась у Сочинителя мысль написать его — и планъ составился въ такой формѣ. Это случилось во время прогулки. Сочинитель спѣшилъ возвратиться домой; и сряду нѣсколько часовъ писалъ почти не переставая. Послѣ же самыя малыя поправки и прибавленія сдѣлалъ. Геній добрый конечно внушилъ сіе Сочиненіе: ибо въ немъ все побуждаетъ къ Богопознанію, къ Добродѣтели и къ лучшему исполненію всѣхъ обязанностей. Катихизисъ написанъ тѣмъ же перомъ.

357. Душа человѣка и животныхъ. Лекціи профессора Гейдельбергскаго университета В. Вундта. Переводъ съ нѣмецкаго Е. К. Кермница. 2 тома. Изданіе П. А. Гайдебурова. С.-Петербургъ, въ типографіи Тиблена. 1865 года.—Въ 8 д. л., томъ I-й IX+564+28 стр., томъ II-й 53+111+551+20 стр.

Въ обоихъ томахъ помѣщено пятьдесятъ семь лекцій профессора Гейдельбергскаго университета В. Вундта.—Въ началѣ второго тома помѣщено дѣло о временномъ купцѣ Павлѣ Гайдебуровѣ, обвиняемомъ въ нарушеніи правилъ о печати. 1. Въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ. Обвинительный актъ. «Временный купецъ Павелъ Гайдебуровъ въ 1865 г. выпустилъ въ свѣтъ I-й томъ перевода сочиненія профессора Вундта—«Душа человѣка и животныхъ». Изданіе этой книги послѣдовало въ то время съ разрѣшенія предварительной цензуры, такъ какъ законъ о печати 6-го апрѣля 1865 г. еще не былъ введенъ въ дѣйствіе. Настоящее изданіе 1865 года считается рѣдкимъ.

Купленъ мною экземпляръ за 12 рублей.

358. Душинька. Сочиненіе графа Ѳ. Толстаго. С.-Петербургъ, 1850 года.—Въ большой продолговатый листъ.

Означенное изданіе состоитъ изъ 62 листовъ рисунковъ, сочиненныхъ, рисиванныхъ и гравированныхъ Гр. Ѳедоромъ Толстымъ, съ объяснительнымъ текстомъ И. Богдановича на русскомъ и французскомъ языкахъ; это великолѣпное и роскошное изданіе въ настоящее время составляетъ рѣдкость и любителями рѣдкихъ книгъ цѣнится отъ 25 до 30 рублей.

359. Душиньки похожденія. Сказка въ стихахъ. Издалъ Михайло Каменскій. Москва. 1778 года.—Въ 8. д. л.

Это сочиненіе есть начало перваго изданія сочиненія г. Богдановича, которое въ полномъ сочиненіи при второмъ изданіи во многомъ исправлено.—Въ настоящее время означенная книга составляетъ библіографическую рѣдкость, цѣнится у букинистовъ отъ 12 до 20 рублей, смотря по степени сохранности.

360. Дѣвичья игрушка, которою могутъ заниматься мущины, или букетъ цвѣтовъ не для грудей, а для сердца. С.-Петербургъ, 1792 года.—Въ 8 д. л.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 3551, означенная книжка «Дѣвичья игрушка» весьма интересна и въ настоящее время рѣдка.

361. Дѣвишникъ, или Филаткина свадьба, слѣдствіе Яма и посидѣлокъ. Комическая опера въ 1 дѣйствіи. Сочиненіе Княжнина. Музыка Титова. Санктпетербургъ, въ типографіи губернскаго правленія. 1809 года.—Въ 12 д. л., 2+80 стр.

Книжка съ картинкою на заглавномъ листѣ и поименованная пьеса сочиненія Княжнина,—перваго изданія; въ настоящее время довольно рѣдкая. См. «Матеріалы для библіографіи», кн. VII, стр. 81, Як. Березина-Ширяева.

362. Дѣдушкины прогулки, содержащія въ себѣ 10 русскихъ сказокъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Глазунова. 1805 года.

Въ 1805 году была издана книга подъ названіемъ: «Дѣдушкины прогулки, содержащія въ себѣ 10 русскихъ сказокъ». Это изданіе было неоднократно повторено въ 1815 и 1819 годахъ.—Неизвѣстный издатель помѣстилъ въ «Дѣдушкиныхъ

прогулкахъ»: 1) О Булатѣ молодцѣ. 2) О пастухѣ и дикомъ вепрѣ. 3) О любимомъ царевичѣ и о прекрасной царевнѣ его супружницѣ. 4) О псѣ и ужѣ. 5) О славномъ и именитомъ царевичѣ Моландрахѣ Ибраиновичѣ и о прекрасной царевнѣ Соликалтѣ. 6) О весьма чудныхъ и прекрасныхъ гусляхъ самогудахъ. 7) О семи мудрецахъ и о юношѣ. 8) О нѣкомъ башмачникѣ и слугѣ его Притычникѣ. 9) О Иванѣ царевичѣ, жаръ птицѣ и о сѣромъ волкѣ. 10) О Славномъ и храбромъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ.

Это изданіе въ настоящее время рѣдкое.

363. Дѣдушка Егоръ. Разсказъ. С.-Петербургъ. Типо-литографія В. И. Хижевскаго. 1873 года.—Въ 8 д. л.

«Дѣдушка Егоръ» представляетъ собою довольно любопытный разсказъ.

Книга эта, по выходѣ въ свѣтъ, какъ не соотвѣтствующая постановленію цензуры, была изъята изъ обращенія.

См. «Каталогъ изданіямъ на русскомъ языкѣ, составленный Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати по 1-е января 1894 года», за № 351.

364. Дѣло о скопцѣ камергерѣ Еленскомъ. Сочиненіе Н. П. Липранди. Москва, въ университетской тирографіи Каткова. 1868 года.—Въ 8 д. л., 20 стр.

Это историческое изслѣдованіе Н. П. Липранди основано на первоначальныхъ источникахъ о скопческой ереси.

Въ началѣ этой весьма любопытной брошюры слѣдуетъ краткое предисловіе отъ автора, въ которомъ онъ говоритъ, что скопецъ, камергеръ Еленскій, сдѣлался извѣстнымъ скопческой коммиссіи (учрежденной въ 1843 году, подъ моимъ предсѣдательствомъ) тѣмъ, что нѣкоторые изъ старыхъ скопцовъ указывали на него, какъ ихъ оскопителя. Ей было извѣстно только то, что въ 1804 году Еленскій былъ взятъ и отосланъ въ Спасо-Евѳиміевскій монастырь, гдѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ. Но за что онъ подпалъ подъ эту внезапную высылку, оставалось тайной, которой при всѣхъ розысканіяхъ нельзя было проникнуть.

Только въ 1851 году обстоятельство это разъяснилось. Бывшій Московскій Полицеймейстеръ, Подполковникъ Николай Авдѣевичъ Супоневъ, оставивъ эту должвость, зачисленъ былъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и переведенъ ко мнѣ по дѣламъ Скопческимъ и Хлыстовскимъ. Въ маѣ 1851 года онъ представилъ мнѣ подлинное письмо Еленскаго, отъ 1804 года, на имя Н. Н. Новосильцева, съ приложеніемъ къ оному подлиннаго же письма къ Государю, съ препровожденіемъ длинной записки о святости скопцовъ и съ до нельзя странными его предложеніями. Здѣсь сдѣлалась ясною причина его заключенія въ монастырь. Документы эти были найдены при разборѣ бумагъ Г. Голенищева-Кутузова, родственника Новосильцева и его наслѣдника. Супоневъ, будучи близкимъ родственникомъ Голенищева-Кутузова и помогая ему при разборѣ бумагъ отца его, нашелъ эти документы и, какъ занимающійся дѣлами скопцовъ, взялъ оные.

Я былъ уже уволенъ въ заграничный отпускъ и передалъ, до моего возвращенія, предсѣдательствованіе коммиссіи другому лицу, долженствовавшему только оканчивать начатыя три, четыре слѣдствія, и, не желая оставлять этотъ любопытный документъ до моего возвращенія, совѣтовалъ Супоневу отправить оный къ Н. И. Надеждину, находящемуся въ Крыму съ графомъ Перовскимъ, что Супоневъ и сдѣлалъ. По возвращеніи графа и моемъ въ Петербургъ, Н. И. Надеждинъ, по приказанію Министра, передалъ мнѣ всѣ этѣ бумаги, вмѣстѣ съ письмомъ къ нему Супонева Но какъ я не пожелалъ болѣе заниматься скопческими дѣлами, то и возвратилъ этѣ бумаги Надеждину, оставивъ только письмо Супонева и снявъ со всего копіи, которыя при семъ и прилагаются.

И. Липранди.

Затѣмъ слѣдуетъ письмо Н. А. Супонева къ Н. И. Надеждину, которое я считаю не лишнимъ привести здѣсь полностію, съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

Милостивой Государь, Николай Ивановичъ.

Разбирая бумаги, оставшіяся у тестя моего, сенатора Василья Сергѣевича Новосильцева, послѣ дяди его, покойнаго Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Графа Николая Николаевича Новосильцева, я нашелъ письмо, вѣроятно, къ нему, Г-ну Новосильцеву, писанное, когда онъ былъ въ 1804 году Товарищемъ Министра Юстиціи и приближеннымъ въ Бозѣ почивающему Государю Императору Алек-

сандру Павловичу, отъ Алексѣя Еленскаго, въ которомъ письмѣ и приложенныхъ къ оному бумагахъ находится весьма много важнаго и любопытнаго касательно скопчества.

Я сообщилъ очыя бумаги Ивану Петровичу, и узналъ отъ него, что вышеупомянутый Еленскій былъ во времена Императрицы Екатерины II Камергеромъ при Польскомъ Дворѣ и, по присоединеніи Польши къ Россіи, принятъ въ томъ же званіи и къ Россійскому Двору. Вамъ также, вѣроятно, не безъизвѣстно, что Еленскій былъ скопецъ, ревностный распространитель секты, и что онъ самъ производилъ оскопленіе здѣсь, въ С.-Петербургѣ, надъ многими лицами, въ 1804-же году былъ сосланъ въ Суздаль, гдѣ и умеръ. Можно съ достовѣрностію полагать, что особенною тому причиною было предложеніе, заключающееся въ бумагѣ, приложенной къ письму.

Поспѣшаю препроводить копію съ сихъ бумагъ къ Вамъ, Милостивой Государь, для представленія ихъ на благоусмотрѣніе Его Сіятельства, Г-на Министра, подлинныя же, писанныя, какъ полагаю, собственною его, Еленскаго, рукою, оставляю у себя, для личнаго врученія ихъ Его Сіятельству.

Вмѣстѣ съ симъ я осмѣливаюсь покорнѣйше просить Васъ испросить у графа разрѣшенія, какъ поступить мнѣ съ скопцомъ Андреемъ Никоновымъ: привезти ли его, по окончаніи мною въ Рязанской губерніи изслѣдованія о скопческой сектѣ, въ С.-Петербургѣ, или нѣтъ? и почтить меня, какъ по сему предмету, такъ и о прочемъ, сообщаемомъ Вамъ Иваномъ Петровичемъ, увѣдомленіемъ, адресуя письмо Ваше въ городъ Ряжскъ Рязанской губерніи.

Пользуясь симъ случаемъ, чтобъ увѣрить Васъ, Милостивой Государь, въ томъ совершенномъ почтеніи и отличной преданности, съ каковыми имѣю честь быть

Милостивой Государь,
Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Николай Супоневъ.

С.-Петербургъ.
10-го мая, 1851 г.

363. Дѣло патріарха Никона. Историческое изслѣдованіе по поводу XI т. исторіи Россіи проф. Соловьева—Н. Субботина. Москва Въ типографіи Грачева. 1862 года.—Въ 8. д. л. 249 стр.

Книга—историческое изслѣдованіе Н. Субботина, съ приложеніемъ актовъ и бумагъ, относящихся къ этому дѣлу. Въ концѣ книги слѣдуетъ приложеніе—«посланіе патріарха Никона къ царю Алексѣю Михайловичу, изъ Воскресенскаго монастыря, писанное въ іюлѣ 1659 года, по случаю разныхъ непріятныхъ извѣстій, полученныхъ изъ Москвы».

Это изданіе распродано. Книга рѣдка.

Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

364. **Дѣтская библія или важнѣйшія нравоучительныя повѣствованія, выбранныя изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта для образованія сердца и разума дѣтей. П. Ш. Напечатана съ дозволенія С.-Петербургской цензуры. Въ Санктпетербургѣ, въ типографіи Ив. Глазунова,** 1804 г.— Въ 8 д. л. 144 стр.

Въ этомъ изданіи помѣщены XXVI гравированныхъ рисунковъ, представляющихъ различныя св. изображенія изъ ветхаго и новаго завѣта.

Книга эта, напечатанная иждивеніемъ Ив. Глазунова, замѣчательна какъ по полнотѣ содержанія, такъ и по своему занимательному и легко доступному понятіямъ юныхъ читателей изложенію.

Въ виду чрезвычайной рѣдкости нѣкоторыхъ изданій, предназначенныхъ для дѣтей, нахожу умѣстнымъ привести здѣсь списокъ помянутыхъ рукописныхъ и печатныхъ сочиненій XVIII и XIX вѣка, интересныхъ какъ матеріалъ для исторіи дѣтской литературы въ Россіи.

1.—Дѣтская философія, или нравоучительные разговоры между одною Госпожею и ея дѣтьми; сочиненные для поспѣшествованія истинной пользѣ молодыхъ людей К. Болотовымъ. 2 части; Москва, 1776 — 1799 года. — Въ 12 д. л. Изданіе рѣдкое.

2.—Дѣтская учебная книга для юношества, съ присовокупленіемъ разныхъ повѣстей, въ стихахъ и прозѣ; на нѣмецкомъ и россійскомъ языкахъ. Москва.—Въ 8 д. л.

3.—Дѣтская энциклопедія, или новое сокращеніе всѣхъ наукъ; на французскомъ и россійскомъ языкахъ съ картинами. Москва, 1802 года. —Въ 8 д. л.

4.—Дѣтская реторика, или благоразумный витія, къ пользѣ и увеселенію юношества. Москва, 1787 года.—Въ 8 д. л. съ рисунками.

5.—Дѣтская Жака или собраніе изображеній съ краткими описаніями древняго и новаго свѣта народовъ, ихъ нравовъ, одеждъ и проч., такъ же четвероногихъ птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ, червей, прозябеній и проч., содержащая въ себѣ до 500 изображеній. Переводъ съ французскаго Бориса Соколова. Москва, 1794 года.—Въ 8 д. л. Хорошо сохранившіеся экземпляры весьма рѣдки.

6.—Дѣтская кукла, или изобранныя повѣсти и басни. Санктпетербургъ, 1788 года.—Въ 12 д. л.

7.—Дѣтская книжка, или начальныя понятія и описанія вещей, о коихъ дѣти должны имѣть свѣдѣніе. Москва, 1770 года.—Въ 12 д. л.

8.—Дѣтская книга, или собраніе нравоучительныхъ повѣстей, переведенныхъ изъ лучшихъ французскихъ сочинителей, съ картинами. Москва, 1796 года.—Въ 8 д. л.

9.—Дѣтская энциклопедія, содержащая въ себѣ подробное начертаніе наукъ и художествъ; на русскомъ и французскомъ языкахъ. 4 части, съ рисунками. Москва, 1809 года.—Въ 12 д. л.

10.—Дѣтская физика; перевелъ съ французкаго Николай Хлоповъ. Москва, 1763 года.—Въ 12 д. л.

11.—Дѣтская физика, или разговоръ отца съ дѣтьми, сочиненіе Г. Шица; перевелъ съ нѣмецкаго Н. О. Санктпетербургъ, 1796 года. — Въ 12 д. л.

12. — Дѣтская энциклопедія, или понятіе о всѣхъ наукахъ; вновь перевед. съ французскаго Семеномъ Ушаковымъ. 6 частей, съ рисунками; съ французскимъ подлинникомъ. Спб. 1811 года.— Въ 8 д. л.

13.—Дѣтская книга, или общія мнѣнія и изъясненіе вещей, коимъ дѣтей обучать должно, и проч. на россійскомъ и французскомъ языкахъ. Москва. 1770 года.—Въ 12 д. л.

14. — Дѣтская историческая игра, заключающая въ себѣ краткую исторію славнѣйшихъ въ древности особъ обоего пола, съ ихъ портретами; переводъ съ французскаго. Москва. 1801 года.— Въ 12 д. л.

15.—Дѣтская энциклопедія, или кругъ дѣтскаго чтенія т. е. краткое начертаніе учебныхъ предметовъ для священо и церковно служительскихъ курской епархіи на службу церкви святой воспитываемыхъ дѣтей, и проч. Сочиненіе Ѳеоктиста, архіепископа курскаго и бѣлогородскаго. Москва, 1808 года.—Въ 8 д. л.

16.—Дѣтскій магнитъ, привлекающій дѣтей къ чтенію, содержащій въ себѣ 101 сказочку, съ нравоученіями на каждую, собранныя въ пользу дѣтей изъ лучшихъ авторовъ, писавшихъ о воспитаніи. Москва, 1800 года.—Въ 12 д. л.

17.—Дѣтскій магазинъ, или собраніе полезныхъ сочиненій, соотвѣтствующихъ дѣтскому возрасту. Переводъ съ французскаго. Москва, 1788 года.— Въ 8 д. л.

18.—Дѣтскій другъ, книга для чтенія поселянъ, изданная на россійскомъ языкѣ, съ подражаніемъ Г. Рокову. 2 части. Санктпетербургъ. 1797 года.—Въ 8 д. л.

19.—Дѣтскій атласъ о россійской имперіи, или новой, удобной и доказательной способъ къ изученію географіи, съ толкованіемъ, гербомъ и съ родословіемъ Царствующаго Дома; на французскомъ и россійскомъ языкахъ, исправл. и дополненной Г. Дильтеемъ. 6 томовъ, съ рисунками. Москва. 1768 года.—Въ 12 д. л.

20.—Дѣтскій совѣтникъ, преподающій юношеству правила, какъ благоразумно въ свѣтѣ поступать. Перевелъ съ французскаго Яковъ Бѣлявскій. Спб. 1785 года.—Въ 8 д. л.

21.—Дѣтскій кабинетъ, или карманная книжка къ пріятному и полезному ихъ занятію, съ 22 картинками. Москва, 1800 года.—Въ 8 д. л.

22.—Дѣтскій пріятель, сочиненіе аббата Д., перевелъ съ французскаго Степанъ Никифоровъ. Москва, 1792 года.—Въ 8 д. л.

23.—Дѣтскій веселый товарищъ, или богатый для дѣтей подарокъ съ 23 картинками, на 1806 годъ, переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1805 года.— Въ 16 д. л.

24.—Дѣтскій повѣствователь, кратко увѣдомляющій о перемѣнахъ, происходившихъ на земномъ шарѣ, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ примѣровъ къ нравоученію служащихъ. Переводъ съ нѣмецкаго Евграфа Хомякова. Москва, 1789 года.—Въ 12 д. л.

25.—Дѣтскій гостинецъ, или собраніе 499 загадокъ съ отвѣтами, въ стихахъ и прозѣ, взятыхъ какъ изъ древней, такъ и новѣйшей исторій изъ всѣхъ царствъ природы. Москва, 1794 года.— Въ 12 д. л.

26.—Дѣтскій руководитель къ легчайшему познанію французскаго языка; съ разными присовокупленіями. Москва, 1810 года.—Въ 8. д. л.

27.—Дѣтскій календарь, содержащій въ себѣ краткое повѣствованіе о древнихъ, такъ и нынѣшнихъ мужахъ, и проч. Переводъ съ французскаго; съ рисунками. Москва, 1792 года.—Въ 12 д. л.

28.—Дѣтскій собесѣдникъ, изданный г. Беркенемъ, переведенный съ французскаго Иваномъ Янковичемъ Де-Маріево. 2 части; Санктпетербургъ, 1791 года.—Въ 12 д. л.

29.—Дѣтское училище, заключающее въ себѣ разумные и нравоучительные между учительницею и ученицами ея разговоры и проч. Соч. Г. Бомонтъ. Перевела съ французскаго М. М. Часть первая. Спб. 1784 года.—Въ 8 д. л.

30.—Дѣтское золотое зеркало, или забавныя и нравоучительныя сказки, съ картинками. Москва, 1808 года.—Въ 8 д. л.

31.—Дѣтское училище, или нравоучительные разговоры между разумною учительницею и знатными разныхъ лѣтъ ученицами; сочиненіе Г-жи Ле Пренсъ де Бомонтъ; перевелъ съ французскаго Петръ Свистуновъ. 4 части. Санктпетербургъ, 1761 года.—Въ 12 д. л.

32.—Дѣтскій театръ, или собраніе піесъ, представленныхъ воспитанниками въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. 2 части. Москва, 1802 года.—Въ 12 д. л.

33.—Дѣтскія забавы, или собраніе краткихъ повѣстей, разговоровъ и нравоученій, служащихъ къ увеселенію и наставленію дѣтей. 2 части. Москва. 1790 года.—Въ 8 д. л.

34.—Дѣтское чтеніе, или отборныя небольшія повѣсти, удобныя увеселять дѣтей и наставить ихъ любить добродѣтель. Переводъ съ французскаго. Санктпетербургъ.—Въ 8 д. л.

35.—Дѣтское училище, или опытъ нравственнаго воспитанія обоего пола и всякаго состоянія дѣтей, содержащее преполезнѣйшія наставленія къ образованію разума и сердца и совершенному нравственному воспитанію, представленныя въ изящнѣйшихъ письмахъ; сочиненіе Г-жи Жанлисъ, переводъ съ нѣмецкаго. 3 части. Спб. 1792 года.—Въ 8 д. л.

36.—Дѣтское чтеніе, для сердца и разума, переведено съ нѣмецкаго и французскаго и издано Н. Карамзинымъ и А. П. 20 частей. Москва. 1785—1789 года.—Въ 12 д. л.

37.—Дѣти горъ вожскихъ, или журналъ одного Алзаскаго старта. Пер. съ фр. Н... И. Москва, типографія Платона Бекетова, 1803—1804 г.—Въ 12 д. л. 2 части.

38.—Дѣтскій Альманахъ на новый годъ съ 6-ю картинками. Собр. А. П. Москва, типографія Августа Семена при Имп. Мед. Хирург. Академіи, 1828 года.—Въ 16 д. л.

39.—Дѣтскія забавы. Санктпетербургъ, типографія И. П. Бочарова, 1843 года.—Въ 16 д. л., съ двумя виньетками.

40.—Дѣтскій натуральный кабинетъ, или картинная галлерея животныхъ и растеній, съ сокращеннымъ ихъ описаніемъ. Санктпетербургъ, въ типографіи И. Байкова, 1814 года.—Въ 32 д. л., съ картинкою.

41.—Дѣтскій календарь, содержащій въ себѣ краткое повѣствованіе о великихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ мужахъ, и 385 мудрыхъ нравоучительныхъ изреченій, могущихъ вселять молодымъ дѣтямъ любовь къ добродѣтели и ревность къ исполненію своихъ обязанностей. Переводъ съ фран. Москва, 1792 года.—Въ 8 д. л.

42.—Дѣтская библіотека повѣстей, анекдотовъ и сказаній о юности великихъ людей, прославленныхъ исторіей; 3 части. Москва, 1824 года.—Въ 12 д. л.

43. — Дѣтскій говорунъ, или собраніе новѣйшихъ и еще доселѣ неизвѣстныхъ сказокъ. Москва, 1824 года.—Въ 12 д. л.

44. — Дѣтскіе вечера моей бабушки, новыя волшебныя сказки, въ пользу малыхъ дѣтей. 2 части. Москва, 1802 — 1803 годовъ. — Въ 12 д. л.

45. — Дѣтскій календарь, новый, съ краткою исторіею, географіею и хронологіею всеобщею и россійскою и примѣчаніями изъ астрономіи. Соч. Фед. Туманскаго, въ Санктпетербургѣ, 1787 года.—Въ 16 д. л. 233 стр.

46.—Дѣтская книжка, или начальныя понятія и описаніе вещей, о коихъ дѣти должны имѣть свѣдѣніе. Москва, 1770 года.—Въ 12 д. л. (См. у Сопикова за № 3571).

47. — Дѣтская учебная книжка, содержащая священную и натуральную исторіи и разные анекдоты на росс. и фран. языкахъ. Москва, 1815 года.—Въ 8 д. л.

48.—Дѣтская забавная, содержащая 57 хитростей, или фокусовъ. Москва, 1800 года. — Въ 12 д. л.

49. — Дѣтская книжка, или собраніе нравоучительныхъ повѣстей, перев. изъ лучшихъ французскихъ сочинителей. Съ картинками. Москва, 1796 года.—Въ 8 д. л.

50.—Дѣтская забавная и любопытная, содержащая разныя любопытныя и забавныя тайны, до наукъ и художествъ касающіяся, и притомъ легкія, но удивительныя произведенія и выдумки до городскихъ бесѣдъ и до сельской жизни многія принадлежащія пріятныя вещи и проч. — Москва, 1789 года.

367. Дѣтская забава, показывающая способъ составлять изъ мелкихъ частей болѣе 250.000 разныхъ предметовъ. Сочиненіе г. Кларка. Москва, 1825 года. — 16 рисунковъ.

Полные экземпляры этой рѣдчайшей «забавы» совсѣмъ не находимы въ книжной торговлѣ и составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость.

Сочиненіе г. Кларка въ свое время составляло новоизобрѣтенное рисовальное искусство, каковое, принятое во всей Франціи, было въ большомъ употребленіи, такъ что, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, вышло болѣе 10.000 экземпляровъ.

Польза и удобность этого изданія доставляли весьма пріятное и интересное занятіе дѣтямъ и любителямъ живописи, особенно въ снятіи разныхъ видовъ.

368. Дѣтская тека или собраніе изображеній, съ краткими описаніями древняго и новаго свѣта, ихъ нравовъ, одеждъ и прочаго. Также собраніе изображеній, съ описаніями четвероногихъ, птицъ, земноводныхъ, рыбъ, насѣкомыхъ, червей, прозябаній и прочаго. — Изданная обществомъ любителей. Переводъ съ французскаго. Москва, въ типографіи Рѣшетникова. 1822 года. — Въ 4 д. л. Отд. I. VII+72 стр. Отд. II. 94 стр. и 49 листовъ рисунковъ.

Книга посвящена авторомъ Б. Соколовымъ князю Григорію Сергѣевичу Голицыну.

Это изданіе предназначено для дѣтскаго возраста, чтобы наглядно способствовать развитію понятій дѣтей.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія довольно рѣдки.

369. Дѣтство знаменитыхъ людей. Съ картинами. Москва, въ типографіи Семена. 1847 года.—Въ 16 д. л. 156 стр.

Изданіе это имѣетъ цѣлью дать краткія біографіи знаменитыхъ людей, въ предѣлахъ доступныхъ для пониманія юношеству средняго возраста. Такихъ біографій помѣщено въ книжкѣ 32, а именно: 1. Гессенди. 2. Биньонъ. 3. Линней. 4. Виттъ. 5. Лонгрю. 6. Ролленъ. 7. Боссюэтъ. 8. Гроцій. 9. Д'Аламберъ. 10. Винкельманъ. 11. Попе. 12. Вольтеръ. 13. Лебрёнъ. 14. Паскаль. 15. Клеро. 16. Лопиталь. 17. Рамюсъ. 18. Метастазій. 19. Бернини. 20. Правнучка Лафонтена. 21. Аміо. 22. Тассъ. 23. Акенъ. 24. Баратье. 25. Франклинъ. 26. Веринъ. 27. Месмъ. 28. Сикстъ V. 29. Вокансонъ. 30. Монтань. 31. Ричардсонъ. 32. Караваджъ.

Для болѣе нагляднаго представленія о содержаніи этой книжки, приводимъ здѣсь одну изъ помѣщенныхъ въ ней біографій, а именно: о Франклинѣ.

Франклинъ.

Жизнь и возвышеніе Франклина могутъ служить превосходными образцами, которые можно представить людямъ всѣхъ состояній: жизнь его была дѣятельная и честная, а возвышеніе его было слѣдствіемъ заслугъ, оказанныхъ отечеству. Этотъ великій человѣкъ, способствовавшій прославленію Новаго Свѣта, родился въ нищетѣ, и себѣ одному обязанъ всѣмъ тѣмъ, чего онъ достигъ. Отецъ его, поселившись въ Бостонѣ, дѣлалъ свѣчи и мыло, и съ большимъ трудомъ содержалъ многочисленное семейство. У него было 17 дѣтей, и изъ нихъ 13 видѣли за столомъ его. Франклинъ былъ послѣдній и родился въ 1705 году. По особенной любви къ нему, отецъ хотѣлъ учить его; но у него не доставало на то средствъ; онъ ограничился тѣмъ, что выучилъ его читать и писать. Маленькій Веніаминъ возвратился изъ школы въ родительскій домъ десяти лѣтъ, и дѣлалъ, также какъ отецъ его, свѣчи и мыло. Но какъ это ремесло не понравилось ему, а родители замѣтили, что онъ очень любилъ читать, то и помѣстили его къ одному изъ его братьевъ, въ типографію. Тамъ Франклинъ находился въ своей сферѣ. Скоро овла-

дѣла имъ страсть къ стихамъ; братъ, могшій видѣть въ томъ свою выгоду, поощрялъ его и далъ ему предметы двухъ пѣсень, одинъ на недавнее крушеніе корабля, другой на взятіе знаменитаго морскаго разбойника. Онъ написалъ эти пѣсни, и братъ послалъ его продавать ихъ по городу. Онъ переходилъ съ площади на площадь, съ маленькою двухколесною телѣжкою, на которой лежали оттиски его пѣсни, еще мокрые. Франклинъ самъ разсказывалъ этотъ анекдотъ и прибавлялъ, что его стихи были самые жалкіе, настоящія пѣсни слѣпца. Однакоже онъ распродалъ ихъ, и написалъ бы еще другія, если-бы отецъ не далъ ему почувствовать, что трудъ его былъ ничтоженъ, и что ремесло рифмача не обогащаетъ занимающагося имъ. Онъ имѣлъ здравый разсудокъ, послушался отца и ограничился прозою. Ему было не болѣе 16 лѣтъ, когда братъ его предпринялъ изданіе журнала. Онъ желалъ помѣстить въ немъ нѣсколько статей; но увѣренный напередъ, что братъ, по невыгодному для него предубѣжденію, не захотѣлъ бы принять ихъ, передалъ ихъ къ нему не прямо отъ себя. Статьи были напечатаны и даже расхвалены; онъ продолжалъ, открылся впослѣдствіи и сдѣлался однимъ изъ главныхъ редакторовъ листка. Недовольный однакоже слишкомъ суровымъ съ нимъ обхожденіемъ брата, онъ оставилъ его и отправился скрытно въ Филадельфію. Когда онъ вошелъ въ этотъ городъ, гдѣ онъ долженъ былъ послѣ играть такую важную роль, на немъ было платье самое жалкое, почти рубище, а въ карманѣ у него лежала монета, почти равная рублю съ четвертью серебромъ. Къ счастію для него, онъ пріучилъ себя къ умѣренности, ѣлъ однѣ овощи и иногда одинъ сухой хлѣбъ. Трудъ и бережливость положили начало его богатству. Онъ работалъ сначала въ дурной типографіи, а кончилъ тѣмъ, что завелъ свою, сталъ торговать бумагою, издавать журналъ и мало по малу основалъ торговый домъ, который считался однимъ изъ лучшихъ въ городѣ. Пріобрѣтя значительный достатокъ, онъ посвящалъ нѣсколько времени наукамъ, которыя онъ всегда любилъ, внесъ въ нихъ геній, котораго не знали еще въ немъ, и сдѣлалъ открытія, которыя разнесли славу его имени въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Ему одолжены мы изобрѣтеніемъ громовыхъ отводовъ. Онъ наслаждался богатствомъ, честно пріобрѣтеннымъ, и почетною репутаціею, когда вспыхнуло возстаніе англійскихъ колоній въ Америкѣ, въ которомъ онъ принялъ большое участіе, и скоро былъ замѣченъ своими согражданами, какъ одинъ изъ величайшихъ людей республики. На него-то обратили взоры, когда было нужно посольство, самое трудное и самое славное. Его отправили посланникомъ во Францію, чтобы склонить ее заступиться и вооружиться за интересы Соединенныхъ Штатовъ. Эти переговоры требовали большаго ума и много искусства; онъ успѣлъ вполнѣ. По возвращеніи его въ Америку, приняли его съ величайшими почестями; онъ былъ избранъ губернаторомъ Пенсильваніи, и засѣдалъ въ конгрессѣ въ качествѣ представителя этой провинціи. Вотъ что дѣлаютъ трудъ, хорошее поведеніе и любовь къ славѣ. Франклинъ долго былъ счастливъ и почитаемъ, онъ прожилъ до 85 лѣтъ; кончина его послѣдовала въ 1790 году.

Е.

370. Евангеліе (Напрестольное), напечатанное типографщикомъ Петромъ Тимофеевымъ Мстиславцемъ. Вильна, 1575 года.—Въ листъ, церковной печати.

Это Евангеліе составляетъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость. Изданіе неизвѣстное русскимъ библіографамъ. Замѣчательно, что въ семъ изданіи начало Іоаннова Евангелія напечатано прямо безъ поправки, такъ:—«Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога», а не «къ Богу», какъ въ нынѣшнихъ изданіяхъ.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 12893, гдѣ сказано что—«экземпляръ сего рѣдкаго изданія, можетъ быть, единственный въ Россіи, находился въ библіотекѣ покойнаго Псковскаго архіепископа Меѳодія».

371. Евангеліе отъ Матѳея. Переводъ съ нѣмецкаго, сочиненіе I. Госнера. С.-Петербургъ, въ типографіи Греча, 1824 г.—Въ 8 д. л., 856 стр.

Означенная рѣдкая книга была сожжена 10 сентября 1824 года въ числѣ болѣе 3000 экземпляровъ, въ печахъ кирпичнаго завода Александро-Невской лавры, за что было дано трудящимся 25 рублей; жгли три часа въ 20 печахъ. Сообщено А. Ѳ. Бычковымъ. См. «Книжныя рѣдкости» Геннади за № 243.

I. Госнеръ.

Съ портрета, приложеннаго къ «Библіограф. Запискамъ».

372. Евангеліе отъ Іоанна. Вѣруй въ Господа Іисуса Христа, и спасешься ты и домашніе твои.—Безъ означенія года и мѣста печати.

Чрезвычайно рѣдкая въ настоящее время книга «Евангеліе отъ Іоанна», въ хорошо сохранившихся экземплярахъ, почти не находима и принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей, такъ какъ всѣ экземпляры этой книги велѣно было уничтожить.

См. «Каталогъ изданіямъ на русскомъ языкѣ, составленный Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати по 1-е января 1894 года», за № 358.

Оучителное
албо
Казаня, на кождую недѣлю
И Свята Урочистыи,
презъ
Стго Оца нашего Калиста, Архиепкопа
Костантинопоского, и Всел. Патріарху, пре
двѣма сты лѣт Покгрецку написаный,
А теперъ ново
З Кгрецкого и Словенского языка на
Рускій переложеный.
Працею и старанемъ Иноковъ Общого житіа Монастыра Братского Виленского Сшествіа Стго и Животворящого Духа, Выдрукованы.
Вевю
Року ахѕі

Заглавный листъ «Евангелія», печ. въ Евью 1617 г.

373. Евангеліе учительное, албо казаня на каждую недѣлю и свята урочистый, през святого отца нашего Калиста, архіепископа Константинопольского и вселенского патріарху, предъ двема сты лѣтъ, по кгрецку написанныи; а теперь ново з кгрецкого и словенского языка, на рускій переложенный. Коштомъ вельможнаго пана его М. Князя Богдана Окгинскаго подкоморого троицкого, Державцы дорсунискаго и кормяловскаго и малженки его М. ей М. Паней Раины Воловичовны, а працею и стараніемъ иноковъ общаго житіа, монастыря братского виленского съшествія С. Духа, выдрукованы въ Евью року 1617.—Въ листъ 4 + 173 + 351. Всего 528 листовъ=1056 стр.

На оборотѣ заглавнаго листа помѣщены гербы Князей Огинскихъ и пановъ Воловичей съ стихами, и изображеніе св. Каллиста, рѣзанное на деревѣ.

См. «Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ», Павла Строева, стр. 132, № 60 и «Опытъ россійск. библіографіи» Вас. Сопикова, часть 1-я № 318.

Это изданіе въ настоящее время составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость.

374. Еврейская семья. Драма въ трехъ отдѣленіяхъ. Et spes et ratio studiorum in Caesore tantum. Iuv. sat. VII, I. Сочиненіе Л. I. Мандельштама. К — та С. П. университета. Берлинъ, 1863 года. Въ типографіи А. Пауль и К°. — Въ 8 д. л. 132 стр.

Дѣйствіе этой драмы имѣетъ мѣсто въ одной изъ Прибалтійскихъ губерній, въ городѣ Ригѣ, во время послѣдней войны съ Англіею и Франціею.

Книжка очень рѣдкая.

375. „Европеецъ“, журналъ наукъ и словесности, издаваемый Иваномъ Кирѣевскимъ. 3 части. Москва. Въ типографіи Лазаревыхъ института восточныхъ языковъ. 1831 года.—Въ 8 д. л., 482 стр.

Этотъ журналъ былъ запрещенъ, вышли только три книжки I-го тома, недопечатанныя и прервавшіяся на 402 стр., такъ какъ воспрещеніе послѣдовало въ то время, когда эта третья книжка печаталась. «Европеецъ» запрещенъ за статью самого редактора И. В. Кирѣевскаго, подъ заглавіемъ: «Девятнадцатый вѣкъ». Статья эта помѣщена въ первой книжкѣ на стр. 1—24 и въ третьей на стр. 371 — 397. Въ запретительной бумагѣ было сказано: «Хотя сочинитель и говоритъ, что онъ не о политикѣ, а о литературѣ, но разумѣетъ совсѣмъ иное: подъ словомъ просвѣщеніе онъ разумѣетъ свободу; дѣятельность разума означаетъ у него революцію, а искусство—отысканная середина, ничто, какъ конституція; и вообще вся статья писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ. Кромѣ того, разборъ представленія «Горе отъ ума», помѣщенный въ первой книжкѣ «Европейца», признанъ за непристойную выходку противъ находящихся въ Россіи иностранцевъ». Кромѣ запрещенія журнала, Кирѣевскаго предполагали выслать изъ Москвы, но онъ былъ спасенъ отъ этой прогулки горячимъ заступничествомъ В. А. Жуковскаго.

Недопечатанная третья книжка въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость, въ ней помѣщены; I. Стихотвореніе Жуковскаго «Божій Судъ». II. Опалъ. III. Волшебная сказка. IV. «Поэтъ»—стихотвореніе Н. Языкова. V. О Бразиліи (переводъ изъ Revue des deux mondes). VI. Продолженіе статьи «Девятнадцатый вѣкъ». VII. Эпиграма, подъ которой три звѣздочки. VIII. Статья о Талейранѣ—недоконченная.

Этотъ замѣчательный журналъ, котораго названіе служило ему знаменемъ и который вышелъ представителемъ европеизма, — въ Москвѣ стоялъ тогда особнякомъ въ нашей литературѣ и при серьезномъ направленіи могъ бы достойно замѣнить упадшій уже тогда «Московскій Телеграфъ» Полеваго.

См. «Книжныя рѣдкости» Остроглазова — № 71;—Геннади—№ 158;—«Отечественныя Записки» за 1858 годъ, № 3. стр. 103—104: «Очерки по исторіи русской литературы».

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 30 руб.

Чтобы дать понятіе о сей рѣдкой книгѣ для интересующихся ею, прилагаю здѣсь статью «Девятнадцатый вѣкъ», полную и дословную перепечатку съ подлинника, съ сохраненіемъ орѳографіи послѣдняго.

Девятнадцатый вѣкъ.

Сколько уже говорено о направленіи девятнадцатаго вѣка, что мудрено было бы сказать объ немъ что либо новое, если бы девятнадцатый вѣкъ былъ для насъ прошедшимъ. Но онъ живетъ, и слѣдовательно измѣняется; и каждое измѣненіе его господствующаго духа ставитъ насъ на новую точку зрѣнія. Другая перспектива, въ которой минувшее располагается передъ текущею минутою, даетъ ему другое значеніе. Такъ путешественникъ съ каждою перемѣною мѣста видитъ въ новомъ свѣтѣ пройденную дорогу. Такъ новый опытъ въ жизни даетъ цѣлому міру воспоминаній новую стройность и новый смыслъ.

Этимъ новымъ опытомъ въ жизни девятнадцатаго вѣка были событія послѣднихъ лѣтъ. Я говорю не о политикѣ. Но въ литературѣ, въ обществѣ, въ борьбѣ религіозныхъ партій, въ волненіяхъ философскихъ мнѣній, однимъ словомъ, въ цѣломъ нравственномъ бытѣ просвѣщенной Европы замѣтно присутствіе какого-то новаго начала, какого-то недавняго убѣжденія, которое, если не измѣняетъ господствующаго направленія, то по крайней мѣрѣ даетъ ему другіе оттѣнки и другія отношенія.

Въ чемъ же состоитъ эта особенность текущей минуты?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ служить основаніемъ нашихъ сужденій обо всемъ современномъ, ибо одно понятіе текущей минуты, связывая общія мысли съ частными явленіями, опредѣляетъ въ умѣ нашемъ мѣсто, порядокъ и степень важности для всѣхъ событій нравственнаго и физическаго міра. Было время, когда понятіе настоящей минуты вѣка составляло исключительную принадлежность Генія, предполагая въ немъ порывъ какого-то безотчетнаго, пророческаго и немногимъ доступнаго вдохновенія. Но теперь, когда опредѣлить господствующее направленіе вѣка сдѣлалось главною и общею цѣлію всѣхъ мыслящихъ, когда всѣ *данныя* для того извѣстны и собраны, когда всѣ отрасли ума и жизни породнились между собою столь тѣсно, что изученіе одной открываетъ намъ современное состояніе всѣхъ другихъ,—понятіе настоящаго направленія времени уже не требуетъ ни геніальности, ни вдохновенія; оно сдѣлалось доступно для каждаго мыслящаго и предполагаетъ въ немъ только внимательный взглядъ на окружающій міръ, холодный разсчетъ и безпристрастное соображеніе.

Однако не смотря на это всеобщее стремленіе постигнуть духъ своего времени, не было вѣка, изученіе котораго представляло бы столько трудностей, сколько представляетъ изученіе нашего: ибо никогда измѣненія господствующаго направленія не совершались столь быстро и столь рѣшительно. Прежде характеръ времени едва чувствительно перемѣнялся съ перемѣною поколѣній; наше время для одного поколѣнія мѣняло характеръ свой уже нѣсколько разъ, и можно сказать, что тѣ изъ моихъ читателей, которые видѣли полвѣка, видѣли нѣсколько вѣковъ, пробѣжавшихъ предъ ними во всей полнотѣ своего развитія.

Утвержденіе это не игра пустыхъ словъ: его истина подтверждается ежедневно очевидными доказательствами. Сравните прежнія времена съ настоящимъ, раскройте историческія записки, частныя письма, романы и біографіи прошедшихъ вѣковъ: вездѣ и во всякое время найдете вы людей одного времени. При всемъ разнообразіи характеровъ, положеній и обстоятельствъ, каждый вѣкъ представитъ вамъ одинъ общій *цвѣтъ*, одно клеймо, которое больше или меньше вырѣзано на всѣхъ одновременныхъ лицахъ. Всѣ воспитаны одномысленными обстоятельствами, образованы одинакимъ духомъ времени. И тѣ умы, которые въ борьбѣ съ направленіемъ своего вѣка, и тѣ, которые покорствуютъ ему, всѣ равно обнаруживаютъ его господство: оно служитъ общимъ центромъ, къ которому примыкаютъ направленія частныя, какъ правая и лѣвая сторона въ палатѣ депутатовъ.

Но взгляните на Европейское общество нашего времени: не разногласныя мнѣнія одного вѣка найдете вы въ немъ, нѣтъ! вы встрѣтите отголоски нѣсколькихъ вѣковъ, не столько *противные* другъ другу, сколько *разнородные* между собою. Подлѣ человѣка *стараго времени*, найдете вы человѣка, образованнаго духомъ *Французской революціи;* тамъ человѣка, воспитаннаго обстоятельствами и мнѣніями, *послѣдовавшими непосредственно за Французскою революціею;* съ нимъ рядомъ человѣка, проникнутаго тѣмъ порядкомъ вещей, который начался на твердой землѣ Европы съ паденіемъ Наполеона; наконецъ между ними встрѣтите вы человѣка послѣдняго времени, и каждый будетъ имѣть свою особенную физіономію; каждый будетъ

отличаться отъ всѣхъ другихъ во всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ жизни, однимъ словомъ, каждый явится предъ вами отпечаткомъ особаго вѣка.

Нѣкоторые полагаютъ, что эта быстрота измѣненій духа времени зависитъ отъ самой сущности сихъ измѣненій; другіе напротивъ того думаютъ, что она происходитъ отъ обстоятельствъ постороннихъ, отъ случайныхъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и т. п. Третьи видятъ причину ея въ духѣ настоящаго просвѣщенія вообще. Мы не станемъ разыскивать степени справедливости каждаго изъ сихъ объясненій; замѣтимъ только существованіе самаго *факта*, и постараемся опредѣлить исторически особенность и сущность послѣдняго изъ сихъ измѣненій господствующаго направленія *Европеизма*.

Въ концѣ осьмнадцатаго вѣка, когда борьба между старыми мнѣніями и новыми требованіями просвѣщенія находилась еще въ самомъ пылу своего кипѣнія, господствующее направленіе умовъ было безусловно *разрушительное*. Науки, жизнь, общество, литература, даже самыя искусства изящныя, все обнаруживало одно стремленіе: ниспровергнуть старое. Замѣчательно, что даже мысль о новомъ, долженствовавшемъ заступить мѣсто стараго, почти не являлась иначе, какъ *отрицательно*. Эти электрическія слова, которыхъ звукъ такъ потрясалъ умы: *свобода*, *разумъ*, *человѣчество*,—что значили они во время Французской революціи?

Ни одно изъ сихъ словъ не имѣло значенія *самобытнаго;* каждое получало смыслъ только изъ отношеній къ прежнему вѣку. Подъ *свободою* понимали единственно отсутствіе прежнихъ стѣсненій; подъ *человѣчествомъ* разумѣли единственно матеріальное большинство людей, то есть, противуположность тѣмъ немногимъ лицамъ, въ коихъ по прежнимъ понятіямъ оно заключалось; царствомъ *разума* называли отсутствіе предразсудковъ, или того, что почитали предразсудками,—а что не предразсудокъ предъ судомъ толпы непросвѣщенной? Религія пала вмѣстѣ съ злоупотребленіями оной и ея мѣсто заступило легкомысленное невѣріе. Въ наукахъ признавалось истиннымъ одно ощутительно испытанное, и все сверхъ-чувственное отвергалось не только какъ недоказанное, но даже какъ невозможное; изящныя искусства отъ подражанія классическимъ образцамъ обратились къ подражанію внѣшней, неодушевленной природѣ. Тонъ общества отъ изысканной искусственности перешелъ къ необразованной естественности. Въ философіи господствовалъ грубый чувственный матеріализмъ. Правила нравственности сведены были къ разсчетамъ непросвѣтленной корысти. Однимъ словомъ все зданіе прежняго образа мыслей разрушалось въ своемъ основаніи; вся совокупность нравственнаго быта распадалась на составныя части, на азбучныя, матеріальныя начала бытія.

Но это направленіе разрушительное, которому яснымъ и кровавымъ зеркаломъ можетъ служить Французская революція, произвело въ умахъ направленіе противное, контръ-революцію, которая, хотя совершилась не вездѣ одновременно, но выразилась вездѣ однозначительно. Систематическія умозрѣнія взяли верхъ надъ ощутительнымъ опытомъ, который пересталъ уже быть единственнымъ руководителемъ въ наукахъ. Мистицизмъ распространился между людьми, неподдавшимися увлеченію легкомысленнаго невѣрія. Общество, униженное до простонародности, старалось возвыситься блескомъ внѣшняго великолѣпія и пышности. Въ искусствахъ подражаніе внѣшней природѣ замѣнилось сентиментальностію и мечтательностію, которыя на всю дѣйствительность набрасывали однообразный цвѣтъ исключительнаго чувства или систематической мысли, уничтожая такимъ образомъ самобытность и разнообразіе внѣшняго міра.

Въ области философіи, какъ противуположность прежнему матеріализму, начали развиваться системы чисто духовныя, выводящія весь видимый міръ изъ одного невещественнаго начала. Такимъ образомъ во всѣхъ отрасляхъ ума и жизни болѣе или менѣе замѣтна была потребность *единства*, противуположная прежнему разрушительному началу. Эта потребность единства произвела ту насильственную стройность, то искусственное однообразіе, которыя такъ же относятся къ прежнему безначалію, какъ великій похититель Французскаго престола относится къ воспитавшей его Французской республикѣ. Но сіи два противуположныя направленія: *разрушительное* и *насильственно соединяющее* согласовались въ одномъ: въ борьбѣ съ прежнимъ вѣкомъ. Изъ этой борьбы родилась потребность мира; изъ противорѣчущихъ волненій, потребность успокоительнаго равновѣсія, и образовалось третье

измѣненіе духа девятнадцатаго вѣка: стремленіе къ мирительному соглашенію враждующихъ началъ.

Терпимость вмѣстѣ съ уваженіемъ къ религіи, явилась вмѣсто ханжества, невѣрія и таинственной мечтательности. Въ философіи идеализмъ и матеріализмъ помирились системою тожества. Общество высшимъ закономъ своимъ признало изящество образованной простоты, равно удаленной отъ той простоты грубой, которая происходитъ отъ разногласнаго смѣшенія состояній, и отъ той изысканности неестественной, которая царствовала при дворѣ Людовика XIV, и отъ того великолѣпія необразваннаго, которое окружало Наполеона въ его величіи. Въ поэзіи подражаніе видимой дѣйствительности и мечтательность замѣнились направленіемъ историческимъ, гдѣ свободная мечта проникнута неизмѣняемою дѣйствительностію и красота однозначительна съ правдою. И эта поэзія историческая почти не заимствовала предметовъ своихъ ни изъ древней исторіи, ни изъ новой; содержаніемъ ея почти исключительно была исторія средняя, то есть, то время, изъ котораго развился недавно прошедшій порядокъ вещей, находившійся въ борьбѣ съ новыми стремленіями. Историческіе розыскатели также ограничивались преимущественно эпохою среднихъ вѣковъ, исключая нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ филологовъ, далеко не составляющихъ большинства. Даже мода искала *готическаго* въ своихъ минутныхъ нарядахъ, въ убранствахъ комнатъ и т. п. Вообще въ цѣломъ бытѣ просвѣщеннѣйшей части Европы образовался новый, сложный порядокъ вещей, въ составъ котораго вошли не только результаты новыхъ стремленій, но и остатки стараго вѣка, частію еще уцѣлѣвшіе, частію возобновленные, но въ обоихъ случаяхъ измѣненные новыми отношеніями. Господствующее направленіе умовъ, соотвѣтствовавшее новому порядку вещей, заключалось въ стремленіи къ успокоительному уровновѣшенію новаго духа съ развалинами старыхъ временъ и къ сведенію противуположныхъ крайностей въ одну общую, *искусственно отысканную* середину.

Но долго ли продолжалось это направленіе?

Оно продолжается еще и теперь, но уже значительно измѣненное. Докажемъ это состояніемъ литературы.

Въ литературѣ результатомъ сего направленія было стремленіе: согласовать воображеніе съ дѣйствительностію, правильность формъ съ свободою содержанія, округленность искусственности съ глубиною естественности, однимъ словомъ то, что напрасно называютъ *классицизмомъ*, съ тѣмъ, что еще неправильнѣе называютъ *романтизмомъ*. Гете въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ и Вальтеръ Скоттъ въ своихъ романахъ, могутъ во многихъ отношеніяхъ служить примѣромъ такого стремленія.

Тому десять лѣтъ, Гете и Вальтеръ Скоттъ были единственными образцами для всѣхъ подражаній, были идеалами тѣхъ качествъ, которыхъ Европейская публика требовала отъ своихъ писателей.

Но теперь большинство публики ищетъ уже другаго. Это замѣтно не только изъ того, что подражанія прежнимъ образцамъ значительно уменьшились, но еще больше изъ того, что теперь въ литературѣ властвуютъ такого рода писатели и сочиненія такихъ родовъ, которыми наслажденіе не совмѣстно съ предпочтеніемъ Гете и Вальтера Скотта. Неестественная изысканность подлѣ безвкусной обыкновенности въ мысляхъ; натянутость и вмѣстѣ низость слога, и вообще уродливость талантовъ, господствующихъ въ самыхъ просвѣщенныхъ словесностяхъ, доказываютъ ясно, что вкусъ нашего времени требуетъ чего-то новаго, чего не достаетъ прежнимъ писателямъ и для чего еще не явилось истиннаго поэта.

Правда, этими уродливыми талантами восхищается полуобразованная толпа, составляющая матеріальное большинство публики, между тѣмъ какъ люди со вкусомъ просвѣщеннымъ смотрятъ на нихъ съ однимъ участіемъ сожалѣнія. Однако ненадобно забывать, что эта полуобразованная толпа та самая, которая нѣкогда восхищалась Шекспиромъ, и Пöпомъ, Расиномъ и Вольтеромъ, Шилеромъ и Лессингомъ и еще недавно Байрономъ, Вальтеромъ Скотомъ и Гёте. Дѣло только въ томъ, что для нея красота есть достоинство второстепенное даже и въ поэзіи, и что первое, чего она требуетъ, это — *соотвѣтственность съ текущею минутою.*

Доказывать сего положенія кажется не нужно: его подтверждаетъ тысяча поэтовъ безталантныхъ, которые имѣли короткій успѣхъ только потому, что выражали образъ мыслей или чувства, господствовавшіе въ ихъ время.

Итакъ, чтобы опредѣлить эту соотвѣтственность между требованіями текущей минуты и настоящимъ состояніемъ поэзіи, надобно найти общія качества, которыя бы равно были свойственны всѣмъ писателямъ, пользующимся незаслуженными успѣхами. Ибо чѣмъ менѣе таланта въ счастливомъ писателѣ, тѣмъ болѣе обнаруживаетъ онъ требованія своей публики.

По моему мнѣнію, въ самыхъ изысканностяхъ и неестественностяхъ, въ отвратительныхъ картинахъ, перемѣшанныхъ съ лирическими выходками, въ несообразности тона съ предметомъ, однимъ словомъ во всемъ, что называютъ *безвкусіемъ* у большей части счастливыхъ писателей нашего времени, — замѣтны слѣдующія отличительныя качества:

1-е. Больше восторженности, чѣмъ чувствительности.

2-е. Жажда сильныхъ потрясеній, безъ уваженія къ ихъ стройности.

3-е. Воображеніе, наполненное одною дѣйствительностію во всей наготѣ ея.

Постараемся соединить въ умѣ эти три качества и спросимъ самихъ себя: что предполагаютъ они въ человѣкѣ, который ищетъ ихъ въ поэзіи.

Безъ сомнѣнія качества сіи предполагаютъ холодность, прозаизмъ, *положительность* и вообще *исключительное стремленіе къ практической дѣятельности*. То же можно сказать и о большинствѣ публики въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы.

Вотъ отъ чего многіе думаютъ, что время поэзіи прошло, и что ея мѣсто заступила жизнь дѣйствительная. Но неужели въ этомъ стремленіи къ жизни дѣйствительной нѣтъ своей особенной поэзіи?—Именно изъ того, что жизнь *вытѣсняетъ* поэзію, должны мы заключить, что стремленіе къ жизни и къ поэзіи *сошлись*, и что, слѣдовательно, часъ для поэта жизни наступилъ.

Такое же сближеніе жизни съ развитіемъ человѣческаго духа, какое мы замѣтили въ поэзіи, обнаруживается и въ современномъ состояніи наукъ. Въ доказательство возьмемъ самое умозрительное и самое отвлеченное изъ человѣческихъ познаній: философію.

Натуральная философія, названная такъ по случайной особенности своего происхожденія, была послѣднею ступенью, до которой возвысилось новѣйшее любомудріе. Идеализмъ Фихте и реализмъ Спинозы, догматизмъ Схоластики, и критицизмъ Канта, предустановленная гармонія Лейбница и вещественная послѣдовательность англійскаго и французскаго матеріализма, однимъ словомъ, все развитіе новѣйшаго мышленія отъ Декарта до Шеллинга, совмѣстилось въ системѣ сего послѣдняго и нашло въ ней свое окончательное развитіе, дополненіе и оправданіе. Казалось, судьба философіи рѣшена, цѣль ея отыскана и границы раздвинуты до невозможнаго. Ибо, постигнувъ сущность разума и законы его необходимой дѣятельности, опредѣливъ соотвѣтственность сихъ законовъ съ законами безусловнаго бытія, открывъ въ цѣломъ объемѣ мірозданія повтореніе того же вѣчнаго разума, по тѣмъ же началамъ вѣчной необходимости,— куда еще могла бы стремиться любознательная мысль человѣка?

Таково было мнѣніе почти всѣхъ приверженцевъ системы тождества, то есть, не однихъ Шеллингистовъ, но и послѣдователей Гегеля, Окена, Аста, Вагнера и другихъ предводителей новѣйшаго нѣмецкаго любомудрія. И по мѣрѣ того, какъ это любомудріе распространялось внѣ Германіи, вмѣстѣ съ нимъ распространялась увѣренность, что оно составляетъ послѣднее звено и верховный вѣнецъ философскаго мышленія.

Но тотъ же Шеллингъ, который первый создалъ систему тожества, теперь самъ открываетъ новую цѣль и прокладываетъ новую дорогу для философіи. Истинное познаніе, говоритъ онъ, познаніе *положительное, живое*, составляющее конечную цѣль всѣхъ требованій нашего ума, не заключается въ логическомъ развитіи необходимыхъ законовъ нашего разума. Оно *внѣ* школьно-логическаго процесса, и потому *живое*; оно *выше* понятія вѣчной необходимости, и потому *положительное*; оно *существеннѣе* математической отвлеченности, и потому *индивидуально-опредѣленное, историческое*. Но всѣ системы новѣйшаго любомудрія, подъ какими бы формами онѣ ни обнаруживались, подъ какими бы ни скрывались именами, преслѣдовали единственно развитіе законовъ умственной необходимости, и даже новѣйшій матеріализмъ основывался на убѣжденіи чисто логическомъ, выведенномъ изъ отвлеченнаго понятія законовъ нашего разума, но не изъ живаго познанія сущности вещей и бытія. Весь результатъ такого

мышленія могъ заключаться только въ познаніи *отрицательномъ*, ибо разумъ, самъ себя развивающій, самъ собою и ограничивается. Познанія отрицательныя необходимы, но не какъ цѣль познаванія, а только какъ средство; они очистили намъ дорогу къ храму живой мудрости, но у входа его должны были остановиться. Проникнуть далѣе предоставлено философіи положительной, *исторической*, для которой теперь только наступаетъ время, ибо теперь только довершено развитіе философіи отрицательной и логической.

Очевидно, что это требованіе исторической существенности и положительности въ философіи, сближая весь кругъ умозрительныхъ наукъ съ жизнью и дѣйствительностью, соотвѣтствуетъ тому же направленію, какое господствуетъ и въ новѣйшей литературѣ. И то же стремленіе къ существенности, то же сближеніе духовной дѣятельности съ дѣйствительностью жизни обнаруживается въ мнѣніяхъ религіозныхъ.

Мы уже замѣтили, что съ легкомысленнымъ и насмѣшливымъ невѣріемъ, распространеннымъ Вольтеромъ и его послѣдователями, боролся мечтательный мистицизмъ, который однако же по сущности свой доступенъ только для немногихъ и слѣдовательно не могъ преодолѣть почти всеобщаго Вольтеровскаго вольнодумства. Но чего не могъ совершить мистицизмъ, то совершилось успѣхами просвѣщенія вообще, искоренившаго нѣкоторыя злоупотребленія и уничтожившаго предразсудки, которые мѣшали безпристрастію. Теперь благодаря симъ успѣхамъ просвѣщенія, уваженіе къ религіи сдѣлалось почти повсемѣстнымъ, исключая можетъ быть Италію, гдѣ тонъ легкомысленнаго безвѣрія, данный Вольтеромъ, еще во всей силѣ, но гдѣ просвѣщеніе и не въ этомъ одномъ отстало отъ образованной Европы.

Но это уваженіе къ религіи по большей части сопровождалось какимъ то равнодушіемъ, которое противорѣчило дальнѣйшему развитію просвѣщенія, и которое теперь начинаетъ проходить вмѣстѣ съ распространеніемъ болѣе истинныхъ понятій. Ибо недавно еще какъ понимала религію большая часть людей просвѣщенныхъ? Либо какъ совокупность обрядовъ, либо какъ внутреннее индивидуальное убѣжденіе въ извѣстныхъ истинахъ. Но это ли религія?

Нѣтъ, религія не одинъ обрядъ или не одно убѣжденіе. Для полнаго развитія не только истинной, но даже и ложной религіи, необходимо единомысліе народа, освященное яркими воспоминаніями, развитое въ преданіяхъ одномысленныхъ, сопроникнутое съ устройствомъ государственнымъ, олицетворенное въ обрядахъ однозначительныхъ и общенародныхъ, сведенное къ одному началу положительному и ощутительное во всѣхъ гражданскихъ и семейственныхъ отношеніяхъ. Безъ этихъ условій есть убѣжденіе, есть обряды, но собственно религіи—нѣтъ.

Истина эта особенно распространяется въ наше время, когда жизнь народовъ развита глубже и многостороннѣе, и когда потребность религіи стала ощутительна не въ однихъ умозрѣніяхъ. Замѣчательно, что и паписты и іезуиты и сен-симонисты и протестанты, супранатуралисты и даже раціоналисты, однимъ словомъ всѣ религіозныя партіи, которыя теперь въ такомъ множествѣ волнуются по Европѣ и которыя не согласны между собою во всемъ остальномъ, всѣ однако же въ одномъ сходятся: *въ требованіи большаго сближенія религіи съ жизнью людей и народовъ.*

Такая же потребность сближенія съ жизнью замѣтна и въ цѣломъ мірѣ европейской образованности. Вездѣ господствуетъ направленіе чисто практическое и дѣятельно положительное. Вездѣ дѣло беретъ верхъ надъ системою, сущность надъ формою, существенность надъ умозрѣніемъ. Жизнь и общество становятся прямѣе и проще въ своихъ отношеніяхъ, яснѣе и естественнѣе въ своихъ требованіяхъ. То *искусственное* равновѣсіе противуборствующихъ началъ, которое недавно еще почиталось въ Европѣ единственнымъ условіемъ твердаго общественнаго устройства, начинаетъ замѣняться равновѣсіемъ *естественнымъ*, основаннымъ на просвѣщеніи общаго мнѣнія.

Можетъ быть это просвѣщеніе общаго мнѣнія только мечта, которая разрушится опытомъ. Можетъ быть это счастливая истина, которая подтвердится благоденствіемъ обществъ. Но мечта или истина,—рѣшитъ Провидѣніе; мы замѣтимъ только, что *вѣра* въ эту мечту или въ эту истину составляетъ основаніе господствующаго характера настоящаго времени, и служитъ связью между дѣятельностью практическою и стремленіемъ къ просвѣщенію вообще. Ибо направленіе практическое тогда только

можетъ быть вѣнцомъ просвѣщенія, когда частная жизнь составляетъ одно съ жизнью общественной; когда жизнь дѣйствительная, образованная общимъ мнѣніемъ, устроена вмѣстѣ по законамъ разума и природы. Въ противномъ случаѣ, то есть когда просвѣщеніе общаго мнѣнія въ разногласіи съ основными мнѣніями людей просвѣщенныхъ — жизнь идетъ по одной дорогѣ, а успѣхи ума по другой, и даже въ людяхъ необыкновенныхъ, составляющихъ исключеніе изъ своего времени, эти двѣ дороги сходятся рѣдко и только въ нѣкоторыхъ точкахъ.

И можетъ ли одинъ человѣкъ образовать себѣ жизнь особую, посреди общества образованнаго иначе? Нѣтъ! въ жизни внутренней, духовной, одинокой, будетъ онъ искать дополненія жизни внѣшней и дѣйствительной. Онъ будетъ поэтомъ, будетъ историкомъ, розыскателемъ, философомъ и только иногда *человѣкомъ*; ибо въ тѣсномъ кругу немногихъ сосредоточено поприще его практической дѣятельности.

Вотъ почему главный характеръ просвѣщенія въ Европѣ былъ прежде попеременно поэтическій, историческій, художественный, философическій, и только въ наше время могъ образоваться чисто *практическій*. Человѣкъ нашего времени уже не смотритъ на жизнь какъ на простое условіе развитія духовнаго; но видитъ въ ней вмѣстѣ и средство и цѣль бытія, вершину и корень всѣхъ отраслей умственнаго и сердечнаго просвѣщенія. Ибо жизнь явилась ему существомъ разумнымъ и мыслящимъ, способнымъ понимать его и отвѣчать ему, какъ художнику Пигмаліону его одушевленная статуя.

Обратимся теперь къ просвѣщенію нашего отечества и посмотримъ, какъ отражалась на немъ жизнь просвѣщенія европейскаго.

Жизнь европейскаго просвѣщенія девятнадцатаго вѣка не имѣла на Россію того вліянія, какое она имѣла на другія государства Европы. Измѣненія и развитіе сей жизни отзывались у насъ въ образѣ мыслей нѣкоторыхъ людей образованныхъ, отражались въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ нашей литературы, но далѣе не проникали. Какая-то китайская стѣна стоитъ между Россіею и Европою, и только сквозь нѣкоторыя отверстія пропускаетъ къ намъ воздухъ просвѣщеннаго Запада; стѣна, въ которой Великій Петръ ударомъ сильной руки пробилъ широкія двери; стѣна, которую Екатерина долго старалась разрушить; которая ежедневно разрушается болѣе и болѣе, но, не смотря на то, все еще стоитъ высоко и мѣшаетъ.

Скоро ли разрушится она?—Скоро ли образованность наша возвысится до той степени, до которой дошли просвѣщенныя государства Европы?—Что должны мы дѣлать, чтобы достигнуть этой цѣли или содѣйствовать къ ея достиженію?—Изъ внутри ли собственной жизни должны мы заимствовать просвѣщеніе свое, или получать изъ Европы? — И какое начало должны мы развивать внутри собственной жизни? — И что должны мы заимствовать отъ просвѣтившихся прежде насъ?

Чтобы отвѣчать на эти вопросы, надобно опредѣлить характеръ и степень просвѣщенія русскаго, характеръ и степень просвѣщенія европейскаго, и ихъ взаимныя отношенія.

Какъ же относится русское просвѣщеніе къ европейскому? — На этотъ вопросъ слышимъ мы ежедневно столько же отвѣтовъ, сколько встрѣчаемъ людей, почитающихъ себя образованными. Между тѣмъ, отъ понятія, которое мы имѣемъ объ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ, зависятъ наши сужденія о томъ, что можетъ ускорить или замедлить наше просвѣщеніе; о томъ, что даетъ ему ложное или истинное направленіе; о томъ, къ чему мы должны стремиться и чего избѣгать; о томъ, что намъ полезно и вредно; что мы должны заимствовать у сосѣдей нашихъ и чего удаляться; и слѣдовательно вся совокупность нашихъ мыслей объ Россіи, о будущей судьбѣ ея просвѣщенія и настоящемъ положеніи; вся совокупность нашихъ надеждъ и ожиданій; вся совокупность нашихъ желаній и ненавистей и — если мы хотимъ быть согласны сами съ собою,—самый характеръ нашей практической дѣятельности, посредственно или непосредственно, долженъ зависѣть отъ *того понятія, которое мы имѣемъ объ отношеніи русскаго просвѣщенія къ просвѣщенію остальной Европы*.

Итакъ, нѣтъ истины, которой признаніе было бы важнѣе; нѣтъ мнѣнія, въ которомъ общее согласіе было бы благодѣтельнѣе.

Но общее мнѣніе составляется изъ частныхъ. Тамъ, гдѣ оно еще не составилось или не обнаружилось явно, ничей голосъ не можетъ быть лишній,—напротивъ: каждый *обязанъ* произносить

свой приговоръ; ибо приговоръ каждаго можетъ содѣйствовать къ образованію общаго. Вотъ почему я постараюсь высказать здѣсь свое мнѣніе, хотя въ общихъ чертахъ и сколько позволятъ мнѣ необходимыя условія журнальной статьи. Если читатель найдетъ мои мысли ошибочными, то по крайней мѣрѣ увидитъ въ нихъ искреннее стремленіе къ истинѣ, и потому я надѣюсь, не оставитъ ихъ безъ вниманія; я надѣюсь также, что благонамѣренные литераторы не откажутся почтить ихъ своими замѣчаніями, исправятъ ошибочное и подтвердятъ справедливое.

Я знаю, что общія мысли, неразвитыя въ ощутительныхъ подробностяхъ, рѣдко понимаются въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ хотятъ представить; ибо рѣдко, даже человѣку съ талантомъ, удается найти выраженіе простое и незапутанное, когда онъ говоритъ общими выводами о предметахъ сложныхъ и подлежащихъ не одному разуму, но вмѣстѣ и опыту, и памяти, и личнымъ соображеніямъ каждаго. Потому я никогда не рѣшился бы начать этой статьи, если бы не смотрѣлъ на нее единственно какъ на введеніе къ подробнѣйшему изложенію моихъ мыслей; если бы не надѣялся каждую изъ нихъ развить особенно, и въ примѣненіяхъ къ *дѣйствительности*, и пояснить то, что въ краткомъ очеркѣ не можетъ быть представлено иначе, какъ умозрительно.

Не со вчерашняго дня родилась Россія: тысячелѣтіе прошло съ тѣхъ поръ, какъ она начала себя помнить, и не каждое изъ образованныхъ государствъ Европы можетъ похвалиться столь длинною цѣпью столь раннихъ воспоминаній. Но не смотря на эту долгую жизнь, просвѣщеніе наше едва начинается, и Россія, въ ряду государствъ образованныхъ, почитается еще государствомъ молодымъ. И это недавно начавшееся просвѣщеніе, включающее насъ въ составъ европейскихъ обществъ, не было плодомъ нашей прежней жизни, необходимымъ слѣдствіемъ нашего внутренняго развитія; оно пришло къ намъ изъ внѣ, и частію даже насильственно, такъ что внѣшняя форма его до сихъ поръ еще находится въ противорѣчіи съ формою нашей національности.

Очевидно, что причины, столь долгое время удалявшія Россію отъ образованности, не могутъ быть случайными, но должны заключаться въ самой сущности ея внутренней жизни, и хотя въ каждую эпоху нашей исторіи находимъ мы особенныя и различныя обстоятельства, мѣшающія нашему развитію, но совокупность сихъ обстоятельствъ заставляетъ насъ заключать, что враждебное вліяніе ихъ зависѣло не столько отъ ихъ случайнаго вліянія, сколько отъ кореннаго образованія первоначальныхъ элементовъ нашего быта, и можетъ быть, то же обстоятельство, которое вредило просвѣщенію въ Россіи, могло бы способствовать его успѣхамъ въ Италіи или въ Англіи.

Но если даже случайныя, внѣшнія причины останавливали успѣхи нашей образованности, то все же вліяніе сихъ причинъ должно было условливаться внутреннимъ состояніемъ Россіи, и внѣшнее обстоятельство, дѣйствуя такимъ образомъ, становилось уже однимъ изъ элементовъ внутренней жизни, одною изъ постоянныхъ пружинъ послѣдующаго развитія. Слѣдовательно, прежде нежели мы приступимъ къ вопросу: какое отношеніе между просвѣщеніемъ Россіи и Европы существуетъ *теперь?* мы должны еще разсмотрѣть: какіе элементы личной и гражданственной образованности представляетъ намъ прошедшая жизнь Россіи, и въ какомъ отношеніи находились эти элементы къ просвѣщенію европейскому?

Отъ самаго паденія Римской имперіи до нашихъ временъ, просвѣщеніе Европы представляется намъ въ постепенномъ развитіи и въ безпрерывной послѣдовательности. Каждая эпоха условливается предыдущею, и всегда прежняя заключаетъ въ себѣ сѣмена будущей, такъ что въ каждой изъ нихъ являются тѣ же стихіи, но въ позднѣйшемъ развитіи.

Стихіи сіи можно подвести къ тремъ началамъ: 1) вліяніе христіанской религіи; 2) характеръ, образованность и духъ варварскихъ народовъ, разрушившихъ Римскую имперію; 3) остатки древняго міра. Изъ этихъ трехъ началъ развилась вся исторія новѣйшей Европы. Котораго же изъ нихъ недоставало намъ, или что имѣли мы лишняго?

Еще прежде десятаго вѣка имѣли мы христіанскую религію; были у насъ и варвары, и вѣроятно тѣ же, которые разрушили Римскую имперію; но *классическаго древняго міра* недоставало нашему развитію. Посмотримъ, какое отличіе произошло отъ того въ нашей исторіи.

Извѣстно, и послѣ ученыхъ розысканій Савиньи, послѣ глубокомысленныхъ соображеній Гизо уже несомнѣнно, что во все продолженіе среднихъ,

такъ называемыхъ варварскихъ вѣковъ, римскіе законы, римское устройство, разнообразно измѣненные, иногда смѣшено, иногда чисто, но всегда очевидно существовали во всѣхъ мѣстахъ Европы, куда прежде простиралось римское владычество. Эти законы, эти устройства, примѣшиваясь къ обычаямъ варваровъ, естественно должны были способствовать къ ихъ образованію и дѣйствовать на ихъ гражданскій бытъ, а часто и на личное ихъ просвѣщеніе. Но очевиднѣе всего вліяніе ихъ на устройство торговыхъ городовъ, которые, сдѣлавшись независимыми, стали одною изъ сильнѣйшихъ пружинъ и однимъ изъ необходимыхъ элементовъ европейскаго образованія.

У насъ также были Новгородъ и Псковъ; но внутреннее устройство ихъ (занятое по большей части изъ сношеній съ иноземцами) тогда только могло бы содѣйствовать къ просвѣщенію нашему, когда бы ему не противорѣчило все состояніе остальной Россіи. Но при томъ порядкѣ вещей, который существовалъ тогда въ нашемъ отечествѣ, не только Новгородъ и Псковъ долженствовали быть задавлены сильнѣйшими сосѣдями, но даже ихъ просвѣщеніе, процвѣтавшее столь долгое время, не оставило почти никакихъ слѣдовъ въ нашей исторіи, — такъ несогласно оно было съ цѣлою совокупностью нашего быта.

Но еще важнѣе, чѣмъ на образованіе вольныхъ городовъ, дѣйствовало устройство древняго міра на внѣшнее образованіе Римской церкви и на ея политическое вліяніе во времена среднихъ вѣковъ. Извѣстно, что гражданская власть духовенства въ Европѣ была прямымъ наслѣдіемъ устройства римскаго, и что свѣтское правленіе епископовъ было устроено по образцамъ римскимъ, еще уцѣлѣвшимъ въ частяхъ, когда цѣлое уже разрушилось *). Самая противуположность, которая существуетъ между духомъ древняго языческаго міра и христіанствомъ, долженствовала служить къ усиленію послѣдняго и къ его многостороннѣйшему развитію. Ибо находясь въ постоянной борьбѣ со всѣмъ его окружающимъ, христіанство получало безпрестанно новыя силы отъ безпрестанно новыхъ успѣховъ, и побѣждая язычество — подчиняло себѣ его просвѣщеніе. Такимъ образомъ являлось оно въ двухъ различныхъ видахъ двумъ противуположнымъ и борящимся стихіямъ: на остатки древняго міра христіанство дѣйствовало какъ противуположное ему, обновляющее начало, которое разрушаетъ для того, чтобы создать новое; варварамъ оно являлось какъ начало созидающее, образовывающее, какъ источникъ просвѣщенія, порядка и единства, посреди разногласнаго, нестройнаго и невѣжественнаго броженія. И это двойное отношеніе христіанства къ новому и древнему міру содѣлало его центромъ обоихъ и сосредоточіемъ всѣхъ элементовъ европейскаго развитія. Отъ того церковь, въ обновленной Европѣ, стала не только источникомъ духовнаго образованія, но и главою устройства политическаго. Она была первымъ звеномъ того феодальнаго порядка, который связалъ въ одну систему всѣ различныя государства Европы; на ней утверждена была святая Римская имперія; она была первою стихіею того рыцарства, которое распространило одинъ нравственный кодексъ посреди разнородныхъ политическихъ отношеній; она была единственнымъ узломъ между всѣми нестройными элементами и всѣми различными народами; она дала одинъ духъ всей Европѣ, подняла крестовые походы и, бывъ источникомъ единодушія и порядка, остановила набѣги варваровъ и положила преграду нашествіямъ мусульманъ.

Въ Россіи христіанская религія была еще чище и святѣе. Но недостатокъ классическаго міра былъ причиною тому, что вліяніе нашей церкви во времена необразованныя не было ни такъ рѣшительно, ни такъ всемогуще, какъ вліяніе церкви римской. Послѣдняя, какъ центръ политическаго устройства, возбудила одну душу въ различныхъ тѣлахъ и создала, такимъ образомъ, ту крѣпкую связь христіанскаго міра, которая спасла его отъ нашествій иновѣрцевъ; — у насъ сила эта была не столь ощутительна, не столь всемогуща, и Россія, раздробленная на удѣлы, не связанные духовно, на нѣсколько вѣковъ подпала владычеству татаръ, на долгое время остановившихъ ее на пути къ просвѣщенію.

Не нужнымъ, почитаю я, доказывать здѣсь, что система раздробленія была свойственна не одной Россіи, что она была во всей Европѣ и особенно

*) Еще римскіе императоры предоставили епископамъ почти неограниченную власть надъ городами, и „эта власть“, говоритъ Тьерри, „безпрестанно возрастая послѣ паденія Римской имперіи, почти вездѣ преобразовалась въ господство феодальное“.

развивалась во Францiи, не смотря на то остановившей стремительный натискъ Арабовъ *). Но мелкiя королевства, связанныя между собою сомнительною и слабою подчиненностью политическою, были соединены болѣе ощутительно узами религiи и церкви. Извѣстно также, что дѣти владѣтелей такихъ королевствъ наслѣдовали поровну владѣнiя своего отца, раздробляя его, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе; и что образъ внутренняго управленiя ихъ во многомъ походилъ на образъ управленiя нашихъ удѣльныхъ князей. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы феодальная система и система удѣловъ были одно и то же, какъ утверждали у насъ нѣкоторые писатели, ибо, не говоря уже о другомъ, одна зависимость феодальнаго устройства отъ церкви, служащей первымъ основанiемъ всѣхъ феодальныхъ правъ и отношенiй, уже полагаетъ такое различiе между двумя системами, что непонятно, какимъ образомъ многiе изъ литераторовъ нашихъ хотя на минуту могли почитать ихъ одинакими. Но, съ другой стороны, феодальное устройство представляетъ столько сходнаго съ нашими удѣлами, что нельзя не предположить, что система удѣловъ была однимъ изъ элементовъ феодализма **).

Этотъ элементъ, отчужденный отъ всего остальнаго образованiя Европы, произвелъ у насъ то устройство, котораго слѣдствiемъ были татары, коимъ мы не могли противупоставить ни зрѣлой образованности, ни силы единодушiя. Не имѣя довольно просвѣщенiя для того, чтобы соединиться противъ нихъ *духовно*, мы могли избавиться отъ нихъ единственно *физическимъ*, матерiальнымъ соединенiемъ, до котораго достигнуть могли мы только въ теченiе столѣтiй. Такимъ образомъ очевидно, что и нашествiе татаръ и влiянiе ихъ на послѣдующее развитiе наше имѣло основанiемъ одно: *недостатокъ классическаго мiра*. Ибо, теперь даже, раздѣлите Россiю на такiе удѣлы, на какiе она раздѣлена была въ 12-мъ вѣкѣ, и завтра же родятся для нея новые татары, если не въ Азiи, то въ Европѣ. Но еслибы мы наслѣдовали остатки классическаго мiра, то религiя наша имѣла бы болѣе политической силы, мы обладали бы большею образованностью, большимъ единодушiемъ, и слѣдовательно самая раздѣленность наша не имѣла бы ни того варварскаго характера, ни такихъ пагубныхъ послѣдствiй.

Этотъ же недостатокъ образованности общаго развивающагося духа, происходящiй отъ недостатка классическаго мiра, отзывается и въ самой эпохѣ нашего освобожденiя отъ татаръ. Намъ не предстояло другого средства избавиться отъ угнетенiя иноплеменнаго, какъ посредствомъ соединенiя и сосредоточенiя силъ: но такъ какъ силы наши были преимущественно физическiя и матерiальныя, то и соединенiе наше было не столько выраженiемъ единодушiя, сколько простымъ матерiальнымъ совокупленiемъ; и сосредоточенiе силъ было единственнымъ сосредоточенiемъ *физическимъ*, несмягченнымъ, не просвѣщеннымъ образованностiю. Потому избавленiе наше отъ татаръ происходило медленно и, совершившись, долженствовало на долгое время остановить Россiю въ томъ тяжеломъ закоснѣнiи, въ томъ оцѣпенѣнiи духовной дѣятельности, которыя происходили отъ слишкомъ большаго перевѣса силы матерiальной надъ силою нравственной образованности. Это объясняетъ намъ многое, и между прочимъ показываетъ причины географической огромности Россiи.

Пятнадцатый вѣкъ былъ для Европы вѣкомъ изобрѣтенiй, открытiй, успѣховъ умственныхъ и гражданскихъ. Но пятнадцатый вѣкъ былъ приготовленъ четырнадцатымъ, который самъ былъ слѣдствiемъ предыдущихъ, развившихся подъ влiянiемъ остатковъ древняго мiра. Это влiянiе сначала обнаружилось образованностью и силою римской церкви, но потомъ, когда просвѣщенiе уже распространилось въ самомъ бытѣ народа и вкоренилось въ свѣтской гражданственности, тогда и церковь перестала быть единственнымъ проводникомъ образованности,—и Европа обратилась прямо къ своимъ умственнымъ праотцамъ: къ Риму и Грецiи. И это новое самопознавшееся стремленiе къ мiру классическому обнаруживается не только въ высшихъ умахъ, въ людяхъ, стоящихъ впереди

---

*) Seulement en Belgique et sur les bords du Rhin on a compté jusque à cent vingt-trois grandes terres, possédés par les rois de la seconde race. Augustin Thiery, Letres sur l'Histoire de France, Lettre XII.

**) Сходство сiе служитъ однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ общаго происхожденiя варяговъ, нашедшихъ на Россiю, и германскихъ народовъ, разрушившихъ Гимскую Имперiю. Но одинакiе обычаи сихъ варваровъ должны были измѣниться различно, смотря по различiю тѣхъ земель, куда они являлись, и вѣроятно то же начало, которое у насъ произвело систему удѣловъ, въ Европѣ образовалось въ систему феодальнаго устройства.

своего народа; оно обнаруживается не только въ наукахъ и искусствахъ, дышавшихъ единственно освѣженными воспоминаніями о грекахъ и римлянахъ; но даже и въ самомъ устройствѣ ихъ гражданственности и національности. И еще прежде паденія Греческой Имперіи уже Итальянскія республики образовались по образцу древнихъ; между тѣмъ какъ архитектура, живопись, ваяніе, науки и самый патріотизмъ въ Италіи носили глубокую печать одного идеала: *классическаго міра*.

Такимъ образомъ для новой Европы довершился кругъ полнаго наслѣдованія прежняго просвѣщенія человѣчества. Такимъ образомъ новѣйшее просвѣщеніе есть не отрывокъ, но продолженіе умственной жизни человѣческаго рода. Такимъ образомъ государства, причастныя образованности европейской, внутри самихъ себя совмѣстили всѣ элементы просвѣщенія всемірнаго, сопроникнутаго съ самою національностію ихъ.

И на западѣ почти въ то же время какъ у насъ происходила подобная кристаллизація силъ и элементовъ: мелкія королевства соединялись въ большія массы, частныя силы сосредоточивались въ подчиненности одной силѣ общей. Но это сосредоточеніе и соединеніе имѣли совершенно другой характеръ отъ того, что частныя силы, частные элементы были образованы, развиты и самобытны. И тутъ и тамъ идетъ борьба за національность, независимость и цѣлость, и тутъ и тамъ стремленіе къ сосредоточенію и единству; но тамъ просвѣщеніе уже развитое, слѣдовательно знаменемъ борьбы, цѣлью стремленія, является всегда *мысль*, религіозная или политическая; тутъ мѣсто мысли заступаетъ *лицо*, частное событіе, *самозванецъ*.

Только съ того времени, какъ Исторія наша позволила намъ сближаться съ Европою, то есть со времени Минина и Пожарскаго, начало у насъ распространяться и *просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ сего слова*, то есть не отдѣльное развитіе нашей особенности, но участіе въ общей жизни просвѣщеннаго міра; ибо отдѣльное, китайски особенное развитіе замѣтно у насъ и прежде введенія образованности европейской; но это развитіе не могло имѣть успѣха *обще-человѣческаго*, ибо ему не доставало одного изъ необходимыхъ элементовъ всемірной прогрессіи ума.

Что это европейское просвѣщеніе начало вводиться у насъ гораздо прежде Петра и особенно при Алексѣѣ Михайловичѣ, это доказывается тысячью оставшихся слѣдовъ и преданій. Но не смотря на то, начало сіе было столь слабо и ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что совершилъ Петръ, что, говоря о нашей образованности, мы обыкновенно называемъ его основателемъ нашей новой жизни и родоначальникомъ нашего умственнаго развитія. Ибо прежде него просвѣщеніе вводилось къ намъ мало по малу и *отрывисто*, отъ чего, по мѣрѣ своего появленія въ Россіи, оно искажалось вліяніемъ нашей пересиливающей національности. Но переворотъ, совершенный Петромъ, былъ не столько развитіемъ, сколько переломомъ нашей національности; не столько внутреннимъ успѣхомъ, сколько внѣшнимъ нововведеніемъ.

Но могло ли просвѣщеніе придти къ намъ иначе, какъ посредствомъ перелома въ нашемъ развитіи? Иначе, какъ въ видѣ внѣшней силы, противуположной нашему прежнему быту, сражающеюся съ нашею національностію на жизнь и смерть и долженствующею не помириться съ нею, но побѣдить ее, покорить своему владычеству, преобразовать и породить новое?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ выводится ясно изъ предыдущаго, и если въ нашей прежней жизни недоставало одного изъ необходимыхъ элементовъ просвѣщенія: міра классическаго,—то какъ могли бы мы достигнуть образованности, не заимствуя ея извнѣ?—И образованность заимствованная не должна ли быть въ борьбѣ съ чуждою ей національностію?

Просвѣщеніе человѣчества, какъ мысль, какъ наука, развивается постепенно и послѣдовательно. Каждая эпоха человѣческаго бытія имѣетъ своихъ представителей въ тѣхъ народахъ, гдѣ образованность процвѣтаетъ полнѣе другихъ. Но эти народы до тѣхъ поръ служатъ представителями своей эпохи, покуда ея господствующій характеръ совпадаетъ съ господствующимъ характеромъ ихъ просвѣщенія. Когда же просвѣщеніе человѣчества, довершивъ извѣстный періодъ своего развитія, идетъ далѣе и слѣдовательно измѣняетъ характеръ свой, тогда и народы, выражащіе сей характеръ своею образованностію, перестаютъ быть представителями всемірной исторіи. Ихъ мѣсто заступаютъ другіе, коихъ особенности всего болѣе согласуются съ наступающею эпохою. Эти новые представители че-

ловѣчества продолжаютъ начатое ихъ предшественниками, наслѣдуютъ всѣ плоды ихъ образованности и извлекаютъ изъ нихъ сѣмена новаго развитія. Такимъ образомъ съ тѣхъ самыхъ поръ, съ которыхъ начинаются самыя первыя воспоминанія исторіи, видимъ мы неразрывную связь и постепенный, послѣдовательный ходъ въ жизни человѣческаго ума, и если по временамъ просвѣщеніе являлось какъ бы останавливающимся, засыпающимъ, то изъ этого сна человѣкъ пробуждался всегда съ большею бодростью, съ большею свѣжестью ума, и продолжалъ *вчерашнюю* жизнь съ новыми силами. Вотъ отъ чего просвѣщеніе каждаго народа измѣряется не суммою его познаній, не сомкнутымъ развитіемъ его національности, не утонченностью и сложностью той машины, которую называютъ *гражданственностью*, по единственно участіемъ его въ просвѣщеніи всего человѣчества; тѣмъ мѣстомъ, которое онъ занимаетъ въ общемъ ходѣ человѣческаго развитія. Ибо просвѣщеніе одинокое, китайски отдѣленное, должно быть и китайски ограниченное: въ немъ нѣтъ жизни, нѣтъ блага, ибо нѣтъ прогресса, нѣтъ того успѣха, который добывается только совокупными усиліями человѣчества.

На чемъ же основываются тѣ, которые обвиняютъ Петра, утверждая, будто онъ далъ ложное направленіе образованности нашей, заимствуя ее изъ просвѣщенной Европы, а не развивая изнутри нашего быта?

Эти обвинители великаго создателя новой Россіи съ нѣкотораго времени распространились у насъ болѣе, чѣмъ когда либо, и мы знаемъ, откуда почерпнули они свой образъ мыслей. Они говорятъ намъ о просвѣщеніи національномъ, самобытномъ; не велятъ заимствовать, бранятъ нововведенія и хотятъ возвратить насъ къ коренному и старинно-русскому. Но что же? Если размотрѣть внимательно, то это самое стремленіе къ національности есть ничто иное, какъ не понятое повтореніе мыслей чужихъ, мыслей европейскихъ, занятыхъ у французовъ, у нѣмцевъ, у англичанъ, и необдуманно примѣняемыхъ къ Россіи. Дѣйствительно, лѣтъ десять тому назадъ стремленіе къ національности было господствующимъ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы: всѣ обратились къ своему народному, къ своему особенному; но тамъ это стремленіе имѣло свой смыслъ: тамъ просвѣщеніе и національность одно, ибо первое развилось изъ послѣдней. Потому, если нѣмцы искали чисто нѣмецкаго, то это не противорѣчило ихъ образованности, напротивъ: образованность ихъ такимъ образомъ доходила только до своего сознанія, получала болѣе самобытности, болѣе полноты и твердости. Но у насъ искать наіональнаго значитъ искать необразованнаго; развивать его на счетъ европейскихъ нововведеній, значитъ изгонять просвѣщеніе; ибо, не имѣя достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности, откуда возьмемъ мы ее если не изъ Европы?—Развѣ самая образованность европейская не была послѣдствіемъ просвѣщенія древняго міра?—Развѣ не представляетъ она теперь просвѣщенія общечеловѣческаго?—Развѣ не въ такомъ же отношеніи находится она къ Россіи, въ какомъ просвѣщеніе классическое находилось въ Европѣ?

Правда, есть минуты въ жизни Петра, гдѣ, дѣйствуя иначе, онъ былъ бы согласнѣе самъ съ собою, согласнѣе съ тою мыслію, которая одушевляла его въ продолженіе всей жизни. Но эта мысль, но общій характеръ его дѣятельности, но образованность Россіи, имъ начатая,—вотъ основаніе его величія и нашего просвѣщенія, а имъ обязаны мы Петру. Потому будемъ осмотрительны, когда рѣчь идетъ о преобразованіи, имъ совершенномъ. Не позабудемъ, что судить объ немъ легкомысленно— есть дѣло неблагодарности и невѣжества; не позабудемъ, что тѣ, которые осуждаютъ его, не столь часто увлекаются ложною системою, сколько подъ нею скрываютъ свою корыстную ненависть къ просвѣщенію и его благодѣтельнымъ послѣдствіямъ. Ибо невѣжество, какъ преступникъ, не спитъ ночью и боится дня.

Екатерина II дѣйствовала въ томъ же духѣ, въ какомъ работалъ Великій Петръ. Она также поставила просвѣщеніе Россіи цѣлью своего царствованія и также всѣми средствами старалась передать намъ образованность европейскую. Можетъ быть средства сіи были не всегда самыя приличныя тогдашнему состоянію Россіи, но, не смотря на то, образованность европейская начала распространяться у насъ видимо и ощутительно только въ царствованіе Екатерины. Причина тому заключается, по моему мнѣнію, не столько въ томъ, что Екатерина нашла въ Россіи уже многое приготовленнымъ, сколько въ томъ особенномъ направленіи, которое просвѣщеніе Европы начало принимать въ половинѣ восемнадцатаго вѣка.

Мы видѣли, что съ половины восемнадцатаго вѣка просвѣщеніе въ Европѣ приняло направленіе противуположное прежнему. Новыя начала и старыя явились въ борьбѣ, различно измѣненной, но всегда одномысленной. Мы видѣли, что въ наукахъ, въ искусствахъ, въ жизни, въ литературѣ, однимъ словомъ, въ цѣлой сферѣ умственнаго развитія Европы, новые успѣхи *), хотя были послѣдствіемъ прежняго развитія, но не смотря на то, принимали характеръ противуположный ему и съ нимъ несовмѣстный, какъ плодъ, который родился и созрѣлъ на деревѣ, но созрѣвъ, отпадаетъ отъ него и служитъ сѣменемъ новаго дерева, которое вытѣсняетъ старое.

Для большаго поясненія возьмемъ еще нѣсколько примѣровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изобрѣтеніе паровыхъ машинъ есть слѣдствіе Европейскаго просвѣщенія, что оно благодѣтельно для рода человѣческаго вообще, и для будущихъ успѣховъ промышленности. Но настоящее состояніе промышленности Европейской, которое также есть слѣдствіе предыдущаго, противорѣчитъ успѣхамъ сего изобрѣтенія. Милліоны людей должны искать новыхъ средствъ къ пропитанію, между тѣмъ какъ средства сіи и безъ того затруднены слѣдствіемъ прежняго устройства промышленности. Но паровыя машины еще въ началѣ своихъ примѣненій; еще тысячи новыхъ работъ будутъ замѣнены ими; — какой же сильный переворотъ долженъ произойти въ промышленности Европейской!—Какое противорѣчіе между прежнимъ порядкомъ вещей и новыми успѣхами просвѣщенія.

То же, что и о промышленности, можно сказать и о юриспруденціи. Римскіе законы, мы видѣли, были основаніемъ образованности и началомъ законнаго порядка. Но польза ихъ уже кончилась и теперь они являются въ противурѣчіи съ потребностями гражданскаго устройства. Между тѣмъ во многихъ государствахъ они еще имѣютъ силу живую и не могутъ быть замѣнены иначе, какъ съ совершеннымъ преобразованіемъ уложеній.

Внѣшнее устройство Римской церкви было первымъ источникомъ Европейской образованности; но именно потому формы сего устройства должны были совершенно соотвѣтствовать тому времени, въ которое онѣ произошли. Естественно, что съ измѣненіемъ времени и формы сіи въ нѣкоторыхъ государствахъ во многихъ отношеніяхъ не совмѣщались съ новыми потребностями. Отъ того явились реформація, нарушившая единство Европейской церкви, а въ нѣкоторыхъ земляхъ водворилось совершенное безвѣріе, которое съ трудомъ побѣждается теперь успѣхами свѣтскаго просвѣщенія.

Такъ образованность Европейская является намъ въ двухъ видахъ: какъ просвѣщеніе Европы прежде и послѣ половины восемнадцатаго вѣка. Старое просвѣщеніе связано неразрывно съ цѣлою системою своего постепеннаго развитія, и чтобы быть ему причастнымъ, надобно пережить снова всю прежнюю жизнь Европы. Новое просвѣщеніе противуположно старому и существуетъ самобытно. Потому народъ, начинающій образовываться, можетъ заимствовать его прямо и водворить у себя безъ предыдущаго, непосредственно примѣняя его къ своему настоящему быту. Вотъ почему и въ Россіи и въ Америкѣ просвѣщеніе начало примѣтно распространяться не прежде восемнадцатаго и особенно въ девятнадцатомъ вѣкѣ.

Сказанное нами достаточно для того, чтобы вывести всѣ нужные результаты и данныя для опредѣленія настоящаго характера нашей образованности и ея отношеній къ просвѣщенію общечеловѣческому. Но мы предоставляемъ сдѣлать сей выводъ самимъ читателямъ, ибо, если намъ удалось изложить наши мысли ясно и убѣдительно, то результаты ихъ очевидны. Если же, читая статью сію, читатели не раздѣлили нашего мнѣнія, то и послѣдствія сего мнѣнія покажутся имъ произвольными и неосновательными.

*) Не должно смѣшивать успѣхи истинные съ мнимыми и нововведенія мечтательныя, вредныя съ необходимымъ развитіемъ просвѣщенія.

376. Егерскія записки, или начертаніе какъ находить дичь, въ какихъ мѣстахъ, въ какое время года, и различные способы стрѣлять птицъ и звѣрей. Составилъ Патфайндеръ. 2 части. Москва, въ типографіи Т. Волкова, 1853 года.—Въ 16 д. л. Часть 1-я 123 стр., часть 2-я 115+IV стр., 8 рисунковъ и 1 таблица (маликъ бѣлки).

Егерскія записки содержатъ въ себѣ различные способы стрѣлять птицъ и звѣрей, какъ-то: на

манку, съ подхода, на приводу, сходить зимой по слѣдамъ и облавой; съ приложеніемъ рисунковъ звѣриныхъ ступней: заячьяго малика; натуральную исторію птицъ и звѣрей, описаніе различныхъ ружей, какъ старинныхъ, такъ и новѣйшихъ мастеровъ; описаніе разныхъ легавыхъ породъ и другихъ собакъ, кои необходимы для стрѣльбы птицъ и звѣрей; способы выкармливать, дрессировать натаскивать и лечить новооткрытыми медицинскими средствами по методѣ *Францискa*, *Клатери* и др.

Въ концѣ книги приложенъ словарь охотничьихъ словъ; съ приложеніемъ двухъ гравированныхъ картинокъ и восьми чертежей и двухъ плановъ.

Въ началѣ перваго тома слѣдуетъ посвященіе, въ которомъ авторъ говоритъ, что

«Посвящаю сію книгу моимъ знакомымъ всѣмъ вмѣстѣ и каждому порознь, особливо милосердымъ стрѣлкамъ, которые въ полѣ птицъ жалѣютъ, не бьютъ ихъ и только пугаютъ,—за то уже въ разговорахъ бѣдныхъ дуппелей кладутъ въ сумки десятками, сотнями и даже пудами.

Я отъ природы совсѣмъ не завистливъ, какъ многіе меня считаютъ такимъ, потому что я люблю такихъ добрыхъ стрѣлковъ. Ну, чтожъ! люблю, мало того, уважаю и посвящаю имъ мою книгу, мои труды. За то ихъ люблю, что послѣ нихъ, въ болотѣ или въ лѣсу, все-таки чѣмъ нибудь поживиться можно, тогда какъ отъ другаго недобраго, въ болотѣ остается одна грязь, а въ лѣсу кусты— и только.

Многіе мои пріятели укоряютъ меня за то, что я предпочитаю зайцовъ и утокъ гаршнепамъ; въ оправданіе скажу, что отъ зайца и утки и сума какъ то отдуется солиднѣе и плечо слышитъ, что домой идешь не пустой. А какъ убьешь гаршнепа, такъ пришедъ домой ищешь — ищешь его, насилу найдешь. А и то сказать: у всякаго свой вкусъ».

— — —

Затѣмъ далѣе съ слѣдующей страницы начинается предисловіе, въ которомъ авторъ говоритъ, что:

«Охота извѣстна въ Россіи со временъ незапамятныхъ, и страсть эта была господствующею страстію народа русскаго, народа смѣлаго и воинственнаго, любившаго въ охотѣ искать развлеченія, которое справедливо философъ Платонъ называлъ подобіемъ войны. Еще во времена Великаго Владиміра мы видимъ, что русскимъ была извѣстна охота, какъ занятіе и удовольствіе самого Великаго Князя и окружавшихъ его вельможъ; но тогда извѣстна была болѣе псовая охота, употребляемая для большихъ звѣрей, и почиталось за особенное удовольствіе принимать лично на ножъ или рогатину хищнаго звѣря, какъ-то: медвѣдя, кабана и проч., и видѣть у ногъ своихъ косматое чудовище, жителя лѣсовъ и мрака, медвѣдя, или страшную голову вепря,—былъ достойный трофей того смѣльчака, который свою смѣлость и ловкость противуставилъ кабаньему клыку или страшнымъ когтямъ медвѣдя.

Первое оружіе, которое мы употребляли на охотѣ, былъ лукъ и стрѣлы, потомъ арбалетъ; но съ изобрѣтеніемъ пороха и тотъ и другой должны были уступить—фузеѣ съ фитилемъ; потомъ кремень въ свою очередь вытѣснилъ фитиль, и охота егерская съ тѣхъ поръ стала принимать свой собственный характеръ, свою систему, свои правила, совсѣмъ различныя отъ прочихъ охотъ.

Охотѣ за дуппелями, бекасами, гаршнепами, вальдшнепами на тягѣ, за молодыми тетеревами, глухими и березовыми, за рябчиками и прочею дичью, какъ лѣсной, такъ и болотной, разнымъ способамъ манить дичь и дрессировать легавыхъ собакъ, мы научились у нѣмцевъ, французовъ и поляковъ.

Я же принялъ намѣреніе написать сію книгу для любителей стрѣльбы; о псовой охотѣ есть у насъ книга подъ заглавіемъ: «Псовая охота», г. Реута, книга, написанная, какъ видно, человѣкомъ, который изучилъ глубоко этотъ предметъ практически и писалъ со всѣмъ знаніемъ этого дѣла, не наполняя свою книгу всякимъ вздоромъ; однимъ словомъ, книга г. Реута есть первая на русскомъ языкѣ о псовой охотѣ дѣльная книга, а о стрѣльбѣ хотя и есть у насъ книга: «Охотникъ», г. Левшина, хотя и полная касательно выбора ружей, какъ выковывать стволы, какое дѣйствіе имѣетъ крупный порохъ противъ мелкаго, какъ ловить дичь въ сѣти и какъ оныя вязать, во сколько ячей и о прочемъ; положимъ, что это полно и хорошо, но это болѣе относится къ охотѣ промышленничей, а не къ егерской, хотя объ охотѣ и есть статьи превосходныя, какъ-то: о лосяхъ, оленяхъ и кабанахъ; но, что касается до манки вес-

ной *) бекасовъ или молодыхъ тетеревей, рябцовъ и прочей дичи, г. Левшинъ ничего не объяснилъ, а найти выводъ валдшнеповъ, куропатокъ и проч. и уйти отъ него съ яхташемъ пустымъ — обидно. А это легко можетъ случиться съ тѣмъ, кто въ первый разъ наткнется на выводокъ и не знаетъ манки и что въ такомъ случаѣ дѣлать; объ этомъ предметѣ г. Левшинъ умолчалъ, да и прочіе гг. писатели ничего не объяснили; да и то сказать: всякій молодецъ на свой образецъ. Г. Левшинъ обращалъ болѣе вниманія на теорію, а я на практику, потому что я изучалъ охоту не въ кабинетѣ противъ камина, а въ лѣсу, на болотѣ, гдѣ иногда ночью луна служила мнѣ вмѣсто лампы, кочка замѣняла подушку, одѣяло былъ яхташъ — хотя спать не жарко, такъ простору много. Прошу любезныхъ моихъ читателей и строгихъ критиковъ не взыскивать, что мой слогъ не жемчужный, а простой разсказъ охотника:

Я не лѣзу на Парнасъ,
Тамъ много и безъ насъ!

а желаю хоть нѣсколько доставить удовольствія моимъ молодымъ собратамъ, одержимымъ со мною однимъ недугомъ—*охотоманіею*.

Объ орлахъ, беркутахъ, соколахъ и о прочихъ хищныхъ птицахъ я потому не вхожу въ подробное описаніе ихъ свойствъ, что они принадлежатъ собственно охотѣ соколиной; но какъ я пишу книгу о стрѣльбѣ птицъ и звѣрей, и какъ эта охота совсѣмъ не имѣетъ ничего общаго съ стрѣльбой, то, по этой причинѣ, я и не считаю нужнымъ входить въ подробное описаніе хищныхъ птицъ; что же касается до охотничьихъ тайнъ, или средствъ, какъ сбирать въ одно мѣсто звѣрей, и не то, чтобы ихъ убивать, а просто брать живыхъ руками, что пишетъ г. Левшинъ, ссылаясь на нѣмецкаго писателя Веймара (котораго онъ переводилъ), то это можетъ быть у гг. нѣмцевъ, потому что они, собравъ звѣрей въ одно мѣсто, будутъ разсуждать, какъ ихъ бить систематически по правиламъ; а звѣри, наскучивъ ихъ бездѣйствіемъ, прикормку съѣдятъ и уйдутъ, г-да же нѣмецкіе охотники, поспоривъ, разойдутся. Что же касается до насъ русскихъ, то если бы все то было правда, что пишетъ г. Веймаръ о разныхъ способахъ, какъ собирать въ одно мѣсто звѣрей и убивать ихъ, то у насъ бы ни лосей, ни дикихъ козъ, ни зайцевъ, ни лисицъ, ни волковъ давно бы не было, равно и шерсти ихъ, потому что наши мужики-егеря воспользовались бы этими тайнами, и не соблюдая никакихъ системъ и правилъ, истребили бы всѣхъ вышеозначенныхъ звѣрей, и намъ остались бы одни бекасы и дуппели.

*) Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ стрѣльба разрѣшена закономъ.

377. Его Императорскаго Величества генеральный Регламентъ или уставъ, по которому государственныя коллегіи, такожъ и всѣ оныхъ принадлежащихъ къ нимъ канцелярей и конторъ служители, не токмо во внѣшнихъ и внутреннихъ учрежденіяхъ, но и во отправленіи своего чина, подданнѣйше поступать имѣютъ. Санктпетербургъ, при Императорской Академіи Наукъ, 1735 года.—Въ 4 д. л., 41+3 стр.

Эта рѣдкая брошюра была напечатана повелѣніемъ Ея Императорскаго Величества.—См. «Всеобщая библіотека Черткова», стр. 239, № 15, и «Библіотека общества исторіи и древн. росс.», стр. 201, № 634; у Губерти—№ 20.

378. Его высокопреосвященству Варлааму епископу Тобольскому, Милостивѣйшему отцу архипастырю, въ знакъ своего истиннаго усердія, съ глубочайшимъ почтеніемъ содержатель новозаводимой въ Сибири типографіи тобольскій купецъ и фабрикантъ Василій Корнильевъ сей листъ подноситъ. Февраля 6 дня 1789 года.

Напечатана на двухъ листахъ, окаймленныхъ фигурными рамками, каковые составляютъ въ настоящее время весьма любопытные документы, заявляющіе о времени начала существованія первой типографіи въ Тобольскѣ. Эти первые первенцы новооткрытой Сибирской книгопечатни оттиснуты были, если не въ единственныхъ, то, безъ сомнѣнія, въ нѣсколькихъ только экземплярахъ.—Здѣсь слѣдуютъ стихи, сочиненные вѣроятно усерднымъ, но малограмотнымъ Корнильевымъ, хозяиномъ новооткрытой типографіи; они приводятся здѣсь съ

сохраненіемъ, какъ и въ заглавіи, правописанія автора ихъ:

«Какую радость ощущаю
Въ восторгѣ сердца моего,
Сей день я почитаю
Вверхъ блаженства своего.

Лучами щастія озаряюсь,
Тебя встрѣтить устремляюсь,
И архипастырско принять
Со усердіемъ благословеніе
За трудъ и посѣщеніе
Благодарность чѣмъ воздать!

Какими выражу рѣчами
Я радость сердца моего?
Усердными горя къ тебѣ душами
Встрѣчаемъ гостя своего.

Являя радостно почтенье,
Но слабо все благодаренье
За милость кою намъ явилъ
Принялъ трудъ сдѣлать посещеніе
Святительско свое благословеніе
На насъ излить благоволилъ».

Эта брошюрка теперь очень рѣдка. См. «Матеріалы для русской библіографіи» Губерти, часть II-я, № 133.

379. Его Высокородію Петру Максимовичу Щербачеву государственной коллегіи экономіи вице-президенту Милостивому Государю моему покровителю и попечителю преданнѣйшее подношеніе посвящаетъ Корниліева монастыря игуменъ Ювеналій Воейковъ. Марта 23 дня, 1779 года. Вторымъ тисненіемъ, Москва, въ университетской типографіи, у В. Окорокова. 1792 года.—8°, 8 стр.

См. «Матеріалы для русской библіографіи рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ XVIII столѣтія» Н. В. Губерти, стр. 469.—Есть у Остроглазова. См. «Книжныя рѣдкости» въ «Русск. Арх.» за 1892 г. стр. 93, № 72.

Эта рѣдкая брошюрка куплена мною за 3 руб.

880. Его Імператорскаго Величества изъ Государственной Адміралтеіствъ Коллегіи інструкція о храненіи заповѣдныхъ лѣсовъ.—Въ л. и 5 стр., на 5-й страницѣ внизу напечатано: въ С.-Петербургской типографіи 1722 году, апрѣля въ 14 день.

Вышепоименованный указъ составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1881 годъ», стр. 53-я.

381. Ежемѣсячное сочиненіе Пифагоръ, содержащее въ себѣ изображеніе славной жизни и дѣяній сего великаго генія древности, съ яснымъ топографоисторическимъ описаніемъ всѣхъ современныхъ ему народовъ, ихъ обыкновеній, богослуженія таинствъ и достопамятностей и съ картиннымъ представленіемъ всѣхъ важнѣйшихъ происшествій древнихъ временъ.—3 части. Москва. Въ университетской типографіи у Любіе Гарія и Попова. 1804 года.—Въ 8 д. л., 354 стр.

Книга эта упомянута въ матеріалахъ Березина-Ширяева—кн. VII—103.—У Геннади — «Книжн. рѣдкости»—№ 95.—Ежемѣсячное сочиненіе Пиѳагоръ составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость и цѣнится отъ 25 до 50 рублей (смотря по степени сохранности).

382. Еженедѣльныя христіанскія упражненія, по руководству Слова Божія.—Сочиненіе Г-жи Гюйонъ. — Перевелъ съ французскаго іеромонахъ NN. 4 части, съ картинами Москва. 1801 года. — Въ 8 д. л.

Сія книга содержитъ въ себѣ таинственное изъясненіе Евангелія Св. Іоанна Богослова. Всѣ сочиненія Г-жи Гюйонъ, на французскомъ языкѣ, состоятъ изъ 40 частей, въ коихъ равномѣрно изъясняется сокровенный и таинственный смыслъ всего священнаго писанія.—Въ «Опытѣ россійской библіографіи» Вас. Сопикова значится подъ № 2697.

383. Eglise de St. Isaac restaurée et augmentée d'apres de Montferrand, architecte de Sa Majeste Imperiale, Chevalier de l'Ordre Royal de la Legion d'honneur. St. Petersbourg, imp. chez Pluchar, 1820.—In folio 8—8 p. et 21 planches.

Здѣсь помѣщено описаніе Исаакіевскаго собора, изданное Монферраномъ на французскомъ языкѣ въ 1820 году, въ листъ.

Это изданіе долго пользовалось большимъ успѣхомъ; въ настоящее же время принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

384. Еклоги Александра Сумарокова.— Въ 8. д., 190 и 3 стр., на послѣдней страницѣ означено: при Императорской Академіи Наукъ, 1774 г., въ СПБ.

Эта книга посвящена прекрасному россійскаго народа женскому полу и содержитъ въ себѣ 64 еклоги или небольшихъ стихотвореній.

Изданіе весьма рѣдкое.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 3 рубля.

385. Еней, героическая поэма Публія Виргилія Марона, переведена съ латинскаго Василіемъ Петровымъ, безъ означенія года и мѣста печати.—Въ 4 д. л., 10+42 стр.

Означенная поэма посвящена Великому Князю Цесаревичу Павлу Петровичу (въ стихахъ), предувѣдомленіе о Виргиліѣ и его поэмѣ; переводъ трехъ пѣсней въ 984 нумерованныхъ Александрійскихъ стихахъ съ примѣчаніями. См. въ «Опытѣ россійской библіографіи» Василія Сопикова за № 1770 сказано: «книга рѣдка».

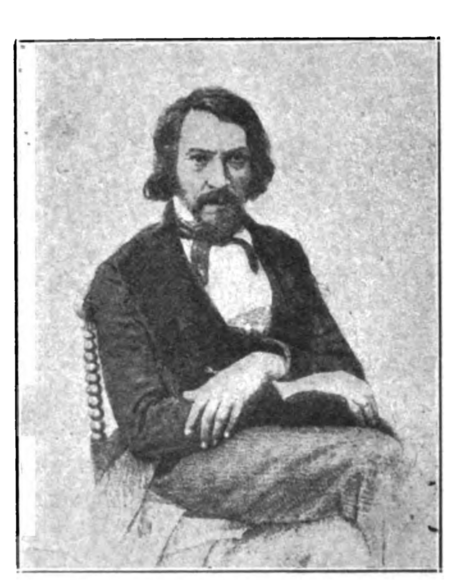
386. Енеида, на малороссійскій языкъ перелицованная И. Котляревскимъ. Санктпетербургъ, 1798 года.—Въ 8 д. л., въ 3 частяхъ.—I часть 32+38, II часть 72 и III часть 24 стр.

Первое изданіе «Енеиды» въ настоящее время составляетъ большую рѣдкость и совсѣмъ ненаходима въ книжной торговлѣ.—Авторъ этого рѣдкаго сочиненія Иванъ Петровичъ Котляревскій родился въ Полтавѣ въ 1769 году и обучался въ тамошней семинаріи. На 27 году онъ поступилъ въ военную службу и во время отечественной войны съ французами сформировалъ пятый казачій полкъ, командуя которымъ пріобрѣлъ себѣ славу непобѣдимаго казака и патріота. Имѣя піитическій талантъ, онъ съ юныхъ лѣтъ началъ сочинять вирши на малороссійскомъ языкѣ и потомъ написалъ комическую поэму—«Енеида», въ 3-хъ частяхъ, — которыя были напечатаны въ первый разъ въ 1798 году. Спустя нѣсколько времени Котляревскій написалъ еще 4-ю часть и напечаталъ свое сочиненіе, посвященное Семену Ивановичу Кочубею, въ 1809 году, подъ заглавіемъ—«Виргиліева Энеида». Въ 1819 году, управляя полтавскимъ театромъ онъ написалъ малороссійскія оперетты: — «Наталка-полтавка» и «Москаль чаривникъ», которыя имѣли необыкновенный успѣхъ и доставили автору имя талантливаго писателя.

Котляревскій умеръ на 70 году отъ рожденія и похороненъ въ Полтавѣ на общемъ городскомъ кладбищѣ.

См. «Описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ» Як. Березина-Ширяева—1873, стр. 282-я, сказано: «книга очень рѣдкая».

387. Ермакъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Алексѣя Хомякова. Москва, типографія Семена Селивановскаго. 1832 года.—Въ 8 д. л.

А. С. Хомяковъ.

Славянофилъ, род. 1 мая 1804, ум. 23 сентября 1860 г.; портретъ изъ собранія Ровинскаго.

Книжка съ портретомъ Ермака, рисов. К. Брюлловымъ и грав. Е. Скотниковымъ, съ подписью подъ портретомъ: «Ермакъ Тимофѣевичъ завоеватель Сибири».

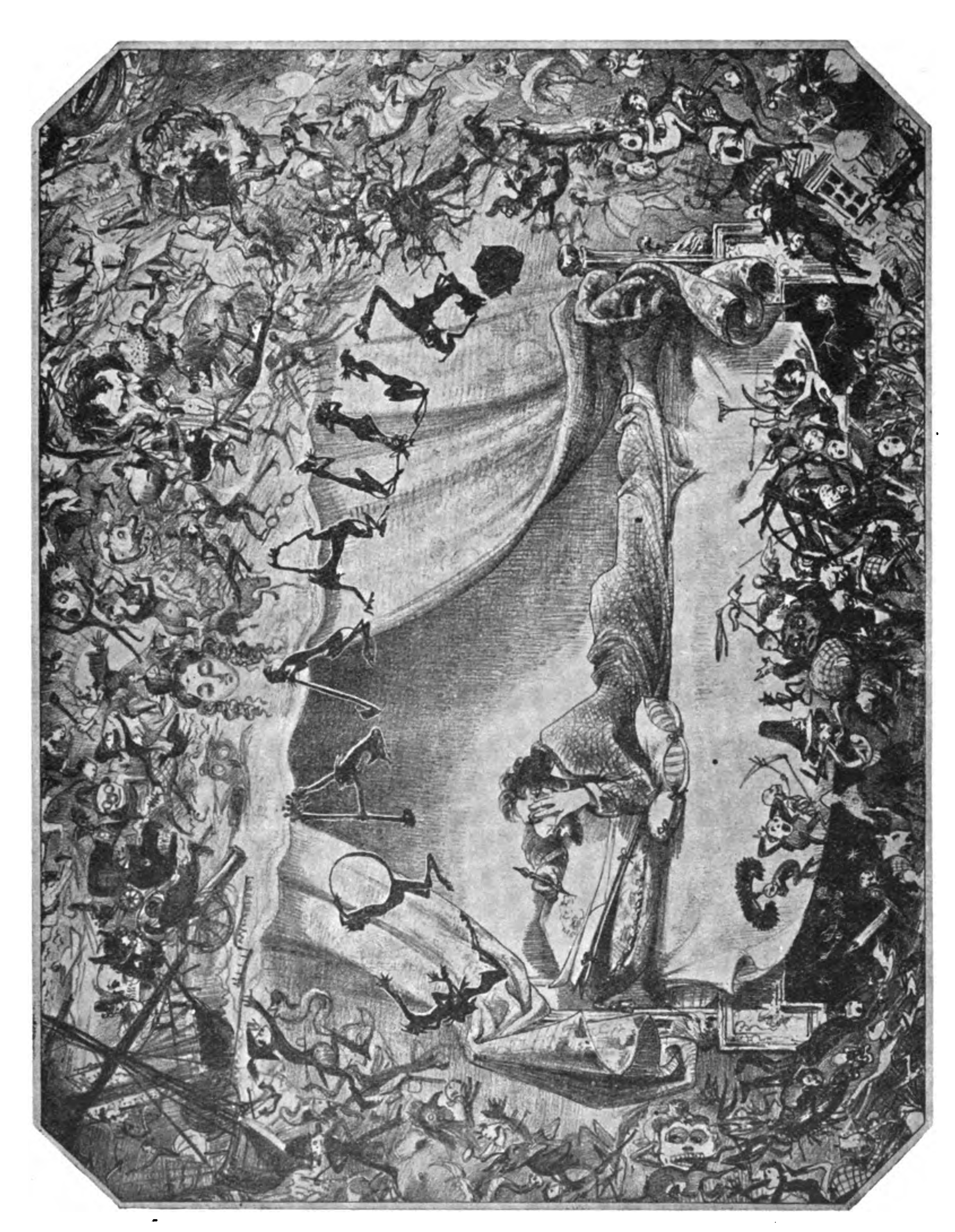
Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 2 руб.

388. „Ералашъ"—каррикатурный альбомъ, заключаетъ въ себѣ очень остроумныя каррикатуры, рисованныя Неваховичемъ.

Изданіе это имѣло большой успѣхъ и продолжалось четыре года.

Въ настоящее время оно совсѣмъ не находимо въ книжной торговлѣ.

Книга рѣдкая.

Заглавный листъ изъ журнала «Ералашъ». Альбомъ каррикатуръ».

389. Естественная исторія міротворенія, Эрнеста Геккеля. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія, А. Я. Герда. С.-Петербургъ. 1873 года.—Въ 8 д. л.

Книга эта содержитъ въ себѣ вполнѣ ясное, остроумное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сжатое изложеніе всѣхъ сторонъ міротворенія.

По выходѣ въ свѣтъ «Естественная исторія» Э. Геккеля была изъята изъ обращенія, какъ противная цензурнымъ постановленіямъ.

См. «Каталогъ изданіямъ на русскомъ языкѣ», составленный Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати по 1-е января 1894 г., № 22.

390. Естетическія разсужденія г. Ансильйона, члена королевской академіи наукъ Пруссіи, переведены съ французскаго языка гг. студентами санктпетербургской духовной академіи въ пользу любителей прекраснаго и высокаго, подъ руководствомъ синодальнаго члена преосвященнаго Ѳеофилакта, архіепископа рязанскаго. Санктпетербургъ, въ типографіи Іоаннесова. 1813 года.—Въ 8 д. л., 2+25+3 стр.

Книга «Естетическія разсужденія» г. Ансильойна переведена на русскій языкъ студентами С.-Петербургской духовной академіи, и вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ была изъята изъ обращенія и сожжена. Оставшіеся экземпляры сдѣлались довольно рѣдкими.

391. Ея Высокопревосходительству Милостивой Государынѣ Марьѣ Львовнѣ Нарышкиной, предражайшей дщери милостиваго моего мецената (безъ означенія года и мѣста печати).—Въ 4 д. л., 4 стр.

На послѣдней страницѣ внизу подпись—Николай Струйской.

Эта брошюрка содержитъ въ себѣ только слѣдующее осьмистишіе съ похвалами красотѣ, граціи и талантамъ г-жи Нарышкиной.

«Прекрасная душа, плѣняющая всѣхъ,
Рождена для наукъ, веселья и утѣхъ.
Подъ лирой голосомъ, когда ты воспѣваешь
Яглею грацію,—всѣхъ, мнится представляешь.
Уста твои, когда словъ стройность гдѣ рекутъ,
Пресладостную въ слухъ гармонію влекутъ.
И зритель каждый тутъ себя позабываетъ:
Лишь въ мысли то, что то Нарышкина играетъ!

Эта брошюрка въ настоящее время очень рѣдка.

. Авторъ этой брошюрки, Н. Струйской, жилъ во второй половинѣ XVIII в. въ своемъ селѣ Рузаевкѣ, Пензенской губерніи.

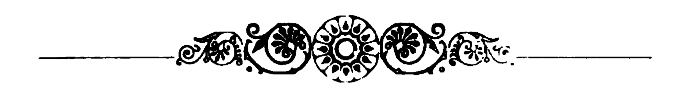
392. Ея Имераторскому Величеству Маріи Ѳеодоровнѣ на день рожденія Ея Императорскаго Высочества Екатерины Павловны, мая 10 дня 1791 года. Подноситъ Ѳеодосія Туманская. Санктпетербургъ. (Безъ означенія года и мѣста печати).—Въ 4 д. л., 7 стр.

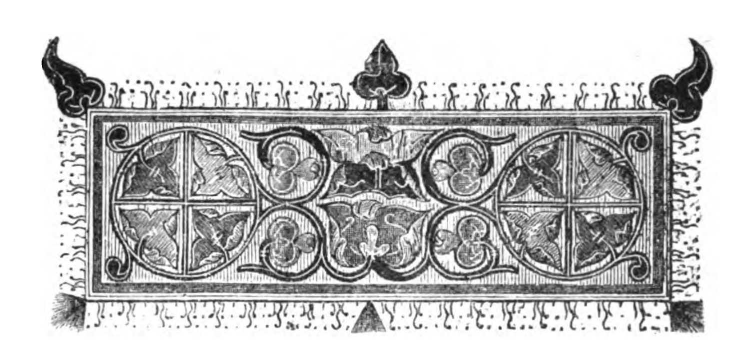
Это чрезвычайно рѣдкое и весьма любопытное стихотвореніе названо въ заголовкѣ его: «Празднество селянъ».

См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1885 г., стр. 87.

393. Ея Императорскому Величеству, всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, Великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II, Самодержцѣ Всероссійской, на день ея рожденія въ девятое лѣто благополучнаго ея государствованія. Приноситъ Павелъ Потемкинъ. Спб., 1771 г.—Въ 4 д. л., 9 стр.

Эта брошюра была напечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и въ настоящее время составляетъ замѣчательную библіографическую рѣдкость.

Ж.

394 Женское дѣло въ Америкѣ. С. С. Шашкова. С.-Петербургъ, типографія Тушнова. 1875 года.—Въ 16 д. л., 245 стр.

Это очень обстоятельное изслѣдованіе вопроса по женскому дѣлу въ Америкѣ С. С. Шашкова по выходѣ въ свѣтъ было изъято изъ обращенія, почему въ настоящее время считается рѣдкимъ. Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

395. Жертвы тотализатора. Повѣсть въ трехъ частяхъ. М. Москаль.
„Безъ меня не можетъ дѣлать ничего".
Москва, типо-лит. высоч. утв. товар. И. Н. Кушнерева и К°, 1896 года.—Въ 8 д. л. 339 стр.

Книга въ настоящее время почти не находима въ продажѣ и считается принадлежащей къ числу библіографическихъ рѣдкостей, такъ какъ всѣ экземпляры ея велѣно было уничтожить въ самый годъ выхода въ свѣтъ, т. е. въ 1896 году.

Въ началѣ слѣдуетъ нѣсколько словъ отъ автора, гдѣ послѣдній говоритъ что:

«Произведенія начинающаго писателя безъ литературнаго имени и связей, да притомъ желающаго сохранить оригинальность направленія и содержанія разсказа, не могутъ найти мѣста въ періодической печати. Вотъ почему предлагаемая повѣсть, минуя періодическую печать, является въ свѣтъ впервые отдѣльно и самостоятельно изданной книгой. Избранный авторомъ путь для начала литературной дѣятельности представляется рискованнымъ, главнымъ образомъ съ матеріальной стороны: книга можетъ оказаться незамѣченной и кануть въ Лету благодаря тому только, что имя автора и его произведеніе неизвѣстны читающей публикѣ. Глубоко убѣжденный въ пользѣ предлагаемой книги, авторъ не останавливается передъ непріятной перспективой понести матеріальный ущербъ отъ изданія. Между книгопродавцами есть одна очень характерная поговорка: «нѣтъ такой книги, которая не нашла бы своего читателя»; замѣчательная мысль практическихъ людей даетъ и мнѣ право надѣяться, что несмотря на вышесказанныя неблагопріятныя обстоятельства, предлагаемая книга также найдетъ своихъ читателей. Но если книга эта обратитъ на себя вниманіе русской критики и вызоветъ о себѣ безпристрастное сужденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересуетъ читателей и хотя въ малой части ихъ вызоветъ признательность къ автору за правдивое слово, онъ будетъ вознагражденъ за свой трудъ, совершенно забывая о матеріальной затратѣ.

Предлагаемая книга хотя и вводитъ читателя на ипподромъ бѣговъ и скачекъ и раскрываетъ закулисную сторону тотализатора, представляетъ однако общелитературный интересъ, и даже въ большей мѣрѣ,—чѣмъ спортивный. Спеціально для игроковъ спортсменовъ посвящено нѣсколько страницъ: «мысли о тотализаторѣ», которыми исчерпывается спеціальная сторона предмета и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуется отношеніе автора къ тотализатору. Приглашая прочесть предлагаемую повѣсть, авторъ не находитъ нужнымъ говорить о ея содержаніи, ибо оно должно говорить само за себя. Одно онъ можетъ сказать съ положительностью, что въ повѣсти, какъ дѣйствующія лица, такъ и событія написаны съ натуры, а потому посвященные и непосвященные въ дѣло спорта найдутъ въ ней много интереснаго, и пожалуй поучительнаго: одни, чтобы прекратить игру, другіе, чтобы не начинать ея совсѣмъ».

Мысли о тотализаторѣ.

Игра въ ряду другихъ занятій и развлеченій, придуманныхъ праздными людьми, занимаетъ очень видное мѣсто въ жизни человѣка. Правильный выигрышъ есть самая безупречная нажива, гдѣ капиталъ по добровольному соглашенію между играющими перемѣщается изъ одного кармана въ другой, не увеличиваясь искусственно въ объемѣ. Но игра, и особенно заманчивая игра въ тотализаторѣ, развиваетъ страсти, часто выходящія изъ границъ, и тогда увлекшійся игрокъ, всегда проигравшійся, не брезгуетъ безчестными средствами наживы. Закулисная сторона тотализатора скрываетъ много темныхъ явленій грязныхъ и предосудительныхъ.

Тотализаторъ подобно языческому богу требуетъ отъ играющихъ для своего процвѣтанія постоянныхъ жертвъ въ видѣ денегъ и здоровья. Наградою играющимъ служитъ горькое разочарованіе о безвозвратно потерянномъ.

Тотализаторъ это — всепоглащающая пропасть, И чѣмъ больше люди несутъ денегъ въ эту пропасть, тѣмъ она становится шире и глубже, требуя все новыхъ и новыхъ жертвъ.

Тотализаторъ, будучи посредникомъ между играющими, имѣетъ много общаго съ рулеткой въ томъ, что какъ та, такъ и этотъ, удерживая извѣстный процентъ съ оборота, систематически обираютъ ослѣпленныхъ страстью игроковъ.

Тотализаторъ, не замѣтнымъ образомъ опустошая карманы играющихъ, приводитъ всѣхъ къ неизбѣжному проигрышу. И чѣмъ больше игрокъ ставитъ денегъ въ тотализаторѣ, чѣмъ больше обращается его капиталъ, тѣмъ больше онъ и проигрываетъ. Напримѣръ игрокъ, имѣющій въ карманѣ сто рублей и пустившій ихъ въ оборотъ тотализатора всѣ безъ остатка, въ продолженіе восьми заѣздовъ въ видѣ десятипроцентнаго сбора долженъ уплатить свыше пятидесяти рублей.

При игрѣ въ рулетку и тотализаторъ, неизбѣжными являются азартъ и увлеченіе, доводящіе игроковъ до потери самообладанія, что и мѣшаетъ имъ видѣть суть дѣла въ настоящемъ свѣтѣ.

Обаятельная сила тотализатора, привлекающая игроковъ на ипподромы бѣговъ и скачекъ, заключается въ заблужденіи насчетъ возможности выигрыша. Приходъ той или другой лошади первою, разумѣется, не представляетъ никакого интереса безъ тотализатора. Закройте тотализаторъ и девять десятыхъ навсегда покинутъ ипподромы.

Неизбѣжность проигрыша на бѣгахъ и скачкахъ очевидна для большинства игроковъ, и только болѣзненное самолюбіе, безхарактерность и близорукость игрока во вредъ себѣ мѣшаютъ ему признать этотъ фактъ неоспоримымъ. Для дѣйствительнаго выигрыша необходимо постоянно угадывать изъ восьми заѣздовъ, по крайней мѣрѣ, пять, что почти невозможно.

Есть очень много игроковъ, которые имѣютъ манію увѣрять всѣхъ, что они выиграли, когда на самомъ дѣлѣ—проиграли. Это новая психическая болѣзнь, совсѣмъ еще не изслѣдованная наукой.

Игрокъ, проигравшій много денегъ и не имѣющій силы воли остановиться отъ пагубной страсти, увы—погибшій человѣкъ! Такой игрокъ не перестанетъ играть до тѣхъ поръ, пока въ его карманѣ остается хотя одинъ рубль. А когда проигранъ этотъ послѣдній рубль, злополучный игрокъ находитъ для себя утѣшеніе въ томъ, что видитъ причину проигрыша въ сдѣланныхъ имъ ошибкахъ и что на будущее время, когда онъ соберется съ силами, онъ уже не промахнется, но и въ слѣдующій разъ повторяется та же исторія, и такъ безъ конца.

Есть много игроковъ, которые, несмотря на очевидную нелѣпость предсказаній газетъ относительно фаворитовъ, а также подсказываній наѣздниковъ и жокеевъ, вѣрятъ имъ и проигрываются наряду съ другими.

Есть одинъ разсказъ по поводу предсказыванія вѣрныхъ лошадей. Одинъ спортсменъ, имѣя пріятелемъ одного хорошаго наѣздника, просилъ его отмѣчать ему вѣрныхъ лошадей, обѣщая платить ему за это десять процентовъ съ выигрышнаго рубля. Наѣздникъ подружески сказалъ ему: «если бы я зналъ навѣрное, какая лошадь и въ какомъ заѣздѣ будетъ первою, я самъ сталъ бы играть на нее и не сталъ бы больше ѣздить, рискуя искалѣчить себя. Ни я и никто другой не можетъ знать навѣрное, какая лошадь и въ какомъ заѣздѣ будетъ первою».

Очевидно, что никакія познанія и никакія соображенія не помогутъ угадать вѣрную лошадь. Есть однако игроки, заблужденія которыхъ нельзя разрушить никакими доводами.

Былъ когда-то въ Москвѣ знаменитый спортсменъ Т., проигравшій все свое состояніе на бѣгахъ и умершій бѣднякомъ гдѣ-то на конюшнѣ. Его однажды спросили, по какимъ соображеніямъ можно угадать первую лошадь въ томъ или другомъ заѣздѣ? Т. отвѣчалъ:

«Для того чтобы угадать вѣрную лошадь, необходимо знать относительную рѣзвость всѣхъ лошадей, участвующихъ въ бѣгѣ или скачкѣ;

готовность лошади, ея порядокъ, въ духѣ она вышла на стартъ или не въ духѣ, хорошо приметъ стартъ или потеряетъ его;

увеличиваетъ или уменьшаетъ ѣздокъ шансы лошади на выигрышъ;

желаетъ или не желаетъ владѣлецъ, чтобы лошадь его была первою;

желаетъ или не желаетъ ѣздокъ по своимъ личнымъ соображеніямъ быть первымъ;

какой грунтъ любитъ лошадь, сухой или сырой;

наконецъ, на кого будутъ играть гг. члены и и кому отдадутъ призъ въ случаѣ спора и недоразумѣнія.

Прибавьте къ этому разнаго рода случайности: испугъ лошади, паденіе ѣздока, сломаніе ноги, потерю подковы, поломку экипажа и тому подобное, и тогда съ точностью можно опредѣлить, какая лошадь и въ какомъ заѣздѣ будетъ первою».

Такъ какъ выигрышъ въ тотализаторѣ есть дѣло случая и угадываніе вѣрныхъ лошадей не поддается никакимъ соображеніямъ, поэтому и системы игры на фаворитовъ и на нефаворитовъ одинаково разорительны; слѣдующій простой разсчетъ показываетъ это: сорокъ скаковыхъ или бѣговыхъ дней имѣютъ 320 заѣздовъ; если положить на каждый заѣздъ ставку въ десять рублей, нужно будетъ поставить 3200 рублей, которыхъ не въ состояніи покрыть никакой выигрышъ.

Наконецъ, что самое главное, и такъ сказать, неисправимое зло, это потеря здоровья, неизбѣжная при удачѣ и неудачѣ. Проигрышъ и выигрышъ, при постоянномъ нервномъ напряженіи и волненіи, въ конецъ расшатываютъ нервы. Неврастенія, потеря памяти, заиканіе, раздражительность, пляска св. Витта, порокъ сердца, болѣзнь печени и т. п., все это у играющихъ есть прямое слѣдствіе общаго нервнаго разстройства, пріобрѣтеннаго на бѣгахъ и скачкахъ. Врачамъ — невропатологамъ слѣдуетъ принять за правило спрашивать своихъ паціентовъ: «играютъ они въ тотализаторѣ или нѣтъ», и тогда, можетъ быть, для врача многое объяснится.

Изъ сказаннаго о тотализаторѣ для непредубѣжденнаго читателя ясно, что тотализаторъ есть зло, которое наноситъ играющему матеріальный вредъ и кромѣ того разстраиваетъ здоровье. Предубѣжденнаго и закоснѣлаго въ своихъ заблужденіяхъ игрока нельзя разубѣдить ничѣмъ. Поэтому мы предлагаемъ краткое резюме для тѣхъ, кому доводы наши покажутся убѣдительными.

Время деньги, и потому не слѣдуетъ его тратить попусту, гоняясь за несбыточными мечтами.

Игра въ тотализаторѣ, не подчиняясь никакимъ правиламъ и соображеніямъ, есть игра разорительная.

При условіи десятипроцентнаго сбора въ пользу тотализатора, проигрышъ для всѣхъ играющихъ является неизбѣжнымъ.

Проигранныя въ тотализаторѣ деньги невозвратимы. Потерянное здоровье часто и при деньгахъ оказывается непоправимымъ.

Примиреніе съ проигрышемъ необходимо; что потеряно, того не воротить, а потому и слѣдуетъ немедленно же прекратить игру, дабы спасти, что еще не попало въ пасть тотализатора, и сохранить не въ конецъ расшатанное здоровье.

Авторъ.

Жертвы тотализатора.

Часть первая.

I.

Немного лѣтъ тому назадъ въ концѣ іюня, въ воскресенье, съ двухъ часовъ дня можно было наблюдать рѣдкое въ Москвѣ явленіе — усиленное движеніе публики по направленію изъ города на Ходынское поле. Не зная настоящей причины этого движенія, можно было бы принять его за переселеніе народовъ или бѣгство отъ угрожающей опасности. Конки, переполненныя пассажирами, извозчики съ сѣдоками, собственные экипажи съ мужчинами и дамами, одѣтыми по послѣдней модѣ, пѣшеходы— всѣ слившись въ одно общее теченіе, тянулись непрерывной полосой на Ходынку. Вся эта масса людей суетилась, толкалась, обгоняя и объѣзжая другъ друга, спѣшила на скаковой ипподромъ, чтобы принести свою лепту на алтарь тотализатора. Здѣсь

была чуть не вся Москва отъ хитровца, кокотки до князя и милліонера включительно. Сила тотализатора была обаятельна и неотразима; всѣ были поглощены одной мыслью: поскорѣе на ипподромъ, поскорѣе къ окошкамъ тотализатора. И чѣмъ ближе подходило время къ четыремъ часамъ, тѣмъ движеніе становилось гуще, сильнѣе, суетливѣе и нервнѣй.

Какой-то провинціалъ, случайно и впервые очутившійся въ этой сутолокѣ, долгое время съ изумленіемъ смотрѣлъ на невиданное и непонятное для него зрѣлище. Наконецъ, когда изумленіе его, видимо, достигло крайняго предѣла, онъ обратился къ первому встрѣчному съ вопросомъ:

— Скажите, почтеннѣйшій, что случилось, куда это всѣ такъ спѣшатъ?

Господинъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на провинціала, взглянулъ на часы, и ничего не отвѣчая, побѣжалъ по направленію къ ипподрому.

Провинціалъ заинтересовался еще болѣе и еще настойчивѣе сталъ обращаться съ вопросами къ публикѣ. Онъ нѣсколько разъ услышалъ въ отвѣтъ: «сегодня всероссійскій дерби»; но и этотъ отвѣтъ не разсѣялъ его недоумѣній.

— Не понимаю, что значитъ «дерби»,—разсуждалъ онъ вслухъ, — и почему, и куда такъ всѣ спѣшатъ. Вѣроятно, это какая нибудь диковинка, когда вся Москва собралась ее смотрѣть. Послѣдую и я примѣру другихъ,—рѣшилъ онъ и примкнулъ къ общему движенію.

Лишь только провинціалъ перешелъ пыльную дорогу и очутился на лѣвой сторонѣ бульварчика, какъ былъ подхваченъ и увлеченъ народною волной. Его толкали со всѣхъ сторонъ, жали точно въ тискахъ и перебрасывали изъ стороны въ сторону, и онъ, увлекаемый водоворотомъ, двигался, самъ не зная куда и зачѣмъ. Наконецъ, онъ попалъ въ компанію двоихъ почтенныхъ господъ, къ которымъ и обратился по поводу своего недоумѣнія.

— Сегодня разыгрывается «дерби», самый цѣнный призъ во всемъ скаковомъ сезонѣ,—отвѣтилъ одинъ изъ этихъ господъ. — Ну вотъ и спѣшатъ всѣ по этому случаю.

— Стало быть, каждый, кто сюда явится, можетъ выиграть этотъ призъ?

— Нѣтъ, его получитъ владѣлецъ той лошади, которая придетъ первою.

— Значитъ, никто изъ публики не имѣетъ никакихъ шансовъ выиграть этотъ призъ?

Наивность провинціала разсмѣшила его спутниковъ, и другой изъ нихъ заговорилъ съ провинціаломъ.

— Разумѣется, никто изъ публики не имѣетъ никакихъ шансовъ выиграть этотъ призъ, за то всѣ имѣютъ шансы проиграть свои деньги.

— Что за шутки!—проговорилъ обиженнымъ тономъ провинціалъ.

— Безъ всякихъ шутокъ! Всѣ, разумѣется, идутъ сюда съ разсчетомъ выиграть, а между тѣмъ тотализаторъ у всѣхъ очищаетъ карманы.

— Ничего не понимаю—люди спѣшатъ проигрывать деньги? Странно! Ужъ не въ сумашедшій-ли домъ попалъ я?

— Не вполнѣ, а близко къ тому.

— Нѣтъ, я не сплю, да и голова, кажется, на своемъ мѣстѣ,—проговорилъ онъ озираясь по сторонамъ и отдалившись отъ своихъ спутниковъ.—Одно изъ двухъ—или эти господа продувные бестіи и вздумали надо мною посмѣяться, или я, дѣйствительно, попалъ въ компанію сумашедшихъ. Вѣроятнѣй вздумали поднять на смѣхъ; невозможно, чтобы въ Москвѣ было такъ много сумашедшихъ; пріѣдетъ, дескать, въ свою провинцію и разскажетъ, какъ москвичи, не зная куда дѣваться съ деньгами, проигрываютъ ихъ на скачкѣ. Надо будетъ удостовѣриться самому, что тутъ творится.

Разсуждая такимъ образомъ, провинціалъ очутился подлѣ будочки, въ которой продаютъ входные билеты. Оказалось, что за право проигрывать деньги нужно было заплатить рубль шестьдесятъ копѣекъ. Тутъ провинціалъ въ недоумѣніи развелъ руками и, желая разузнать всю подноготную, рѣшилъ прожертвовать рубль шесть гривенъ, и помѣстился въ хвостѣ подходящихъ къ будочкѣ. Пройдя половину пути, онъ услышалъ ударъ колокола, и, будучи религіознымъ, снялъ шляпу, чтобы перекреститься, но спохватился. Кругомъ него пронесся дружный хохотъ, который при слѣдующемъ ударѣ быстро стихъ. Публика заволновалась и загудѣла, подлѣ кассы началась давка и перебранка съ артельщиками за медленную выдачу билетовъ. Подлѣ окошечка не умолкая слышались восклицанія: «одинъ билетъ, два, три! Артельщикъ, поворачивайся живѣе! Эй, куда лѣзешь! Заходи съ хвоста!» Потъ градомъ катился съ артельщиковъ,

по три часа работали они, не сходя съ мѣста, а хвостъ все не уменьшался.

Наконецъ провинціалъ взялъ билетъ и вошелъ на ипподромъ. Передъ нимъ раскрылась невиданная картина, онъ былъ ошеломленъ и потомъ затерялся въ толпѣ.

Громадный кругъ, огороженный барьеромъ, внутри котораго перемѣшались люди, лошади и экипажи; колоссальныя трибуны были переполнены публикой; чуть не на каждомъ шагу въ трибунахъ и внутри круга назойливо выдѣлялись окошки тотализатора. Два дешевенькихъ оркестра, чередуясь, изображали пародію на музыку. Публика ходила взадъ и впередъ съ круга на кругъ, у всѣхъ были возбужденныя лица, слышались разсужденія, споръ и даже брань по поводу несходства мнѣній. Сборщики выкрикивали имена лошадей, собирая по мелочамъ десятирублевую ставку. Солнце пекло страшно, пыль стояла столбомъ. Послышался второй звонокъ; съ послѣднимъ ударомъ колокола проходъ черезъ кругъ прекратился. Публика продолжала прибывать. Третій звонокъ—лошади появились на стартѣ, счетомъ четыре, одна плоше другой; скакали конюшенные мальчики. Общій фаворитъ № 1 шелъ вяло и мало подавалъ надежды на выигрышъ. Но которая изъ четырехъ лошадей будетъ первою, рѣшить было трудно. Этимъ временемъ билеты въ тотализаторѣ брались нарасхватъ, фаворитъ стоялъ твердо, вся игра была на него.

На стартѣ появился стартеръ съ флагомъ и скомандовалъ: «подходи!» Лошади начали подходить. Общее волненіе; тысячи глазъ смотрѣли на флагъ стартера и тысячи ушей ожидали роковаго слова. Лошади выровнялись и подошли, послышалась команда:

— Пошелъ!

Флагъ опустился. Лошади вяло, тѣснясь къ барьеру, начали скачку.

Спортсмены почувствовали минутное облегченіе послѣ слова «пошелъ», рѣшающаго судьбу игроковъ. Но по мѣрѣ продолженія и окончанія скачки, волненіе начинало возрастать съ новою силой. Слышатся разомъ четыре различныхъ предположенія насчета выигрыша; каждый увѣренъ въ безошибочности своего выбора. Лошади выходятъ изъ поворота, публика начинаетъ гудѣть. Фаворитъ дѣлаетъ преждевременный бросокъ, нѣсколько выдѣляется впередъ, но тутъ же и кончается, мотаясь безнадежно изъ стороны въ сторону. Три лошади безъ борьбы обходятъ его.

«Охъ!» вырывается тяжелое восклицаніе изъ тысячей грудей. Провалъ полный, первою приходитъ лошадь, на которую всего меньше разсчитывали. Тысячи проклятій несутся по адресу фаворита, его владѣльца и жокея. Немногіе радуются выигрышу. Радужное настроеніе смѣняется грустнымъ и угнетеннымъ.

— Сто тринадцать рублей въ ординарномъ! проносится въ публикѣ, и озлобленіе еще болѣе усиливается.

Но все кончено, тотализаторъ не ждетъ, начинается продажа билетовъ на «дерби». Идутъ двѣнадцать лошадей, главными фаворитами являются «Свинка» и «Байранъ»; въ выигрышѣ первой почти никто не сомнѣвается. Антрактъ длится очень долго, поджидаютъ юнкеровъ-кавалеристовъ. Наконецъ появляются и они и занимаютъ мѣста внутри круга. Звонокъ, и лошади одна за другой проходятъ передъ публикой. «Свинку» привѣтствуютъ дружными аплодисментами. Стартеръ на мѣстѣ, публика притихла, съ напряженіемъ и замираніемъ сердца слѣдитъ за опусканіемъ флага. Флагъ спущенъ. Лошади принимаютъ дружно, лидеры занимаютъ голову скачки, скучиваются. Стартеру аплодируютъ. Затѣмъ глаза и помыслы всѣхъ устремляются на скачущихъ лошадей. Быстро несутся лошади, выкладываютъ всѣ силы, мѣняются мѣстами и наконецъ, вывертываютъ на прямую; впереди всѣхъ виднѣются «Байранъ», съ нимъ борется «Свинка», но напрасно, и ее уже обходитъ «Киръ». Бѣшенно ревeтъ публика подобно стаѣ дикихъ голодныхъ звѣрей, ревeтъ безъ памяти отъ горя и радости и вся поголовно бѣснуется, не исключая и элегантныхъ барынь. Въ этотъ моментъ все забыто на свѣтѣ, аристократъ и демократъ ревутъ въ унисонъ. Глаза спортсменовъ внились въ этихъ трехъ скакуновъ, усиленно бьются сердца, три партіи желаютъ выигрыша своимъ фаворитамъ, съ какимъ-то мучительнымъ воплемъ выкрикиваютъ имена жокеевъ, какъ бы желая имъ пособить обскакать своихъ соперниковъ. Но вотъ и столбъ. Все кончено. «Байранъ» на корпусъ впереди, за нимъ «Киръ», позади на полкорпуса «Свинка» третьей. Раздаются аплодисменты, вызываютъ владѣльца лошади, но тотъ, будучи благоразумнымъ, не является. Жокей «Байрана», уже оплѣшивѣвшій, получивъ часы, идетъ съ ними пе-

редъ публикой и раскланивается. Меньшая половина игроковъ торжествуетъ. Проигравшаяся публика съ ожесточеніемъ набрасывается на выпивку.

Приносятъ извѣщеніе—за «Байрана» платятъ по 39 рублей въ ординарномъ и 26 въ двойномъ. Очевидно онъ даже и не былъ фаворитомъ. Еще сумрачнѣе становятся лица игроковъ.

Опять звонокъ, и снова повторяется та же исторія: суета, давка подлѣ окошекъ, брань и деньги неудержимо текутъ въ пасть всепоглащающаго тотализатора. Отскакавшія лошади смѣняются новыми,—разыгрывается Императорскій призъ. На этотъ разъ первымъ приходитъ всеобщій фаворитъ. Выдаютъ призъ, музыканты играютъ гимнъ и, не дожидаясь «бисъ», повторяютъ его три раза. Начинается неистовый ревъ, вызываютъ владѣльца лошади, и передъ публикой появляется старый, выжившій изъ ума полякъ и раскланивается направо и налѣво, подобно проституткѣ; слѣдомъ за нимъ идетъ тренеръ со шляпою въ рукахъ и держитъ ее въ такомъ положеніи, какъ будто приглашаетъ пожертвовать что нибудь въ пользу стараго комедіанта. Проигравшаяся публика забыла о проигрышѣ и теперь неистовымъ ревомъ выражаетъ свою радость. Всѣ довольны, какой-то ошалѣвшій игрокъ лѣзетъ со всѣми цѣловаться, пьяный артельщикъ выражаетъ, свое удовольствіе тѣмъ, что кувыркается черезъ голову въ пыли, внутри круга.

Затѣмъ слѣдуютъ заѣзды менѣе интересные, четвертый, пятый и т. д. все въ томъ же порядкѣ. Нѣтъ болѣе радужнаго настроенія и только пьяные, которые всегда какими-то судьбами оказываются въ выигрышѣ, торжествуютъ и осаждаютъ буфетъ. Пьяный игрокъ, угадавъ изъ восьми заѣздовъ одинъ или два, особенно послѣдній, считаетъ себя выигравшимъ. Но вотъ и конецъ. Веселые разговоры вначалѣ смѣнились теперь печальными, начались сѣтованія на неудачу.

— Удивительное дѣло,—жалуется одинъ,—все шло хорошо, угадывалъ почти во всѣхъ заѣздахъ и всетаки ухитрился проиграть. Въ первомъ заѣздѣ провалилъ на чистоту, во второмъ своихъ не дополучилъ, въ третьемъ угадалъ — выдача пустая. А потомъ начался заплетаться плетень—и проигралъ.

— Я тоже прозѣвалъ «Байрана», сыграй на него въ ординарномъ, былъ бы въ выигрышѣ.

— Ну, что, не говорила я тебѣ,—не играй,—допекала профанка-жена своего благовѣрнаго.

— Что ты говорила, ты ничего не понимаешь въ этомъ дѣлѣ...

— А ты вотъ и понимаешь, да проигралъ. Вѣдь у тебя дочь невѣста!

— Э, ну тебя, отстань!—отплевывается благовѣрный и глядитъ въ сторону.

— Проигралъ,—уныло произноситъ заядлый спортсменъ.

— Сошелъ съ отмѣтки, хотѣлъ играть на «Кокаду»...

— Это почему же «Кокаду»?

— Лошадь хорошая.

— Вѣрно! Изъ десяти разъ пришла въ первый, и выиграла случайно. Всѣ такъ-то угадываютъ послѣ.

Заядлый спортсменъ умолкаетъ. Къ этой же группѣ подходитъ господинъ въ очкахъ съ листочкомъ бумаги, исписаннымъ именами лошадей.

— Вотъ если бы я игралъ по лотерейкѣ, такъ и выигралъ бы,—говоритъ онъ совершенно серьезно.

— Что за вздоръ!

Господинъ въ очкахъ начинаетъ объяснять, въ чемъ состоитъ лотерея и, дѣйствительно, какъ будто выходитъ такъ, что онъ долженъ былъ выиграть.

396. Женское дѣло въ Европѣ и Америкѣ. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ по женскому вопросу. Составилъ І. Алферовъ.—С.-Петербургъ. 1873 г.—Въ 8 д. л.

Книга очень рѣдкая. При ней приложенъ библіографическій указатель книгъ по женскому вопросу.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 8 рублей.

См. «Каталогъ изданіямъ на русскомъ языкѣ», составленный Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати по 1-е января 1894 г.

397. Женщины-Грѣшницы. Картины, очерки и разсказы изъ бытовой, общественной, публичной и домашней жизни красавицъ. Сочиненіе П. Н. Мокѣева и С. М. Харитонова. Москва. 1882 года.—Въ 8 д. л.

Чрезвычайно любопытная книга, содержащая въ себѣ очерки и разсказы изъ бытовой, общественной, публичной и домашней жизни красавицъ.

Книга по выходѣ въ свѣтъ была изъята изъ продажи, какъ противная нравственности.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

398. Жертва благоговѣнія. Москва, въ типографіи Всеволожскаго, 1812 г. — Въ 4 д., 8 стр.

Помѣщенные въ этой книжкѣ, подъ вышеприведеннымъ названіемъ, стихи были написаны Степаномъ Смирновымъ и посвящены авторомъ бывшему въ то время Московскому военному губернатору графу Ф. В. Ростопчину.

Книги, печатанныя въ типографіи Всеволожскаго, я считаю рѣдкими.

399. Живописное путешествіе отъ Москвы до китайской границы, Андрея Мартынова, совѣтника Академіи художествъ; въ Санктпетербургѣ, печатано въ типографіи Александра Плюшара. 1819 года.—Въ 67 стр. и 30 рисунковъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры со всѣми рисунками составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость

Въ началѣ книги слѣдуетъ краткое предисловіе отъ автора Андрея Мартынова, въ которомъ онъ говоритъ:

«Оставляю господамъ ученымъ и литераторамъ, сопутствовавшимъ россійское посольство въ Китай, сдѣлать подробное оному описаніе. Намѣреніе мое есть единственно пояснить снятые мною виды различныхъ примѣчательныхъ городовъ и урочищъ, встрѣчающихся на пути семъ; бывъ убѣжденъ мыслію, что живопись дѣйствуетъ сильнѣе и пріятнѣе на воображеніе и зрѣніе, когда знаешь исторію и отличительный интерессъ представленнаго кистію предмета».

Въ книгѣ помѣщено краткое описаніе городовъ и рисунки съ нихъ, сдѣланные авторомъ А. Мартыновымъ во время его путешествія въ Китай съ россійскимъ посольствомъ.

Текстъ описанія составленъ слѣдующимъ порядкомъ. Кремль.—Владиміръ на Клязьмѣ.—Владиміръ съ другой стороны.—Нижній-Новгородъ при соединеніи Оки съ Волгою. — Видъ того-жъ съ другой стороны Оки. — Макарьевъ. — Казань. — Пермь.— Екатеринбургъ.— Рѣка Обь.—Томскъ.— Красноярскъ.—Видъ окрестностей Красноярска.— Видъ рѣки Енисея изъ города Красноярска.—Видъ Красноярска съ рѣки.—Три вида Иркутска.—Четыре вида Байкала. — Три вида рѣки Селенги.— Троицко-Савская крѣпость. — Кяхта. — Май-Май-Ченъ. — Два вида — ближнія горы — означающія россійскія границы.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о сей рѣдкой книгѣ, прилагаю изъ послѣдней выписку «Кремль»

«Путешественники, видѣвшіе всѣ столицы въ свѣтѣ, соглашаются единогласно, что нѣтъ ничего прекраснѣе, живописнѣе Кремля, особливо со стороны рѣки Москвы. Высокая, величественная стѣна, окружающая его со всѣхъ сторонъ и служащая лучшимъ, совершеннѣйшимъ памятникомъ въ Европѣ архитектуры XV столѣтія, не только не скрываетъ великолѣпныхъ храмовъ и зданій, воздвигнутыхъ посреди его, но выказываетъ живописное соединеніе зодчества всѣхъ родовъ и земель: Готическаго, Китайскаго, Индѣйскаго, Татарскаго, Италіанскаго, яркую позолоту огромныхъ главъ его и пестроту всѣхъ возможныхъ красокъ – въ какомъ то необыкновенномъ, очаровательномъ видѣ. Кремль, сіе святилище для сердца каждаго Русскаго, соединяющее столько воспоминаній драгоцѣнныхъ и важныхъ — есть также начало основанія Москвы, древней столицы нашей. Нѣкогда Кремлевская гора покрыта была дремучимъ, непроходимымъ боромъ, въ коемъ находилось глубокое болото съ маленькимъ островкомъ по срединѣ; на томъ островѣ стояла низменная хижина, въ коей жилъ пустынникъ по имени Букалъ. На мѣстѣ хижины возвышается нынѣ великолѣпный Дворецъ Россійскихъ Вѣнценосцевъ, а въ рощѣ, въ коей благочестивый отшельникъ возсылалъ теплыя мольбы свои къ Всевышнему, Великій Князь Даніилъ въ 1500 году построилъ храмъ Божій во имя Преображенія Господня, что нынѣ Спасъ на бору, которая и есть первая древность и достопамятность Кремля. Скоро потомъ обнесъ его онъ деревянною стѣною, а не съ большимъ чрезъ 50 лѣтъ послѣ сего Дмитрій Донской положилъ каменное основаніе Кремлю; докончилъ же, увеличилъ его и украсилъ Иванъ Васильевичъ, дѣдъ Царя Ивана Васильевича Грознаго, помощію призванныхъ изъ Италіи архитекторовъ, въ 1488-мъ и слѣдующихъ годахъ.

Слово Кремль, по мнѣнію многихъ историковъ, есть Татарское и значитъ крѣпость, а другіе производятъ его отъ кремней, коими набиты стѣны

его. Кремль составляетъ средину Москвы и омывается съ одной стороны рѣкою Москвою, а съ другой рѣчкою Неглинною. Онъ расположенъ неправильнымъ многоугольникомъ, изъ коего каждый уголъ оканчивается высокою готическою башнею, и, кромѣ стѣны, окруженъ глубокимъ рвомъ. Съ восточной стороны онъ имѣетъ двои вороты: Никольскія и Спасскія; съ западной Троицкія и Боровицкія, а съ юга одни Тайницкія. До изобрѣтенія пороху и пушекъ крѣпость сія могла почитаться неприступною.

Кремль, до перенесенія столицы въ Петербургъ, былъ мѣстомъ присутствія Россійскихъ Монарховъ, достопамятенъ и любезенъ будетъ всякому изъ насъ и потому только, что въ стѣнахъ его родились Алексѣй Михайловичъ и Петръ Великій. Въ древнія времена онъ былъ весьма тѣсно населенъ и служилъ жительствомъ знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ Боярамъ — впослѣдствіи переведены изъ него всѣ частные дома и остались только публичные и казенные.

Примѣчательнѣйшія изъ зданій сихъ и предметовъ суть слѣдующія:

1. *Дворецъ Царскій*, построенный въ 1487 г. при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, архитекторомъ Маркомъ Фрязинымъ. Въ немъ помѣщены Оружейная и Мастерская Палаты, въ коихъ хранятся Царскія Регаліи и прочія рѣдкости, драгоцѣнныя по древности своей и чрезвычайному богатству, какъ-то: Короны, Порфиры, Троны и Оружія Россійскихъ Монарховъ, обложенныя алмазами и крупными жемчугами; Короны побѣжденныхъ Царствъ: Казанскаго, Сибирскаго, Астраханскаго и Крымскаго; золотой ковчегъ, содержащій подлинникъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, и проч. и проч.

2. *Потѣшный Дворецъ*, построенный Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для потѣхъ, подъ коими разумѣлись концерты, комедія и другія увеселенія, представляемыя предъ нимъ иностранцами.

3. *Нынѣшній Императорскій Дворецъ* придѣланъ Елисаветою Петровною къ Гражданской Палатѣ, воздвигнутой при Царѣ Борисѣ Годуновѣ. Сколько важна сія послѣдняя историческими происшествіями, особливо по Красному крыльцу и площади, бывшими національнымъ нашимъ *Forum* и позорищемъ неистовства стрѣльцовъ, мужества и великодушія Матвѣевыхъ и Нарышкиныхъ, столь безподобенъ первый по очаровательнымъ видамъ изъ него представляющимися во всѣ стороны. Обширная безконечная Москва съ высокими колокольнями и спицами подъ ногами вашими, и естьли съ одной стороны живописныя Воробьевы горы, какъ нѣкая исполинская стѣна, дѣлаютъ преграду восхищенному взору; то съ другихъ четырехъ— нѣтъ ему преграды, онъ теряется съ горизонтомъ, теряется въ безконечныхъ мызахъ, разнообразныхъ, великолѣпныхъ, или слѣдуетъ извилинамъ рѣкъ Москвы и Неглинки, или какъ въ зеркалахъ видишь подземную Москву въ свѣтлыхъ Прѣсненскихъ и другихъ многочисленныхъ прудахъ! Отсюда чувствуешь всю прелесть, достоинство и оригинальность безпорядка улицъ и зданій Московскихъ, и именно сею картиною пораженный, въ царствіе Екатерины, одинъ Англинскій Посолъ сказалъ, стоя на Красномъ крыльцѣ:

Voilà le plus bel éloge de votre Souveraine, la preuve que la propriété du pauvre est aussi sûre que celle du riche et de puissant, et que son Gouvernement paternel et protecteur ne fait acception de personne et regarde tous ses sujets comme ses enfans.

Но главное украшеніе сихъ зданій составляетъ *Спасскій Соборъ* за золотою рѣшеткою. Приближаясь къ великолѣпному Храму сему чрезъ Царскіе чертоги, чувствуешь какое то необыкновенное благоговѣніе, трепетъ ни съ чѣмъ несравненный.

4. *Успенскій Соборъ*. Во первыхъ выстроенъ онъ былъ въ 1325 году при княженіи Великаго Князя Іоанна Даниловича Калиты; но по прошествіи 147 лѣтъ Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ за тѣснотою разобранъ и заложенъ на мѣсто его другой въ одинаковомъ видѣ и мѣрѣ съ Владимірскимъ Богородицкимъ Соборомъ, какъ въ ночи Маія 21-го 1474 года, стѣны, возведенныя уже до сводокъ, внезапно разрушились. Послѣ сего Великій Князь приказалъ построить его въ нынѣшнемъ величественномъ образѣ призванному изъ Венеціи Амуролю Аристотелю Болонскому, что и совершено имъ было въ три года. Живописью украшенъ соборъ сей при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1642 году, которая потомъ по повелѣнію Императрицы Екатерины II возобновлена была въ 1773 году. Здѣсь обрѣтаются Мощи Московскихъ Чудотворцевъ Святителей Петра, Іоны, Филиппа, Ѳеогноста, Кипріяна и Ѳотія, и

хранится также Риза Господня. Соборъ сей достопамятенъ замѣчанія еще тѣмъ, что въ немъ короновались всѣ Россійскіе Государи.

5. *Благовѣщенскій Соборъ* начатъ былъ строеніемъ при Державѣ Великаго Князя Василія Дмитріевича въ 1397 году у сѣней двора его. Перестроенъ при Іоаннѣ Васильевичѣ въ 1459 году, а живописью обновляемъ былъ дважды: въ первый разъ при Петрѣ Великомъ, а во второй разъ при Императрицѣ Екатеринѣ II. Соборъ сей украшается 9-ю главами, изъ коихъ на средней крестъ четвероконечной золотой, кровля какъ на главахъ, такъ и на всемъ зданіи, мѣдная, ярко позлащенная. Въ храмѣ семъ находятся четыре придѣла и ризница. Ничто не свидѣтельствуетъ столько о богатствѣ и великолѣпіи предковъ нашихъ, какъ сокровища, оставшіяся въ древнихъ Монастыряхъ и Церквахъ Русскихъ. Ризницу сію можно назвать первоклассною послѣ Сергіевской; но преимущественна она по многимъ вещамъ, принадлежавшимъ Патріархамъ. Протоіереи сего Собора бываютъ по большей части Духовники Императорскіе.

6. *Архангельскій Соборъ* построенъ въ 1333 году Великимъ Княземъ Іоанномъ Даниловичемъ Калитою въ благодарность за избавленіе Москвы отъ голода. Въ 1505 году какъ отъ обвѣтшалости зданіе начало валится, то по повелѣнію Великаго Князя Іоанна Васильевича разобранъ и водвигнутъ на мѣстѣ его нынѣ существующій Храмъ. Внутренность росписана *Алевизомъ*. Въ 1508 году перенесены были сюда гробы съ остатками всѣхъ Великихъ Князей Московскихъ, и съ тѣхъ поръ погребались всѣ Цари Россійскіе. Изъ Императоровъ же почіетъ здѣсь одинъ Петръ II.

7. *Колокольня Ивана Великаго* построена въ 1600 году при Царѣ Борисѣ Годуновѣ, что явствуетъ изъ надписи, находящейся вкругъ главы. Долго колокольня сія почиталась на Руси чудомъ вышины, но нынѣ нѣсколько шпицовъ въ Петербургѣ, также колокольня Кіевская и прочія выше ея; отъ подошвы съ крестомъ (который имѣетъ 2 саж. и 2 арш.) она содержитъ 45 сажень. Посреди; ея висятъ 33 колокола изъ коихъ 4 чрезвычайной величины, а 2 вылиты изъ чистаго серебра.

Въ землѣ близъ Ивана Великаго сохраняется доселѣ величайшій въ свѣтѣ колоколъ, превосходящій даже Пекинскій. Онъ вылитъ въ 1653 году и вѣсилъ 15.000 пудовъ; въ вышину имѣетъ болѣе 3, а въ окружности 7 сажень; стѣны же толщиною въ 2 фута. Желѣзный языкъ его, лежащій подлѣ, также почти въ 3 сажени. Въ него звонили только по чрезвычайнымъ случаямъ, когда, напримѣръ, Царь давалъ аудіенцію новопріѣзжимъ посламъ, во дни Царскаго Тезоимства и проч. Бѣловатый цвѣтъ его приписываютъ тому, что во время плавки металла допускаемы были зрители, которые бросали серебряные рубли.

8. *Огромныя пушки*, сохраняющіяся подъ навѣсомъ, составляютъ также достопамятность Кремля. Одна изъ нихъ удивляетъ своимъ калибромъ: два человѣка могутъ свободно сидѣть въ ней, и если-бъ зарядить ее требуемымъ количествомъ пороха, то выстрѣлъ могъ бы потрясти и разрушить близъ лежащія строенія. Она вылита въ 1694 году. Пушка Царя Ивана Васильевича гораздо уже въ стволѣ, но чрезвычайно длинна. Каждая изъ нихъ носитъ особое имя какъ-то: орелъ, медвѣдь и проч.

9. *Дворецъ Патріаршій*. Въ немъ всего любопытнѣе Библіотека, содержащая въ себѣ великое количество драгоцѣнныхъ рукописей на Греческомъ, Еврейскомъ, Арабскомъ и Славянскомъ языкахъ. Здѣсь сохраняются также одежды Патріарховъ, коихъ богатство превосходитъ сокровища, показываемыя въ *della Santa Casa di Loretto*.

10. Можно замѣтить, что въ Кремлѣ выбита первая Россійская монета въ 1654 году, равномѣрно и напечатана первая книга — Славянская Библія.

11. Въ Кремлевской экспедиціи показывается модель Дворца, которой намѣревалась Императрица Екатерина II воздвигнуть въ Кремлѣ. Строеніе его стоило бы болѣе 50-ти милліоновъ и онъ охватилъ бы весь Кремль, имѣющій три версты въ окружности. Сочиненіе плана задано было всѣмъ знатнѣйшимъ Академіямъ въ Европѣ, но лучшимъ и совершеннѣйшимъ найденъ былъ проэктъ Россійскаго архитектора Баженова, коему поручено было и исполненіе онаго. Основаніе уже начато было, но при утвержденіи берега противъ Архангельскаго Собора, гора Кремлевская оказалась составленною изъ песку, а потому и не выдержала бы столь чрезвычайнаго грузу. Сіе остановило дальнѣйшее производство, но нѣкоторые современные историки утверждаютъ, что сооруженіе сего дворца было единственно политикою Екатерины, дабы поддер-

жать Государственный кредитъ, начинавшій колебаться по случаю чрезвычайныхъ издержекъ, коихъ требовала ведомая Россіею война съ Турціею и Швеціею, и слѣдствіемъ коей былъ выгодный заемъ въ Голландіи. Но естьли-бъ Дворецъ сей совершился, то, вѣроятно, онъ превзошелъ бы величіемъ и великолѣпіемъ всѣ извѣстныя доселѣ зданія древнихъ и новѣйшихъ временъ—превзошелъ бы Соломоновъ Храмъ, Амазисовъ Пропилеумъ и Адріанову Виллу. Онъ былъ бы новымъ чудомъ въ свѣтѣ! Одна модель его стоила въ тогдашнее время 50.000 рублей.

Однимъ словомъ Кремль заключаетъ богатое, новое поле для кисти художника и для пера писателя.

400. Живописная Россія или историко-статистическая панорама Государства Россійскаго. Составлена при содѣйствіи нѣсколькихъ отечественныхъ литераторовъ В. Филимоновымъ. Изданіе книгопродавца А. И. Моргенрота. Санктпетербургъ, въ типографіи Х. Гинцъ. 1837—1838 года.

Это чрезвычайно рѣдкое теперь изданіе выходило выпусками, которыхъ всего вышло шесть, съ 5-ю рисунками въ каждомъ. Рисунки изображаютъ виды городовъ и исполнены въ Парижской литографіи братьевъ Тьерри, кромѣ четырехъ рисунковъ, исполненныхъ въ Петербургѣ, въ литографіи Мошанскаго. Всѣ рисунки исполнены на камнѣ, исключительно французскими рисовальщиками, и помѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Планъ г. Новгорода; 2) Тифлисъ; 3) Казань съ южной стороны; 4) Або; 5) Успенскій соборъ въ Полтавѣ; 6) Петропавловская гавань; 7) Карта Рязанской губерніи; 8) Екатеринбургъ; 9) Казань съ сѣверной стороны; 10) Водопадъ въ Киро въ Финляндіи; 11) Торговая площадь въ Ревелѣ; 12) Камчадалы: 13) Златоустъ уральскій; 14) Верхотурье; 15) Богословскъ; 16) Церковь Василія Блаженнаго въ Москвѣ; 17) Кремль Московскій; 18) Внутренность лачуги чукчей; 19) Иркутскъ; 20) Өеодосія; 21) Харьковъ съ западной стороны; 22) Бахчисарайскій дворецъ; 23) Видъ Инкермана; 24) Планъ г. Казани; 25) Видъ Кіевской лавры; 26) Замокъ Венденъ; 27) Развалины крѣпости въ Якутскѣ; 28) Костюмы Крымскихъ татаръ; 29) Евпаторія; 30) Планъ г. Твери.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія принадлежатъ теперь къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

401. «Живописецъ», — еженедѣльное изданіе 1772 г. Въ С.-Петербургѣ. 2 части.—Въ 8 д. л., ч. 1-я 208 стр., ч. 2-я 209 стр.

Этотъ сатирическій журналъ издавался Н. И. Новиковымъ въ лучшую пору его журнальной дѣятельности; «Живописецъ» имѣлъ большой успѣхъ и выдержалъ шесть изданій, а въ 1864 году — П. А. Ефремовъ напечаталъ седьмое изданіе «Живописца», съ предисловіемъ и портретомъ автора.

См. у Остроглазова «Книжн. рѣдкости» № 79.

402. Живописный Карамзинъ или русская исторія въ картинахъ, издаваемая Андреемъ Прево. 2 части. 1-я, отъ Рюрика до нашествія татаръ—860—1238 г.; часть 2-я, отъ великаго князя Ярослава до кончины Александра I-го въ Таганрогѣ—1238—1825 года. Санктпетербургъ, въ типографіи Х. Гинце и Э. Проца и К°, 1836 года.—Въ 8 д. л., 320 стр. текста и 160 гравированныхъ картинъ.

Н. М. Карамзинъ.

Знаменитый русскій историкъ, род. 1 декабря 1766 г., ум. 22 мая 1826 г. Съ гравированнаго портрета Уткина.

Книга посвящена авторомъ русскому юношеству. Въ предисловіи онъ говоритъ: «вы, юные чита-

тели, слушайте разсказы про старинныхъ богатырей и воиновъ. Читать повѣсти про колдуновъ и волшебниковъ, которые существуютъ только въ книжечкахъ для васъ издаваемыхъ, вмѣсто этихъ басень, этихъ сказокъ, этихъ невѣроятныхъ повѣстей, отъ которыхъ вамъ нѣтъ никакой пользы, — предлагаю вамъ исторію вашего отечества, вашей **милой родины**. Въ картинахъ, подъ названіемъ «дѣтскій Карамзинъ», **вся исторія** нашей родины, представляетъ рядъ достопамятныхъ событій, свидѣтельствующихъ дивные пути Промысла. Колыбель русской славы — въ землѣ славянъ; умственнымъ своимъ просвѣщеніемъ русскіе обязаны свѣту Божественной вѣры. При Владимірѣ и Ярославѣ Россія являлась уже государствомъ могущественнымъ. Въ столицѣ были великолѣпные храмы, чертоги, златыя врата. Въ русской землѣ водворялось правосудіе, возникали училища, сооружались многіе города, но при раздробленіи Россіи на удѣлы, она скоро обезсилѣла отъ раздора и междоусобій. Единодержавіе сохранило цѣлость ея,—раздѣленіе готовило бѣдствіе: ослѣпленные враждою братья шли на братьевъ. Россія утратила благотворную силу единодушія; сдѣлалась добычею враговъ,—и подпала подъ иго татаръ на три вѣка. Чего не перенесли русскіе въ это тяжкое время! Тогда доблестные князья показали примѣръ терпѣнія за вѣру и умирали мучениками, презирая славу земную; въ смиренномъ терпѣніи возвысилась вѣра и сохранила бытіе Россіи». — Въ концѣ заключенія авторъ говоритъ, что: «юные русскіе, живите такъ, чтобъ самые враги Россіи видѣли въ васъ чувства приличныя соотечественникамъ Минина и Пожарскаго, и чтобъ вы всегда могли съ Ломоносовымъ сказать чужеземцамъ:

«Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте
Не намъ подвергнуть, нашъ предѣлъ!
Исчислите у насъ героевъ
Отъ земледѣльца до царя:
Въ поляхъ, въ моряхъ, въ градахъ и селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у святаго алтаря!

Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по роскошному изданію. Купленъ мною экземпляръ «Живописнаго Карамзина» за 12 рублей у букиниста Семенова.

403. Жизнь Амвросія митрополита бѣлокриницкаго. Безъ означенія года и мѣста литографіи.—Въ 8 д. л., 240 стр.

Эта книга—продуктъ изувѣрства и невѣжества раскольниковъ—издана въ защиту бѣлокриницкаго митрополита Амвросія и,—какъ всѣ подобныя сочиненія,—наполнена новыми грубыми выраженіями.

404. Жизнь, анекдоты, военныя и политическія дѣянія россійскаго генерала-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, любимца Петра Великаго и храбраго полководца. Съ описаніемъ всѣхъ важнѣйшихъ и любопытныхъ происшествій, случившихся какъ въ домашней, политической, такъ и въ военной его жизни до самой кончины, съ историческимъ извѣстіемъ о его походахъ, сраженіяхъ и побѣдахъ. Россійское сочиненіе. СПБ., въ мед. типографіи. 1808 года, въ 2-хъ частяхъ, съ портретомъ Шереметева;—Въ 8 д. л., 207 стр.

Автографъ Рафаэля (Сонетъ).

Книга весьма любопытна по своему историческому содержанію и въ настоящее время рѣдка. См. «Матеріалы для библіографіи Якова Березина-Ширяева», стр. 75 (1868 года), сказано— «рѣдка».

405. Жизнь дѣвицы Орлеанской Іоанны Д'Аркъ. Въ Санктпетербургѣ, въ типографіи департамента внѣшней торговли, 1819 годъ.—Въ 16 д. л., 104 стр., съ портретомъ Іоанны Д'Аркъ.

Эта одна изъ рѣдкихъ, маленькихъ, такъ сказать, карманныхъ книжекъ, которая не смотря на свой малый объемъ, заключаютъ въ себѣ, въ удивительно сжатомъ, точномъ и простомъ изложеніи, всѣ рѣдкія дѣянія, одушевленныя любовію къ отечеству, героизмомъ и неустрашимостью къ побѣдамъ, славной изъ дѣвицъ, героини во время несчастной войны, происходившей у французовъ съ англичанами въ царствованіе французскаго короля Карла VI, съ описаніемъ возданныхъ ей почестей и несчастной ея кончины.

Книжка рѣдкая.

406. Жизнь Ефросиніи и Параскевы, изданная полоцкимъ монахомъ Стебельскимъ. Напечатана въ 1781—1782 годахъ, въ Вильнѣ.—Въ 8 д. л., въ 3 частяхъ.

Часть первая содержитъ въ себѣ жизнь означенныхъ инокинь; вторая—хронологическія извѣстія о происшествіяхъ польскихъ вообще и въ особенности полоцкихъ, а третья часть служитъ дополненіемъ къ симъ извѣстіямъ, гдѣ предложена и генеалогія островскихъ князей.

Книга весьма рѣдкая.

См. Списокъ русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи и отечественной палеографіи, собраннымъ и объясненнымъ П. Кеппеномъ, стр. 44.

407. Жизнь знаменитаго астраханца или странныя приключенія Уладира, сына одного богатаго мурзы, извлеченныя изъ его записокъ. 2 части; Москва, въ типографіи Всеволожскаго, 1811 года. — Въ 16 д. л., 1-я часть 201 стр., 2-я часть 124 стр.

Въ каталогѣ Черткова сказано, что всѣ экземпляры этой книги сгорѣли въ 1812 году. Она значится въ рукописи Смирдина подъ № 8785.—Геннади — № 115. — Книга въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость и хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся до 10 рублей.

408. Жизнь и дѣянія Ермака, завоевателя Сибири. Собранныя изъ разныхъ писателей, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ. Москва, въ губернской типографіи у А. Рѣшетникова, 1807 года.—Въ 16 д. л., 2+191 стр.

Книга составлена И. Д. и посвящена храброму казацкому воинству. Какъ извѣстно, въ русскихъ лѣтописяхъ нигдѣ не упоминается, кто былъ Ермакъ, гдѣ и отъ кого родился, и какія были его дѣянія до похода его въ Сибирь. «Но какъ мнѣ—говоритъ авторъ,—удалось въ одной иностранной книгѣ сыскать описаніе его жизни до завоеванія имъ сего обширнаго царства, то я и вознамѣрился представить ее почтеннымъ читателямъ, на отечественномъ языкѣ. Взявъ продолженіе оной изъ достовѣрныхъ россійскихъ историковъ, описавшихъ, какимъ образомъ Ермакъ покорилъ побѣдоноснымъ россійскимъ оружіемъ многіе иноплеменные народы и палъ въ отдаленныхъ странахъ на бранномъ полѣ. Жизнь и дѣянія сего героя заключаютъ въ себѣ много любопытнаго и занимательнаго. Почему и надѣюсь, что россійская публика удостоитъ книгу сію благосклоннаго принятія».

Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія.—Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

409. Жизнь и нравы крысъ. Статья А. Д. Креснна. Москва, въ университетской типографіи, 1857 г.—Въ 8 д., 63 стр.

Оттискъ изъ «Вѣстника Естественныхъ Наукъ 1857 г.» содержитъ въ себѣ много любопытнаго о нравахъ этихъ животныхъ.

Названіе этой брошюрки напоминаетъ любителямъ книжныхъ рѣдкостей о другой брошюркѣ, сочиненной г. Бертоллото и напечатанной въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: «Исторія блохи».

410. Жизнь и подвиги графа М. И. Платова. Сочиненіе Н. Смирновой. Москва. 1821 года, 3 части.—Въ 8 д. л.

Означенная книга съ гравированнымъ портретомъ Платова работы А. Ухтомскаго и съ 4-ю видами сраженій и 5-ю листами изображеній вещей, пожалованныхъ графу Платову; это изданіе въ настоящее время трудно находимо въ книжной торговлѣ, хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся любителями отъ 6 до 10 рублей.

411. Жизнь и похожденія россійскаго Картуша, именуемаго Каина, извѣстнаго мошенника и того ремесла людей сыщика, за раскаяніе въ злодѣйствѣ получившаго отъ казни свободу; но за обращеніе въ прежній промыслъ сосланнаго вѣчно на каторжную работу, прежде въ Рогервикъ, а потомъ въ Сибирь, писанная имъ самимъ при Балтійскомъ портѣ въ 1764 г. Въ Санктпетербургѣ, 1785 года. — Въ 12 д. л., 77 стр.

Разсказъ о жизни Ваньки-Каина и о его разныхъ похожденіяхъ ведется отъ его лица и, какъ видно изъ заглавнаго листа, писанъ Каиномъ при Балтійскомъ портѣ, куда онъ былъ отправленъ «на холодныя воды, отъ Москвы за семь верстъ съ походомъ», этими словами онъ заканчиваетъ исторію своихъ преступныхъ похожденій.—Разсказъ этотъ дышетъ неподдѣльнымъ простонароднымъ юморомъ и изобилуетъ прибаутками, поговорками и присловьями.

См. у Геннади—стр. 91; у Губерти II—46; у Остроглазова—№ 36.

Чтобы дать болѣе опредѣленное понятіе о сей весьма рѣдкой книжкѣ, прилагаю для любителей—«Жизнь Каина» изъ слова въ слово къ читателю.

«Я родился въ 1714 году. Служилъ въ Москвѣ у гостя Петра Дмитріевича г. Филатьева и что до услугъ моихъ принадлежало, то со усердіемъ должность мою отправлялъ, токмо вмѣсто награжденія и милостей, несносные отъ него бои получалъ. Чего ради вздумалъ встать поранѣ и шагнуть отъ двора его подалѣ. Въ одно время, видя его спящаго, отважился тронуть въ той же спальнѣ стоящаго

ларца его, изъ котораго взялъ денегъ столь довольно, чтобъ нести по силѣ моей было полно, а хотя прежде онаго на одну только соль и промышлялъ, а гдѣ увижу медъ, то пальчикомъ лизалъ, и оное дѣлалъ для предковъ, чтобъ не забывалъ. Висящее же на стѣнѣ платье его на себя надѣлъ, и изъ дому тотъ же часъ не мѣшкавъ пошелъ; а болѣе за тѣмъ поторопился, чтобъ отъ сна онъ не пробудился, и не учинилъ бы за то мнѣ зла.

Въ то время товарищъ мой Камчатка дожидался меня у двора. Вышедъ со двора, подписалъ на воротахъ: «пей воду какъ гусь, ѣшь хлѣбъ какъ свинья, а работай чортъ, а не я». Пришедъ къ попу на дворъ (а шелъ не по большой дорогѣ, но по проселочной, то есть, чрезъ заборъ), отперъ въ воротахъ калитку, въ которую взошелъ ко мнѣ товарищъ мой Камчатка. Въ то время усмотрѣлъ насъ лежащій на томъ дворѣ человѣкъ, который въ колоколъ рано звонитъ, то есть, церковый сторожъ, и вскоча спрашивалъ насъ: «что мы за люди и не воры ли самовольно на дворъ взошли?» Тогда товарищъ мой ударилъ его лозой, чѣмъ воду носятъ, «не ужли, ему сказалъ, для всякаго прихожанина ворота хозяйскія отпирать, почему нѣкогда ему будетъ и спать». Потомъ взошли къ попу въ покой, но болѣе ничего у него не нашли, кромѣ попадьи его сарафанъ, да его долгополый кафтанъ, которой я на себя надѣлъ, и со двора обратно съ товарищемъ своимъ пошелъ. Дорогою у рогатокъ, часовые хотя насъ окликали, токмо думаю, что меня попомъ, а товарища моего дьячкомъ признавая, насъ не одержали и мы пришли подъ каменной мостъ, гдѣ воришкамъ былъ погостъ, кои требовали отъ меня денегъ; но я хотя и отговаривался, однако далъ имъ двадцать копѣекъ, на которыя принесли вина, притомъ напоили и меня. Выпивши говорили: «полъ да середъ сами съѣли, печь да полати въ наемъ отдаемъ, а идущимъ по сему мосту тихую милостыню подаемъ (то есть, мошенники) и ты будешь братъ нашего сукна епанча (то есть, такой же воръ); поживи здѣсь въ нашемъ домѣ, въ которомъ всего довольно: наготы и босоты изнавѣшаны шесты, а голоду и холоду анбары стоятъ. Пыль да копоть, притомъ нечего и лопать». Погодя не много, они на черную работу пошли.

Я подъ тѣмъ мостомъ былъ до самаго свѣту, и видя, что долго ихъ нѣту, пошелъ въ городъ Китай, гдѣ попалъ мнѣ на встрѣчу тогожъ дому г. Филатьева человѣкъ и, ничего не говоря, схватя привелъ меня обратно къ помѣщику въ домъ. Въ тожъ время прикованъ былъ на дворѣ медвѣдь, близъ котораго и меня помѣщикъ приковать велѣлъ, гдѣ я два дня не ѣвши прикованный сидѣлъ, ибо помѣщикъ кормить меня не приказалъ. Токмо по счастію моему къ тому медвѣдю дѣвка ходила, котораго кормила, при томъ по просьбѣ моей и ко мнѣ тихонько приносила; между тѣмъ мнѣ сказала, что де и помѣщикъ нашъ обстоитъ въ бѣдѣ: ландмилицкой солдатъ въ гостяхъ въ холодной избѣ, т. е. мертвый брошенъ въ колодезь. Потомъ помѣщикъ мой взялъ меня въ покой къ себѣ и, скинувъ все платье, сѣчь меня приказалъ; тогда я ему сказалъ: «хотя я тебя ночью немножко окравши попугалъ, и то для того, что ты долѣ меня спалъ»; и не дожидаясь болѣе, тотчасъ старую пѣсню запѣлъ: сказалъ слово и дѣло, отъ которой онъ въ немалый ужасъ пришелъ. Въ то время случился при томъ быть полковникъ Иванъ Ивановичъ Пашковъ, который говорилъ ему, чтобъ болѣе меня не стращалъ, а кудабъ подлежитъ отослалъ; при чемъ я ему и еще той же пѣсней подтверждалъ, чтобъ не продолжая времени, въ Стукаловъ монастырь, сирѣчь въ Тайную, гдѣ тихонько говорятъ, отослалъ.

По прошествіи ночи, по утру въ Полицію меня представилъ, гдѣ въ той пѣсни еще голосу я прибавилъ, ибо оная для ночи не вся была допѣта, потому что дожидался свѣта; въ тотъ же часъ драгуны ко мнѣ подбѣжали, и въ тотъ монастырь, куда хотѣлъ, помчали, гдѣ по пріѣздѣ Секретарь меня спрашивалъ: «по которому пункту я за собой сказывалъ?» коему я говорилъ: «что ни пунктовъ, ни фунтовъ, ни вѣсу, ни походу не знаю, а о дѣлѣ моемъ тому скажу, кто на томъ стулѣ сидитъ, на которомъ собачки вырѣзаны» (то есть на судейскихъ креслахъ). За что тотъ секретарь билъ меня той дощечкой, которую на бумагу кладутъ (т. е. линейкой). На другой день по утру, Графъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, пріѣхавъ, приказалъ отвесть меня въ немшоную баню (то есть въ застѣнокъ, гдѣ людей вѣсютъ, сколько кто потянетъ), въ которую самъ взошелъ, гдѣ спрашивалъ меня: «для чего я къ секретарю въ допросъ не пошелъ, и что за собой знаю?» Я, ухватя его ноги руками, сталъ ему говорить: «что помѣщикъ мой подчивалъ ландмилицкихъ солдатъ деревянными кнутами, т. е.

цѣпами, что рожь брожжатъ, изъ которыхъ солдатъ одинъ на землю упалъ. То помѣщикъ мой видя, что оный солдатъ по прежнему ногами не всталъ, дождавшись вечера, завернулъ его въ персидскій коверъ, что соль вѣсютъ (т. е. въ куль), и снесли въ сухой колодезь, въ который ссоръ сыплютъ, а секретарю для того не объявилъ, чтобъ онъ лѣвой рукой къ Филатьеву не написалъ, ибо я въ домѣ у своего помѣщика часто его видалъ». Графъ приказалъ дать мнѣ, для взятья помѣщика, пристойное число конвою, съ которымъ я къ помѣщику своему пріѣхалъ; въ то время тотъ лакей у воротъ меня встрѣтилъ, который, какъ выше объявлено, къ помѣщику меня привелъ, и для того конвойнымъ взять его велѣлъ. «Ты меня, сказалъ я ему, поймалъ у Панскаго ряду днемъ, а я тебя ночью, такъ и долгу на насъ ни на комъ не будетъ». Пришли къ тому колодезю, изъ котораго вытащили того ландмилицкаго солдата мертваго; почему взяли господина Филатьева и привезли въ Стукаловъ монастырь. Графъ спросилъ меня: «былъ ли при томъ убійствѣ господинъ мой?» я сказалъ: «какой на господинѣ мундиръ, такой и на холопѣ одинъ. Сидоръ да Карпъ въ Коломнѣ живетъ, а грѣхъ да бѣда на кого не живетъ, вода чего не поиметъ, а огонь и попа сожжетъ».

Послѣ въ скоромъ времени дано мнѣ было отъ оной Тайной канцеляріи для житья вольное письмо, которое я получа въ Нѣмецкую слободу пошелъ, взошелъ въ кабакъ, усмотрѣлъ товарища своего Камчатку и четырехъ человѣкъ изъ тѣхъ, кои подъ каменнымъ мостомъ, какъ выше сего показано, со мною были, съ которыми я пошелъ къ Яузѣ, что близъ дворца, къ придворному доктору Елвиху. Взошли тайно въ его садъ, сѣли въ бесѣдкѣ, гдѣ усмотрѣлъ насъ того сада сторожъ и, подойдя къ намъ, спросилъ: «что вы за люди, и зачѣмъ въ садъ зашли?» мы сказались господскими людьми. Онъ взошелъ къ намъ въ бесѣдку; а мы схватя его связали и спрашивали: «какъ къ господину его можно взойти въ покой?» Онъ указалъ намъ окно, въ которомъ мы вырѣзали изъ рамокъ стекло: растворя окончину, увидѣли того доктора съ женою подъ тѣмъ окномъ спящихъ; принужденъ я былъ на томъ же окнѣ разуться и влѣзть въ ту спальню; видя ихъ разметавшихся не опрятно, накрылъ одѣяломъ, которое сбито было ими въ ноги. Пошелъ въ другіе покои, взошелъ въ дѣтскую, гдѣ спала дѣвка, которая спросила меня: «за чѣмъ я пришелъ?» Я сказалъ ей: «пришли въ домъ вашъ купцы для пропалыхъ вещей», въ то же время и товарищи мои тогда ко мнѣ вскочили, и ту дѣвку связавъ, положили на ту же кровать, въ средину того доктора и докторши, а сами говорили: «бей во всѣ, колоти во всѣ, и того не забудь, что и въ кашу кладутъ» (чтобъ не оставляя все забрали). Нашли столъ уборный съ посудою серебряною, съ котораго все безъ остатку забрали, и съ тѣмъ обратно въ то же окно вылѣзли. Пошли къ рѣчкѣ Яузѣ, гдѣ для переѣзду ходилъ плотъ, переѣхали на другую сторону той рѣки, но, увидя за собой погоду, то есть погоню, перерубили на томъ плотѣ канатъ, чтобы нельзя было бѣгущимъ насъ перенять. Пришли подъ Даниловъ монастырь и отдали взятую посуду для продажи того монастыря дворнику.

Потомъ собравшись пять человѣкъ: Жаровъ, Кружининъ, Метлинъ, Курмелинъ да я, пошли въ ту же Нѣмецкую слободу къ дворцовому закройщику Рексу, у котораго закрался Жаровъ въ вечеру подъ его кровать; а мы стояли въ его саду. Какъ настала ночь, то тотъ Рексъ и живущіе съ нимъ люди одержимы были сномъ. Тогда мы, взошедъ въ покой, покрали у него тысячи на три, и съ тѣмъ пошли; и нѣсколько отошедъ увидѣли за собою бѣгущаго изъ того Рексова дома человѣка, котораго мы, схватя, привели къ рѣкѣ Яузѣ и связавъ въ имѣющуюся на той рѣкѣ лодку положили, при томъ ему сказали: «ежели онъ станетъ много говорить, то заставимъ его рыбу ловить» сирѣчь утопимъ, и отпихнувъ ту лодку отъ берега, пошли къ Спасу на Новой.

Погодя нѣсколько времени, пришелъ я на Красную Площадь, гдѣ мнѣ попала навстрѣчу вышерѣченная дому господина моего Филатьева дѣвка, которая меня и медвѣдя кормила, и между разговоровъ сказывала мнѣ, что на ея рукахъ имѣются съ деньгами и съ экипажемъ двѣ палаты. Я послѣ онаго на четвертый день пришелъ на дворъ Татищева, который былъ въ рядъ съ помѣщиковымъ, перекинувъ въ огородъ курицу, сталъ у воротъ стучаться; тогда вышелъ Татищева дворникъ, котораго я просилъ, чтобъ онъ впустилъ меня въ огородъ его, для поимки залетѣвшей моей курицы. Почему впущенъ въ тотъ огородъ, гдѣ будучи, высматривалъ у сказанныхъ дѣвкою кладовыхъ

палатъ, въ окнахъ рѣшетку и затворы, которая была стѣною въ тотъ огородъ, чтобъ можно было въ тѣ кладовыя влѣзть, а высмотря пришелъ къ товарищамъ своимъ, которые 5 человѣкъ дожидались меня у Бѣлаго города, близъ Ильинскихъ воротъ. Дождавшись ночи, пришли въ тотъ Татищева огородъ, отломавъ ломомъ желѣзнымъ у кладовой въ окнѣ затворъ, вложа въ рѣшетку небольшое бревно, выломали, и въ то разломанное окно влѣзши, усмотрѣли нѣсколько сундуковъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ тронули обухами и имѣщіяся въ тѣхъ сундукахъ деньги, серебряную посуду и шкатулку, обитую бархатомъ, взяли; а сами говорили: «тябъ да лябъ, клѣтка въ уголъ—сѣлъ и печка», и вышли изъ той кладовой. Въ то же время за нами учинилась мелкая раструска, то есть тревога; а мы бѣжали близъ Бѣлаго города и какъ поровнялись противъ Чернышева двора, предъ которымъ была великая тина, то мы тѣ деньги и пожитки въ ту тину бросили, и оставя, пошли за Москву рѣку, на дворъ къ генералу Шубину. Пришли къ заднимъ его двора воротамъ, стучались у оныхъ, почему вышелъ къ намъ человѣкъ, который по ночамъ въ доску гремитъ, то есть часовой. Мы сказали, что по близости двора ихъ лежитъ пьяный человѣкъ, и какъ онъ отошелъ отъ воротъ, мы, схватя его, заворотили на голову имѣвшійся на немъ тулупъ, завязали, чтобъ не можно было ему кричать. Вошедъ на дворъ, взявъ изъ конюшни лошадей, въ стоящій на томъ дворѣ берлинъ запрягли и поѣхали къ Милютину на фабрику, гдѣ взяли знакомую бабу, посадя ее въ тотъ берлинъ, поѣхали на чистый прудъ къ одному купцу и влѣзли въ его чердакъ, въ которомъ нашли женскій уборъ, нарядили ту бабу, велѣли ей быть барыней и поѣхали къ тому Чернышеву двору, гдѣ брошены были деньги и пожитки. По пріѣздѣ скинули колесо, а нарѣченной барынѣ велѣли изъ того берлина вытти вонъ, и изъ той грязи деньги и пожитки въ тотъ берлинъ переносили. Въ то же время, чтобъ проѣзжающіе мимо насъ люди дознаться не могли, то рѣченная барыня бранила насъ и била по щекамъ, говоря при томъ: «что де вамъ дома смотрѣть было не можно ли, все ли цѣло». И какъ безъ остатку все забрали, надѣли по прежнему колесо, поѣхали, и остановясь противъ Денежнаго двора, вынувъ изъ берлина деньги и пожитки, на томъ мѣстѣ тотъ берлинъ и съ лошадьми оставили, а ту барыню повели подъ руки и пришедъ въ свою квартиру, наградя деньгами, отпустили ее на ту же фабрику обратно, откуда была взята.

А вышепоказанная господина моего дѣвка посажена была въ полицію, гдѣ подъ битьемъ кошками спрашивана, не имѣла ли она для покражи тѣхъ пожитковъ какого подвоху, или съ какими людьми разговоровъ. Однако въ томъ учинила запирательство, почему освобождена обратно. Послѣ помѣщикъ отпустилъ ее на волю и вскорѣ попалась мнѣ она у гостиннаго двора на встрѣчу, и сказала, что она отъ помѣщика своего уволена и вышла замужъ за рейтара Нелидова. Между тѣмъ я зазвалъ ее въ питейный погребъ, гдѣ велѣлъ ей себя подождать, и самъ сходилъ на свою квартиру, взялъ утаенную у своихъ товарищей покраденную у господина моего объявленную шкатулку, въ которой имѣлось нѣсколько алмазныхъ и золотыхъ вещей, принесъ къ ней и при томъ ей сказалъ: «только и ходу изъ воротъ да въ воду» (чтобъ никому не объявляла), и побывъ въ томъ погребу, взяла меня въ свою квартиру. По приходѣ спрашивалъ меня ея мужъ: «какой я человѣкъ», коему я о себѣ объявилъ, что я ни воръ, ни тать, только на ту же стать! и имѣю у себя для жительства данное изъ Тайной канцеляріи письмо, и вынувъ оное изъ кармана, подалъ ему при томъ, чтобъ онъ положилъ его для сбереженія у себя. Какъ уже напился я пьянъ, положенъ былъ спать.

Время стало перваго часа за полночь, вставъ пошелъ изъ ихъ квартиры тихимъ образомъ, чтобъ они слышать и безпокоиться не могли, къ живущему по близости ихъ квартиры шорному мастеру, перелѣзъ въ его огородъ, взошелъ къ нему съ покой, гдѣ поработалъ въ маленькомъ баулѣ денегъ 340 рублевъ, и съ тѣми обратно въ квартиру того же рейтара пришелъ, который говорилъ мнѣ: «для чего я такъ рано и не сказавши ему, съ квартиры его ходилъ?» на что я сказалъ: «наши вислоухи во дворѣ сторожки; а ты будь сытъ грибами, а языкъ держи за зубами». И подошедъ къ прежде бывшей дѣвкѣ, а его женѣ, далъ ей тѣ покраденныя мною деньги въ руки, и при томъ ей говорилъ: «вотъ тебѣ луковка попова! облуплена готова! знай почитай, а умру поминай!» и погодя взялъ малое число денегъ и данное для сбереженія свое письмо, пошелъ въ свою квартиру,

въ которой поживъ нѣсколько времени, взялъ съ собою шесть человѣкъ, пошелъ изъ Москвы на Макарьевскую ярмарку.

Будучи въ дорогѣ, не доходя города Вязниковъ, попалъ намъ на встрѣчу ѣдущій по дорогѣ съ соломою на лошади крестьянинъ, котораго спрашивали мы: «гдѣ того города живетъ Воевода?» Но онъ былъ въ то время сыръ, то есть пьянъ, почему бранить насъ сталъ; мы схватя его съ возу, привязали къ дугѣ, а имѣющуюся на телѣгѣ солому зажгли, отъ чего та лошадь бросилась въ сторону, скакала по полямъ, покамѣсть остались передки, съ которыми и съ тѣмъ привязаннымъ мужикомъ прибѣжала въ свою деревню, гдѣ мы намѣреніе имѣли наступающую ночь переночевать, ибо оно происходило передъ вечеромъ, но боясь чтобъ насъ не узнали, оставя оную, пошли въ другую. Потомъ пришли на Макарьевскую ярмарку, подошли къ Армянскому анбару, гдѣ товары сваливаютъ; я усмотрѣлъ въ томъ анбарѣ тѣхъ армянъ деньги, которыя достать себѣ старались изыскивая способы. И чрезъ скорое время, по утру, вышелъ изъ того анбара хозяинъ и пошелъ для покупки въ мясной рядъ мяса, а мы велѣли одному изъ насъ, какъ будетъ подходить къ гауптвахтѣ, закричать на него караулъ; а какъ взяты они на ту гауптвахту были, мы прибѣжали къ тому анбару, въ которомъ оставленъ былъ его товарищъ, сказали ему о томъ, что онъ взятъ подъ караулъ; почему онъ заперъ тотъ анбаръ, пошелъ на гауптвахту; въ то же время взошедъ мы въ оный, взяли 2 кисы 3 мѣшка съ деньгами, отнесли не подалеку, и зарыли въ песокъ. Я товарищей послалъ въ квартиру, а самъ сходилъ на пристань, купилъ лѣсу и лубья, поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ деньги положены, шалашъ, и взялъ тесемокъ, мошенокъ и прочей мелочи, навѣшалъ въ томъ шалашѣ якобы для торгу; а какъ дождался ночи, то оныя деньги переносилъ къ своимъ товарищамъ, кои уже и бывшаго на гауптвахтѣ освободили, а построенную лавку оставилъ.

По прошествіи нѣкотораго времени пришелъ я на гостинный дворъ, гдѣ увидѣлъ, какъ въ колокольномъ ряду купцы считали копѣйки, и сочтя положили въ лавкѣ, покрывъ цыновкой. Я сѣлъ подъ прилавокъ и, избравши время, вскочилъ въ ту лавку, взялъ изъ подъ той цыновки кулекъ, думая что деньги, но въ немъ положенъ былъ серебряный окладъ. Однако разсудилъ, что хотя вмѣсто денегъ онъ попалъ, токмо и его примутъ въ закладъ. Въ то время сидящая за пряниками женщина, оное увидѣвъ, закричала тѣмъ хозяевамъ, которыми я съ тѣмъ кулькомъ былъ пойманъ и приведенъ въ свѣтлицу, гдѣ тѣ купцы пишутъ, т. е. въ контору. Взяли они у меня паспортъ, и раздѣвъ стали бить желѣзной сутугой, при томъ же наложили на шею монастырскія четки (т. е. стулъ). Я, видя оное, не могъ болѣе сыскать себѣ къ избавкѣ способу, запѣлъ старинную свою пѣсню (т. е. сказалъ: слово и дѣло), по которой отправле́нъ былъ въ Рѣдькину канцелярію.

Какъ товарищъ мой Камчатка свѣдалъ обо мнѣ, что я въ каменномъ мѣшкѣ, то есть въ тюрьмѣ водворяюсь, то взявъ калачей пришелъ ко мнѣ, якобы для подачи милостыни, и давалъ колодникамъ по калачу, а мнѣ подалъ два, и при томъ сказалъ: «Тріока калачъ ѣла, страмыкъ сверлюкъ страктирила», т. е. тутъ ключи въ калачѣ для отпиранія цѣпи. Погодя малое время, послалъ я драгуна купить товару изъ безумнаго ряду, т. е. вина въ кабакѣ. Какъ онъ купилъ, я, выпивъ для смѣлости красоулю, пошелъ въ заходъ, въ которомъ поднялъ доску, отомкнулъ цѣпной замокъ, изъ того заходу ушелъ. Хотя погоня за мной и была, токмо за случившимся тогда кулачнымъ боемъ, отъ той погони я спасся, прибѣжалъ въ Татарскій табунъ, гдѣ усмотрѣлъ Татарскаго мурзу, который въ то время въ своей кибиткѣ крѣпко спалъ, а въ головахъ у него подголовокъ стоялъ; я привязалъ того татарина ногу къ стоящей при его кибиткѣ на арканѣ лошади, ударилъ ту лошадь коломъ, которая онаго татарина потащила во всю прыть; а я, схватя тотъ подголовокъ, который былъ полонъ монетъ, сказалъ: «неужели татарскихъ денегъ на Руси брать не будутъ?» Пришедъ къ товарищамъ своимъ говорилъ: «на одной недѣлѣ четверга четыре, а деревенскій мѣсяцъ съ недѣлей десять» т. е. вездѣ погоня насъ ищетъ. Пошли мы на пристань, переѣхали черезъ Волгу, въ село Лысково, перемѣня на себѣ платье, за тѣмъ, что въ томъ стали насъ много знать.

Въ то же время, не знаемо откуда взялось шесть человѣкъ драгунъ, которые стали насъ ловить. Камчатка побѣжалъ отъ меня прочь, при томъ сказатъ, что онъ увидится со мной на по-

слѣднемъ ночлегѣ, какъ буду ѣхать въ телѣгѣ. Я побѣжалъ чрезъ постоялые дворы на Макарьевскую пристань, гдѣ съ народомъ переѣхавъ, прибѣжалъ въ торговую баню, въ которой раздѣлся, вышелъ на дворъ и усмотрѣлъ, что драгуны около той бани обстали. Я вскочилъ обратно въ баню, связавъ свое платье, бросилъ подъ полокъ, оставя одни только портки, которые взявъ изъ той бани,побѣжалъ на гауптвахту къ караульному офицеру и объявилъ, что не знаемо какими людьми будучи въ банѣ, деньги, платье и притомъ паспортъ у меня украдены. Офицеръ, видя меня нагого, далъ мнѣ солдатскій плащъ и отослалъ въ Рѣдькину канцелярію, а какъ пріѣхалъ полковникъ Рѣдькинъ, то спросилъ какой я человѣкъ? Я о себѣ объявилъ, что я Московскій купецъ, парился въ банѣ, гдѣ платье и нѣсколько денегъ, при томъ же данный мнѣ отъ Московскаго Магистрата поспортъ украли. Онъ приказалъ меня письменно допросить. Какъ сталъ подъячій меня допрашивать, то я ему шепнулъ на ухо: «тебѣ будетъ, другъ, муки фунта съ два съ походомъ, т. е. кафтанъ съ камзоломъ». Послѣ пришелъ тотъ часовой, у котораго прежде я ушелъ, я согнулся дугой, и сталъ какъ другой, будто и не я; почему и не призналъ онъ меня, а Рѣдькинъ на допросѣ не утвердился, приказалъ еще спросить торгующихъ на той ярмаркѣ Московскихъ купцовъ, подлинно ли я купецъ? Чего ради тотъ подъячій для показанія къ тѣмъ купцамъ меня водилъ, и по знакомству торгующій въ питейномъ погребу того подъячаго въ томъ увѣрилъ, что подлинно я Московскій купецъ. Пили у него разные напитки, отъ чего сдѣлались пьяны, и обратно въ канцелярію пошли, объявили о томъ сыщику Рѣдькину, отъ коего приказано было дать мнѣ паспортъ, который я на два года получивъ, пошелъ въ городъ Нижній въ ряды, гдѣ ухватили меня три человѣка драгунъ за воротъ, называя бѣглымъ. Я хотя и отговаривался, и показалъ данный мнѣ изъ канцеляріи сыщика Рѣдькина паспортъ, однако они повели меня къ себѣ. Я не зналъ, какъ отъ нихъ отбыть, усмотря же у одного двора стоявшую съ водой кадку, вырвавшись у нихъ, ступилъ на оную, перескочилъ чрезъ заборъ на тотъ дворъ, а съ того двора въ садъ, прибѣжалъ на Соколъ гору къ Ильинской рѣшеткѣ къ своимъ товарищамъ, говорилъ имъ: «спасибо Петру, что сберегъ сестру», т. е. ушелъ; сѣли въ кибитки, которыя были къ отъѣзду приготовлены, и пріѣхали въ Москву.

По пріѣздѣ пошли въ Нижніе Садовники, взошли въ пустую избу, дождавшись ночи сдѣлали въ той избѣ оконницу. А какъ настало утро, то стали камень о камень тереть, будто что мелемъ. Камчатка посыпалъ голову мукою въ знакъ калашника, высунувъ изъ окошка голову, кликнулъ съ продаваемымъ мясомъ мужика, которое сторговавъ, велѣлъ подавать въ то окошко: мы взявъ ту говядину изъ той избы ушли. А тотъ мужикъ стоялъ подъ тѣмъ окномъ долгое время, ожидалъ за проданное мясо денегъ и усмотрѣвъ, что никого въ той избѣ нѣтъ, разсуждалъ съ прохожими людьми: люди ль то были, или дьяволы съ нимъ говорили и говядины лишили?

Послѣ того спустя нѣсколько времени пришли мы въ греческій монастырь въ келью грека Зефира, который въ то время былъ въ церкви, а въ кельи былъ оставленъ одинъ его работникъ, которому мы сказали, чтобъ онъ несъ въ церковь къ хозяину своему восковыя свѣчи. Работникъ, взявъ нѣсколько, понесъ; а мы, схватя его въ дверяхъ, спрашивали: не укралъ ли онъ тѣ свѣчи, а ежели пошутилъ, чтобъ откинулъ отъ сундуковъ и ключи; и вскоча въ келью, платье и деньги и при томъ два малыхъ пистолета взяли, и пришли близъ убогаго дома, къ жителю суконщику Алексѣю Нагибину, и отдали для сбереженія тѣ пожитки ему. На другой день, бывшая у того хозяина работница взяла тайно украденные нами два пистолета, понесла для продажи на Красную площадь, гдѣ оный грекъ попалъ ей на встрѣчу, признавъ тѣ пистолеты, и подъ видомъ сторговавъ, повелъ ее якобы для отдачи денегъ въ Греческій монастырь, въ которомъ связавъ ее, представилъ въ полицію, гдѣ показала она, что взяла въ домѣ своего хозяина, гдѣ мы имѣли пристань. Для забранія насъ подъ караулъ пріѣхали солдаты. Захватили меня, да товарища моего Жарова, и взявъ съ нами принесенные пожитки привезли въ полицію. По запирательству взяты мы были на очную ставку, гдѣ мы говорили между собою, что «овинъ горитъ, а молотильщики обѣдать просятъ», т. е. чтобъ подарить секретаря и повытчика, и какъ положили меня для битья плетьми, а товарища моего Жарова въ то время вывели на крыльцо, откуда онъ тогда и бѣжалъ. Послѣ того, недѣли три спустя, прислалъ ко мнѣ

товарищъ мой Камчатка старуху, которая пришедъ ко мнѣ говорила: «у Ивана въ лавкѣ, по два гроша лапти», т. е. нельзя-ли изъ подъ караула уйтить. Я сказалъ ей: «чай примѣчай куды чайки летятъ» (т. е. я также какъ и товарищъ время къ побѣгу хочу избрать). Въ оныхъ разговорахъ, вдругъ взятъ я былъ для двуекратнаго пристрастнаго подтвержденія предъ Полицiймейстеромъ, который увѣщевалъ меня, чтобъ во всемъ я принесъ извиненіе. Я сказалъ: «Здѣсь въ полиціи баня дешева, стойка по грошу, лежанка по копѣйкѣ; только чтобъ правому быть», потомъ отведенъ обратно въ тюрьму. Послѣ того, въ скоромъ времени товарищъ мой Камчатка сыскалъ случай подкупить стоявшаго на караулѣ въ той полиціи вахмистра объ отпускѣ рѣченной доказательницы, для паренія въ баню, изъ которой, надѣвъ на себя другое принесенное нарочно платье, бѣжала; послѣ того нечѣмъ было мое дѣло къ окончанію привесть, и въ скоромъ времени освобожденъ я былъ на росписку конной гвардіи рейтара Нелидова.

Послѣ того, спустя нѣсколько времени, собравшись мы человѣкъ съ пять, а именно: Столяръ, Кувай, Легастъ, Жузла да я, пошли на конную площадь, купили лошадей, на которыхъ поѣхали въ городъ Кашинъ и по пріѣздѣ стали въ Ямской слободѣ у старосты, жили въ томъ городѣ болѣе полугода, токмо не учинили ни къ кому похода, т. е., не дѣлали воровства. А изъ того поѣхали ко Фролищевой пустыни. Не доѣзжая оной, попались навстрѣчу намъ цыгане, изъ которыхъ одного сотника ихъ съ кибиткой скрали; отъѣхавши нѣсколько, того цыгана связали, а пожитки его къ себѣ взяли, и, оставя, поѣхали ниже Макарья, что слыветъ Шелковый затонъ, гдѣ ворамъ былъ не малой притонъ. При томъ въ тожъ время плыли по Волгѣ суда, съ которыхъ сшелъ хозяинъ и, оставя тѣ суда, поѣхалъ сухимъ путемъ. Мы ѣхали за нимъ, и видя, что оный остановился на винныхъ заводахъ, поворотя поѣхали къ Макарью для покупки харчу. Ѣхавши усмотрѣли на Макарьевскомъ лугу не знаемо какого званія шесть человѣкъ спящихъ, у коихъ, что было, отобрали, чтобъ впредь такъ крѣпко не спали; взошли на Песошный кабакъ, въ которомъ случилось въ тожъ время быть человѣкъ до 70 и при нихъ атаманъ Михайла Заря, которымъ присовокуплены и мы были къ нимъ въ товарищи. Купили у Макарья ружья и пороху, пошли на тотъ винный заводъ и нѣсколько не дошедъ сѣли на три круга, стали варить кашу, а на заводъ послали огневщика для провѣдыванія, который, по приходѣ, привязанъ былъ къ столбу. Мы ждали часа съ два. Атаманъ послалъ еще есаула Камчатку и при томъ ему приказалъ, чтобъ въ случай его несчастія далъ знать. Есаулъ, по приходѣ на заводъ, говорилъ заводскимъ людямъ: «для чего они безъ резону къ столбу вяжутъ?» Тогда того заводу набольшій, смотря съ галдареи, приказалъ и онаго есаула Камчатку привязать къ тому же столбу.

Есаулъ, то видя, засвисталъ, чтобъ товарищамъ своимъ голосъ подать. Атаманъ, услыша, закричалъ, чтобъ къ ружьямъ скоро бросались и на заводъ метались, тотчасъ ружья и сабли похватали и на тотъ заводъ побѣжали. Атаманъ пошелъ въ солодовой анбаръ, въ которомъ захватили нѣсколько народу и въ томъ анбарѣ заперли. Тогда набольшій стрѣлялъ въ насъ изъ ружей, токмо тѣмъ никакого вреда намъ не учинилъ и напослѣдокъ заперся въ своихъ покояхъ. Мы, схватя отъ воротъ бревно, ударили онымъ въ тѣхъ покояхъ дверь, которую разшибли въ щепы, и взошли въ покой. Тогда случившійся у того набольшаго князекъ задѣлъ по шеѣ нашего огневщика саблей, отъ чего огневщикъ упалъ. Мы тотчасъ князька, схватя, заперли въ заходъ, при томъ ему сказали: «тебѣ послѣ честь будетъ». Атаманъ взошелъ къ набольшему въ покой, и видя у него на кафтанѣ звѣзду, говорилъ ему: «что честь твоя съ тобой, а теперь попалъ въ мои руки, то раздѣлайся со мной, торгъ яма стой прямо! видя яму не вались, а съ ворами не водись, незванъ въ пиръ не ходи», т. е. для чего такъ нечестно поступилъ, и хотя грамотѣ и гораздъ, токмо и опять не думай, чтобъ въ наши руки не попасть, т. е. не далъ бы погони. Взяли у него денегъ безъ счету, а посуды безъ вѣсу, которыя отослали къ лѣсу; потомъ вывели изъ выходу прежняго князька, котораго атаманъ спросилъ, кто онъ подлинно таковъ, и онъ о себѣ объявилъ, что онъ грузинскій знатный князь. Болѣе не мѣшкавъ поѣхали мы Керженскимъ лѣсомъ и, избравъ мѣсто, стояли въ немъ съ мѣсяцъ.

Поѣхали изъ того лѣсу въ село Работки, въ въ которое дня чрезъ три пріѣхали; тогда онаго села управитель спросилъ: какіе мы люди? Мы о себѣ объявили, что «мы Донскіе казаки, а какъ

увидимъ деньги, такъ не подержутъ ихъ никакіе замки»; и болѣе не бывъ изъ того села поѣхали, при томъ спросили бывшаго тутъ калмыка: чьего онъ господина? онъ объявилъ, что генерала Алексѣя Яковлевича Шубина. «Неужели у него, сказали мы, лѣтней одежды нѣтъ, а всегда ходитъ въ шубѣ? почему будутъ къ вамъ портные для шитья лѣтнихъ кафтановъ». И побывъ поѣхали изъ того села и пріѣхали на Оку, на Лосенскій перевозъ, и переѣзжали на паромѣ, гдѣ случился въ тожъ время на томъ паромѣ ѣдущій офицеръ и спрашивалъ насъ: какіе мы люди? А какъ съѣхали съ того парому, атаманъ, предупредя его, остановилъ и говорилъ ему: «ты спрашивалъ насъ на водѣ, а мы спрашиваемъ тебя на землѣ: лучше бы ты въ деревнѣ жилъ, да овины жегъ, а не проѣзжающихъ спрашивалъ!» приказалъ у него отобрать шарфъ, знакъ и шпагу, за что велѣлъ заплатить ему нѣсколько денегъ, и оставя его, поѣхали въ Москву.

По пріѣздѣ, стали на двѣ партіи въ Ямской Переславской, на постоялыхъ дворахъ, и жили болѣе полугода, только всегда спрашивали проѣзжихъ, не скажется ли кто генерала Шубина. Въ одно время сказался намъ одинъ служителемъ того Шубина, и при томъ объявилъ, что оный Шубинъ въ то село ѣздитъ лѣтомъ; почему, дождавшись весны, поѣхали мы къ оному Шубину. Атаманъ отправилъ къ селу Избыльцу меня съ двумя товарищами впередъ, для осмотру къ пріѣзду партіи мѣста, и велѣлъ дожидаться оной. Мы, какъ вышли изъ Москвы, стали подходить къ звѣринцу, отъ коего поворотили въ Лефортову, гдѣ усмотрѣли незнаемаго какого званія двухъ человѣкъ, которые вели женщину, у коей обернута была голова и лицо простынею по самую шею; изъ нихъ одинъ впереди ея шелъ съ мѣшкомъ. Камчатка спросилъ: кого они ведутъ? они сказали: «что ведутъ бабушку на повой», напротивъ чего Камчатка сказалъ: «видно, что въ воду головой», и остановя, сталъ ее смотрѣть; между тѣмъ сдѣлалась ссора. Одинъ изъ нихъ думалъ выхватить ножъ, однако до того не былъ допущенъ. Камчатка ударилъ его гостинцемъ, т. е. кистенемъ, что видя другой его товарищъ, оставя ихъ, бѣжалъ въ лѣсъ; а оставшагося съ тою женщиною взяли, отвезли въ Лефортовъ и отдали у рогатки часовымъ. Женщина показала о себѣ, что она дѣвка дому господина Лихарева, сманена оными людьми; изъ чего видно что они намѣреніе имѣли въ тотъ мѣшокъ ее спрятать, чтобы утопить. Оставя ихъ, пошли мы по Володимірской дорогѣ, къ селу Избыльцу, и по приходѣ, дождались своей артели. Потомъ всѣ въѣхали въ то село къ знакомому мужику, у коего приготовлено было мною, до прибытіи партіи, четыре лодки, на которыхъ мы и отправились водой и пріѣхали въ село Работки, въ которомъ случился въ то время торгъ; только того Шубина въ селѣ тогда не застали: онъ ѣздилъ за охотой. Мы поставили въ управительскомъ и прикащиковомъ дворахъ караулы, взошли въ того Шубина покой, взяли нѣсколько денегъ и пожитковъ, и, взявъ съ собою управителя и прикащика, да прежде рѣченнаго калмыка, сѣли обратно въ лодки и поѣхали, и какъ нѣсколько стали отъ того села въ разстояніи, усмотрѣли за собою погоню, и приказали управителю и прикащику ту погоню остановить; они кричали, чтобъ болѣе погони не чинили, почему тотъ народъ остановился. Потомъ мы управителя, прикащика и калмыка оставили на берегу связанныхъ. Въ тожъ время по обѣимъ сторонамъ Волги была великая тревога, въ селахъ били въ набатъ, причемъ для поимки Рѣдькина каманда была послана за нами. Мы оставили лодки и въ нихъ нѣсколько пожитковъ, а достальные взяли съ собой, и пробираясь лѣсами трое сутокъ, пришли въ городъ Муромъ, стояли въ немъ два дня, а какъ объ насъ знать дано, то мы пришли до объявленнаго села Избыльца, гдѣ наши оставлены были лошади, послали напередъ къ томужъ знакомому мужику спросить о бывшей тревогѣ, и онъ сказалъ, что «для васъ оставленъ въ кабакѣ бургогомистръ и при немъ пять человѣкъ солдатъ». Пришли мы въ тотъ кабакъ, въ которомъ, по приходѣ, закричали: «шасть на кабакъ, дома ли чумакъ, вѣритъ ли на деньги, дастъ ли въ долгъ?» Атаманъ сказалъ: «когда масъ на хасъ, такъ и дульясъ погасъ» (т. е. никто не шевелись). Пили вино и пиво, и, взявъ у объявленнаго мужика своихъ лошадей, поѣхали къ городу Гороховцу. Атаманъ сталъ говорить, чтобъ избрать мѣсто для отдыху, почему пріѣхали въ село Языково, въ которомъ жили въ смирномъ образѣ мѣсяца съ три. Въ томъ же селѣ, на рѣкѣ Сури, стояло торговое Армянское судно, на которое ночью пришли. Того судна хозяинъ палилъ въ насъ изъ ружей, только тѣмъ спасенія никакого себѣ не получилъ. Когда

мы взбѣжали на его судно, то онъ, чтобъ его не нашли, заклался въ товарахъ; однако по указанію его водолива, былъ найденъ, и, по не сыску у него денегъ, которыя онъ думалъ утаить, перевязали его поперекъ тонкой бичевкой, и, ухватя за руки и ноги, бросили въ рѣку Суру, въ которой подержавъ, вытащили обратно на судно, вздули виногоръ (т. е. огонь), хотѣли его сушить; почему, что было у него денегъ и пожитковъ отдалъ, и при томъ нѣсколько товаровъ. Потомъ пошли на село Барятино. Тогда-жъ мы свѣдавъ, что сдѣлалась за нами погоня, пришли къ рѣкѣ Пьяной, гдѣ живутъ мордва и татары, взошли на дворъ къ Татарскому абызу, взялъ у него лошадей, на которыхъ поѣхали къ монастырю Боголюбову, что близъ города Володиміра. По пріѣздѣ, стали на знакомый дворъ, гдѣ жили съ недѣлю, откуда я отъ товарищей своихъ отправленъ былъ въ Москву, для пріисканія квартиры. Я, взявъ съ собою Камчатку, поѣхалъ напередъ; по пріѣздѣ въ Москву, стали въ Кожевникахъ. Камчатка отъ меня пошелъ на парусную фабрику, ибо онъ былъ матросъ; а я пошелъ въ Ямскую Рогожскую къ ямщику, у коего напередъ сего стояли, и жилъ у онаго до осени.

При томъ ходилъ по Москвѣ и провѣдывалъ воровъ и разбойниковъ, гдѣ кто пристанище имѣетъ, потому что въ то время для покупки ружей, пороху и другихъ снарядовъ въ Москвѣ многія партіи пріѣзжаютъ, а какъ о многихъ свѣдалъ, то вздумалъ о себѣ гдѣ надлежитъ объявить, а помянутыхъ воровъ переловить. Идучи по дорогѣ изъ той Рогожской въ городъ, спросилъ идущихъ: кто въ Москвѣ набольшій командиръ; коего искать мнѣ велѣли въ Сенатѣ. Почему я къ Сенату пришелъ, въ который въ тожъ время пріѣхалъ князь Кропоткинъ, коему подалъ я приготовленную мною записку, а въ ней было написано, что я имѣю до Сената нѣкоторое дѣло, и, хотя отъ меня та записка и взята была, однако резолюціи по ней никакой не получилъ; по случаю пришелъ я на дворъ того князя и, остановясь у крыльца, ожидалъ его. Тогда вышелъ изъ покоевъ его адъютантъ, котораго я просилъ о объявленіи о себѣ князю; но адъютантъ столкалъ меня со двора; однако не хотя я такъ оставить, пошелъ по близости того двора къ кабакъ, въ коемъ для смѣлости выпилъ вина и обратно въ тотъ же князя Кропоткина домъ пришелъ. Взошедъ въ сѣни, гдѣ тотъ же адъютантъ попалъ мнѣ на встрѣчу, и я объявилъ за собою важность, почему приведенъ былъ передъ того князя, который спрашивалъ о причинѣ моей важности, и я сказалъ, что я воръ и при томъ знаю другихъ воровъ и разбойниковъ, не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ. Тогда князь приказалъ дать мнѣ чарку водки и въ тотъ же часъ надѣть на меня былъ солдатскій плащъ, въ коемъ отвезли меня въ Сыскной приказъ, изъ котораго, какъ настала ночь, при конвоѣ, для сыску тѣхъ людей отправленъ я былъ.

И въ то время взялъ въ нижеписанныхъ мѣстахъ: во 1) близъ Москворѣцкихъ воротъ въ Зарядьѣ, въ домѣ у протопопа, воровъ: Якова Зуева съ товарищи, всего до 20 человѣкъ. 2) Въ Зарядьѣ жъ, въ домѣ ружейнаго мастера, воровъ: Николая Пиву съ товарищи 15 человѣкъ. Въ 3) близъ пороховаго цейхауза, въ домѣ дьякона, воровъ и мошенниковъ, всего до 45 человѣкъ. Въ 4) за Москвою рѣкою, въ Татарскихъ баняхъ, бѣглыхъ солдатъ 16, и при нихъ ружья и порохъ, которые по приводѣ въ Сыскной приказъ, винились въ намѣреніи для разбою въ Сыромятникахъ надсмотрщика Абрама Худякова. Въ 5) противъ устья рѣки Яузы, на стругу, бурлаковъ 7, и при нихъ воровскіе паспорта. При взятіи же всѣхъ рѣченныхъ воровъ, взяты были ихъ хозяева, у коихъ они квартиры имѣли, женскаго и мужскаго полу всѣхъ до 200 человѣкъ, съ коими и привезенъ былъ обратно въ Сыскной приказъ, о чемъ въ Правительствующій Сенатъ изъ того Сыскнаго приказа представлено обо мнѣ было. Чего ради и я въ тожъ время въ Сенатъ взятъ былъ гдѣ во всѣхъ своихъ преступленіяхъ извиненіе принесъ, въ чемъ тогда былъ прощенъ, и при томъ приказано мнѣ было, чтобъ я старался такихъ людей воровъ впредь сыскивать, и для того сыску данъ мнѣ былъ отъ Сената указъ и опредѣлена была для вспоможенія команда; и при томъ какъ въ Военную, въ Полиціймейстерскую канцелярію и въ Сыскной приказъ, такъ и въ подлежащія команды посланы были для вѣдома и вспоможенія указы.

По вступленіи для сыску, нанялъ я въ Зарядьѣ, близъ Мытнаго двора, для жительства, особливый себѣ домъ, въ которомъ сдѣлалъ, на томъ же дворѣ, въ особливомъ покоѣ биліардъ, зернь и прочія разныя игры. Потомъ взялъ съ Мѣщанской

денежныхъ мастеровъ Якима Холщевникова съ товарищи 17 человѣкъ, при которыхъ деньги воровскія привезены въ Сыскной приказъ.

По разбитіи, отъ Москвы за 40 верстъ, въ Дворцовомъ селѣ старосты, приказано мнѣ отъ Дворцовой канцеляріи было оныхъ сыскивать. И чрезъ малое время взялъ я у Яузскихъ воротъ пьянаго человѣка, у котораго нашелъ 4 фальшивые паспорта и нѣсколько денегъ. А какъ онъ по приводѣ въ мою квартиру проснался, то я спрашивалъ его о тѣхъ паспортахъ, обнадеживая, ежели онъ правду скажетъ, что я ему новые свои паспорты напишу, и что онъ отпущенъ будетъ на волю. Онъ сказалъ, что съ товарищами разбилъ объявленнаго села старосту, гдѣ тѣ паспорты взяли; а о товарищахъ объявилъ, что они жительство имѣютъ близъ Покровскаго монастыря, гдѣ въ то жъ время я взялъ 49 человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ атамановъ: Казамаева и Медвѣдя, и при нихъ нѣсколько денегъ и пожитковъ, представилъ ихъ въ Сыскной приказъ, а того доказателя оставилъ въ своей квартирѣ и послѣ на третій день отпустилъ его за карауломъ, для провѣдыванія другихъ артелей. Тогда онъ бѣжалъ, а показанные воры, по допросу въ Сыскномъ приказѣ, винились во многихъ воровствахъ и смертныхъ убійствахъ; изъ нихъ Савелій Вьюшкинъ показалъ, что онъ бывалъ во многихъ партіяхъ, до 70 разбоевъ, а смертныхъ убійствъ учинилъ сколько числомъ, того по множеству не упомнитъ.

Послѣ того сыскалъ разбойниковъ 72 человѣкъ (и при нихъ атамана Михайлу Бухтѣя), которые винились въ разбитіи Колотскаго монастыря и въ прочихъ многихъ воровствахъ и разбояхъ и въ смертныхъ убійствахъ. Еще взялъ, въ Покровскомъ селѣ, въ баняхъ разбойниковъ 35 человѣкъ, кои винились въ разбитіи Кашинскаго помѣщика Мелистина и въ прочихъ многихъ воровствахъ и разбояхъ. Послѣ того, близъ Василевскаго саду, взялъ фабричнаго Андрея Скоробогатаго, съ товарищи, всѣхъ 17 человѣкъ, въ дѣланіи воровскихъ денегъ и съ тѣми ихъ деньгами. Взялъ въ Тверской Ямской вора, при которомъ взялъ серебряный съ образомъ окладъ; а по допросу онъ винился въ кражѣ въ городѣ Старицѣ церкви. Послѣ того взяты воры: Алексѣй Журка съ товарищи 14 человѣкъ; по приводѣ винились въ кражѣ у секретаря Чубарова и въ другихъ многихъ воровствахъ. Еще взяты воры 17 человѣкъ, которые по приводѣ винились въ кражѣ изъ Сибирскаго приказа казенной рухляди и въ другихъ многихъ воровствахъ, за что изъ нихъ казнены 5 человѣкъ смертію. Послѣ взялъ воровъ 9 человѣкъ въ кражѣ близъ Боровицкаго мосту, на Троицкомъ подворьѣ, изъ церкви окладовъ и ризъ. Послѣ того взялъ воровъ 5 человѣкъ въ кражѣ по подвоху дѣвичьяго монастыря старицы того жъ монастыря изъ кладовой денегъ и другихъ вещей; и старица тогда жъ съ ними бѣжала.

Взялъ въ Ямской Дорогомиловской разбойниковъ 37 человѣкъ, и при нихъ атамана Алексѣя Лукьянова, кои по приводѣ винились въ воровствахъ, разбояхъ и въ смертныхъ убійствахъ. Еще взялъ на Ордынкѣ воровъ Лебедя съ товарищи, всего 7 человѣкъ, которые по приводѣ винились въ кражѣ у маіора Оловянникова и въ другихъ многихъ воровствахъ. Послѣ того взялъ воровъ Замчалку съ товарищи 4 человѣкъ, въ кражѣ у компанейщика Демидова денегъ 5000 рублей. Взялъ вора съ золотымъ позументомъ, который, по приводѣ въ Сыскной приказъ, винился въ побѣгѣ изъ Санктпетербургской полиціи изъ подъ караула и въ кражѣ въ Санктпетербургѣ у купца Милютина изъ лавки; по показанію жъ его, сысканы еще 6 человѣкъ, которые винились въ воровствахъ, разбояхъ и изъ разныхъ мѣстъ изъ подъ караула въ утечкахъ. Взялъ воровъ Пиву съ товарищи, всего 18 человѣкъ, въ кражѣ компанейщика Бабушкина и въ другихъ многихъ воровствахъ. Взялъ мошенниковъ, 40 человѣкъ, которые оговорили еще разныхъ чиновъ людей всего 170 человѣкъ.

Близъ моей квартиры, когда еще я не былъ сыщикомъ, жилъ отставной сержантъ, который имѣлъ у себя дочь; по тому сосѣдству тотъ сержантъ знакомъ мнѣ былъ, я съ дочерью его захотѣлъ жить еще поближе. Между тѣмъ подарилъ ей нѣсколько подарковъ, за что попросилъ у ней нѣчего, токмо онаго отъ нея получить не могъ, кромѣ какъ обходились на однихъ разговорахъ. Она спрашивала у меня: какой я человѣкъ? «Купецъ» я сказалъ ей, «гдѣ что ни увижу то куплю, а ежели увижу дешевое, то и ночь не сплю». По прошествіи же нѣсколько времени, какъ я сдѣлался сыщикомъ, то не оставилъ прежняго своего намѣренія. Свѣдавъ объ ней, что охоту имѣетъ идти замужъ, пришелъ къ ней и говорилъ, чтобъ она

кромѣ меня ни за кого замужъ не ходила, чего она не токмо получить, но и слышать не хотѣла, и мнѣ о томъ думать не велѣла. Не могъ я сыскать болѣе въ томъ способу и научилъ въ Сыскномъ приказѣ содержавшагося въ воровскихъ деньгахъ мастера Андрея Скоробогатаго, при допросѣ его, въ званіи того ихъ воровства оговорить ее. Почему она взята въ тотъ приказъ была, гдѣ, по приводѣ, подъ жестокимъ битьемъ плетьми спрашивана; однако, по правости своей, ничего на себя показать не могла, послѣ чего я къ ней прислалъ женщину сказать: ежели она пойдетъ за меня замужъ, то въ то же время освобождена на волю будетъ. Сказала она той женщинѣ, чтобъ на то вовсе надежды не имѣлъ. А дѣло ея нечѣмъ было разобрать, кромѣ одной пыткой, почему она увѣдомилась, прислала по меня, чему я былъ радъ: тотъ же часъ пришелъ къ ней. Когда услышалъ отъ нея, что уже за меня замужъ идти желаетъ, я просилъ присутствующихъ, чтобъ до дальнаго дѣла ее не доводить, а наказать кнутомъ и выпустить на волю, потому что сколоченная посуда два вѣка живетъ. Что въ скоромъ времени и учинено. Послѣ того я взялъ ее на свою росписку, отдалъ для излѣченія одной просвирнѣ; а какъ пришла въ прежнее здоровье, то пазначенъ день жениться. Пришло уже то время, какъ съ ней для вѣнчанія пошелъ я въ церковь, и, по приходѣ, ожидалъ того прихода священника, который не мѣшкавъ пришелъ, и по признаніи вѣнечной моей памяти, которую я написалъ самъ, фальшивою, изъ церкви обратно въ домъ свой тотъ священникъ вышелъ; а мнѣ, по множеству тогда случившагося въ церкви народа, безъ того выйти было стыдно. Послалъ для сыску идущаго по улицѣ какого нибудь священника, который въ то же время командою моею взятъ и приведенъ въ церковь былъ, и обвѣнчалъ насъ.

На другой день приказано отъ меня было идущихъ мимо моей квартиры купцовъ брать и вести въ мой домъ, которыхъ было въ тотъ день собрано до 40 человѣкъ, и они всѣ стояли на дворѣ моемъ. Велѣлъ я женѣ моей насыпать мѣшокъ гороху, и взявъ ее, къ тѣмъ купцамъ вышелъ, и, каждому насыпавши того гороху на тарелку, подчивалъ ихъ вмѣсто овощей, за что со всякаго нѣсколько денегъ въ подарокъ получилъ. Въ томъ же году на масляницѣ сдѣлалъ близъ Мытнаго двора для катанія гору, которая была украшена елками, болванами и краснымъ сукномъ, и всю недѣлю происходили отъ множества народа всякія забавы. На послѣдній день, собралъ я до 30 человѣкъ комедіантовъ, велѣлъ имъ представить на той горѣ о царѣ Соломонѣ игру, при чемъ были два шута. Между прочимъ у того царя нарочно украдены были деньги, съ коими пойманъ былъ суконщикъ, который мною для того нанятъ былъ, за ту кражу къ наказанію, для чего собрано было до 200 человѣкъ, и поставлены были въ строй и каждому дано было по метлѣ. Раздѣвъ того суконщика, надѣли на него деревенскую шапку, на шею галстукъ, на руки большія рукавицы, къ спинѣ привязали маленькаго медвѣдя и пустили тѣмъ строемъ съ конца до конца той горы, при томъ били въ барабанъ; за маіора правилъ суконщикъ Волкъ, который ѣздилъ на лошади и тѣхъ стоящихъ въ строю принуждалъ. Рѣченный суконщикъ ходилъ взадъ и впередъ шесть разъ, избитъ весь былъ до крови, за что взялъ съ меня одинъ рубль денегъ, да шубу новую.

Торгующій въ епанечномъ ряду, приписной къ Петровскому монастырю, посадской человѣкъ, пришедъ ко мнѣ, просилъ о избавленіи своего сына, который пойманъ былъ того монастыря управителемъ, для отдачи въ рекруты, и чтобъ, не допуская до отдачи, отнять его у того управителя. Я въ тотъ же день къ оному въ домъ пріѣхалъ, сталъ требовать того рекруга, котораго онъ добровольно отдать мнѣ не хотѣлъ, отъ чего тогда въ покояхъ у него пошевелились. Между тѣмъ приказалъ я подать усмотрѣнную мною на дворѣ его съ дегтемъ бочку; посадя управителя на колѣнки, тѣмъ дегтемъ окатилъ, «я и другихъ, сказалъ ему, въ такіе жъ старцы постригалъ, кто также съ нами нечестно поступалъ, простакъ твой архимандритъ, давно надлежало тебѣ старцемъ быть, а теперь рекрута мнѣ отдай, и ежели таковыхъ же ловить будешь, то и впредь меня къ себѣ ожидай». Взявъ его, привезъ къ отцу, отъ котораго получилъ за то нѣсколько денегъ.

Взялъ бѣглаго солдата съ покраденными изъ типографіи печатными паспортами, который винился въ раздачѣ разнаго званія людямъ и въ пріемѣ ихъ отъ одного помѣщика, который по указанію его взятъ былъ, и винился въ дачѣ еще другимъ тремъ стамъ человѣкамъ; а ему даны отъ Сенат-

скаго сторожа, который ихъ изъ той типографіи покралъ.

Послѣ того взялъ я на Устрѣтенкѣ пьянаго бѣглаго матроса, при которомъ нашелъ трутъ, огниво и спицы. По приводѣ, винился, что онъ на праздникъ Святаго Николая въ заутрени, какъ купецъ Горской, взявъ съ собою своего работника изъ дому, пришелъ въ церковь, изъ которой тотъ взятый имъ работникъ обратно не мѣшкавъ вышелъ, а подговоренные имъ работникомъ люди у той церкви его ожидали; взявъ ихъ съ собою, онъ пришелъ въ домъ рѣченнаго Горскаго, случившихся тогда въ домѣ дворовыхъ дѣвокъ, одну бросили въ погребъ, а другую малолѣтнюю убили до смерти, потомъ взяли нѣсколько денегъ и изъ платья, и изъ того дому ушли; о чемъ я въ кабинетъ былъ призванъ, гдѣ г. Черкасовъ мнѣ объявилъ: ежели я оное отыщу, то безъ награжденія оставленъ не буду. По показанію жъ того матроса, сыскано мною сему виновныхъ 20 человѣкъ.

Послѣ того взялъ бѣглаго рекрута, который, по приводѣ, объявилъ о себѣ, что онъ въ рекруты подложно былъ отданъ Бѣжецкимъ помѣщикомъ Милюковымъ, который мною сысканъ и въ Военную коллегію былъ представленъ, гдѣ по производимому слѣдствію, оказался въ отдачѣ другихъ до 300 человѣкъ.

Взялъ бѣглаго суконщика въ господской ливреѣ, который сказалъ, что жительство имѣлъ у гренадера Тѣлесника, у коего по указанію суконщика въ то же время взялъ въ квартирѣ, гдѣ они съ Тѣлеснинымъ жительство имѣли, у капрала Еналина, солдата Руднева и съ ними нѣсколько ихъ товарищей и при нихъ не малое число экипажу; только Тѣлеснина въ квартирѣ не получили, ибо онъ тогда уѣхалъ въ Ярославль. Однако, по объявленію, сысканъ былъ и приведенъ въ Сыскной приказъ. При учиненныхъ имъ допросахъ показали: оный Тѣлеснинъ, обще съ показанными Еналинымъ и Рудневымъ, и съ ними всякаго званія люди, а болѣе изъ суконщиковъ человѣкъ до 15, разбили компанейщика Насырева, у коего взяли денегъ и платья; въ тужъ ночь были у купца Купріянова, у котораго пограбили платье и нѣсколько напитковъ. Послѣ онаго, въ другое время разбили компанейщика Бабушкина, у котораго взяли деньги и нѣсколько пожитковъ, а, по пріѣздѣ въ оны дома, объявили о себѣ посланными изъ Тайной канцеляріи, яко бы для взятья оныхъ купцовъ въ ту канцелярію.

Изъ Санктпетербурга компанейщика Замятина служителя два человѣка покравъ бѣжали въ Москву; изъ нихъ одинъ въ Москвѣ пойманъ былъ и сдержанъ въ Корчемой конторѣ подъ карауломъ, а другой, пришедъ ко мнѣ, просилъ меня, чтобъ я къ свободѣ его сдѣлалъ способъ, за что обѣщалъ дать мнѣ 300 рублей. Я, взявъ съ собою нѣсколько своей команды, въ рѣченную контору пріѣхалъ, гдѣ засталъ подъячаго соннаго, за что его, что онъ будучи въ конторѣ спитъ, попугалъ, сѣкъ плѣтьми. А того содержащагося и съ находящимся въ той конторѣ часовымъ взялъ съ собою, привезъ на Царицынской лугъ, на конную площадь, гдѣ въ кузницѣ имѣющуюся на немъ цѣпь и кандалы велѣлъ сбить и надѣть на того караульнаго солдата и съ тѣмъ его обратно послалъ въ ту корчемную контору, а рѣченнаго Замятина служителя взялъ съ собой, за что обѣщанныя мнѣ деньги съ нихъ получилъ.

Пришелъ я въ питейный домъ, гдѣ усмотрѣлъ Санктпетербургскаго полку съ писаремъ Совѣтовымъ старицу, которые пили напитки; а Совѣтовъ напередъ сего жительство имѣлъ близъ моей квартиры, и по тому знакомству поднесъ мнѣ изъ своихъ напитковъ рюмку и при томъ оговаривался со мной, чтобъ я въ томъ не осудилъ, на что я имъ сказалъ: «чтобъ жили посмирнѣе, а то госпожа монахиня пошла по матери, изъ чего видно, что въ тебѣ будетъ путь». И такъ оставя ихъ, пошелъ изъ погреба вонъ. Послѣ того чрезъ нѣсколько времени попалась та старица встрѣчу въ Преображенскомъ селѣ Страшнаго монастыря конюхамъ, которые, взявъ ее, привели въ Консисторію, гдѣ при допросѣ показала: что она Страшнаго монастыря старица, изъ коего показанный Совѣтовъ ее сманилъ, а отъ Москвы за семь верстъ, въ селѣ Черкизовѣ обвѣнчался. Послѣ допроса, она отослана была къ содержанію подъ началъ въ Вознесенскій монастырь. А онъ Совѣтовъ требованъ былъ въ ту Консисторію для отвѣта, почему, пришедъ ко мнѣ, просилъ меня, чтобъ я въ томъ сдѣлалъ ему способъ, за что обѣщалъ дать мнѣ 100 рублей. Я, не хотя просьбы его оставить, на другой день надѣлъ на себя офицерское платье, взялъ съ собою нѣсколько своей команды солдатъ, и случившагося въ домѣ моемъ

для игры знакомаго сержанта Нагавицына, поѣхалъ къ тому Вознесенскому монастырю, гдѣ отъ пріѣзжихъ господскихъ колясокъ нельзя было для взятья той старицы проѣхать, научилъ того сержанта отъ монастыря тѣ коляски отогнать, которыхъ якобы для пріѣзду въ тотъ монастырь графа П. И. Шувалова отъ воротъ монастырскихъ отогналъ. Взошли мы въ тотъ монастырь, поставя для осторожности въ потаенномъ мѣстѣ команды своей солдатъ, а съ прочими пришелъ я къ игуменьѣ въ келью и говорилъ ей: «госпожа игуменья, что ты долго спишь, а у тебя въ головахъ холстъ, токмо не очень толстъ» (т. е. на подушкахъ спитъ): при томъ объявилъ, что я присланъ для взятья въ Тайную, содержащуюся въ вашемъ монастырѣ старицу Ксенофонтію, кою игуменья взять мнѣ приказала. Тогда я, не мѣшкавъ, оную взялъ и, посадя въ сани, говорилъ при томъ: «полетѣлъ коршунъ за море» (т. е. увезли). Привезъ къ мужу ее въ квартиру, за что обѣщанныя мнѣ деньги съ него я получилъ, и при томъ ему сказалъ: ежели и впредь, въ другой старицѣ будетъ тебѣ нужда, то я служить буду».

Привезена была на Гостиной дворъ въ возахъ рыба, изъ коихъ въ одномъ возу найдена таможенными сторожами бочка съ виномъ, которая взята была подъ караулъ; хозяинъ той рыбы, придя ко мнѣ, просилъ меня, какъ оное вино и съ нимъ его работникъ въ корчемную контору посланы будутъ, тобъ къ отбитію на дорогѣ постарался. Въ то же время послалъ знакомаго солдата и съ нимъ суконщиковъ, называемыхъ Волкъ, Баранъ, Монахъ, Тулья, коимъ приказалъ въ силѣ просьбы означеннаго рыбака сдѣлать, которые предупредя то везенное вино, дожались и какъ съ нимъ ѣхали по Москвѣ рѣкѣ, то забѣжавъ остановили лошадь. Рѣченной солдатъ, ухвативъ показаннаго работника, которой взятъ былъ съ виномъ, за воротъ, говорилъ ему: «ты въ солдаты меня отдалъ, а теперь самъ мнѣ попался»; а суконщики вклепались въ его лошадь, назвавъ ее своею, якобы она у нихъ украдена. Для чего бывшихъ при томъ винѣ караульныхъ перевязали, и посадя въ тѣ сани, гдѣ вино стояло, выпрягли лошадь, и оставя ихъ однихъ уѣхали, за что отъ рѣченнаго хозяина получили плату.

Купца Клѣпикова работникъ сказалъ моей команды Алексѣю Шинкаркѣ, что-де на Москвѣ рѣкѣ близъ Москворѣцкихъ воротъ, въ стругу положено Клѣпиковымъ многое число денегъ, а Шинкарка въ тожъ время объявилъ мнѣ. Я, спустя съ недѣлю, взявъ съ собою четырехъ человѣкъ на тотъ стругъ, пріѣхалъ, вошедъ въ него спросилъ продажной пшеницы, потомъ, схватя случившагося на томъ стругу человѣка, связали, и взошли въ стоящій на ономъ чуланъ, въ которомъ нашли сундукъ, у коего сбили замокъ, взяли изъ него денегъ 1700 рублей, и сами обратно уѣхали.

Кружевнаго ряда купецъ пришедъ ко мнѣ сказалъ, что онъ отправилъ изъ Москвы въ Калугу неявленные товары, которые, будучи въ дорогѣ, на заставѣ, взяты подъ караулъ, и просилъ меня, чтобъ я какъ возможно приложилъ свое стараніе, тѣ товары ему по прежнему возвратить. Въ тотъ же день собравъ я нѣсколько своей команды, на ту заставу пріѣхали, гдѣ по пріѣздѣ имѣющихся на караулѣ солдатъ перевязали; а тѣ, взятые ими товары, взявъ, привезли къ хозяину, за что получилъ я себѣ нѣсколько денегъ.

Нѣкоторое время спустя Кружевнаго ряда купецъ пришедъ ко мнѣ объявилъ, что близъ Нѣмецкой слободы тянутъ заповѣдное серебро и золото. Я взявъ его въ тотъ домъ, гдѣ тѣ мастера жительство имѣли, ночью пріѣхалъ, токмо въ покой зайтить было не можно, ибо двери были заперты. Я приказалъ команды своей называемому Волку влѣзть на чердакъ въ слуховое окно, и какъ онъ полѣзъ, то живущій нѣмецъ услыша, схватилъ его за волосы, и въ той дракѣ откусилъ оному Волку ухо. Мы, взявъ бревно, двери вышибли вонъ, и вбѣжавъ въ покой, забрали тотъ инструментъ, коимъ они дѣлали серебро, и безъ остатка со двора уѣхали. Близъ же того дому жительствовавшій нѣкоторый зажиточный господинъ въ то время случился быть на галдареѣ, и услыша происходящій отъ насъ шумъ, кричалъ своимъ служителямъ; однако въ скоромъ времени они того слышать не могли; мы, схватя его, положили въ сани и изъ той слободы поѣхали; а будучи на Гороховомъ полѣ, одну его ногу разули, и по случившемуся въ то время великому морозу на дорогѣ, подогнувъ онъ подъ себя ногу, сѣлъ; а мы оставя его на томъ мѣстѣ, уѣхали. Тотъ же инструментъ отдалъ я показанному купцу, за который съ него взялъ 300 руб.

Вынулъ близъ Ивановскаго монастыря мѣдныхъ мастеровъ въ дѣланіи воровскихъ денегъ, коихъ представилъ въ Сыскной приказъ, ихъ тогдажъ въ немшоной банѣ взвѣсили, и кто изъ нихъ болѣе потянулъ узнали.

Въ Тройцынъ день съ березкой на Живомъ мосту Москвы рѣки для гулянія было множественное число народа, при чемъ случился быть компанейщикъ Григорій Колосовъ, у котораго изъ партіи моей въ то время пошевелили въ карманѣ на 20,000 руб. протестованныхъ векселей. Когда оный Колосовъ пришедъ ко мнѣ, просилъ меня, чтобы я какъ можно оные векселя постарался отыскать, за что обѣщалъ дать мнѣ плату; я черезъ три дня ихъ сыскалъ, и взявъ ихъ, пришелъ ночью на его Колосова дворъ, взошелъ тайно въ чердакъ, положилъ тѣ векселя въ томъ чердакѣ за прибитую на стѣнѣ картину, и возвратился обратно въ свою квартиру. На другой день рѣченный Колосовъ попался мнѣ на встрѣчу, и спрашивалъ объ оныхъ векселяхъ, и я ему сказалъ, что уже векселя въ его домѣ; почему просилъ онъ меня къ себѣ въ домъ. И какъ пришли, то въ тожъ время случился въ тѣхъ же покояхъ малолѣтной его сынъ, котораго я отозвавъ, шепнулъ на ухо, чтобъ сходилъ въ чердакъ и взялъ за картиною запечатанныя письма; онъ взялъ тѣ векселя, вышедъ къ намъ положилъ на столъ. Что видя тотъ купецъ весьма тому радъ былъ, и благодаря меня, спросилъ: «сколько мнѣ за это денегъ надобно?» Я сказалъ: «возьму, что дадите». Компанейщица внесла мѣшокъ съ деньгами, въ которомъ было 200 рублей и сказала, чтобъ я изъ нихъ за свое стараніе сколько надлежитъ взялъ. Я спросилъ: много ли въ ихъ домѣ всѣхъ людей? она сказала человѣкъ до 16; почему я изъ тѣхъ денегъ на каждаго по рублю отложилъ, а остальные взявъ къ себѣ пошелъ въ свою квартиру.

Купецъ Бабкинъ, пришедъ ко мнѣ, объявилъ, что покрадено у него изъ кладовой денегъ 4.700 р., и просилъ меня, чтобъ я объ отысканіи ихъ постарался. Я свѣдалъ, что они покрадены плотникомъ, который въ домѣ у него въ кладовой дѣлалъ дверь, за то давалъ мнѣ тотъ купецъ Бабкинъ 50 рублей; только я не взялъ, а объявилъ въ Сыскномъ приказѣ, въ который онъ Бабкинъ былъ позванъ, гдѣ поговорилъ съ присутствующими и секретарями посмирнѣе и со мною противъ прежняго получше.

А когда въ Сыскной приказъ вышеописанные воры и разбойники и при нихъ поличное представляемы отъ меня были и то дѣло начато производиться слѣдствіемъ, то по пріемѣ отъ меня изъ того поличнаго большую часть по ночамъ подъячіе промежъ себя дѣлили, а достальное оставляли истцамъ для прилики; и равно, какъ въ оныхъ взятыхъ тѣми подъячими, такъ и въ достальныхъ пожиткахъ, при производимыхъ имъ пыткахъ, чтобъ тѣ истцы дознаться не могли, спрашиваны. По окончаніи слѣдствій, чего въ искѣ не доставало, правили съ тѣхъ людей, гдѣ тѣ воры приставали, или кого они оговаривали; а ежели платить имъ было нечѣмъ, то ссылали оныхъ подалѣе, т. е. на каторгу.

Подъ Дѣвичьемъ монастыремъ, по полуночи въ 5 часу, попалъ мнѣ встрѣчу бѣгущій человѣкъ, котораго я приказалъ поймать. А какъ оный пойманъ былъ, то усмотрѣлъ у него на грудяхъ кровь, почему привелъ его въ свою квартиру, въ которой онъ ночью разбивъ окно, бросился изъ покоя и бѣжалъ, и при томъ сказалъ: «неужли-де мнѣ здѣсь вовсе жить?».

Взялъ я лежащую на улицѣ пьяную женщину *), которая, при взятьѣ мною подъ караулъ, сказывала за собою важное дѣло, а какъ пришла въ трезвое состояніе, то сказала о себѣ, что она купеческая жена, зовутъ ее Ѳедосьей Яковлевой, и знаетъ нѣсколько раскольниковъ, которые сбираются на богомерзкое сборище, о чемъ написала своеручную записку, и запечатавъ отдала мнѣ, которую я взявъ отъ нее, въ тотъ же день къ совѣтнику Тайной Канцеляріи Казаринову принесъ. И какъ оную записку ему подалъ, то онъ распечатавъ усмотрѣлъ, что въ ней было написано, приказалъ взять меня подъ караулъ; токмо я взять себя не далъ, отъ чего мои товарищи пошевелились въ его покояхъ такъ, что и въ окнахъ стеколъ мало осталось. Напослѣдокъ сталъ онъ говорить со мной посмирнѣе, и спрашивалъ: кто ту записку послалъ? Я сказалъ: «что я писать не умѣю, а кто писалъ, тотъ въ домѣ у меня остался». Совѣтникъ не медля, взявъ меня съ собой, поѣхалъ къ генералу

*) Въ жизнеописаніи Каина, изданномъ Комаровымъ, эта продѣлка Каина отнесена къ 1745 году. Въ этомъ году изданъ былъ указъ о ссылкѣ лжеучителей и еретиковъ и для того назначена въ Москвѣ коммиссія (См. полное Собраніе Законовъ т. XII, стр. 507).

Василію Яковлевичу Левашеву, и поговоря съ нимъ послали меня въ домъ. Въ тожъ время ночью прислали ко мнѣ полковника Ушакова, Тайной Канцеляріи секретаря и двухъ офицеровъ, и съ ними 120 человѣкъ команды, которые у воротъ моихъ стали стучаться; а у меня: «на одной недѣли четверга четыре, а деревенской мѣсяцъ съ недѣлей десять». Отъ чего пришелъ въ ужасъ, принужденъ былъ свою команду потревожить, которой при мнѣ было 45 человѣкъ солдатъ, и при нихъ сержантъ, да чернаго народу хорошаго сукна 30. И какъ вороты отперъ, то полковникъ и секретарь взошли ко мнѣ; секретарь, взявъ ту женщину въ особливую коморку, подулъ ей на ухо, и посадя съ собою въ берлинъ, поѣхали на Покровку, гдѣ взяли купца Григорія Сапожникова, отослали въ Стукаловъ монастырь, *) гдѣ поговоря съ нимъ противъ шерсти, въ ту же ночь, по показанію той бабы, домахъ въ 20 поставлены были караулы. А на другой день взяли въ Таганкѣ купца Якова Фролова и сына его малолѣтняго, котораго я взялъ къ себѣ въ домъ, а прочихъ отправили въ тотъ же монастырь; и я спрашивалъ Фролова сына: гдѣ живетъ Андреюшка нѣмой, и съ кѣмъ онъ говоритъ? ибо онъ сказывался нѣмымъ, и онъ объявилъ, что де онъ съ тѣми говоритъ, кто тому сборищу согласенъ, а жительство де онъ имѣетъ за Сухаревой башней въ одномъ домѣ; почему для взятья Андреюшки въ показанной домъ ѣздили, только его не получили; ибо онъ дня за два до онаго уѣхалъ въ Санктпетербургъ, для чего съ прописаніемъ всего ихъ обстоятельства, посланъ былъ изъ Москвы нарочный, которымъ тотъ Андреюшка привезенъ въ немшоную баню, гдѣ его взвѣсили, а сколько по вѣсу въ немъ оказалось, того знать мнѣ было не можно.

Команды моей солдатъ ходилъ по знакомству одного купца къ женѣ его; его купецъ, будучи пьяной, у себя въ домѣ зарѣзалъ. Тогдажъ, прибѣжавъ въ мою квартиру, онаго купца жена объявила объ ономъ; почему я пришелъ къ нимъ, только купца въ домѣ не засталъ, потому что онъ, зарѣзавъ солдата, бѣжалъ, а рѣченной зарѣзанный солдатъ, коего я засталъ еле живымъ, просилъ меня на показанномъ убійцѣ того не искать. Однако по сыску моему, черезъ недѣлю, купецъ приведенъ въ Сыскной приказъ, гдѣ въ немшоной банѣ его взвѣсили, а послѣ, по просьбѣ моей, обратно выпущенъ на волю.

*) Т. е. въ канцелярію.

Полиціймейстерской канцеляріи подьячій Николай Будаевъ просилъ на меня въ увозѣ жены его, почему я призванъ былъ въ Полицію, въ которой г. полиціймейстеръ Татищевъ *) приказалъ отдать меня подъ караулъ. На другой день взялъ меня передъ себя, приказалъ подать кошекъ, чего я испугавшись сказалъ за собой: слово и дѣло, почему отосланъ былъ въ канцелярію **), гдѣ посмирнѣе говорятъ, въ которой учиненные мною послѣ своего раскаянія вышеописанные непорядки въ бытность сыщикомъ графу Александру Ивановичу Шувалову показалъ, отъ чего произведена была коммиссія, а по окончаніи оной, отправленъ я въ Рогервикъ, или Балтійскій Портъ, то есть на холодныя воды, отъ Москвы за семь верстъ съ походомъ, гдѣ и нынѣ нахожусь».

КОНЕЦЪ.

412. Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ. 1738 — 1793 года.— Приложеніе къ „Русской Старинѣ“ 1870 года.—4 тома. 8°—I томъ—1002 стр., съ портретомъ Болотова. II томъ—1120 стр., III томъ—1244 стр., IV томъ—1326 стр.

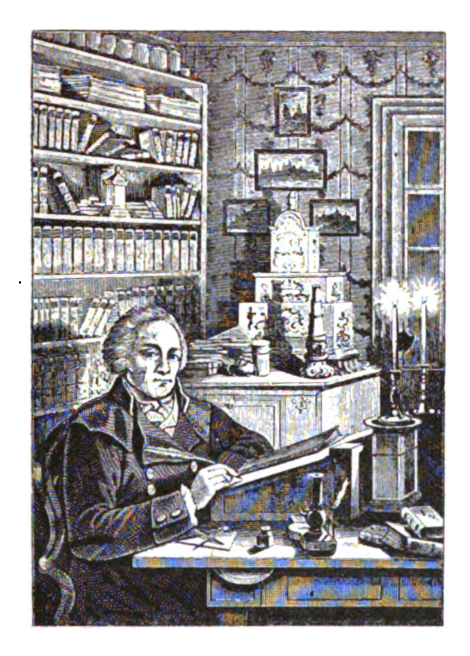
Записки Андрея Тимофеевича Болотова составляютъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній нашей исторической литературы: обнимая внутренній бытъ русскаго общества за все XVIII столѣтіе, а именно съ царствованія Петра Великаго по 1793 годъ включительно, онѣ касаются самыхъ разнообразныхъ его сторонъ.

Приложенія. Къ запискамъ А. Т. Болотова, изд. «Русской Старины», принадлежатъ слѣдующія приложенія: I) Точное изображеніе кабинета А. Т. Болотова и самого его, сидящаго за составленіемъ своего жизнеописанія,—рисунокъ съ натуры, сдѣланный его сыномъ Павломъ Андреевичемъ; гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ. II) Портретъ

*) Алексѣй Даниловичъ былъ генералъ-полиціймейстеромъ съ 1724 по кончину свою въ 1760 году. (См. словарь Бантышъ-Каменскаго СПВ. 1874, т. III, стр. 397).

**) Въ тайную канцелярію, гдѣ главнымъ членомъ былъ Шуваловъ.

А. Т. Болотова (писанъ маслянными красками съ натуры, на шестидесятилѣтнемъ возрастѣ; подлинникъ принадлежитъ правнуку Андрея Тимофѣевича—В. А. Болотову), гравировалъ съ фотографіи Н. Ѳ. Досса—академикъ Л. А. Сѣряковъ. III) Снимокъ двухъ страницъ подлинной рукописи записокъ А. Т. Болотова (т. I, ч. 1, стр. 330—331) и IV) Азбучный указатель личныхъ именъ во всѣхъ четырехъ томахъ записокъ А. Т. Болотова (29 частей).—Составленъ Ж. К. Піотровской, подъ наблюденіемъ Е. П. Карновича.

Болотовъ, Андрей Тимофеевичъ.

Писатель второй половины прошлаго столѣтія, род въ Тульской губ. въ родномъ сельцѣ Двореииновѣ 7 октября 1738 г., умеръ 7-го октября 1833 года 96 лѣтъ.

Съ гравюры Сѣрякова.

Кромѣ того, въ текстѣ четырехъ томовъ «Записокъ» помѣщено 31 рисунокъ (виньетокъ), сдѣланныхъ Павломъ Болотовымъ, по указаніямъ его отца, автора «Записокъ», 2 снимка подписей и 3 плана; грав. акад. Л. А. Сѣряковъ.

Книга цѣнится отъ 8 до 10 рублей.

413. Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Москвѣ и на Волыни. Акты, изданные временною коммиссіею, Высочайше учрежденною при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ, 2 тома. Кіевъ, въ типо-литографіи Вольнера. 1879 года.—Въ листъ. 1-й томъ L+XV+335, томъ 2-й—XI+364 стр, съ рисунками.

Означенное изданіе со снимками съ древнихъ рукописей и съ рисунками. Книга содержитъ въ себѣ любопытные документы, относящіеся до жизни князя Андрея Михайловича Курбскаго и, благодаря важности содержанія, изданіе сдѣлалось рѣдкимъ. Книга начинается съ предисловія, въ которомъ авторъ книги говоритъ, что: «жизнь кн. Курбскаго послѣ его бѣгства изъ Россіи до сихъ поръ оставалась мало извѣстной. Акты, извлеченные изъ литовской метрики, содержатъ отрывочныя свѣдѣнія, изъ которыхъ нельзя составить полной біографіи, а у польскихъ историковъ мы находимъ одни только сбивчивые и запутанные разсказы о бѣгствѣ Курбскаго въ Литву. Въ издаваемыхъ нынѣ матеріалахъ заключаются подробныя свѣдѣнія о характерѣ, жизни и окончательной судьбѣ этого замѣчательнаго лица въ русской исторіи. Мы находимъ здѣсь показанія современныхъ свидѣтелей, видѣвшихъ князя Курбскаго въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ жизни частной и общественной въ Литвѣ, гдѣ слабость законовъ и правительственной власти давали просторъ своеволію. Курбскій могъ свободнѣе выказаться въ своихъ дѣйствіяхъ и потому личность его представляется намъ яснѣе и понятнѣе. Сигизмундъ-Августъ, король польскій, не имѣя ни воинскихъ доблестей, ни сильнаго войска, для того чтобъ бороться съ царемъ Іоанномъ Грознымъ — прибѣгалъ къ неблагородной политикѣ. Онъ разсылалъ свои листы къ знатнѣйшимъ боярамъ московскимъ, склоняя ихъ къ измѣнѣ. Обѣщалъ земли, свою ласку королевскую и привольное житье въ Литвѣ. Король охотно принималъ также способныхъ къ войнѣ дѣтей боярскихъ, которые цѣлыми толпами уходили изъ Московскаго государства, получали земли въ Литвѣ, или служили на жалованьи, пользуясь правами шляхты. Слѣдуя такой политикѣ, Сигизмундъ-Августъ рѣшился вступить въ тайную переписку съ кн. Андр. Курбскимъ, знаменитѣйшимъ изъ воеводъ московскихъ, славнымъ своими недавними побѣдами надъ татарами и нѣмцами».—Какъ историческіе матеріалы, весьма любопытны; они напечатаны съ подлинниковъ со всею точ-

ностью. Изданіе рѣдкое. Цѣнится въ настоящее время отъ 5 до 8 рублей, смотря по степени сохранности.

414. Жизнь кавалера Фоблаза. Сочиненіе Ливета Кувере. Переводъ съ французскаго. 14 частей. 2-е изданіе. Москва. Въ губернской типографіи у Рѣшетникова. 1805 года.—Въ 16 д. л. Каждая часть около 185 стр. съ гравюрами.

На оборотѣ заглавнаго листа сказано:—«съ дозволенія Московскаго гражданскаго губернатора», за тѣмъ слѣдуетъ посвятительное письмо г. бр. Сыну. Въ книгѣ подробно изложена жизнь кавалера Фоблаза и его любовныя похожденія. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 4923. Съ гравюрами считается изданіе рѣдкое. — Купленъ мною экземпляръ со всѣми гравюрами въ хорошемъ видѣ за 14 рублей.

415. Жизнь Николая Николаевича Бантышъ-Каменскаго, съ портретомъ его. Москва, въ типографіи императорской медико-хирургической академіи. 1818 года.—Въ 4 д. л., 79 стр.

Въ этой рѣдкой брошюрѣ помѣщено слово, говоренное іеромонахомъ Никифоромъ при погребеніи Николая Николаевича Бантышъ-Каменскаго 23 января 1814 года.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры біографіи Н. Н. Бантышъ-Каменскаго совсѣмъ не находимы на книжномъ рынкѣ и въ настоящее время довольно рѣдки.

416. Жизнь нѣкотораго мужа и куріозный разговоръ души его при перевозѣ чрезъ рѣку Стиксъ. — Новое изданіе. Санктпетербургъ, 1790 года.— Въ 8 д. л., 48 стр.

Это чрезвычайно любопытная, неизвѣстно когда и кѣмъ составленная книжка была напечатана въ С.-Петербургѣ въ 1790 году, но въ какой типографіи—также неизвѣстно.

Съ 1 по 17 стр. помѣщено «Жизнеописаніе нѣкотораго мужа», а со стр. 17-ой слѣдуютъ «Разговаривающія лица»: Меркурій, Харонъ, Миносъ (судія), улыбающаяся (душа).

Хорошо сохранившіеся экземпляры очень рѣдко попадаются въ книжной торговлѣ.

Купленъ мною экземпляръ за 2 рубля.

417. Жизнь нѣкоего аввакумовскаго скитника въ брынскихъ лѣсахъ жительствовавшаго. Съ дозволенія С.-Петербургской цензуры. Санктпетербургъ, 1790 года.—Въ 16 д. л., 47 стр.

Описываемое здѣсь мною сочиненіе неизвѣстнаго автора было издано въ 1790 году и теперь сдѣлалось библіографическою рѣдкостію. Оно не только не находится въ продажѣ, но даже и очень рѣдкія любительскія библіотеки имѣютъ его у себя. Книга эта безъ особаго заглавнаго листа и содержитъ въ себѣ сатирическіе разсказы объ аввакумовскомъ скитникѣ брынскихъ лѣсовъ.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о сей рѣдкой брошюркѣ, прилагаю при семъ перепечатку ея изъ слова въ слово.

«Прежде, нежели начну я описывать сіи примѣчанія достойныя приключенія въ царствѣ Плутоновомъ, почитаю себѣ за должность предувѣдомить читателя, о комъ я пишу, какихъ свойствъ былъ мой герой, и какимъ припадкомъ оставилъ сей свѣтъ. Не всякой имѣлъ щастіе прогуливаться съ нимъ въ шлюпкѣ по Невѣ, кушать при транезѣ его въ великую пятницу больше, нежели по христіански, дѣлать съ нимъ собственныя примѣчанія на разныхъ духовныхъ писателей, однимъ словомъ не всякой былъ его ученикомъ и слѣдовательно не всякой знаетъ его достоинства.

Онъ родомъ былъ Б. Л., сынъ знатнаго гостя, хотя нѣкоторые и увѣряютъ заподлинно, что родился онъ близъ рѣки Оби въ весьма набожномъ аввакумовскомъ скитѣ между совершенно премудрыми людьми, гдѣ Россійскую грамматику и всѣ возможныя въ свѣтѣ науки, какъ напримѣръ, часть букваря, задніе стихи въ азбукѣ и ариѳметику на тощахъ и прочая выучилъ не безъ глупости.

Пришедши въ совершенный возрастъ, напустилъ онъ на Сентябрскую треть Пролога, и съ такимъ успѣхомъ читалъ самыхъ древнѣйшихъ авторовъ, что изыскалъ напослѣдокъ новыя и непреоборимыя доказательства на осьмиконечный крестъ и на святость бороды.

Разсуждалъ весьма разумно на Макарьевской ярмонкѣ о святости усовъ и бороды, и утверждалъ заподлинно, что голова дана намъ отъ натуры единственно для бороды, а осьмиугольная борода всѣмъ бородамъ начальная борода, и прилагалъ стараніе о созваніи осьмаго вселенскаго собора, чтобъ признать ее за нѣкое буйственное таинство, доказывая, что въ ней наша душа обитаетъ, и каждой волосъ необходимо нужной членъ для жизни человѣческой; однако намѣренія своего въ дѣйство произвесть не могъ: потому что челобитная его о томъ заготовленная къ поданію, куда. слѣдовало, во время буянскаго пожара сгорѣла.

Онъ былъ крайній охотникъ до древностей, чего ради даже до смерти читалъ старинную печать, и улыбался съ радости, когда находилъ такія мѣста, которыхъ разумѣть не могъ. Человѣколюбіе его такъ далеко простиралось, что и самыя большія бороды часто ему удивлялись. Чтожъ касается до его поученія, то однажды сказывалъ онъ другимъ бородамъ превеликолѣпную проповѣдь о сребролюбіи гребцовъ, переѣзжая черезъ рѣку, будучи въ крайней досадѣ, что скорѣе можно содѣлаться всеобщимъ учителемъ, нежели сдѣлать безсребренниками такихъ людей, которые право свое баграми защищаютъ; за что они отъ него и прокляты, яко не милосердые мздоимцы и грабители; напослѣдокъ воздохнувъ, наградилъ ихъ за нѣсколькократный перевозъ единою мѣдницею, и весьма поболѣлъ духомъ, что не обратилъ ихъ проповѣдью своею, и что они промѣняли царство небесное на малый пенязь, который съ него взяли. Таинство натуры такъ было ему извѣстно, что каждаго человѣка узнавалъ по шапкѣ, на которую сторону принадлежать на томъ свѣтѣ онъ будетъ, на одесную или на ошую, при томъ зналъ твердо, въ которой шапкѣ сидитъ и самъ сатана, и отъ которой бѣгаетъ. Онъ былъ крайне набоженъ, и въ великую пятницу ни самъ не ѣлъ, ни учениковъ не кормилъ, повелѣвая питатися словесы его духовныя, и отъ чрезмѣрнаго поста весьма походилъ на образъ благоразумнаго разбойника. Сверхъ того гражданству своему показалъ разные услуги, будучи не малое время и со всѣми домочадцы своими судьею; хотя ненавистники его и утверждали, что въ тогдашнее время городомъ какъ и самимъ имъ правительствовала жена его, будучи женщина умная, потому что была дородная; однакожъ онъ въ томъ никогда не признавался, а сего и довольно кажется мнѣ, чтобъ не вѣрить такимъ вракамъ. Онъ ѣздилъ въ нѣмецкую землю и былъ во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи, однимъ словомъ, онъ былъ вездѣ, выключая только, что не бывалъ никогда въ церкви, до которой на двадцать шаговъ никогда не дохаживалъ. Причины на то имѣлъ онъ весьма важныя, а именно, что образа мученицъ очень прелестны и прочихъ святыхъ не довольно темны пишутся, при томъ ему жъ была особливая нужда въ церковномъ уставѣ, чтобъ сдѣлать нѣкоторыя поправки; а какъ ему въ томъ отказали, то онъ восплакавши горцѣ и взвывъ аки левъ, отшелъ въ аввакумовскій скитъ, откуда три не выходилъ года, опасаясь, чтобъ не соблазниться, и будучи тамо ловцемъ подобныхъ себѣ душъ, а паче отъ коихъ надѣялся получить подъ видомъ вкладу въ скитъ великое богатство, отправлялъ ихъ на тотъ свѣтъ огнемъ, и сидя тамо, псалтирь слѣдованную новаго изданія всю перечернилъ и переправилъ. Онъ былъ весьма краснорѣчивъ, и ничего не разсказывалъ, не зачавши рѣчи своей со времени Царя Давида, или по крайней мѣрѣ отъ Князя Владиміра, и произношеніе имѣлъ важное и увѣрительное, а при каждомъ словѣ послѣдовала небольшая усмѣшка, наполненная духа премудрости, однимъ словомъ онъ такъ былъ краснорѣчивъ, что во всю свою похвальную жизнь ни одного человѣка не нашелъ, которой бы столько могъ слушать, сколько онъ могъ говорить, и сіе приписываемо имъ было недостатку разума слушателей, которые такъ нетерпѣливы были, что думали, будто толь важную матерію, какъ напримѣръ буянской пожаръ, въ девятеры сутки переговорить, изъяснить и повторить было можно. Что до образа его касается, съ котораго недавно въ Брынскѣ списокъ явился, оной былъ весьма миловиденъ, и похвальная привычка улыбаться при всякомъ словѣ дѣлала его тѣмъ пріятнѣйшимъ; усы онъ имѣлъ весьма умильные, а именно смѣсь изъ гусарскихъ и калмыцкихъ, чрезъ что доказывалась храбрость его въ духовныхъ преніяхъ: на правой сторонѣ лежали весьма нѣжно двѣнадцать волосъ къ волосу, на лѣвой сторонѣ двадцать четыре отборныхъ, въ знакъ премудрости, и такъ все было на немъ въ пропорціи. Кафтанъ всегда носилъ коришневаго цвѣта въ знакъ смиренномудрія, о которомъ заподлинно увѣрялъ онъ, что сдѣланъ былъ оной изъ того сукна, которое

коню Князя Рюрика въ походъ его противъ невѣрныхъ Агарянъ попоною служило, и отъ части для древности, а отъ части толь важныхъ заслугъ почиталъ его защитою отъ всѣхъ соблазновъ и демонскаго навожденія. Рубахи носилъ онъ красныя или зеленыя, и въ вороту запонку, которая древностію Кремлю городу не уступала, и въ которой вдѣлана была весьма искусно часть ногтя Протопопа Аввакума съ указательнаго его перста. Къ друзьямъ своимъ былъ крайне снисходителенъ, и встрѣчая ихъ или увидя, гдѣ прилучалося, дѣлалъ всегда такую позитуру, какую дѣлаютъ обыкновенно подобные ему, и показывая руками трехъ аршинную мѣру какой нибудь вещи, лобызалъ онъ ихъ, отирая прежде троекратно усы свои; потомъ сажалъ на скамейку и разсказывалъ про убытки свои также и о буянскомъ пожарѣ, про Бориса и Глѣба, и про Княгиню Елену. Послѣ того увѣщевалъ не пить кофею, огребатися отъ табаку и отъ чтенія Пращицы, въ заключеніе всего стучалъ онъ указательнымъ перстомъ въ грудь и проклиналъ Масоновъ, а потомъ отпущалъ отъ себя всѣхъ въ здравіи и душевномъ спасеніи безъ пашпорта.

Теперь осталось упомянуть о кончинѣ его, которая приключилась ему единственно отъ того, чего онъ чрезъ мѣру боялся, а именно одинъ изъ учениковъ любимецъ и наперсникъ его, о которомъ онъ не сомнѣвался, чтобъ не былъ уже у самыхъ вратъ сада Едемскаго, котораго онъ намѣреніе имѣлъ, отведши въ скитъ, принести въ жертву на алтарѣ Аввакумовѣ въ прославленіе своего имени, и которой былъ ему во всемъ послушенъ, то есть вздыхалъ очень набожно при ученіяхъ его, ругалъ соединенными съ нимъ силами красныя компаніи и проклиналъ Масоновъ, отсылая ихъ безъ допросу во адъ, въ жилище уготованное имъ, сей тридцатилѣтній юноша, убоясь, чтобъ онъ не наказалъ его тридневною проповѣдью и не наградилъ бы десятаго вѣка книгами, отлучился отъ него на нѣсколько времени; а онъ сожалѣя по немъ и прогуливаяся однажды на трехъ-футовой лошадкѣ, заѣхалъ къ одному изъ своихъ знакомцевъ, которому о буянскомъ пожарѣ цѣлыя уже сутки не повторялъ, гдѣ по нещастію или неминуемою судьбою нашелъ и ученика своего тридцатилѣтняго юношу, которой сидя съ хозяиномъ за столомъ, пилъ кофей и курилъ табакъ. Увидѣвъ сіе беззаконіе, воздохнулъ тяжко, и горцѣ рыдая, ударилъ лѣвою ногою объ полъ, а рукою правою себя въ чело; потомъ возстеналъ и просилъ предстоявшихъ, чтобъ вывели его изъ Содома и Гомора сего, дабы не погибнуть со беззаконными. На послѣдокъ изнемогши отъ той печали, приказалъ положить себя подъ образа, повелѣвая прежде снять со стѣны одинъ образъ, который на доскѣ написанъ былъ, и помолчавъ нѣсколько, закричалъ: «изыдите демони, елицы оглашеніи изыдите»; и началъ спрашивать спокойнымъ духомъ, гдѣ Сатана соблазнившій юношу; потомъ обратя очи свои къ юношѣ, изрекъ: «безумный, недостойный моего попеченія, упивайся желчи адскои!» и просилъ предстоящихъ, чтобъ бросили его въ геену. Сіи примѣчанія достойныя слова были послѣднія его жизни; ибо онъ вскорѣ скончался. А хотя въ мѣсяцословъ ихъ еще и не внесенъ, однако никто не сумнѣвается, чтобъ не принятъ онъ былъ на томъ свѣтѣ по его достоинству; ибо при послѣднемъ его издыханіи начали усы его подниматься и опускаться, перебираясь волосъ за волосомъ, въ подобіе класовъ на изобильной жатвѣ. О чудѣ семъ немедленно посланъ былъ чрезъ нарочныхъ въ аввакумовскій скитъ рапортъ, гдѣ собралось семь сотъ бородъ разныхъ лицъ и три ста старухъ богомольнаго совѣта, и разсуждали послѣ панихиды, что усы шевелилися.

Бороды утверждали, что усы шевелилися отъ того, что чрезъ нихъ выносили Ангелы душу преставльшагося; а старухи тайнаго совѣта настояли единогласно въ томъ, что усы, какъ по рапорту присланному значится, поднимались и опускались единственно отъ того, что кланялись и прощались они съ бородою прикащика его, которой до самаго послѣдняго воздыханія при немъ предстоялъ. Сіе послѣднее мнѣніе одержало побѣду надъ первымъ, и записано дѣйствіе сіе сурикомъ въ книгу чудесъ тамошнихъ угодниковъ.

Чудеса мужа сего смертію его не пресѣклися; ибо отецъ Тарасій оракулъ Брынской и Абрамко кавалеръ святаго козыря пишутъ въ Крестецкой ямъ къ старухѣ Савельевнѣ, которая тамъ въ священномъ погребѣ двадцать восемь лѣтъ службу отправляетъ, что они видѣли въ прозорливости своей видѣніе сіе. Явились де намъ два юноши въ смурыхъ кафтанахъ и портахъ съ волосами остриженными по христіански, а за плечами видны были у нихъ святые козыри. Они отправляли намъ челобитье отъ покойника, и увѣряли насъ, что

почести его и блаженства, какія онъ на томъ имѣетъ свѣтѣ, публикуются вскорѣ отъ извѣстнаго ученика его, которыя тебѣ, бабушка Савельевна, сообщены будутъ. Впрочемъ прося для всей братіи благословенія твоего, остаемся молитвенники твои Тарасій и Абрамко Брынскій.

Еще нѣкто видѣвый во снѣ пишетъ въ тожъ самое время, что явился во снѣ нѣкоей бородѣ, бывшей болѣе куста, блаженный сей мужъ въ красной рубахѣ, въ порткахъ и въ чорныхъ тупоносыхъ босовикахъ. Кафтанъ его обыкновенно былъ не подпоясанъ, а въ рукахъ держалъ житіе протопопа Аввакума, книгу, толщиною по крайней мѣрѣ въ 8 вершковъ, которою такъ меня рѣзнулъ по головѣ, что я отъ удара сего конечно бъ упалъ, ежелибъ не лежалъ на постелѣ. Юноша неблагодарный! вскричалъ онъ, я прощаю тебѣ смерть мою, выключая, что за кулекъ книгъ долженъ ты заплатить мнѣ немедленно; а въ благодарность за благоутробіе мое опиши жизнь мою въ мірѣ семъ, также и то, что происходило со мною на вышнемъ свѣтѣ: я пошлю къ тебѣ невидимаго духа благовѣстника, которой подастъ тебѣ довольно силъ къ произведенію въ дѣйство сего важнаго предпріятія. Одинъ списокъ пошли къ отцу Тарасію, другой къ старухѣ Савельевнѣ въ Крестецкой ямъ для утвержденія ихъ въ православіи, а третій отошли въ Петербургъ въ биржевыя артели и на Охту для истребленія зловредныхъ мнѣній изъ Россійскаго юношества. Выговоря сіе, показалъ мнѣ руками трехъ аршинную мѣру сажени и обнявъ, велѣлъ поцѣловать себя въ священную запонку, и невидимъ быть. Я проснулся, и схватя перо трепещущими руками, началъ писать по вдохновенію духа благовѣстника, прославляя чудеса угодника».

418. Жизнь принцессы Анны, правительницы Россіи. Иждивеніемъ П. Я. Москва, въ типографіи С. Селивановскаго. 1814 года.—Въ 16 д. л., 42 стр.

Въ этой весьма рѣдкой брошюрѣ помѣщено краткое описаніе жизни принцессы Анны, правительницы Россіи, составленное Павломъ Яковлевымъ по официальнымъ документамъ. Въ началѣ книжки слѣдуетъ посвященіе отъ автора князю Дмитрію Ивановичу Лобанову-Ростовскому, при слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Сіятельнѣйшій князь, милостивой государь! Благодѣянія вашего сіятельства обязываютъ меня вѣчною признательностію. Снисхожденіе ваше даетъ мнѣ смѣлость посвятить имени вашему труды мои. Они ничтожны,—но искренно приношеніе оныхъ.

Примите, сіятельнѣйшій князь! сію малую жертву сердца, исполненнаго признательности: одобреніе ваше—вотъ все, что она желаетъ! Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть вашего сіятельства покорный слуга Павелъ Яковлевъ».

Затѣмъ слѣдуетъ поименованіе XXIII главъ.

См. «Каталогъ книгамъ, брошюрамъ и журнальнымъ статьямъ библіотеки С. Н. Шубинскаго», за № 146, гдѣ г. Шубинскій говоритъ, что эту рѣдчайшую книжку онъ пріобрѣлъ только послѣ шестилѣтнихъ исканій.

Поэтому «Жизнь принцессы Анны» П. Яковлева составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость и слѣдовательно для большинства любителей книга недоступна; между тѣмъ она по своему историческому содержанію весьма любопытна, почему я считаю не лишнимъ привести ее здѣсь полностію, съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

Его Сіятельству

Генералу отъ Инфантеріи, Государственнаго Совѣта Члену, и орденовъ: Св. Апостола Андрея, Св. Александра Невскаго, Св. Владиміра I степени большаго креста, Св. Анны I класса и Св. Великомученика и побѣдоносца Георгія 3 класса кавалеру,

Князю

Дмитрію Ивановичу

Лобанову - Ростовскому.

Сіятельнѣйшій Князь,

Милостивой Государь!

Благодѣянія Вашего Сіятельства обязываютъ меня вѣчною признательностію, а снисхожденіе Ваше даетъ мнѣ смѣлость посвятить Имяни Вашему труды мои. Они ничтожны — но искренно приношеніе оныхъ.

Примите, Сіятельнѣйшій Князь! сію малую жертву сердца, исполненнаго признательности: одобреніе Ваше—вотъ все, чего она желаетъ! Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Вашего Сіятельства

Милостиваго государя покорнѣйшій слуга

Павелъ Яковлевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЖИЗНЬ
ПРИНЦЕССЫ АННЫ,
ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ РОССІИ.

I.

Ея рожденіе. Прибытіе въ Санктпетербургъ.

Принцесса Анна родилась 1718 года декабря 7 дня въ Ростокѣ. Она произошла изъ дому Мекленбургъ-Шверинскаго и при крещеніи названа Елизаветою - Екатериною - Христиною. — Мать ея, родная сестра Императрицы Анны Іоанновны, желая удалиться изъ Мекленбурга, гдѣ начинался мятежъ, рѣшилась ѣхать въ Россію, взявъ съ собою четырехлѣтнюю дочь свою и въ 1722 году она и прибыла въ Петербургъ *).

II.

Принцесса Анна принимаетъ вѣру Греческаго исповѣданія. Переговоры съ Прусскимъ дворомъ.

Не смотря на ограниченіе правъ Царевны Елизаветы Петровны, Императрица Анна опасалась ее, — и не хотѣла сдѣлать своею наслѣдницею. Дабы произвесть намѣренія свои въ дѣйство, она обратила вниманіе на племянницу свою; наставила ее въ Греческомъ законѣ, и при крещеніи назвала своимъ именемъ: *Анною*. Не смотря, что сей Принцессѣ было не болѣе 15 лѣтъ, Императрица хотѣла назначить ей жениха. — Прусской дворъ согласился съ ея намѣреніемъ и представилъ ей, въ женихи молодой Принцессѣ, Маркграфа Карла. Все шло успѣшно, но Фельдмаршалъ Секендорфъ, Австрійскій посланникъ въ Берлинѣ, узнавъ о переговорахъ двухъ дворовъ, старался разстроить оные, а между тѣмъ далъ знать объ этомъ Вѣнскому двору, который и предложилъ Антона - Ульриха Принца Браунштейгъ-Волфенбительскаго, племянника Императрицы Маріи Терезіи. Предложеніе

---

*) Мать принцессы Анны, Екатерина, и Императрица Анна были родныя племянницы Петра Великаго и дочери Царя Іоанна Алексѣевича брата его; первая выдана была за Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго Карла-Леопольда, вторая за Герцога Курляндскаго, Фридриха-Вильгельма.

было принято, и Антонъ-Ульрихъ 1733 года былъ призванъ въ Петербургъ, съ чиномъ Полковника Кирасирскаго полку.

III.

Бракосочетаніе Принцессы Анны съ Принцомъ Антономъ-Ульрихомъ. Открытіе заговора противъ нихъ.

1739 года іюля 3 дня совершено бракосочетаніе Принца Антона-Ульриха съ Принцессою Анною. Это обстоятельство огорчило Елизавету и отняло у нее послѣднюю надежду достигнуть когда-либо Россійскаго престола, а Вельможи смотрѣли съ неудовольствіемъ на планы Императрицы, и предчувствуя свое униженіе при перевѣсѣ Нѣмецкой партіи, рѣшились, во время путешествія Государыни въ Москву, произвесть переворотъ въ правленіи, и Императрицею сдѣлать Принцессу Елизавету.—Но заговоръ былъ открытъ, и зачинщики онаго Князья Долгоруковы были казнены.

IV.

Рожденіе Принца Іоанна.

20 августа 1740 года, Принцесса Анна разрѣшилась отъ бремени Принцомъ Іоанномъ.—Императрица чрезмѣрно была рада рожденію своего внука: назвала его своимъ сыномъ, взяла отъ родителей, перевезла во дворецъ, и назначила ему комнаты возлѣ своихъ.

V.

Принцъ Іоаннъ объявленъ наслѣдникомъ престола.

Чрезъ два мѣсяца по рожденіи Іоанна, Императрица опасно занемогла. Приближенные къ ней давно убѣждали ее заблаговременно назначить наслѣдника, но она всегда отвѣтствовала: *это не уйдетъ!* наконецъ чувствуя приближающійся конецъ дней своихъ,—она объявила пришедшимъ къ ней Министрамъ Принцессу Анну наслѣдницей престола. Но Биронъ представилъ ей, что Принцесса, будучи Нѣмкою, не можетъ быть любима народомъ; что наслѣдникъ престола мужескаго колѣна подвергнется чрезъ сіе опасности;—и Императрица, не желая огорчить своего любимца, назначила наслѣдникомъ внука своего, двухмѣсячнаго Принца Іоанна. Замыслы Бирона не имѣли бы успѣха, естьлибъ Принцесса Анна, мать наслѣдника, была при больной Государынѣ: она сама въ первые дни болѣзни Императрицы была нездорова, и потому не могла навѣщать ее.—Императрица однажды спросила у придворныхъ лекарей о здоровьи ея, и услышавъ, что болѣзнь ея ни мало неопасна, удивлялась, ибо ее увѣрили, что Принцесса причастилась Святыхъ Таинъ, и хочетъ соборoваться масломъ. Чрезъ сутки послѣ ложнаго извѣстія, Принцесса пришла къ Императрицѣ совершенно здоровою. Сія на нее разгнѣвалась, и чрезъ два дни отказала престолъ сыну ея.

VI.

Биронъ назначенъ Регентомъ.

Ближайшее требованіе на регентство имѣла мать наслѣдника съ супругомъ своимъ Герцогомъ Брауншвейгскимъ,—но Императрица, предвидя слѣдствія изъ сего могущія произойти, сказала Бирону, какъ о томъ онъ самъ пишетъ:—«я хочу исполнить то, что зависитъ отъ меня, а прочее все предаю въ волю промысла! Вижу сама, что оставляю сего бѣднаго младенца въ самомъ жалкомъ состояніи—но я не въ силахъ помочь ему; а отецъ и мать не могутъ управлять дѣлами, особливо отецъ, котораго природа лишила и самаго необходимаго нужнаго для покровительства сына. Мать, правда, умна, но у нея живъ отецъ, извѣстный тиранъ въ своемъ Государствѣ; онъ вѣрно не замедлитъ явиться, будетъ поступать также, какъ въ Мекленбургѣ, вовлечетъ Имперію въ бѣдственныя войны, и доведетъ ее до крайняго раззоренія. Я имѣю причины опасаться, что по смерти моей, будутъ поносить мою память».

Анна страшилась сихъ слѣдствій,—окружавшіе ее подтверждали страхъ сей. Минихъ,—сей тонкой Царедворецъ, желая возвышенія Бирона, для собственной своей пользы,—подалъ голосъ къ избранію Герцога Курляндскаго въ Регенты *); Остер-

*) Минихъ думалъ, что естьли мать Іоанна будетъ правительницею, то ея супругъ (Герцогъ Мекленбургскій) будутъ важнѣе его въ Государствѣ и заградитъ ему путь къ полученію достоинства Генераллиссимуса Россійскихъ войскъ, достоинство, на которое Минихъ давно приписывалъ себѣ право; но при Биронѣ онъ не опасался этого; такъ думалъ Минихъ, но Биронъ зналъ хитраго Миниха, и боялся дать ему достоинство, съ коимъ могъ-бы ему вредить....

манъ присоединился къ нему, сочинилъ актъ, одобренный Кабинетъ-Министрами: Княземъ Черкасскимъ, Бестужевымъ и разными знаменитыми чиновниками, и поднесъ его Императрицѣ. Сей актъ дѣлалъ Бирона Регентомъ и предоставлялъ ему во всемъ неограниченную власть; по оному долженъ былъ Курляндскій Герцогъ управлять Государствомъ до 17-ти лѣтняго возраста принца Іоанна, въ случаѣ-же смерти его, сказано въ духовной, наслѣдовать другому, родившемуся отъ Принцессы Анны сыну; естьли-же не останется никого изъ нихъ въ живыхъ, тогда Регентъ съ Сенатомъ долженъ избрать Россійскимъ Императоромъ, кого заблагоразсудятъ. Подписывая сію духовную, Императрица сказала: «Биронъ, Биронъ! ты стремишься къ своей погибели». 16 Октября 1740 года Императрица подписала сей актъ, а 17 скончалась.

VII.

Іоаннъ VI Россійскій Императоръ.

На другой день кончины Императрицы Анны, Сенатъ, духовенство и знатнѣйшія особы, находившіяся въ Петербургѣ, созваны были въ лѣтній дворецъ.—Тутъ Герцогъ Курляндскій велѣлъ обнародовать актъ, которымъ онъ назначался Правителемъ Россійскаго Государства до тѣхъ поръ, какъ Императору Іоанну исполнится 17 лѣтъ.

Всѣ учинили присягу новому Императору, но не смотря на наружное спокойствіе Антона-Ульриха и Принцессы Анны,—примѣтно было ихъ огорченіе. «Однакожъ Регентъ не можетъ имѣть власти надъ особою Императора», сказала Анна, — «чтобы ни было, я не разстанусь съ моимъ сыномъ!» Такъ говорила огорченная мать, и всю ночь не отходила отъ колыбели своего младенца; но не долго счастіе улыбалось Бирону: всеобщая ненависть къ нему ежедневно возрастала, и едва принялъ онъ кормило правленія, какъ заговоры противу него заставили его трепетать каждую минуту о жизни своей.

VIII.

Антонъ-Ульрихъ слагаетъ всѣ чины.

Биронъ, имѣя всюду шпіоновъ, узналъ, что офицеры Семеновскаго полку, въ которомъ Антонъ-Ульрихъ былъ подполковникомъ, говорили: «что естьли-бъ Принцъ захотѣлъ предпринять что нибудь противу Регента, то они охотно-бы воспомоществовали ему». Биронъ велѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ арестовать, но видя, что безпорядки не уменьшаются, поѣхалъ къ самому Герцогу Ульриху, разсказалъ ему о происшествіяхъ и требовалъ отъ него объясненія. Герцогъ стараясь отдѣлаться обинявами—наконецъ сказалъ: «что-бы ни случилось, но кровопролитіе неизбѣжно!» — «кровопролитіе!» вскричалъ Биронъ съ изумленіемъ: «и вы можете говорить объ этомъ съ такимъ хладнокровіемъ? — Однакожъ я не думаю, чтобы вы могли приступить къ сему».—«Увѣряю васъ, повторилъ Герцогъ, что я не буду зачинщикомъ».—«Какъ будто не все равно, отвѣчалъ Биронъ, *затѣять* бунтъ, или его *поддерживать*! Впрочемъ будьте увѣрены, что вы и сынъ вашъ потерпите болѣе всѣхъ, естьли завѣщаніе Императрицы Анны останется безъ дѣйствія.—Вспомните, что учрежденіе Регентства возвело на престолъ вашего сына, и что съ уничтоженіемъ сего учрежденія, то и другое должно рушиться».

Оставивъ Герцога, Биронъ тотчасъ созвалъ всѣхъ Вельможъ, которымъ *одолженъ* былъ за Регентство: они явились вмѣстѣ съ *Минихомъ*.—Услыша отъ Бирона о Герцоговыхъ поступкахъ, всѣ вознегодовали на послѣдняго, послали за любимцемъ его Кейзерлингомъ и требовали отъ него извѣстія о намѣреніяхъ Герцоговыхъ... Тутъ вошла въ комнату Принцесса Анна. Когда ей разсказали разговоръ Герцога съ Регентомъ, то она приняла на себя видъ недовольною его поступкомъ, увѣряла, что ничего не знаетъ о намѣреніяхъ его, и хотѣла представить самого Герцога для примиренія. Въ самомъ дѣлѣ, Антонъ-Ульрихъ чрезъ нѣсколько времени явился: всѣ приступили къ нему съ упреками. Минихъ осыпалъ его оскорбительными выраженіями за слово его о кровопролитіи, а Генералъ Ушаковъ сказалъ ему: «Вы отецъ Императора, а я старшій Полковникъ въ гвардіи и при томъ въ Семеновскомъ полку, на который вы столь много надѣетесь; но будьте увѣрены, что я никогда не забуду честь свою!»

Герцогъ доведенъ былъ до того, что слезы брызнули изъ глазъ его; онъ сказалъ, что слагаетъ съ себя всѣ чины, и вышелъ вонъ. Собраніе воспользовалось этимъ, и въ опредѣленіи просило Герцога, оставя всѣ свои должности, не казаться

нѣкоторое время публикѣ. Братъ Фельдмаршала Миниха вручилъ сіе опредѣленіе Герцогу, и отставка его объявлена всенародно. Сіе произшествіе еще болѣе воспламенило вражду между Регентомъ и родителями Императора—Минихъ довелъ ее до совершенаго разрыва.

IX.

Заговоръ противъ Регента.

Биронъ до того простеръ дерзость свою, что съ родителями юнаго Іоанна обходился какъ съ своими подчиненными, явно поносилъ ихъ и оскорблялъ при всякомъ случаѣ. — Такое угнетеніе сдѣлалось несноснымъ Принцессѣ Аннѣ.—«Я хочу оставить Россію, сказала она однажды Фельдмаршалу Миниху, и вмѣстѣ съ мужемъ и сыномъ удалиться въ Германію. При Биронѣ нельзя мнѣ ожидать ничего, кромѣ огорченій и несчастія».

Минихъ, который давно досадовалъ на Бирона за то, что онъ отвергнулъ его просьбу къ полученію достоинства Генералиссимуса, просилъ во всемъ на него положиться. Онъ видѣлъ самъ, что служитъ игрою прихотливаго человѣка, котораго отъ возвелъ на Регентство; къ тому-же поведеніе Бирона казалось ему подозрительнымъ.—Ненависть его къ Герцогу и Принцессѣ Аннѣ не могла предвѣщать ничего добраго, а частые и тайные разговоры съ Елизаветою родили въ старомъ Фельдмаршалѣ мысль, что Биронъ думаетъ возвести ее на престолъ и такимъ образомъ заслужить признательность будущихъ владѣтелей, и такъ, Минихъ рѣшился предупредить намѣренія Бирона не теряя минуты.

Въ одно утро Минихъ вошелъ къ Принцессѣ Аннѣ. Въ короткихъ словахъ объяснилъ ей свои опасенія, заклиналъ ее долгомъ матери принять на себя Регентство, обѣщалъ въ слѣдующую-же ночь схватить Регента и требовалъ, чтобъ она сама тутъ присутствовала,—«ибо,—говорилъ онъ,— присутствіе матери Императора ободритъ нашихъ соучастниковъ, и обезоружитъ тѣхъ, которые вздумаютъ сопротивляться».

Анна согласилась принять Регентство, но не могла рѣшиться присутствовать при взятіи Бирона. —Минихъ оставилъ свое послѣднее предложеніе, но требовалъ только того, чтобъ она никому, даже своему супругу, не сказывала объ этомъ предпріятіи, и чтобы ночью, когда онъ къ ней придетъ, вышла къ стражѣ, находящейся во дворцѣ.

Послѣ сего они разстались. Минихъ, чтобъ удалить отъ себя всякое подозрѣніе, поѣхалъ по обыкновенію обѣдать къ Регенту, и по просьбѣ его пріѣхалъ къ нему ужинать. За ужиномъ Биронъ былъ задумчивъ, говорилъ несвязно, и вдругъ спросилъ у Миниха: «всякую ли ночь предпринимали вы въ своихъ походахъ что нибудь важное?»— Минихъ не замѣшался при этомъ вопросѣ, и отвѣтствовалъ ему:—«не помню, чтобъ ночью предпринималъ я когда что нибудь чрезвычайное; впрочемъ мое правило не упускать удобныхъ случаевъ» *).

Въ 11 часовъ они разстались; Фельдмаршалъ въ намѣреніи не откладывать своего предпріятія о низверженіи Бирона, а Биронъ рѣшился никому не ввѣряться, и отдалилъ отъ себя всѣхъ подозрительныхъ людей.

X.

Арестованіе Регента Бирона.

Въ два часа ночи Минихъ, въ сопровожденіи своего адъютанта Манштейна, пріѣхалъ во дворецъ, занимаемый Принцессою Анною. — Чрезъ боковую дверь, которая нарочно была отперта, вошли они въ комнату Принцессы. Ея фрейлина дѣвица Менгденъ разбудила ее, и когда она вышла, то Минихъ старался опять убѣдить ее идти передъ стражею. Но, видя ея непреклонность,—«по крайней мѣрѣ,— сказалъ онъ, — дайте нужныя приказанія офицерамъ».—Анна согласилась, и караульные офицеры были выпущены. Въ короткихъ словахъ она описала имъ обиды, которыя должна терпѣть вмѣстѣ съ супругомъ и юнымъ Императоромъ отъ Регента.— «Стыдно,—сказала она,—сносить такое униженіе— надо свергнуть сіе постыдное иго,— надобно уничтожить власть Бирона. Я надѣюсь, что вы, какъ вѣрные сыны отечества, не откажете въ сей услугѣ вашему Императору.— Ступайте за Фельдмаршаломъ; вѣрность ваша не останется безъ награды!»

Всѣ единодушно согласились слѣдовать за своимъ предводителемъ.—Принцесса обняла Миниха, и

*) Въ исторіи XVIII стр. ч. 4, стр. 181, сказано: что жидъ Липманъ (придворный ювелиръ) извѣстилъ Бирона о намѣреніяхъ Миниха.

допустивъ офицеровъ къ рукѣ, пожелала имъ счастливаго успѣха.—Фельдмаршалъ объявилъ солдатамъ свое намѣреніе, приказалъ имъ зарядить ружья пулями,—и повелъ ихъ къ лѣтнему дворцу, въ которомъ жилъ Биронъ.—Шаговъ за двѣсти отъ дворца они остановились. Минихъ послалъ Манштейна объявить караульнымъ офицерамъ намѣреніе Принцессы Анны; они не противились входу во дворецъ, и сами вызвались помогать Фельдмаршалу. Послѣ сего Минихъ послалъ Манштейна въ сопровожденіи офицера и 20 солдатъ во дворецъ взять Регента, и въ случаѣ сопротивленія убить его. Часовые знали Манштейна, и думая, что онъ пришелъ къ Регенту по какому-нибудь дѣлу, пропустили его. Когда-же онъ вошелъ въ покои Бирона, то пришелъ въ безпокойство, не зная гдѣ только спалня его; но проходя изъ комнаты въ комнату, онъ увидѣлъ притворенныя двери.—Отворивъ ихъ, онъ увидѣлъ Регента и супругу его, спящихъ крѣпкимъ сномъ.—Манштейнъ отдернулъ занавѣсъ и требовалъ говорить съ Регентомъ. Биронъ проснулся, соскочилъ съ постели, но Манштейнъ схватилъ его за воротъ и держалъ до тѣхъ поръ, пока пришли солдаты.—Вырвавшись, Биронъ хотѣлъ было обороняться, но солдаты повалили его, связали руки, и завязавъ ротъ платкомъ, отвели почти нагаго въ караульню. Тамъ одѣли его солдаты плащемъ, посадили въ фельдмаршалову карету, и съ однимъ офицеромъ отправили въ Зимній дворецъ. Въ тотъ-же день онъ былъ сосланъ со всею фамиліею въ Шлиссельбургъ,—а оттуда 10 іюля 1741 года на вѣчное заточеніе въ Пелымъ, городокъ въ Сибири. Въ ту же ночь взяли подъ арестъ брата его, Густава Бирона, и всѣхъ приверженныхъ къ нему.

XI.

Принцесса Анна объявляетъ себя Правительницею Россіи и Великою Княгинею.

Тотчасъ по арестованіи Регента, велѣно было всѣмъ полкамъ, находившимся въ Петербургѣ, собраться въ дворецъ.—Принцесса Анна возложила на себя орденъ Св. Андрея и объявила себя Правительницею Имперіи и Великою Княгинею. Всѣ чинѣ учинили ей присягу, и всѣ были довольны тѣмъ что избавились отъ Бирона, подъ тиранствомъ и самовластіемъ котораго давно угнетёнъ былъ народъ.

XII.

Награжденія. Отставка Графа Миниха.

22 ноября Великая Княгиня опредѣлила награжденія. Супругъ ея Герцогъ Антонъ-Ульрихъ объявленъ былъ Генералиссимусомъ всѣхъ Россійскихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Графъ Минихъ пожалованъ чиномъ перваго Министра; Графъ Остерманъ Генералъ-Адмираломъ; Князь Черкасскій Великимъ Канцлеромъ; Графъ Михайло Головкинъ Вице-Канцлеромъ; Манштейнъ Полковникомъ.— Всѣ участвовавшіе въ арестованіи Бирона офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты произведены въ чины и щедро награждены деньгами. Такимъ образомъ всѣ были довольны, кромѣ Фельдмаршала Миниха. Надежда его на полученіе степени Генералиссимуса и теперь не исполнилась. Когда онъ далъ уразумѣть Принцессѣ свое неудовольствіе, то она отвѣчала ему: «я думаю, что достоинство Генералиссимуса никому столь не прилично, какъ отцу Императора!» Минихъ замолчалъ и сталъ управлять Министерствомъ; но Остерманъ досадовалъ на него, ибо Минихъ лишилъ его достоинства перваго Министра.—Досада сія обратилась вскорѣ въ ненависть къ Миниху, и Остерманъ всячески старался очернить его въ глазахъ Правительницы.—Наконецъ ему удалось исполнить свои планы. Минихъ почти съ явнымъ презрѣніемъ обходился съ Принцемъ Антономъ-Ульрихомъ; Остерманъ далъ почувствовать это Принцу и совѣтовалъ ему принести на него жалобу Великой Княгинѣ. Принцъ въ скоромъ времени донесъ объ этомъ своей супругѣ и прибавилъ, что Минихъ совсѣмъ не относится къ нему по дѣламъ, до Генералиссимуса касающимся.—Миниху повелѣно было не дѣлать ничего безъ вѣдома Принца. Послѣ сего Великая Княгиня, по частымъ представленіямъ Остермана,—рѣшилась правленіе иностранныхъ дѣлъ поручить ему, а внутреннія ввѣрить Графу Головкину. Миниху это показалось обидно,—и онъ потребовалъ отставку. Великая Княгиня, показывая видъ, что не хочетъ его лишиться, уговаривала его, но Минихъ твердо настоялъ въ своемъ намѣреніи, думая, что сею упорностію онъ можетъ получить все, что ни пожелаетъ, ибо онъ почиталъ себя необходимымъ для Государства. Но въ самое то время, когда онъ столь высоко мечталъ о себѣ,—получилъ отставку съ благодарностію за его службу и

съ пансiономъ по 1500 руб. въ годъ. Такъ вознагражденъ былъ Минихъ за свои услуги!

XIII.

Герцогъ Антонъ-Ульрихъ именуется титломъ Императорскаго Высочества, и объявляется Соправителемъ.

По прошествiи нѣсколькихъ дней послѣ отставки Графа Миниха, Великая Княгиня Манифестомъ объявила супруга своего, какъ родителя Императора, Соправителемъ, съ титломъ Императорскаго Высочества.

XIV.

Война съ Шведами. Рожденiе Принцессы Екатерины.

Видя частыя перемѣны и не надежное правленiе въ Россiи, Французскiй Министръ кардиналъ Флери, управлявшiй тогда совѣтомъ въ Швецiи, предложилъ шведамъ воспользоваться временемъ удобнымъ для возвращенiя земель, завоеванныхъ у нихъ русскими. И такъ 1741 года въ августѣ мѣсяцѣ шведы объявили Россiи войну. Русскiя войска выступили за границу,—все было готово къ начатiю кровопролитiя, но произшествiя въ Петербургѣ остановили его. Въ сiе самое время Великая Княгиня Анна разрѣшилась отъ бремени дочерью Екатериною.

XV.

Намѣренiе Великой Княгини Анны объявить себя Императрицею.

Вице-Канцлеръ Графъ Головкинъ и другiе Министры давно совѣтовали Великой Княгинѣ Аннѣ объявить себя Императрицею, для избѣжанiя непрiятныхъ слѣдствiй въ случаѣ кончины молодаго Императора.—Но Анна, всегда не рѣшительная, колебалась, наконецъ согласилась,—и 18 декабря назначено было на объявленiе Ея Императрицею.—Но Великая Княгиня Елизавета Петровна предупредила ее.

XVI.

Возшествiе на Престолъ Елизаветы Петровны.

Гордые поступки Великой Княгини Анны не могли привлечь народа, который и безъ того не доволенъ былъ, видя на Русскомъ престолѣ Нѣмецкую Принцессу.—Всѣ явно желали имѣть Императрицею Елизавету Петровну, — которая каждаго привязывала къ себѣ своимъ человѣколюбiемъ и состраданiемъ. Не доставало только человѣка, съ помощiю котораго могла бы она достигнуть престола, и тѣмъ исполнить желанiе всего народа; но явился Лестокъ и своею отважностiю рѣшилъ судьбу Елизаветы.

Онъ былъ ея лейбъ-медикомъ, и потому присутствiе его и разговоры съ нею, не могли быть подозрительными для Анны.—Но видя нерѣшительность Великой Княжны, въ одно утро приноситъ онъ къ ней карточку: съ одной стороны нарисована была Елизавета въ Императорской коронѣ, съ другой въ монашеской одеждѣ, и висѣлицу, готовую для всѣхъ ей приверженныхъ.— «Выбирайте любое! сказалъ онъ ей: чѣмъ лучше? Императрицею или монахинею?» Послѣ сего Елизавета на все рѣшилась и въ полночь ноября 25 дня 1741 года, возложивъ на себя орденъ Св. Екатерины и надѣвъ подъ платье латы, въ сопровожденiи Лестока и Воронцова, въ открытыхъ саняхъ поѣхала въ казармы преображенскаго полка. 30 человѣкъ были въ заговорѣ; стараясь поддержать планы Елизаветы, они собрали 360 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Великая Княжна, держа въ рукахъ крестъ, въ короткихъ словахъ объявила имъ свои намѣренiя, описала имъ обиды, ей причиненныя Правительницею, намѣренiе оной сослать ее въ монастырь, и заключила, что отъ помощи ихъ ожидаетъ своего и цѣлаго Государства спокойствiя.—Всѣ поклялись ей въ вѣрности, и тутъ же приведены были къ присягѣ. Послѣ сего, въ сопровожденiи своихъ солдатъ, Елизавета пришла къ Зимнему дворцу, и безъ сопротивленiя склонила на свою сторону караульныхъ офицеровъ.

Между тѣмъ пушечная пальба и радостныя восклицанiя гвардейцевъ разбудили родителей молодого Императора.—Вдругъ увидѣли они вошедшихъ солдатъ, которые требовали именемъ Императрицы Елизаветы за ними слѣдовать. Великая Княгиня Анна, пришедши въ страхъ, спрашивала: нельзя-ли ей поговорить съ нею, но ей было въ томъ отказано. Накинувъ на себя платье, Анна пошла съ солдатами, а супругъ ея, Антонъ-Ульрихъ, сидя на постелѣ, размышлялъ о своей судьбинѣ. Но два гренадера прервали его мысль, и обернувъ въ одѣяло, снесли въ низъ, и посадивъ

въ сани, прикрыли шубою, отправивъ ихъ во дворецъ Елизаветы. Молодого Іоанна принуждены были вынесть съ кормилицею, ибо онъ безъ нея плакалъ и боялся солдатъ. Императрица посадила его къ себѣ на колѣни, и среди пушечной пальбы и восклицаній повезла его во дворецъ. Малолѣтній Іоаннъ утѣшился сими восклицаніями, и стараясь подражать имъ, билъ въ ладоши. «Бѣдное дитя! сказала Императрица, ты не знаешь того, что радуешься своей погибели!» На разсвѣтѣ объявлено было о возшествіи на престолъ Елизаветы Петровны Манифестомъ. Всѣ учинили ей присягу, и Императрица въ тотъ же день переѣхала во дворецъ, называемый Императорскимъ.

XVII.

Правительницу Анну вмѣстѣ съ супругомъ высылаютъ изъ Россіи.

12 декабря Принцесса Анна съ супругомъ своимъ и двумя малолѣтными дѣтьми выпровождена была за границу, съ обязательствомъ впредь не вступать въ Россію. — Они намѣрены были ѣхать въ Берлинъ и до границы должны были сопровождаться командою. Каждый день они должны были переѣзжать восемь съ половиною миль, и на третій день имѣть отдыхъ; но болѣзнь меньшой ихъ дочери заставила ихъ упросить Коменданта остановиться на нѣсколько времени. Генваря 9 дня, 1742 года они пріѣхали въ Ригу. — Здѣсь ихъ остановили; они были обвиняемы въ новыхъ преступленіяхъ, для разсмотрѣнія коихъ учреждена была особая коммиссія.

Продолжительность розысканій, поступки грубыхъ надсмотрщиковъ, и досада быть подъ карауломъ, заставили ихъ два раза предпринимать побѣгъ; въ первый разъ въ крестьянскомъ платьѣ, а въ другой на кораблѣ. Но имъ не удалось; и сей случай былъ причиною, что ихъ посадили въ Рижскую крѣпость и совершенно отдалили отъ всякаго сообщества.—Къ комнатамъ ихъ приставлена была стража, и они въ одномъ саду крѣпости могли быть безъ команды.

XVIII.

Открытіе заговора противу Императрицы Елизаветы.

Фридрихъ II король Прусскій и Марія Терезія Императрица Австрійская, родственники Герцога Антона-Ульриха, просили Елизавету объ освобожденіи его; но Императрица, отпуская Герцога, не соглашалась отпустить его супругу Анну, а Герцогъ безъ нея не хотѣлъ ѣхать. Видя во всемъ неудачу, Король Прусскій и Марія Терезія препоручили бывшему австрійскому посланнику въ Петербургѣ, Маркизу Боттѣ, произвесть революцію и свергнуть съ престола Императрицу Елизавету. Ботта подговорилъ многихъ знатныхъ особъ, но неосторожностію Полковника Лопухина, одного изъ заговорщиковъ, намѣреніе его открылось, и онъ былъ высланъ изъ Россіи.

XIX.

Герцога-Антона Ульриха и Герцогиню Анну переводятъ въ Дюнаминдскую крѣпость и проч.

Открытіе заговора заставило удвоить строгость противу плѣнниковъ, и изъ Риги ихъ перевезли въ Дюнаминдскую крѣпость. Въ началѣ сего 1743 года Герцогиня Анна разрѣшилась отъ бремени дочерью Елизаветою. Чрезъ нѣсколько времени послѣ сего, ихъ перевезли въ Соловецкій монастырь на Бѣломъ морѣ, а оттуда въ Холмогоры, городъ въ 72 верстахъ отъ Архангельска отстоящій.

XX.

Смерть Принцессы Анны.

Горести, несчастія и пресѣченіе всѣхъ радостей изнурили здоровье Принцессы Анны. Она занемогла горячкою, сопровождаемою ужаснымъ бредомъ, и чрезъ 10 дней по рожденіи Принца Алексѣя, скончалась 19 марта 1747 года, имѣя отъ роду 28 лѣтъ; правительствовала одинъ годъ и 1 мѣсяцъ. Тѣло ея по повелѣнію Императрицы было привезено въ Петербургъ и съ великолѣпною церемоніею погребено въ Невскомъ монастырѣ.

XXI.

Нравъ Принцессы Анны.

«Принцесса Анна, пишетъ Манштейнъ, *) была чрезвычайно своенравна, вспыльчива, не трудолюбива, не рѣшительна, какъ въ малыхъ, такъ и въ важныхъ дѣлахъ; въ продолженіи года ея правленія, она оказала много кротости и любила благодѣтельство-

*) Смотри записки его, Моск. изд., стр. 13 — 14. Томъ 4.

вать. Фрейлина ея Менгденъ располагала ею, между тѣмъ какъ она никогда не слушала своихъ Министровъ. Вообще, она неспособна была управлять столь пространною Имперіею, какова Россія. Она была безпрестанно печальна и задумчива, что можетъ быть происходило отъ неувѣренности въ своей участи; впрочемъ была хороша собою, ловка, стройна, высокаго росту и говорила на многихъ языкахъ».

А вотъ что пишетъ Минихъ о ней-же *): Анна отъ природы не любила трудовъ. Никогда не показывалась въ кабинетѣ, и естьли я приходилъ къ ней по утру съ дѣлами, то она всегда мнѣ отвѣтствовала: «Ахъ! естьли-бъ сынъ мой выросъ поскорѣе, и могъ-бы самъ управлять дѣлами!» Изъ сего видно, что одно честолюбіе заставило ее искать Регентства.

XXII.

Смерть Антона-Ульриха. Нравъ его.

Антонъ-Ульрихъ, супругъ Принцессы Анны, умеръ въ Холмогорахъ уже въ царствованіе Императрицы Екатерины, 1775 года мая мѣсяца, на 62 году отъ рожденія.

Манштейнъ такъ описываетъ сего принца: «Онъ имѣлъ самое доброе сердце и прекрасный нравъ. Храбръ и неустрашимъ въ войнѣ, но робокъ въ дѣлахъ Государственныхъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ очень молодъ; воспитаніе его не было еще кончено и къ нему опредѣлили въ наставники Барона Кейзерлинга, человѣка ума ограниченнаго, преданнаго Бирону, и Подполковника Брауншвейгской службы Гомбурга, который былъ трусливъ, лѣнивъ и недовѣрчивъ безъ всякой причины. Изъ сего можно заключить, какія правила могли внушить ему эти люди?».

XXIII.

Дѣти Антона-Ульриха и Анны.

Императрица Екатерина, по предстательству Берлинскаго, Копенгагенскаго и Брауншвейгскаго дворовъ, позволила дѣтямъ Антона Ульриха оставить Россію.—1780 года они поселились въ Горзенсѣ, городкѣ Даніи, гдѣ была жива еще тетка ихъ Юліана Марія, вдовствующая Королева.

Для основанія тамъ жилища, Императрица дала имъ 40.000 р. и потомъ еще 20.000 р., а на содержаніе ихъ посылала 32.000 р.

Въ Горзенсъ ихъ пріѣхало четверо; всѣхъ же ихъ было:

1) *Принцъ Іоаннъ* родился 1740 года августа 20 дня въ С.-Петербургѣ. Будучи еще двухъ мѣсяцевъ, былъ объявленъ Россійскимъ Императоромъ подъ управленіемъ Бирона, а при возшествіи на престолъ Императрицы Елизаветы былъ заключенъ въ Оренбургскую крѣпость Воронежской губерніи, а оттуда переведенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и окончилъ жизнь 1764 года іюля 4 дня.

2) *Принцесса Екатерина* родилась въ С.-Петербургѣ 1741 года іюля 26 дня, скончалась 1807 года 21 апрѣля.

3) *Принцесса Елизавета* родилась 1743 года генваря 7; скончалась въ Горзенсѣ 20 августа 1782 года.

4) *Принцъ Петръ* родился 10 марта 1745 года; скончался въ Горзенсѣ 13 генваря 1798 г.

5) *Принцъ Алексѣй* родился 9 марта 1746; скончался въ Горзенсѣ 20 октября 1787 года.

Надъ гробомъ сихъ Принцевъ и Принцессъ положенъ черный мраморный камень съ слѣдующею надписью:

Hoc
Mausoleum Sacrum est
Duobus Principibus
Sororibusque totidem
Domus serenissimae
Brunsvico Luneburgensis
Bonitate
Catharinae II
et cura
Christiani VII
et
Iulianae Mariae.
Vitam traduxerunt
Hac in urbe
Quietam.

Т. е.

Сей памятникъ посвященъ двумъ Принцамъ и двумъ Принцессамъ, высокаго Брауншвейгъ-Люнебургскаго дома, щедротами Екатерины II и попеченіями Христіана VII и Іуліаны Маріи. Они спокойно провели жизнь свою въ семъ городѣ.

**) Ebauche pour donner une forme de Gouvernement de L'Empire de Russie, Page 193.

419. Жизнь природы и человѣка. Разсказы для начинающихъ учиться грамотѣ, съ 10-ю рисунками и картою земнаго шара. Санктпетербургъ, 1867 года, типографія Д. Бѣлогуба (Женева).—Въ 8 д. л. XII+157 стр.

Ренанъ, Жозефъ-Эрнестъ.

Знаменитый французскій филологъ и историкъ. Род. 27 февраля 1827 г., умеръ 20-го сентября 1892 г.
Съ фотогр. Везенберга.

См. списокъ русскихъ книгъ, напечатанныхъ внѣ Россіи, за послѣднее десятилѣтіе 1875—1885, стр. 12-я.

420. Житіе великаго угодника Божія Святителя и Чудотворца Николая, архіепископа мирликійскаго. (Въ русскомъ переводѣ). Изданіе Глазунова. 1843 года.

Очень рѣдкая въ настоящее время книга «Житіе великаго угодника Божія Святителя и Чудотворца Николая» почти не находима въ продажѣ и принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей, такъ какъ почти всѣ экземпляры этой книги были уничтожены.

421. Житіе и дѣла Марка Аврелія Антонина Цезаря Римскаго, а при томъ собственныя и премудрыя его разсужденія о себѣ самомъ. Съ нѣмецкаго на россійскій языкъ перевелъ Академіи Наукъ секретарь Сергѣй Волчковъ. Въ Санктпетербургѣ въ 1738 и 1739 году. А напечатана сія книга по Высочайшему повелѣнію (на оборотѣ) Ея Императорскаго Величества Всепресвѣтлѣйшей Самодержавнѣйшей Великой Государыни Императрицы Анны Іоанновны Самодержицы Всероссійской. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ, 1740 года.—Въ 4 д. л., 161+12 и 256 стр.

Въ началѣ книги находится посвященіе отъ переводчика въ слѣдующихъ словахъ: «Славновоюющей и торжественный миръ творящей Героинѣ всея Россіи Всепресвѣтлѣйшей Самодержавнѣйшей Великой Государынѣ нашей Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, Всемилостивѣйшей Государынѣ всеподданнѣйшее приношеніе».

Въ настоящее время полные экземпляры этого изданія рѣдки.

422. Житіе канцлера Франциска Бакона. Перевелъ съ французскаго на россійскій Василій Тредіаковскій, профессоръ и членъ Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ. Печатано при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 1760 г.—Въ 4 д. л., 162 и 221 стр.

Въ началѣ книги помѣщено: Жизнеописаніе Бакона, знаменитаго англійскаго ученаго и мыслителя, родившагося въ 1561 и умершаго въ 1626 году. Опытъ о королевѣ Елизаветѣ, написанный Бакономъ, и похвалы канцлеру Франциску Бакону.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры рѣдки.

423. Житіе Ивана Яковлевича, извѣстнаго пророка въ Москвѣ, сочиненіе И. Прыжова. С.-Петербургъ, въ типографіи Тиблена, 1860 года.—Въ 8 д. л, 52 стр., съ литографическимъ портретомъ и факсимиле.

Это сочиненіе Прыжова было напечатано сперва въ журналѣ «Наше Время», а потомъ издано отдѣльною книжечкою съ новыми дополненными свѣдѣніями объ Иванѣ Яковлевичѣ Корейшѣ, Московскомъ прорицателѣ и святомъ, пріобрѣвшимъ большую извѣстность и умершимъ въ 1865 году. См. «Описаніе книгъ Якова Березина-Ширяева», стр. 407 у него сказано: «книга довольно рѣдкая».

424. Житіе Митрополита всея Руси святаго Алексія, составлено Пахоміемъ Логоѳетомъ. 2 выпуска. Санктпетербургъ. Типографія А. Траншеля, 1877 — 1878 года. — Въ 4 д. л. Часть 1-я — 159 стр. Часть 2-я—150 стр. и 351 рисун.—Изданіе общества древней письменности.

Митрополитъ всея Руси св. Алексій жилъ и дѣйствовалъ въ XIV вѣкѣ: родился около 1293 года, скончался 2 февраля 1378 года.

Дѣянія этого знаменитаго церковнаго и государственнаго мужа, вскорѣ послѣ его кончины, составили предметъ любопытства и поученія для всей тогдашней Руси. Появились — пишетъ Логоѳетъ — «многія писанія» о митрополитѣ Алексіѣ, изъ которыхъ значительная часть дошла и до нашего времени (см. отчетъ о дѣятельности «общества любителей древней письменности» за 1877 годъ).

Изъ этихъ «многихъ писаній» инокъ Пахомій Логоѳетъ составилъ въ 1448 — 1459 годахъ, пространнѣйшее житіе св. Алексія, которое впослѣдствіи трудами разныхъ лицъ было продолжено вплоть до XVII вѣка, до времени царя Бориса Годунова, при которомъ совершилось переложеніе мощей св. Алексія изъ ветхой раки въ новую.

Одинъ изъ списковъ этого житія на 308 страницахъ, съ 225-ю рисунками (изъ которыхъ 125 раскрашенныхъ,) изданъ нынѣ по желанію графа Александра Дмитріевича Шереметева на его средства, отъ имени общества любителей древней письменности.

Экземпляръ этого изданія купленъ мною за 35 рубл.

Кромѣ означеннаго, въ моей библіотекѣ, имѣются еще слѣдующія изданія того же Императорскаго общества любителей древней письменности, а именно:

1) Челобитная Григорія Всполохова царю Алексѣю Михайловичу. Съ рисунками. Купленъ мною экземпляръ за 18 рублей.

2) Азбука гражданская, правлена Петромъ I. Купленъ мною экземпляръ за 2 руб.

3) Синодикъ Дѣдовской пустыни Тотемскаго уѣзда. Спб. 1877 года. Купленъ мною экземпляръ за 8 рублей.

4) Буквица языка словенскаго. Спб. 1877 года. Купленъ мною экземпляръ за 20 рублей.

5) Сказаніе о иконѣ Божіей Матери Одигитріи. Изъ рукописи, принадлежащей князю Вяземскому. Съ рисунками. Купленъ мною экземп. за 3 руб.

6) Житіе и хожденіе Іоанна Богослова. С.-Петербургъ. 1878 года. Съ лицевыми раскрашенными изображеніями. Купленъ мною экземпляръ за 20 р.

7) Житіе святаго Николая чудотворца. С.-Петербургъ. 1878 года.—Въ листъ, съ рисунками. Купленъ мною экземпляръ за 100 руб.

8) Житіе святаго Димитрія Царевича. С.-Петербургъ. 1879 года.— Въ 4 д. л.. съ лицевыми раскрашенными рисунками. Купленъ мною экземпляръ за 12 рублей.

9) Житіе святаго Ѳеодора Едесскаго. 3 части. С.-Петербургъ. 1879 года.—Въ 4 д. л., съ лицевыми изображеніями. Купленъ мною экземпляръ за 15 руб.

10) Сказка о Силѣ Царевичѣ и о Ивашкѣ бѣлой рубашкѣ. С.-Петербургъ. 1879 года. — Въ 4 д. л., съ лицевыми изображеніями.

11) Изборникъ великаго князя Святослава Ярославича. 1073 года. С.-Петербургъ. 1880 года. — Въ листъ, съ рисунками. Купленъ мною экземпляръ за 60 рублей.

12) Житіе преподобнаго Нифонта затворника. Спб. 1881 года.—Въ 4 д. л., съ раскрашенными лицевыми изображеніями. Купленъ мною экземпляръ за 15 руб.

13) Костромскія церковныя древности. С.-Петербургъ. 1889 года. Съ рисунками. Купленъ мною экземпляръ за 10 руб.

14) Книга Козьмы Индикоплова. С.-Петербургъ. 1889 года.—Въ листъ. Купленъ мною экземпляръ за 20 руб.

15) Житіе преподобной Евфросиніи Суздальской. С.-Петербургъ. 1889 года. Купленъ мною экземпляръ за 20 рублей.

16) Житіе Варлаама и Іоасафа, С.-Петербургъ. 1889 года.—Въ 4 д. л., съ рисунками. Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

17) Сказаніе о чудесахъ Тихвинской иконы Богородицы. С.-Петербургъ. 1892 года.—Въ 4 д. л., съ рисунками. Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

18) Книга Потребникъ-Требникъ. С.-Петербургъ. 1878 года, въ типографіи А. Бегрова. — Въ 4 д. л. 164 стр. Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

19) Засѣданіе въ книжной палатѣ 18-го февраля 1627 года по поводу исправленій катихизиса. С.-Петербургъ, типографія Балашева. 1878 года.— Въ 8 д. л. 46 стр., съ рисункомъ. Купленъ мною экземпляръ за 2 руб.

20) Слово зачатіи пустыни Дѣдовскаго острова пресвятыя и живоначальныя Троицы. С.-Петербургъ. 1877 г.—Въ 4 д. л. 172 стр. Съ раскрашенными лицевыми изображеніями. Купленъ мною экземпляръ за 6 рублей.

21) Синдикъ Холмогорской епархіи. С.-Петербургъ. Типогрфія Траншеля. 1878 года. — Въ 8 д. л. 17 стр. Съ рисунками. Купленъ мною экземпляръ за 2 рубля.

22) Повѣсть о судѣ Шемяки. С.-Петербургъ. 1879 года.—Въ 4 д. л. Съ лицевыми изображеніями. Купленъ мною экземпляръ за 3 руб.

23) Александрія. «Житіе Александра Македонскаго». 2 выпуска. С.-Петербургъ. 1880 года. — Въ 8 д. л. Съ раскрашенными лицевыми изображеніями. Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

24) Заставки и миніатюры четверо-евангелія 1507 года. С.-Петербургъ. 1880—1881 года. — Въ 4 д. л. Съ лицевыми изображеніями. Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

25) Кругъ церковнаго древняго знамен. пѣнія. 4 тома. С.-Петербургъ. 1889 года. Купленъ мною экземпляръ за 25 рублей.

26) Описаніе рукописи Волоколамскаго и другихъ монастырей. П. Строева. С.-Петербургъ. 1891 года. Купленъ мною экземпляръ за 3 руб.

27) Сійскій иконописный подлинникъ. 4 выпуска. С.-Петербургъ. 1897 года. Съ рисунками. Купленъ мною экземпляръ за 15 рублей.

28) Лицевой лѣтописецъ XVII вѣка. С.-Петербургъ. 1893 года. Съ лицевыми изображеніями. Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

29) Синодикъ Колясниковской церкви. С.-Петербургъ. 1895 года. Съ рисунками. Купленъ мною экземпляръ за 50 рублей.

30) Житіе преподобнаго отца нашего Прокопія устюжскаго. С.-Петербургъ. 1893 года.—Въ 4 д. л. Съ рисунками. Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

31) Житіе св. Саввы освященнаго. Н. Помяловскаго. С.-Петербургъ. 1890 года. Съ рисунками. Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

———

425. Житіе Петра Великаго Императора и Самодержца Всероссійскаго, Отца отечества, собранное изъ разныхъ книгъ во Франціи и Голландіи изданныхъ и напечатанныхъ въ Венеціи, Медіоланѣ и Неаполѣ, на діалектѣ италіанскомъ, а потомъ и на греческомъ, съ коего на россійскій языкъ перевелъ Статскій Совѣтникъ Стефанъ Писаревъ, въ С.-Петербургѣ въ Императорской Академіи Наукъ. 1772 года.—Въ 4 д. л., 12+511 стр. съ портретомъ Петрова.

Авторъ исторіи Императора Петра Великаго, Антоній Катифоръ, переводчикъ Стефанъ Писаревъ трудъ свой посвящаетъ Наслѣднику Престола Павлу Петровичу, портретъ приложенный при книгѣ гравировалъ А. Калпашниковъ. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 4068, есть у Губерти I—175. Чертковъ 1838 года стр. 537, книга теперь рѣдка, цѣнится отъ 8 до 12 руб.

Радищевъ, Александръ Николаевичъ.

Знаменитый писатель, одинъ изъ главныхъ представителей у насъ „просвѣтительной философіи“. Род. 20 августа 1749 г., ум. 12-го сентября 1802 г.

Съ портрета, приложеннаго къ его сочиненію.

426. Житіе Өедора Василіевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его

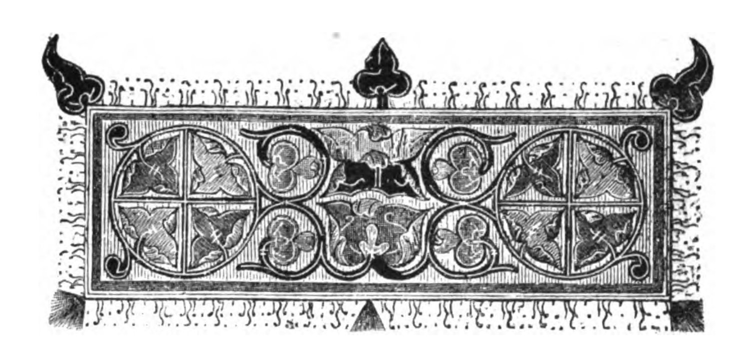
сочиненій. 2 части. Санктпетербургъ. Въ Императорской типографіи; 1789 года. — Въ 12 д. л., 228 стр.

Это любопытное сочиненіе А. Н. Радищева, вошедшее въ полное собраніе сочиненій въ 6 частяхъ. Житіе Ѳедора Василіевича Ушакова состоитъ изъ двухъ частей, въ первой части помѣщено житіе Ушакова 127 стр.; во второй части: о правѣ наказанія и смертной казни; о любви, и письма о первой книгѣ Гельвеціева «сочиненія о разумѣ», книга посвящена «своему другу и товарищу по образованію Алексѣю Михайловичу Кутузову». Авторъ между прочимъ говоритъ: «не безъ удовольствія думаю, любезный мой другъ, воспоминаешь иногда о дняхъ юности своея, о времени, когда всѣ страсти, пробуждаяся въ первый разъ, производили въ новой душѣ нестройное хотя волненіе, но дни блаженнѣйшіе всея жизни содѣлывали. Беззаботный духъ и разумъ, не опытностію не претили въ веселіи распространяться чувствамъ, чуждымъ скорбнаго еще нервовъ содраганія да и самая печаль, грусть и отчаяніе скользили, такъ-сказать, на юномъ сердцѣ, не пронизая начальную его твердость, когда не рѣдко наиплачевнѣйшій день оканчивался веселія изступленіемъ. Отвлекли мысленно невинную часто порочность изъ дѣяній юности, — найдешь, что послѣ первыхъ восторговъ веселія, подобныхъ въ жизни своей не чувствовалъ. Первое веселіе назвать можно вершиною блаженства, и потому только, что оно первое; послѣдующія уже есть повтореніе и нечаянности пріятность его не живитъ. Не съ удовольствіемъ-ли, мой другъ, повторяю я, воспомянемъ о времяни возрожденія нашей дружбы, о блаженномъ семъ солнцѣ души, составляющемъ нынѣ мое утѣшеніе во дни скорби, и надѣяніе мое для дней успокоенія. Не возрадуешься-ли, естьли узришь паки подавшаго нѣкогда намъ примѣръ мужества, узришь учителя моего, по крайней мѣрѣ въ твердости; воспомяни, о, мой другъ, Ѳедора Василіевича, сгараема внутреннимъ огнемъ, кончину свою слышавшаго изъ устъ нельстиваго своего врача, и къ тебѣ, мой другъ, къ тебѣ прибѣгающаго на скончаніе своего мученія; воспомяни сію картину, и скажи, что дѣлалось тогда въ душѣ твоей! Піющій Сократъ отраву предъ друзьями своими, наилучшее преподалъ имъ ученіе, какого во всемъ житіи своемъ не возмогъ. Таковыя размышленія побудили меня описать житіе сотоварища нашего Ѳедора Василіевича Ушакова. Я ищу въ томъ собственнаго моего удовольствія, а тебѣ, любезнѣйшему моему другу, хочу отверзсти послѣднія излучины моего сердца; ибо не рѣдко въ изображеніяхъ умершаго найдешь черты въ живыхъ еще сущаго».

Ѳедоръ Василіевичъ Ушаковъ, по распоряженію Императрицы Екатерины II, былъ посланъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, въ числѣ которыхъ былъ и А. Н. Радищевъ, въ Лейпцигскій университетъ, для изученія юридическихъ наукъ. По своимъ способностямъ и познаніямъ онъ подавалъ большія надежды, но надеждамъ не суждено было сбыться: онъ преждевременно скончался (23). — Книга чрезвычайно рѣдка. Чертковъ: 1838 года, стр. 540; Геннади: № 65; Смирдинъ: № 2894.— Книга цѣнится до 35 рублей.

Какъ библіографическую рѣдкость «Житіе Ушакова» перепечатываю изъ слова въ слово къ читателю.

Алексѣю Михайловичу

КУТУЗОВУ.

Не безъ удовольствія, думаю, любезнѣйшій мой другъ, воспоминаешь иногда о дняхъ юности своея, когда всѣ страсти, пробуждаяся въ первый разъ, производили въ новой душѣ, нестройное хотя волненіе, но дни блаженнѣйшіе всея жизни содѣлывали. Беззаботный духъ и разумъ неопытностію не претили въ веселіи распростираться чувствамъ, чуждымъ скорбнаго еще нервовъ содраганія. Да и самая печаль, грусть и отчаяніе скользили, такъ сказать, на юномъ сердцѣ, не проницая начальную его твердость, когда нерѣдко наиплачевнѣйшій день окончивался веселія изступленіемъ. Отвлеки мысленно невинную часто порочность изъ дѣяній юности, найдешь, что послѣ первыхъ восторговъ веселія, подобныхъ въ жизни своей не чувствовалъ. Первое веселіе назвать можно вершиною блаженства, и потому только, что оно первое; послѣдующее уже есть повтореніе и нечаянности пріятность его не живитъ. Не съ удовольствіемъ ли, мой другъ, повторяю я, воспомянешь о времени возрожденія нашей дружбы, о блаженномъ семъ союзѣ душъ, составляющемъ нынѣ мое утѣшеніе во дни скорби, и надѣяніе мое для дней успокоенія. Не возрадуешься ли, есть ли узришь паки, подавшаго нѣкогда намъ примѣръ мужества, узришь учителя моего по крайней мѣрѣ въ твердости. Воспомяни, о мой другъ, Ѳедора Василіевича, сгараема внутреннимъ огнемъ, кончину свою слышавшагося изъ устъ нельстиваго врача, и къ тебѣ, мой другъ, къ тебѣ прибѣгающаго на скончаніе своего мученія... Воспомяни сію картину, и скажи, что дѣлалось тогда въ душѣ твоей. Піющій Сократъ отраву предъ друзьями своими наилучшее преподалъ имъ ученіе, какого во всемъ житіи своемъ не возмогъ.

Таковыя размышленія побудили меня описать житіе сотоварища нашего Ѳедора Василіевича Ушакова. Я ищу въ томъ собственнаго моего удовольствія; а тебѣ, любезнѣйшему моему другу, хочу отверзсти послѣднія излучины моего сердца; ибо не рѣдко въ изображеніяхъ умершаго найдешь черты въ живыхъ еще сущаго.

Первые года жизни Ѳедора Василіевича мало мнѣ извѣстны; и хотя бы охотно и съ удовольствіемъ ихъ я начерталъ, находя въ первѣйшихъ дѣтскихъ и отроческихъ дѣяніяхъ начальное образованіе души его, находя въ пятилѣтнемъ Ушаковѣ сѣмена твердости, душу его возвышавшей въ возмужалыхъ лѣтахъ: но лучше признаюсь въ невѣдѣніи моемъ, нежели поставлю что либо гадательное вмѣсто истины, и единственнаго да не отъиму побужденія ко чтенію сего повѣствованія въ истинѣ.

Но не гадательнымъ предположеніемъ назвать можно, естьли скажу, что воспитаніемъ своимъ въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ положилъ онъ основательное образованіе прекрасныя своея души: ибо въ душѣ своей болѣе предуспѣть могъ, нежели въ разумѣ, скончавъ жизнь свою тогда, когда юношескою крѣпостію мозга представленія, воображенія и мысли, проницая другъ друга, первыя полагаютъ украшенія верховнаго нашего члена главы, когда разумъ, хотя собравъ посредствомъ чувствъ много понятій, не имѣлъ еще довольнаго времени устроить ихъ въ порядокъ, дабы и послѣднее возбуждало первое, проходя все между стоящее.

Успѣхи Ѳедора Василіевича въ наукахъ побудили тогда Тайнаго Совѣтника Теплова взять его къ себѣ въ должность Секретаря, съ чиномъ Титулярнаго Совѣтника. По изданіи Рижскаго торговаго устава, при составленіи котораго онъ много

трудился, получилъ онъ чинъ Коллежскаго Ассесора. Люди, ослѣпляющіеся внѣшностію, и чтущіе въ человѣкѣ чинъ, а не человѣка, завидуя ему и предъуказуя его возвышеніе, обучилися ужасно почитать заранѣе: но сколь не равнымъ съ нимъ онъ самъ о себѣ былъ мыслей, доказалъ то самымъ дѣломъ.

Межжду многими учрежденіями, на пользу государства сдѣланными, положено, чтобы между людьми, въ дѣлахъ судебныхъ, или судопроизводныхъ обращающимися, было нѣкоторое число судей, имѣющихъ понятіе, какимъ образомъ отличившіеся законоположеніемъ своимъ народы оное сообразовали съ дѣяніями граждань на судѣ. На сей конецъ опредѣлено было послать въ Лейпцигскій университетъ двѣнадцать юношей для обученія Юриспруденціи и другимъ къ оной относящимся наукамъ. Будучи извѣщенъ о семъ, Ѳедоръ Василіевичъ прибѣгнулъ съ просьбою къ начальнику своему, да участвуетъ въ пріобрѣтеніи знаній, сотовариществуя юношамъ, избраннымъ для отправленія въ Лейпцигскій университетъ.

Узнавъ о его предпріятіи, многіе изъ его друзей увѣщевали его, да останется при своемъ мѣстѣ, и да не предпочтетъ невѣрную стезю къ почестямъ, ученость, покровительству своего начальника, и да не подроетъ тѣмъ основанія своего возвышенія. Въ дѣлахъ житейскихъ въ цѣломъ свѣтѣ, говорили они ему, все зависитъ отъ разсчета и уловки. Кто въ нихъ слѣдуетъ единому разсудку и добродѣтели, тотъ не брежетъ о себѣ. Благоразуміе, а иногда одинъ расторопный поступокъ, далѣе возводятъ стяжающаго почестей, нежели всѣ добродѣтели и дарованія совокупно. Положимъ, что Государь истинное достоинство только награждаетъ, и пристрастенъ не бываетъ николи; но если бы возможно было ему, хотя одному, быть безпристрастному въ своемъ Государствѣ, всѣ другіе, начальствующіе въ его образѣ таковы не будутъ: ибо аестьли онъ возможетъ чуждъ быть родству, пріязни, дружбѣ, любви, хотя потому, что равнаго себѣ не имѣетъ, то кого найдешь ему подобнаго. Сверхъ же того онъ малаго токмо числа Отечеству, или ему служащихъ самъ по себѣ знаетъ истинныя заслуги, о всѣхъ другихъ судитъ по слуху, награждаетъ того, кого назначаютъ вельможи, казнитъ не рѣдко того, кто имъ не нравится. Изъ нѣсколькихъ милліоновъ ему подвластныхъ не многіе служатъ ему и истинно пользѣ отечества; всѣ другіе служатъ по большей части вельможамъ. Доказательства для сего не нужны. Скажу только одно: посмотри на поступающихъ въ чины; кто чинъ, или мѣсто, или награжденіе какого бы рода ни было получитъ, обязаннымъ себя, да и справедливо, почитаетъ благодарить за то вельможей. Одного благодаритъ за то, что его рекомендовалъ Государю; другаго за то, что не былъ ему противенъ; третьяго, чтобы впередъ не говорилъ о немъ худо. Государь не рѣдко бываетъ въ семъ случаѣ не что иное, какъ корабль, направляемый тѣмъ вѣтромъ, который другихъ превозмогаетъ. И такъ оставь пустую мысль и тщетное намѣреніе быть извѣстнымъ Государю, въ низкомъ состояніи слѣдуй начатому пути и предуспѣешь.

Положимъ, что ты пребываніемъ своимъ въ училищѣ пріобрѣтешь знанія превосходнѣйшія, что достоинъ будешь управлять нетокмо важнымъ отдѣленіемъ, но достоинъ будешь и большей довѣренности; неужели думаешь, что тебя Государь поставитъ на первую по себѣ степень? Тщетная мечта юнаго воображенія! По возвращеніи твоемъ имя твое будетъ забыто. Вмѣсто того, что ты извѣстенъ нынѣ чрезъ твоего начальника, о тебѣ тогда и не воспомянутъ: ибо не удостоитъ тебя Государь, можетъ быть, воззрѣнія, отвлеченный отъ того или правленія заботою, или важностію сана своего, или завистію вельможей, которые, осаждая непрестанно престолъ Царскій, претятъ проникнуть до него достоинству. А естьли истекаетъ на него награжденіе, то удѣляютъ его всегда въ видѣ милости, а не должнымъ за заслуги воздаяніемъ. Ты помѣстишься въ число такихъ людей, кои не токмо не равны будутъ тебѣ въ познаніяхъ, но и душевными качествами иногда ниже скотовъ почестья могутъ; гнушаться ихъ будешь, но ежедневно съ нами обращаться долженъ. Окрестъ себя узришь нерѣдко согбенные разумы и души, и самую мерзость. Возненавидѣнъ будешь ими; пожернутъ тебя, да оставишь ристаніе имъ свободно. А естьли тогда начальникъ твой будетъ таковыхъ же качествъ, какъ и раболѣпствующіе ему, берегись: гибель твоя неизбѣжна.

Таковыми ужасными представленіями друзья Ѳедора Василіевича старались отвратить его отъ его предпріятія. Начальникъ его, хотя другими доводами, тоже имѣлъ намѣреніе: но всѣ старанія

ихъ были тщетны. Полагаяся твердо на правосудіе своего Государя и алкая науки, Ѳедоръ Василіевичъ пребылъ непоколебимъ въ своемъ намѣреніи, и ученія ради сложилъ съ себя мужественный возрастъ, что степень почестей ему уже давалъ въ обществѣ, сталъ неопытный юноша, или паче дитя, преклоняяся въ управленіе наставнику, управлялъ уже собою нѣсколько лѣтъ въ разныхъ жизни обращеніяхъ.

Описывая житіе столь близскаго сердцу моему человѣка, какъ-то былъ Ѳеодоръ Василіевичъ, я не скрою однако же и того, чего разумъ его не могъ еще въ немъ исправить, и къ чему обращеніе въ большомъ свѣтѣ пріучило юныя его чувства. Сіе-то преждевременное познаніе большаго общества, гдѣ съ дядькой казаться уже стыдно, навлекало ему болѣзнь въ лѣтахъ крѣпости, и смерть безвременную.

Вышедъ изъ Кадетскаго Корпуса, Ѳедоръ Василіевичъ сталъ управлять самъ собою. Семнадцатилѣтней юноша, наперстникъ вольможи, коего тогдашній доступъ до Государя всѣмъ былъ извѣстенъ, не могъ онъ обойтися безъ искушенія, и сіи были различнаго рода. Большая часть просителей думаютъ, и нерѣдко справедливо, что для достиженія своей цѣли, нужна пріязнь всѣхъ тѣхъ, кто хотя мизинцомъ до тѣла ихъ коснется; и для того употребляютъ ласки, лесть, ласкательство, дары, угожденіе и все, что вздумать можно, не только къ самому тому, отъ кого исполненіе просьбы ихъ зависитъ, но и ко всѣмъ его приблеженнымъ, какъ-то къ Секретарю его, къ Секретарю его Секретаря, естьли у него оной есть, къ писцамъ, сторожамъ, лакеямъ, любовницамъ, и естьли собака тутъ случится, и ту погладить не пропустятъ. Таковыя же ласкательства, угожденія и Богъ вѣсть что употреблено было отъ просителей на снисканіе благоволенія Ѳедора Василіевича. Богачъ сулилъ злато, но не успѣвалъ, и долженствовалъ возвращаться съ негодованіемъ. Но естьли благорасположенная душа отметала мздоимство, не могла она отметать всегда вида пріязни. Трудившись во весь день, охотно бѣжалъ онъ по вечерамъ въ собранія малыя и большія, на балы, маскарады, ужины, гдѣ нерѣдко просиживалъ за карточною игрою до полуночи, а иногда гораздо позже. Возвращался домой, нерѣдко вмѣсто возобновленія силъ благотворнымъ сномъ, принужденъ бывалъ приниматься паки за работу, и свѣтило дневное, восходя на освѣщеніе, блаженства и нещастія, заставало его согбеннаго надъ трудомъ, невкушавшаго еще сладости успокоенія.

Въ числѣ множественныхъ просителей бывали иногда женщины, женщины молодыя, которыя въ жару доводовъ о справедливой или несправедливой ихъ просьбѣ, забывали иногда, чѣмъ были должны цѣломудрію, а иныя, помня лѣта того, къ кому шли на прошеніе, умышленно употребляли чары красоты своея на пріобрѣтеніе благосклонности Ѳедора Василіевича. Такого рода приключеніе онъ самъ разсказывалъ. Се повѣсть его:

Пробывъ гораздо за полночь въ веселой бѣсѣдѣ съ людьми, обыкновенно друзьями называющимися, пріѣхавъ домой, работалъ онъ до пятаго часа утра, и утомившись веселіемъ и работою, заснулъ крѣпко. Беззаботливая юность не безпокоилась еще колючимъ терніемъ опытности, и мечты сна его столь же были исполнены веселія, какъ и бдѣніе. Ему снилося, что лежалъ въ объятіяхъ прекрасныя жены, упоенный сладострастіемъ, столь державно надъ юными чувствами властвующимъ, и среди прелестныя сея мечты, отлетѣлъ сонъ отъ очей его. Но что же представилось просіявшему его взору? Сто кратъ любезнѣе видѣнной имъ во снѣ, зрѣлъ онъ отроковицу почти, сидящую подлѣ одра его, тщательно отгоняющую крылатыхъ насѣкомыхъ съ лица его, и распростертымъ опахаломъ умѣряющую зной солнца, проникшаго уже лучемъ своимъ въ его спальню. Лѣто было, и часъ уже десятый. Не вдругъ повѣрилъ онъ, что проснулся. Зря его пробудившагося и, устремляя взоры пламеннаго желанія, съ улыбкою страсти и гласомъ Сирены— «Извините меня, Государь мой, — сказала просительница,—что я прервала вашъ сонъ, лишила васъ, можетъ быть, пріятныя мечты возлюбленной». И проницала вѣщающая жаркимъ своимъ взоромъ всю его внутренность. Естьли бы я писалъ любовную повѣсть, колико обильная предлежала бы начертанію жатва. Чувственность была въ Ѳедорѣ Василіевичѣ при началѣ своего возниченія, просительница жила въ разводѣ со старымъ мужемъ, имѣла нужду въ представительствѣ Ѳедора Василіевича, провѣдала его горячее тѣлодвиженіе, пришла на уловленіе его, и успѣла.

О естьли бы и мое пробужденіе могло быть иногда таково же, естьли бы я паки имѣлъ не болѣе двадцати лѣтъ! Мой другъ, жалѣй, естьли хочешь, о моей слабости: но се истина.

Сими и симъ подобными случаями подсѣкъ Ѳедоръ Василіевичъ корень своего здравія и, не отъѣзжая еще въ Лейпцигъ, почувствовалъ въ тѣлѣ своемъ болѣзнь, неизбѣжное слѣдствіе неумѣренности и злоупотребленія тѣлесныхъ услажденій.

Какъ со времени начатія нашего путешествія повѣствованіе о Ѳедорѣ Василіевичѣ сопряжено съ повѣствованіемъ объ общемъ нашемъ пребываніи въ Лейпцигѣ, то не удивляйся, мой другъ, естьли оно коснется вообще положенія, въ которомъ мы находились, и естьли найдешь здѣсь нѣкоторыя черты расположенія твоихъ мыслей въ тогдашнее время: ибо забыть того нельзя, колико единомысліе между нами царствовало.

Въ продолженіе нашего пути Ѳедоръ Василіевичъ навлекъ на себя ненависть путеводителя нашего, и самое то качество, которое пріобрѣли ему нашу приверженность, самое то было причиною, что Бокумъ его возненавидѣлъ. Твердость мыслей и вольное оныхъ направленіе были въ немъ противны, и съ перваго раза, когда они въ немъ видны стали, началъ путеводитель нашъ помышлять, какъ бы погубить его. Но дивиться не должно, что противорѣчіе въ подчиненномъ, справедливое хотя противорѣчіе, или лучше сказать, единое напоминовеніе справедливости, произвело здѣсь со стороны сильнаго негодованіе и прещеніе. Сіе въ самодержавныхъ правленіяхъ почти повсемѣстно. Примѣръ самовластія Государя, не имѣющаго закона на послѣдованіе, ниже въ расположеніяхъ своихъ другихъ правилъ, кромѣ своей воли, или прихотей, побуждаетъ каждаго начальника мыслить, что пользуяся удѣломъ власти безпредѣльной, онъ такой же властитель частно, какъ тотъ въ общемъ. И сіе столь справедливо, что нерѣдко правиломъ пріемлется, что противорѣчіе власти начальника есть оскорбленіе верховной власти. Несчастное заблужденіе, тѣснящее духъ и разумъ, и на мѣстѣ величія водворяющее робость, и замѣшательство, подъ личиною устройства и покоя! Да сіе иначе и быть не можетъ по сродному человѣку стремленію къ самовластію, и Гельвеціево о семъ мнѣніе ежечасно подтверждается.

Привлекши на себя ненависть путеводителя нашего, Ѳедоръ Василіевичъ не возмущался сею мыслію: ибо что вѣщалъ ему, то была истина. Бокумъ рачилъ болѣе о своей прибыли, нежели о ввѣренныхъ ему. Ѳедоръ Василіевичъ имѣлъ болѣе опытности, нежели другіе его товарищи; довольныя причины для приведенія корыстолюбца на злобу.

Первой случай къ несогласію нашему съ нашимъ путеводителемъ, и первая причина его злобствованія противъ Ѳедора Василіевича было само въ себѣ малозначущее происшествіе, но великое имѣло дѣйствіе на расположеніе наше къ начальнику нашему. Мы всѣ воспитаны были по русскому обряду, и въ привычкѣ; хотя не сладко ѣсть, но до насыщенія. Обыкли мы обѣдать и ужинать. Послѣ великолѣпнаго обѣда въ день нашего выѣзда, ужинъ нашъ былъ гораздо тощъ, и состоялъ въ хлѣбѣ съ масломъ и старомъ мясѣ, ломтями рѣзанномъ. Таковое кушанье, для нѣмецкихъ желудковъ весьма обыкновенное, встревожило Русскіе, привыкшіе болѣе ко штямъ и пирогамъ. И естьли захочешь безъ предубѣжденія внять винѣ нашего неудовольствія, къ нещастію нашему потомъ обратившагося, то найдешь корень онаго въ первомъ нашемъ ужинѣ. Покажется иному смѣшно, иному низко, иному нелѣпо, что благовоспитанные юноши могли начальника своего возненавидѣть за таковую малость: но самаго умѣреннѣйшаго человѣка заставь поговѣть недѣлю, то нетерпѣніе въ немъ скоро будетъ примѣтно. Естьли сладость наскучить можетъ, кольми паче голодъ. Худая по большей части пища, и великая неопрятность въ пріуготовленіи оной произвели въ насъ справедливое негодованіе. Ѳедоръ Василіевичъ взялся изъявить оное предъ нашимъ начальникомъ. Умѣренное его представленіе принято почти съ презрѣніемъ, а особливо женою Бокума, которую можно было почитать истиннымъ нашимъ гофмейстеромъ. Сіе произвело словопрѣніе, и кончилось тѣмъ, что Ѳедоръ Василіевичъ возненавиженъ сталъ обоими супругами.

Но не зналъ нашъ путеводитель, что худо всегда отвергать справедливое подчиненныхъ требованіе, и что высшая власть сокрушалась иногда отъ безвременной упругости и безразсудной строгости.

Мы стали отважнѣе въ нашихъ поступкахъ, дерзновеннѣе въ требованіяхъ, и отъ повторяемыхъ

оскорбленій стали наконецъ призирать его власть. Естьли бы желаніе ученія не останавливало насъ въ поступкахъ нашихъ, и не умѣряло нашего негодованія, то Бокумъ на дорогѣ бы испыталъ, колико безразсудно даже дѣтей доводить до крайности. Во всѣхъ сихъ зыбленіяхъ боязни и отваги, младшіе предводительствуемы были старшими. Изъ сихъ первый былъ Ѳедоръ Василіевичъ: но если его кто почтетъ сварливымъ, или коварнымъ, или вспыльчивымъ, тотъ, конечно, ошибется. Единое негодованіе на неправду бунтовало въ его душѣ, и зыбь свою сообщало нашимъ, немощнымъ еще тогда самимъ собою воздыматься на опроверженіе неправды. Таковыми произшествіями изготовлялися мы къ одной изъ знаменитѣйшихъ по моему мнѣнію эпохъ нашей жизни! Я говорю о содержаніи нашемъ въ Лейпцигѣ подъ стражею.

Ничто, сказываютъ, толико не сопрягаетъ людей, какъ нещастіе. Сія истина подкрѣпляется и нашимъ примѣромъ. Худые съ нами поступки нашего гофмейстера толико насъ сдѣлали единомысленными, что, исключая нѣкоторыхъ изъ насъ, могли бы мы по истинѣ одинъ за другаго жертвовать всемъ на свѣтѣ. Да сіе иначе быть не можетъ: ибо дружба въ юномъ сердцѣ есть, какъ и всѣ онаго чувствованія, стремительна. Краткое пребываніе наше въ Митавѣ, возрѣніе неизвѣстныхъ намъ доселѣ нравовъ, обрядовъ, языка, загладило въ душѣ Ѳедора Василіевича угрызеніе печали. Ежедневныя оскорбленія начинали было производить въ немъ раскаяніе о предпріятомъ путешествіи, но новые предметы отвлекли душу его отъ горестныхъ мыслей, и содѣлали ее на нѣкоторое время къ оскорбленіямъ безчувственною. Но естьли новые предметы удобны были загладить въ душѣ Ѳедора Василіевича слѣды печали, то не имѣлъ онъ однакоже довольно опытности, такъ сказать, въ ученіи, дабы изъ путешествія своего извлечь всю возможную пользу. Примѣчанія достойно: человѣкъ, достигнувъ возмужалыхъ лѣтъ, когда начинаетъ испытывать силы разума, устремляемый бодростію душевныхъ силъ, обращаетъ проницательность свою на вещи внѣ прямой округи лежащія, возносится на крыльяхъ воображенія за предѣлы естественности, и нерѣдко теряется въ неосязаемомъ, презирая чувственность, столь мощное вождающую. Всѣ почти юноши, мыслить начинающіе, придерживаются правилъ, народнымъ правленіямъ приличнымъ. И такъ, Ѳедоръ Василіевичъ мысли свои обращалъ болѣе къ умственнымъ предметамъ и не зналъ еще какую пользу извлечь можно изъ путешествія.

Между людьми, получившими воспитаніе разнаго рода, понятія о Священныхъ вещахъ долженствовали быть и были разныя. Есть-ли бы возможно было опредѣлить, какое каждой изъ насъ имѣлъ тогда понятіе о Богѣ и о должномъ Ему почитаніи, то бы описаніе сіе показалося взятымъ изъ какого либо путешествія, въ коемъ описывается исповѣданіе вѣры неизвѣстныхъ народовъ. Иной почиталъ Бога не иначе какъ палача орудіемъ кары вооруженнаго и боялся думать о немъ, столь застращенъ былъ силою Его прещенія.

Другому казался Онъ окруженнымъ толпою младенцевъ, азбучной учитель, котораго дразнить ни во что вмѣняется: ибо уловкою какою нибудь можно избѣгнуть его розги, и скоро съ нимъ опять поладить. Иной думалъ, что нетокмо дразнить его можно, но дѣлать все ему на смѣхъ и вопреки его велѣніямъ. Всѣ мы однако же воспитаны были въ Греческомъ исповѣданіи, и для сохраненія насъ въ православіи, отправленъ съ нами былъ монахъ, которому въ должность предписано было наставить насъ въ Христіанскомъ законѣ, отправлять для насъ службу Церковную и быть нашимъ Духовникомъ.

Отецъ Павелъ былъ въ своемъ родѣ человѣкъ полуученой, зналъ по латынѣ, по гречески и нѣсколько по еврейски. Въ семинаріи прошелъ всѣ нижніе и вышніе философскіе и богословскіе классы, и былъ учителемъ риторики. Но естьли ему извѣстны были правила краснорѣчія, древними авторами преподаннаго, естьли зналъ онъ, что есть Метафора, Антитезисъ и прочія риторическія фигуры, то никто столь мало не былъ краснорѣчивъ, какъ нашъ отецъ Павелъ. Добродушіе было первое въ немъ качество, другими же онъ не отличался, и болѣе способствовалъ къ возродившемуся въ насъ въ то время непочтенію къ Священнымъ вещамъ, нежели удобенъ былъ дать наставленіе въ Священномъ законѣ. Судить можно изъ слѣдующаго.

Исправленіе наше (ибо при первомъ нашемъ свиданіи онъ почелъ насъ богоотступниками, хотя ручаться можно, что ни одинъ изъ насъ въ то время ниже повѣсти не читывалъ о Аѳеистахъ), исправленіе наше началъ онъ тѣмъ, что заставилъ насъ при утреннихъ и вечернихъ на молитвѣ собраніяхъ пѣть. Естьли воспомнить, мой другъ, сколь не-

стройной, несогласной и шумной у насъ бывалъ всегда концертъ, то и теперь еще улыбнешься. Иной тянулъ очень низко, иной высоко, иной звонко, иной чрезъ-чуръ кудряво, и наконецъ, устроенное на пріученіе ко благоговѣнію, превратилося постепенно въ шутку и посмѣялище.

Отецъ Павелъ, естьли припомнить, гораздо былъ смѣшливъ, и естьли случалося ему во время богослуженія видѣть что либо смѣшное, то, забывъ важность своего дѣйствія, начиналъ смѣяться, какъ-то случилося ему въ Лейпцигѣ, увидѣвъ одного изъ насъ, а именно К. Т. поющаго на крылосѣ, изкрививъ лицо для высокаго напѣва. Для сей-то причины онъ отправлялъ богослуженіе большею частію зажмурившись.

Въ Ригѣ на молитвѣ случилось весьма смѣшное произшествіе. Отецъ Павелъ, опасаясь увидѣть что-либо предъ глазами, могущее подвигнуть его на смѣхъ, зажмурился, начиная пѣніе. Симъ М. У., человѣкъ шутливой и проказливой, захотѣлъ воспользоваться, дабы разсмѣшить нашего отца Павла.

Икона, предъ коей совершался нашъ молитвенный напѣвъ, стояла вверху довольно пространнаго стола, на которомъ раскладены были наши шапки, шляпы, муфты, перчатки. Предъ столомъ стоялъ отецъ Павелъ, зажмурившись. М. У. взявъ легонько одну изъ перчатокъ, на столѣ лежавшихъ, и согнувъ персты ея образомъ смѣшнаго кукиша, положилъ оную возвышенно прямо предъ поющаго нашего Духовника. При дѣланіи поясныхъ поклоновъ, отецъ Павелъ растворилъ зажмурившіяся глаза свои, и первая представилася ему сложенная перчатка. Не могъ онъ воздержаться, захохоталъ громко, и мы всѣ за нимъ.

Отецъ Павелъ, не привыкнувъ еще къ нашимъ проказамъ, обрѣталъ въ нихъ болѣе, нежели простыя и юношескія шутки. Оборотясь, наименовалъ онъ насъ богоотступниками, непотребными и другими въ приложеніи юношества смѣшными названіями; сдѣлавшаго-же вину смѣха называлъ, неграмматикально можетъ быть, мошенникомъ да и того хуже. При первыхъ уже словахъ М. У., будучи весьма вспыльчивъ, восколебался, и столь же смѣшнымъ дѣяніемъ, какъ сей неприличными словами, представили намъ позорище, какого ни на какомъ театрѣ за рубль купить не можно. М. У., схвативъ висящую на стѣнѣ шпагу и привѣсивъ ее къ бедрѣ своей, бодро приступилъ къ чернецу; показывая ему ефесъ съ темлякомъ, говорилъ ему, немного заикаясь отъ природы, ты забылъ развѣ батюшка, что я Кирасирскій офицеръ. Въ такомъ вкусѣ было продолженіе сего дѣйствія, которое для насъ кончилось смѣхомъ, для М. У. мнимою побѣдою, а для отца Павла отъитіемъ съ негодованіемъ въ свою комнату.

Сіе и подобныя сему происшествія умалили въ въ насъ почтеніе къ духовной надъ нами власти, такъ какъ шутки надъ нашимъ гофмейстеромъ нѣкотораго проѣзжавшаго Россійскаго гвардіи офицера, о чемъ я скажу послѣ, возбудили къ нему въ насъ совершенное пренебреженіе.

Еще о краснорѣчіи отца Павла: слѣдуя, не вѣдаю, данному предписанію, или по собственному своему побужденію, онъ каждое Воскресеніе по совершеніи Литургіи становился предъ царскими дверьми за налоемъ и преподавалъ намъ толкованіе о чтенномъ того дня Евангеліи. Вслѣдствіи сего обряда, въ нѣкакой праздникъ, во Благовѣщеніе, естьли хорошо помню, онъ объяснить намъ старался, что въ Священномъ Писаніи разумѣется подъ Ангеломъ Божіимъ. «Ангелъ есть слуга Господень, котораго онъ посылалъ для посылокъ, онъ то же, что у Государя курьеръ, какъ-то Г. Гуляевъ». Тогда былъ въ Лейпцигѣ, пріѣхавшій изъ Петербурга съ нѣкоторыми приказаніями курьеръ кабинета, и былъ съ нами присутственъ на Литургіи. При изрѣченіи сего забыли мы должное къ церкви благоговѣніе, забыли Ангела, видѣли дѣйствительнаго курьера, и всѣ захохотали громко. Отецъ Павелъ засмѣялся за нами вслѣдъ, зажмурилъ глаза, потомъ заплакалъ, и сказалъ: Аминь.

Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, забылъ Өедоръ Василіевичъ всѣ обиды и притѣсненія своего начальника, и вдался ученію съ наивеличайшимъ рвеніемъ, но какъ не окоренѣлъ еще въ трудолюбіи сего рода, то на время отъ онаго отвлеченъ былъ случившимся съ нами непріятнымъ происшествіемъ, которое для всѣхъ насъ было дѣятельною наукою нравственности во многихъ отношеніяхъ.

Естьли иные въ повѣствованіи семъ найдутъ что либо пристрастное, не буду тронутъ тѣмъ, вѣдая, что они ошибаются; но ты, мой другъ, будучи содѣйствователь всего, обрящешь въ немъ истину.

Имѣя власть въ рукѣ своей и деньги, забылъ гофмейстеръ нашъ умѣренность, и подобно правителямъ народовъ возмнилъ, что онъ не для насъ съ нами; что власть ему данная надъ нами и опредѣленныя деньги, не на нашу были пользу, но на его. Власть свою хотѣлъ онъ употребить на приведеніе насъ къ молчанію о его поступкахъ.

Первое, чѣмъ Бокумъ по пріѣздѣ въ Лейпцигъ началъ правленіе свое, было сокращеніе издержекъ относительно насъ, елико то возможно было. Но не воображай, чтобы домостроительство было тому причиною; что онъ отчислялъ отъ нашего содержанія, то удвоялъ въ своемъ и принужденъ былъ лишать насъ даже нужнѣйшихъ вещей на содержаніе наше. О семъ тѣ, кои изъ насъ были постарѣе, и въ числѣ оныхъ первый былъ Ѳедоръ Василіевичъ, дѣлали ему весьма крѣпкія представленія гораздо кротче, нежели когда либо Парижскій Парламентъ дѣлывалъ французскому Королю. Но какъ таковыя представленія были частныя, какъ то бываютъ и Парламентскія, а не отъ всѣхъ, то Бокумъ отвергалъ ихъ толико же самовластно, какъ и Король Французскій, говоря своему народу: «въ томъ состоитъ наше удовольствіе».

Наскучивъ представленіями, Бокумъ захотѣлъ ихъ пресѣчь, вдругъ показавъ пространство своей власти. Придравшись къ маловажному проступку К. Т., онъ посадилъ его подъ стражу, отлучивъ его отъ обхожденія съ нами, и приставилъ у дверей комнаты, въ которую онъ былъ посаженъ, часоваго съ полнымъ оружіемъ, выпросивъ нарочно для того трехъ человѣкъ солдатъ. Не довольствуяся таковымъ наглымъ поступкомъ, онъ грозилъ посажденнаго подъ стражу, и намъ за нимъ, естьли не уймемся, то, по данной ему власти, онъ будетъ насъ наказывать фухтелемъ, какъ-то называютъ, или ударами обнаженнаго тесака по спинѣ. Сіе произвело въ насъ противное дѣйствіе, которое онъ ожидалъ. Вѣдали мы, что власти таковой ему дано не было, и всякому извѣстно было, что мягкосердіе начинало писать въ Россіи законы, оставя всѣ извѣты лютости прежнихъ, хотя по истинѣ душесильныхъ временъ. Негодованіе въ насъ возросло до изступленія, но мы не забыли еще умѣренности, и хотя скопомъ и заговоромъ, но для ребятъ довольно правильно и благопристойно, пришли всѣ просить его объ отпущеніи вины К. Т. и объ освобожденіи его изъ подъ стражи. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться кроткимъ расположеніемъ душъ нашихъ и привлечь къ себѣ нашу признательность отпущеніемъ вины сотоварища нашего въ уваженіе нашея просьбы, онъ его нагло отвергнулъ и выслалъ насъ съ презрѣніемъ. Сіе уязвило сердца наши глубоко, и мы не столько помышлять начали о нашемъ ученіи, какъ о способахъ освободиться толико несноснаго ига.

Подобно, какъ въ обществахъ, гдѣ удрученіе начинаетъ превышать предѣлы терпѣнія и возникаетъ отчаяніе, такъ и въ нашемъ обществѣ начинались сходбища, частыя сѣтованія, предпріятія, и все, что при заговорахъ бываетъ, взаимныя о вспомоществованіи обѣщанія, неумѣренность въ изрѣченіяхъ; тутъ отважность была похваляема, а робость молчала, но скоро единомысліе протекало всѣхъ души, и отчаяніе ждало на воспаленіе случая.

Бокумъ онаго не удалялъ. Причина нашего неудовольствія была недостатокъ иногда въ нужныхъ для нашего содержанія вещахъ, то есть: въ пищѣ, одеждѣ и прочемъ. Вторая: зима по пріѣздѣ нашемъ въ Лейпцигъ была жесточае обыкновенныхъ, и съ худыми предосторожностями холодъ чувствительнѣе для насъ былъ, нежели въ самой Россіи, при тридцати градусахъ стужи.

Домостроительство Бокума простиралось и на дрова, и мы болѣе въ семъ случаѣ терпѣли недостатка, нежели въ чемъ другомъ. Хотя запрещено было, какъ то намъ сказывали, присылать къ намъ деньги изъ домовъ нашихъ, но мы, неизвѣстны будучи о семъ запрещеніи, и охотны, особливо на случай нужды, преступить сіе повелѣніе, имѣли при отъѣздѣ нашемъ изъ Россіи по нѣскольку собственныхъ денегъ. Кто ихъ имѣлъ, не только удовлетворялъ необходимымъ своимъ нуждамъ, но снабжалъ и товарищей своихъ. Словомъ: во все продолженіе нашего пребыванія, кто имѣлъ свои деньги, тотъ употреблялъ ихъ нетокмо на необходимыя нужды, какъ-то: на дрова, одежду, пищу, но даже и на ученіе, на покупку книгъ, не утаю и того, что деньги, нами изъ домовъ получаемыя, послужили къ нашему въ любострастіи невоздержанію, но не онѣ къ возрожденію онаго въ насъ были причиною или случаемъ. Нерадѣніе о насъ нашего начальника и малое за юношами въ развратномъ обществѣ смотрѣніе были онаго корень, какъ-то оно есть и вездѣ, въ чемъ всякой человѣкъ безъ предубѣжденія признается.

Одинъ изъ нашего общества Н. не получалъ изъ дому своего ни копѣйки, и для того претерпѣвалъ болѣе другихъ нужду. Въ памятную зиму не въ силахъ болѣе терпѣть холода ради болѣзненнаго расположенія тѣла, рѣшился сдѣлать гофмейстеру представленіе. Бокума онъ нашелъ играющаго на биліардѣ съ нѣкоимъ изъ его единоземцевъ и главнымъ подстрекателемъ его надменности. Н. объявилъ ему о своемъ недостаткѣ, прося дать приказаніе истопить его горницу. За день сего Бокумъ посадилъ подъ стражу К. Т., которой былъ комнатной товарищъ Н. На отказъ, сдѣланный Бокумомъ, Н. сдѣлалъ возраженіе, а Бокумъ не хотя онаго слушать, а особливо при напоминателѣ о его власти, оставивъ свою игру, началъ пришедшаго толкать неучтиво; а какъ сей тому противился и, къ нему обернувшись, говорилъ, что требованіе его о семъ справедливо, то Бокумъ и паче того раздраженный ударилъ Н. по щекѣ. Сей мнимый отчасти знакъ безчестія столь сильно обезоружилъ Н., что онъ, не сказавъ болѣе начальнику нашему ни слова, поклонился и вышелъ вонъ.

Отрада несчастному есть убѣжище на лонѣ дружбы, бесѣдованіе о скорби своей. И возвѣстилъ насъ обиженный о произшедшемъ съ нимъ. Презрѣніе къ начальнику нашему было первое душъ нашихъ движеніе; но скоро къ тому присовокупилось м негодованіе. Всякъ боялся такой же участи; иной мечталъ уже слѣдствіе своего отчаянія въ такомъ случаѣ, другой изумленный предварительно таковою мыслію находился въ нерѣшимости, что должно будетъ ему сдѣлать, естьли на него падетъ жребій равный съ Н. Но всѣ единогласно положили, что Бокумъ, сдѣлавъ поступокъ противный не только добрымъ нравамъ, но и благопристойности, долженствовалъ сдѣлать Н. удовлетвореніе за обиду. Въ общежитіи, говорилъ намъ Өедоръ Василіевичъ, естьли таковой случай произойдетъ, то оной неиначе загладенъ быть можетъ, какъ кровію. Сіе говорилъ онъ изъ опытовъ, и подкрѣплялъ примѣрами: но ни онъ, ни мы не понимали еще всей гнусности поединковъ въ благоучрежденномъ обществѣ и, вождаемые примѣрами, судили, что настоялъ бы и теперь къ оному случай, естьли бы дѣло должно было имѣть съ посторонннимъ человѣкомъ, а не съ начальникомъ нашимъ.

Мы въ то время начали только слушать преподаванія права естественнаго и, не объявъ еще всю онаго связь, остановились при первыхъ движеніяхъ, производимыхъ въ человѣкѣ оскорбленіемъ. Не имѣя въ шествіи своемъ ни малѣйшія преграды, человѣкъ въ естественномъ положеніи при совершеніи оскорбленія, влекомый чувствованіемъ сохранности своей, пробуждается на отраженіе оскорбленія. Отъ сего рождается мщеніе, или древній законъ: око за око; законъ, ощущаемый человѣкомъ всечастно, но огражденный и умѣряемый закономъ гражданскимъ. Несовершенное еще расположеніе мыслей представило уму нашему въ естественномъ насъ положеніи, въ отношеніи нашего начальника, и мы заключили, что Н. долженствовалъ возвратить Бокуму полученную имъ пощечину.

Заключительной и общій нашъ приговоръ былъ таковъ, что Н. долженъ идти къ Бокуму и въ присутствіи нашемъ требовать отъ него въ обидѣ своей удовлетворенія. Естьли же онъ не восхочетъ того исполнить, то надлежитъ ему пощечину Бокуму возвратить. Долго Н. размышлялъ, колебался, не могъ рѣшиться на сей поступокъ: но мы приговоръ нашъ подкрѣпили тѣмъ, что естьли онъ сего не исполнитъ, то лишенъ будетъ нашея пріязни и обхожденія съ нами. Ни что столь сильнаго и столь скораго не могло произвести дѣйствія въ душѣ оскорбленной Н. какъ наша угроза. Естьли бы приговоръ нашъ былъ въ противную сторону, то онъ, да и всякой изъ насъ, и кто бы то ни было, въ ровномъ токмо съ нами положеніи, терпѣливо бы принялъ еще десять пощечинъ, нежели бы захотѣлъ придти въ презрѣніе у своихъ товарищей.

Собравшися и условившись, какимъ образомъ долженствовалъ Н. требовать отъ Бокума удовлетворенія въ обидѣ ему сдѣланной, мы пошли къ нему, исключая К. Т., которой сидѣлъ подъ стражею.

Въ комнатѣ, гдѣ бывала обыкновенная наша трапеза, дожидались мы его, пославъ его извѣстить, что мы желаемъ его видѣть. Едва онъ вошелъ въ комнату, какъ началося дѣйствіе, которое при первомъ шагѣ нашего житія могло бы превратнымъ жребіемъ ввергнуть насъ въ совершенную гибель. Столь юность безъ совѣтовъ дружества сама себѣ губительна; но Провидѣніе бдѣло намъ нами: ибо

превратности въ сердцѣ нашемъ не зрѣло: и для того щитъ его носится всегда надъ неопытностію и блюдетъ ее въ самой пропасти.

Вслѣдствіе сдѣланнаго между нами положенія Н. подступилъ къ Бокуму, просилъ отъ него удовлетворенія въ обидѣ. Пріятнѣе—можетъ быть будетъ читателю, пріятнѣе тебѣ, мой любезный другъ, естьли я употреблю здѣсь самыя почти тѣ слова, которыя въ то время были изречены; они были кратки, какъ и дѣйствіе было мгновенно.

Н. Вы меня обидѣли, и теперь пришелъ я требовать отъ васъ удовольствія.

Б. За какую обиду и какое удовольствіе?

Н. Вы мнѣ дали пощечину.

Б. Не правда, извольте идти вонъ.

Н. А естьли не такъ, такъ вотъ она, и другая.

Сіе говоря ударилъ Н. Бокума и повторилъ ударъ. Опасаясь дальнѣйшаго слѣдствія, Бокумъ вышелъ изъ горницы. Писарь Бокумовъ, бывшій тогда съ нимъ, вообразилъ себѣ, что Н. хочетъ господина его заколоть, ибо имѣлъ при себѣ шпагу, оторвалъ у него ее съ бедры, за что онъ былъ наказанъ только тѣмъ, что М. У. снялъ съ него парикъ. Но причина, для коей Н. имѣлъ при себѣ шпагу, была иная: онъ былъ въ гостяхъ и, пришедъ, не имѣлъ времени раздѣться, и на сраженіе пришелъ со шляпою и шпагою; но Бокумъ въ обвиненіи своемъ не пропустилъ сего обстоятельства, и сказалъ, что мы, а паче Н., покушались на его жизнь, и сей вынулъ уже шпагу изъ ноженъ до половины, но онъ насъ какъ ребятъ разогналъ и раскидалъ. И такъ въ самой клеветѣ не позабылъ хвастовства, и никогда не признавался, что Н. ему возвратилъ пощечину съ лихвою.

Но естьли бы вздумали располагать великость вины по оружію, которое кто имѣлъ, то никого не надлежало обвинять болѣе другихъ, какъ меня. Ибо у меня были въ то время карманные пистолеты, заряженные дробью, которые я купилъ за предъ симъ произшествіемъ, зарядилъ и хотѣлъ идти испытать оныхъ дѣйствіе въ опредѣленномъ къ тому мѣстѣ, но по щастію меня тогда не обыскали. Изъ сего глупыя юности произшествія могло бы произойти, признаюсь охотно, что либо слезное и не смѣшное, естьли бы Бокумъ имѣлъ кого либо при себѣ опричь стараго своего писаря; и естьли бы вождаемъ мыслію, что мы умышляли убить его, сталъ бы на насъ наступать. Въ жару изступленія чего не могло бы случиться, но къ щастію М. У. двери заперъ, и на крикъ стараго писаря никто войдти не могъ.

По совершенію нашего приступа, мы, почитая его правильнымъ поступкомъ, заявили о немъ Университетскому Ректору. Возвратяся отъ него, души наши покойны не были. Мы чувствовали нашъ проступокъ, но чувствовали и тягость нашего положенія, и на вѣсахъ правосудія мы осуждены бы быть не могли. Но всякой судія есть человѣкъ, не рѣдко вождается внѣшностію.

Я нынѣ еще трепещу, воспоминая о намѣреніи нашемъ при семъ произшествіи. Мы разсуждали, что нашъ поступокъ конечно не одобрятъ, что Бокумъ разцвѣтитъ его тусклыми красками клеветы, что если посадилъ подъ стражу за маловажный проступокъ, можетъ сдѣлать съ нами еще болѣе, и мы возвращены будемъ въ Россію для наказанія, а болѣе того на посмѣяніе; и для того многіе изъ насъ намѣреніе положили оставить тайно Лейпцигъ, пробраться въ Голландію или Англію, а оттуда, сыскавъ случай, ѣхать въ Остъ-Индію или Америку. Таковыя могли быть слѣдствія безразсудной строгости начальника и неопытной юности. Но Бокумъ предварилъ умышляемому нами побѣгу, и не прошло получаса, какъ онъ, испросивъ отъ тамошняго военнаго начальника солдатъ вооруженныхъ, посадилъ насъ подъ стражу, каждаго въ своей комнатѣ.

Въ семъ тягостномъ для насъ положеніи мы прибѣгнули къ Россійскому въ Дрезденѣ Министру, описавъ ему случившееся во всей подробности; но письмо наше до него не дошло, какъ то мы послѣ узнали: ибо Бокумъ тамошнему правительству сказалъ ложно, что ему велѣно было всѣ наши письма останавливать, и не прежде отправлять въ Россію, какъ онъ увѣдомленъ будетъ о ихъ содержаніи. Такимъ образомъ ни Министръ нашего Двора въ Дрезденѣ, ни въ Петербургѣ не могли быть извѣстны о истинномъ нашемъ положеніи, сколько мы о томъ ни писали. Когда же нашелся человѣкъ насъ довольно любящій, изъ сожалѣнія единственно и на своемъ иждивеніи отправившійся въ Россію для извѣщенія кого должно о произшедшемъ съ нами, то о всемъ было отъ Министра нашего по представленіямъ Бокума предварено и жалобѣ нашей не внято.

Но я могу тебѣ наскучить, мой любезный другъ, разсказывая о томъ, что тебѣ столь же извѣстно, какъ мнѣ; и для того заключу повѣствованіе о семъ непріятномъ тогда для насъ происшествіи, но по истинѣ сказать, преподавшемъ намъ много нравоученія дѣятельнаго. Намѣреніе мое было показать только то, сколь много ошибаются начальники въ употребленіи своей власти, и коликой вредъ причиняютъ безвременною и безразсудною строгостію. Естьли бы мы исполнили наше намѣреніе и ушли бы изъ Лейпцига, вообрази, колико горести навлекли бы мы нашимъ родителямъ, друзьямъ, да и всѣмъ сердцамъ, юность возлюбляющимъ; естьли бы Государство добровольнымъ изгнаніемъ десяти гражданъ ничего, казалося, не потеряло, но отечество потеряло бы, конечно, искренно любящихъ его сыновъ. Буде кто захочетъ на сіе доказательства, то не дамъ никакого; но тебѣ только, мой другъ, воспомяну о возвращеніи нашемъ въ Россію. Воспомни нетерпѣніе наше видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, воспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Естьли кто безстрастный ничего иного въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность, или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги; но естьли кто, понимая, что есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ таковаго, и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнію дла пользы отечества; тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго. Признаюсь, и ты, мой любезный другъ, въ томъ же признаешься, что послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ, жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О вы, управляющіе умами! колико вы бываете часто кратко-видцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая пламень, объемлющій сердце юности. Единыжды смиривъ юношу, нерѣдко на вѣки содѣлаете калѣкою.

Подъ стражею содержимы были мы, какъ государственные преступники или отчаянные убійцы. Не токмо отобраны были у насъ шпаги, но раниры, ножи, ножницы, перочинные ножички, и когда приносили намъ кушанье, то оно было нарѣзано кусками: ибо не было при ономъ ни ножей, ни вилокъ. Окончины были заколочены, оставлено токмо одно малое отверстіе на возобновленіе воздуха, часовой сидѣлъ у насъ въ передспальной комнатѣ, и могъ видѣть насъ лежащихъ на постелѣ: ибо дверь въ спальную нашу была вынута.

Не взирая на всѣ предосторожности, чтобы воспретить намъ между собою сообщеніе, и чтобы мы не могли извѣстить Министра нашего о нашемъ положеніи: ибо сіе и была причина строгаго нашего содержанія подъ стражею, мы написали письмо и подписали его всѣ своеручно. Никого къ намъ не допускали, сидѣли мы по двое вмѣстѣ, и потому странно покажется, что всѣ могли подписать письмо. Способъ мы къ тому употребили особой, да и знаютъ удручители, что нерѣдко строгость ихъ бываетъ осмѣяна въ самомъ томъ, въ чемъ они усугубляютъ оную.

Домъ, въ которомъ мы жительствовали, былъ въ два жилья и имѣлъ четыре отдѣленія въ верху, и четыре въ низу, въ каждомъ отдѣленіи было по двѣ комнаты, и мы жили по двое вмѣстѣ. Шестеро изъ насъ жили въ верху, и четверо въ низу, прочія комнаты занимали учители наши. Письмо написано было Ѳедоромъ Василіевичемъ. Привязавъ его на длинную нитку, выпускали его за окно; способный вѣтръ приносилъ его къ отверстію другаго окна, въ которое оно было пріемлемо, и по подписаніи тѣмъ же способомъ доставляли его въ другую комнату; такимъ образомъ мы умѣли на пользу нашу употребить самыя силы естества. На почту относимы письма наши были однимъ изъ нашихъ учителей, который изъ единаго человѣколюбія жертвовалъ всѣмъ своимъ тогдашнимъ щастіемъ, и отправился въ Россію для нашего защищенія, взявъ отъ насъ на дорогу одни карманные часы, въ чемъ состояло тогдашнее наше богатство: но въ предпріятіи своемъ не успѣлъ, какъ-то я сказалъ уже прежде. Великодушный мужъ! никто изъ насъ не могъ тебѣ за то воздать достойно, но ты живешь и пребудешь всегда въ нашихъ сердцахъ!

Не довольствуяся тѣмъ, что посадилъ насъ подъ стражу, Бокумъ испросилъ отъ Совѣта Университетскаго, чтобы надъ нами произвели судъ. Къ допросамъ водили насъ скрытнымъ образомъ, и судопроизводство было похоже на то, какое бывало въ инквизиціяхъ, исключая тѣлесныя наказанія. Рѣшеніе сего суда было, что ты и я, Я... и Р... были освобождены, а прочіе, между которыми былъ Ѳедоръ Василіевичъ, остались еще подъ стражею, но скоро были освобождены по повелѣнію нашего Министра. Конецъ сему полусмѣшному

и полуплачевному дѣлу былъ тотъ, что Министръ, пріѣхавъ въ Лейпцигъ, насъ съ Бокумомъ помирилъ, и съ того времени жили мы съ нимъ, почти какъ ему не подвластные; онъ рачилъ о своемъ карманѣ, а мы жили на волѣ, и не видали его мѣсяца по два.

Случилося во время нашего пребыванія въ Лейпцигѣ проѣзжать чрез оной Генералъ-Поручику потомъ и бывшему Сенаторомъ Н. Е. М. съ супругою своею. Сотовариществовалъ ему въ путешествіи шуринъ его, Гвардіи офицеръ, человѣкъ молодой, любящій шутку безвредную, и охотно смѣялся на счетъ глупцовъ. Совершенно таковаго нашелъ онъ въ нашемъ гофмейстерѣ. Онъ, пользуясь пристрастіемъ его къ хвастовству, вывелъ его, по пословицѣ, не свѣжую воду. До того не вѣдали мы, что гофмейстеръ нашъ за похвалу себѣ вмѣнялъ прослыть богатыремъ, и естьли ему не было случая на подвиги, съ Бовою равныя, то были удальства другаго рода, достойныя помѣщенія въ Донъ-Кихотовыхъ странствованіяхъ.

Помянутой Гвардіи офицеръ, подстрекая самолюбіе Бокума, довелъ его до того, что онъ для доказательства своихъ тѣлесныхъ силъ выпивалъ по его приказаніямъ однимъ разомъ по нѣскольку бутылокъ воды или пива, давалъ себя толкать многимъ лакеямъ вдругъ, упираяся противъ его усилія сбить его съ мѣста, а симъ приказано было не жалѣть своихъ толчковъ, дивяся о своемъ противъ его малосиліи; но сего не довольно было: онъ его заставилъ ворочать всякія тяжести, подымать стулья, столы, платя ему за то, не умѣряя и не скрывая своего смѣха: ну, Бокумъ!

Примѣчанія достойно, до коликой степени слабость сія въ человѣкѣ возрасти можетъ и нерѣдко она въ общежитіи бываетъ разными нечаянными случаями поддерживаема и возвышаема. Бокумъ доведенъ былъ до того, что согласился вытерпливать удары довольно сильнаго электрическаго орудія. Сперва удары электрической силы были умѣренны, и дабы его убѣдить самого въ превосходствѣ его силъ, удары производимы были надъ многими вдругъ. Всѣ по предварительному условію, будто отъ жестокости удара, падали на землю, онъ одинъ оставался не поколебимъ, торжествуя въявь надъ падающими. Увѣривъ такимъ образовъ его самого въ превосходствѣ его силъ, удары электрическаго орудія становилися сильнѣе, онъ выдерживалъ ихъ, не показывая сколь они для него были болѣзненны; сила ударовъ столь, наконецъ, была велика, что едва его съ ногъ не сшибла.

Таковые подвиги производилися ежедневно во все время пребыванія сказанныхъ путешественниковъ въ Лейпцигѣ. Мы были непрестанные оныхъ зрители и презрѣніе наше къ Бокуму съ того времени стало совершенное.

Отправленіе Россійскихъ морскихъ силъ въ Архипелагъ, въ послѣднюю войну между Россіею и Турціею, доставило намъ въ Лейпцигѣ случай видѣть многихъ нашихъ соотчичей, проѣзжавшихъ изъ Россіи въ Италію, и оттуда въ Турцію. Нѣкто (имя его утаю, дабы не произвести въ лицѣ его краски стыда, или блѣдности раскаянія), нѣкто въ проѣздъ свой чрезъ Лейпцигъ оказывалъ отличное уваженіе къ Ѳедору Василіевичу и хотѣлъ снискать его дружбу. Послѣдствіе показало, сколь мало она была искренна и продолжалася не болѣе какъ пребываніе въ Лейпцигѣ сего мечтательнаго покровителя учености. Ни одного дня не проходило, скажу охотно, ни одного почти часа во дни, чтобъ Ѳедоръ Василіевичъ не былъ съ Ѳ.... вмѣстѣ, упражняяся съ нимъ въ разсужденіяхъ большею частію метафизическихъ. Онъ дѣлалъ ему увѣренія, что извлечетъ его изъ руки отягощенія, обѣщавая ему мощное свое покровительство. Внявъ лестному гласу дружбы, Ѳедоръ Василіевичъ отверзъ ему свое сердце. Лучъ надежды, казалося, обновился въ немъ; но скоро сбылася съ нимъ французская пословица: отсутствующіе всегда виноваты. Едва сказанной покровитель уѣхалъ изъ Лейпцига, какъ забылъ Ѳедора Василіевича и дѣланныя ему обѣщанія, да и столь совершенно, что на всѣ письма его не отвѣтствовалъ ему ни слова. Или ему низко было вступить въ переписку съ неравнымъ ему состояніемъ; или благодарить надлежитъ за то наукамъ, что среди обиталища ихъ различіе состояній нечувствительно и взоровъ природнаго равенства не тягчитъ, и для того въ Лейпцигѣ Ѳ.... обходился съ Ѳедоромъ Василіевичемъ, какъ съ равнымъ себѣ. И по истинѣ равенъ онъ былъ тебѣ, мрачная душа, силами разума, но далеко превышалъ тебя добротою сердца.

Сіе произшествіе оставило на душѣ Ѳедора Василіевича нѣкую мрачность, которая пребыла съ нимъ до кончины его; посѣяло въ душѣ его справедливую недовѣрчивость къ обѣщаніямъ, наипаче

знатныхъ, и понудило его еще болѣе вдаться ученію, отъ коего единственныя ожидалъ онъ себѣ отрады, въ чемъ онъ и не ошибался: ибо желаніе науки хотя и не навсегда, но паки развѣяло темноту грусти, и истина свѣтомъ своимъ награждала ему за его скорбь.

Признаться надлежитъ, что Ѳ.... присутствіемъ своимъ въ Лейпцигѣ и обхожденіемъ съ нами возбудилъ какъ въ Ѳедорѣ Василіевичѣ, такъ и во всѣхъ насъ желаніе къ чтенію, давъ намъ случай узнать книгу Гельвеціеву о Разумѣ. Ѳ.... толикое пристрастіе имѣлъ къ сему сочиненію, что почиталъ его выше всѣхъ другихъ: да другихъ можетъ быть и не зналъ. По его совѣту Ѳедоръ Василіевичъ и мы за нимъ читали сію книгу, читали со вниманіемъ, и въ оной мыслить научились. Лестна всякому сочинителю похвала иногда и невѣжды, но Гельвецій, конечно, равнодушно ее не принялъ, узнавъ, что цѣлое общество юношей въ его сочиненіи мыслить *) училося. Въ семъ отношеніи сочиненіе его не малую можетъ всегда приносить пользу.

Предоставленный самъ себѣ, и полагая единственное упованіе на правосудіе Государя своего, возчувствовалъ Ѳедоръ Василіевичъ къ представителямъ мерзѣніе. Онъ устремилъ всѣ силы свои и помышленія на снисканіе науки, и въ томъ было единственное его почти упражненіе. Сіе упорное прилежаніе къ ученію ускорило, можетъ быть, его кончину. За годъ передъ смертію приключилася ему болѣзнь, которая была, можно сказать, предверіемъ другой, введшей его во гробъ. Употребляя дѣйствительныя и мощныя лѣкарства, онъ не покидалъ, вопреки совѣту своего врача, упражняться денно и нощно въ чтеніи, и въ сіе время началъ писать о книгѣ Гельвеціевой письма, коихъ найдены послѣ него только касающіяся до начала первой книги сочиненія о Разумѣ. Упорнымъ своимъ къ ученію прилежаніемъ онъ остановилъ въ крови своей смертоносной болѣзни жало, которое слѣдующею весною, возсвирѣпствовавъ снова, отверзло ему врата смерти.

Сіе пишу я для собственнаго моего удовольствія, пишу для друга моего, и для того мало нужды мнѣ, естьли кто наскучитъ чтеніемъ сего, не нашедъ въ повѣствованіи моемъ ни одного произшествія достойнаго памятника, и ради мерзости своея или изящности ради, равно блистающаго: ибо равно имениты для насъ Неронъ и Маркъ Аврелій, Калигула и Титъ, Аристидъ и Шемяка, Картушъ и Александръ Великій, Катилина и Стенька Разинъ; всѣ славны, всѣ живутъ на памяти потомства и не возмущаются тѣмъ, что о нихъ мыслятъ. Не тревожился бы и всякъ любящій человѣкъ, естьли бы добрая или худая слава по смерти во что либо вмѣнялась: но по нещастію всѣхъ, имѣющій власть въ рукахъ, мало рачитъ о томъ, что о немъ скажутъ когда онъ живъ, и не помышляетъ ни мало о томъ, что скажутъ о немъ по смерти. Онъ ищетъ токмо ободренія своего самолюбія и стяжанія своей пользы. Нъ тревожился Юлій Кесарь о томъ, что прослыветъ государственнымъ татемъ, когда похищалъ общественную казну; не тревожился Ло, что прослыветъ общественнымъ злодѣемъ, вводя во Францію мнимое богатство, которое, существовавъ одно мгновеніе, повергло часть Государства въ нищету; не тревожился Людвигъ XIV въ величаніи своемъ, оставитъ ли потомство ему титло Великаго, которое въ живыхъ ему прилагало ласкательство; не боятся правители народовъ прослыть грабителями, налагая на согражданъ своихъ отяготительныя подати, ни прослыть убійцами своей собратіи, и разбойниками въ отношеніи тѣхъ, которыхъ непріятелями именуютъ, начиная войну и предавая смерти тысячи воиновъ.

Сказавъ сіе, можетъ быть, не къ статѣ, я возвращусь къ умершему нашему другу, и постараюся отыскать въ его дѣяніяхъ то, что привлекательно быть можетъ, не для ищущихъ блестящихъ подвиговъ въ повѣствованіяхъ, и съ равнымъ вкусомъ читающихъ Квинта Курція и Серванта, но для тѣхъ, коихъ души отверзсты на любленіе юности.

Намъ предписано было учиться всѣмъ частямъ философіи и правамъ, присовокупя къ онымъ ученіе нужныхъ языковъ, но Ѳедоръ Василіевичъ думалъ, что не излишнее для него будетъ имѣть понятіе и о другихъ частяхъ учености, и для того имѣлъ онъ въ разныхъ частяхъ учителей, платя имъ за преподаваніе ихъ собственныя свои деньги. При сихъ способахъ для пріобрѣтенія разныхъ знаній, онъ надежнѣйшимъ всегда почиталъ прилежное чтеніе книгъ.

*) Г. Гриммъ, въ бытность свою въ Лейпцигѣ, извѣщенъ будучи съ какимъ прилежаніемъ мы читали Гельвеціеву книгу о Разумѣ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ сказывалъ о семъ Гельвецію.

Сіе располагалъ онъ всегда соотвѣтственно тому, что преподаваемо намъ было въ коллегіяхъ *). И такъ, когда по общему школьному обыкновенію доначали насъ учить прежде всего логикѣ, то Ѳедоръ Василіевичъ читалъ Арново искусство мыслить и основанія философіи С'Гравезанда и, соображая ихъ мнѣнія со мнѣніями своего учителя, старался отыскать истину въ средѣ различія оныхъ.

Между разными учрежденіями, къ пріобрѣтенію знаній относящимися, Ѳедоръ Василіевичъ отмѣнно прилежалъ къ латинскому языку. Сверхъ обыкновенныхъ лекцій имѣлъ онъ особыя. Солнце, восходя на освѣщеніе трудовъ земнородныхъ, нерѣдко заставало его бесѣдующимъ съ Римлянами. Наиболѣе всего привлекала его въ латинскомъ языкѣ сила выраженій. Исполненные духа вольности властители Царей упругость своея души изъявили въ своемъ реченіи. Не льстецъ Августовъ и не лизорукъ Меценатовъ прельщали его, но Цицеронъ, гремящій противъ Катилины, и колкой Сатирикъ, не щадящій Нерона. Естьли бы смерть тебя не похитила изъ среды друзей твоихъ, ты, конечно, о бодрственная душа! прилѣпился бы къ языку сихъ гордыхъ островянъ, кои при наивеличайшей развратности нравовъ, возмѣряя все на вѣсахъ корысти, и нынѣ нерѣдко за величайшую честь себѣ вмѣняютъ противуборствовать злоупотребленіямъ власти, и оныя предупреждать законно!

Между разными науками, коихъ основанія алчная Ѳедора Василіевича душа пожрать, такъ сказать, хотѣла вдругъ, отмѣнно прилѣпился онъ къ математикѣ. Сходствуя съ расположеніемъ его разума, точность сей науки услаждала его разсудокъ. Съ какою жадностію онъ проходилъ всѣ части сей въ началахъ своихъ столь отвратительныя, такъ сказать, науки, но столь общеполезной въ ея употребленіи! Свойственно душѣ Ѳедора Василіевича, было мыслить, что огромнѣйшія въ мірѣ телѣса, наиотдаленнѣйшія отъ нашего обиталища, коихъ единое наше зрѣніе, сіе наивластительнѣйшее и великолѣпнѣйшее изъ чувствъ нашихъ, можетъ постигать при воспоможеніяхъ человѣкомъ изобрѣтенныхъ, что сіи малѣйшія точки въ зрѣніи, необъятныя въ дѣйствительности громады, повинуются въ теченіи своемъ исчисленію. И какъ не возгордится человѣку во бренности своей, подчиняя власти своей звукъ, свѣтъ, громъ, молнію, лучи солнечные, двигая тяжести необъятныя, досязая дальнѣйшихъ предѣловъ вселенныя, постигая и предузнавая будущее. Таковыя размышленія побудили нѣкогда сказать Архимеда: естьли бы возможно было имѣть внѣ земли опору неподвижную, то бы онъ землю превратилъ въ ея теченіи. Дай мнѣ вещество и движеніе и міръ созижду, вѣщалъ Декартъ. Таковыя размышленія составили всѣ системы о мірѣ, всѣ правдоподобія о немъ, и всѣ нелѣпости.

За щастіе почесть можно, если удостоиться въ теченіи житія своего бесѣдовать съ мужемъ, въ мірѣ прославившимся; удовольствіемъ почитаемъ, естьли видимъ и отличившагося злодѣя, но отличнымъ щастіемъ почесть должно, естьли сопричастенъ будешь бесѣдѣ добродѣтелію славимаго. Таковымъ щастіемъ пользовалися мы, хотя не долгое время, въ Лейпцигѣ, наслаждаяся преподаваніями въ словесныхъ наукахъ извѣстнаго Геллерта. Ты не позабылъ, мой другъ, что Ѳедоръ Василіевичъ изъ всѣхъ насъ былъ любезнѣйшій Геллертовъ ученикъ, и что удостоился въ сочиненіяхъ своихъ поправлять быть симъ славнымъ мужемъ. Малое знаніе тогда Нѣмецкаго языка лишило насъ пользоваться его наставленіями, самымъ дѣйствіемъ: ибо, хотя мы слушателями были его преподаваній, но недостатокъ въ знаніи Нѣмецкаго языка препятствовалъ намъ равняться съ Ѳедоромъ Василіевичемъ.

Вращаяся всечастно между разными предметами разумѣнія человѣческаго, невозможно было, чтобы въ ученіи разумъ Ѳедора Василіевича пребылъ всегда, такъ сказать, страдательнымъ, упражняяся только въ изслѣдованіи мнѣній чуждыхъ. Но въ семъ-то и состоитъ различіе обыкновенныхъ умовъ отъ изящныхъ. Одни пріемлютъ все, что до нихъ доходитъ, и трудятся надъ чуждымъ изданіемъ; другіе, укрѣпивъ природныя силы свои ученіемъ, устраняются отъ проложенныхъ стезей и вдаются въ неизвѣстныя и непроложенныя. Дѣятельность есть знаменующая ихъ отличность, и въ нихъ-то сродное человѣку безпокойствіе становится явно, безпокойствіе произведшее все, что есть изящное и все уродливое, касающееся обоюдно до предѣловъ даже невозможнаго и непонятнаго, возродившее вольность и рабство, веселіе и муку, нещадяще

*) Въ нѣмецкихъ университетахъ коллегіею называютъ собраніе слушателей при преподаваніи какой либо науки.

ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихіи, родившее мечтаніе и истину.

Θедоръ Василіевичъ, упражняяся въ размышленіяхъ о вещахъ, видѣлъ возрождающіяся въ разумѣ его мысли, отличныя новостію своею отъ обрѣтаемыхъ имъ на пути учености, и для того не могъ оставаться въ бездѣйствіи. Скоро поданъ ему случай испытать свои силы въ изображеніи ихъ связію своихъ мыслей. Ежегодно бывалъ намъ экзаменъ, или испытаніе о пріобрѣтеніяхъ нашихъ въ ученіи. Сколь много всѣ таковыя испытанія имѣютъ смѣшнаго, и цѣли, для коей они установлены, недосязающаго, всякъ вѣдующій о нихъ до пряма признается.

Нерѣдко тотъ, кто болѣе всѣхъ знаетъ, почитается невѣждою и лѣнивымъ, хотя трудится наиприлежнѣйше и съ успѣхомъ. Но тѣмъ экзамены полезны, что возбуждаютъ тщеславіе и устремляютъ учащагося отличаться предъ сотоварищами своими; но дабы и въ семъ случаѣ не возбуждать тщеславія безуспѣшно, то нужно, чтобы таковыя испытанія не были рѣдки, дабы возникшая страсть въ обыкновенныхъ душахъ не угасла. Для назначенныхъ же перстомъ Всевѣчнымъ къ безсмертію, въ постороннихъ подстреканіяхъ любочестія нужды нѣтъ. Они сами въ себѣ довольно имѣютъ ко стяжанію славы побужденія, и хотя оныя не безкорыстны, но умовенны всегда въ благомъ источникѣ.

По прошествіи трехъ лѣтъ обязаны мы были къ наступившему для насъ времени на испытаніе, показать наши успѣхи въ ученіи, представляя письменно связь мыслей о какой либо матеріи, Θедоръ Василіевичъ избралъ для сего наиважнѣйшіе предметы, до человѣка касающіеся въ гражданскомъ его отношеніи.

Человѣкъ, живущій въ обществѣ подъ сѣнію законовъ для своего спокойствія, зритъ мгновенно силу общую, до днесь ему покровительствовавшую, возникающую на его погубленіе. Друзья его до сего дня, сограждане его возлюбленные, становятся ему враги, преслѣдуютъ его, и рука сильнаго подавляетъ слабаго, томитъ его въ оковахъ и темницѣ, отдаетъ его на поруганіе и на смерть. Что можетъ оправдать таковой неожиданный поступокъ?.. Сіе-то намѣренъ былъ показать Θедоръ Василіевичъ, розыскавъ слѣдующія задачи:

1. На чемъ основано право наказанія?

2. Кому оно принадлежитъ?

3. Смертная казнь нужна-ли, и полезна-ли въ Государствѣ?

Цѣль, для коей онъ писалъ сіе, не позволяла ему распространиться, но все, что можно сказать въ оправданіе нещастнаго права казни и все, что можетъ ее представить вѣроятно справедливою, того Θедоръ Василіевичъ не проронилъ. Связь его мыслей есть слѣдующая:

Показавъ, что человѣкъ, ощущая себя слабымъ на удовлетвореніе своихъ недостатковъ въ единственномъ положеніи, слѣдуя чувствительному своему сложенію, для сохранности своей вступаетъ въ общество. Дабы общество направляемо было всегда къ благому концу, условіемъ изъявительнымъ или предполагаемымъ поставляется власть, могущая сіе производить и отвращать зло, которое бы могло причинено быть обществу. Лице, власть сію имѣющее, называютъ Государемъ въ единственномъ и соборномъ лицѣ, слѣдственно тотъ, кто долгъ имѣетъ пещися о благѣ общества, имѣетъ право не дозволять и препятствовать вредить ему; слѣдственно, тотъ, кто поставляетъ власть для своего блага, соглашается повиноваться и ея претенію, когда дѣянія его отъ благой цѣли устраняются. Показавъ, что при опредѣленіи наказаній иной цѣли имѣть не можно, какъ исправленіе преступника или дѣйствіе примѣра для воздержанія отъ будущаго преступленія, Θедоръ Василіевичъ доказываетъ ясными доводами, что смертная казнь въ обществѣ не токмо не нужна, но и безполезна. Сіе нынѣ, почти общепріемлемое правило утверждаетъ онъ примѣромъ Россіи. Я не намѣренъ преслѣдовать Θедору Василіевичу въ разсужденіяхъ его. Изображая ихъ здѣсь, могу или отъять силу его доводовъ, или только оные распространить безъ нужды. Тому и другому предварить можно, читая его сочиненіе, которое ясностію мыслей, краткостію слога и твердостію доводовъ заставитъ всякаго потужить о безвременной кончинѣ сочинителя, на двадцать третьемъ году его возраста.

Опричь малаго сочиненія о любви и писемъ о Гельвеціевой книгѣ о Разумѣ, ничего болѣе не найдено въ бумагахъ Θедора Василіевича. Выписки изъ многихъ книгъ, хотя безъ связи, доказываютъ, что онъ располагалъ свое чтеніе со вниманіемъ. Кто можетъ опредѣлить, что съ нимъ потеряло общество? Опредѣлить могу я, что по-

терялъ друга; но естьли судьба позавидовала тогда моему блаженству: наградила она меня съ избыткомъ, давъ мнѣ, мой другъ, тебя.

Послѣднее время жизни своей, среди терзанія болѣзни и грусти, отъ нея рождающейся, Ѳедоръ Василіевичъ не забылъ ученія, и развѣ изтощеніе силъ отвлекало его отъ упражненія въ наукѣ. Наконецъ, наступило время, когда почувствовалъ онъ совершенное изнеможеніе силъ своихъ. За недѣлю еще предъ кончиною своею ходилъ онъ съ нами на гулянье, и наслаждался еще бесѣдою любящихъ его; но силы его, ослабѣвъ, принудили лечь въ постелю. Надежда, сіе утѣшительное чувство въ человѣкѣ, не покидала его; но за три дня до кончины своей почувствовалъ онъ во внутренности своей болѣзнь несказанную, предвѣщающую конечное разрушеніе тѣла его. Не хотѣлъ онъ пребыть въ невѣдѣніи; призвавъ своего врача, на искусство коего онъ справедливо во всемъ полагался, просилъ его прилежно, чтобъ объявилъ ему минуту, естьли еще возможность дать ему облегченіе, и чтобъ не льстилъ ему напрасно надеждою изцѣленія, буде само естество положило уже тому преграду.

«Не мни—вѣщалъ зрящій кончину своего шествія, томнымъ хотя голосомъ, но мужественно—не мни, что возвѣщая мнѣ смерть, востревожишь меня безвременно, или духъ мой приведешь въ трепетъ. Умереть намъ должно: днемъ ранѣе или днемъ позже, какая соразмѣрность съ вѣчностію!»

Долго человѣколюбивый врачъ колебался въ мысляхъ своихъ, открыть ли ему грозную тайну, вѣдая, что утѣшеніе страждущаго есть надежда, и что она не покидаетъ человѣка до послѣдняго издыханія; но увидя упорное желаніе въ больномъ знать истину о своей болѣзни и, понимая его нетрепетность, возвѣстилъ ему, что силы его не болѣе однѣхъ сутокъ противиться возмогутъ свирѣпости болѣзни, что завтра онъ жизни не будетъ уже причастенъ.

Случается и много имѣемъ примѣровъ въ повѣствованіяхъ, что человѣкъ, коему возвѣщаютъ, что умереть ему должно, съ презрѣніемъ и нетрепетно взираетъ на шествующую къ нему смерть во срѣтеніе. Много видали и видимъ людей, отъемлющихъ самихъ у себя жизнь мужественно. И по истинѣ нужна не робость и крѣпость душевныхъ силъ, дабы взирать твердымъ окомъ на разрушеніе свое. Но страсть, дѣйствовавшая въ умирающемъ безъ болѣзни, предъ кончиною его, живетъ въ немъ до послѣднія минуты и крѣпитъ духъ. Нерѣдко таковый зритъ и за предѣлъ гроба, и чаетъ возродиться. Когда же въ человѣкѣ изтощеніемъ силъ тѣлесныхъ изтощаются и душевныя, сколь трудно укрѣпить духъ противу страха кончины, а тѣмъ паче тому, кто нисходя во гробъ, за онымъ ничего не видитъ. Сравни умирающаго на лобномъ мѣстѣ или отъемлющаго у себя жизнь насильственно съ умирающимъ нетрепетно по долговременной болѣзни на одрѣ своемъ, и скажи, кто мужественнѣе былъ, испуская духъ бодрственно?

Услыша приговоръ свой изъ устъ врача, Ѳедоръ Василіевичъ не востревожился ни мало, но взявъ руку его, «нелицемѣрной твой отвѣтъ—сказалъ онъ ему — почитаю истиннымъ знакомъ твоей дружбы. Прости въ послѣдній разъ и оставь меня».

Удостовѣренной въ близкой кончинѣ своей, Ѳедоръ Василіевичъ велѣлъ насъ всѣхъ позвать къ себѣ, чтобъ въ послѣдній разъ поговорить съ нами. «Друзья мои!—сказалъ онъ намъ, стоящимъ около его постели:—часъ приспѣлъ, да разстанемся; простите, но простите навѣки». Рыдающихъ облобызалъ, и не хотѣвъ болѣе о семъ грустить, выслалъ всѣхъ вонъ.

Осмнадцать лѣтъ уже совершилося, какъ мы лишилися Ѳедора Василіевича, но, мой другъ, сколь скоро вспомню о немъ, то послѣднее его съ нами свиданіе столь живо существуетъ въ моемъ воображеніи, что то же и днесь чувствую, что чувствовалъ тогда. Сердце мое толико уязвлено было тогда скорбію, что впослѣдствіи ни изступленіе радости и утѣхъ, ни величайшая печаль потеряніемъ возлюбленной супруги не истребило чувствованіе прежнія печали.

Спустя нѣсколько времени, онъ призвалъ меня къ себѣ, и вручилъ мнѣ всѣ свои бумаги. «Употреби ихъ — говорилъ онъ мнѣ—какъ тебѣ захочется. Прости теперь въ послѣдній разъ; помни, что я тебя любилъ, помни, что нужно въ жизни имѣть правила, дабы быть блаженнымъ, и что должно быть твердымъ въ мысляхъ, дабы умирать безтрепетно». Слезы и рыданіе были ему въ отвѣтъ; но слова его громко раздалися въ моей душѣ, и незагладимою чертою ознаменовалися на памяти. Поживутъ они всецѣлы, доколѣ дыханіе въ груди

моей, не изчезнетъ, и не охладѣетъ въ жилахъ кровь. Даждь Небо, да мысль присутственна мнѣ будетъ въ предверіи гроба, и да возмогу важное сынамъ моимъ оставить наслѣдіе, послѣднее завѣщаніе умирающаго вождя моея юности, и живаго да оставлю имъ въ вожди, друга любезнѣйшаго, друга моего сердца, тебя.

Что послѣ послѣдовало, тебѣ, мой другъ, болѣе извѣстно, нежели кому другому. Ты послѣдніе часы былъ при немъ безотлученъ, ты былъ свидѣтелемъ послѣдняго издыханія его груди. Скажи, мой другъ, почто и я тутъ не былъ. Или слабость моего здоровія, или нетвердость духа, или какая другая причина отлучила меня отъ умирающаго и воспретила мнѣ видѣть послѣднія черты его жизни, и прехожденіе ея во смерть. Но ко всѣмъ симъ причинамъ совокупно было и недозволеніе на то умирающаго. Иль столь малъ былъ жаръ дружбы въ сердце моемъ, что я не преступилъ его велѣнія. О мой другъ! въ минуты благоденствія, когда разумъ ничѣмъ не упрекаетъ сердцу, мысль сія тягчитъ меня, и я малъ становлюся предъ собою.

Предвѣщаніе врача начало совершаться. Доселѣ нечувствительнымъ покатомъ составъ жизни спускался къ смерти, но вдругъ она повлекла его всесильною рукою. За нѣсколько часовъ предъ кончиною Ѳедоръ Василіевичъ почувствовалъ во внутренности своей болѣзнь несносную, возвѣщающую ему отшествіе жизни. Доселѣ уста его не испустили жалобнаго стона; но скорбь одолѣла сопротивленіе и страждущій вскричалъ содрогающимся гласомъ. Знаки антонова огня, внутренность его объявшаго, начинали казаться на поверхности тѣла; въ окрестностяхъ желудка видны были черныя пятна. Терзаемый паче всякаго изтязанія, суевѣріемъ или мучительствомъ на казнь невинности изобрѣтаемаго, прибѣгнулъ Ѳедоръ Василіевичъ къ тебѣ, мой другъ, да скончаетъ его болѣзнь, болѣзнь, а не жизнь скончать называю: ибо врата кончины ему были отверзсты. Тебя, мой другъ, просилъ онъ, да будешь при издыханіи благодѣтель его, и дашь ему яду, да скоро пресѣчется его терзаніе; ты сего не исполнилъ, и я былъ въ приговорѣ, да не исполнится требованіе умирающаго. Но почто толикая въ насъ была робость; или боялися мы почесться убійцами? Напрасно; не есть убійца, избавляющій страждущаго отъ конечнаго бѣдствія, или скорби. Другъ нашъ долженствовалъ умереть, и часъ врачемъ былъ ему назначенъ по нелживымъ признакамъ; то не все ли равно было для насъ, что болящій скончаетъ жизнь свою мгновенно, или продлится она въ немъ еще на одинъ часъ; но то не равно, что продлится въ терзаніи несносномъ. Мы потерять его были уже осуждены. Скажетъ нѣкто, что врачъ могъ ошибиться: согласенъ; но болящій не ошибался въ мученіи своемъ, и правъ былъ желая скончанія онаго а мы не правы, давъ оному продолжиться.

Мой другъ! ты укоснилъ дать помощь Ѳедору Василіевичу; но не избавился впередъ, можетъ быть, отъ требованія такого же рода. Естьли еще услышишь гласъ стенящаго твоего друга, естьли гибель предстоять ему будетъ необходимая и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли, о любезнѣйшій мой; ты жизнь несносную скончаешь и дашь отраду жизнію гнушающемуся и ее возненавидѣвшему.

Наконецъ естественнымъ склоненіемъ къ разрушенію, пресѣклась жизнь Ѳедора Василіевича. Онъ былъ и его не стало. Изъ милліоновъ единый изторгнутый, не примѣтенъ въ обращеніи міровъ. Хотя не можно о немъ сказать во всемъ пространствѣ, какъ нѣкогда Тацитъ говорилъ о Агриколѣ и Даламберъ о Монтескью: «конецъ жизни его для насъ былъ скорбенъ, для отечества печаленъ, чуждымъ и даже неизвѣстнымъ не безъ прискорбія». Но то скажу справедливо, что всякъ, кто зналъ Ѳедора Василіевича, жалѣлъ о безвременной его кончинѣ, тотъ, кто провидитъ въ темноту будущаго и уразумѣетъ, чтобы онъ могъ быть въ обществѣ, тотъ чрезъ многіе вѣки потужитъ о немъ; друзья его о немъ восплакали; а ты естьли можешь днесь внимать гласу стенящаго, приникни, о возлюбленный, къ душѣ моей, ты въ ней увидишь себя живаго.

РАЗЫСКАНІЕ
СЛѢДУЮЩИХЪ ВОПРОСОВЪ:

1. *На чемъ основывается право наказанія?*
2. *Кому оное принадлежитъ?*
3. *Смертная казнь нужна ли и полезна ли въ Государствѣ, то есть: въ обществѣ людей, законами управляемомъ.*

Прежде разыскиванія сихъ вопросовъ, надлежитъ опредѣлить смыслъ понятія о наказаніи

Я подъ онымъ разумѣю зло, содѣлываемое начальникомъ преступнику закона. Давъ таковое изъясненіе, мнѣ надлежитъ, кажется, разсмотрѣть человѣка, каковъ онъ произведенъ Природою, не коснувшись общества, дабы яснѣе опредѣлить, на чемъ основывается право наказанія. Сіе-то и намѣренъ я разыскать столь кратко, сколь то возможно, по существу самой вещи и по намѣренію сего сочиненія.

Естьли мы вообразимъ первенственное состояніе человѣка, состояніе равенства и независимости, то узримъ его самовластнымъ судіею своихъ опредѣленій; естьли мы разсмотримъ его существо, то найдемъ его одареннаго понятіемъ (то есть: свойствомъ составлять идеи и оныя сравнивать) и физическою или тѣлесною чувствительностію. Понятіе дѣлаетъ его удобнымъ ко блаженству, то есть: опредѣлять хотѣніе свое, сходственно со своимъ благосостояніемъ, тѣлесная чувствительность повѣщаетъ ему о его надобностяхъ, и показуетъ ему способы удобнѣйшіе къ удовлетворенію онымъ. Любовь самаго себя, или своего благосостоянія, есть основаніе всѣхъ человѣческихъ дѣяній. Сіе чувство, Природою въ насъ впечатлѣнное, есть всеобщее, и для того не требовало бы доводовъ, но случается, что наипростѣйшія и яснѣйшія истины подвергаются иногда сомнѣніямъ. Для того я дамъ оному доказательство, на самомъ существѣ нашего понятія основанное.

Всякое, понятіемъ одаренное существо имѣетъ чувство о своемъ существованіи: ибо, кто чувствуетъ, тотъ не можетъ быть безчувственъ: слѣдственно онъ можетъ предпочесть одно состояніе пребыванія, другому состоянію пребыванія, то есть: почитать одно счастливѣе другаго; но предпочитать одно состояніе другому есть то же, что опредѣлять свое хотѣніе и избирать состояніе пребыванія, щастливѣйшимъ почитаемое, суть одинаковыя вѣщи. Изъ сего слѣдуетъ, что всѣ права и должности человѣка изъ сего проистекаютъ начала, и всѣ оному безъ изъятія суть подчинены. Оттуда право защищать себя или, отвращая обиду, или, награждая ущербъ, или, предупреждая своего злодѣя, естьли случится быть въ грозящей опасности, или увѣренному о злодѣйскомъ намѣреніи своего противника: ибо, имѣющій право къ цѣли, имѣетъ неотмѣнно право къ способамъ позволительнымъ; и такъ, стараніе о своей сохранности, будучи средствомъ необходимымъ для пребыванія во благосостояніи, есть право нераздѣльное отъ человѣка. Доселѣ понятіе о наказаніи изчезло для того, что оное предполагаетъ начальника, истребляетъ понятіе естественныя свободы, а потому и равенства. Но сіе состояніе независимости и равенства, столь прекрасное въ воображеніи, не могло продлиться въ слѣдствіе несовершенства человѣка. Слабость младенчества, немощь старости, природная склонность человѣка къ самовластію, непрестанная боязнь да не подвергнется насиліямъ могущественнѣйшихъ: словомъ, препятствія. сохранности каждаго въ естественномъ состояніи вредящія, превзошедъ своимъ сопротивленіемъ силы, употребляемыя каждымъ для пребыванія въ семъ состояніи, люди принуждены стали премѣнить внѣшнее состояніе ихъ житія; но какъ они не могли произвести новыхъ силъ, а совокупить и соединить токмо имѣвшія; то надлежало установить общества, гдѣ каждой подвергался верховному вожденію Государя и мѣнялъ свою природною свободу, силами каждаго ограниченную, на свободу гражданскую, въ житіи по законамъ состоящую. Разсмотримъ теперь человѣка въ семъ новомъ положеніи и начнемъ объясненіемъ существа Государствъ.

Народъ еще общество людей, соединившихся для снисканія своихъ выгодъ и своея сохранности соединенными силами, подчиненное власти въ немъ находящейся; но какъ всѣ люди отъ Природы суть свободны, и никто не имѣетъ права у нихъ отнять сея свободы, слѣдовательно учрежденіе обществъ предполагаетъ всегда дѣйствительное или безмолвное согласіе. О семъ иные сомнѣваются, почитая народъ собраніемъ единственниковъ; но оно представляетъ нравственную особу, общимъ понятіемъ и хотѣніемъ одаренною, и для того права и обязанности имѣть могущею: слѣдовательно можно ей сдѣлать обиду.

Общество, такъ сложенное, долженствовало помышлять о такомъ средствѣ, которое бы положило всѣмъ онаго членамъ необходимость направлять всѣ ихъ дѣянія сходственно съ общимъ благомъ: для того то люди, премѣняя образъ своего бытія, не премѣняютъ своей Природы, и злодѣянія, принудившія ихъ составить общество, не истребились бы непремѣнно. Но какъ скорбь и отвращеніе отъ зла и притяжательность веселія суть равно всеобщія, то ясно слѣдуетъ, что наидѣйствительнѣйшее

средство подчинить частное хотѣніе хотѣнію всеобщему, и принудить граждан поступать только сходственно съ намѣреніями законоположника, есть учрежденіе награжденій и наказаній. Я предъ симъ доказалъ, что общество не можетъ быть развѣ дѣйствительнымъ или безмолвнымъ согласіемъ всѣхъ единственниковъ. А какъ установленіе наказаній есть средство необходимое для содержанія порядка и для направленія дѣяній каждаго сходственно съ общимъ благомъ, то ясно, что начало права наказаній основывается на ихъ согласіи: ибо кто желаетъ цѣли, тотъ желаетъ и средства.

Нѣкто возразить можетъ: опредѣляя волю свою къ цѣли блаженства, возможно ли, чтобъ человѣкъ условился на предосудительное своему благосостоянію? Отвѣтствую: 1) Вступая въ общество, никто не мнитъ о себѣ, что будетъ нарушитель закона, а тѣмъ общественный злодѣй; но каждый, обязуяся жить по законамъ, никто изъ оныхъ не исключенъ, и сіе никому не предосудительно. 2) Всякъ властенъ вдать опасности нетокмо нѣсколько своихъ правъ, но и самую жизнь для сохраненія оной. Въ таковомъ дѣяніи человѣка, выборъ стремится къ цѣли своея выгоды: ибо мѣняетъ онъ зло дѣйствительное и настоящее на зло будущее, отъ коего онъ легко уклониться можетъ. Сіи разсужденія влекутъ заключенія, что человѣкъ, обязуяся терпѣть зло, начальникомъ его ему содѣлываемое за преступленіе закона, ничего не терпитъ, но паче выигрываетъ: слѣдственно, дѣйствіе сіе, стремящееся единственно къ его сохранности, есть законно и твердо.

Положивъ основаніе праву наказанія, я могу приступить къ рѣшенію втораго моего вопроса, то есть: Кому принадлежитъ право наказанія? А понеже сія задача есть дальнее токмо слѣдствіе первой, то довольно будетъ, естьли утвержу однимъ простымъ доводомъ, не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе.

Составъ каждаго правленія требуетъ Государя, или вождя, который бываетъ нераздѣльною или соборною особою, одаренною верховною властію для направленія всѣхъ естественныхъ волъ и силъ къ общественному благу. А какъ сохранность народа и содержаніе добраго порядка суть первые предметы его попеченія, чего безъ учрежденія наказаній и награжденій пріобрѣсти неможно; то ясно слѣдуетъ, что право наказанія принадлежитъ единому токмо Государю, право которое онъ можетъ вручить нижнимъ властямъ; но онѣ суть токмо исполнители вышнія воли Государя, законами опредѣленной и пересуду неподверженной.

Я приступлю теперь къ послѣдней задачѣ. Вопрошается: Смертное наказаніе полезно ли и нужно ли въ обществѣ? Для рѣшенія сего надлежитъ разсмотрѣть цѣль наказанія вообще.

Цѣль законодателя при учрежденіи наказаній есть сохранность гражданъ, утвержденіе законнаго владѣнія ихъ имѣній, предвареніе природныя склонности человѣка присвоять все, что можетъ взять невозмездно, наконецъ, приведеніе къ должностямъ уклонившихся отъ оныхъ. Отсюда истекаетъ примѣрное наказаніе, стремящееся къ отвращенію отъ беззаконныхъ и злыхъ дѣлъ всѣхъ вѣдающихъ о болѣзняхъ, злодѣями претерпѣваемыхъ. Иные отметаютъ изправленіе, которое ничто иное есть, какъ средство къ произведенію преступника въ самаго себя истязаніемъ; средство къ произведенію въ душѣ истиннаго разкаянія и отвращенія отъ злыхъ дѣлъ. Другіе мнятъ быть возмездію, состоящему въ содѣланіи зла за зло. Сомнѣваюсь, чтобъ тѣ были правы, а докажу, что сіи, конечно, ошибаются.

Представимъ себѣ Государство нравственною особою, а гражданъ онаго ся членами. То можно ли подумать, что человѣкъ, раздробивши себѣ ногу, восхотѣлъ бы воздать зло за зло, и преломить себѣ другую? Положеніе Государства есть сему подобно. Всѣ дѣйствія Государства должны стремиться къ благосостоянію онаго; а награждать зломъ за зло есть то же, что невозвратное зло себѣ содѣлать. Желать себѣ зла, противно существу общества, и таковое дѣйствіе предполагаетъ безуміе, но безуміе права не составляетъ: слѣдовательно таковое дѣйствіе не есть законно, ни полезно, а потому и невозможно; да и полагающіе возмездіе, кажется, похожи на послѣдователей системы беспристрастной свободы, которые, утверждая, что хотѣніе есть хотѣніе и что хочу, для того что хочу, пріемлютъ очевидно дѣйствіе безъ причины.

Отметающіе изправленіе, основываются на невозможности судить объ ономъ и опредѣлить время, когда преступникъ придетъ въ себя. Судъ, говорятъ они, объемлетъ внѣшнія токмо дѣйствія, никто не судитъ о намѣреніи, и законодатель не можетъ пещися о изправленіи.

Дабы отвѣтствовать съ точностію на сіе заключеніе, надлежитъ сперва разыскать: можетъ ли человѣкъ исправиться? Для сего разсмотримъ его въ себѣ самомъ, и вопросимъ природу. Человѣкъ раждается ни добръ, ни золъ. Утверждая противное того и другаго, надлежитъ утверждать врожденныя понятія, небытіе коихъ доказано съ очевидностію: слѣдственно злодѣянія не суть природны человѣку; слѣдственно люди зависятъ отъ обстоятельствъ, въ коихъ они находятся, а опыты насъ удостовѣряютъ, что многіе люди повиновалися нещастному соитію странныхъ приключеній. Естьли же человѣкъ случайно бываетъ преступникомъ, то всякъ можетъ исправиться. Естьли онъ онъ повинуется предметамъ его окружающимъ, и естьли соитіе внѣшнихъ причинъ приводитъ его въ заблужденіе: то ясно, что, отъемля причину, другія воспослѣдуютъ дѣйствія. Сверхъ же того, дабы доказать, что исправленіе невозможно, надлежало бы опредѣлить силу злобы потребной въ преступникѣ для содѣланія дѣйствія, запрещеннаго законами. А какъ можетъ оное быть? Творецъ дѣйствія иногда не вѣдаетъ самъ побужденій его влекущихъ, то есть: что онъ не ясно видитъ соитіе обстоятельствъ, побудившихъ его къ дѣйствію. Естьли же невозможно положить явнаго предѣла исправленію, естьли же напротивъ того, очевидно, что человѣкъ можетъ исправиться, и что люди разнствуютъ токмо въ количествѣ; то не справедливо ли будетъ въ семъ случаѣ клониться къ большей вѣроятности? Сіе-то я и намѣренъ разсмотрѣть, восходя отъ дѣйствія къ причинамъ.

Представимъ себѣ человѣка, на нѣсколько степеней страсть имѣющаго, и совсѣмъ къ добродѣтели равнодушнаго: добродѣтелію я называю навыкъ дѣйствій, полезныхъ общественному благу. Таковой человѣкъ столь же непремѣнно впадаетъ въ злодѣяніе, какъ брошенный камень падаетъ на землю. Рѣшить должно: можно ли сего человѣка исправить? Злодѣяніе въ человѣкѣ рождается отъ притяжанія веселія и отъ глупыя надежды безвозмездія, отъ чего должно воздерживать его болѣзнію. Злодѣй, уличенный въ своемъ злодѣяніи, осуждается на потеряніе своея свободы. Утрата невозвратимая, все превосходящая, а наче для человѣка просвѣщеннаго. Вринутый въ глубокую темницу и въ снѣдь скукѣ, отчаяніе объемлетъ его душу; за онымъ слѣдуетъ ярость на свое непроворство: ибо трудно неистовцу признаться виновнымъ, но немощь содѣлать зло превращаетъ, такъ сказать, естество его хотѣнія, равно какъ невозможность удовлетворить желаніе, оное истребляетъ. Дошедъ до сея степени, онъ себя разсматриваетъ; а разсужденіе человѣка о извѣстныхъ обстоятельствахъ всегда бываетъ справедливо, естьли разумъ его не ослѣпленъ страстію. Здѣсь всѣ его страсти утихли или настоящимъ страданіемъ, или воображеніемъ отсутствія всѣхъ веселій. Онъ познаетъ свое злодѣяніе; и можно ли, чтобъ онъ его не позналъ? Естьли человѣкъ наикрѣпчайшій колеблется, естьли Катонъ, или Брутъ, сіи строгіе стоики возмогли подвигнуться и премѣнили намѣреніе, то какой смертной не премѣнится? Къ томужъ мы охотно послѣдуемъ въ разсужденіяхъ другимъ людямъ, дабы избавиться трудности изслѣдованія, угождая природному человѣка недѣйствію, или повинуяся общественному разсужденію. Такъ преступникъ, видя себя покрытаго безчестіемъ и срамотою, у всѣхъ въ презрѣніи, одинъ среди всѣхъ, и преданный себѣ самому, прибѣгаетъ къ разкаянію, яко къ единой нещастныхъ отрадѣ, которая по истинѣ сильнѣе, нежели думаютъ.

Но преступникъ, скажутъ мнѣ, можетъ затвердѣть въ злодѣяніи, онъ можетъ даже нечувствителенъ быть къ болѣзни, которую ощущаетъ. Сіе невразумительно; но раскаяніе, кое неизбѣжно, производитъ непремѣнно отвращеніе къ дѣйствіямъ, приведшимъ въ разкаяніе, а тѣлесная болѣзнь дѣлаетъ оныя ужасными. Нещастный чрезъ долгое время навыкшій съ ужасомъ взирать на прошедшія свои дѣла, отвращается отъ злодѣйства, а впечатлѣніе сіе, всегда и непрерывно пребывающее, столь привычно ему станетъ, что отъ единыя мысли злодѣянія возтрепещетъ. Естьли всѣ люди имѣютъ свойство соединять съ одинаковыми предметами одинаковыя мысли, и воображать нераздѣльными идеи, кои они въ одно имѣли время, такъ, что одна не можетъ возбуждаться безъ другой; естьли привычка другая есть природа, естли не первая, какъ-то думаетъ Гельвецій, и естьли чувствованіе скорби сильнѣе, по себѣ оставляетъ впечатлѣніе, нежели чувствованіе, мысленнымъ воображеніемъ познаваемое, то я могу утверждать, что въ человѣкѣ степени порока перемѣнятся въ десять лѣтъ въ столько же степеней добродѣтели. Дабы смертная казнь производила свое дѣйствіе,

нужно, чтобы преступленія были всечастны: ибо каждое примѣрное наказаніе предполагаетъ вновь сдѣланное преступленіе; желать сего есть то же, что хотѣть, чтобъ самая та же вещь была сама по себѣ купно и другая вещь въ одно время: слѣдовательно желать противорѣчія.

Но скажетъ нѣкто: естьли тѣлесныя болѣзни, смерти предшествующія, сильнѣе всего въ человѣкѣ дѣйствуютъ, то надлежитъ прибѣгнуть къ изысканнымъ казнямъ? Признаюсь, что онѣ весьма чувствительно и сильно дѣйствуютъ; но и то извѣстно, что онѣ преходящія токмо доставляютъ выгоды, и сіе то, думаю, доказываетъ ихъ безполезность. Какое звѣрство, какой ужасный вымыселъ въ казняхъ при Калигулѣ, Неронѣ, Діоклитіанѣ! Какое напротивъ того наблюденіе въ сохраненіи жизни гражданъ во время республики. Различіе въ сіи времена во нравахъ относится всегда къ похвалѣ народнаго правленія. Сіе и доказываетъ, что не жестокость казни удерживаетъ преступника или предваряетъ преступленіе, но мудрое законоположеніе и соединеніе общей корысти съ частными корыстьми, поелику то возможно. Свирѣпость наказанія показуетъ всегда народное повреждепіе и причиняетъ избѣжаніе казни, а надежда укрыться отъ оныя умаляетъ ея дѣйствіе и воспрещаетъ жертвовать злодѣйскимъ, но настоящимъ веселіемъ. Владычество привычки есть всеобщее надъ человѣкомъ, и яко веселіе изчезаетъ продолженіемъ, тако пораженіе теряютъ свою силу частымъ повтореніемъ. Избраннѣйшая казнь теряетъ свое дѣйствіе и становится, наконецъ, безплодною; какъ же соразмѣрить наказаніе преступленію? Въ тѣлесномъ и нравственномъ мірѣ всѣ имѣютъ свои предѣлы, естество человѣческое имѣетъ также свой предѣлъ во злѣ и благѣ; то ясно, что полагая изысканныя казни надлежитъ на чемъ нибудь остановиться. Тутъ будетъ несоразмѣрность наказанія съ преступленіемъ будетъ сіе не правосудно, и потому сумасбродно.

Понеже ясно, что смертная казнь никогда долговременнаго не производитъ впечатлѣнія, и поражая сильно и мгновенно души, бываетъ тѣмъ недѣйствительною; понеже жестокость казни становится вредною непремѣннаго ради слѣдствія своея безполезности; то я могу заключить, что смертное наказаніе не можетъ быть ни полезно, ни нужно въ Государствѣ.

Положивъ сіе начальное правило, и устремляя внимательное око на сложеніе Государствъ, и на обрядъ уголовныхъ дѣлъ, я покажу два опасныхъ слѣдствія смертныя казни. Образъ всякаго правленія влечетъ за собою неравенство имѣній. Монархическое тѣмъ и существуетъ, Аристократическое онаго отвергнуть не можетъ, въ Демократическомъ хотя бы надлежало быть равенству имѣній, но судя съ точностію, не можетъ быть истинной Демократіи, и сіе правленіе, приличествуя токмо весьма малымъ и бѣднымъ Государствамъ, не можетъ и по мнѣнію г. Руссо сдѣлать народа щастливымъ, по склонности своей къ возмущеніямъ. Опыты всѣхъ вѣковъ и настоящее Государствъ состояніе доказываютъ невозможность равенства имѣній. А неравенство оныхъ производитъ съ одной стороны нищету, а съ другой роскошь; сего ради могу я сдѣлать положеніе, что въ двадцати милліонахъ жителей найдется по самой крайней мѣрѣ двѣсти въ крайнее убожество поверженныхъ: едва возмогутъ они добыть дневную пищу, и жизнь непремѣнно будетъ имъ въ отягощеніе. Они восхотятъ оной лишиться; законъ имъ доставитъ сіе благодѣяніе, котораго удостоятся они злодѣйствами; и вотъ двѣсти преступниковъ, укрѣпленныхъ мгновеніемъ казни, и надеждою нѣсколькихъ годовъ услажденія.

Второе слѣдствіе ужаснѣе перваго, истекаетъ изъ обряда уголовныхъ дѣлъ. Люди опредѣляютъ наиважнѣйшія дѣйствія своей жизни по нравственной ясности: слѣдственно и знаки, преступленіе утверждающіе, на оной же должны основываться: но и по мнѣнію самого творца книги о преступленіяхъ и наказаніяхъ, нравственная ясность ничто иное есть, какъ наивеличайшая вѣроятность; а какъ нѣтъ вѣроятности, коея бы противоположность не была возможна, то заключаю, что со всѣми осторожностями въ сужденіи преступленія можно ошибиться и осудитъ невиннаго, и что бываютъ случаи, коихъ истина едва чрезъ долгое теченіе времени отверзается: ибо какой человѣкъ почтется преступить немогущимъ? Невѣжество судіи введетъ его въ погрѣшность, сребролюбіе повредитъ его правоту, отеческая нѣжность, любовь сыновняя, предстательство вельможъ, долговременное дружество, и многія малыя симъ подобныя причины, не возмогутъ ли его обольстить, и не преступитъ-ли онъ власти своей на судилищѣ?

Разсмотримъ свидѣтельство. Хотя и говорятъ, что вѣра ко свидѣтелю возрастаетъ по мѣрѣ умаленія его корысти: но можно ли назначить предѣлъ, гдѣ корысть изчезаетъ? Можетъ ли кто проникнуть въ тайныя излучины сердца человѣческаго? Или нѣтъ уже болѣе душъ низкихъ и подлыхъ, всегда личиною прикрытыхъ, и тѣмъ наименованіе честныхъ людей пріобрѣтшихъ, прельщенныхъ или обоязненныхъ, и того ради на ложное свидѣтельство готовыхъ? Изъ сего заключаю, что приговоръ, на свидѣтельствѣ основанной, подверженъ заблужденію. Признаюсь, что таковые случаи суть рѣдки, но единая ихъ возможность приведетъ въ ужасъ сердце праведное, и отъ вопля невиннаго въ бѣдствіи содрагаться обыкшее; а естьли бываютъ случаи, въ коихъ можно предположить, что невинность развѣ чрезъ долгое теченіе времени открывается, и естьли опыты доказываютъ, что часто невинные почитались преступниками и казнены смертію, то благоразумно и праведно имѣть готовое всегда средство скончивать мученія невинной жертвы, а смертная казнь не есть средство таковое.

Сіи причины и опыты всѣхъ временъ, доказующіе какъ смертное наказаніе не послужило къ удобренію человѣка, побуждаютъ меня заключить, что установленіе сей казни совсѣмъ въ Государствѣ безполезно, да и казнить смертію для примѣра надлежитъ только того, кого безъ опасности сохранить невозможно. Я тѣмъ болѣе подвизаюся на сіе разсужденіе, что извѣстно, что люди располагаютъ свои дѣянія по повторяемому дѣйствію золъ, имъ извѣстныхъ, а не по дѣйствію золъ имъ невѣдомыхъ.

Симъ образомъ изправленный, и высшимъ правосудіемъ освобожденный, чувствуетъ преисполненна себя благодарностію: но живо чувствующій благодѣяніе, старается явить признаніе о немъ; всякъ хочетъ быть почитаемъ, и скорбитъ, зря себя въ презрѣніи. И такъ, желаніе почтенія и скорбь презрѣнія произведутъ въ преступникѣ стремленіе ознамениться, да будетъ общественнаго почтенія достоинъ, да воздастъ, такъ сказать, за худыя свои дѣла, и да погрузятся они въ вѣчное забвеніе. Такъ въ Греціи воины, избавившіеся смерти бѣгствомъ, храброму мужу всегда постыднымъ, но срамомъ и стыдомъ покрытые бывали всегда въ послѣдующее время наизнаменитѣйшіе: слѣдственно бываетъ предѣлъ довольно извѣстный, гдѣ виновный почесться можетъ обратившимся къ должности своей, то не достойно ли о семъ наистрожайше изслѣдовать? Сердце мудраго Законодателя не источитъ ли кровь, наказуя невиннаго: ибо наказаніе исправившагося преступника есть закланіе невинныя жертвы.

Я не намѣренъ разспространять силу сего заключенія на убійцевъ. Жребій нарушителю договора и общественному злодѣю есть смерть гражданская: ибо нѣтъ ничего священнѣе и ненарушимѣе паче жизни гражданина. Я думаю однако же, что по оному заключенію могу судить о воровствахъ и о другихъ меньшихъ преступленіяхъ, назначая токмо нѣкоторые предѣлы, чтобъ не войдти въ скучныя подробности. Естьли бѣдность, столь всегда близкая къ преступленію, ввела человѣка въ заблужденіе: естьли стремленіе страстей юности, всегда буйственной, но всегда гибкой, вринуло его въ преступленіе; то не побудитъ ли сіе мыслить благосклонно о преступникѣ? Слѣдовательно, кажется, неможно съ основаніемъ изключить изправленіе изъ намѣреній Законодателя.

Мы видѣли, что предметы установленія наказаній суть или средства воспретить преступнику впредь вредить обществу, или примѣръ для другихъ, да отвратятся отъ содѣланія подобныхъ злодѣяній, или, наконецъ, исправленіе. Дабы рѣшить теперь, полезно ли и нужно ли въ Государствѣ учрежденіе смертныя казни, разсмотримъ каждой изъ сихъ предметовъ особо.

1. Я уже показалъ, что исправленіе неотмѣнно входитъ въ расположеніе Законодателя, понеже совершенное разрушеніе вещи истребляетъ понятіе о исправленіи: ибо отъемлющій жизнь у преступника разрушаетъ его бытіе, его истребляетъ; то заключаю, что въ семъ случаѣ смертная казнь предосудительна.
2. Предварить, чтобы преступникъ впредь не вредилъ обществу, для сего надлежитъ сдѣлать его токмо немощнымъ. Темница для сего избыточна. Слѣдуетъ, что въ семъ случаѣ смертная казнь не нужна.
3. Наказаніе для примѣра отвратить отъ подобныхъ преступленій согражданина виновнаго; для сего надлежитъ изыскать наказаніе, которое бы сильнѣе, дѣйствительнѣе и продолжительнѣе душу поражало. Обыкновенно думаютъ, что законченная смерть оставляетъ по

себѣ впечатлѣніе наисильнѣйшее, или дѣйствительнѣйшее, или долговременнѣе пребывающее. О семъ я сомнѣваюсь, и вотъ тому вина.

Смерти всегда предшествуетъ болѣзнь, жизни сопутствуютъ всегда какія нибудь веселія. Къ жизни мы слѣдовательно прилѣпляемся ради страха болѣзней и вождѣленія веселій. Чѣмъ жизнь блаженнѣе, тѣмъ страшнѣе оную оставить. Оттуда ужасъ въ смертный часъ, въ довольствіи живущихъ. Напротивъ того, чѣмъ жизнь нещастнѣе, тѣмъ меньше жалѣютъ лишиться оной. Оттуда нечувствительность нищаго въ ожиданіи послѣдняго часа. А естьли любленіе бытія основано на страхѣ болѣзни и вождѣленіи веселія, то слѣдуетъ, что желаніе быть щастливымъ сильнѣе въ насъ, нежели желаніе быть. Слѣдуетъ, что пренебреженіе жизни есть заключеніе изчисленія, доказывающаго намъ самимъ, что лучше не быть, нежели быть нещастнымъ. Сей доводъ не есть воображеніе умозрительства, но токмо обществованіе произшествій на опытахъ людей мудрыхъ и людей мало просвѣщенныхъ основанное, что и доказываетъ онаго общественность. Не съ охотою ли Катонъ отъялъ у себя жизнь изъ любви къ Отечеству? Сцевола, влекомый корыстію общаго блага, не подвергался ли нетокмо смерти, но и острѣйшей мукѣ? Не терпѣлъ ли Регулъ наижесточайшихъ мученій, да исполнитъ свое обязательство? Я не могу сравнять съ сими великими людьми сихъ злодѣевъ, сихъ изверговъ Природы, суевѣріемъ упоенныхъ и обагрившихъ руки свои въ крови Царей своихъ, и толико же безумныхъ убійцовъ. Сіе доказательство довольно, кажется, заключительное, утверждаетъ, что смертная казнь не съ наибольшею дѣйствительностію поражаетъ разумы, и что впечатлѣнія ея не наисильнѣйшія суть; по крайней мѣрѣ они не во всѣхъ равны бываютъ, а потому, не будучи наисильнѣйшія, да и всегда мгновенныя, не могутъ, конечно, быть дѣйствительными.

Но положимъ, что оныя впечатлѣнія суть наисильнѣйшія, какъ-то они суть въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ, неимѣющихъ великихъ страстей ни къ добру, ни ко злу, коихъ число, конечно, въ каждомъ Государствѣ велико; то утверждаю, что тѣмъ самимъ они и вредны: ибо чѣмъ пораженіе сильнѣе, тѣмъ кратче оно бываетъ. Правда, что оно объемлетъ всѣ наши душевныя силы, но оно подобно изящной музыкѣ; ея дѣйствіе мгновенно насъ восхищаетъ, мгновенно и изчезаетъ. Тогда престаетъ соображеніе и человѣкъ въ совершенное погружается забвеніе. Смертная казнь удивляетъ, но не исправляетъ; она окрѣпляетъ, но не трогаетъ; но впечатлѣніе медленное и продолжительное оставляетъ человѣку полную власть надъ собою. Онъ соображаетъ, сравниваетъ: слѣдовательно сіе впечатлѣніе по существу своему есть дѣйствительнѣе, и тѣмъ полезнѣе. А естьли продолжительное впечатлѣніе глубокія въ сердцѣ человѣческомъ оставляетъ черты, то долженствуетъ слѣдовать, что оно дѣйствуетъ на человѣка сильнѣе. Въ таковыхъ обстоятельствахъ былъ Александръ Великій въ разсужденіи Филота, единаго изъ первѣйшихъ своихъ Полководцевъ, ближайшаго своего друга и сына Парменіонова, великимъ войскомъ тогда предводительствовавшаго; таковъ же былъ случай Генриха IV въ разсужденіи Бирона. Обличенные оба въ оскорбленіи Величества (то есть, въ наивеличайшемъ преступленіи: ибо великость онаго измѣряется всегда вредомъ Государству отъ того происходящимъ), но оба могущественны, неможно было, по мнѣнію моему, ихъ сохранить безъ опасности. Сіе можетъ быть есть единое изъятіе правила, точность онаго доказуетъ. Присовокупимъ къ сему: дабы наказаніе было справедливо, надлежитъ имѣть токмо достаточную силу, для отвращенія людей отъ злодѣяній. Но какой человѣкъ захочетъ промѣнять потеряніе совершенное и невозвратное своея свободы на злодѣяніе, какія бы онъ не ожидалъ отъ него выгоды? Изъ сего слѣдуетъ, что дѣйствіе наказанія вѣчныя неволи достаточно для отвращенія отъ преступленія наиотважнѣйшую душу.

Я не войду въ раздробленіе преимущества такого положенія: ибо оно всякому благоразумному читателю представится очевидно, потому, что нѣтъ злодѣя, который бы къ чему либо не былъ пригоденъ, что самой Природѣ совмѣстно. Естьли содѣлаешь зло обществу, возмездится за оное зломъ, то есть: принужденною работою, сверхъ же того ясно, что вѣчная неволя тѣмъ и предпочтительна, что дѣйствія ея, въ глазахъ народа всегда обрѣтающіяся, суть поразительнѣе и долговременнѣе. Теперь разсмотримъ вѣчная неволя не жесточѣе ли самыя смерти? Конечно жесточѣе въ глазахъ общества, но не для терпящаго. Общество судитъ

по своей чувствительности о сердцѣ привычкою закоренѣломъ, а нещастный утѣшается отсутствіемъ болѣзней злѣе тѣхъ, кои онъ ощущаетъ; разкаяніе приходитъ къ нему на помощь и труды его облегчаются упражненіемъ. А какъ чувствительность въ человѣкѣ возрастаетъ по мѣрѣ крѣпости его разсудка, нѣжности тѣлосложенія, или перемѣны его состоянія, то я заключаю, чѣмъ человѣкъ будетъ просвѣщеннѣе, тѣмъ положеніе сіе будетъ для него несноснѣе; чѣмъ болѣе онъ могъ жить въ довольствіи, тѣмъ болѣе сіе состояніе его скорбить будетъ. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ онъ облегченіе: ибо хотя злодѣй онъ, но человѣкъ. Сего требуетъ правосудіе: ибо наказаніе долженствуетъ всегда быть соразмѣрно преступленію. А какъ весьма рѣдко, чтобы одинаковые предметы одинаковыя на разныхъ людей имѣли дѣйствія, къ тому же ясно, что человѣкъ съ разумомъ или человѣкъ, сладострастное житіе имѣвшій, гораздо наказаніе живѣе возчувствуетъ, нежели невѣжда, или тѣлосильный и крѣпкій, къ нуждѣ и нищетѣ привыкшій; то заключаю: естьли таковые люди за одинаковыя преступленія одинаково накажутся, одинъ наказанъ будетъ жесточѣе другаго, и казнь винѣ не будетъ соразмѣрна.

О ЛЮБВИ.

Любовь есть чувство, Природою въ насъ впечатлѣнное, которое одинъ полъ имѣетъ къ другому. Всѣ одушевленныя твари чувствуютъ пріятность, горячность, силу и ярость оныя; но различное сложеніе тѣла, слѣдовательно больше или меньше раздражительности въ нервахъ, различное соитіе обстоятельствъ, воображеніе воспламеняющихъ, словомъ различное соитіе внѣшнихъ предметовъ на насъ дѣйствующихъ, долженствуетъ неотмѣнно производить различное чувствованіе. Разсматривая любовь при ея источникѣ, увидимъ, что сіе чувствованіе равно сродно лѣнивому ослу и разъяренному льву; Португальцу, крѣпкими напитками и прянымъ зеліемъ воспаленному, и Лопарю, утомленному холодомъ и трудами. Слѣдовательно сіе чувствованіе есть необходимое, для того, что оно въ нашемъ природномъ сложеніи имѣетъ свое начало. Любовь всѣ употребляетъ средства, къ удовлетворенію ея служащія, преображаетъ еленей въ тигровъ, умножается отъ предстоящихъ препятствій, удовлетворенію ея претящихъ, умаляется, превзошедъ препоны. Ѳедеръ справедливо примѣчаетъ, что любовь въ естественномъ состояніи человѣка ужасна не была для того, что взаимная похоть ее скоро укрощала, но по возстановленіи обществъ она долженствовала сдѣлаться ужасною, какъ-то она и есть. Самолюбіе со всѣмъ себя въ сравненіе ставящее, и себѣ всегда преимущество дающее, долженствовало неотмѣнно озлоблять самолюбіе другаго. Оно раждало зависть, а зависть ненависть, и такъ умножалися всѣ наши страсти. Онѣ столь много произвели божественныхъ дѣлъ и столько зла сотворили, что ихъ вообще ни хвалить, ни охуждать не надлежитъ. Нравоучители, противу страстей возстающіе, разсуждаютъ о человѣкахъ вообще по человѣку въ ихъ воображеніи сотворенному, или углубяся въ отвлеченнѣйшую Метафизику, доказываютъ весьма велегласными словами, что все несходствующее съ совершеннѣйшею совершенностію (которую не объясняютъ) и существеннымъ порядкомъ вещей, котораго не знаютъ, есть противудобродѣтель, порокъ и зло; и такъ мы постараемся отступить отъ понятія отдѣленнаго и будемъ наблюдать дѣйствительныя отношенія. Назовемъ добродѣтелію то, что удовольствіе и благосостояніе всѣхъ (а какъ сіе невозможно) по крайней мѣрѣ многихъ людей содѣлываетъ, и разсмотримъ полезна ли любовь или вредна?

Человѣкъ есть хамелеонъ, принимающій на себя цвѣтъ предметовъ, его окружающихъ; живущій съ Мусульманами Мусульманинъ, съ куклами кукла общества, въ коемъ мы обращаемся. Общежитіе вселяетъ въ насъ родъ своихъ мыслей, и побуждаетъ насъ то называть добрымъ, что оно добрымъ почитаетъ. Мы усвоемъ по малу страсти, въ обществѣ господствующія; наипаче мы склонны къ воспріятію того, что насъ прельщаетъ, а все, что намъ веселіе доставляетъ, или обѣщаетъ, прельщаетъ насъ столь дѣйствительно, что объемлетъ всѣ наши душевныя силы. Всякъ довольно, хотя и невесьма ясно, понимаетъ, что мы благосклонность другихъ людей пріобрѣтаемъ сходствіемъ нашихъ мыслей и дѣяній съ ихъ мыслями и дѣяніями, а сіе подтверждается опытами. Изъ того очевидно слѣдуетъ, что двое влюбленныхъ единаго составляютъ человѣка, единую имѣютъ волю и одинаковые поступки: ибо привычка преображаетъ Природу. Случай, имѣющій въ общежитіи свое на-

чало, восхотѣлъ, чтобъ мужчины были, что женщины суть, на коихъ они свои взоры обращаютъ, а не женщины то, что суть мужчины.

И такъ, любовь въ обществѣ не на тѣлесныхъ токмо и чувственныхъ основывающаяся чувствованіяхъ, но тысячію чувствованіями производимая, любовь сія, зависящая отъ предразсужденій, отъ обыкновеній и отъ состоянія, не имѣетъ въ себѣ ничего непозволительнаго, и ничего наказанія достойнаго. Она становится добродѣтелію, или порокомъ, располагаяся по воспитанію женщинъ, тотъ или другой видъ преемлющему. У грековъ, у коихъ мать слезы проливала, когда сынъ ея безъ лавръ возвращался, гдѣ дѣва прославившемуся сердце свое дарила, и вездѣ, гдѣ благоразумный законоположникъ женщинъ опредѣлилъ вперять въ сердца юношей ревность къ добродѣтельнымъ и отвращеніе отъ порочныхъ поступковъ, заслуживаютъ онѣ уваженіе, почтеніе и любовь; но въ нашемъ вѣкѣ, гдѣ красота, которая ужаснѣе стихіи ея родившей, воспитывается въ играхъ и забавахъ, гдѣ вся разума ея округа внѣшнимъ ограничивается блескомъ, гдѣ свобода въ убранствѣ, гдѣ прелесть поступи и нѣсколько наизусть выученныхъ модныхъ словъ заступаютъ мѣсто мыслей, и изгоняютъ природное чувствованіе, гдѣ она принуждена ежечасно притворяться и сокрывать свои невиннѣйшія склонности, гдѣ она злословна, для того, что невѣдуща; честолюбива для того, что не имѣетъ должнаго къ себѣ почтенія, и коварна для того, что живетъ всегда въ принужденіи и безпрестанно бездѣлицами упражняется; гдѣ она неограниченно обожателями своими управлять желаетъ; достойна ли она, чтобы быть ея жертвою, въ угожденіе ей наполнять голову свою замысловатыми бездѣлицами, оставить любовь истины, дабы ей понравиться, посвятить ей время свое, коего потеря всегда невозвратна? Въ наблюденіи безчисленнаго множества вещей, кои по разсмотрѣніи найдемъ бездѣлицами, но трудными бездѣлицами, можетъ ли кто безъ внутренняго отвращенія видѣть стараго, впрочемъ заслуженнаго и испытаннаго министра, которой отъ чрезмѣрной нѣжности невиннаго осудилъ на смерть, дабы пощадить злодѣя, отца своей обладательницы? Кто не возропщетъ на него? Кто столь сильно объятъ любовію, что разумъ его никогда не въ состояніи покойно наблюдать вещи, а сердце всегда въ движеніи, и кто своими пріобрѣтенными знаніями могъ бы свѣту быть полезенъ? Но кто можетъ противиться симъ голубымъ глазамъ, сему томящемуся и восхитительному взору, сему проницательному и привлекающему гласу? Кто можетъ облобызать бѣлую сію и нѣжную руку, на коей поцѣлуй впечатлѣвается, и не потерять своего сердца? Кто можетъ видѣть сію непринужденную походку, сію величественную осанку, быстрые взоры, и что всего больше, слышать и видѣть добродѣтельныя предъупрежденія, и не восхититься и не воспалиться? Тотъ, кто въ младости къ тому пріуготовленъ, кто старается познать истинное опредѣленіе человѣка, кто украшаетъ разумъ свой полезными и пріятными знаніями, кто питается противными симъ страстями, кто величайшее услажденіе находитъ въ томъ, чтобъ быть отечеству полезнымъ, и быть извѣстнымъ свѣту.

ПИСЬМА,

касающіяся

ДО ПЕРВОЙ КНИГИ ГЕЛЬВЕЦІЕВА СОЧИНЕНІЯ О РАЗУМѢ.

Письмо I.

Милостивой Государь!

Я намѣренъ съ вами бесѣдовать о вещи весьма важной и многимъ трудностямъ подверженной; ласкаю себя, что вы мнѣ на сіе дадите дозволеніе, вѣдая довольно, что глубочайшія размышленія не токмо вамъ не наскучатъ, но возбудятъ развѣ ваше любопытство. Вещь сія есть важная: ибо непосредственно касается до человѣка; трудная: ибо познаніе сердца человѣческаго и побужденій къ дѣйствію и недѣйствію, весьма запутано. Сіе превзойдетъ можетъ быть мои силы: но самое сіе побуждаетъ меня прибѣгнуть къ вашему просвѣщенію, которое, по щастію моему, я узналъ и почитаю. Я ищу наставленія, слѣдовательно я сомнѣваюсь. Но какъ нерѣшительность для разума, истину возлюбляющаго, есть несноснѣйшее состояніе, то и прошу я вашей помощи. Но не отважно ли сіе? И по истинѣ сей мой поступокъ, отъ чрезмѣрнаго желанія познаній происходящій, былъ бы непростителенъ, естьли бы я менѣе увѣренъ былъ въ милости вашей ко мнѣ; естьли бы вы во время пребыванія вашего въ Лейпцигѣ не удостоили меня

дружескаго обхожденія, и естьли бы вы мнѣ не дали полезнаго для меня дозволенія прибѣгать къ вамъ во всемъ, что до меня касаться можетъ. Я осмѣливаюся почитать себя воспитанникомъ вашимъ: ибо всѣ, насъ наставляющіе, или дающіе намъ способы къ наставленію по справедливости истинными родителями почитаться могутъ; но сіе есть наималѣйшее изъ одолженій вашихъ. Вы извлекли душу мою изъ бѣдствія и унынія, въ коихъ она погрязла, и по нещастію не безъ причины. Вы возвратили ей всю ея дѣятельность, отъемля причину, ее угнетавшую. Вы вселили въ меня неутомимое рвеніе къ изслѣдованію всѣхъ полезныхъ истинъ и отвращеніе непреоборимое ко всѣмъ системамъ, имѣющимъ основаніе въ необузданномъ воображеніи ихъ творцовъ, и мерзѣніе къ путаницѣ высокопарныхъ и звонкихъ словъ, коими прежде сего я отягощалъ память мою. Но сколь велика долженствуетъ быть, наконецъ, моя признательность за то, что отъ васъ позналъ я удивленія достойнаго сочинителя, коего книгу вы благоволили прочесть со мною? Послѣ того я три раза читалъ ее со всевозможнымъ вниманіемъ, и для того только воздерживаюсь хвалить его, что я увѣренъ совершенно, что хвалить такого мужа, какъ есть сей, долженъ только тотъ, кто самъ заслужилъ уже похвалу.

Скажу только то, что удивляяся его проницательности, ясности и изящности его слога, нерѣдко сожалѣю о его краткости. Изъ него то почерпну содержаніе сихъ писемъ, которые заключать будутъ сокращеніе сочиненія о Разумѣ, или, по крайней мѣрѣ, первой и третiей книги онаго; но исполненіе сего предпріятія весьма трудное, требуетъ напряженія разума, и довольнаго времени; да и тѣмъ паче, что невсегда я съ авторомъ одного мнѣнія, по крайней мѣрѣ въ помянутыхъ двухъ книгахъ. Для объясненія моихъ сомнѣній въ великія нужно войти подробности; и я за нужное почелъ прежде всего предложить намъ со всевозможною краткостію стезю, которою онъ шествовалъ, во утвержденіи своихъ основательныхъ мнѣній и во извлеченіи слѣдствій. Цѣль моя была двояка при семъ маловажномъ трудѣ; первая, чтобы тотъ, кто читалъ сію книгу и о ней уже размышлялъ, могъ бы себѣ посредствомъ сея выписки мгновенно представить всю цѣль мыслей сочинителя; вторая, чтобы начинающій, имѣя сію выписку предъ собою, не былъ бы отъ главнаго предмета отвлекаемъ окольностями и прекрасными побочными разглагольствованіями сочинителя, и не проронилъ нить умствованія его, запутавшись во множествѣ дѣяній имъ приводимыхъ, гдѣ по дѣйствію заключается о причинѣ. Вы можете судить, достигнулъ ли я моего предмета; мнѣ же должно ожидать вашего сужденія съ почтеніемъ, пребывая чрезъ всю жизнь мою съ наичувствительнѣйшею благодарностію.

Есмь и проч.

Письмо II.

Сочинитель разсматриваетъ разумъ, яко способность мыслить, которая по сему и долженствуетъ быть качествомъ какого либо существа, духовнаго или вещественнаго: ибо другіе роды намъ не извѣстны. Сія задача, нерѣшенная до сего времени не можетъ имѣть о себѣ доказательства; тѣмъ паче, что сочинитель, полагая всѣ дѣйствія нашего разума въ чувствованіи, сіе равно съ тѣмъ и съ другимъ предположеніемъ согласуется; но сіе то и требуетъ, мнѣ кажется, доказательства. Почитая душу вещественною, разсмотримъ, можетъ ли она чувствовать. Я прежде всего замѣчу, что вещество и тѣло суть два слова равнаго значенія; ибо сказать можно, что всякое вещество есть тѣло и всякое тѣло есть вещество. А понеже пространство, заключающее въ себѣ понятіе нераздѣлимости, непроницательность, производящая, что два тѣла не могутъ въ одно время занимать одного мѣста; бездѣятельность, качество тѣлъ, посредствомъ котораго они тщатся пребывать въ настоящемъ положеніи, и слѣдствіе непремѣнное самой нихъ непроницательности, суть три свойства тѣлъ необходимыя; понеже тѣло заключаетъ въ себѣ понятіе общее, и поелику то, что прилагаемъ роду, прилагаемъ всѣмъ единственностямъ къ нему принадлежащимъ; то слѣдуетъ, что всѣ единственности, поелику суть тѣла, заключаютъ въ себѣ вышесказанныя три качества. Слѣдуетъ, естьли бы начало чувствующее было тѣлесно, то было бы протяженно и раздѣлимо; слѣдуетъ, чтобы понимать можно было треть и четверть чувствованія, что противорѣчитъ опытамъ.

Въ тѣлѣ примѣчаемъ мы только движеніе, что не иное есть, какъ перемѣна мѣста, быстротечность и направленіе. Но равное ли видимъ въ нашей душѣ? И для того то въ каждомъ ударенiи

чувствъ двѣ вещи различать надлежитъ: тѣлесную, или удареніе въ мозгѣ; духовную или понятіе въ душѣ отъ того рождающееся. Кто захочетъ о семъ сдѣлать на самомъ себѣ примѣчаніе, познаетъ оное непремѣнно. Когда разумъ напряженно разсматриваетъ нѣкоторые предметы и разсуждаетъ о понятіяхъ оными производимыхъ, то онъ не замѣчаетъ ни мало о удареніи нѣкоторыхъ предметовъ на орудіе слуха, хотя равное бываетъ ихъ дѣйствіе съ тѣми, кои производятъ звукъ, и хотя орудіе здраво. Причина же тому есть, что душа оному не внимаетъ. Но сочинитель думаетъ, что откровеніе таковой силы, какова, напримѣръ, сила притяжанія, не долженствуетъ ли побуждать мыслить, что тѣла имѣютъ еще нѣкоторыя свойства неизвѣстныя, какъ-то: свойство чувствовать. Въ первомъ моемъ письмѣ я намѣренъ разыскать сіе выраженіе

Письмо III.

Всѣ согласуются, что есть во всѣхъ тѣлахъ небесныхъ всеобщая тяжественность; что качество сіе очевидное въ магнитѣ, притяженіемъ желѣза и стали, и, по мнѣнію утвердителей тяжественности, свойственное всякому тѣлу, осязательно становится только въ весьма большихъ тѣлахъ, въ малыхъ же совсѣмъ неощутительно. Истинная же причина, оную производящая, намъ не извѣстна, и философы доселѣ въ ономъ не согласны. Одни утверждаютъ съ вѣроятностію, что нѣкое тонкое и невидимое вещество дѣйствуетъ на тѣла, и ихъ одного къ другому устремляетъ, и они называются **устремителями**. Другіе говорятъ, что есть въ тѣлахъ сила скрытая и сокровенная, между ими притяжательность производящая; оныя присносущность утверждаютъ на всемогуществѣ Божіемъ, и называются **притяжателями**. Но естьли бы притяжательность была дѣйствіе всемогущества Божія непосредственное, въ существѣ тѣлъ неутвержденное: то можно бы сказать столь же справедливо, что Богъ тѣла движетъ непосредственно, что и было бы непрестанное чудо.

Естьли мы вообразимъ два тѣла безъ движенія и среди ихъ совершенную пустоту, то нелѣпо будетъ утверждать, что онѣ могутъ сблизиться, или притянуть одно другое: ибо тѣла, въ слѣдствіе своея существенности, тщатся пребывать въ настоящемъ положеніи. Неможно приступить къ противному мнѣнію для того, что понимать неудобно причины, для чего тѣло недвижимое будетъ двигаться въ ту, а не въ другую сторону; еще же неудобопонятнѣе, что движущееся тѣло престаетъ двигаться или премѣняетъ направленіе или скорость. И такъ, естьли достовѣрно, что всякое тѣло, по существу своему, сохраняетъ свое положеніе, и что перемѣна въ ономъ происходитъ токмо въ слѣдствіе его непроницательности; то ясно, что тяжественность, то есть: сила, тѣло къ центру направляющая, хотя намъ неизвѣстная, не есть свойство въ тѣлахъ присносущное. Да и по мнѣнію тѣхъ, которые притяжательность почитаютъ силою въ веществѣ вкорененною, сила сія не въ тѣлѣ, надъ коимъ дѣйствуетъ. Слѣдуетъ, поелику извѣстны намъ силы только двухъ родовъ, силы тѣлесныя, изъ непроницательности тѣлъ проистекающія, и силы духовныя, существующія токмо въ животныхъ: то притяжательность долженствовала бы принадлежать къ третьему роду силъ, но ни къ тѣлеснымъ, ни къ духовнымъ. Но дабы утверждать сіе, то надлежитъ непрекословно доказать бытіе сихъ силъ, и что сила притяженія не происходитъ изъ тонкаго вещества тѣла окружающаго. Естьли бы единожды возможно было, чтобы два тѣла притягивать могли другъ друга и разстояніе между ними не было бы наполнено тончайшимъ веществомъ, то существенность притяжательности была бы неоспорима. Но какъ сіе невозможно, то можно въ томъ сомнѣваться или совсѣмъ отрицать.

Естьли же довольную имѣемъ причину отметать силу притяжательную, то съ лучшимъ основаніемъ отрицать можемъ въ вещественности свойство чувствовать. Но естьли вѣрно, что вещественность чувствовать можетъ, гдѣ найдемъ мы чувствующую соединенность, или нераздѣлимость? Присвоимъ ли оную каждой вещества частицѣ, или соборнымъ тѣламъ? Или присвоимъ сію соединенность жидкостямъ и твердостямъ въ сложныхъ и въ началахъ? Говорятъ: въ природѣ нѣтъ опричь единственностей; но каковы онѣ? Единственностію ли назовемъ камень, или сложеніемъ единственностей? Чувствительное ли онъ вещество, или содержитъ столько оныхъ, сколько въ немъ песчинокъ? Естьли каждая начальная порошинка (атомъ) есть вещество чувственное, то какъ вообразить сіе тѣсное сообщеніе, отъ котораго одинъ чувствуетъ себя въ другомъ, и столь совершенно, что оба суть одинъ? Части

чувствующія суть протяженны, но существо чувственное нераздѣлимо, одно, всецѣло, или же ничто. Сіи непреоборимыя трудности съ предъидущими причинами совокупно утверждаютъ меня во мнѣніи, что, познавъ вещественность протяженною и раздѣлимою, надлежитъ удостовѣриться, что она чувствовать не можетъ: ибо, утверждая противное, станешь присвоять одному существу свойства, одно другое исключающія.

Есмь и проч.

Письмо IV.

Сочинитель полагаетъ быть въ человѣкѣ двумъ силамъ страдательнымъ, которыхъ онъ признаетъ производящими нашъ разумъ причинами. Первая: свойство принимать ударенія внѣшнихъ предметовъ, и сія есть тѣлесная чувствительность; другая; свойство сохранить сдѣланное на чувства удареніе, называется память. Память, по мнѣнію сочинителя, есть ничто иное, какъ единое отъ орудій тѣлесной чувствительности, и чувствованіе, продолженное, но ослабѣвшее. То, что въ насъ чувствуетъ, говоритъ онъ, то непремѣнно и воспоминаетъ. Вотъ доказательство его.

Когда я воспоминаю образъ дуба, тогда внутренніе мои органы находятся почти точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ они были, когда дубъ сей представлялся моему зрѣнію. Таковое положеніе органовъ производитъ чувствованіе. Слѣдовательно: воспоминать есть чувствовать. Сіе заключеніе для меня не кажется убѣдителѣнымъ, и здѣсь доказательство основано на томъ, что въ задачѣ. Положимъ, что, воспоминая образъ дуба, внутренніе мои органы въ равномъ положеніи находятся съ тѣмъ, въ какомъ они были, видя сей дубъ; однако же симъ вопросомъ не удовлетворится, для чего и какъ, и доводъ недостаточенъ: ибо ясно, что здѣсь не одинъ не заключаетъ сочинитель отъ одинаковыхъ дѣйствій на одинаковыя причины: ибо дѣйствія суть разны. Когда дубъ находился предъ моими глазами, тогда внутренніе мои органы позыбнутые лучами исходящими отъ дуба, образъ его начертывали въ глубинѣ моего глаза на неровной сѣти совокупляющейся съ зрящимъ (оптическимъ) нервомъ, которой есть продолженіе мозга, и чрезъ него зыбленіе доходило до мозга, гдѣ душа извлекала понятіе; но удаленный внѣшняго предмета, что дѣйствуетъ на мои органы? И естьли бы при воспоминаніи внутренніе мои органы были въ такомъ же положеніи, какъ при удареніи предметовъ на чувства, то, не имѣя ничего предъ глазами, я видѣлъ бы солнце. Слѣдственно понятіе напоминовенное совершенно разнствуетъ отъ понятія возбуждаемаго предстоящимъ предметомъ. Изъясненіе памяти, что она есть чувствованіе продолженное, но ослабшее, для меня не удовлетворительно: ибо или чувствованіе продолжается безостановочно, или когда либо останавливается и возобновляется. Естьли бы бывало первое, то бы понятія намъ были присутственны непрестанно, чего однако же нѣтъ: ибо тщетно иногда стараемся возобновить иныя понятія, которыя мы имѣли прежде; иногда же совсѣмъ ихъ позабываемъ, но обыкновенно забываемъ ихъ на половину. Естьли бы удареніе терялося совсѣмъ, какъ-то случается; какъ бы вещественность могла воспоминать, что было на нее удареніе въ то время, когда оно на нее бываетъ вновь? Говоря, что память не что иное есть, какъ чувствованіе продолженное, но ослабшее, все присвоимъ чувствительности, но чувствительность производится движеніемъ нервовъ. Сіе движеніе можетъ умножиться и уменьшиться по мѣрѣ ударенія сильнаго или слабаго всѣхъ частей предмета; слѣдовало бы, что когда воспоминаю о солнцѣ, то же бы было, что я вижу луну, коея свѣтъ 200.000 разъ слабѣе свѣта солнечнаго. Но видѣть луну теперь и воспоминать только о солнцѣ, суть двѣ совсѣмъ разныя вещи. А потому ясно, что понятія чувственныя представляются намъ посредствомъ чувствъ; воспоминовенныя же производимъ мы сами по образу понятій чувственныхъ, поелику мы объ оныхъ воспоминаемъ. Понимаю я довольно ясно, что понятія, памятію произведенныя, суть таковы же, какъ и настоящія; но сіе относится къ душѣ. Что же касается до тѣла, то всякое настоящее памятію сопряжено съ нѣкоторымъ движеніемъ въ мозгу, чего не бываетъ съ произведеннымъ памятію.

Признаться надлежитъ, что истинной источникъ памяти отъ насъ скрытъ совершенно; вѣдаемъ мы, что и тѣло въ ономъ участвуетъ; но и то вѣрно, что возобновленіе понятій есть собственное дѣйствіе души.

Письмо сіе окончу я различіемъ, сдѣланнымъ въ воспоминовеніи. Оно двояко: 1) Сила сохранять

на нѣсколько времени понятіе настоящее. Локкъ сіе называетъ: разсмотрѣніе. 2) Сила возобновлять и оживлять въ разумѣ понятія, которыя, родясь въ ономъ, изчезли и изъ онаго совсѣмъ удалилися. Сіе собственно назвать можно памятью

Есмь и проч.

Письмо V.

Сочинитель, разыскивая прилежно дѣйствія разума человѣческаго, ограничиваетъ ихъ на способность замѣчать сходствія и различія, приличность и разнообразность предметовъ между собою. Слова всѣхъ языковъ, которыя почесть можно собраніемъ всѣхъ мыслей человѣческихъ, подтверждаютъ сію истину; для того, что они представляютъ намъ одни токмо образы внѣшнихъ предметовъ, отношенія ихъ одного къ другому и отношеніе ихъ къ намъ. Разумъ человѣческій превыше познанія сихъ отношеній не возносится, и черты сея не преступаетъ; но и сужденіе ничто иное есть, какъ самое сіе усмотрѣніе или изъявленіе онаго; то и слѣдуетъ, что всѣ дѣйствія разума суть токмо сужденія. Но и судить есть ничто иное, какъ усматривать сходство и разность, принадлежность и неприличность нашихъ чувствованій и понятій. Слѣдственно поелику сила сія ничто иное есть, какъ тѣлесная чувствительность, то и судить есть чувствовать; слѣдственно всѣ дѣйствія разума суть чувствованія.

Разсужденіе сіе нахожу я весьма заключительнымъ. Всѣ предложенія въ ономъ ясны и основаны на истинѣ и опытахъ, одно изключая, то есть: что способность сравнивать понятія наши и чувствованія есть тѣлесная чувствительность. Сіе требуетъ разсмотрѣнія, и поелику оно есть главное его предложеніе, то позвольте мнѣ оное раздробить.

Я за доказанное пріемлю, что всѣ дѣйствія нашего разума состоятъ въ способности усматривать сходствія и несходствія, принадлежности и разнообразія въ предметахъ. Теперь доказать должно, что для сея способности нужна только тѣлесная чувствительность.

Нѣтъ ни малаго въ томъ сомнѣнія относительно познанія различій между предметами. Получивъ два чувствованія или два понятія не могу не чувствовать, что то, что чувствую въ одномъ, въ другомъ того не чувствую; или сказать яснѣе, что одно удареніе иначе душу возбуждаетъ нежели другое. Чувствуя сіе, чувствую ихъ различіе. Слѣдуетъ, что для усмотрѣнія различія между предметами, нужно токмо чувствовать. Но можно ли то же сказать о ихъ сходствіи? Опредѣлимъ, что значитъ сіе слово. Что назовемъ сходствіемъ одного предмета съ другимъ? Сходствіе существенное или случайное бываетъ, когда части одинъ предметъ составляющія равнородны или равнообразны другому; или когда части одного предмета суть во всемъ одинаковы съ частями другаго предмета. Естьли сіе вѣрно, то для познанія сего нужна одна чувствительность тѣлесная: ибо, имѣя два чувствованія, разуму присутственныя, усматриваю непремѣнно, какъ они ударяютъ на мои чувства, одинакимъ ли образомъ или разнообразно; слѣдуетъ, оное усмотрѣть есть чувствовать.

Принадлежностію называемъ, когда одинъ предметъ къ другому пристоинъ, пріятенъ, полезенъ, или нуженъ, или когда таковымъ намъ кажется (въ дальнѣйшее изъясненіе сихъ названій я не вхожу, дабы, вмѣсто объясненія, ихъ не затмить); но опыты доказываютъ, что разныя чувствованія разнообразно на душу дѣйствуютъ. Иныя разсматриваетъ она съ удовольствіемъ, на другія взираетъ съ отвращеніемъ; и посредствомъ того же опыта мы можемъ опредѣлить принадлежность или разность между предметами. Я изъ того заключаю, что судить есть то же, что чувствовать.

Для изъясненія сего разсужденія, я постараюся отдалить всѣ возраженія, которыя противъ него сдѣлать можно.

1) Естьли душа есть существо страдательное, то или каждой предметъ она чувствовать будетъ раздѣльно, или будетъ чувствовать цѣлой предметъ, хотя сложной. Но, не имѣя силы ихъ сблизить, она сравненія между ими сдѣлать не можетъ, не можетъ о нихъ судить. Что значитъ весь сей вздоръ? Каждой предметъ будетъ она чувствовать особенно, то есть, что одно чувствованіе не будетъ другое, или, что одно чувствованіе не существуетъ въ другомъ, равно, какъ одно тѣло не можетъ занимать одного мѣста съ другимъ въ одно время. Весь предметъ будетъ чувствуемъ, то есть: оба чувствованія присутственны будутъ разуму. Слѣдуетъ, что душа не будетъ имѣть силы ихъ сравнивать, и что не можетъ судить о ихъ смежности. Но изъ сказаннаго мною можно заключить совсѣмъ противное, и сказать; слѣдовательно не будетъ ей нужды ихъ

сближать; слѣдовательно она будетъ судить объ отношеніяхъ двухъ чувствованій или имѣть ихъ присутственными разуму, то есть: будетъ ихъ чувствовать; но то и другое равно, какъ то доказано прежде. Но говоря, что душа не имѣетъ силы сближать чувствованія одного съ другимъ, естьли разумѣемъ, что душа не властна устремлять или отвращать своего вниманія продолжать или оканчать своего размышленія, тогда задача становится важнѣе и касается до слѣдующей: свободны ли мы или нѣтъ? О семъ я съ вами въ особомъ письмѣ бесѣдовать буду.

2) Понятія уравнительныя: большій, меньшій; понятія числительныя: одинъ, два; понятія отвлеченныя: добродѣтель, красота, конечно не суть чувствованія, хотя разумъ производитъ ихъ тогда, когда я чувствую. Дабы удостовѣриться о слабости сего разсужденія войдемъ въ нѣкоторыя подробности. Что можетъ быть простѣе понятія, что отношеніе ничто иное есть, какъ чувствованіе, или израженіе чувствованія, произведеннаго во мнѣ разсмотрѣніемъ двухъ предметовъ. Я сооружаю понятіе великаго; но оно не само по себѣ, а уравнительное; слѣдственно, кто имѣетъ понятіе великаго, тотъ неминуемо имѣетъ понятіе малаго. Слѣдуетъ естьли имѣю понятіе о большой палкѣ и о малой вдругъ, то какое нужно сравненіе, дабы чувствовать, что большая палка больше маленькой. Но какъ я получилъ понятіе о большомъ и маломъ? Получивъ два разныя ударенія и, примѣчая или чувствуя, что одинъ предметъ имѣетъ больше частей нежели другой, я назвалъ одинъ большимъ, а другой малымъ, хотя бы назвалъ ихъ иначе, вещь въ самомъ дѣлѣ не перемѣнилась бы. Но какъ составляемъ мы численныя понятія? Замѣчая различія чувствованій. Напримѣръ: цвѣтокъ ударяетъ на орудіе моего обонянія; я чувствую сіе удареніе и сохраняю его посредствомъ памяти. Другой цвѣтокъ производитъ равное удареніе; я и оное чувствую. Но, сохранивъ прежнее удареніе, теперь чувствую нетокмо удареніе настоящее, но чувствую также, что чувствовалъ подобное. Чувствовать что было во мнѣ подобное чувствованіе, есть то же, что имѣть понятіе о двухъ чувствованіяхъ; и такъ далѣе. Разумъ слѣдуетъ той же стезѣ при составленіи общихъ понятій: ибо очевидно, естьли удареніе разныхъ предметовъ на мои чувства одинаково, то невозможно мнѣ не чувствовать, что чувствованіе мое при возрѣніи какого либо предмета есть подобное тому, которое имѣлъ, видя другой предметъ. Но израженіе сего чувствованія есть составленіе понятія общаго или отвлеченнаго, которое существовать будетъ токмо въ моей головѣ и которое однако же чувствовалъ я въ самомъ дѣлѣ.

3) Естьли бы въ употребленіи нашихъ чувствъ мы были токмо страдательны, то не было бы между нами никакого сообщенія, неможно было мнѣ знать, что тѣло, которое я осязаю, и тѣло, которое вижу, есть то же. Или мы ничего внѣ себя чувствовать не будемъ, или будемъ чувствовать всегда пять существъ отдѣленно, коихъ единственности намъ примѣтить невозможно. Возраженіе сіе весьма сильно, въ томъ признаюсь; но, принявъ, что въ употребленіи нашихъ чувствъ, мы дѣйствующими (хотя сіе мнѣ кажется нелѣпымъ: ибо не быть въ употребленіи чувствъ страдательнымъ, есть то же, что бы быть властну не чувствовать того, что чувствую), легче ли можемъ понять сообщеніе между чувствъ и какъ душа замѣчаетъ единственность понятія. Представь себѣ слѣпаго, узнавшаго опытами, какимъ образомъ шаръ и угольникъ ударяютъ на его осязаніе. Слѣпой сей, получивъ зрѣніе, не возможетъ, конечно, посредствомъ онаго различать шара отъ угольника; ибо естьли чувства его ударяемы, напримѣръ, шаромъ извѣстнымъ образомъ, не слѣдуетъ изъ того, чтобы и глаза его ударяемы были равномѣрно. Слѣдственно опыты насъ тому учатъ; слѣдственно разсужденіе; слѣдственно и сіе есть чувствовать. Хотя совершеннаго увѣренія о единственности вещи въ насъ нѣтъ, но для чего тому удивляться, естьли довод амъ идеалистовъ мы опричь брани ничего противупоставить не можемъ.

4) Наконецъ, послѣднее возраженіе есть сіе: естьли бы сужденіе объ отношеніи было простое чувствованіе и происходило бы единственно отъ предмета, то сужденія мои никогда не были ли бы ложны: ибо то неложно, что когда чувствую, то чувствую. Но на сіе буду отвѣтствовать въ слѣдующемъ письмѣ, слѣдуя стезямъ сочинителя, которой доказываетъ, что всѣ наши заблужденія отъ нашихъ страстей и отъ невѣдѣнія происходятъ. И естьли сіе послѣднее возраженіе достаточно будетъ опровергнуто, то излишнее будетъ, да и нелѣпо утверждать, что сила сужденій не есть свойство чувствовать.

Есмь и проч.

427. Журналъ военныхъ дѣйствій 1813 года.—Безъ означенія года и мѣста печати (1813 г.)—Въ 8 д.

Этотъ чрезвычайно важный журналъ начинается съ 30 іюля, слѣдующими словами: «Въ слѣдствіе заключеннаго между Россіею, Австріею и Пруссіею оборонительнаго и наступательнаго трактата, Россійско-Прусская армія выступила 30 іюля»...—Оканчивается журналъ 31 августа того же года, донесеніемъ генерала Барклай-де-Толи, въ которомъ онъ говоритъ, что:—«въ продолженіи цѣлаго дня, генералъ графъ Паленъ держалъ непріятеля у Ноллендорфа». Затѣмъ на послѣдней страницѣ слѣдуетъ выписка изъ рапорта генералъ-адъютанта Чернышева генералъ-адъютанту барону Винценгероде изъ Касселя, отъ 19 сентября 1813 года.

428. Журналъ для дѣтей, или пріятное и полезное чтеніе для образованія ума и сердца. Новое изданіе. С.-Петербургъ. Типографія Императорскихъ театровъ, 1815 года.—Въ 12 д. л.

Книга состоитъ изъ четырехъ частей; въ каждой части имѣется по одной гравированной виньеткѣ и по три гравюры внѣ текста.

Изданіе въ полномъ видѣ очень рѣдко попадается въ продажѣ.

Страница изъ Азбуки Василія Бурцова 1637 года.

429. Журналъ и любопытные анекдоты путешествія графа Фалькенштейна. Переведено съ французскаго языка Дмитріемъ Рыкачевымъ. Москва, въ университетской типографіи, у Новикова, 1781 года.—Въ 12 д. л., 156 стр.

Въ этомъ интересномъ журналѣ помѣщены свѣдѣнія о пребываніи въ Парижѣ съ 18 апрѣля по 31 мая 1777 г., и въ другихъ городахъ Франціи императора австрійскаго Іосифа II-го, путешествовавшаго подъ фамиліей графа Фалькенштейна.—См. у Якова Березина-Ширяева—«Описаніе книгъ», стр. 125-я, гдѣ сказано—«книжка очень рѣдкая».

430. Журналъ историческій, выбранный изъ разныхъ книгъ; 2 части; Тобольскъ. 1790 года.—Въ 8 д. л.

Этого «Историческаго Журнала» нѣтъ ни въ Императорской Публичной Библіотекѣ, ни въ Чертковской. См. Геннади—«Книжныя рѣдкости» за № 69. Въ «Опытѣ россійской библіографіи» Василія Сопикова, сказано за № 4103—«книга рѣдка».

Въ настоящее время этотъ журналъ составляетъ библіографическую рѣдкость и цѣнится любителями отъ 15 до 30 рублей, смотря по степени сохранности.

431. Журналъ или поденная записка блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго, съ 1698 г. даже до заключенія нейшлотскаго мира. Напечатанъ съ обрѣтающихся въ кабинетномъ архивѣ списковъ, правленныхъ собственной рукою Его Императорскаго Величества. 2 части. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 1770 года.—Въ 4 д. л. I томъ—460 стр., II томъ—763 стр.

Означенный журналъ или поденная выписка Государя Императора Петра І-го, съ 1698 года до заключенія нейшлотскаго мира, изданъ княземъ М. М. Щербатовымъ въ 1670 году, въ 4 д. л. Цѣна была 4 рубля. Есть французскій переводъ онаго, напечатанный въ Лондонѣ и Берлинѣ 1773 г., въ 4 и 8 д. л. —Нѣмецкій переводъ Г. Арндта и Бакмейстера въ Берлинѣ 1773 года.—Въ 8 д. л.

Книга рѣдкая.—Купленъ мною экземпляръ за 12 рублей (въ современномъ переплетѣ).

432. Журналъ каррикатуръ на 1808 г. въ лицахъ. С.-Петербургъ.—Въ 4 д. л.

Сего журнала издано только три номера, и болѣе не продолжался.—Сопиковъ—№ 3893: «рѣдка». Въ настоящее время совсѣмъ не находимъ въ книжной торговлѣ и составляетъ большую библіографическую рѣдкость.

433. Журналъ путешествія его высокородія господина статскаго совѣтника и ордена Святаго Станислава кавалера Никиты Акинфіевича Демидова по иностраннымъ государствамъ, съ начала выѣзда его изъ Санктпетербурга 17 марта 1771 года по возвращеніе въ Россію ноября 22 дня 1773 года.—Печатано въ Москвѣ, въ типографіи у содержателя Ф. Гиппіуса, 1786 года.—Въ 4 д. л., 164 стр., съ портретомъ.

Въ началѣ этой рѣдкой книги слѣдуетъ краткое предъувѣдомленіе, гдѣ говорится:—Побудительною причиною къ путешествію Н. А. Демидова, послужила болѣзнь его супруги, для излѣченія которой, по совѣту врачей, онъ долженъ былъ ѣхать въ Спа. Журналъ же путешествія изданъ былъ для «его фамиліи», какъ единственное воспоминаніе мѣстъ, въ которыхъ они были, и что видали въ чужихъ краяхъ. При книгѣ приложенъ портретъ Н. А. Демидова, хорошо гравированный нашимъ лучшимъ граверомъ Скородумовымъ. Портретъ описанъ Васильчиковымъ (т. I, стр. 287) и Д. А. Ровинскимъ (т. I, стр. 654).

См.—у Сопикова—№ 4106—«рѣдка».—У Черткова—1838 г., стр. 359.—Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры, съ портретомъ Демидова считаются чрезвычайно рѣдкими. Купленъ мною экземпляръ за 25 рублей у Мелина.

434. Журналъ новостей, издаваемый г. фонъ-Ронкою въ 1805 году. Москва, въ университетской типографіи у Любія и Попова.—Въ 8 д. л.

Этого чрезвычайно рѣдкаго и замѣчательнаго журнала вышло всего 6 книжечекъ, каждая за мѣсяцъ. Три первыя книжки составляютъ 1-й томъ, слѣдующія три—2 й.

Въ началѣ первой книжки находится посвященіе тогдашнему товарищу министра народнаго

просвѣщенія и, вмѣстѣ, попечителю Московскаго учебнаго округа, Михаилу Никитичу Муравьеву.

Въ изданіи помѣщено 9 листовъ нотъ, 1 планъ и 3 рисунка, изъ которыхъ два съ подписью на французскомъ языкѣ.

См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1875 годъ, стр. 62.

435. Журналъ пѣшеходцевъ отъ Москвы до Ростова и обратно въ Москву. Издалъ М. Н. Макаровъ. Москва, въ университетской типографіи, 1830 года.—Въ 16 д. л., 226 стр.

«Матерія» этой весьма интересной книжки достаточно опредѣляется эпиграфомъ изъ Карамзина:—«Человѣкъ въ дорожномъ платьѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ котомкою за плечами не обязанъ говорить съ осторожною разборчивостію какого нибудь придворнаго, окруженнаго такими же придворными, или профессора въ гишпанскомъ парикѣ, сидящаго на большихъ ученыхъ креслахъ».

Въ началѣ книжки нѣсколько словъ отъ автора М. Н. Макарова:—«Другу-наставнику (помѣщику) С. Калистову) вамъ, вѣчно признательный я посвятилъ журналъ пѣшеходцевъ.—Они, какъ замѣтили вы, излишне богаты сказками и—съ другой стороны, другими недостатками въ доказательствѣ повѣствовательномъ... Но мое усердіе и благоугодность къ вамъ, другу-наставнику, да послужитъ мнѣ извиненіемъ во многомъ! Впрочемъ представленные здѣсь пѣшеходцы не историки, они разсказываютъ только то, что видѣли, что слышали, что узнали изъ народныхъ преданій, сбереженныхъ вѣками. Повѣсти моихъ пѣшеходцевъ—разсказъ домашній, иногда, во всей формѣ сказка народная».

Книжка весьма рѣдкая и въ настоящее время почти не находима въ продажѣ и принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

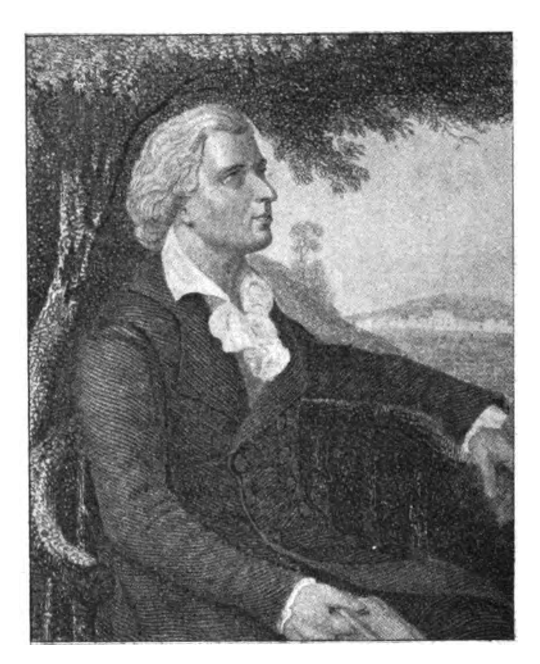
Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

З.

436. Забавный календарь на 1859 годъ. К. Флемминга. Москва въ типографіи Бакметова. 1853 года.—Въ 12 д. л., 129 стр.

Этотъ забавный календарь, посвященный кометѣ Донати, содержитъ въ себѣ 365 винныхъ и невинныхъ предсказаній на этотъ достопамятный годъ. Кромѣ того два разсказа Н. Соловьева и одну повѣсть Поль-де-Кока.

Хорошо сохранившіеся экземпляры довольно рѣдки.

Фридрихъ фонъ-Шиллеръ.

Любимый Германскій поэтъ, родился 11 ноября 1759 года. Скончался 9 мая 1805 г.

437. Заговоръ Фіеска въ Генуѣ. Трагедія г. Шиллера, въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго языка Г. и А. Москва, въ вольной типографіи Гарія и К°, въ 1830 году.—Въ 8 д. л., 248 стр.

Эта пьеса не была дозволена къ представленію на сценѣ и принадлежитъ къ числу рѣдкихъ.—См. Як. Березинъ-Ширяевъ — «Дополнительные матеріалы для библіографіи»—стр. 249.

438. Задачи сельско-хозяйственнаго управленія въ Россіи. С.-Петербургъ. Типографія Киршбаума. 1893 года.—Въ 8 д. л., 47 стр.

Книга начинается съ краткаго введенія, въ которомъ говорится, что сельское хозяйство искони составляло основу народнаго благосостоянія въ Россіи. Дворянское и крестьянское землевладѣніе

составляютъ основу русскаго земледѣлія; за послѣдніе годы падаетъ производительность русскаго земледѣлія; за послѣднее двадцатипятилѣтіе слабѣютъ силы нашего землевладѣнія. Съ упадкомъ земледѣлія подрывается благосостояніе русскаго народа: истощаются его платежныя средства, понижается уровень народной нравственности; приверженность народа къ мирнымъ занятіямъ сельско-хозяйственнымъ трудомъ постепенно вытѣсняется пагубнымъ стремленіемъ къ спекулятивной наживѣ; съ упадкомъ дворянскаго землевладѣнія расшатываются вкѣовые устои русской государственной жизни; ослабляется то сословіе, которое всегда служило вѣрнѣйшимъ оплотомъ царской власти противъ внѣшняго врага и внутренной крамолы. Появляющіеся на мѣсто дворянскаго новые земледѣльческіе элементы, преимущественно обязанные своимъ происхожденіемъ разношерстному классу людей, почти безъ моральныхъ началъ, безъ преданій въ минувшемъ, уже не представляютъ тѣхъ гарантій нравственности, порядка и беззавѣтной преданности престолу царскому, которые искони присущи были русскому дворянству. Усиленіе этихъ элементовъ представляетъ серьезную опасность для всего нашего государственнаго и экономическаго строя. Русское помѣстное дворянство, храня завѣты отцевскихъ преданій, не измѣнило до сихъ поръ, не смотря на всѣ переживаемыя имъ невзгоды, своему историческому призванію—нести службу государеву, охранять порядокъ и благоденствіе вокругъ принадлежащихъ имъ родовыхъ вотчинъ, пещись о судьбѣ младшаго своего брата—крестьянина, изстари привыкшаго въ русскомъ помѣщикѣ искать опоры и защиты противъ всякихъ обрушивающихся на него золъ. Крестьянство остается доселѣ инстинктивно вѣрнымъ Божьему и царскому престолу и вездѣ, гдѣ оно еще не испорчено вліяніемъ чуждыхъ ему вредныхъ элементовъ, привержено землѣ и въ занятіяхъ хлѣбопашествомъ, какъ на своихъ, такъ и на помѣщичьихъ земляхъ, находило до сихъ поръ вѣрныя средства къ существованію. Не просвѣщенное еще свѣтомъ знанія, крестьянство постепенно развивалось бы и двигалось бы впередъ, если-бы тому не препятствовали тѣ чуждые какъ ему, такъ и помѣстному дворянству элементы, пагубному вліянію которыхъ русскій народъ безъ мощной поддержки правительственной власти иногда противустоять не можетъ. На русскомъ помѣстномъ дворянствѣ, съ одной стороны,—на русскомъ, преданномъ земледѣлію, крестьянствѣ, съ другой, зиждется такимъ образомъ вся моральная и матеріальная сила, вся будущность русскаго государства.

Въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ экономическихъ, физическихъ, культурныхъ—нашу сельскую Русь посѣтили тяжкія невзгоды, которыя грозятъ подорвать самыя основы ея благосостоянія. На обязанности правительства лежитъ ее охранить, ободрить, поддержать въ борьбѣ съ этими невзгодами, которыхъ она сама по себѣ преодолѣть не въ состояніи; какъ ни грозно было обрушившееся на русскій народъ бѣдствіе,—въ самыя страшныя его минуты онъ не падалъ духомъ, не предавался отчаянію, не терялъ надежды на лучшее будущее, возлагая свои упованія на Божью милость и на благость русскаго царя, твердо вѣруя, что эта надежда еще никогда русскому человѣку не измѣняла. И теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, предается наша сельская Русь этой надеждѣ, уповая на то, что царь милостивымъ окомъ взглянетъ на ея нужды, стремленія и пожеланія, и придетъ къ ней на помощь своимъ царскимъ словомъ и дѣломъ.

439. Задигъ или судьба — восточная повѣсть, и—„Свѣтъ каковъ есть“, видѣніе Бабука, писанное имъ самимъ—сочиненіе Вольтера; къ оной прибавлена—„Элегія Клеона къ Цинею“—сочиненіе Душа, переведенныя на россійскій языкъ съ французскаго. С.-Петербургъ, при Морскомъ шляхет. кадетскомъ корпусѣ. 1765 года.—Въ 8 д. л., 159, 40 и 18 стр.

Эти сочиненія переведены на русскій языкъ Голенищевымъ-Кутузовымъ. Повѣсть «Задигъ» была напечатана въ первый разъ въ 1759 г. въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, издававшихся при Академіи Наукъ Миллеромъ. Брошюрка очень рѣдкая, и въ настоящее время совсѣмъ не находима на книжномъ рынкѣ.

Цѣнится отъ 5 до 8 рублей.

440. Замѣчанія Министра Финансовъ на записку тайнаго совѣтника Смирнова, озаглавленную: Современное состояніе нашихъ финансовъ, причины упадка ихъ и

средства къ улучшенію нашего государственнаго хозяйства. С.-Петербургъ. Напечатано по распоряженію Министра Финансовъ. 1886 года.—Въ 4 д. л, 79 стр.

Брошюра весьма серьезна и по необыкновенной важности своего предмета заслуживаетъ особеннаго вниманія русской публики.

Въ концѣ брошюры авторъ ея объясняетъ значеніе этого изданія слѣдующимъ образомъ:

«Въ заключеніе, говоритъ онъ, нельзя не замѣтить, что сочиненіе тайнаго совѣтника Смирнова составляетъ явленіе, подобнаго которому не легко найти не только въ монархическихъ самодержавныхъ, но и въ конституціонныхъ государствахъ.

Товарищъ одного изъ Министровъ въ типографіи святѣйшаго правительствующаго синода печатаетъ памфлетъ противъ другого Министра и обвиняетъ его не только въ ошибкахъ, но и въ антиправительственномъ направленіи. Что сказалъ бы Министръ, въ вѣдомствѣ котораго напечатана упомянутая брошюра, если бы появился противъ него подобный памфлетъ (это даже не памфлетъ, а доносъ), написанный товарищемъ другого Министра и напечатанный въ казенной типографіи».

Изданіе это въ настоящее время принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

441. Замѣчанія на нѣкоторыя части сочиненія поручика Булатовича — „Отъ Энтото до рѣки Баро". Полковника С. Козлова. С.-Петербургъ, типографія Киршбаума, 1897 года.—Въ 8 д. л., 86 стр.

Эта брошюра печатана по распоряженію Главнаго Штаба и притомъ не для продажи.

Въ началѣ книги слѣдуетъ краткое предисловіе отъ автора, въ которомъ онъ говоритъ, что: «Главный Штабъ поручилъ мнѣ разборъ труда Поручика Булатовича, представившаго отчетъ о своемъ путешествіи въ юго-западныя области Абиссиніи. Исполняя возложенное на меня порученіе, имѣю честь доложить, что представляемый мною разборъ касается преимущественно исторической части сочиненія Поручика Булатовича, оказавшейся самою слабою: мною отмѣчены нѣкоторыя крупныя историческія ошибки и неточныя ссылки на источники, а также исправлены погрѣшности, вкравшіяся въ хронологію, и указано на неправильную транскрипцію абиссинскихъ словъ и собственныхъ именъ. Во всѣхъ случаяхъ я ссылаюсь на выдающіеся авторитеты, заслужившіе европейскую извѣстность, а потому критика моя, при всей ея, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, строгости, нигдѣ не голословна. Относясь вполнѣ объективно къ разбираемому отчету и желая оставаться вездѣ документальнымъ, я, быть можетъ, отнесся слишкомъ серьезно къ тексту книги, не заслуживающей, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она проявляетъ претензію на научность, критики вообще, такъ какъ составляетъ несвязныя, произвольныя и необоснованныя разсужденія, не имѣющія никакого значенія вообще и не могущія быть полезными для читателя. Но, въ виду малой освѣдомленности нашей русской литературы съ предметомъ, выводы и цитаты, приводимые авторомъ, могли бы ввести въ напрасныя заблужденія, почему мною и выбраны для критики мѣста изъ книги, касающіяся болѣе интересныхъ эпохъ древней исторіи и событій, сопровождавшихъ образованіе на плато Абиссиніи государства. Затронутые мною вопросы касаются предмета, совершенно еще не освѣщеннаго въ русской печати, а потому я позволилъ себѣ предположить, что для Главнаго Штаба, напечатавшаго трудъ Поручика Булатовича, будетъ не безъинтересно ознакомиться съ сопровождающими мой разборъ краткими историческими очерками.

Все, что касается государственнаго устройства, быта и нравовъ абиссинцевъ, оставлено мною безъ разбора, и объ этой части книги, лучшей по содержанію, а позволю себѣ высказаться тогда, когда труды мои, по составленію исторіи древней Ѳіопіи и Абиссиніи, приведутъ меня къ обширной литературѣ предмета на иностранныхъ языкахъ».

442. За Отечество! Повѣсть изъ исторіи Франціи. Сочиненіе Феликса Гра. Переводъ съ французскаго. Санктпетербургъ, типографія Пороховщикова. 1898 года.—Въ 8 д. л., 114 стр.

Это одно изъ главныхъ сочиненій Феликса Гра по исторіи французской революціи, выдающагося по учености автора. Повѣсть въ высшей степени интересна по изложенію и отличается удивительною силою и необыкновенными эффектами. Выведенныя авторомъ лица умно и прекрасно задуманы.

Въ началѣ книги слѣдуетъ краткое предисловіе отъ переводчика, въ которомъ онъ говоритъ, что:

Повѣсть Феликса Гра напечатана въ фельетонахъ газеты «Temps». Авторъ ея, родомъ изъ Прованса, поселянинъ по происхожденію, родился въ деревнѣ Мельморъ, въ департаментѣ Воклюзы въ 1844 г. Вступительная глава повѣсти, имѣя чисто автобіографическій характеръ, рисуетъ картину его дѣтства. Сдѣлавшись замѣчательнымъ провансальскимъ поэтомъ, Феликсъ Гра издалъ четыре тома своихъ произведеній, написалъ на томъ же мѣстномъ нарѣчіи сборникъ разсказовъ и помѣщалъ разнообразныя статьи въ журналѣ Общества провансальскихъ писателей, извѣстнаго подъ названіемъ «Felibrige», главой котораго онъ состоитъ со времени смерти другого извѣстнаго провансальскаго поэта, Руманиля. Первый его опытъ въ историческомъ романѣ имѣлъ громадный успѣхъ, и какъ въ Америкѣ, такъ въ Англіи и Франціи произведенія его встрѣчены самымъ сочувственнымъ образомъ. Такіе выдающіе люди, какъ американскій публицистъ Ричардъ Стоддардъ и Гладстонъ, заинтересовались этимъ романистомъ поселяниномъ и его новымъ произведеніемъ. Первый пишетъ въ «Record»: «Повѣсть Феликса Гра отличается удивительной силой и необыкновенными эффектами, выведенныя имъ лица умно и прекрасно задуманы. Феликсъ Гра первый показалъ въ настоящемъ свѣтѣ дѣйствія марсельскаго баталіона, который состоялъ изъ пламенныхъ патріотовъ, а не изъ бѣшенныхъ головорѣзовъ и подонковъ общества, какъ ихъ изображали въ продолженіе ста лѣтъ». Эта историческая сторона разсказа Феликса Гра обратила на себя вниманіе и Гладстона, который чутко слѣдитъ не только за политическими событіями, но и за литературными явленіями; онъ вступилъ съ нимъ въ переписку на счетъ тѣхъ матеріаловъ, которыми пользовался провансальскій романистъ для своего замѣчательнаго произведенія, и тотъ откровенно обнаружилъ всю подкладку своего разсказа. «Что касается фактовъ,—говоритъ Гра въ письмѣ къ Гладстону, которое служитъ лучшимъ предисловіемъ къ «Марсельцамъ»,—то я взялъ ихъ частью изъ словъ самого Паскаля, а частью отъ моего дѣда Доменика и моей матери, еще находящейся въ живыхъ, хотя ей уже 91 годъ. Она часто описывала мнѣ сцену въ мальморской больницѣ, гдѣ папистскіе роялисты, переодѣтые монахами, убили либераловъ. Эпизодъ нанесенія ударовъ отцу Паскаля основанъ на дѣйствительномъ происшествіи, случившемся съ моимъ собственнымъ прадѣдомъ. Хотя простой поселянинъ, онъ имѣлъ мула, на которомъ привозилъ жатву съ поля домой; однажды онъ возвращался съ своимъ муломъ въ деревню, какъ вдругъ повстрѣчалъ маркиза Годаня, который ѣхалъ верхомъ, и тотчасъ свернулъ въ канаву, чтобъ предоставить маркизу всю дорогу, бывшую довольно узкой. Но онъ сдѣлалъ это не довольно скоро, и маркизъ ударилъ его два раза по лицу своимъ бичемъ такъ сильно, что слѣды этихъ ударовъ оставались на его лицѣ въ продолженіе многихъ дней. Мой прадѣдъ и вся его семья очень боялись, чтобъ это происшествіе не имѣло бурныхъ послѣдствій и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль его тщательно скрывали, изъ страха, чтобъ его не подвергли тѣлесному наказанію или не посадили въ тюрьму. Подобные факты тогда не составляли ничего необыкновеннаго, и нашъ знаменитый поэтъ Фридрикъ Мистраль, съ которымъ я однажды бесѣдовалъ о жестокомъ обращеніи въ старину помѣщиковъ съ поселянами, разсказалъ мнѣ, что его дѣдъ получилъ такіе же побои и за то же самое отъ какого то аристократа. Что касается документовъ, то можно видѣть въ авиньонской библіотекѣ постановленіе папскаго вице-легата, одобренное французскимъ королемъ, въ силу котораго наказывалось «палками, галерами или смертной казнью», согласно доброй волѣ легата, самое пустое нарушеніе закона, за что въ настоящее время взыскивается штрафъ въ одинъ франкъ. Еще скажу, что существуетъ переписка Барбару, безспорно устанавливающая тотъ фактъ, что Сантеръ, подъ предлогомъ болѣзни, измѣнилъ своему обѣщанію принять участіе въ нападеніи на Тюльери и ждалъ неудачи этого предпріятія, чтобъ оказать помощь королю; эта же переписка подтверждаетъ, что и за Петіономъ зорко слѣдили все время, съ цѣлью помѣшать ему воспрепятствовать рѣшительному шагу марсельцевъ. Вообще моей цѣлью было писать не исторію въ полномъ смыслѣ этого слова, а краткій историческій разсказъ, доказывающій, что марсельцы, поднявъ возстаніе, обезпечили торжество революціи, и что среди нихъ раздался первый протестъ противъ заблужденій, жестокостей и крайностей террора». Въ своемъ отвѣтѣ, отъ 3-го сентября настоящаго года, Гладстонъ замѣчаетъ: «въ Англіи и, я полагаю, въ другихъ странахъ, насъ учатъ съ юности

смотрѣть съ ужасомъ на крайности французской революціи, но книги, подобныя вашей, научать насъ, что главная отвѣтственность за крайности лежитъ на системѣ и людяхъ, которые въ продолженіе многихъ поколѣній старались изгладить изъ ума народа идею закона и права, общественнаго, гражданскаго и личнаго».

Дѣйствительно, повѣсть Феликса Гра, напоминая нѣсколько романы Эркмана-Шатріана, но отличающаяся болѣе свѣжимъ, безъискусственнымъ колоритомъ, основана въ своей исторической подкладкѣ на новѣйшихъ архивныхъ розысканіяхъ, доказавшихъ, что марсельскій баталіонъ, игравшій въ событіи 10-го августа такую рѣшающую роль, состоялъ не изъ злодѣевъ и бѣглыхъ арестантовъ, какъ долго увѣряли враги революціи, но изъ людей пламенно-любящихъ свое отечество и почти исключительно бывшихъ національными гвардейцами въ своемъ родномъ городѣ или землепашцами въ округѣ. Самый эпизодъ похода марсельцевъ на Парижъ тѣмъ интереснѣе, что они первые пѣли гимнъ Руже-де-Лиля и доставили ему такую популярность, что его назвали «Марсельезой» въ честь этихъ первыхъ его пѣвцовъ.

443. Западное вліяніе на новую русскую литературу. Сочиненіе Алексѣя Веселовскаго. Москва, 1883 года —Въ 8 д. л.

Эта весьма рѣдкая книга содержитъ въ себѣ очерки вліянія западно-европейскихъ литературъ на русскую съ Петра до 60-хъ годовъ нынѣшняго вѣка.

Основная мысль этого сочиненія та,—что это явленіе не обезличивало нашихъ писателей, а выводило ихъ на путь самостоятельнаго творчества изученія русской жизни.— См. «Книгу о книгахъ» И. Янжула, стр. 114-я.

Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

444. Записки Алексѣя Петровича Ермолова о войнѣ 1812 года. Печатано въ Лондонѣ, въ типографіи князя Петра Владиміровича Долгорукова. 1863 года.—Въ 8 д. л., 219+IV стр.

Авторъ этой рѣдкой книги, князь Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ родился 27 декабря 1816 года.—Съ 1859 г. онъ жилъ за границею и не явился въ Россію по вызову, сдѣланному ему правительствомъ чрезъ русское посольство въ Лондонѣ. Поэтому въ 1861 г. (5 іюля) состоялся о немъ указъ Правительствующаго Сената, по которому онъ лишенъ былъ всѣхъ правъ состоянія и признанъ изгнаннымъ изъ Россіи (указъ о постановленіи о немъ Тульской уголовной палаты въ газетѣ «Новое Время» 1862 г. № 26). Умеръ 6 (18) Августа 1868 г. въ Бернѣ («Голосъ, № 24).

445. Записки Василія Александровича Нащокина. Санктпетербургъ, въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1842 г.—Въ 8 д. л., 384 стр.

Покойный П. П. Свиньинъ напечаталъ въ своихъ «Отечественныхъ Запискахъ» часть XVI—76—104, начало изъ записокъ Нащокина, составившее одинъ печатный листъ, но къ сожалѣнію, съ рукописи, наполненной грубыми описками. Не смотря однако-же на это, содержаніе записокъ Нащокина было такъ любопытно, что заставило меня жалѣть о неоконченномъ изданіи оныхъ, и потерѣ, можетъ статься, самого подлинника. Долго развѣдывалъ, говоритъ Свиньинъ, я о немъ, наконецъ былъ чрезвычайно обрадованъ открытіемъ, что онъ хранится у Василія Войновича Нащокина, роднаго внука Василія Александровича, живущаго близъ Костромы, въ наслѣдственномъ своемъ имѣніи Шишкинѣ. Не имѣвъ чести быть съ нимъ знакомымъ, я однако же рѣшился отнестись къ нему, и онъ былъ такъ ко мнѣ благосклоненъ, что прислалъ мнѣ не только записки, но и портретъ своего дѣдушки.

446. Записки Декабриста.— Матеріалъ для исторіи возмущенія 14 декабря 1825 года и участниковъ его. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ приложеніемъ донесенія слѣдственной коммисіи по этому дѣлу.— С.-Петербургъ. Типографія Н. Неклюдова. 1869 года.—Въ 8 д. л.

Книга эта отпечатана была въ типографіи г. Н. Неклюдова, безъ предварительной цензуры, въ числѣ 1,800 экземпляровъ, подъ заглавіемъ «Записки Декабриста» и проч. Книга эта была представлена въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ, который, во исполненіе послѣдовавшаго предписанія высшаго начальства, сдѣлалъ распоряженіе о не выпускѣ этой книги изъ типографіи до новаго

распоряженія. Арестъ на книгу наложенъ 26 октября.

Это чрезвычайно любопытное и не поступавшее въ продажу изданіе имѣетъ историческій интересъ.

Кромѣ этого въ моей библіотекѣ имѣются еще слѣдующія рѣдкія изданія, напечатанныя на русскомъ языкѣ и запрещенныя къ обращенію и перепечатанію въ Россіи, а именно:

А.

1.—Абрамовъ, Я. Сельскій календарь на 1888 годъ. Петербургъ. Изданіе Ф. Павленкова.

2.—Абрамовъ, Я. Въ поискахъ за правдой. Сборникъ разсказовъ. Второе изданіе. С.-Петербургъ, 1884 г.

3.—Авдыковскій, О. Дядько-Өома. Повѣсть изъ житья невольникôвъ въ Америкѣ, пôсля Бичеръ-Стоу для русскаго народу написано. Львовъ. 1887 г.

4.—Азбука соціальныхъ наукъ. Въ трехъ частяхъ. С.-Петербургъ. 1871 г.

5.—Акаөистникъ, печатанъ въ Почаевской типографіи въ 1823 году.

6.—Александровъ, Н. Пропалъ. Романъ изъ быта сельскаго духовенства и раскольниковъ. С.-Петербургъ. 1875 г.

7.—Алексѣевъ. Нѣсколько словъ о прошломъ русскаго соціализма и о задачахъ интеллигенціи. С.-Петербургъ. Типографія группы народниковъ. 1883 г.

8.—Алферьевъ, І. Женское дѣло въ Европѣ и Америкѣ. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя по женскому вопросу. С.-Петербургъ. 1873 г.

9.—Астромовъ, Іуліанъ. Возможно-ли и необходимо-ли литературное единство народностей славянскихъ. Римъ. 1889 г.

10.—Аөанасьевъ, А. Народныя русскія легенды, собранныя А. Н. Аөанасьевымъ. Изданіе Щепкина и Солдатенкова. Москва, 1860 г.

Б.

11.—Бабиковъ, К. Отъ колыбели до могилы. Мужчина и женщина. Картины и очерки публичной и семейной жизни современнаго русскаго общества. Москва. 1873 г.

12.—Балудянскій, А. Исторія церковная Новаго Завѣта. Изданіе третье. Вѣна. 1852 г.

13.—Бантышъ-Каменскій. Россіянинъ при гробѣ патріарха Гермогена. Москва. 1804 г.

14.—Барвѣньскій, Олександеръ. Исторія Руси. Львовъ. 1884. Часть V. Внутренній станъ Руси подъ панованэмъ Ягайлово роду ажь до цѣлковитого зôлляны Литвы съ Польшею въ Люблинской уніи 1569 г. Посля русскихъ и чужихъ историковъ. Рокъ 1884.

15.—Библіотека русскихъ писателей. Подъ редакціей Квинтиліана О. Лужницкаго. Львовъ.

16.—Бланъ-Луи. Исторія февральской революціи 1848 г. Томъ I. Изданіе Гриднина и Рождественскаго. С.-Петербургъ. 1872 г.

17.—Бобровскій, А. Всякіе очерки современной жизни. Изданіе А. Суворина. С.-Петербургъ. 1866 г.

18.—Борткевичъ І. Нѣсколько словъ по поводу статьи «Финансовые итоги нашихъ конверсій», помѣщенной въ газетѣ «Новое Время» 1-го мая 1890 г. Спб. 1890 г.

19.—Брань Архистратига Михаила съ сатаною. Кіевъ. 1853 г.

20.—Брутъ, Иванъ. «Ночь на новый годъ». Сказка. Томскъ. Типогр. «Сибирской Газеты». 1885 г.

21.—Бутъ, Артуръ. Біографія и дѣятельность Роберта Овена. Переводъ съ англійскаго. С.-Петербургъ, 1870 г.

22.—Бюхнеръ. Откуда мы, кто мы, куда мы. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Д. Зеновича. С.-Петербургъ. 1872 г.

В.

23.—Варшавскій процессъ двадцати девяти. С.-Петербургъ. Типографія «Народной воли». 1886 г.

24.—Венгеровъ, С. Исторія новѣйшей русской литературы. Отъ смерти Бѣлинскаго до нашихъ дней. Часть I. Конечные годы дореформенной эпохи (1848—1855). Спб. 1885 г.

25.—Веселовскій, Феликсъ. Русско-польскій союзъ съ историческо-политической точки зрѣнія. Спб. 1890 г.

26.—Верморель. Ж. Мара, другъ народа (L'ami du peuple). Изданіе Гриднина и Рождественскаго. С.-Петербургъ. 1871 г.

27.—Виноградовъ, Н. Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, содержащая 268 главъ священныхъ повѣствованій, изъясненныхъ изъ писаній св. Отецъ. Переводъ Н. Виноградова. Москва. 1802 г.

28.—Воззваніе ко всѣмъ старообрядцамъ по священству и безъ онаго, проживающимъ въ Австріи, Пруссіи, Турціи, Молдо-Валахіи и Россіи. Коломыя. 1877. Изданіе И. М. Соломона.

29.—Воззваніе Настоятеля келіи 12 апостоловъ на Аѳонѣ къ пожертвованію на возобновленіе храма во имя 12 апостоловъ. Св. Гора Аѳонъ. 1887 г.

30.—Воззваніе Настоятеля Св. Андреевскаго общежительнаго скита на Аѳонѣ къ пожертвованію: 1) на возобновленіе сгорѣвшихъ зданій Обители; 2) на постройку соборнаго храма во имя Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Св. Гора Аѳонъ. 1887 г.

31.—Воззваніе Старца Іеромонаха Іакова съ братіею къ пожертвованію на постройку храма во имя Святой Богородицы на Аѳонѣ. Св. Гора Аѳонъ. 1887 г.

32.—Возмутительницы, или кто же тутъ соціалисты. Юмористическій романъ изъ временъ непониманія другъ друга.

33.—Вольтеръ, Фр. М. Философія исторіи. Переводъ съ французскаго подъ редакціею Зайцева. С.-Петербургъ. 1868 г.

34.—Вольтеръ. Его жизнь и сочиненія, Д. Фр. Страуса. С.-Петербургъ. 1871 г.

35.—Воронинъ. Голосъ вѣры или собраніе духовныхъ пѣсенъ и псалмовъ для пѣнія, для употребленія при общественномъ и домашнемъ богослуженіи христіанъ баптистскаго исповѣданія. Тифлисъ. 1882.

36.—Вревскій, Николай (Баронъ). Практическое руководство къ изученію гемотерапическихъ способовъ лѣченія цѣлебною водою барона Н. Вревскаго. Выборгъ. 1889 г.

37.—Въ поискахъ женской любви. 100 разсказовъ. Гюи-де Мопасана, Э. Золя, П. Бурже и др. Москва. 1892 г.

38.—Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губерніи на 1878 г. С.-Петербургъ. 1878 г.

Г.

39.—Гарридо. Современная Испанія, ея умственный и матеріальный прогрессъ въ XIX столѣтіи, переводъ подъ редакціею Рождественскаго. Изданіе Котомина. С.-Петербургъ. 1869 г.

40.—Геккель, Эрнстъ. Естественная исторія міротворенія. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія А. Я. Герда. С.-Петербургъ. 1873 г.

41.—Геккель, Э. Исторія племеннаго развитія организмовъ. Переводъ съ нѣмецкаго О. Ф. Лауницъ, подъ редакціею профессора Брандта. С.-Петербругъ. 1879 г.

42.—Гелленбахъ Л. Опытъ философіи здраваго смысла. Мысли о сущности человѣческаго явленія. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе А. Н. Аксакова. Москва. 1885 г.

43.—Геттнеръ, Г. Истор. всеобщей литературы XVIII вѣка. Томъ III, книга II. Москва. 1874 г.

44.—Гиляровскій, Вл. Трущобные люди. Этюды съ натуры. Москва. 1887 г.

45.—Госнеръ. Блаженство вѣрующаго, въ сердцѣ котораго обитаетъ Іисусъ Христосъ. С.-Петербургъ. 1822 г.

46.—Гюго, Викторъ. Клодъ Гё. Переводъ съ французскаго. Спб. 1867 г.

Д.

47.—Даниловъ Н. Земля, рабочій трудъ и капиталъ въ русской сельско-хозяйственной промышленности. Москва. 1877 г.

48.—Д. Роберти. Прошедшее философіи. Опытъ соціологическаго изслѣдованія общихъ законовъ развитія философской мысли. Общедоступное изданіе въ одномъ томѣ. Москва. 1887 г.

49.— Де-Скроховскій, К. Желѣзнодорожное хозяйство и бюрократизмъ. Спб. 1888 г.

50.—Дидро, Д. Романы и повѣсти въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго В. Зайцева, томъ II. С.-Петербургъ. 1872 г.

51.—Докладъ Коммисіи Совѣта С.-Петербургскаго Университета, по поводу записки ординарнаго профессора А. С. Фаминицына.

52.—Долгоруковъ, П. кн. О перемѣнѣ образа правленія въ. Россіи. Лейпцигъ. 1862 г. Изд. А. Франка.

Примѣчаніе: Князь П. Долгоруковъ издавалъ въ Парижѣ чрезъ Франка или Герольда политическій журналъ „Будущность", въ неопредѣленные сроки, въ теченіе 15 мѣсяцевъ 25 нумеровъ, до января 1862 г. Послѣ того, при посредствѣ Лейпцигскаго издателя В. Гергарда, издавалъ съ 27 марта 1862 г. „Правдивый", котораго вышло 6 нумеровъ (послѣдній 12 іюня 1862 г.). Затѣмъ онъ сталъ издавать, также въ неопредѣленные сроки газету „Листокъ", переведенную имъ съ 6-го № въ Лондонъ.

53.—Драгомановъ, М. Выигрыши послѣдней войны. (До чего довоевались). Перепечатано съ Женевскаго изданія. С.-Петербургъ. 1878 г.

54.—Душеполезная книга, иже во святыхъ отца нашего Аввы Ісаака Сиріна Постника, бывшаго Епископа Христолюбиваго града Нниевіи.

55.—Дѣдушка Егоръ. (Разсказъ). С.-Петербургъ. Типо-литографія В. И. Хижевскаго. 1873 г.

56.—Дѣтская книжка безъ заглавія. № 187. Безъ означенія мѣста и года изданія.

Е.

57.—Евангеліе отъ Іоанна. Вѣруй въ Господа Іисуса Христа, и спасешься ты и домашніе твои.

58.—Едварсъ. Стефанъ Лаврентій. Повѣсть англійска въ двухъ томахъ. Львовъ. 1881 г.

Ж.

59.—Жадовскій П. Житейскія сцены. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1859 г.

60.—Женщины-грѣшницы. Картины, очерки и разсказы изъ бытовой, общественной, публичной и домашней жизни красавицъ. Соч. И. Н. Макѣева и С. М. Харитонова. Москва. 1882 г.

61.—Житіе великаго угодника Божія Святителя и Чудотворца Николая, Архіепископа Мирликійскаго (въ русскомъ переводѣ). Изданіе Глазунова. 1843 г.

З.

62.—Записки идеалистки между двумя революціями 1830—1848 гг. Мемуары женщины Германіи сороковыхъ годовъ. Переводъ съ французскаго Н. Цебриковой. С.-Петербургъ. 1871 г.

И.

63.—Изслѣдованія по текущимъ вопросамъ. С.-Петербургъ. 1872 г.

64.—Изъ Сибири. Выпускъ первый. С.-Петербургъ. Типографія «Народной Воли». 1886 г.

65.—Изъ тюремныхъ стихотвореній. (Содержаніе 24 января 1878 г. Тюремныя видѣнія). Печатано въ типографіи газеты «Начало».

66.—Исторія о животныхъ безсловесныхъ или физическое описаніе извѣстнѣйшихъ звѣрей, птицъ, рыбъ и т. п., съ присовокупленіемъ нравоучительныхъ уподобленій изъ природы ихъ взятыхъ. Въ пяти частяхъ. Переводъ съ латинскаго. Москва. 1803 г.

І.

67.—Іегеръ, Г. Генрихъ Ибсенъ. (1828—1888). Біографія и характеристика. Переводъ Бальмонта. Москва. 1892 г.

68.—Іерузалемо. Размышленіе о важнѣйшихъ истинахъ религіи. Въ пользу наслѣднаго Принца Брауншвейгскаго и Люнебургскаго. Сочиненіе Іерузалемо. Москва. Разныя изданія (въ нѣсколькихъ томахъ) 1806 и другихъ годовъ.

К.

69.—Каррель, Арманъ. Собраніе сочиненій. Изданіе Н. Л. Тиблена. Въ трехъ томахъ. С.-Петербургъ. 1806 г.

70.—Картинки изъ быта русскихъ людей. Безъ означенія мѣста и года изданія.

71.—Каталогъ систематическаго чтенія. Второе исправл. и дополн. изд. книгопродавца Е. И. Распопова. Одесса. 1883. г.

72.—Катихизисъ, печатанъ въ Гродненской типографіи въ 7295 году, съ изданія Московскаго. 7135 г.

73.—Кине, Эдгардъ. Новый духъ. Переводъ съ французскаго. Изданіе Жемчужникова и Коломнина. С.-Петербургъ. 1875 г.

74.—Книга о вѣрѣ единой, истинной, православной. Печатана въ Гродненской типографіи, 1875 г., съ изданія Московскаго 7156 г.

75.—Книга о дѣвствѣ, иже во святыхъ Отца нашего Іоанна Златоустаго, Архіепископа Константина града. Отпечатана съ печатанной въ Москвѣ.

76.—Книга подъ названіемъ «Страсти Христовы», съ ложнымъ означеніемъ о выпускѣ изъ Почаевской типографіи, въ разные годы.

77.—Конецъ времени. Четвертое изданіе. С.-Петербургъ. 1819 г.

78.—Кореневъ, А. Безъ ярлыка (внѣ колеи). Романъ въ 4-хъ частяхъ. С.-Петербургъ. 1872 г.

79.—Крестовскій (гвардіи ротмистръ). Пограничный надзоръ. Руководство для старшихъ на постахъ. Учебникъ для бригадныхъ учебныхъ командъ. По программѣ, утвержденной г. Министромъ Финансовъ 11 мая 1884 г. Спб. 1889 г.

80.—Кто чѣмъ промышляетъ. Изданіе книжнаго магазина В. П. Солнцева, Одесса. Типографія Мухина. 1891 г.

81.—Къ студентамъ отъ центральнаго кружка С.-Петербургскаго университета (25-го октября 1881 г.)

Л.

82.—Лаврентьевъ. Православный молитвенникъ съ переводомъ на русскій языкъ и объясненіемъ смысла повседневныхъ и другихъ молитвъ.

83.—Лавровъ, П. Три рѣчи: 1) Наука и жизнь. 2) Задачи соціализма. 3) Роль и формы соціалистической пропаганды. Изд. соціалистовъ-революціонеровъ. С.-Петербургъ. 1888 г.

84.—Ланжеле и Корье. Исторія революціи 18-го марта. Переводъ съ французскаго подъ редакціею А. Михайлова. Изданіе Надѣина. С.-Петербургъ. 1873 г.

85.—Лассаль, Ф. Сочиненія Фердинанда Лассаля, съ портретомъ автора. Переводъ В. Зайцева. Томъ I и II. Изданіе Полякова. С.-Петербургъ. 1870 г.

86.—Ливановъ, Ѳ. Раскольники и острожники. Томъ V. Москва. 1875 г.

87.—Лобановъ, Д. Наука о любви. С.-Петербургъ. 1875 г.

88.—Лобановъ, Д. Философія любви. Въ двухъ частяхъ. С.-Петербургъ. 1886 г.

89.—Лучъ. Учено-литературный сборникъ. Т. XI. Спб. 1862 г. (повр. изд.)

90.—Лучъ. Учено-литературный сборникъ. Томъ II. Изданіе П. Ткачева. С.-Петербургъ. 1866 г.

М.

91.—Мантегацца, П. Гигіена. Съ приложеніемъ сообщенія Г. Фоль: Сходство между супругами. Переводъ Анисимова. Спб. 1891 г.

92.—Мантегацца, П. Гигіена любви. Переводъ съ французскаго. Москва. 1888 г.

93.—Маркевичъ, Н. См. Байронъ.

94.—Марковъ, В. Изъ огня да въ полымя или вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день... Не сказка, а быль-побывальщина изъ нашихъ дней. Чтеніе для народа. С.-Петербургъ. 1876 г. Тип. Юліуса Карла Бахмана, по Большой Московской, № 143.

95.—Мартино, А. Онанизмъ, сафизмъ и содомія у женщинъ. Лекціи, читанныя въ госпиталѣ Surcine и собранныя интерномъ M. Lormand'омъ. Переводъ съ французскаго изданія 1884 г. И. В. Жарновскаго, Нижній Новгородъ. 1884 г.

96.—Минскій, Николай. Стихотворенія (1877—1882 гг.). Спб. Изданіе О. П. Бакста. 1883 г.

97.—Михайловскій, В. Краткая церковная исторія. Законоучителя перваго военнаго Павловскаго училища, священника Михайловскаго. С.-Петербургъ. 1868 г.

98.—Михайловскій, В. Очеркъ исторіи христіанской церкви. Часть I. Законоучиля перваго военнаго Павловскаго училища, священника Михайловскаго. С.-Петербургъ. 1868 г.

99.—Михайловъ, I. Скрижали Завѣта въ видѣ христіанскаго календаря, изъясняющія существенную силу всего Священнаго Писанія. Сочиненіе священника I. Михайлова. Москва. Универс. тип. 1801 г.

100.—Михайловъ М. Стихотворенія М. Л. Михайлова (редакція изданія Н. В. Гербеля). С.-Петербургъ. 1866 г.

101.—Мобилизація нашей арміи по дѣйствующимъ постановленіямъ. Выпускъ 1. Спб. 1888 г.

102.—Мысль и трудъ. Чтеніе для юношества. Томъ I. С.-Петербургъ. 1876 г.

103.—Мѣсяца Новембрія, въ 5 день Празднества Пресвятѣй Богородицѣ ради Аѳонскія чудотворныя Ея иконы, нарицаемыя Скоропослушница.

104.—Мюллеръ, Вильгельмъ. Политическая исторія новѣйшаго времени съ 1816 по 1868 гг.

Н.

105.—Николаичъ, Боримиръ. Страданія Великаго Учителя Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа. Для семейнаго чтенія. С.-Петербургъ. 1878 г.

106.—Нѣсколько словъ о Костромѣ (статья, помѣщенная въ неофиціальной части № 48 Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1848 года).

О.

107.—О мирѣ и согласіи, изъ повседневныхъ поученій. Мѣсяца марта въ 22 день. Москва. 1884 г.

108.—О мученикѣ Николаѣ и какъ долженъ жить человѣкъ по закону правды и природы.

109.—Опытъ дѣятельнаго ученія о дѣйствіяхъ Св. Духа въ душахъ вѣрующихъ. С.-Петербургъ. 1820 г.

110.—О скопцахъ. С.-Петербургъ. Типографія Іоаннесова. 1819 г.

111.—Отъ Верховнаго Святителя Бѣлокриницкой Митрополіи, архипастырское посланіе ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, священнымъ, иноче-

ствующимъ и мірскимъ, всякаго званія и возраста сущимъ въ Богохранимомъ Государствѣ Всероссійскомъ. Яссы. Типографія А. Бермана. 1864 г.

П.

112.—Пеллетанъ. Семейство. Мать. Переводъ подъ редакціею Н. Баталина. С.-Петербургъ. 1866 г.

113.—Петровъ, И. О внѣшнемъ богослуженіи и наружныхъ дѣйствіяхъ человѣка-христіанина. Въ 3-хъ томахъ. Сочиненіе священника И. Петрова. Москва. Типографія Рѣшетникова. 1803 г.

114.—Писаревъ, Д. Бѣдная русская мысль (статья, исключенная по приговору суда). изъ II тома сочиненій Д. И. Писарева.

115.—Писаревъ Д. Сочиненія. Части IV и VII. Изданіе второе. С. Петербургъ. 1872 г.

116.—Писаревъ, О. Прелести и ужасы разврата публичнаго, тайнаго, женскаго, мужскаго, корыстнаго, безкорыстнаго, его исторія, статистика, современное состояніе, характеристическія особенности, обычаи и отношенія къ нему обществъ и правительствъ; любопытные анектоды и случаи. Жизнеописаніе знаменитыхъ своимъ развратомъ женщинъ всѣхъ временъ и народовъ въ блескѣ и грязныхъ трущобахъ. Москва. 1870 г.

117.—Письма къ другу объ орденѣ свободныхъ каменьщиковъ. 1816 г. (одна книга).

118.—Письма объ изученіи природы. Сочиненіе автора «Раздумья». Москва. 1870 г.

119.—Православный молитвенникъ, съ переводомъ на русскій языкъ и объясненіемъ смысла повседневныхъ и другихъ молитвъ и проч. С. Петербургъ. Типографія К. Вульфа. 1869 г.

120.—Простые душеполезные разсказы. Изд. Св.-Андреевскаго скита на Аѳонѣ. Одесса. Типолитографія Е. Фесенко. 1885 г.

121.—Прянишниковъ, М. Лишеніе свободы, какъ наказаніе исправительное. С.-Петербургъ. 1872 г.

122.—Пѣсенникъ 1873 г. (въ немъ помѣщены пѣсни, озаглавленныя: I. Ослушная пѣсня. II. Жизнь-горе крестьянское. III. Ахъ ты сукинъ сынъ проклятый становой. IV. Воля матушка. V. Царская воля. VI. Кузнецъ. VII. Эхъ товарищи любезны. VIII. Что не на небѣ тучи черныя собираются).

Р.

123.—Радищевъ. Сочиненія. Томы I и II, съ портретомъ автора и статьею «О жизни и сочиненіяхъ Радищева» А. П. Пятковскаго. Редакція изданія П. А. Ефремова. Изданіе книжнаго магазина Черкесова. С.-Петербургъ. 1872 г.

124.—Размышленія при поклоненіи святымъ мѣстамъ храма Воскренія Христова въ Іерусалимѣ. Святый Градъ Іерусалимъ. 1886 г.

125.—Разсказы *** С.-Петербургъ. 1867 г.

126.—Ренанъ, Е. Философскіе опыты. Переводъ подъ редакціей В. Чуйко. Спб. 1888 г.

127.—Рибо, Т. Философія Шопенгауера съ приложеніемъ избранныхъ мѣстъ изъ сочиненій Шопенгауера. Переводъ подъ редакціей В. В. Чуйко. Спб. 1889 г. Изд. книгопродавца В. И. Губинскаго.

128.—Рисунки, приложенные къ изслѣдованію Надеждина о скопческой ереси. 1862 г.

129.—Россель. Посмертныя записки, сочиненія и письма, собранныя и приведенныя въ порядокъ Ж. Амигомъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціею Н. Павловскаго. С.-Петербургъ. 1872 г.

130.—Русскіе люди о евреяхъ. С.-Петербургъ. 1891 г.

131.—Ручная книжка для любителей благочестія, показующая легчайшій способъ опровергать лжеумствованія деистовъ и излагающая непреложныя доказательства о истинѣ религіи христіанской. Англійское сочиненіе. Переводъ К. А. В. В. С.-Петербургъ. Типогр. Плавильщикова. 1814 г. (Тоже 1821 г.)

С.

132.—Самоучитель для начинающихъ обучаться грамотѣ, съ 9 рисунками и картою земнаго шара. С.-Петербургъ. 1865 г. Изданіе Е. П.

133.—Сборникъ разсказовъ въ прозѣ и стихахъ. С.-Петербургъ. Въ тип. О. И. Бакста. 1868 г.

134.—Сборникъ разсказовъ въ прозѣ и стихахъ. С.-Петербургъ. 1871 г.

135.—Сборникъ 1871 г. Редакція журнала «Библіотека». С.-Петербургъ. 1871 г.

136.—Сементковскій, Р. М. Н. Катковъ. Его жизнь и публицистическая дѣятельность. Біографическій очеркъ. Изд. Павленкова. Спб. 1892 г.

137.—Систематическій указатель лучшихъ книгъ и журнальныхъ статей (1856—1883 гг.) Изд. библіотеки товарищ. «Бр. Покровскіе». Челябинскъ. Оренб. губ. 1883 г.

138.—Скабичевскій, А. Очерки развитія прогрессивныхъ идей въ нашемъ обществѣ 1825—1860 гг. С. Петербургъ. 1872 г.

139.—Сказаніе, какимъ Святымъ, каковыя благодати отъ Бога даны и когда память ихъ. Изд. 1865 г.

140.—Сказка о копѣйкѣ. Сочиненіе Ѳ. Изданіе второе. С.-Петербургъ. Типографія Софронова. Большая Подъяческая № 55. 1870 г. (Дозволеніе цензуры и мѣсто изданія означены подложно).

141.—Сказка о Мудрицѣ Наумовнѣ. Изданіе книгопродавца Н. М. Манухина. Типографія А. Н. Бахметьева. Москва 1875 года. (Цензурное дозволеніе отъ 16 февраля 1875 г. и мѣсто изданія означены подложно).

142.—Сказка о четырехъ братьяхъ и объ ихъ приключеніяхъ. Изданіе второе исправленное и дополненное. Москва. Отпечатано въ типографіи Мучникова. 1868 г. (Подложно отпечатаны фирма типографіи и цензурное дозволеніе отъ 19 апрѣля 1868 г.).

143.—Скалонъ. В. Ю. Артели на Руси. Москва. 1873 г.

144.—Служба, совершаемая во Святѣй Горѣ Аѳонстѣй Пресвятѣя Богородицѣ ради чудотворныя иконы нарицаемыя: достойно есть, и въ воспоминаніе бывшаго отъ Архангела Гавріила чудесе. Мѣсяца іюня въ 11-й день. Пловдивъ. 1880 г.

145.—Собранный свитокъ изданный въ Москвѣ 1667 (года). Инокъ Нафанаилъ. Коломыя. 1874 г.

146.—Современные вопросы. Выпускъ первый. С.-Петербургъ. 1873 г.

147.—Сонъ Пресвятой Богородицы въ градѣ Виѳлеемѣ. Одесса. Изд. 1883 и 1884 гг.

148.—Спенсеръ, Гербертъ. Соціальная статистика Изложеніе соціальныхъ законовъ, обусловливающихъ счастье человѣчества. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Полякова. С.-Петербургъ. 1872 г.

149.—Становой. Быль въ стихахъ. Сочиненіе Ф. Изд. 2-е. С.-Петербургъ. 1877 г. Тип. Этингера. Невскій пр. № 72. (Мѣсто печатанія, фирма типогр. и цензурное дозволеніе отъ 22 марта 1877 г. означены подложно).

150.—Стенографическій отчетъ по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи. Засѣданія Особаго Присутствія Правительствующаго Сената. Т. I. Спб 1878 г.

151.—Стенька Разинъ. Стихотвореніе.

Т.

152.—Три разговора священника съ прихожанами объ истинномъ пути ко спасенію. Спб. 1819 г.

У.

153.—Уставъ о христіанскомъ житіи, сирѣчь о постахъ и о поклонахъ по праздницѣхъ великихъ, среднихъ и малыхъ. Такожде и о домашней молитвѣ. По отзыву Собора Почаевской Лавры. (Выпущенъ ложно подъ фирмою Почаевской типографіи, безъ означенія года изданія).

154.—Утинъ, Ев. Франція въ 1871 г. Политическіе эскизы. С.-Петербургъ. 1872 г.

Ф.

155.—Филипповъ, М. А. Скорбящіе. Романъ. С.-Петербургъ. 1873 г.

156.—Флоберъ, Густавъ. Искушеніе пустынника. Москва. 1879 г.

157.—Ф. Г. Слово подсудимому! съ письмами Графа Л. Н. Толстаго, Б. Н. Чичерина, Вл. С. Соловьева и В. Г. Короленко. Спб. 1891 г.

Х.

158.—Храбрый воинъ. Сочиненіе Ф. Изданіе третье. Типографія Харламова. Москва. Базарная улица, № 10. 1875 г. (Цензурное дозволеніе и мѣсто изданія подложны).

159.—Христіанская ручная книжка или краткое руководство, какъ долженъ христіанинъ весь день съ Богомъ своимъ ходить. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Петербургъ. Типографія Департамента Народнаго Просвѣщенія. 1821 г.

Ч.

160.—Чанцевъ А. Н. Петербургъ. Бытовые этюды. С.-Петербургъ. Типогр. Н. А. Лебедева. 1884 г.

161.—Часовникъ въ 8 долю листа, печатанъ въ Москвѣ, въ лѣто 7148-е, при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Патріархѣ Іоасафѣ.

162.—Чему быть, того не миновать. Популярный разсказъ для дѣтей средняго и старшаго воз-

ростовъ. Изд. Благотворительнаго общества распространенія здравыхъ идей. Москва. 1883 г. Печатано въ Вольной Московской типогр.

163.—Четыре странника, или правда и кривда. Сочиненія А. Д. В. (На первой страницѣ послѣ обложки — «Счастливая встрѣча или любовь къ родинѣ»). Изд. 3. Москва.

Ш.

164.—Шашковъ С. С. Женское дѣло въ Америкѣ. С.-Петербургъ. 1875 г.

165.—Шашковъ С. С. Общедоступный календарь на 1879 г. С. С. Шашкова. С.-Петербургъ. 1878 г.

166.—Шафрановъ. Человѣкъ по сердцу Божію, Псалмопѣвецъ и царь Давидъ. Извлечено изъ Святыхъ библейскихъ книгъ С. Шафрановымъ. Рига. 1866 г.

167.—Шерръ, І. Историческія характеристики и этюды. Переводъ М. А. Антоновича. Изданіе Н. П. Полякова. С.-Петербургъ. 1870 г.

168.—Шерръ, І. Человѣческая трагикомедія. Очерки и картины. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва 1877 г.

169.—Штейнъ, Лоренцъ. Исторія соціальнаго движенія во Франціи съ 1789 г. Томъ первый. Основное понятіе общества и соціальная исторія французской революціи до 1830 года. Спб. 1872 г.

Ѳ.

170.—Ѳедоровъ, Ѳ. Правда о мужчинѣ и женщинѣ. С.-Петербургъ. 1858 г.

447. Записки историческія, политическія и военныя о Россіи съ 1727 по 1744 годъ. Сочиненныя г. Манштейномъ, бывшимъ въ россійско-императорской и прусско-королевской службахъ. Переводъ. 4 части. Изданіе М. Матушкина. Москва, въ типографіи Селивановскаго. 1810 года.—Въ 8 д. л., часть 1-я 84 стр., часть 2-я 168, часть 3-я , часть 4-я стр.

Записки Манштейна содержатъ съ себѣ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи царствованія Анны Іоанновны и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ источникомъ многихъ любопытныхъ свѣдѣній о бывшихъ въ Россіи съ 1727 по 1744 годъ событіяхъ.

Подлинная рукопись Манштейна находится въ дворцовой библіотекѣ великаго князя Константина Николаевича, въ Павловскѣ. Переводъ съ этой рукописи былъ сдѣланъ Григоріемъ Глинкою и напечатанъ въ Дерптѣ въ 1810 г., но съ большими пропусками и измѣненіями. Второй переводъ, подобный первому, былъ сдѣланъ въ 1823 г. Т. Малыгою.

Болѣе-же исправный переводъ съ подлинной рукописи, съ примѣчаніями и дополненіями изданъ при «Русской Старинѣ» 1875—1876 г.

Изъ иностранныхъ изданій французскія — «исправлены» (т. е. искажены) Вольтеромъ, а самое исправленное нѣмецкое 1771 г., переведенное съ подлинной рукописи.

См. «Алфавитный каталогъ книгамъ на русскомъ языкѣ, запрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи»,—гдѣ значатся—«Записки о Россіи» — всѣ три перевода слѣдующихъ изданій: Дерптъ, 1810, Москва, 1810 и 1823 года.

448. Записки объ Астрахани. Собралъ директоръ астраханскихъ училищъ М. Рубашкинъ. — Москва, въ типографіи С. Селивановскаго, 1841 года. — Въ 8 д. л., 220 стр.

Въ началѣ книги слѣдуетъ краткое предисловіе отъ автора, въ которомъ онъ говоритъ, что:

«Его Превосходительство Сенаторъ Лавровъ, ревизовавшій Астраханскую губернію въ 1829, 1830 и 1831 годахъ, при осмотрѣ Присутственныхъ и прочихъ мѣстъ города Астрахани, между прочимъ, далъ замѣтить Губернскому Правленію, что въ архивѣ его хранятся многіе свитки, грамоты и бумаги, по содержанію своему весьма важные, а по давности къ XVI вѣку принадлежащіе, слѣдовательно могущіе служить любопытными матеріалами для Астраханской исторіи.

По прибытіи моемъ въ Астрахань на мѣсто директора училищъ, я за первый долгъ себѣ поставилъ заняться составленіемъ записокъ объ этомъ замѣчательномъ городѣ и извлечь потребные для того матеріалы изъ дѣлъ архивовъ.

Обнадеженный покровительствомъ и содѣйствіемъ въ предпринятомъ мною намѣреніи Его Превосходительствомъ г. военнымъ губернаторомъ П. С. Тимирязевымъ, я принялся за дѣло, и уже при самомъ началѣ подкрѣпленъ былъ доставленіемъ

ко мнѣ важныхъ свѣдѣній многими просвѣщенными особами и начальниками судебныхъ мѣстъ города Астрахани.

Подвергая суду читателей слабый трудъ мой, я не могу не обнаружить мысли моей, что исторія всякаго края, города и мѣстечка составляетъ уже звено, принадлежащее исторіи государства.

Не смѣю думать, чтобы собранныя мною свѣдѣнія объ Астрахани составляли полную исторію этого города, но полагаю, что въ трудѣ моемъ много найдется такого, что до сего времени укрывалось отъ взоровъ историческаго любознанія».

449. Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла. Сочиненіе И. Веніаминова. 3 части. С.-Петербургъ. 1840 г. — 8 д. л.

Третья часть означеннаго изданія имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Записки объ Атхинскихъ алеутахъ и колошахъ» сочиненіе И. Веніаминова, составляющее третью часть записокъ объ островахъ; это рѣдкое сочиненіе Иннокентія Митрополита Московскаго въ настоящее время совсѣмъ рѣдко попадается въ книжной торговлѣ; хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 8 до 12 рублей.

450. Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова съ сыномъ его сенаторомъ Бибиковымъ. С.-Петербургъ. 1817 г.—325 стр. + XXVII стр. (въ совр. кож. перепл.).

Книга съ портретомъ А. И. Бибикова, писаннымъ Рокотовымъ и гравированнымъ Н. Уткинымъ. Здѣсь много любопытныхъ свѣдѣній о военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ, о мятежахъ Пугачева, о поѣздкѣ Бибикова къ принцу Іоанну Антоновичу въ Холмогоры и пр.; въ прибавленіи, между прочимъ, помѣщенъ указъ Екатерины II о появленіи Пугачева и рапортъ князя Голицына о поимкѣ Пугачева.

Эта рѣдкая книжка куплена мною за 8 рублей.

451. Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго. Сочиненіе К. Полеваго. С.-Петербургъ, 1860 г.—272 стр.

См. «Историческій Вѣстникъ» за 1887 г. кн. 1, стр. 33, сказано, что «Ксенофонтъ Алексѣевичъ Полевой рѣшился ограничиться выпускомъ въ свѣтъ одной первой части записокъ, напечатанной въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ». Въ каталогѣ антикварной книжной торговли П. Шибанова, за № 388 сказано, что эта книга давно уже, лѣтъ 15 тому назадъ, сдѣлалась величайшей библіографической рѣдкостью.

Это рѣдкое изданіе куплено мною за 15 рублей.

452. Записки о слободскихъ полкахъ съ начала ихъ поселенія до 1766 года. Харьковъ, въ университетской типографіи. 1872 года.—Въ 8 д. л., 87 стр.

На страницѣ 63-й этой рѣдкой книжки говорится, какъ объ интересныхъ въ исторіи слободскихъ полковъ, личностяхъ, о полковникахъ Тевяшевыхъ.

См. «Всеобщую библіотеку Россіи или каталогъ книгъ для изученія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ, собранныхъ А. Д. Чертковымъ» за № 479.

453. Записки русскихъ людей. События временъ Петра Великаго. Сочиненіе И. Сахарова. С.-Петербургъ, 1841 г.—8 д. л. VII+94 стр., 128 стр. VII+120 стр. VII—126 стр.

Записки гр. Андрея Артамоновича Матвѣева, Петра Крекшина, Ивана Желябужскаго и Сильвестра Медвѣдева; въ приложеніи помѣщены записки П. И. Гордона съ 1864 годъ по мартъ 1865 г., въ концѣ этихъ «Записокъ» сказано: «продолженіе будетъ во второй части», но оно не выходило. Купленъ мною экземпляръ за 6 рублей.

454. Записки путешествія Генерала Фельдмаршала россійскихъ войскъ, Тайнаго Совѣтника и Кавалера: Мальтійскаго, Св. Апостола Андрея, Бѣлаго орла и прусскаго ордена, Графа Бориса Петровича Шереметева, въ тогдашнія времена бывшаго ближняго Боярина и намѣстника Вятскаго, въ Европейскія Государства: въ Краковъ, въ Вѣну, въ Венецію, въ Римъ и на Мальтійскій островъ. Изданная по подлинному описанію, находящемуся въ библіотекѣ сына его, Господина Оберъ-Камергера, Генералъ-Аншефа, Сенатора и Кавалера Св. Апостола Андрея, Св. Алек-

сандра Невскаго, Бѣлаго орла и св. Анны, Графа Петра Борисовича Шереметева. Въ Москвѣ, напечатано при Императорскомъ Университетѣ. 1773 года.—Въ листъ 2+90 стр. съ пятью гравюрами.

Означенное изданіе въ настоящее время чрезвычайно рѣдкое; приложенныя гравюры описаны Ровинскимъ въ III т., стр. 2146. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 4192; у Геннади за № 38; у Губерти за № 128. Хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 25 до 40 рублей.

455. Записка съ изложеніемъ извлеченныхъ изъ дѣлъ святѣйшаго синода и канцеляріи синодальнаго оберъ-прокурора за послѣднее десятилѣтіе свѣдѣній о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ духовнаго начальства по отношенію къ расколу. Санктпетербургъ, въ синодальной типографіи, 1874 года.—Въ 8 д. л. 326 стр.

Въ началѣ этой записки говорится, что:

«Исторія русскаго раскола свидѣтельствуетъ, что внѣшнія отношенія нашей церковной власти къ этому прискорбному явленію въ русской религіозной и общественной жизни по большей части обусловливались воззрѣніемъ на раскольниковъ и системою дѣйствій относительно ихъ гражданскаго правительства, со второй половины XVIII столѣтія не разъ колебавшагося между мѣрами строгости и снисхожденіемъ. Въ позднѣйшее время, именно съ конца 50-хъ годовъ текущаго столѣтія, правительственная система дѣйствій въ отношеніи раскола получила болѣе твердое направленіе и съ большею опредѣлительностію выразилась въ составленномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Святѣйшимъ Синодомъ, и Высочайше одобренномъ въ октябрѣ 1858 г. «Наставленіи» для дѣйствій по дѣламъ, относящимся до раскола. Въ основаніе этого постановленія было положено издавна существовавшее въ нашемъ законодательствѣ, но не всегда въ точности соблюдавшееся на практикѣ, начало, что раскольники не преслѣдуются за мнѣнія о вѣрѣ, но имъ строго воспрещается распространять свои заблужденія между православными или совращать кого либо въ свой расколъ и дозволять себѣ публичное оказательство раскола, соблазнительное для православныхъ. Со времени изданія «Наставленія» такое начало стало строго и неуклонно проводиться во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ церковной власти въ отношеніи раскольниковъ. Естественно, что и затѣмъ власть духовная не могла, безъ нарушенія своего долга, оставаться равнодушною къ такимъ явленіямъ въ средѣ раскола, которыя обнаруживали со стороны его руководителей и приверженцевъ прямое стремленіе присвоить себѣ право не принадлежащее ни одному даже изъ признанныхъ въ Имперіи иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій,—право пропаганды и пріобрѣтенія послѣдователей изъ числа исповѣдниковъ Церкви господствующей; и потому она продолжала относиться съ надлежащею строгостію къ совратителямъ или распространителямъ раскола, возбуждая противъ такихъ лицъ законное преслѣдованіе со стороны гражданскаго начальства и требуя содѣйствія сего послѣдняго къ ихъ обузданію. Вообще же въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по отношенію къ расколу высшее духовное начальство, какъ показываетъ обозрѣніе дѣлопроизводства центральнаго управленія духовнаго вѣдомства за время съ 1859 г. было далеко отъ мысли о преслѣдованіи раскольниковъ, но ограничивалось лишь противодѣйствіемъ распространенію раскола и мѣрами къ обращенію въ православіе совратившихся въ оный, а — по возможности—къ вразумленію и самихъ раскольниковъ, — мѣрами духовно-нравственнаго дѣйствованія, проникнутыми духомъ терпиливости, христіанской любви и снисхожденія къ заблудшимъ. Къ той же цѣли и въ томъ же духѣ направлялись и дѣйствія относительно раскола епархіальныхъ начальствъ и подвѣдомственнаго имъ духовенства. Если со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ иногда еще высказывались стремленія возвратиться къ прежней системѣ дѣйствованія, въ отношеніи къ раскольникамъ, то подобныя частныя попытки къ отступленію отъ общаго направленія Святѣйшимъ Синодомъ не были оставляемы безъ надлежащаго исправленія и руководительныхъ указаній.

Фактическое подтвержденіе такого именно отношенія къ расколу нашей церковной власти, представляютъ извлеченныя изъ дѣлопроизводства Святѣйшаго Синода и Канцеляріи Синодальнаго Оберъ-Прокурора за послѣднее десятилѣтіе (съ 1864 по 1874 г.), изложенныя ниже свѣдѣнія о распоря-

женіяхъ рѣшеніяхъ и заключеніяхъ Святѣйшаго Синода по дѣламъ, касающимся раскола.

Соотвѣтственно главнымъ предметамъ дѣлопроизводства по части раскола въ главномъ управленіи духовнаго вѣдомства, свѣдѣнія эти будутъ изложены по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) о совращеніяхъ въ расколъ (совратителяхъ и совращенныхъ); 2) о раскольническихъ молитвенныхъ зданіяхъ и богослужебныхъ предметахъ, а также книгахъ и рукописяхъ; 3) о раскольническихъ лжеепископахъ и лжесвященникахъ, 4) о раскольническихъ кладбищахъ; 5) о раскольническихъ бракахъ; 6) о невмѣшательствѣ духовенства въ распоряженія по дѣламъ раскола, принадлежащія гражданской власти; 7) о дерзостяхъ раскольниковъ противъ Церкви православной и ея служителей; 8) о появленіи новыхъ сектъ; и 9) о мѣрахъ противодѣйствія распространенію раскола и его ослабленія.

456. Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина россійскаго посольства въ 1697 и 1698 году. Изданіе П. Бекетова. 1788 года.—Въ 8 д. л.

Путевыя записки, веденныя самимъ государемъ Петромъ Великимъ во время путешествія своего въ 1697 и 1698 годахъ по чужимъ краямъ, подъ именемъ дворянина россійскаго посольства.

Эта чрезвычайно рѣдкая книжка была перепечатана въ «Отеч. Зап.» изд. П. Свиньина, 1830 года въ №№ 123 и 124.

457. Засѣданіе верховнаго уголовнаго суда, происходившаго 25-го мая 1879 года по дѣлу объ отставномъ коллежскомъ секретарѣ Александрѣ Константиновичѣ Соловьевѣ, обвиняемомъ въ государственныхъ преступленіяхъ. С.-Петербургъ, въ типографіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1879 года.—Въ 16 д. л., 129 стр.

Эта книжка печатана по распоряженію верховнаго уголовнаго суда, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, и въ продажу не поступала, а потому теперь рѣдка.

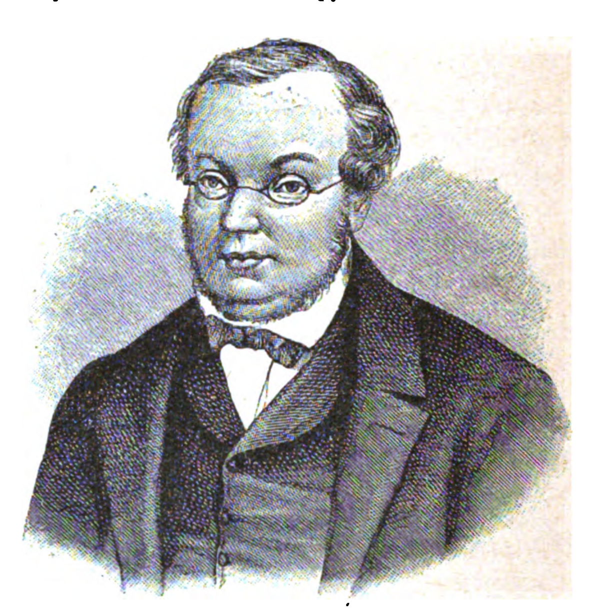
Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 5 руб.

458. Записка о русскихъ гербахъ (1. Московскій гербъ). Сахаровъ. Санктпетербургъ, въ типографіи Веймара. 1856 г.—VI+30 стр., съ 3-мя таблицами снимковъ.

Въ этой весьма рѣдкой брошюркѣ содержится историческое изслѣдованіе о первоначальномъ введеніи Московскаго герба въ Россіи, основанное на историческихъ, археологическихъ и юридическихъ данныхъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры чрезвычайно рѣдки.

Купленъ мною экз. за 3 руб.

Петръ Павловичъ Ершовъ.

Авторъ сказки „Конекъ-Горбунокъ". Грав. Шюблеръ

459. Заря. Альманахъ для юношества. Изданный М. Марковымъ. С.-Петербургъ, типографія Н. Греча. 1831 года.—Въ 16 д. л.

Въ этомъ рѣдкомъ альманахѣ помѣщено шесть картинокъ внѣ текста, рисованныхъ на камнѣ Осокинымъ.

460. Заставки и миніатюры четвероевангелія 1507 года изъ рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (древнехранилище Погодина, № 133); воспроизведены художникомъ

М. И. Осиповымъ. Съ предисловіемъ А. Ѳ. Бычкова. С.-Петербургъ. Типографія Балашева.—Въ 4 д. л.

Отъ конца XV и первой половины XVI вѣка дошло до насъ нѣсколько рукописей Евангелія, прекрасно написанныхъ въ Москвѣ и украшенныхъ художественными изображеніями Евангелистовъ, а также богатыми и разнообразными заставками и заглавными буквами, которыя по своему характеру совершенно отличаются отъ таковыхъ же, находящихся въ рукописяхъ, писанныхъ въ Новгородѣ, Псковѣ и въ бывшихъ княжествахъ Смоленскомъ, Псковскомъ и Галицкомъ.

Къ числу такихъ рукописей принадлежитъ и Евангеліе 1507 года, хранящееся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ которую оно поступило изъ древнехранилища М. П. Погодина.

Это рѣдкое изданіе куплено мною за 10 рублей.

461. Звѣздочка на 1826 годъ.—Въ маленькую осьмушку. Въ 4 печатныхъ листа, 64 страницы; на сѣроватой дряблой бумагѣ.

Эта величайшая библіографическая рѣдкость есть продолженіе альманаха—«Полярная Звѣзда», изданнаго въ 1823, 1824 и 1825 годахъ А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ. По чрезвычайной рѣдкости своей «Звѣздочка» заслуживаетъ особеннаго вниманія любителей. Прежде нежели скажемъ нѣсколько словъ объ этой любопытной брошюркѣ, заглянемъ въ записки одного изъ дѣятелей первой четверти текущаго столѣтія и выпишемъ слѣдующія строки.

«Вся литературная семья нашего времени (разсказываетъ кн. Е. П. Оболенскій) собиралась разъ въ недѣлю у г. Греча. Одинъ изъ самыхъ постоянныхъ его собесѣдниковъ былъ Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ съ задушевнымъ другомъ своимъ А. А. Бестужевымъ, адъютантомъ герцога Александра Виртембергскаго. Александръ Бестужевъ выступилъ уже тогда (съ 1819 г.) на литературное поприще критиками, которыя по живости слога и рѣзкому юмору обѣщали блестящее развитіе, впослѣдствіи хорошо имъ оправданное. Дорогимъ собесѣдникомъ былъ общій другъ, старшій братъ Александра, капитанъ-лейтенантъ 8-го экипажа и начальникъ Адмиралтейскаго Музея Николай Бестужевъ. Это былъ человѣкъ замѣчательно даровитый и прекрасно образованный. Въ числѣ остальныхъ посѣтителей были и Александръ Осиповичъ Корниловичъ, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба, усердно и съ любовью трудившійся надъ памятниками Петровскаго времени: его историческіе разсказы читались въ наше время съ большимъ любопытствомъ»...

Кромѣ сходокъ у Греча, литературныя собранія бывали постоянно, каждую недѣлю, у К. Ѳ. Рылѣева. Сюда между прочими являлись Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, поэтъ и товарищъ по лицею Ивана Ивановича Пущина, состоявшаго на службѣ въ Москвѣ, поэтъ Ѳ. Н. Глинка, критикъ Орестъ Сомовъ, Никита Михайловичъ Муравьевъ, князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой, Евгеній Петровичъ Оболенскій, кн. Александръ Ивановичъ Одоевскій *) и многіе другіе. Оживленная бесѣда была чисто литературная, но не рѣдко переходила на живые, общественные вопросы того времени, по общему направленію большинства лицъ дружескаго собранія. Наталья Михайловна Рылѣева, какъ хозяйка дома, была внимательна ко всѣмъ и скромнымъ обращеніемъ внушала къ себѣ всеобщее уваженіе.

Большая часть участниковъ дружескихъ собраній были литераторы, и свои труды, поэтическіе и прозаическіе, помѣщали въ разныхъ журналахъ: въ «Соревнователѣ россійской словесности», въ «Сынѣ Отечества», въ «Сѣверномъ Архивѣ», «Сѣверной Пчелѣ» 1825 г., «Литературныхъ Листкахъ» и въ нѣкоторыхъ альманахахъ.

Но всѣ чувствовали потребность въ собственномъ сборникѣ; «между нами, продолжаетъ кн. Е. П. Оболенскій, былъ много истинно даровитыхъ и талантливыхъ людей; труды ихъ уже вездѣ встрѣчались публикою съ большимъ любопытствомъ». При такихъ условіяхъ изданіе альманаха было дѣло не трудное, и первая мысль о «Полярной Звѣздѣ» родилась у К. Ѳ. Рылѣева.

Между прочими цѣлями предпріятія была та, чтобы дать труду литературному вознагражденіе болѣе существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившіе себя умственнымъ занятіямъ. До этого времени почти единственная награда за трудъ состояла въ напечатаніи его въ журналѣ и многіе авторы, получая извѣстность, терпѣли нужду. Предпріятіе удалось какъ нельзя

*) Поэтъ и впослѣдствіи другъ М. Ю. Лермонтова.

лучше. Съ перваго же 1823 г. публика раскупила все изданіе и встрѣтила «Полярную Звѣзду» съ большимъ сочувствіемъ.

Издателями и редакторами были Александръ Бестужевъ и Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ. Каждый изъ нихъ, по распродажѣ первой книжки, за вычетомъ всѣхъ расходовъ получилъ по 2000 р. чистаго доходу. Экземпляръ продавался по 10 р. асс., но уже въ 1826, 1827 и въ послѣдующихъ годахъ книжку «Полярной Звѣзды» нельзя было достать и за 100 р. асс.

«Полярная Звѣзда» вышла въ трехъ томикахъ: 1823, 1824 и 1825 г. Издатели-редакторы поднесли послѣдній томъ своего сборника Ихъ Величествамъ Государынямъ Императрицамъ и удостоились благосклоннаго вниманія. По словамъ тогдашнихъ газетъ, К. Ѳ. Рылѣевъ получилъ два бриллiантовыхъ перстня, а А. А. Бестужевъ золотую, прекрасной работы, табакерку и бриллiантовый перстень, при самыхъ милостивыхъ рескриптахъ.

«Полярная Звѣзда» 1823—1825 г., интересная для насъ по своему содержанію, еще болѣе любопытна въ томъ отношеніи, что на ея страницахъ, за весьма немногими исключеніями, помѣщали свои труды самые даровитые люди того времени, люди передовые, честь и краса русской литературы 20-хъ годовъ. Они соединялись вокругъ талантливыхъ редакторовъ, любимыхъ и уважаемыхъ не ими одними, но всѣмъ читающимъ русскимъ людомъ того времени. Во всѣхъ трехъ томахъ мы находимъ произведенія до 60 человѣкъ сотрудниковъ. Въ этомъ длинномъ спискѣ читаемъ, между прочимъ, имена слѣдующихъ лицъ: Е. А. Баратынскаго, Н. А. Бестужева, А. А. Бестужева, К. Н. Батюшкова, князя П. А. Вяземскаго, А. Ѳ. Воейкова, Ѳ. Н. Глинки, Н. И. Гнѣдича, А. С. Грибоѣдова, Григорьева, Д. В. Давыдова, барона А. А. Дельвига, И. И. Дмитріева, В. А. Жуковскаго, Загорскаго, А. Е. Измайлова, В. В. Измайлова, Иванчина-Писарева, А. О. Корниловича, И. А. Крылова, Княжевича, И. И. Козлова, В. К. Кюхельбекера, Лобанова, Мосальскаго, Нечаева, Норова, Остолопова, Олина, Ободовскаго, В. Панаева, П. А. Плетнева, А. С. Пушкина, В. Л. Пушкина, Родзянки, К. Ѳ. Рылѣева, О. И. Сенковскаго, О. Сомова, В. И. Туманскаго, Филимонова, Хвостова, А. С. Хомякова, князя Шаховскаго, Н. М. Языкова, и др. лицъ, скрывшихъ свои фамиліи подъ звѣздочками.

Въ ряду сотрудниковъ «Полярной Звѣзды» мы находимъ только три-четыре имени, которымъ, казалось-бы, вовсе не у мѣста быть въ этомъ собраніи всякаго рода талантовъ. Такъ напр., мы не безъ недоумѣнія находимъ въ «Полярной Звѣздѣ» Ѳаддея Булгарина.

Но дѣло въ томъ, что Булгаринъ былъ еще тогда молодъ и всячески старался подлаживаться подъ господствовавшее направленіе образованной молодежи, хотя уже и въ это время онъ ясно обнаруживалъ задатки того образа мыслей, которому впослѣдствіи столь неуклонно слѣдовалъ. Какъ видно изъ многихъ имѣющихся у меня записокъ, Булгарина въ то время терпѣли въ обществѣ только какъ балагура и остряка. Александръ Бестужевъ бывалъ у Булгарина очень часто, но у него были особенныя для того причины...

Въ 1825 г. редакторы «Полярной Звѣзды» запоздали составленіемъ и печатаніемъ IV тома альманаха на 1826 г. и рѣшились издать его въ меньшемъ объемѣ и съ болѣе скромнымъ названіемъ: вмѣсто «Полярная Звѣзда» просто «Звѣздочка».

Редакціей ея по примѣру прежнихъ годовъ, преимущественно занимался А. Бестужевъ: было уже сверстано и отпечатано нѣсколько листовъ, какъ декабрскія событія остановили изданіе.

Ни въ одной изъ извѣстныхъ намъ библіотекъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, ни у одного (сколько намъ извѣстно) изъ нашихъ библіофиловъ не сохранилась «Звѣздочка» 1826 года, столь преждевременно потухшая. Только неутомимому розыскателю библіографическихъ курьезовъ, П. А. Ефремову, удалось въ 1861 г. найти экземпляръ этого сборника въ кладовыхъ бывшей военной типографіи Д-та Генеральнаго Штаба. Эта находка оказалась тѣмъ болѣе для библіографа драгоцѣнною, что за нѣсколько дней до того времени, какъ попалась она г. Ефремову, всѣ листы «Звѣздочки», лежавшіе въ этихъ кладовыхъ запечатанными тридцать пять лѣтъ, сожжены именно въ 1861 г. какъ никуда негодный хламъ.

Вотъ содержаніе «Звѣздочки»:

I. Кровь за кровь, разсказъ А. Бестужева стр. 1 — 36. — Разсказу предпослано слѣдующее предисловіе: «Въ послѣдній походъ гвардіи, будучи

на охотѣ за Нарвою, набрелъ я по берегу моря на старинный каменный крестъ; далѣе въ оставленной мельницѣ увидѣлъ жерновъ, сдѣланный изъ надгробнаго камня съ рыцарскимъ гербомъ... и наконецъ надъ оврагомъ ручья развалины замка.

Все это подстрекнуло мое любопытство, и я обратился съ разспросомъ къ одному изъ нашихъ капитановъ, извѣстному охотнику до историческихъ былей и старинныхъ небылицъ. Онъ уже успѣлъ развѣдать подробно объ этомъ замкѣ отъ пастора, и когда насъ собралось человѣкъ пятокъ, то онъ пересказалъ все, что узналъ, какъ слѣдуетъ ниже. А. Бестужевъ». Въ концѣ разсказа сдѣлано примѣчаніе: «нравы и случаи сей повѣсти извлечены изъ Ливонскихъ хроникъ».

Разсказъ «Кровь за кровь» вошелъ въ полное собраніе сочиненій Марлинскаго (А. Бестужева), но съ измѣненнымъ заглавіемъ: «Замокъ Эйзенъ».

II. Отрывокъ изъ III-й главы Евгенія Онѣгина: ночной разговоръ Татьяны съ ея няней, стр. 37—39.

Со стиха:

«Не спится няня, здѣсь такъ душно!

До словъ:

«И все дышало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

. . . .

III. Княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской, стр. 39—41.

Мнѣ говорятъ: «она поетъ—
И радость тихо въ душу льется,
Раздумье томное найдетъ,
Въ мечтаньи сладкомъ сердце бьется
и т. д.

Стихотвореніе это вошло впослѣдствіи въ собраніе стихотвореній Козлова. СПБ., ч. II, 1833 г., стр. 106—108.

IV. Отрывокъ изъ восточной повѣсти: Пустынникъ Канду (Эпизодъ изъ эпическаго стихотворенія Индѣйцевъ Брамма-Пураны) стр. 41—44.

. . . .
И вотъ уже они блуждаютъ
Подъ сводами густыхъ деревъ,
Которыхъ цвѣтъ и блескъ плодовъ
Ихъ взоръ отвсюду поражаютъ
И громко имъ напоминаютъ,
Всегда цвѣтущій видъ садовъ
Очаровательной Нанданы... и проч.

Ознобишинъ.

V. «Къ зарѣ» стр. 44—45.

Въ воздушныхъ высотахъ, межъ ночью и днемъ,
Тебя поставилъ Богъ, какъ вѣчную границу;
Тебя облекъ Онъ пурпурнымъ огнемъ,
Тебѣ Онъ далъ въ спутницы денницу.
Когда ты въ небѣ голубомъ
Сіяешь, тихо догорая,
Я мыслю, на тебя взирая:
Заря, тебѣ подобны мы!
Смѣшенье пламени и хлада,
Смѣшеніе небесъ и ада,
Сліяніе лучей и тьмы!

Этимъ стихотвореніемъ начинается собраніе стихотвореній А. С. Хомякова, вышедшее въ свѣтъ въ 1861 г.

А. С. Хомяковъ принялъ участіе въ «Полярной Звѣздѣ» съ 1824 года. Во второмъ томѣ (1824 г.) альманаха помѣщено было его большое стихотвореніе: «Желаніе покоя».

Налей, налей въ бокалъ кипящее вино! и т. д.

Въ этомъ стихотвореніи поэтъ тщетно старается освободиться отъ «Любви, ко всему прекрасному и высокому»: она наложила на него «цѣпи слѣпой богини», и онъ «смиренный рабъ»— потерялъ покой, пробужденъ отъ безпечнаго мертваго сна...

Но нѣтъ (заключаетъ поэтъ), мой духъ пылаетъ
Живымъ негаснущимъ огнемъ,
И никогда чело не просіяетъ
Веселья мирнаго лучемъ.
Нѣтъ, нѣтъ! я не могу цѣпей слѣпой богини,
Смиренный рабъ, съ улыбкою влачить.
Орлу-ль полетъ свой позабыть?
Отдайте вновь ему широкія пустыни,
Его скалы, его дремучій лѣсъ;
Онъ жаждетъ брани и свободы,
Онъ жаждетъ бури, непогоды
И безпредѣльности небесъ!—

«Желаніе покоя» одно изъ юношескихъ, тѣмъ не менѣе прекрасныхъ произведеній нашего почтеннаго, нынѣ также уже покойнаго, поэта. Любопытно, что въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 г. это стихотвореніе занимаетъ почетное мѣсто между поэмою: «Братья Разбойники»—А. С. Пушкина и «Исповѣдью Паливайки»—К. Ѳ. Рылѣева.

VI. Пѣсня (стр. 45); она принадлежитъ В. Туманскому, поэту, скончавшемуся въ 1860 годахъ. Въ пѣснѣ довольно сентиментально поется про молодого пѣвца, прогуливавшагося подъ окнами милой, въ ожиданіи, не мелькнетъ-ли ея темный локонъ.

VII. Зависть генія (стр. 46), стихотвореніе Н. М. Языкова:

Когда гремя и пламенѣя,
Пророкъ на небо улеталъ—
Огонь отрадный проникалъ,
Тревожилъ душу Елисея.
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась,
И вдохновеньемъ озарялась
И Бога слышала она!

***

Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Инаго генія полетъ:
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ,
И міру—новыя свѣтила,
Дѣла избранника небесъ!

Стихотвореніе это съ измѣненіями напечатано въ изданіи сочиненій Языкова, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1858 г., ч. I, стр. 62—63.

VIII. Гайдамакъ, малороссійская быль. Ореста Сомова, стр. 47—64. Глава I-я. Эпиграфъ изъ Котляревскаго:

Такъ, вичной памяти бувало
У насъ въ гетманьщини колись....

Глава II-я, эпиграфъ изъ старинной малороссійской пѣсни:

«То панъ Хмѣльницкій добре учинивъ,
Польшу засмутивъ,
Волощину побѣдивъ
Гетманьщину взвеселивъ».—

О содержаніи разсказа судить нельзя, потому что уцѣлѣло всего полторы главы, но разговорный языкъ не естественъ: нигдѣ не видать казаковъ, вездѣ говоритъ за нихъ самъ авторъ. 2-я глава обрывается на слѣдующихъ словахъ:

.... «Вдругъ вѣщій слѣпецъ перемѣнилъ строй: пальцы его медленно и торжественно перебѣгали по звонкимъ струнамъ бандуры; онъ молчалъ еще, но вниманіе всѣхъ было приготовлено; жадный слухъ ловилъ уже въ знакомыхъ звукахъ близкіе сердцу напѣвы и предугадывалъ смыслъ самой пѣсни.

Примѣч. Музыка старинныхъ, такъ называемыхъ бан.....».

На этихъ словахъ оканчиваются уцѣлѣвшіе листы «Звѣздочки» 1826 г. Не сохранились ли у кого нибудь слѣдующія за тѣмъ страницы? Не была-ли, наконецъ, отпечатана вся книжка прежде, нежели звѣзды счастія, спокойствія и даже жизни не потухли совершенно для ея редакторовъ?

(См. «Русскій Архивъ» 1869 г., 4. стр. 653.—Статья М. Семевскаго).

У Геннади. «Кн. рѣдкости» за № 146 сказано, что сохранившіеся экземпляры извѣстны только у П. Ефремова и М. Семевскаго.

462. Земля и воля. Сочиненіе П. Л. (Павла Лаврова). С.-Петербургъ, въ типографіи Безобразова. 1868 года.—Въ 8 д. л., 237 стр. Цѣна 1 руб. сер.

Обстоятельные разсказы, основанные на тщательномъ изученіи русской деревни и земскихъ и судебно-мировыхъ учрежденій въ 1868 году.

Изданіе по выходѣ въ свѣтъ было изъято изъ продажи и теперь весьма рѣдко.

Купленъ мною экземпляръ въ Москвѣ у Шибанова (по каталогу) за 2 рубля.

463. Земля, рабочій трудъ и капиталъ въ русской сельско-хозяйственной промышленности. Сочиненіе Н. Данилова. Москва, 1877 года.—Въ 8 д. л.

Въ этой небольшой, но довольно рѣдкой книгѣ, авторъ, Н. Даниловъ, разсматриваетъ рабочій трудъ и капиталъ въ русской сельско-хозяйственной промышленности.

Книга по выходѣ въ свѣтъ была изъята изъ обращенія и теперь рѣдка.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 8 руб.

464. Зефироты и зѣвороты. Санктпетербургъ, въ типографіи Деноткина, 1861 года.—Въ 8 д. л. 12 стр.

На оберткѣ брошюрки представленъ мѣтящій (въ цѣль) человѣкъ съ крыльями, но безъ ногъ и нижней части туловища. Въ концѣ брошюрки находится фамилія автора—А. Полоротовъ.

Книжка по выходѣ въ свѣтъ обратила на себя вниманіе и подверглась преслѣдованію.

Въ брошюрѣ описываются какіе-то крылатые люди, существующіе на земномъ шарѣ и питающіеся только запахомъ цвѣтовъ и плодовъ. Тутъ-же сообщаются разныя подробности о ихъ наружности и образѣ жизни.

Изданіе брошюрки приписывается князю Одоевскому.

См. «Обзоръ книгъ» Якова Березина-Ширяева, стр. 355.

465. Златая цѣпь для восхищенія душъ отъ земли къ небеси. Переведена съ французскаго языка города Казани священникомъ Яковомъ Михайловымъ. Москва. 1804 года.—Въ 12 д. л., въ тип. Л.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 4290, сказано: «книга рѣдкая».

Купленъ мною экземпляръ сей рѣдкой книги за 8 руб. (хорошо сохранившійся) у букиниста Наумова.

466. Златое сочиненіе. Самуила Морокскаго раввина іудейскаго, заключающееся въ письмахъ къ Іосифу, раввину Кордубскому, на обличеніе іудейскаго заблужденія въ соблюденіи Моисейскаго закона и ожиданіи Мессіи, якобы еще не пришедшаго.—Переводъ съ латинскаго, вновь исправленный и нужными примѣчаніями дополненный въ Кіево-Печерской Лаврѣ.—СПБ. 1827 года.—Въ 8 д. л., 93 стр., въ синодальной типографіи.

Книга сія, обнародованная въ четырнадцатомъ столѣтіи—сочинена въ одиннадцатомъ столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ, Самуиломъ, раввиномъ іудейскимъ, о коемъ, впрочемъ, ничего болѣе неизвѣстно, кромѣ того, что онъ жилъ около 1070 г. по Рождествѣ Христовѣ, въ Африкѣ, въ области Морокской, и изъ іудеянина и самъ сдѣлался христіаниномъ. Извѣстно также, что сіе сочиненіе, по важному содержанію своему названное «златымъ», первоначально писано на арабскомъ языкѣ, простымъ письменнымъ слогомъ; оно заключаетъ въ себѣ XXVII главъ или дружескихъ писемъ отъ Самуила раввина къ Исааку, раввину-же Испанскому, писанныхъ, и какъ въ семъ сочиненіи живо изображено заблужденіе и упорство іудейское въ отверженіи христіанскія вѣры, то и не удивительно, что іудеи утаивали оное болѣе двухъ сотъ лѣтъ. А что златое сочиненіе сіе не погибло совершенно въ неизвѣстности, то симъ мы обязаны нѣкоему Альфонсу Доному, испанцу ордена «Проповѣдниковъ», который далъ сему сочиненію новое бытіе на латинскомъ языкѣ, съ котораго послѣ переведено оное и на всѣ прочіе языки. — Книга рѣдкая.

467. Знакомые. Рисунки Н. А. Степанова. С.-Петербургъ. Изданіе Бегрова, литографа Императорской публичной библіотеки, 1857 года.—Въ листъ, 36 листовъ.

Превосходно иллюстрированная обложка съ 180 карикатурами Степанова, рисована на камнѣ П. Б Семечкинымъ.

Изданіе выходило ежемѣсячными полувыпусками, состоявшиии изъ 3 листовъ. Всего было выпущено шесть выпусковъ, которые содержатъ въ себѣ очень интересныя карикатуры.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 10 руб.

468. Знаменіе времени. Историческій романъ. Сочиненіе Д. Мордовцева. Санктпетербургъ. 1869 года, въ типографіи Хана.—Въ 8 д. л. 428 стр. (изъ журнала).

Романъ «Знаменіе времени», сочиненіе Д. Мордовцева, печатанъ въ журналѣ «Всемірный Трудъ», издаваемый М. Ханомъ. (Отдѣльнаго изданія не было). Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія и въ настоящее время совсѣмъ ненаходима въ книжной торговлѣ, и принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей. Поэтому считаю не лишнимъ для ознакомленія

читателей съ настоящей книгой, привести здѣсь полностію одну изъ наиболѣе интересныхъ главъ, а именно—первую.

«Не знаю, за что меня эти злые люди держатъ подъ стражею, какъ преступника. Говорятъ, будто я сумасшедшій. Какіе глупые и злые люди! они называютъ сумасшествіемъ мою любовь къ Россіи. Да развѣ любовь къ Россіи составляетъ такую болѣзнь воли, за которую сажаютъ въ домъ умалишенныхъ? Не понимаю, ничего не понимаю!... Что ихъ поражаетъ въ этомъ чувствѣ? Что въ немъ находятъ они преступнаго и опаснаго?... Да и что имъ за дѣло, что я могу летать и видѣть то, чего они не видятъ? Летаетъ же ворона вездѣ

Мордовцевъ, Даніилъ Лукичъ.

Извѣстный писатель. Род. 1830 г. въ Обл. Войска Донскаго. Съ фот. грав. Шюблеръ.

и видитъ, какъ въ травѣ змѣя извивается, и какъ въ глухой стени одинъ человѣкъ убиваетъ другого, а другіе этого не видятъ. Вѣдь летала же какая то птица къ Гейне, и эту птицу могъ видѣть одинъ Гейне, тогда какъ другіе ее не видѣли. Отчегожъ мнѣ не летать, когда я могу это дѣлать? Отчего мнѣ не пользоваться этой способностью, которой другіе не имѣютъ? А они эту-то способность и называютъ моимъ пунктомъ помѣшательства. Да, вѣдь, это мучительно, это обидно, это ужасно! Зачѣмъ называютъ помѣшательствомъ такую способность въ человѣкѣ, которой другіе не имѣютъ. Они-то и есть сумасшедшіе, эти жалкіе, подлые люди, понимающіе такъ ограниченно. Вѣдь они и Галилея называли сумасшедшимъ за то, что онъ имѣлъ способность видѣть то, чего другіе не видѣли. Онъ видѣлъ, что земля вертится вокругъ солнца, а они не видѣли—и за это сочли сумасшедшимъ, за это посадили въ тюрьму, за это казнили... Да вѣдь это жестоко! Они и Данта называли сумасшедшимъ за то, что онъ видѣлъ то, чего они не видѣли: онъ видѣлъ адъ, а они его не видѣли; онъ былъ въ аду, и описалъ этотъ адъ, и это описаніе люди читаютъ до сихъ поръ, и восхищаются, и ужасаются... И вѣдь всѣ, съ кѣмъ я ни говорю, какъ-то странно смотрятъ на меня, пожимаютъ плечами, улыбаются, а въ сторонѣ, я слышу, говорятъ тихонько между собою: «какое странное помѣшательство»... я воображаю, каково же было Галилею и Данту слышать то же, что я слышу... Это ужасно! Вотъ отъ этого такъ можно съ сума сойти».

Такъ говорилъ одинъ больной, сидя на койкѣ въ домѣ умалишенныхъ, когда его показывали посѣтителямъ. Больной былъ среднихъ лѣтъ мужчина, повидимому крѣпкаго сложенія, съ большими зелеными глазами и сильно развитой лобной костью.

— Когдажъ проявилась въ васъ способность летать? спросилъ его одинъ посѣтитель,

— Я самъ не знаю... Вѣроятно вмѣстѣ съ способностью думать и чувствовать, только я этого не замѣтилъ.

— А когда замѣтили?

— Когда уже полетѣлъ.

— А теперь можете подняться?

— Теперь не могу... я не свободенъ... Развѣ вы можете сосредоточенно думать, когда вамъ мѣшаютъ, когда васъ мучатъ? Да теперь ко мнѣ и птица не прилетаетъ...

— Какая птица?

— Съ которой я летаю и которая говоритъ со мной.

— Чтожъ это за птица? Какъ она называется?

— Я не знаю.

— Какая же она? большая, маленькая?

— Большая... Вѣроятно такая же, какую видѣлъ Гейне, когда она къ нему летала. Помните?

— Да, помню... У него гдѣ-то есть объ этомъ.

— Въ «Buch der Lieder».

— Зачѣмъ же вы летаете? Для удовольствія?

— О, нѣтъ! Развѣ для удовольствія Дантъ сходилъ въ адъ?... Впрочемъ, въ созерцаніи земли и движенія на ней съ далекой высоты, такъ много глубокаго наслажденія. Я не забуду моего перваго полета. Мы пролетали выше горъ и лѣсовъ, и казались эти лѣса темно-зелеными нивами, а рѣки и озера казались клочками голубого неба, брошенными на землю, и когда перебѣгалъ по нимъ вѣтеръ, очарованье исчезало, и казалось, что на эти голубые клочки неба кто-то набросилъ битыхъ стеколъ, и въ этихъ стеклахъ отражалось холодное солнце... Тамъ вѣдь оно такое холодное... И пролетали мы надъ городами, и высокіе шпицы церквей казались такими маленькими, и все представлялось въ такихъ уменьшенныхъ, ничтожныхъ и странныхъ размѣрахъ, въ странныхъ формахъ и положеніяхъ, къ которымъ не привыкъ глазъ: виднѣлись только вершины деревьевъ, а стволовъ и корней не было видно, виднѣлись крыши домовъ, виднѣлись только верхи горъ, ландшафты были уже не тѣ, какіе видны съ земли, а такіе, какихъ никогда не рисовалъ ни одинъ художникъ, къ какимъ не привыкалъ глазъ, свыкшійся съ иною перспективою, съ инымъ освѣщеніемъ, съ иными изломами линій и положеніями фигуръ. Люди казались такими малыми, жалкими, беззащитными существами... И чѣмъ выше поднимались мы надъ землею, тѣмъ дороже становилась мнѣ эта земля, тѣмъ болѣе меня тянуло къ ней.

— И вамъ не было страшно? спрашивалъ посѣтитель, заинтересованный странною рѣчью безумца.

— Нѣтъ... меня тянуло все дальше и дальше.

— И долго вы летали?

— Нѣсколько лѣтъ, и эти года казались мнѣ часами.

— Гдѣ же вы летали?

— Я былъ вездѣ—я носился надъ океанами, видѣлъ,—какъ жалкіе корабли, въ видѣ обугленныхъ щепокъ, бьются съ валами, и пролеталъ надъ пустынями Африки, куда не заходила нога ни Ливингстона, ни Гранта, ни Беккера... Но сердце тянуло меня домой, на родину, въ Россію... Когда мы пролетали низко надъ землею, до насъ доносились земные звуки, и пѣнье птицъ, и говоръ людской, и дѣтскій плачъ, и вздохи взрослыхъ, и рыданія несчастныхъ, и колокольный звонъ, то радостный, то глухой погребальный. А когда мы поднимались выше, земля казалась беззвучною, мертвою, и все въ пространствѣ было безвучно, и мертвая тишина ничѣмъ не нарушалась, кромѣ тихаго шума отъ полета моей птицы... Мы летѣли все выше и выше, и мнѣ казалось, что мы уже были за предѣлами тяготѣнія къ землѣ, и мнѣ казалось, что уже за этими предѣлами нѣтъ возврата на землю, что потерявъ силу земнаго тяготѣнія, мы или останемся вѣчно въ пространствѣ, скитаясь вѣчно между блуждающими планетами, или насъ притянетъ къ себѣ другой міръ, невѣдомый, далекій, невидимый землею. И страшно мнѣ стало глядѣть въ далекое пространство, гдѣ надъ нами, далеко, далеко болтался громадный шаръ, и казалось мнѣ, что этотъ шаръ уже не земля, а мертвое тѣло, которое я видѣлъ тамъ, подъ тѣмъ пасмурнымъ небомъ, качающееся на веревкѣ, хотя веревки я и не видѣлъ, за которую повѣшена земля—преступникъ, а тамъ я видѣлъ и веревку и его самого, повѣшаннаго, съ головою въ бѣломъ мѣшкѣ, склоненною на лѣвое плечо...

— Какого повѣшеннаго вы видѣли? спросилъ изумленный посѣтитель.

— Да его, этого высокаго, худого...

— Это-то кажется и было причиною его помѣшательства, шепнулъ посѣтителю смотритель.

— Что же такое?

— Казнь... знаете?

— Какой же это повѣшенный? спросилъ посѣтитель, обращаясь къ больному: — гдѣ вы его видѣли?

Больной закрылъ глаза, какъ бы силясь припомнить что-то далекое, давно забытое.

«Мы летѣли — началъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія—по сѣрому туманному небу, и подъ моими ногами я не видѣлъ ни земли, ни солнца, а только сплошное, сѣрое пространство, и страшно мнѣ стало, что я потерялъ землю, что до меня уже не дойдетъ ни свѣтъ солнца, ни звуки земные... Слышу, до меня доносятся какія-то неясныя подобія звуковъ, что-то смѣшанное, неопредѣленное, не то далекій шумъ волнъ, мѣрно перекатывающихся чрезъ рифы, не то треніе облаковъ одно о другое и ихъ споръ между собой въ воздушномъ пространствѣ... мнѣ все тогда

могло казаться... и вотъ я слышу звуки становятся опредѣленнѣе — то были земные звуки,—я такъ привыкъ къ нимъ, мое ухо могло ихъ отличать даже въ планетномъ пространствѣ... Мы летѣли тихо, какъ бы боясь упасть въ бездну, и вотъ звуки какъ бы стали видимы, какъ бы стали отдѣляться отъ сѣраго пространства въ какихъ-то неясныхъ очертаніяхъ — понимаете вы это?... Я сталъ вглядываться, и мои глаза начали различать не звуки, не ихъ очертанье, потому что звуковыя очертанія невидимы, хотя и онѣ имѣютъ иногда опредѣленныя формы, а я началъ видѣть предметы неясные, неопредѣленные какъ звуки, и чѣмъ долѣе мы летѣли, тѣмъ яснѣе очерчивались образы этихъ предметовъ: то были высокіе шпицы церквей, а тамъ уже выдѣлялись и очертанья земного горизонта, очертанія сѣраго лѣса, неясныя очертанія домовъ, улицъ, площадей, рѣкъ и каналовъ... Подъ нами изъ облака выступалъ городъ, хотя изъ-за облака не выступало солнце, котораго я ждалъ, чтобы разсѣять эти чары.

— Что это за городъ? спросилъ я птицу.

— Смотри—и узнаешь, отвѣчала она, шумя крыльями.

«Я смотрѣлъ и видѣлъ городъ, большой, раскидистый, и слышалъ, ясно различалъ звуки жизни. Мы опускались все ниже и ниже надъ городомъ, и я уже видѣлъ людей, видѣлъ движеніе экипажей, слышалъ и стукъ ихъ и неясный гулъ отъ говора людского... Всѣ люди шли, бѣжали ѣхали куда-то по одному направленію... Ихъ были тысячи, десятки тысячъ... Понеслись и мы за этими движущимися массами, и тамъ, гдѣ мы остановились, увидѣлъ я высокій, черный столбъ съ черною перекладиною, такъ ярко очерчивавшіеся на сѣромъ полотнѣ неба, и мои глаза различили на этомъ столбѣ конецъ веревки и блоки, и кольца, и тихо, тихо качалась веревка, и показалась она такою тяжелою, что какъ бы желала оторваться отъ столба и упасть на землю, въ черную грязь, замѣшенную человѣческими ногами... И волновались живыя массы народа вокругъ этого чернаго столба; рядомъ съ нимъ стоялъ другой черный столбъ, безъ перекладины и безъ веревки, и вокругъ этого столба чернѣлось возвышеніе. И у подножія этого возвышенія ходили взадъ и впередъ двѣ человѣческія фигуры, высокія, сильныя, и лица у этихъ фигуръ были свѣжія, молодыя, здоровыя. Тутъ же стояли другія фигуры съ серьезными лицами, а вокругъ всего этого, вокругъ этихъ черныхъ столбовъ и серьезныхъ фигуръ, обвились кольцомъ, какъ стѣною, люди съ оружіемъ въ рукахъ и казалось строгою, холодною какъ камень эта живая людская стѣна, сквозь которую могла пробиться только смерть, а далѣе отъ этой живой стѣны, черезъ интервалъ, стояла другая живая стѣна конныхъ людей, и всѣ эти люди, какъ и кони подъ ними, равнодушно смотрѣли и на другихъ людей, и на сѣрое небо, и на черные столбы, и на тяжелую веревку, и на черное возвышеніе съ черными перилами и черными ступеньками... А масса народа все прибывала къ этому мѣсту, тысячи живыхъ существъ все тѣснѣе и тѣснѣе облегали этотъ страшный кругъ съ черными столбами, куда могла пробраться только смерть: то была ея тѣсно замкнутая аудиторія съ черною каѳедрою для профессора... И слышу я, гдѣ-то недалеко пробило семь часовъ, и глухо заволновались народныя массы, и слышу я шопотъ тысячи устъ: «ѣдетъ, ѣдетъ, ѣдетъ»... Кто же это ѣдетъ? Кого съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ ждутъ эти тысячи? И вглядываюсь я въ сѣрую туманную даль, что повисла надъ тысячами людскихъ головъ, и всѣ эти головы обратились туда же, куда обратилась и моя голова, ища того, кто ѣдетъ, и туда же обратились, не обращая головъ, глаза тѣхъ людей, которые стройнымъ и тяжелымъ, живымъ, но неподвижнымъ кольцомъ обвились вокругъ черныхъ столбовъ и вокругъ аудиторіи смерти. И вижу я неясно очерченныя на сѣромъ полотнѣ неба головы въ шишакахъ, высоко поднявшіяся надъ головами народа, и двигаются, покачиваясь, эти головы въ шишакахъ, какъ солнце, съ востока на западъ, а надъ этими головами качается, въ неопредѣленной формѣ выступая изъ сѣраго воздуха, что-то похожее на голову, а тамъ оттѣняется что-то похожее на человѣческія плечи, а лица человѣческаго не видно... Все ближе и ближе эти головы въ шишакахъ, все ближе и ближе подвигается, качаясь, и та одинокая голова, или что-то такое, что я принималъ за голову, возвышающееся надъ всей массою и надъ головами въ шишакахъ. И вотъ я ясно различаю человѣческую голову надъ всей этой массой другихъ головъ, хотя лица у этой головы не различаю; и все качается эта голова и качаются плечи, а около

плечъ я вижу какіе-то столбики, и различаю что-то въ родѣ ремней, которыми плечи пристегнуты къ столбикамъ... И вотъ все явственнѣе и явственнѣе обозначаются очертанія того, что двигалось въ серединѣ головъ въ шишакахъ—и одинокая, сидящая человѣческая фигура въ чемъ-то сѣромъ или темномъ, въ чемъ-то безцвѣтномъ, какъ это небо, и высокая колесница подъ этой одинокой человѣческой фигурой, и возница, и лошади. И вижу я лице у возницы, но лица у той одинокой фигуры не вижу...

«Что же это? И узнаю я, что это лице смотритъ туда, куда изъ массы уже никто не смотритъ—смотритъ на востокъ, назадъ, на пройденный путь, что этому лицу нечего смотрѣть впередъ; ему надо прощаться съ предметами, которые уже пройдены, ему надо оглянуться назадъ на пройденную и быстро удаляющуюся жизнь и на воспоминанія, которыя, какъ эти массы народныя, тѣснятся предъ его глазами, идутъ за нимъ, провожаютъ его до самаго чернаго столба съ перекладиною... И надъ этой головой пролетѣла какая-то птица, бзцвѣтно окрашенная безцвѣтнымъ колоритомъ сѣраго неба, голубь ли то сизый, воронъ ли черный, и какъ бы въ лице, обращенное назадъ, заглянула эта птица... И стали тѣсниться мнѣ въ голову вопросы,—вспомнилъ ли онъ, какъ можетъ быть въ дѣтствѣ онъ слѣдилъ глазами за такою же птицей, и что вызвало въ душѣ его это воспоминаніе, и что онъ думалъ, и что онъ чувствуетъ?..

«И вотъ высокая колесница у самыхъ черныхъ столбовъ повернулась туда, куда смотрѣлъ онъ, а онъ повернулся сюда къ намъ, и показалось въ сѣромъ воздухѣ его бѣлое лице, бѣлое и блѣдное, и всѣ увидѣли это лице, а оно увидѣло не насъ, которыхъ было такъ много, а два черныхъ столба и перекладину, и тяжелую веревку съ блоками и кольцами... То было лице молодое, истомленное чѣмъ-то... А на груди черная доска, и на доскѣ что-то бѣлымъ написано...

«И взошла на колесницу другая фигура, и отвязала ремни, которыми прикрѣплялись его руки къ столбикамъ, и оба они вмѣстѣ сошли съ колесницы на землю... И тогда подошли къ нему тѣ двѣ человѣческія фигуры, высокія, сильныя, и коснулись его рукъ, и всѣ трое по ступенькамъ взошли на черное возвышеніе съ перилами, и стали они тамъ всѣ трое, онъ, такой худой, блѣдный, хрупкій...

«Онъ стоялъ и не глядѣлъ на массы народа, его обступившія, но за то всѣ эти массы глядѣли на него—и я на него глядѣлъ, не стараясь даже понять, что онъ чувствуетъ и что онъ думаетъ... А онъ, можетъ быть, думалъ, что онъ не онъ, что онъ не тотъ, котораго когда-то, маленькаго и невиннаго, мать держала на колѣняхъ и ласкала и думала о томъ, что ждетъ ея сына, что ему на роду написано... А ему было на роду написано то, чего никто изъ людей не могъ прочитать...

«Тогда взошелъ на возвышеніе еще кто-то, а въ рукахъ у него были бумаги, и сталъ онъ читать то, что тому, которому онъ читалъ, было на роду написано, и читалъ онъ долго, долго... А тотъ, кому онъ читалъ, стоялъ и слушалъ, а можетъ быть и не слушалъ... Но его усталая голова видимо падаетъ на лѣвое плечо и волосы падаютъ на лобъ, и поправляетъ онъ иногда эти падающіе волосы, и переноситъ падающую голову съ лѣваго плеча къ правому, а голова снова клонится... Я слышу онъ кашляетъ, а тотъ все читаетъ, все читаетъ...

«И вотъ, все прочитано. Тотъ, кто читалъ, сходитъ съ возвышенія, а онъ начинаетъ кланяться народу на всѣ четыре стороны, и кланяется даже въ ту сторону, гдѣ на перекладинѣ виситъ веревка, и когда онъ кланяется, волосы падаютъ ему на лобъ, и онъ отводитъ ихъ рукою ото лба, и опять кланяется... И народъ что-то шепчетъ ему на поклоны... должно быть, коритъ его за его вину великую... И мать, думаю, тамъ гдѣ либо въ глуши, за тысячи верстъ, гдѣ онъ родился и бѣгалъ маленькими ногами, цѣпляясь за ея платье, проклинаетъ его за вину великую...

«Тогда всходитъ на возвышеніе еще одинъ человѣкъ, въ черномъ платьѣ, въ какихъ обыкновенно отпѣваютъ покойниковъ. Тотъ, которому читали бумагу, подходитъ къ нему, наклоняетъ голову и становится на колѣни; а тотъ, что въ черномъ платьѣ, наклоняется надъ нимъ, и что-то тихо говоритъ ему, вѣроятно то, чего никто изъ насъ никому не пересказываетъ...

«Фу, какъ мучительно было ждать, какъ судорожно дышалось въ это время!... Хоть бы скорѣй ужъ!..

«И вотъ онъ опять кланяется на всѣ четыре стороны, кланяется и веревкѣ, а тотъ, что былъ въ черномъ, сходитъ съ возвышенія, и уноситъ съ

собою послѣдній звукъ человѣческаго голоса, который слышалъ тотъ, кому этотъ сошедшій съ возвышенія говорилъ то, чего изъ насъ никто никому не пересказываетъ...

«Тогда всходитъ на возвышеніе еще одна фигура съ бѣлымъ мѣшкомъ и вынимаетъ изъ этого мѣшка саванъ и бѣлую повязку для глазъ—и завязываетъ ему глаза... Это онъ будетъ играть въ жмурки со смертью... Поймаетъ или не поймаетъ онъ эту смерть? Поймаетъ, непремѣнно поймаетъ!.. Онъ уже не видитъ ни веревки, ни насъ, ни этихъ массъ народа, который, затаивъ дыханіе, смотритъ на него, ни этого сѣраго, пасмурнаго неба, ни того яркаго неба, подъ которымъ онъ бѣгалъ въ дѣтствѣ, ни человѣческихъ глазъ, ни той птицы, которая опять пролетѣла надъ толпой, и какъ бы хотѣла заглянуть ему въ глаза—ничего и никогда не увидитъ! Даже ужъ этой повязки не видитъ онъ, которая закрыла отъ него такой прекрасный и такой скорбный міръ божій... Но онъ еще слышитъ и свое собственное дыханіе, и шуршанье ленточекъ отъ повязки на затылкѣ, и безмолвное, глухое движеніе толпы, и звуки смертной, похоронной, раздирающей музыки... Онъ только слышитъ!... И слышитъ онъ, какъ снимаютъ съ него черную доску, на которой что-то написано бѣлыми буквами, и какъ снимаютъ съ него верхнюю одежду... И онъ чихаетъ... чихаетъ!.. Хорошій знакъ...

«Но какъ долго надѣваютъ на него смертную рубашку — парусиный саванъ съ капишономъ для головы! Какъ путается его усталая голова въ грубыхъ складкахъ савана... Его руки — ослабѣвшія, вялыя— не входятъ въ длинные рукава, путаются въ нихъ но онъ самъ поднимаетъ надъ головой руки, самъ вдѣваетъ ихъ въ эти рукава, и на него опустилась рубашка, и опустилась низко, низко,— до самыхъ ногъ...

«Вотъ онъ и въ саванѣ, хотя живой и понимающій это... А мы все на него смотримъ, и всѣ на него смотрятъ, только онъ ужъ не смотритъ на насъ. Но онъ все еще слышитъ, слышитъ, какъ длинные рукава савана завязываютъ вмѣстѣ съ руками у него за спиною, и встряхиваютъ его затягивая рукава... И вотъ сводятъ его съ возвышенія, и онъ не видитъ ступенекъ, по которымъ надо идти, и ноги его ощупываютъ эти ступеньки, и эти же ноги сводятъ его въ послѣдній разъ на землю, и эти же ноги подводятъ его къ тому черному столбу съ перекладиной, на которомъ висѣла веревка съ блоками и кольцами, и эти же ноги, хотя путаясь и не попадая куда слѣдуетъ, взводятъ его по другимъ ступенькамъ, подъ самую веревку, а за нимъ всходятъ и тѣ двѣ фигуры съ молодыми лицами. И вотъ опускаютъ веревку и онъ слышитъ и осязаетъ, какъ веревка шуршитъ у него по затылку, задѣваетъ его, задѣваетъ его плечи... А онъ все стоитъ, все ждетъ, все слушаетъ —и мы ждемъ.

«И вотъ расправили петлю на веревкѣ и вдѣли въ эту петлю голову... А онъ все стоитъ и ждетъ... Насъ бьетъ лихорадка, но мы тоже ждемъ...»

Сказавъ это, больной замолчалъ. У него сильно тряслась голова. Присутствующіе не смѣли прервать этого тяжелаго молчанія, пока больной самъ не взглянулъ на нихъ какими-то странными глазами.

— Что же было дальше? спросилъ посѣтитель.

Больной молчалъ.

— Что же, вы кончили?

— Кончилъ, отвѣчалъ тотъ.—Дальше ничего не было.

— Вы остановились на томъ, какъ ему на шею надѣли веревку.

— Да, надѣли... помню, помню, говорилъ онъ, какъ бы опять погружаясь въ воспоминаніе.—Онъ стоитъ съ веревкой на шеѣ... Мы ждемъ... Вдругъ изъ подъ его ногъ выбивается какая-то подставка, и онъ опустился, упалъ, но какъ бы боясь упасть въ пропасть, онъ конвульсивно поджимаетъ подъ себя ноги—петля затягивается... Его тянутъ выше по блоку — встряхиваютъ... Встряска въ тѣлѣ... Вольты тѣла по воздуху — точь въ точь какъ на конькахъ, по льду, катаются живые люди и круги дѣлаютъ... Ноги сжимаются и разжимаются... Каблуки бьютъ одинъ по другому... Ноги расходятся, вытягиваются... Вольтъ за вольтомъ— все меньше размахи... Но въ головѣ, склоненной на бокъ, еще замѣтна дрожь... И качанья все дѣлаются медленнѣе, ровнѣе, спокойнѣе... спокойнѣе.

«И долго я смотрѣлъ, какъ на сѣромъ фонѣ неба висѣла и качалась эта бѣлая, длинная фигура, съ головою на лѣвое плечо... Но качанья все тише, тише... я вижу только бѣлую фигуру въ мѣшкѣ, но веревки не вижу... И представляется мнѣ, что этотъ мертвецъ въ саванѣ—виситъ на воздухѣ, какъ, казалось мнѣ, виситъ земля въ пространствѣ, когда я смотрѣлъ на нее изъ без-

конечной дали, и земля казалась мнѣ тоже мертвою, беззвучною...

«Но вотъ подъѣзжаетъ къ этой бѣлой висящей фигурѣ всадникъ, и смотритъ на нее—есть ли признаки жизни въ томъ, что виситъ въ этомъ бѣломъ мѣшкѣ, иль оно умерло... Мнѣ казалось, что оно не умирало, что оно виситъ и чувствуетъ свое положеніе, какъ чувствовалъ я въ томъ далекомъ планетномъ пространствѣ свою отчужденность отъ всего міра, что оно думаетъ глубокую, глубокую думу, оттого и не шелохнется, что оно ждетъ чего-то... Но чего ему ждать?

«Изъ-за массъ народа, между двухъ черныхъ столбовъ, на сѣромъ небѣ обрисовывается телѣга... Ближе, ближе—вижу лошадь, телѣгу, на телѣгѣ стоитъ что-то длинное, покрытое рогожей... Останавливается телѣга около бѣлой висящей фигуры, снимается рогожа—и я вижу гробъ... Такъ вотъ чего ждалъ онъ!

«Снимаютъ гробъ и ставятъ на землю подъ бѣлой висящей фигурой... Спускаютъ по блоку эту бѣлую фигуру, распускаютъ петлю, вынимаютъ его изъ петли... и двое берутъ его—одинъ за ноги. другой за голову, а онъ гнется, какъ не туго набитый мѣшокъ,—и думаю я, что они его уронятъ, ушибутъ, но они бережно кладутъ его въ гробъ, накрываютъ крышкой, заколачиваютъ крышку, ставятъ на телѣгу, покрываютъ рогожей, и куда-то увозятъ... Должно быть, къ матери...

«И хлынули назадъ массы народа... Пошелъ и я... А тамъ и солнце проглянуло, такое теплое, яркое, веселое... И не хотѣлось мнѣ оставаться на землѣ, гдѣ такъ много зла, грѣховъ и скорби, и я вновь полетѣлъ въ планетное пространство... Но земля тянула меня къ себѣ, злая, скорбная—но дорогая...

«Вотъ и теперь, на сѣромъ фонѣ неба качается передъ моими глазами въ бѣломъ мѣшкѣ что-то тяжелое, гибкое... Каблуки прижаты одинъ къ другому... Подошвы видны, такія потертыя... А много они ходили по землѣ?... Теперь не ходятъ ужъ... И корова не ходитъ давно... Съ коровы сняли шкуру, сдѣлали ему подошвы... Смѣшно! Зачѣмъ убивали корову? Она тоже хотѣла жить, по травѣ ходить... Какъ все это странно... Нѣтъ, что-нибудь да не такъ»...

Больной замолчалъ и, положивъ локти на колѣни и подперевъ голову руками, закрылъ глаза.—«Странно, очень странно», говорилъ онъ съ собой.

— На этомъ онъ, кажется, и помѣшался, говорилъ шопотомъ смотритель,—а то, что ему кажется, будто онъ летаетъ, было уже послѣдствіемъ помѣшательства.

— Да, странное помѣшательство... Что же, бываетъ онъ неспокоенъ?

— Нѣтъ, онъ тихъ, только иногда раздражается. Въ иное время онъ говоритъ, какъ совершенно здоровый человѣкъ.

— Но почему же именно кажется ему, что онъ летаетъ?

— Вѣроятно, въ болѣзненномъ состояніи онъ думалъ что нибудь подобное. Иногда изъ его словъ можно догадаться, что видъ казни произвелъ на него такое сильное потрясеніе, что голова его не выдержала. По крайней мѣрѣ съ этого дня начался періодъ летанья.

— Но онъ самъ вѣдь сейчасъ говорилъ, что на мѣсто казни онъ попалъ съ облаковъ, возражалъ посѣтитель.

— Да, но прежде онъ связнѣе разсказывалъ это обстоятельство, и знавшіе его говорятъ, что до того времени въ немъ незамѣтно было признаковъ помѣшательства.

— Что же онъ еще говоритъ?

— Ему все кажется больше, что все, что онъ прежде видѣлъ и слышалъ, все, что читалъ и что произвело на него сильное впечатлѣніе,—все это, по его словамъ, онъ видѣлъ во время летанья.

Въ это время больной открылъ глаза и прямо посмотрѣлъ на посѣтителя.

— Васъ, вѣроятно, интересуютъ сумасшедшіе, и вы пришли посмотрѣть на меня? спросилъ онъ его съ совершенно осмысленной улыбкой, приподнимаясь съ койки.

— Нѣтъ, я здѣсь совершенно случайно, отвѣчалъ тотъ, потому что вопросъ больнаго нѣсколько озадачилъ его.

— Вѣроятно такъ же какъ и я... Только меня не выпускаютъ отсюда, а васъ выпустятъ?

Посѣтитель не зналъ, что ему отвѣчать.

— Я думаю, что васъ и меня выпустятъ, когда не будетъ никакого препятствія, сказалъ онъ, поглядывая на смотрителя.

— Да какія же могутъ быть препятствія?

— Я не знаю.

Смотрителя куда-то позвали—и посѣтитель остался одинъ съ больнымъ.

— Велите меня выпустить отсюда, вдругъ обратился онъ умоляющимъ голосомъ къ посѣтителю.

-- Я не имѣю здѣсь власти, отвѣчалъ посѣтитель.

— Выпустите меня, спасите меня,—я сойду съ ума, говорилъ больной, падая на колѣни:—я ничего не сдѣлалъ... Я не буду больше говорить о Россіи, я не буду любить ее... Пощадите меня.

469. Знаменія Антихристова пришествія и кончины вѣка отъ писаній Божественныхъ явлена. Апостольскому-же вопросу, что есть знаменіе твоего пришествія и кончины вѣка (Матв. 29) согласующая.—Кіевъ, въ типографіи Кіевопечерской лавры. 1853 г.—Въ 8 д. л., 2+163 стр. съ картинкой.

Хорошо сохранившіеся экземпляры настоящаго изданія—чрезвычайно рѣдки.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 3 рубля.

470. Знанія, касающіяся вообще до философіи для пользы тѣхъ, которые о сей матеріи чужестранныхъ книгъ читать не могутъ, собраны и изъяснены Григоріемъ Тепловымъ. Книга первая. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 1751 г.—Въ 8 д. л., 301 нум. стр.

Въ началѣ этой весьма любопытной книги слѣдуетъ посвященіе отъ автора Г. Теплова, графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, какъ президенту Академіи Наукъ. — «См. Опытъ россійской библіографіи» Василія Сопикова, № 4035.

471. Зритель — театральный листокъ. Издавался въ С.-Петербургѣ, въ 1883 г.

Этотъ листокъ издавался въ С.-Петербургѣ при газетѣ «Театръ»; выходилъ ежедневно, кромѣ субботы, съ 1-го января по 25-е февраля 1883 г. Редакторомъ и издателемъ былъ А. И. Пальмъ.

472. Зритель свѣта, ежемѣсячное сочиненіе, содержащее въ себѣ краткую исторію настоящаго времени, для примѣчанія важнѣйшихъ въ свѣтѣ и предпочтительно въ Россіи происшествій, успѣховъ въ наукахъ и художествахъ полезныхъ для человѣческаго рода изображеній, новыхъ на россійскомъ языкѣ сочиненій и переводовъ, и прочихъ любопытныхъ вещей, кои могутъ служить къ знанію, пользѣ и увеселенію людей всякаго состоянія. Спб. 1775 года. — Въ 8 д. л.

См: объ этомъ чрезвычайно рѣдкомъ изданіи «Отчетъ Императорск. Публичн. Библіотеки» за 1864 годъ, стран. 36-я, № 9-й.

МЕШЕНИНА
КАТОНОСКАРРОНИЧЕСКАЯ:

сочиненіе періодическое въ стихахъ вы-
ходящее въ свѣтъ для забавы покрови-
телей наукъ, знатоковъ и охотниковъ.

POST FESTUM!

то есть:

по автора переводу съ прибавленіемъ, распро-
страненіемъ, примѣчаніями и прочее.

Пословица есть русска; послѣ ужины горчица,
Но думаю, что можно въ день простой и въ празд-
никъ бриться,
Такъ съ новымъ годомъ въ масленицужъ можно по-
здравлять.
Нѣтъ ничево, что мы ужъ далѣко въ Генварѣ,
Хоть двадесятое число ужъ въ Календарѣ.
Смѣяться будутъ, но не поздо всѣмъ добра желать.
Какъ?... что?... такъ поздо! нѣкоторые на Авто-
ра вскричатъ.
Потише! господа; читайте первую страницу;
Охотники наукъ, найдете перцу и горчицу,
Найдете des bon-bons и далѣ будете читать,
Охотница моя вить Муза до конфектовъ лакомиться;
И потому васъ потчиваетъ каждая страница.
Не меньше на листѣ ума и разума пять унцъ.

Имярекъ.

Кто сочинитель?

Авторъ.

Знающей меня риѳмачь,
У коего печется риѳма, какъ калачь,
Отвѣтствуетъ: на унцъ по риѳмѣ Авторъ. . . .

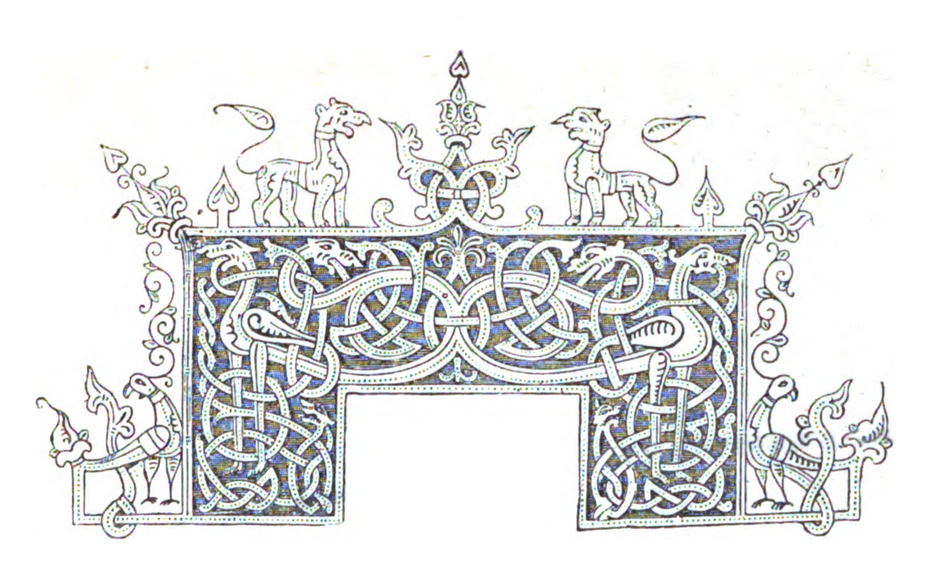
САНКТПЕТЕРБУРГЪ

въ Генварѣ 1773 года.

Заглавный листъ

„Мешенины".

По рѣдкому экземпляру, изъ собранія А. Бурцева.

473. Забавный рукописный сборникъ, писанный мелкой скорописью начала XIX вѣка.—Въ 4 д. л., 160 стр.

Находясь въ магазинѣ одного изъ Спб. книготорговцевъ, случайно купилъ рукописную книжку въ малую четверку переплетенную въ старинный, современный переплетъ, съ золотымъ обрѣзомъ, писанную четкимъ почеркомъ начала XIX вѣка.

Къ сожалѣнію, въ сборникѣ нигдѣ не значится имени автора.

Для болѣе нагляднаго представленія объ этомъ очень рѣдкомъ сборникѣ, считаю не лишнимъ привести здѣсь полную и дословную перепечатку съ подлинника, съ сохраненіемъ орѳографіи послѣдняго.

Изъяснeнія въ любви:

Приказнаго.

О ты! всѣхъ прелестей Палата,
Ты Президентъ души моей,
Твой взоръ, указъ мнѣ изъ Сената
Понѣже въ волѣ я твоей.
Твоей прельщенъ я красотою,
Спѣшу въ секвестръ себя отдать.
Меня ты можешь за собою
Безъ справокъ, пошлинъ отказать.
Въ Архивѣ-ль я когда бываю,
Иль въ канцеляріи сижу,
Повсюду образъ твой встрѣчаю:
Въ повытьѣ ль межъ бумагъ ищу,
Клянусь по чести предъ зерцаломъ,
Что предъ тобою сущій вздоръ
И самъ Сенаторъ въ платьѣ аломъ,
Въ кафтанѣ шитомъ Прокуроръ.
На вѣкъ твоей я преданъ власти,
Въ журналъ любви меня впиши,
Прочти экстрактъ нѣжнѣйшей страсти
И выпись пламенной любви.
Взгляни хоть разъ одинъ умильно,
Въ Контору сердца моего,
Оно трепещетъ, бьется сильно,
И ждетъ отвѣта твоего.
Твои мнѣ разговоры сладки,
Я подъ присягой говорю,
Они пріятнѣе чѣмъ взятки
Бездушному Секретарю.
Прими-жь любви моей прошенье;
Я предъ тобою бью челомъ:
Скрѣпи о мнѣ опредѣленье
Своей улыбкой, какъ перомъ,
И такъ, какъ бы процессъ безгласный
Судьбу мою возобнови,
Я буду истецъ самый страстный
Въ вышепрописанной любви.
Коль мѣсто то, которымъ льщуся,
Въ твоемъ я сердцѣ получу,
Сидѣть въ совѣтѣ откажуся,
Министромъ быть не захочу.
Но коль себя, всѣхъ золъ въ добавокъ
Въ твоей Герольдьи буду зрѣть,
Мнѣ лучше безъ суда и справокъ
На лобномъ мѣстѣ умереть.

Пѣхотнаго Офицера.

Какъ залпъ ужасный средь сраженья
Разитъ стоящихъ предъ собою,
Такъ точно, бывъ безъ защищенья,
Сраженъ твоей я красотою.

* * *

Безъ сердца сталъ я, какъ безъ шпаги,
Я подъ арестъ тобою взятъ;
И нѣтъ теперь во мнѣ отваги
Чтобъ штурмомъ взять его назадъ.

* * *

Твой взоръ, какъ пуля изъ винтовки,
Пронзилъ мнѣ сердце, какъ мишень;
Съ тѣхъ поръ иду безъ остановки
Къ тебѣ маршъ-маршемъ цѣлый день.

* * *

Приваловъ никакихъ не знаю,
Хочу тебя аттаковать;
Но только гдѣ лишь повстрѣчаю,
То вдругъ начну салютовать.

* * *

Пробьетъ походъ въ груди сердечко,
Спѣшу всю честь тебѣ отдать
И жду командное словечко
Ученье предъ тобой начать.

* * *

Point de vue ты непремѣнный
Тебя вездѣ мой ищетъ взглядъ,
И ты въ душѣ моей плѣненной
Ввела любовный вахтпарадъ.

* * *

Наряду ждалъ, но не дождался,
Со вздохомъ въ очередь взглянулъ;
Приказу нѣтъ, чтобъ я являлся,
Къ тебѣ въ безсмѣнный караулъ.

* * *

Когда-жъ я чести сей не стою,
Позволь Ефрейторомъ мнѣ быть,
Чтобъ, притопнувши ногою,
Любви рапортъ тебѣ вручить.

* * *

Повѣрь, ни мало не обидно
Мнѣ сдѣлать предъ тобою фрунтъ;
Какъ счастье мнѣ того завидно,
Кто визитеръ твой будетъ Рундъ.

* * *

На что ему успѣхи въ свѣтѣ,
На что ружье и барабанъ;
Онъ счастливъ въ маленькомъ предметѣ,
Какъ-бы предъ ротой Капитанъ.

* * *

Съ тобой всегда онъ въ ногу ходитъ,
Равняется вездѣ съ тобой,
Маневры равные заводитъ.
Вы веселитесь межъ собой.

* * *

А я, какъ часовой въ ненастье,
Тобой заставленъ вѣкъ скучать,
Во фрунтѣ видѣть лишь несчастье,
А съ фланговъ горести встрѣчать.

* * *

Огнемъ батальнымъ я вздыхаю,
Тревога сердца рушитъ сонъ.
Я все на свѣтѣ презираю:
Противенъ даже экспантонъ.

* * *

Прости рапортъ мнѣ этотъ смѣлый:
Въ любви я ордеръ получилъ;
Коль ты гнѣвна, такъ свѣтъ мнѣ бѣлый
Какъ фухтель флейтщику не милъ.

* * *

Въ любви отставка безъ мундира
И выключка меня страшитъ:
Въ тебѣ теряю командира;
Такъ съ горя скроюсь въ инвалидъ.

* * *

И такъ дни проводя счастливо,
Любви снабзакъ потщуся снесть.
Стой! Стой! не вѣрь! донесъ фальшиво,—
Мнѣ, видно, съ нимъ и умереть.

Отвѣтъ.

Не купидоновой стрѣлою
Меня хотѣлъ ты поразить,
Но Геркулесовой рукою
Кинжалъ насильно въ грудь вонзить.

* * *

Но ахъ! опомнился влюбленный,
Хромой въ любви кузнецъ Вулканъ;
Сколь намъ противенъ крикъ военный
И сколь несносенъ барабанъ.

* * *

Марсъ храбрый воинъ не повзводно
Въ храмъ Афродиты приходилъ,
Но нѣжно, тихо, благородно
Атаковалъ и побѣдилъ.

* * *

И такъ, зачѣмъ же ты рѣшился
Мнѣ пѣсню порохомъ писать,
Во всѣ доспѣхи снарядился
И сердце хочешь фрунтомъ взять?

* * *

На Point de vue меня-жъ поставилъ,
Давъ должность истукана той,
Которую ты только славилъ,
Которою плѣненъ красой.

* * *

Въ безсмѣнный караулъ желаешь
И хочешь аргусомъ мнѣ быть,
Юноной явно называешь,
Но такъ-ли должно дамъ любить?

* * *

Любовь есть чувство благородства,
А не батальный жаръ и громъ,
Въ ней ни малѣйшаго нѣтъ сходства
Съ мгновеннымъ пороха огнемъ.

* * *

Кто любитъ нѣжно и учтиво,
Не по-солдатски съ дубу рветъ,
Тотъ,—увѣряю васъ нелживо,
Скорѣй успѣхъ въ любви найдетъ.

* * *

Но и подумайте вы сами:
Пристойно-ли Амуру быть
Подъ каской, съ черными усами
И алебардъ въ рукахъ носить?

* * *

Зайти межъ нимфъ и толстымъ басомъ
Кричать имъ: «Нимфы! маршъ впередъ!»
Я признаюсь, что этимъ часомъ
На чорта-бъ походилъ Эротъ.

* * *

Онъ подлинно-бы безъ мундира
Въ любви отставку получилъ.
Сердцамъ нѣтъ въ свѣтѣ командира
Кромѣ того, кто тихъ и милъ.

* * *

Намъ все равно: вертится-ль скоро
Иль медлитъ твой калбукъ:
Любовь тамъ повторяетъ форо,
Гдѣ слышенъ стонъ, не ружей звукъ.

* * *

Рубить, колоть, сражаться смѣло,
Всѣхъ перерѣзать наконецъ,
Совсѣмъ есть постороннее дѣло
Для влюбленныхъ сердецъ.

* * *

Имъ знать не нужно гдѣ атака,
И гдѣ всѣ плаваютъ въ крови;
У дамъ одна лишь только драка:
Убить соперника въ любви.

* * *

И такъ, зачѣмъ-же ты рѣшился
Меня атаковать штыкомъ?
Ты вѣрно, какъ солдатъ, забылся,
Что штыкъ Амуру не знакомъ?

Пѣхотнаго Артиллериста.

О ты! которая вмѣщаешь
Въ себѣ красотъ всѣхъ оригиналъ,
Любить ты страстно заставляешь
Тебя, лишь только кто узналъ.

* * *

Ты бѣлоснѣжною рукою
Фитиль любви во мнѣ зажгла,
Плѣнивъ меня своей красою,
Блаженство чувствовать дала.

* * *

Любить тебя, вотъ вся отрада,
Что я имѣю въ жизни сей.
Съ тобой не страшна кононада
Огонь картечный съ батарей.

* * *

Вездѣ я о тебѣ мечтая,
На батареѣ-ли стою,
Ядромъ ли пушку заряжая,
Иль холостымъ изъ ней палю:

* * *

Въ мишень стрѣляю ль на ученьи,
Въ лабораторіи ль сижу,
Мнѣ безъ тебя одно мученье:
Тобой одной только дышу.

* * *

Но коли можетъ то случиться,
Что ты начнешь мнѣ измѣнять,
Тогда не въ силахъ примѣниться.
Не въ силахъ буду и стрѣлять.

Коннаго Артиллериста.

Извѣстенъ мнѣ составъ любовный
И въ немъ уже испытанъ я;
Лишь будь приводъ мнѣ гладкой, ровной,
Въ минуту запалю тебя.

* * *

Съ тобою мы однѣхъ конструкцій
И служимъ лишь одной любви,
Охотники до эволюцій
Реве у насъ всегда въ крови.

* * *

Скажи, когда тебѣ угодно,
Чтобъ сердце я отвелъ въ парадъ;
Теперь на практикѣ открою:
Съ тобой и отличиться радъ.

* * *

Сейчасъ-же вытяну, построю
Мой фронтъ въ присутствіи твоемъ;
Искусство покажу, открою
Каковъ артиллеристъ верхомъ.

* * *

Почтеніе, любовь и нѣжность
Сперва во фронтѣ изъявлю,
Потомъ возьмусь за принадлежность
И къ батареѣ приступлю.

* * *

Какъ разъ я все мое движенье
Представлю, милая, тебѣ;
Любить и наступать умѣнье
Замѣтить тотчасъ дамъ въ себѣ.

* * *

Смотри, какъ скоро, какъ проворно
Возьмусь впередъ на передки,
Какъ сердце предъ тобой покорно
Надѣнетъ хоботъ мастерски.

* * *

На мѣсто Унтеръ-Офицера,
Употребляя свой куражъ,
Усерденъ буду безъ примѣра,
Тотчасъ скомандую: маршъ-маршъ!

* * *

Помчусь такъ быстро, какъ ракета,
Дамъ обѣ шпоры соловой,
Достигну моего предмета
И вдругъ:—стой! съ передковъ долой!..

* * *

Тебѣ, любезная, въ отраду
И въ честь твоимъ я красотамъ
Открою мигомъ кононаду,
Три залпа хватскихъ сряду дамъ.

* * *

Посыплются картечи градомъ,
Любовный щитъ твой я пробью,
И вдругъ торжественнымъ парадомъ
Всю страсть передъ тобой пролью.

* * *

Симъ кончится мое ученье
И спѣшивъ ужъ потомъ себя,
Отдамъ приказъ я въ заключенье
Во вѣкъ не забывать тебя.

Гусара.

Давно уже меня ты въ лошадь обратила,
Мундштукъ и трензель мнѣ на сердце наложила.
Коновязь милая! къ тебѣ привязанъ я,
И все мнѣ кажется навозомъ безъ тебя.

* * *

Манежъ, конюшня, строй и самый вахтпарадъ
Не могутъ поселить въ душѣ моей отрадъ.
Какъ ординарецъ, ты вездѣ передо мной;
Смотря на лошадей, я вижу образъ твой.

* * *

Ужасное садно на сердцѣ я имѣю,
Какъ конь бракованный, я скоро околѣю.
Одна ты вылечишь души моей запалъ;
Ты лучшій для меня на свѣтѣ коновалъ.

* * *

Подпруга жизни ты, попона утѣшенья,
Мишень намѣренія, кобура наслажденья,
Подсумокъ нѣжности и вьюкъ ты всѣхъ красотъ,
Шефъ прелестей!.. къ тебѣ желанье въ бродъ идетъ.

* * *

Надежду сладкую и вздоховъ эскадроны
Въ конвоѣ у тебя, ты ихъ чрезъ понтоны
Въ любовный вагенбургъ позволь препроводить
И въ сердцѣ мнѣ твоемъ свой лагерь учредить.

* * *

Ремонтный, словно, конь бѣсился я и рвался,
Какъ на арканъ, дражайшая, къ тебѣ попался,
Но сердцу моему сколько не брыкать,
Аркана этого во вѣкъ не перервать.

* * *

Одинъ хоть раціонъ мнѣ дай своей ты дружбы.
Уставомъ поклянусь кавалерійской службы,
Что я готовъ пребыть на вѣкъ твой патронташъ.
Взаимная любовь пусть будетъ лозунгъ нашъ.

* * *

Пусть Гименъ и Амуръ предъ нами въ фронтѣ станутъ
Ремнемъ супружества сердца на вѣки стянутъ,
Тогда мы станемъ вмѣстѣ жить,
Ракію добрую изъ фляги будемъ пить.

* * *

Не станешь наблюдать ты строгой дисциплины:
Гусары у меня не стонутъ отъ дубины,
И конь верховый мой побоевъ не видалъ,
Я самъ его всегда скребницею чесалъ.

* * *

Такъ добродушенъ я, но коль тебя, драгую
За неисправности подъ-часъ и арестую,
Не гнѣвайся на то, порядокъ такъ велитъ,
Тамъ ссора, гдѣ любовь,—пословица гласитъ.

* * *

Ты знаешь, что мундиръ намъ положенъ по штату,
Другого надѣвать никакъ нельзя солдату,
Хотя бы ты рога хотѣла озлатить,
Но мнѣ подъ киверомъ не можно ихъ носить.

* * *

Вотъ, Ангелъ, что тебѣ любовникъ рапортуетъ,
Какъ время для него не скоро маршируетъ;
Ахъ, скоро-ли, скажи, получитъ ордеръ онъ,
Чтобъ въ замкѣ прелестей составить гарнизонъ.

* * *

Но если моего рапорта не уважишь,
Терентамъ-басамъ ты всю кровъ мнѣ взбудоражишь,
Ракію хлапну я и въ главу пистолетъ!
Прощай, души моей, дражайшій этишкетъ!

Врача.

О ты! мой яхонтъ драгоцѣнный,
О ты! магнитъ всѣхъ чувствъ моихъ,
Прости, что врачъ тобой плѣненный
Дерзаетъ пасть у ногъ твоихъ.

* * *

Какъ скоро устремить случалось
Мнѣ органъ зрѣнья на тебя,
Все сердце кровью обливалось,
Въ бинтахъ любви я зрѣлъ себя.

* * *

Мои сосуды напряглися,
Расторглися системы жилъ
И духи жизненны сперлися,
Пострѣломъ пораженъ я былъ.

* * *

О сколь любви шниперъ мѣтокъ
И сколь востеръ ея ланцетъ,
Пилюля смерти напослѣдокъ,
Казалось, пульсъ совсѣмъ прерветъ.

* * *

Къ чему-жъ икценія такая
Артеріи моей дана,
И тѣмъ ли страсть моя большая
Тобою днесь награждена.

* * *

Ужъ въ жизни влагъ во мнѣ не стало,
И весь изсохъ я какъ скелетъ,
И шприцъ питательный ни мало
Тѣлесныхъ соковъ не даетъ.

* * *

Гдѣ пластыри надеждъ дѣвались?
Плѣнира! мой упалъ весь духъ;
Я же какъ ляписъ инферналисъ,
Я черенъ сдѣлался и сухъ.

* * *

Увы, жестокая, тронися,
Цѣлебный свой бальзамъ пролей,
И надъ нещастнымъ умилися,
Позволь тебя считать моей.

* * *

Будь ты аптекою моею,
Будь ты и Эскулапій мой,
И перевязкою своею
Ты жизнь мнѣ возвратишь, покой.

Математика.

Какъ Архимедъ, мудрецъ почтенный,
Зажегъ Маркеловъ древній флотъ;
Такъ ты зажгла мой духъ смущенный,
Оставивъ мнѣ въ любви *оплотъ*.

* * *

Чтобъ сей оплотъ прервать надежно
Надлежитъ *ипіеломъ* послать;
Пребудетъ сердце безмятежно,
Престану страстію пылать.

* * *

Какъ *темой* важной занимался,
Узрѣлъ себя для вящшихъ мукъ,
Ужъ X нашелъ, лишь Z остался,
Я *грифель* выронилъ изъ рукъ.

* * *

Власы твои какъ аспидъ черны
И руки столь бѣлы, какъ *мѣлъ*,
Глаза только безпримѣрны.
Что самъ Нефтонъ хулить не смѣлъ.

* * *

Изъ скорби чтобъ *минимъ* составить,
Успѣхи *максимъ* обрѣсти,
Надлежитъ *плюсы* вѣрно ставить
И *диференцію* найти.

* * *

Повсюду въ мысляхъ ты несома
И въ *кругѣ* образъ твой я зрю,
Что я влюбленъ, то *аксіома*,
Повѣрь, не ложно говорю.

* * *

Не сдѣлай *алгебрѣ* паденья!
Скажи, мой свѣтъ, что ты моя,
Тогда съ *елипсисомъ* почтенья
На вѣкъ къ тебѣ пребуду я.

* * *

Престань ты мучить страсти хладомъ
И слезы жалости пролей;
Моя доска мнѣ стала адомъ,
И мѣлъ не пристаетъ ужъ къ ней.

* * *

Какъ *губка грецкая* сухая
Лежитъ безъ дѣйствія въ углу,
Такъ точно я весь изсыхая
На сердцѣ своемъ зрю лишь мглу.

* * *

Поставь мое ты сердце *въ скобки*,
Квадратный корень извлеки;
Твои красы исчислить громки
Строкой Нефтона научи.

* * *

Какъ славный *Пиѳагоръ* трудился
Квадраты катетовъ найти,
Такъ точно я весь истомился
Тебя желая обрѣсти.

* * *

А сколько силился, старался
Къ тебѣ пройти чтобъ *по прямой*;
Мой путь всегда не удавался,
Все шелъ по линіи *кривой*.

* * *

Какъ *центръ* пребудетъ *въ кругѣ* вѣчно,
О чемъ я смѣло побожусь,
Такъ я любить тебя сердечно
Тетраедромъ на вѣкъ клянусь!

* * *

Сотри съ меня отрады *минусъ*
И *интегралъ* взять упреди,
Сыскать *Субстангенсъ*, *Секансъ*, *Синусъ*,
Печаль мою въ *ноль* обрати.

* * *

Подай, прекрасная, надежду
Разбить *въ квадраты* чтобъ красу,
Тогда и съ *иксами* одежду
Къ тебѣ въ награду принесу.

* * *

Когда же ты не согласишься
И скорбь мою возвысишь *въ кубъ*,
То въ *черну доску* превратишься,
Лишась своихъ карминныхъ губъ.

Секретаря межевыхъ дѣлъ.

О ты! преузорочна дача,
Усадьба прелестей однѣхъ,
Но это для меня задача
Въ экстрактѣ поясню я ихъ.

* * *

Позволь, Діонтромъ чувствъ сердечныхъ,
Измѣрить мѣстность твою,
О сколь живыхъ урочищъ, смертныхъ
Въ тебѣ я

Но паче волость низовая
Къ тебѣ мой умъ и духъ влечетъ,
Инструкція хоть межевая
И вопреки мнѣ вопіетъ.

* * *

Коль нѣтъ другихъ владѣльцевъ спору
На волость милую твою,
То справь за мной по договору,
Я *угобжу* (?) какъ бы свою.

* * *

А я—да будетъ всѣмъ извѣстно,
Былъ негдѣ, нѣкій землемѣръ;
Мое познаніе чудесно
Чужимъ землямъ чинить размѣръ.

* * *

И въ силу онаго искусства
Теперь въ Сенатѣ нахожусь,
По праву благородства чувства
Еще я совѣсти боюсь.

* * *

Но я отъ васъ встревоженъ снова:
Вы мечете презрѣнный взоръ,
Какъ бы записку не готову
Спросилъ вдругъ строгій Прокуроръ.

* * *

Но впрочемъ похвалясь въ бездѣтствѣ,
И я имѣю хуторъ свой,
Онъ, такъ сказать, въ сосѣдствѣ
Съ рѣченной волостью твоей.

* * *

И если вы связать рѣшитесь
Мой хуторъ съ волостью въ одно,
То сами послѣ согласитесь
Закрыть златое ваше дно.

Морскаго.

Какъ молонья плывущихъ зракъ
Средь темной ослѣпляетъ ночи,
Краса твоя разяща такъ,
Сверкнувъ, мои затмила очи;
Смущенъ и изумленъ я сталъ
Узрѣвъ толь Ангела прекрасна;
Не столь опасенъ мачтамъ шквалъ,
Коль ты казалась мнѣ опасна.

* * *

Исчезъ тогда штиль чувствъ моихъ;
Престрашна буря въ нихъ возстала,
Ты жъ изъ очей своихъ драгихъ
Брантскугелемъ въ меня метала.
Тогда въ смятеніи моемъ,
Зря грозну прелесть предъ собою,
Не могъ я управлять рулемъ
И флагъ спустилъ передъ тобою.

* * *

Съ тѣхъ поръ тебѣ отдавшись въ плѣнъ,
Твоей я волѣ повинуюсь.
Къ тебѣ душевно прилѣпленъ,
Я за тобою буксируюсь.
Съ тѣхъ поръ Нахтаусъ твой иль домъ,
Тебя который сокрываетъ,
Съ такой же силою какъ мальстромъ
Меня отвсюду привлекаетъ.

* * *

Мнѣ въ морѣ утѣшенья нѣтъ,
Всегда я безъ тебя тоскую,
И часто мысленно, мой свѣтъ,
Къ тебѣ я нынѣ лавирую.
Наполненъ завсегда мечтою,
Тебя въ убранствѣ зрю богатомъ,
То яхтой иногда златой,
То легкимъ, чистенькимъ фрегатомъ.

* * *

Тогда я мню тебя прогнать,
Надеждою себя ласкаю,
Спѣшу и марсели отдать
И брамоли я распускаю.
Когда же парусовъ нельзя
При штормѣ много несть жестокомъ,
Любовью трюмъ мой нагрузя,
Иду, лечу къ тебѣ подъ фокомъ.

* * *

Иль коли не извѣстенъ мнѣ
Пунктъ мѣста твоего, драгая,
По близости я въ той странѣ
Лежу на дрейфѣ, ожидая,
Лишь ты отколь предпримешь путь.
Конструкцію твою драгую
Узрю, хоть въ горизонтѣ будь,
И въ мигъ тебя запеленгую.

* * *

Тогда не медля ни часа,
Къ тебѣ я курсъ мой направляю,
Брасонлью ставлю паруса,
Сержусь, кричу, повелѣваю,
Въ кильватеръ за тобой пускаюсь,
Узловъ по десяти бѣгу,
Но вдругъ отъ мыслей пробуждаюсь
И ахъ! стою на берегу!

Гостинодворца.

О ты! сокровище сердецъ,
Отличныхъ прелестей соборъ,
Прости, что на тебя Купецъ
Дерзнулъ возвесть свой взоръ.

* * *

Въ тебѣ зрю дивныя красы:
Какъ *бархатъ* мягки твои руки
Какъ *левантинъ* твои власы
И рѣчь твоя перунъ для скуки.

* * *

Волшебной красоты сіянье
И быстрыхъ глазъ твоихъ огня,
Не затемнитъ брилліантъ сіяньемъ,
Не превзойдетъ свѣтило дня.

* * *

Досель въ довольствѣ утопая,
Теперь уныло жизнь влачу,
Къ тебѣ любовію сгорая
Я сердцемъ за тобой лечу.

* * *

Не милы *блонды*, *кружева*,
Ни модны *выписныя шали*,
Не льстятъ ни *ленты*, ни *канва*,
Противны *газъ де ризъ вуали*

* * *

Въ груди моей разлился жаръ,
Презрѣлъ я *лавку*, барыши.
Лишь ты затушишь сей пожаръ,
Дражайшій *перлъ* моей души!

* * *

Досель плѣнялъ товаръ мой взоръ,
Меня лишь *деньги* занимали,
А нынѣ и *прикащикъ* воръ
И *мальчики* обворовали.

* * *

Я вижу все, но презираю,
И мыслить не хочу о томъ,
И въ *лавкѣ* все перерываю,
Платки, *перчатки* мну я въ комъ

* * *

Тюки, *кардонки* перебиты,
И *ящикъ* съ *деньгами* открытъ,
Всѣ *ленты* на *катки* не свиты,
И на полу *аршинъ* лежитъ.

* * *

О сколько разъ я въ *кладовой*
Сидя, *фактуры* повѣряя,
Мечталъ я видѣть образъ твой,
И *счеты* рвалъ не примѣкая.

* * *

Любя тебя, я всѣмъ рискую.
Тарифомъ волю чтя твою
Забывши *Думу* городскую
Я *вексель* на любовь даю!

* * *

Не пользуясь *гильдейскимъ правомъ*,
Ты можешь мной повелѣвать,
Клянусь *банкротскимъ* я *уставомъ*
Тебѣ на вѣкъ принадлежать.

* * *

Гостинный Дворъ готовъ оставить,
Торговлю, *биржу* позабыть,
И *лавкой* не хочу я править,
Готовъ *банкротомъ* даже быть.

* * *

Я не боюся *Магистрата*,
Не страшенъ *конкурсъ*, *аукціонъ*,
Когда любовь мнѣ будетъ *плата*,
Когда не встрѣчу я препонъ.

* * *

Симъ выразивъ тебѣ всѣ чувства,
Прошу въ любви не отказать,
А я *за домъ* почту искусство
Мое *на дѣлѣ* доказать.

* * *

Прими меня къ себѣ въ команду,
Таможня радостей моихъ,
Иль жизнь сочту я *контробандой*.
О, *биржа* прелестей однихъ!

* * *

И если я союзъ сей прочный
Не буду твердо соблюдать,
Ты можешь, такъ какъ *вексель срочный*,
За *неплатежъ протестовать*.

ИНЖЕНЕРА

Института корпуса путей сообщенія.

Тебѣ, драгая, покориться,
Когда *прожектъ* составилъ я,
На вѣкъ со шлюзами проститься,
Каналы бросить для тебя;
Тогда расчислено мной въ *смѣтѣ*

Союзъ какъ прочный заключить:
До гроба вѣрнымъ быть Анетѣ!
Проэктъ сей клятвой утвердить.
Клянусь! тобой познавъ блаженство,
Быть твердъ, храня любви законъ,
Какъ мостъ (искусства совершенство)
Стоять незыблемъ среди волнъ.
Клянусь—любовью упоенный,
Чуждаться всѣхъ мірскихъ заботъ,
Какъ брегъ фашинный укрѣпленный
Смѣется надъ стремленьемъ водъ.
Любовь весь міръ мнѣ заграждаетъ,
Въ тебѣ велитъ лишь видѣть рай.
Какъ быстры воды отдѣляетъ
Забитый рядъ *шпунтовыхъ свай*.
Но еслижъ измѣню, драгая,
Злодѣя громы пусть разятъ
И пусть судьба караетъ злая,
Военный судъ пусть нарядятъ,
Пусть *шлюзы* всѣ мои прорвутся,
Вода плотины пусть снесетъ,
Ошибки въ *съемкахъ* пусть найдутся,
Контръ-форсы ледъ пусть разобьетъ!
Пусть въ *перемычкѣ* крѣпкой, прочной
Свай повалитъ цѣлый рядъ!
Меня же Герцогъ строгій, точный
Включитъ въ *строительный отрядъ*.
Съ почетна поприща пусть сгонятъ,
Покажутъ строгости примѣръ!
Пускай шитье съ *мундира* спорютъ
И я не буду *инженеръ!..*
Но если время премѣнится
И чувства наши охладитъ,
Увы!.. какой сводъ не валится
И равновѣсіе хранитъ?..
Но, ахъ!.. что любя пылая,
Конецъ блаженству представлять?
И что фундаментъ созидая
О разрушеніи мечтать?..
Нѣтъ, нѣтъ! союзъ да будетъ прочный,
Пока ударитъ смерти часъ;
Твои слова *реэстръ урочный*,
Твой взоръ отъ *Герцога* приказъ!
И какъ совѣта положенья
Твои желанья буду чтить;
Оставлю всѣ мои *строенья*,
Не строить щастье, а любить!
Но свѣта и людей не зная,
Я прежде въ мнѣніяхъ блуждалъ,
Кубичный корень извлекая
Блаженства въ *выкладкахъ искалъ*,
Лагранжъ, Лапласъ меня плѣняли,
Къ наукамъ страсть меня влекла,
Умъ *интегралы* занимали,
И *алгебра* въ умѣ жила.
Любви жъ вкусивъ нѣжнѣйши чувства,
Я заблужденья увидалъ:
Безъ *инженернаго искусства*,
Безъ *вычисленій* счастливъ сталъ!
И счастливъ буду, хоть бы снова
Во тьму невѣжества я впалъ,
Изъ *уравненія простого*
Я бъ *икса* вывести не зналъ.
Хотя бъ не зналъ (и такъ остался)
Фасада съ планомъ различить,
Въ *проэкціяхъ* бы ошибался,
Тѣней не могъ опредѣлить.
И такъ, прошу тебя, драгая,
Проэктъ скорѣй *конфирмовать!*
Судьбы рѣшенья ожидая,
Льзя-ль сердцу не страдать?
Не знаешь ты, какъ духъ томится,
И день и ночь какъ я грущу?
Беру *рейсфедеръ*, онъ валится:
Ужъ цѣлый мѣсяцъ *не черчу*.
Отчетный планъ весь запылился,
Теодолитъ заржавѣлъ мой!
Въ *вѣдомостяхъ* и *спискахъ* бился,
Въ *запискѣ* спутался *дневной*.
Изъ столь жестока положенья
Скорѣй ты выведи меня!
Береговыя укрѣпленья
Я оставляю для тебя.
Съ *мостами, шлюзами* прощаюсь,
Машины въ жертву приношу,
Одной тобою занимаюсь.
Сказать «люблю» тебя прошу!
Пролей мнѣ чувства новы въ душу,
Дай въ сердцѣ радости ожить!
Клянусь и клятву не нарушу:
Ахъ, полно *строить* и *служить!*
Хоть тихо, но благополучно
Всѣ къ общей цѣли мы пойдемъ,
Съ тобой пойдемъ мы неразлучно
Не по *шоссе*—простымъ путемъ.

Дьячка.

Егда азъ убо тя узрѣхъ,
О! Ангелъ во плоти чистѣйшій,
Впадохъ внезапу въ лютый грѣхъ,
Грѣхъ лютый—абіе презлѣйшій!
Держалъ тогда псалтирь въ рукахъ
И чтохъ кафизму ужъ шестую,
Но лишь узрѣлъ красу твою....
Азъ книгу уронилъ святую!
Власы твои, какъ стадо козъ,
Близь галааддскія пустыни;
Какъ кедръ ливанскій—твой есть носъ,
И взоры яко голубины.
Царя пророка будто столбъ,
Твоя злато-рубина шея,
И твой обширный бѣлый лобъ
Сіяетъ какъ у Моисея!
И перси тучныя твои—
Какъ серны на горахъ младыя.
Внемли! внемли мольбы мои,
Вмѣстилище души святыя!
Егда узрѣхъ красы твои,
Узрѣ лѣта еси колико,
Воспѣхъ бы гимны ти свои
И самъ священнѣйшій владыко!
Азъ убо тя прошу, молю:
Воеже ми любовь творити. ..
Да впредь не мучусь, не скорблю,
И сице не останусь жити.

Табашника.

Я завтра по утру съ разсвѣтомъ
Къ дражайшей въ комнату пойду
Съ набитой трубкой, за отвѣтомъ,
Огнь въ сердцѣ у нея, найду.
Паду предъ нею на колѣнки,
Скажу: люблю такъ—какъ табакъ;
Поклявшись трубкою изъ пѣнки,
Открою ей всю тайну такъ:
Прошу ты сжалься, дорогая,
Чубукъ страданья преломи,
Любовію ко мнѣ пылая
И сердце и табакъ зажги.
Придѣлай къ сердцу моему оправу,
Чтобъ огнь не выпалъ изъ него
И не сожегъ мою отраду
Достигнуть сердца твоего.
Повѣрь, что сердце мое страстно
Нисколько нѣту сѣры въ немъ,
И что одной тебѣ подвластно,
Клянусь турецкимъ табакомъ!
Престань же мучить, дорогая!
Взгляни съ слезою на меня;
Я, страстію къ тебѣ пылая,
Чту выше дрейкрону тебя!
Не вакштафу я ожидаю,
Не кнастеру къ себѣ прошу—
Любовію къ тебѣ пылаю,
И отъ тебя отвѣта жду.
Надѣюсь, что ты не откажешь
Въ любовной страсти сей моей:
Мундштукъ изъ янтаря закажешь
И дашь въ залогъ любви своей.
Но если вздумаешь ломаться,
Другому руку свою дать—
Красы всѣ въ пепелъ превратятся,
Сердца престанешь ты плѣнять.
Прелестныя розовыя щеки
Желтѣе будутъ чѣмъ табакъ,
И нѣжны ямочки глубоки,
Какъ дымъ исчезнутъ на щекахъ.
Вотъ рокъ жестокій для кичливыхъ
И крѣпкихъ, какъ бокунъ, сердецъ.
Напротивъ, для миролюбивыхъ
Блаженъ бываетъ и конецъ.
Страшись, любезная, подвергнуть
Себя нещастью горьку;
Старайся лучше иго свернуть:
Позволь въ чубукъ мнѣ вставить «зорьку»

Бутошника.

О ты, которая красою
Во всѣхъ кварталахъ верхъ берещь,
Меня убила ты тоскою
И вонъ изъ бутки все влечешь.

* * *

Такъ ты на душу наложила
Колодки съ цѣпью и замкомъ,
И сердце бѣдное сразила
Ты алебарды остріемъ.

* * *

Съ тѣхъ поръ я не смотрю ужъ строго
За околодкомъ всѣмъ моимъ,
И пьяныхъ появилось много,
Но для тебя прощаю имъ.

* * *

Когда ликъ алебарды ясной
Играетъ съ солнечнымъ лучемъ,
Твой образъ милый и прекрасный,
Какъ въ зеркалѣ, я вижу въ немъ.

* * *

Я радъ, какъ на часахъ бываю;
Все думаю: нейдешь-ли ты?
Но тщетно ожидаю
Тебя, о свѣжи красоты!
Твой станъ какъ каланча прямая
И какъ фонарь твой свѣтелъ взоръ.
Какъ часто, о тебѣ мечтая,
Не вижу, что идетъ дозоръ.
Коль частный приставъ проѣзжаетъ,
Идетъ квартальный ли порой,
Но ахъ! мой взоръ не примѣчаетъ.
Онъ занятъ лишь одной тобой.

* * *

Какъ въ облакахъ луна взойдетъ,
Я всѣмъ покою не давая,
Кричу прегромко: кто идетъ?
И думаю—не ты ли, дорогая.

* * *

Мнѣ душно въ буткѣ становится,
Какой-то мучитъ сильный жаръ,
Вся внутренность моя стремится,
Какъ трубы на большой пожаръ.

* * *

Пусть буду мучиться на стражѣ,
Но стану все тебя любить,
И оберъ-полиціймейстеръ даже
Того не въ силахъ запретить.
Когда отвергнешь ты признанье,
Столь вѣрное, какъ рапортъ въ часть,
Мнѣ не снести то наказанье,
Мнѣ не снести мою напасть.

* * *

И если, Ангелъ Полицейскій
Ко мнѣ ты будешь столько строгъ,
То властію тогда судейской
Пусть буду брошенъ я въ острогъ.

Сюжектъ красавицамъ.

Красавицы! Вы есть совершенная прелесть очей нашихъ! сладостный магнитъ, привлекающій сердца мужчинъ. Вы очаровываете слухъ нашъ нѣжнымъ и стройнымъ вашимъ голосомъ! прикосновеніе ваше къ намъ дѣлаетъ въ насъ пріятное электрическое сотрясеніе; пламенный поцѣлуй разливаетъ бальзамъ неописаннаго вкуса по всѣмъ нервамъ состава нашего; удивительная бѣлизна вашего тѣла съ приличнымъ румянцемъ, подобнымъ розамъ, по мѣстамъ разбросаннымъ, и отмѣнно волнисто пушистыхъ волосъ вашихъ, влечетъ насъ неминуемо упасть въ объятія ваши... въ сію-то минуту, когда мы находимся въ тѣсныхъ вашихъ объятіяхъ, тогда забываемъ всё, забываемъ самихъ себя, и хотя бы въ это время разъяренные перуны раздробили самыя каменныя скалы, хотя-бъ огненный океанъ поглащалъ землю, звѣзды падали и подавляли другъ друга; хотя бы весь гимнъ натуры превращался въ хаосъ; но все это въ то наисладчайшее мгновеніе ока не показалось бы намъ зломъ, и мы хотя бъ также, и въ то же время, поглощены были разверстою пропастью, но умерли бы съ удовольствіемъ, не ощутивъ страшнаго часа, превращающаго насъ въ небытіе.— Прекрасныя очаровательницы! я люблю васъ! преданъ вашимъ прелестямъ! дышу утѣхою, получаемою отъ васъ! Но при всемъ томъ, какъ честный человѣкъ долженъ сказать правду, долженъ возвѣстить, что вы есть такое въ совершенной точности: блестящая наружность не есть еще прямое достоинство; позолоченная мѣдь не есть чистое золото, хотя сначала и покажется онымъ; но ядъ, сокрывающійся въ мѣди, скоро можетъ оказать себя въ самой его силѣ.

Если бы женщины могли бы узнать въ точности самихъ себя, ежели бы вникли во всѣ изгибы своей сложности, въ составъ своего сердца и души; онѣ бы по справедливости должны были возненавидѣть свой полъ, должны бъ не тщеславиться своими наружными красотами, но убѣгать дневнаго свѣта, укрываясь въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ. Онѣ прокляли бы тогда день своего рожденія и, наконецъ, возненавидѣли бы отвращеніе собственно къ себѣ.

Что есть женщина.

Слабѣйшее твореніе, вмѣстилище бѣдствій, источникъ непримиримыхъ ссоръ, самая вредная игрушка, бичъ мудрости горячій уголь вѣчныхъ раздоровъ, избранный сосудъ діавола, отъ самаго начала вѣковъ. Увеселеніе, основанное на пагубѣ, зло, терпимое необходимостью, непримиримый врагъ ангеловъ, животное ненасытимое ничѣмъ, бездна легковѣрія и глупости, соборище своенравія, суета сусетъ, прелесть далекѣ, ядъ вблизи, ангелъ на улицѣ, діаволъ въ дому, сова въ окнѣ, сорока въ дверяхъ и коза въ вертоградѣ. Ахъ, какъ бы желалъ я опровергнуть все сіе очерняющее полъ женскій; желалъ бы, чтобъ можно мнѣ было сказать нѣсколько словъ въ пользу красавицъ: но могу ли воспротивиться цѣлому свѣту, преступить предметы справедливости?

Возьмемъ св. Писаніе, развернемъ книгу древнихъ философовъ, что находится въ святыхъ начертаніяхъ? Что пишутъ любители мудрости о семъ пунктѣ? Что видимъ сами мы?—Пишетъ Іеронимъ: «жена благая сыскивается рѣже, нежели самый Фениксъ. А Фениксъ есть ни что иное, какъ птица, существующая въ однѣхъ сказкахъ».

И такъ жена есть совершенное химерическое прельщеніе, врагъ благости, соборъ ухищреній, ядъ подслащенный и вина грѣха смерти.

Раскроемъ книги, писанныя перомъ святыхъ, что говорятъ они о женщинѣ? Іисусъ, сынъ Сираховъ, пишетъ: лучше жить со львомъ и зміями, нѣже жити съ женою лукавою. Гл. 25, стр. 18.—Мала есть всяка злоба противъ злобы женской. Ст. 21.—Отъ жены начало грѣха, и тою умираетъ человѣкъ. Ст. 27.—Якоже во древѣ червь, тако погубляетъ мужа жена злонравная. Гл. 12, ст. 4.—Злоба мужеска лучше, нежели добродѣтель женска. Гл. 42, ст. 14.—Что можно сказать вопреки сему св. мужу.—Премудрый Соломонъ глаголетъ: лучше жити въ землѣ пустѣ, нежели съ женою сварливою, язычною и гнѣвливою. Притч. 12, ст. 19.—Его же Эклезіастъ гласитъ: Обрѣтохъ горчайше смерти жену, яже есть ловитва и сѣти для сердца ея, узы въ руку ея, благій предъ лицемъ Божіемъ ядъ будетъ его. Гл. 7, ст. 27.—Еще: Человѣка единаго отъ тысящъ обрѣтохъ, а жены во всѣхъ сихъ не обрѣтохъ. Гл. 7 ст. 29.—Говоритъ св. Августинъ: женщина всегда упрямѣе и своенравнѣе всякаго мужчины, потому что она болѣе его заражена поверхностію и честолюбіемъ, гордостію и яростію, въ упрямствѣ равняется ослу, и онымъ сіи обѣ твари и всѣхъ прочихъ животныхъ превосходитъ. Ибо у обѣихъ выбить изъ головы то, что они когда нибудь въ оную себѣ вложили, столько-же трудно, какъ воспрепятствовать ручьямъ течь отъ своихъ источниковъ, или обратить назадъ теченіе рѣки.

Его же: св. Августинъ, въ одномъ своемъ сочинении, такъ говоритъ о женщинахъ: «аще бы кто возмогъ исчислити песокъ сущій въ морѣ, и той не постигъ бы всего женскаго лукавства».

Іоаннъ Златоустъ въ своемъ толковании на 19 главу Евангелиста Матѳея, пишетъ такъ: «Женщина есть другъ діавола, путь всякихъ неистовствъ, уязвленіе скорпіона, непримиримый врагъ согласія, домашняя погибель и самая вреднѣйшая тварь».

Св. Григорій относится о женщинахъ не лучше другихъ: Женщина, — говоритъ онъ, — имѣетъ въ себѣ ядъ аспидовъ, языкъ скорпіоновъ, глаза василисковы, ухищреніе драконово, и что злоба всего свѣта есть ничто противъ злобы женской. Св. Бернардъ въ 25 проповѣди своей называетъ женщинъ первымъ орудіемъ діавола. Св. Евангелистъ Іоаннъ представляетъ намъ женщину, сидящую на седьми-главомъ животномъ зміѣ, держащую въ рукѣ чашу, наполненную нечестія, изъ коей пьютъ величайшіе грѣшники міра; въ притчахъ царя Соломона читаемъ мы: уста женскія точатъ медъ самосладчайшій; но вкусомъ оный столь бываетъ горекъ, какъ бы самая полынь.

Св. Павелъ утверждаетъ, что женщина, сопряженная бракомъ съ человѣкомъ разумнымъ, можетъ одна лишить его совершеннаго покоя и отвлечь отъ упражненій и обязанностей.

Премудрый Сирахъ въ Гл. 25, ст. 5. описываетъ женщинъ такимъ образомъ: всякое лукавство и язва сердечная скрывается въ единыхъ женщинахъ, и изъ ихъ ухищреній происходятъ всѣ нелѣпости, случающіяся въ мірѣ. Сему доказательствомъ можетъ служить слѣдующее: не женскимъ ли лукавствомъ и ухищреніемъ Киръ, царь персидскій, отъ имени коего трепетали сильные цари и многочисленные народы, былъ побѣжденъ и убитъ. Это произошло отъ жены его именемъ Томиры.

Соломонъ, премудрѣйшій изъ царей своего времени, не черезъ женщинъ ли дошелъ до такого

безумія, что возроптал на Бога и поклонялся идоламъ? Не предстательствомъ ли коварной Далилы, сильнѣйшій Самсонъ, противъ коего не шли сто тысящъ крѣпкихъ мужей, впалъ въ руки враговъ своихъ? Сей нещестный, будучи лишенъ зрѣнія, вздохнувъ отъ глубины сердца, произнесъ сіи незабвенныя слова: я погибъ, и отъ кого же? отъ женщины, которой былъ преданъ всей душой, которую любилъ болѣе самого себя, которая любила и меня. Но, ахъ! можетъ ли что нибудь быть на свѣтѣ лукавѣе женщины; можетъ ли быть что ядовитѣе сего рода?

Не чрезъ Елену ли, измѣнившую своему мужу, и ушедшую съ любовникомъ въ его отечество, погибла Троя, разрушились семейства многихъ царей и Пергамская страна обагрилась кровію больше ста тысячъ воиновъ?

Жена Іудеина доводитъ св. Апостола Петра до того, что сей верховный святитель отрекается отъ своего Учителя, Іисуса Христа!

Въ толкованіи 4 гл. Іоанна Богослова, говоритъ св. Златоустъ: «Между всѣми лютыми нѣтъ не единаго столь ненавистнаго и вреднаго, какъ женщина».

Кто ввергнулъ въ преступленіе Адама? —жена его Ева. И такъ не отъ жены ли погибъ родъ человѣческій? Діаволъ всегда избираетъ орудіемъ своимъ женщину; ибо совершенно знаетъ онъ, что сіи твари есть легкомысленны, злобны, упрямы и честолюбивы.

Св. Кипріанъ, говоря о женщинахъ, заключаетъ слѣдующее; онѣ перемѣняютъ наряды свои для уловленія въ сѣть свою мужчинъ, единственно у сатаны; въ домахъ же своихъ перемудряютъ его.

Іоаннъ Предтеча и Креститель Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ что былъ обезглавленъ? Чрезъ злость жены Иродіады. Сія хитрая возлюбленница Сатаны и наперсница, за пляску дочери своей предъ царемъ, и когда онъ будучи въ шумѣ пьянственномъ, за таковое увеселеніе обѣщалъ ей, плясавицѣ, дать все, чего она испроситъ, и даже до полу-царствія своего, — не велѣла ей просить ничего болѣе, какъ главу сего св. Іоанна, который въ то время по ея же проискамъ сидѣлъ заточеннымъ въ темницѣ.

Ѳеофилактъ св. епископъ Болгарскій, разсуждая о женщинахъ, говоритъ: женщина есть моровое повѣтріе, умерщвляющее человѣка.

По сему же поводу въ предисловіи къ Евангелію, Евангелистъ Матѳей пишетъ: возрѣвый на жену, воеже возжелати ее, — уже любодѣйствуетъ съ нею въ сердцѣ своемъ, и сей горше согрѣшаетъ.

И такъ, не долженъ ли всякой человѣкъ, желающій тишины, убѣгать женщинъ, какъ разъяреннаго углія, дабы не ожечься.

Возведемъ очи наши на житіе святыхъ, простремъ взоръ нашъ на бореніе съ бѣсами праведныхъ пустынниковъ, и что же увидимъ мы? Діаволъ по тщательномъ истощеніи всѣхъ средствъ для искушенія благочестиваго мужа прибѣгаетъ къ женскому полу. Онъ присылаетъ къ нему прекрасную дѣву, которая, какъ бы заблудясь въ вертепахъ, проситъ показать ей прямую дорогу; или подъ видомъ болѣзни, желаетъ получить отъ святости его исцѣленіе. Много святыхъ отшельниковъ избѣгли сихъ коварныхъ сѣтей; но сколько же погрязло въ оныхъ?

Было и такъ, что діаволъ, не нашедши въ скорости женщины, принималъ самъ на себя ихъ образъ, для прельщенія бѣдныхъ схимниковъ.

Каково-же? и одинъ образъ жены привлекаетъ уже къ согрѣшенію. Почему же въ житіи святыхъ спасшихся женъ не видимъ мы, чтобы Сатана для ихъ искушенія посылалъ къ нимъ мужчинъ?—а это для него видно есть вещь не возможная. Что можетъ отвѣтить женщина, услышавъ слова сына Сирахова, Іисуса, который говорилъ вдохновенно: Се видѣхъ жену дивну, сѣдящую посреди міра и не разумѣхъ. Ангелъ же Господень, сошедъ ко мнѣ, глаголяй: Сіе есть беззаконіе! и вверже камень во уста ея.

Изъ сего не видимъ-ли мы, что эмблема всѣхъ неистовствъ есть жена. Камень, вверженный въ уста нечестивицы, не ясно ли представляетъ намъ желаніе его заградить уста симъ безпрестанно лепещущимъ тварямъ, и изрыгающимъ безпрерывно козни и крамолу.

Марія Египтянина, будучи еще любодѣйцею, сколько низринула во адъ прельщенныхъ ею, она, чтобъ взяли ее на корабль, въ которомъ отъѣзжали для поклоненія одному святому мѣсту въ Палестинѣ, объявила всѣмъ пассажирамъ, что за провозъ и прокормленіе платитъ своимъ тѣломъ; и такъ, тѣ самые, которые до ея прихода думали единственно о святости своего пути, тѣ самые были соблазнены и согрѣшили.

Марія потомъ спаслась; но умолила-ли она за всѣхъ тѣхъ, кои поверглись за нее во тьму кромѣшную? Этого не извѣстно.

Прекрасный и вмѣстѣ цѣломудренный Іосифъ, отъ кого и за что пострадалъ въ Египтѣ, и вверженъ былъ въ темницу? отъ жены Пентефрія, бывшаго господиномъ Іосифу и за что? за то, что не согласился на непотребныя ея желанія. Сія прелюбодѣйца, не могши склонить цѣломудреннаго юношу на удовлетвореніе ея похотливости, возложила предъ своимъ мужемъ вину свою на невиннаго: чего хотѣла сама, то наклеветала на него. Она усильно тащила Іосифа на свое ложе и сказала, что онъ приходилъ къ ней съ тѣмъ, дабы ее обезчестить и симъ обезчестить ея мужа. Іосифъ, вырываясь изъ столь мерзкихъ объятій, принужденъ былъ оставить въ рукахъ ея свою епанчу, но злодѣйкѣ послужило сіе, какъ бы поличеніемъ, и способствовало къ погибели нещастнаго и невиннаго юноши.

Кто-жъ, кромѣ жены, можетъ дать такой оборотъ дѣлу? Кому войдетъ въ голову наклеветать на другого то, что самъ хотѣлъ сдѣлать? Никто, кромѣ сего пола, можетъ быть только перемѣнчивъ, чтобъ вдругъ перейти столь быстро изъ любви къ совершенной ненависти, и стараться еще всѣми мѣрами о погибели того, котораго нѣкогда любила.

Дочери праведнаго и Богомъ любимаго Лота не устыдились искусить отца своего, по сгорѣніи Содома и Гомора, не устыдились довести его до блудодѣйства съ ними, напоивъ старика нарочно для сего допьяна... Боже! какое кровосмѣшеніе! Но что можетъ быть священное для женщинъ?..

Вирсавія, жена Урія, изъ тщеславія, чтобъ сдѣлаться наложницею Царя Давида, безъ содроганія и безъ совѣсти предаетъ на жертву добраго и вѣрнаго мужа своего Урія, который и убитъ измѣннически на войнѣ, по повелѣнію прельщеннаго Царя. Вирсавія знала объ этомъ повелѣніи, но будучи беременною отъ Давида, опасалась мужняго порицанія, а потому, забывъ человѣчество, не захотѣла она отвратить любовника своего отъ принятаго намѣренія...

Для женщинъ нѣтъ ничего такого въ свѣтѣ, чѣмъ бы онѣ не пожертвовали для своей суетности.

Іезекіилъ, пророкъ, видя развращеніе и распутство Іерусалима, не нашелъ ничего хуже, какъ уподобить сей городъ женщинѣ, которая разлагаетъ колѣна свои всякому мимо идущему, созидаетъ на распутіяхъ домы блудническіе, которая платитъ даже блудникамъ своимъ, и упрашиваетъ ихъ приходить опять, которая еще не насытясь таковымъ любодѣяніемъ и прелюбодѣяніемъ съ людьми, сшиваетъ изъ разныхъ матерій, на подобіе мужскихъ дѣтородныхъ частей и утѣшаетъ себя ими. Пророчества Іезекиля, гл. 16, ст. 16 и далѣе.

Непотребность женщинъ не доказывается ли и тѣмъ, что онѣ во всѣхъ религіяхъ не допускаются въ чины священства. И святая вѣра греческая именно возбраняетъ имъ во святая святыхъ. Можетъ быть женщины въ защиту своего пола скажутъ: «Если весь родъ нашъ есть ни что иное, какъ зло сего міра, то почему же Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, Онъ же и Богъ, захотѣлъ чрезъ Дѣву войти въ свѣтъ?

На вопросъ надобно быть отвѣту — вотъ онъ.

Марія, какъ повѣствуетъ святое писаніе, была единая Божественная Дѣва во всемъ родѣ Израилевомъ, хотя народъ сей изъ всѣхъ былъ исключительно любезенъ Богу; но она въ немъ нашлась только единая того достойная, и слѣдовательно была единая въ цѣломъ мірѣ цѣломудренная, которой нѣтъ примѣра, и отъ которой родился Христосъ и ни кто больше.

«Марія успе сномъ вѣчнымъ и благимъ, не оставя намъ жены наслѣдія своего».

И такъ по преданію св. праведныхъ отецъ нашихъ, и по многимъ доводамъ видимъ мы, что женщина есть діаволъ надъ діаволомъ;—послушаемъ же теперь, что скажутъ намъ древніе наши философы, испытавшіе на себѣ тяжесть женскаго бремени.

Тертуліанъ пишетъ: нѣстолько надобно страшиться гнѣва діавольскаго, какъ гнѣва жены. Ибо діаволъ, дѣлая зло, дѣлаетъ оное одинъ, самъ собою, но женщина, злобствуя, воспомоществуется цѣлымъ адомъ».

Плутархъ вотъ что говоритъ о женщинахъ: нѣтъ ничего оборотливѣе языка женскаго, и нѣтъ ядовитѣе словъ ея, нѣтъ опаснѣе сердца ея и обманчивѣе ея слезъ. Плачъ женскій предвѣщаетъ уже намѣреніе обмануть.

Платонъ благодаритъ Бога за три вещи: 1) что онъ грекъ, а не варваръ, 2) что рожденъ человѣкомъ, а не скотомъ и 3) что созданъ мужчиною, а не женщиною.

Оригенъ называетъ женщину началомъ грѣха, орудіемъ діавола, причиною изгнанія Адама изъ рая, первою преступницею заповѣди Божіей и вдобавокъ говоритъ, что Іовъ многострадальный не имѣлъ у себя столь великаго и непреоборимаго врага, какъ жену свою, и что по сему, діаволъ, лишивъ его всего любезнаго, оставилъ ее для того единственно, дабы чрезъ нее достигнуть своего намѣренія, т. е. принудить его возроптать на Господа.

Катонъ въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ слѣдующее: мудрость и истинный разумъ не могутъ быть согласными съ женскимъ своенравіемъ; родъ женскій зараженъ единственною завистью и ложнымъ честолюбіемъ.

Важный Симонидъ, будучи вопрошенъ: что есть женщина? — «Она есть первое зерцало непостоянства, посрамленіе человѣчества, безпрерывная злоба для мужчинъ, война неутомимая семействъ, вредъ, видимый повседневно, препятствіе ихъ уединенію, самая ядовитѣйшая скорпія и бремя неудобоносимое».

Пишетъ Марціалъ: нѣтъ ничего на свѣтѣ хуже женщины; нельзя изъ всего ихъ пола обрѣсть единой, прямой, добродѣтельной; а ежели бы кто изыскалъ сему противное, это-бы было диво всего свѣта.

Титъ Ливій повѣствуетъ, что первое употребленіе яда и всѣхъ отравъ, а также и всѣхъ злодѣйствъ и суевѣрій, все сіе произошло отъ женщинъ.

Дамврій въ одномъ письмѣ своемъ, изъясняетъ о женщинахъ такъ: женщина имѣетъ ярость львиную, похоть козлиную, а вѣроломствомъ и ухищреніемъ превосходитъ всѣхъ тварей на свѣтѣ.

Аристотель называлъ женщинъ животными, безпрестанно болтающими вздоръ, и что никогда не слышно отъ нихъ, чтобы поговорили единственно для показанія и отъ чистаго сердца о своей добродѣтели, и чтобы въ рѣчь ихъ входило благоразуміе; но всегда слышимъ ихъ лепечущими о честолюбіи и единственно по своему непостоянству. Онъ совѣтуетъ подобныхъ сему мужчинъ одѣвать въ женское платье.

Однажды спросили Пиѳагора, для чего онъ отдалъ дочь свою за наивеличайшаго своего непріятеля? для того, чтобы отмстить ему, — отвѣчалъ онъ Я не нашелъ ничего лучшаго, какъ женить его,—женщина не естьли самое ядовитое животное; не всѣмъ ли извѣстно, что она имѣетъ два нетерпимѣйшихъ свойства: одно есть честолюбіе, а другое—властолюбіе.

Сервилій, философствуя о свойствѣ женъ, говоритъ: женщина есть хамелеонъ любящій вѣтеръ и перемѣняющій цвѣтъ кожи своея по цвѣту мѣста, гдѣ онъ находится. Она влюбляется во всякій видимой предметъ, но въ этотъ же часъ перебѣгаетъ къ другому. Женщины были, есть и будутъ всегдашними и совершенными художницами злодѣйства. Онѣ не только что суть первою причиною грѣха и смерти, но и источникъ всѣхъ нещастій, видимыхъ въ мірѣ. Подобно, какъ волъ сотворенъ къ воздѣлыванію земли, птицы къ порханію въ воздухѣ, песъ въ ловитвѣ, обезьяна для увеселенія,— такъ женщина и чортъ созданы для пакостей всему роду человѣческому.

Діогенъ-Циникъ удостовѣряетъ, что нѣтъ въ свѣтѣ худшаго предзнаменованія, какъ первая по выходѣ изъ дома встрѣча воспослѣдуетъ съ женщиною, и непремѣнно должно, чтобы не случилось непріятностей, или самаго нещастія, — возвратиться домой, оставя исполненіе своихъ намѣреній до другого времени.

Преданіе египтянъ вотъ что говоритъ о первоначальномъ рожденіи женщины:

«Рѣка Нилъ, выступя въ раннія свои времена изъ предѣловъ ей назначенныхъ берегами, и разлившись болѣе нежели она разливается нынѣ, оставила потомъ, по слитіи водъ, множество на землѣ иловатыхъ частицъ, кои съ помощію вѣтра и по своей клейкости соединяясь и сцѣпляясь между собою, а притомъ будучи обогрѣваемы солнцемъ, произвели изъ сего множества разныхъ животныхъ, между коими женщины и зміи были первыми по величинѣ своей твари.

При крещеніи младенца мужскаго пола священникъ изгоняетъ изъ него нечистаго духа двадцать разъ, но при крещеніи дѣвицы тридцать. А сіе есть конечно важнымъ доказательствомъ, что діаволъ весьма любитъ женскій полъ, и что хотя въ тогдашнее время силою молитвъ и принужденнымъ находитъ себя отступить отъ дѣвицы,—но при ея возрастѣ онъ опять къ ней прилѣпляется и, повидимому, вѣчно уже не отстаетъ.

Древнія изустныя преданія много также повѣствуютъ намъ о тѣсной дружбѣ женщинъ съ Вельзевуломъ и о оныхъ хитрости, пронырствахъ и злодѣяніяхъ. Впишемъ сюда нѣкоторыя изъ нихъ:

НИЩІЕ.

Древнее изустное преданіе.

Два друга, питающіеся мірскимъ подаяніемъ, жили съ самыхъ юныхъ лѣтъ въ совершенномъ согласіи; они не вѣдали и объ имѣніи вражды. Два ихъ тѣла составляли единую душу. И такъ какъ единъ изъ нихъ ослѣпъ, то другой былъ ему вожакомъ и стражемъ его покоя.

Непримиримый врагъ человѣчества, адское изчадіе, злой демонъ взиралъ на толикое ихъ согласіе пасмурными глазами. Гдѣ есть согласіе, тамъ раздоръ быть не можетъ, гдѣ нѣтъ раздора—нѣтъ и грѣха, а гдѣ нѣтъ грѣха, тамъ не можетъ быть и діаволъ; но сносно ли для него, чтобы не быть ему тамъ, гдѣ онъ хочетъ?—а онъ хочетъ быть вездѣ.

Всѣ ухищренія ада истощены были имъ для поселенія вражды между столь тѣсными друзьями. но сіи, вопреки діаволу, жили въ совершенномъ согласіи. Такимъ постояннымъ ихъ дружествомъ—утомленный, злодѣй рѣшился на послѣднее дѣйство, яко вѣрнѣйшее прочихъ всѣхъ: онъ открываетъ свое негодованіе женщинѣ, если она поссоритъ сихъ друзей,—возвратитъ ея молодость и сдѣлаетъ красавицей.

Какая изъ женщинъ не согласится на всѣ злодѣянія, для сей, толико важной для нихъ награды? Онѣ не пожелаютъ быть разумными, сострадательными и справедливыми: нѣтъ, нѣтъ, онѣ никогда не пожелаютъ ни одной изъ семи добродѣтелей Евангельскихъ, ихъ гордость ведетъ къ властолюбію, а для сего нужна молодость и красота.

Злодѣйка съ радостію принимаетъ на себя бремя Сатаны и начинаетъ играть первую роль ада. Она встаетъ на другой день ранѣе обыкновеннаго, (ибо не спала во всю ночь, выдумывая хитрости къ уловленію праведниковъ), мѣситъ квашню и дѣлаетъ хлѣбы, сажаетъ оные въ истопленную печь, и одинъ не совершенно допеченный вынимаетъ изъ жару. Съ симъ то пагубнымъ хлѣбомъ бѣжитъ къ бѣднымъ друзьямъ и, подавая въ окно, говоритъ зрячему сіи двусмысленныя слова: *примите, бѣдные люди, и кушайте на здоровье; вотъ вамъ теплый хлѣбъ да сыръ.* Принявшій благодаритъ женщину, слѣпой приподнявшись съ своего ложа также благословляетъ. Но сія фурія, не внимая ихъ признательности, а желая получить обѣщанное, оставляетъ діавола у ихъ окна, дабы онъ могъ тотъ же часъ увидѣть, что она умѣетъ дѣлать все то, за что возметься,—и идетъ въ баню.

Слѣпой старикъ, услыша о тепломъ хлѣбѣ, попросилъ у зрячаго отрѣзать ему отъ него ломтикъ; тотъ немедленно выполняетъ просьбу своего друга. Сей также пожелалъ, отвѣдать и сыру, ибо слышалъ, что женщина сказала—*Вотъ вамъ теплый хлѣбъ да сыръ.* Товарищъ увѣряетъ, что онъ не только не получалъ никакого сыру, но и не видалъ. Слѣпой, слыша таковыя отрицанія, не зналъ что подумать: онъ ясно слышалъ выговоренное слово *сыръ*.

Во время размышленія вкралось понемногу подозрѣніе въ невинное его сердце. Уже онъ считаетъ друга своего вѣроломнымъ обманщикомъ. Первый помыселъ ведетъ къ другому; малое преступленіе рождаетъ великое: дошло сначала до небольшихъ укоризнъ, потомъ вспыхнула ясная война, и друзья—отъ ухищренія языка женскаго—должны были наконецъ разойтиться.

И такъ, одно двусмысленное слово, выговоренное злодѣйкою, сдѣлалось причиною разрыва дружбы и основаніемъ вражды. *Вотъ вамъ хлѣбъ да сыръ*, такъ сказала подаваючи милостыню хитрая старуха. Съ одной стороны слова сіи могутъ означать и хлѣбъ и настоящій сыръ; съ другой же—одинъ только хлѣбъ, который не допеченъ, какъ должно, а потому называется сыръ, что было и справедливо.

Кто же можетъ выдумать кромѣ женщины подобное сему?

Вотъ еще достовѣрное сказаніе одного мужа, отличавшагося, какъ святымъ житіемъ своимъ, такъ проповѣданіемъ рукописныхъ преданій.

Двадцать лѣтъ діаволъ соблазнялъ единаго мужа въ ссорѣ съ его женою; но сей, будучи кротокъ сердцемъ, уклонялся отъ вздоровъ жены, хотя она и часто отъ діавола имѣла поводъ къ справедливости на него негодованія.

Гражданинъ ада лишился уже всей надежды собрать плоды съ трудовъ своихъ, какъ вдругъ пришло ему на мысль, вмѣшать въ это дѣло еще женщину. Гдѣ нельзя найти таковыхъ услужницъ? Кто дѣлаетъ сплетни?—женщины! кто любитъ злословить? женщины! О Боже вездѣ, во всѣхъ и всегда негодное дѣло,—есть дѣло руки женской!!...

Коварная злодѣйка соглашается разстроить семейство и за какую же плату? за пару новыхъ башмаковъ! Сія достойная дщерь тартара идетъ къ упомянутой четѣ, зная, что мужъ въ то время находится только одинъ въ домѣ. Она объявляетъ ему за тайну, что жена его имѣетъ непозволенное обхожденіе съ однимъ молодымъ человѣкомъ, что это знаетъ она достовѣрно и можетъ доказать. Мужъ, будучи въ прочемъ равнодушный ко всему, заражается ревностію. Сія фурія, грызущая сердце и питающаяся мученьемъ, представляетъ ему во всемъ блескѣ красотъ, какое терпитъ онъ чрезъ непотребную безчестіе.

Жена прелюбодѣйца наноситъ безчестіе мужу и выставляетъ его посмѣшищемъ для народа; но мужъ, не любящій жены своей, не дѣлаетъ ей никакого пятна, а приводитъ только другихъ въ жалость о ея участи. Жена прелюбодѣйца не вложитъ ли мужу омерзѣніе къ себѣ и особенно къ тому сосуду, которымъ, по закону, долженъ онъ наслаждаться одинъ. Въ части мужской, изданной для размноженія рода человѣческаго, не остается ни чего по соитіи, но въ части женской остается нѣчто всѣмъ извѣстное. И такъ мужъ, воображая найти въ женѣ своей изліяніе другаго, по справедливости мерзитъ женою блудницею.—Но возвратимся къ искусительницѣ.

Единая наперсница Сатаны, дабы излить весь ядъ въ чувствительное сердце мужа, прибавляетъ къ первой лжи еще большую клевету: она съ таинственнымъ видомъ въ полголоса напѣваетъ ему на ухо, чтобы онъ, какъ можно, остерегался коварствъ жены своей, которая посягаетъ на самую жизнь его.—«Осматривай, говоритъ она ему, осматривай со тщаніемъ всегда свою постель и бойся, чтобы сонъ временный не обратился въ вѣчный».—Такимъ образомъ, встревожа спокойствіе мужа, пошла искать жену.

Женщина все то найдетъ, чего ищетъ, и, не исполня своихъ намѣреній, не можетъ быть покойна. Она, хотя бы это стоило потери ея славы доброй, на что разъ рѣшится, то уже исполнитъ непремѣнно. Такъ сдѣлала и сія скаредная сплетница. Она отыскала жену и наговорила ей на мужа, что только могло прійти въ ея голову, и также не упустила говорить, что мужъ ее не любитъ, что онъ имѣетъ любовницу, съ которой имѣетъ частыя и секретныя свиданія.

Жена, будучи и безъ сего нрава сварливаго, рветъ со злобою на себѣ волосы, и клянется отмстить мужу за презрѣніе ея прелестей, но ихъ хотя она и не имѣла, но у злодѣйки, подкупленной діаволомъ, были совсѣмъ другія мысли. Она съ давняго времени была влюблена въ того, котораго теперь наичувствительнѣйше огорчила: она сама желала быть на мѣстѣ разсерженной жены, и такъ искала погибели ей, а не ему».—Вотъ—мыслила она, вотъ случай, чрезъ которой могу получить пару новыхъ башмаковъ и любовника, изъ котораго, со временемъ, сдѣлаю себѣ мужа.

Планъ расположенъ, должно дѣйствовать. Скаредная медуза представляетъ женѣ, что ясное и скорое нападеніе есть средство весьма опасное, что должно прежде всего стараться обратить мужа къ его должности, а потомъ исподоволь искоренить соперницу. Она предлагаетъ ей ножъ, который въ ту же минуту и подала.

«Этотъ ножъ (такъ продолжаетъ злодѣйка свою рѣчь) есть обвороженный талисманъ: стоитъ только положить подъ изголовье, ложась спать, и все передѣлается по нашему».

Она изъ предосторожности запретила раздраженной женѣ показывать мужу даже сердитый видъ, но велѣла быть веселою и спокойною.— Ибо,—такъ она увѣряла,—обвороженіе не замедлитъ подѣйствовать.

Наступила ночь. Жена, ложась въ постель, не позабыла положить роковое желѣзо въ назначенное мѣсто и, твердо надѣясь на увѣреніе своей сосѣдки, скоро засыпаетъ. Но мужъ находился совсѣмъ въ другомъ размышленіи: веселый видъ жены удостовѣрилъ его въ точности ея непотребства. Онъ помнитъ также наставленіе, данное ему сосѣдкою, что жена посягаетъ на жизнь его. Нещастный,— почти не дыша,—подходитъ къ спящей, осматриваетъ съ осторожностію постель, и большой ножъ предъ его глазами. Видъ страшнаго сего орудія приводитъ его въ трепетъ, но ярость въ ту же минуту заступаетъ мѣсто ужаса,—онъ съ стремленіемъ схватываетъ смертоносный инструментъ и вскричалъ: «Злодѣйка! не довольно ли того, что ты безчестишь меня мерзкимъ своимъ поведеніемъ, но стремишься еще и лишить меня жизни,—и такъ умри сама! Смерть твоя, можетъ быть, послужитъ тебѣ къ очищенію прегрѣшеній, и кровь омоетъ стыдъ мой!..»

Жена открываетъ глаза, но съ тѣмъ, чтобы сомкнуть ихъ опять на вѣки, ибо острое желѣзо было уже въ ея сердцѣ. Успѣла однакожъ она своему мужу объявить, что значитъ ножъ сей и для чего положенъ.

«Боже!—возопилъ невинный убійца:—и такъ мы оба обмануты злодѣйкою! она мнѣ сказала также о тебѣ, что ты распутствуешь и ищешь умертвить меня. Теперь умремъ оба! Я не могу жить послѣ такого злодѣянія, и хотя я не такъ виненъ какъ разбойникъ, но убійство подобнаго себѣ требуетъ возмѣстія».

Выговоривъ сіе, вынимаетъ онъ ножъ изъ сердца жены, и вонзаетъ въ собственное свое.

Вотъ вдругъ двѣ жертвы, поверженныя женскимъ коварствомъ! Женщины никогда не смотрятъ на послѣдствія зла; ихъ дальновидность простирается не далѣе конца ихъ носа. Онѣ, думая о настоящемъ, не судятъ о будущемъ. Своенравіе есть господствующая въ нихъ страсть и чрезъ сіе часто онѣ дѣлаютъ вредъ даже самимъ себѣ,—корысть правитъ ихъ сердцами, самолюбіе ввергаетъ въ гордость, а гордость есть мать пороковъ.

Всѣхъ много бы можно было еще написать здѣсь примѣровъ, подающихъ намъ вѣрное понятіе о твари, называемой женщинами. Но оставимъ трудъ сей. Довольно, когда самое священное писаніе говоритъ о нихъ, какъ о извергахъ рода человѣческаго; когда древніе философы говорятъ то же; когда сами мы, къ несчастію нашему, видимъ ежечасно подтвержденіе всего въ преждебывшіе и отдаленнѣйшіе вѣка описаннаго, къ сожалѣнію, съ новыми прибавленіями обмановъ и прочаго.

И такъ, вотъ что есть женщина въ новомъ ея видѣ! да войдетъ всякой въ точность ихъ характера; пусть проникнетъ всякій прямо философическими непристрастными глазами въ ихъ внутренность; пускай разберетъ сердца ихъ и анатомируетъ до самой мелочи.

Тогда это можно сказать безъ изъясненія всякому вмѣстѣ съ Соломономъ: «жена есть зло всѣхъ злѣйшее на землѣ».

ВЧЕРАШНІЙ ДЕНЬ

или

нѣкоторыя размышленія о жалованьи и о пенсіяхъ. Соч. А. Измайлова. 1807 года.

Вчерашній день послѣ обѣда былъ я у Власія Кирилловича Безсовѣстина. Вхожу въ гостинную и вижу все новое: зеркала и столы съ бронзою, кресла и софы алыя сафьянныя, блестящая на потолкѣ люстра, великолѣпныя на каминѣ вазы. Въ одномъ углу сидѣла Настасья Максимовна, супруга Власія Кирилловича, за грандъ пасіансомъ, въ другомъ—самъ Власій Кирилловичъ за газетами; предъ нимъ лежала еще одна бумага.

— А! здравствуй!.. закричалъ онъ мнѣ, увидя меня и схвативши эту бумагу. Поздравь-ка меня, братецъ, отставного генерала, вотъ на и копія съ указа.

Я прочелъ копію съ указа и увидѣлъ изъ нея, что Власій Кирилловичъ, по прошенію его, всемилостивѣйше отъ должности уволенъ, съ награжденіемъ за безпорочную его, ревностную, усердную тридцати-лѣтнюю службу чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, и съ произвожденіемъ половиннаго противъ послѣдняго его оклада пенсіона.

— И такъ имѣю честь поздравить, Ваше Превосходительство, съ полученіемъ двойной милости.

— Какой двойной? спросилъ онъ меня, какъ будто удивившись.

— Какъ-же-съ, отвѣчалъ я, съ чиномъ и съ пенсіономъ.

— Ну ужъ пенсіонъ-то не милость! Велики въ годъ 600 руб.; я, братъ, третьяго дни заплатилъ гораздо больше за эту мебель, что здѣсь видишь.

— Да!—подхватила Настасья Максимовна, поднявъ вверхъ голову,—есть чѣмъ нынче жить: шестью стами рублей, а особливо при нашей семьѣ?!

— Кабы еще не дали чина, продолжалъ Власій Кирилловичъ, такъ бы можно сказать, что много въ 38 лѣтъ выслужилъ; а служилъ-то, служилъ...

Въ самомъ дѣлѣ, Власій Кирилловичъ много служилъ! Гдѣ онъ только, и чѣмъ онъ только не былъ: и виннымъ и солянымъ приставомъ, и городничимъ, и Капитанъ-Исправникомъ, и Стряпчимъ, и Прокуроромъ; былъ во многихъ судахъ, и палаткахъ Казенной и Гражданской, а про Уголовную и

говорить нечего. Вездѣ былъ подъ слѣдствіемъ, и вездѣ, какъ изъ формулярнаго о его службѣ списка значитъ, обнаруживалъ свою невинность, и никогда въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не находился. А аттестатовъ-то, аттестатовъ-то у него сколько? Одинъ другого лучше, и ни одного нѣтъ фальшиваго, а всѣ настоящіе, подлинные.

До учрежденія намѣстничествъ Власій Кирилловичъ служилъ въ какой-то бывшей Провинціальной Канцеляріи, съ самыхъ нижнихъ чиновъ до Канцеляриста; по учрежденіи же губерній—произведенъ былъ Губернскимъ Регистраторомъ, а потомъ вскорѣ Провинціальнымъ Секретаремъ. Тутъ онъ женился на Настасьѣ Максимовнѣ и взялъ за нею въ приданое 25 душъ крестьянъ, да прикупилъ потомъ у сосѣда, въ той-же деревнѣ—50 душъ. Съ сего времени начались его странствованія по губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ.

Послѣ онъ былъ при должности и здѣсь въ столицѣ, только не помню, право, гдѣ именно; а также не знаю хорошенько и того, изъ котораго точно мѣста пошелъ онъ въ отставку.

Въ тысяча семь-сотъ девяноста которомъ-то году получилъ за отличіе орденъ св. Владиміра 4 ст. въ петлицу, а въ тысяча семьсотъ девяноста девятомъ или восьмисотомъ... позабылъ право... на шею Св. Анны 2 ст. и еще Мальтійскій крестъ.

Жилъ онъ всегда очень хорошо, какъ я его зналъ. Хлѣбосолъ превеликій и въ компаніи прелюбезный человѣкъ. Каждый почти день у него бостонъ и гости; каждый день открытый столъ. Такъ что онъ проживалъ въ годъ, по крайней мѣрѣ, восемь тысячъ рублей.

— Позвольте, однако, мнѣ, Власій Кирилловичъ, сказалъ я ему, объявить чистосердечно мои мысли. Что вамъ въ пенсіонѣ? Вы можете безъ всякой нужды и безъ него прожить. Вы, слава Богу, имѣете состояніе...

— Состояніе! прервалъ онъ мою рѣчь. — Да, наше состояніе... За мной, братъ, и всего только 80 душъ, а семьсотъ-то тридцать пять—женины.— Правда, оно почти все равно, да хоть-бы я имѣлъ и десять тысячъ душъ, такъ что казнѣ до того за дѣло? Бѣденъ ли я, богатъ ли, да коли выслужилъ урѣченныя въ службѣ лѣта, такъ дай мнѣ что слѣдуетъ *). Развѣ мы, дворяне, даромъ служить обязаны? Вотъ у меня и такъ Ванюша безъ малаго годъ служилъ даромъ въ Иностранной Коллегіи. Какъ вышелъ изъ юнкерской школы, только и всего прибыли, что ему тамъ дали Ассессорскій чинъ. Теперь онъ въ Департаментѣ у Министра, на мѣстѣ младшаго помощника беретъ 750 р., а старшій-то помощникъ, который получаетъ 1000 р., меньше его чиномъ, Коллежскій никакъ Секретарь, либо Титулярный Совѣтникъ; и притомъ не изъ дворянъ. Худо, право, какъ жалованье и мѣста даютъ не по чинамъ.

Гости тутъ помѣшали намъ разговаривать. Не болѣе какъ въ четверть часа собралось человѣкъ около десятка. Сѣли играть въ бостонъ на двухъ столахъ: на одномъ по четверти, а на другомъ по гривнѣ. Я сѣлъ за послѣднимъ и увы! въ четыре нещастные тура проигралъ послѣднюю свою красненькую бумажку.

Какъ мнѣ ее было жаль! она была у меня такая новенькая, что называется съ иголочки, и право послѣдняя, какъ я сказалъ. Отдавши ее трепещущею рукою Власію Кирилловичу, который остался въ выигрышѣ, и стараясь скрыть свое смущеніе или лучше сказать навернувшіяся на глазахъ слезы, ушелъ я тихонько изъ сего проклятаго дома и въ мигъ очутился въ самой уединенной аллеѣ Лѣтняго сада.

Здѣсь сидя на деревянной скамьѣ подъ тѣнію густыхъ кленовъ, погрузился я въ глубокія размышленія и началъ жаловаться самъ себѣ на слѣпую судьбу. Какъ, вскричалъ я въ мысляхъ, не справедлива судьба! У меня только и была красненькая бумажка и ту проигралъ Власью Кирилловичу. Съ чѣмъ я завтра пойду въ театръ? На что я завтра куплю курительнаго табаку, который весь почти у меня вышелъ? А Власій Кирилловичъ! Власій Кирилловичъ! Мало того, что онъ получилъ генеральскій чинъ и шестьсотъ рублей пенсіи, надобно еще ему было выиграть у меня мои десять рублей! И онъ еще ничѣмъ недоволенъ! И онъ еще безъ стыда жалуется на свою судьбу! Ахъ! безчестный человѣкъ! Да стоитъ ли онъ чина и пенсіи? За что

*) Видно, что Власій Кирилловичъ хотѣлъ получить въ пенсіонъ полное жалованье—1200 руб., такъ какъ нынѣ обыкновенно почти даютъ полную пенсію тѣмъ, кто выслужилъ 40 лѣтъ, или около того времени.

онъ получилъ ихъ? За тридцать-осьмилѣтнюю службу. Но за службу, кажется, тогда только должно дѣлать награжденіе, когда она приноситъ обществу пользу. Ежели кто служилъ съ пользою долѣе другого своему отечеству, то, правда, и награждать должно болѣе. Но ежели кто, вмѣсто того чтобы стараться о благѣ общественномъ, ничего другого тридцать пять или тридцать восемь лѣтъ не дѣлалъ, какъ только притѣснялъ невинныхъ, помогалъ плутамъ, воровалъ казну и бралъ изъ казны же за все это жалованье, слѣдуетъ ли награждать такого человѣка за долговременную его службу, или не справедливѣе ли будетъ наказать его за долговременныя его преступленія жесточайшимъ образомъ, такъ какъ вора или разбойника, который воровалъ и грабилъ 35 или 38 лѣтъ.

Станемъ судить по логикѣ: кто болѣе дѣлалъ добра, тотъ болѣе заслуживаетъ и награды. Вотъ предложеніе, не требующее доказательствъ, или аксіома.

Возьмемъ теперь противоположность: кто болѣе дѣлалъ зла, тотъ болѣе заслуживаетъ и наказанія.

Власій Кирилловичъ въ теченіи 38 лѣтъ своей службы болѣе сдѣлалъ зла и вреда обществу, нежели бы сколько сдѣлалъ онъ служа десять лѣтъ. Слѣдовательно, вмѣсто того чтобы дать ему при отставкѣ пенсію и чинъ, надлежало по крайней мѣрѣ лишить его всѣхъ чиновъ, продать имѣніе его съ публичнаго торга, изъ вырученныхъ за оное денегъ вычесть все то, что имъ украдено изъ казны, разумѣя тутъ причиненную имъ всякаго рода казнѣ убыль и жалованье, сколько онъ его перебралъ въ 38 лѣтъ, на все сіе положить указанные проценты по 5 въ годъ со ста, и причислить къ общимъ Государственнымъ доходамъ, а остальное количество отдать въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія, на богоугодныя заведенія...

И давеча онъ еще, говоря о новѣсѣ своемъ сынѣ Иванѣ Власьевичѣ, сказалъ; развѣ мы даромъ дворяне служить обязаны?—Да для чего же и не такъ? Я самъ природный дворянинъ, однако же служилъ безъ жалованья, когда былъ въ гвардіи сержантомъ, и нисколько тѣмъ не обижался.

Жалованье должно производиться только тѣмъ людямъ, которые предоставили себя единственно на службу Отечества и, занимаясь должностью, не имѣя единственнаго недостатка, не имѣютъ и никакихъ способовъ доставать нужное къ своему содержанію. А кто богатъ, кто имѣетъ, напримѣръ какъ Власій Кирилловичъ 10000 руб. годоваго дохода, не стыдно ли тому брать жалованье 1200 руб. и половинную при отставкѣ пенсію *)? Такъ ли служили старинные дворяне, наши предки? Они тратили въ службѣ собственное свое иждивеніе, или собственную свою кровь и изъ чего? Изъ одного благороднаго честолюбія, усердія къ Государю и Отечеству; не все имъ давались вотчины. Иногда за походы и раны награждали и серебрянымъ кубкомъ. Мало, однако, кто жаловался на такое награжденье. Удовольствіе—оказать услуги своему Государю и народу составляло самую лучшую награду, а благоволенія Государя, какимъ бы образомъ они изъявлены ни были, почитались за величайшія милости, и серебряный кубокъ, или другая какая, сама по себѣ очень не важная вещь, хранилась изъ рода въ родъ, какъ священная драгоцѣнность.

Весьма-бы желательно мнѣ было, ежели бы кто изъ нашихъ любопытныхъ патріотовъ сдѣлалъ исчисленіе: сколько у насъ даромъ пропадаетъ казенныхъ денегъ. Я не разумѣю здѣсь всего того, что казна теряетъ понапрасну, напримѣръ, что у насъ каждый годъ изъ казны украдутъ при под-

---

*) Кажется кстати здѣсь будетъ помѣстить одинъ анекдотъ, случившійся назадъ тому слишкомъ 20 лѣтъ и слышанный мною отъ вѣрнаго человѣка:

Нѣкто, статскій совѣтникъ, который имѣлъ 30 душъ крестьянъ и 4 сыновей на возрастѣ, выслуживъ положенныя 35 лѣтъ, пошелъ въ отставку, просилъ себѣ пенсію и получилъ половинную. Надо однако знать, что 30 душъ были у него родовыя, и что въ службѣ онъ себѣ еще благопріобрѣлъ 700 душъ и 80,000 р. чистыхъ денегъ, кои раздѣлилъ поровну между своими дѣтьми.

Тотъ самый человѣкъ, который мнѣ про него разсказывалъ, будучи съ нимъ хорошо знакомъ, совѣтовалъ ему просить лучше себѣ при отставкѣ чина, такъ какъ онъ имѣлъ у себя тогда покровителемъ одного знатнаго и сильнаго при дворѣ человѣка.

— Э! братецъ! сказалъ онъ на сіе:—къ чему мнѣ на старости генеральство, а четыреста-то пятьдесятъ рублей годятся на чай и сахаръ (онъ получалъ при послѣднемъ мѣстѣ жалованья 900 р.).

Вскорѣ послѣ того, какъ нарочно, одинъ изъ его сыновей проигралъ въ карты двадцать тысячъ рублей, и онъ долженъ былъ заплатить за него деньги. При семъ случаѣ сказали ему, что онъ пенсіею своею не скоро наберетъ ту сумму, какую заплатилъ за сына.

Неизвѣстно впрочемъ, чувствовалъ ли онъ угрызенія совѣсти, или нѣтъ.

рядахъ, при заготовленіяхъ, при закупкахъ, что дается ежегодно въ жалованье, или въ награжденіе тѣмъ людямъ, которые ничего не дѣлаютъ, — по крайней мѣрѣ полезнаго для государства,—таковое исчисленіе потребовало-бы чрезвычайно много времени и трудовъ, а за всѣмъ тѣмъ, генеральный перечень какую бы ни заключалъ въ себѣ большую сумму, все бы еще не былъ вѣренъ.

Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы только, чтобы сдѣлали счетъ, сколько у насъ служило и служитъ людей богатыхъ, и сколько всего они вообще получаютъ въ жалованье и пенсіонъ денегъ. Право, сумма, на сіе употребляемая, достаточна была бы на заведеніе и содержаніе многихъ богадѣленъ, училищъ для бѣдныхъ и тому подобное.

Впрочемъ, кажется, богатымъ не сдѣлано будетъ большой обиды, ежели не будетъ казна имъ давать ни жалованья, ни пенсіоновъ. Можетъ-ли, напримѣръ, безъ стыда жаловаться, лишившись 500 руб. жалованья, такой человѣкъ, который нерѣдко проигрываетъ вечеромъ въ бостонъ по 200 и не дѣлаетъ еще чрезъ то разстройки въ своемъ состояніи?

Я зналъ одного молодого человѣка, который, имѣя вѣрнаго годового дохода около 4-хъ тысячъ рублей, при вступленіи своемъ въ статскую службу, помѣщенъ былъ на 50-ти-рублевый окладъ. Но онъ былъ такъ благороденъ, что числившись при мѣстѣ, хоть и бралъ каждую треть за вычетомъ на Гошпиталь по 16 р. 50 коп., однако же всегда раздѣлялъ сіи деньги между своими товарищами, которые за него трудились.

Вмѣсто того, чтобы предоставлять такимъ людямъ раздѣлять свое жалованье тѣмъ, кои за нихъ трудятся (что, безспорно, весьма рѣдкіе изъ нихъ дѣлаютъ), не гораздо-ли лучше будетъ, когда опредѣляемое имъ жалованье останется въ казнѣ? Не гораздо ли лучше деньги, которыя бы отъ сего оставались, обратить на содержаніе бѣднымъ и честнымъ людямъ, остающимся почти безъ пропитанія, со своими семействами, по упраздненіи мѣстъ, гдѣ они служили и гдѣ бы вѣчно служить согласились за самое умѣренное жалованье, не щадя своихъ силъ и здоровья.

Размышленія мои въ семъ мѣстѣ прерваны были незнакомымъ человѣкомъ, раза два или три впередъ и назадъ меня мелькнувшимъ. Онъ былъ пожилыхъ уже лѣтъ, въ статскомъ намѣстническомъ мундирѣ, который носилъ по крайней мѣрѣ года три, со шпагою и имѣлъ изнуренный видъ. Скинувши шаговъ за десять предо мною свою замасленную шляпу, подошелъ ко мнѣ робко, съ потупленными глазами и прерывающимся голосомъ сказалъ: «Милостивый Государь! будьте великодушны пожалуйте что нибудь на пропитаніе бѣдному отставному офицеру съ больною женою и пятерыми дѣтьми».

Выговоривши сіи слова, онъ вздохнулъ, и я вздохнулъ также, вспомнивъ, что проигралъ послѣдніе свои десять рублей, изъ которыхъ ежели бы далъ половину, то вѣрно, осыпалъ бы онъ меня благословеніями, и я бы заснулъ съ удовольствіемъ эту ночь.

— Позвольте спросить васъ, проболталъ я сквозь зубы, по какому случаю лишились своего мѣста?

— Милостивый Государь! — промолвилъ онъ, почти со слезами, вынувъ изъ боковаго кармана затасканную бумагу и подавая ее мнѣ.—Вы это изволите увидѣть изъ сей бумаги, когда вамъ угодно объ этомъ любопытствовать.

Я развернулъ поданный имъ мнѣ листъ, и увидѣлъ, что это былъ аттестатъ, полученный имъ по уничтоженіи... право, позабылъ, какой губерніи, гдѣ служилъ въ Казенной... нѣтъ, въ Уголовной Палатѣ. Изъ аттестата видно было, что онъ находился въ службѣ около 30 лѣтъ и почитался за дѣловаго человѣка.

— Для чего-же вы, спросилъ я его, отдавъ ему назадъ аттестатъ, не опредѣлились къ другому мѣсту?

— Ахъ, сударь!—отвѣчалъ онъ мнѣ: — бѣдному человѣку легко лишиться мѣста, но очень трудно найти другое. Я, по упраздненіи губерніи, продалъ свой до[illegible]ишко, который составлялъ всю мою собственность, и пріѣхалъ сюда въ Петербургъ, слишкомъ за тысячу верстъ, съ женою и дѣтьми, въ тѣхъ мысляхъ, что здѣсь скорѣе найду мѣсто. Но вотъ уже скоро три года будетъ какъ я остаюсь только при герольдіи и хожу туда понапрасну. Обѣщалъ, правда, одинъ человѣкъ доставить мнѣ мѣсто, но Богъ знаетъ, что будетъ! Во все это время, чтобы имѣть съ дѣтьми насущный хлѣбъ, жена моя принуждена была мыть на людей бѣлье: я также работалъ, гдѣ могъ: не рѣдко и на биржѣ съ поденщиками, въ такомъ же, коли

не хуже, какъ и они платьѣ, потому что этотъ мундиръ никогда безъ нужды не надѣваю. Но теперь уже третья недѣля жена моя лежитъ больна; я не могу ее оставлять на цѣлый день, и не могу найти такой работы, которую бы можно было отправлять на квартирѣ. Вчерась рѣшился я... (тутъ онъ заплакалъ и, остановясь нѣсколько, продолжалъ), вчерась я получилъ отъ одного человѣка, или лучше сказать— Ангела—благодѣтеля — столько денегъ, что могъ купить на нихъ нынче хлѣба для своихъ ребятишекъ, а завтра?!.

— Очень сожалѣю, прервалъ я сего бѣдняка, что не могу теперь ничѣмъ помочь вамъ. Скажите однако мнѣ, гдѣ вы живете, или лучше всего покажите мнѣ сами вашу квартиру; можетъ быть я со своими пріятелями и буду вамъ чѣмъ нибудь полезенъ.

Бѣднякъ тутъ немножко призадумался и потомъ сказалъ:

— Правда, сударь, теперь еще не поздно и живу я отсюда не очень далеко: за Апраксиными рядами. Но какъ вамъ можно идти со мною въ мое жилище? Знаете ли, что я живу на самомъ чердакѣ, куда и среди дня надобно входить большею частію въ потемкахъ, по худымъ лѣстницамъ.

Я опровергъ безъ дальняго труда сіе возраженіе, и мы пошли съ нимъ вмѣстѣ на его квартиру.

Ходъ въ жилище сего несчастнаго человѣка, ежели не хуже, то, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно былъ таковъ, какъ онъ мнѣ его описалъ. Я насчиталъ, право, болѣе нежели 70 ступней, и во все почти время, какъ шелъ вверхъ, принужденъ былъ держаться одною рукою за стѣну, а другую держать предъ собою, чтобы не спотыкнуться, и при всякомъ шагѣ того и ожидалъ, что полечу внизъ; такъ были скользки и дурны лѣстницы.

Хозяинъ шелъ впереди меня, и наконецъ пришли мы съ нимъ подъ самую кровлю. Онъ отворилъ мнѣ двери.

Боже мой! какая тутъ картина представилась глазамъ моимъ.

Въ небольшомъ углу, или такъ сказать—въ отгородкѣ чердака, наполненнаго сыростію, лежала, къ одной сторонѣ, на полу покрытая худымъ овчиннымъ тулупомъ женщина; подлѣ ее сидѣла старшая ея дочь, дѣвочка лѣтъ 12, и вязала чулокъ; другая дѣвочка, лѣтъ десяти, сидѣла на другой сторонѣ, подлѣ окна, и занималась таковымъ же рукодѣліемъ. Не подалеку отъ сей послѣдней двое дѣтей лѣтъ пяти или шести, въ однѣхъ худыхъ рубашенкахъ, теребили на полу хлопчатую бумагу, изъ которой, какъ послѣ узналъ я, дѣлалась у нихъ на продажу вата. Съ ними же вмѣстѣ сидѣлъ младшій ихъ братъ,—мальчикъ года полутора въ обыкновенной платяной корзинкѣ, которая служила ему вмѣсто люльки, и зажавъ въ своей рученкѣ кусокъ чернаго хлѣба глядѣлъ спокойно на своихъ братьевъ; казалось, что онъ старался перенять у нихъ, какъ они работаютъ, и хотѣлъ такъ-же, какъ они, помогать трудами своими отцу и матери.

Хозяинъ попросилъ меня сѣсть на деревянную скамью. Подошедъ къ постелѣ жены своей и, наклонившись, пошепталъ ей что-то на ухо. Можетъ быть разсказалъ онъ ей, какъ просилъ у меня милостыню, и какъ я вмѣсто вспоможенія сдѣлалъ ему одно только обѣщаніе. Она выслушавъ его, вздохнула тяжело, поворотила къ стѣнѣ блѣдное свое лицо и закрыла его.

Нещастный разсказывалъ мнѣ около десяти минутъ нещастныя свои приключенія. Какъ вдругъ повѣтствованіе его прервалъ одинъ человѣкъ, вошедшій къ намъ на чердакъ съ весьма веселымъ видомъ.

— Здравствуй, Иванъ Андреевичъ!—сказалъ онъ ему.—Я принесъ тебѣ радостныя вѣсти: мнѣ обѣщали навѣрное, что ты непремѣнно будешь принятъ. Подай завтра же просьбу. Только, братъ, на первый случай дадутъ тебѣ жалованья не больше 200 р. Это еще не все. Я справлялся въ Канцеляріи по твоей просьбѣ, что ты подавалъ Государю, на нее вышла резолюція: Государь приказалъ выдать тебѣ единовременно изъ Кабинета 150 р.

Надобно было видѣть, въ какое изумленіе пришелъ бѣднякъ отъ сихъ словъ. Минуты съ двѣ стоялъ онъ недвижимъ и не могъ проговорить ни одного слова, но потомъ вдругъ палъ на колѣни предъ стоящимъ въ углу образомъ и слезы благодарности полились двумя ручьями изъ его глазъ.

Бѣдная жена его, забывши свою болѣзнь, приподнялась до половины съ войлока, на которомъ лежала, и соединила молитву свою съ молитвою своего мужа.

Дѣти остановили дѣло и глядѣли на отца и мать.

Нечего говорить, что я и незнакомецъ не могли быть хладнокровными зрителями такой трагической сцены.

По окончаніи молитвы, осыпавъ тысячью благословеньями Монарха, благодѣтельствующаго своимъ подданнымъ, нещастный, сдѣлавшись теперь вдругъ щастливцемъ, началъ благодарить незнакомца за его о немъ попеченія. Онъ говорилъ мало, но плакалъ много; больная называла сего человѣка ангеломъ, ниспосланнымъ съ небесъ.

Всѣ дѣти, кромѣ самаго младенца, сдѣлали около него кругъ и выражали ему своими взорами такія же чувствованія, какія были въ сердцѣ ихъ родителей. Невинный птенецъ, сидя въ своей корзинкѣ, кричалъ, но кричалъ весело, какъ будто-бы чувствовалъ то же, что другіе.

Сей радостный вѣстникъ познакомился съ бѣднякомъ не очень давно предъ этимъ и притомъ по тому только случаю, что жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ. Онъ былъ самъ недостаточный человѣкъ, не имѣющій никакого дохода, кромѣ умѣреннаго жалованья. Однако-же, за всѣмъ тѣмъ, время отъ времени, помогалъ, чѣмъ могъ, сему бѣдному семейству.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ служилъ, открылась вакансія; онъ выпросилъ у своихъ начальниковъ сіе мѣсто для своего сосѣда и, отлучась съ дежурства, пришелъ обрадовать его какъ сею, такъ и другою не менѣе радостною вѣстію, о которой сказалъ я читателю выше.

Ахъ! не всегда бываетъ трудно дѣлать добро, не всегда потребно для сего имѣть богатство, иногда одно слово, одна просьба, которую мы, не унижая себя, можемъ за бѣднаго и честнаго человѣка сдѣлать, составитъ на вѣкъ счастіе цѣлаго семейства.

Идучи отсюда домой, мимо Апраксиныхъ рядовъ, увидѣлъ я предъ собою солдата, который несъ нѣсколько паръ сапоговъ, повидимому, возвращаясь съ толкучаго рынка. Его настигъ другой какой-то солдатъ, также съ ношею, какъ и онъ.

— А! здравствуй, братъ Матвѣевъ!— сказалъ послѣдній первому.—Что уже ты въ отставкѣ?

— Да, братъ,—отвѣчалъ тотъ, — насъ много отставили и еще съ пенсіономъ. Дай Богъ здоровья батюшкѣ Государю!

— А великъ-ли, служивый, ты будешь брать пенсіонъ? спросилъ я его поровнявшись съ нимъ.

— Десять рублей въ годъ, Ваше Благородіе!— отвѣчалъ онъ мнѣ.

Я хотѣлъ было дать ему знать, что я Надворный Совѣтникъ, и что меня наши сторожа величаютъ Ваше Высокоблагородіе, однако же отложилъ это потому, что у меня въ головѣ было все еще жалованье и пенсіоны.

И такъ я продолжалъ начатый разговоръ: — десять рублей въ годъ. Это, братъ, не много!

— Да какже быть, Сударь! За то насъ у Государя много. Пусть у него хоть и много казны, а вѣрно не станетъ, коли всѣмъ по многу раздавать будетъ.

— Все, братецъ, такъ, — прервалъ я его, — однако же какъ этимъ жить можно. Ты же вотъ ужъ—я вижу—старъ и бакенбарды у тебя посѣдѣли. Работать подъ старость не такъ-то ловко.

— Нѣтъ, Сударь! Я, благодаря Бога, хоть и старъ, а здоровѣе, можетъ быть, чѣмъ вы. Слава Богу! выучили въ службѣ ремеслу (тутъ показалъ онъ на сапоги, которые держалъ въ рукѣ). Хоть бы оставили и безъ пенсіи, такъ бы прокормилъ свою старость! Коли же кому безъ ремесла съ пенсіономъ жить здѣсь въ Питерѣ дорого, тотъ ступай куда нибудь на городъ, гдѣ хлѣбъ дешевле *). Я такъ вотъ здѣсь остаюсь; у меня въ Преображенскомъ полку два сына молодца Гренадеры, выше меня двумя вершками, въ баталіонѣ Его Величества, а третій ундеромъ въ Лейбъ-Гренадерскомъ, гдѣ и я служилъ прежде.

Этетъ оставной солдатъ проводилъ меня до самаго почти дома и разсказывалъ мнѣ дорогою, какъ онъ былъ въ походахъ подъ шведомъ и въ Польшѣ. Такъ онъ мнѣ полюбился, что я за его слова, или лучше сказать за похвальный образъ его мыслей, хотѣлъ ему отъ всего сердца дать серебряный рубль, но у меня не было денегъ, я

*) Въ самомъ дѣлѣ, для чего же тѣмъ бѣднымъ людямъ, которые получаютъ умѣренный пенсіонъ, ежели ничто особенное ихъ здѣсь не удерживаетъ, не жить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гораздо дешевле, напримѣръ въ Малороссіи. Многіе, однако, какъ я самъ знаю, не имѣя здѣсь ни родственниковъ, ни другихъ побудительныхъ причинъ, которыя бы ихъ заставляли здѣсь жить, живутъ только по одной привычкѣ и жалуются на дороговизну и на бѣдность своего содержанія.

ихъ всѣ проигралъ въ бостонъ Власію Кирилловичу. За тоже велѣлъ сему служивому придти ко мнѣ снять съ меня мѣрку для сапоговъ и онъ будетъ непремѣнно моимъ сапожникомъ.

Что угодно еще знать читателю? Я пришелъ домой, думая все о жалованьяхъ и пенсіонахъ. Раздѣлся и заснулъ въ сихъ мысляхъ, а нынѣ вставши по утру, занялся почти цѣлый день описываніемъ того, что вчера видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ и размышлялъ.

Мечты.

Обманутъ я!
Прочь отъ меня
Мои мечты!
Ея черты.

Я васъ любилъ,
Я васъ ловилъ,
И день и ночь!

Летите прочь!
Обманутъ я!..
Она мила,
Она одна!

Ей равныхъ нѣтъ!
Но съ раннихъ лѣтъ,
Ей туалетъ
И цѣлый свѣтъ

Одно твердилъ:
Ее хвалилъ.
Она мила!

Но влюблена
Въ одну себя!
Обманутъ я!

Лѣта бѣгутъ!
Лѣта уйдутъ!
Лови, лови
Часы любви!

Измѣнитъ свѣтъ
И туалетъ;
Амуръ вспорхнетъ
И отлетитъ!

За нимъ уйдетъ
Рой волокитъ!
Пора мечты
И красоты

Какъ сонъ пройдетъ
И не придетъ...
Далекъ страстей
Я встрѣтясь съ ней.

Скажу тогда
Съ усмѣшкой: да!
Она мила...
Была!

Сновидѣніе.

Вчерась мнѣ видѣлось во снѣ,
Что былъ я въ рощицѣ прекрасной,
И тамъ одинъ на муравѣ атласной
Лежалъ, и будто-бы ко мнѣ
Съ улыбкой милой, страстной
Явилась дѣвушка, легла
И поцѣлуемъ кровь зажгла.
Ахъ! съ нею въ красотѣ сравниться
Лишь могутъ граціи однѣ.
Я обнялъ, обнялъ и вполнѣ
Уже готовъ былъ насладиться,
Какъ вдругъ! о Боже мой! жена
Толкнула такъ меня она,
Что долженъ былъ я пробудиться
И милой дѣвушки лишиться.
Какъ жаль, какъ больно было мнѣ!
Досталось же за то женѣ!..

Лунатикъ по неволѣ.

Сказка.

Жилъ былъ стариннаго покроя
Драгунскій храбрый капитанъ,
Наскучивъ службой, маршъ къ покою
Въ деревню штурмовать крестьянъ.
Чтобъ дать герою блеску болѣ,
Скажу объ немъ, каковъ онъ былъ.
Онъ вѣкъ провелъ на ратномъ полѣ,
Курилъ табакъ и храбро пилъ.
Усы колечкомъ извивались
Вкругъ носа римскаго его
На верхню губу опирались,
Смотрѣли вкось изъ-подъ него.
Лицо рябинами покрыто,
Пестро какъ рѣшето иль сито.
И словомъ прямо кавалеръ
Драгунскій храбрый офицеръ.

Чѣмъ онъ въ деревнѣ занимался?
Крестьянамъ тактику читалъ,
Строи, атаки толковалъ
И самъ собою любовался.
И вдругъ, не знаю почему,
Влюбиться вздумалось ему.
Драгунскій капитанъ не шутка!
Впередъ не станетъ отлагать;
Взглянулъ,—пошелъ атаковать.
Удача иль отказъ—имъ дутка.
Сударыня, онъ началъ такъ:
Ты видишь, я мужикъ простакъ
Въ словахъ, въ любви не знаю складу.
Когда сдашься, честь отдамъ
И въ мигъ ударимъ по рукамъ.
Дѣвица слова не дала
Съ улыбкой на него взглянула,
Умомъ и разумомъ смѣкнула,
Что кладъ въ мужья себѣ нашла.
У многихъ женщинъ есть замашка,
Хоть мало въ простакѣ пути,
Охотно за него идти.
Такой де мужъ женѣ рубашка!
Имъ можно такъ и сякъ вертѣть.
Подъ часъ заснуть ему велѣть,
Подъ часъ чуть-чуть глаза прищурить,
А иногда совсѣмъ зажмурить.
И такъ за свадебку пиркомъ
И здравствуй съ милымъ муженькомъ!
Живутъ, дни, мѣсяцы и годы,
Горюетъ съ муженькомъ жена,
Мужъ человѣкъ старинной моды;
Жена въ столицѣ рождена.
Ну какъ же мужемъ не наскучить?
Онъ можетъ съ нѣжностью своей
Въ два мѣсяца жену измучить.
Драгунъ въ любви—прямой злодѣй,
Все имъ сраженье, да сраженье.
Атака, приступы и строй;
Заря, маршъ воинъ на ученье;
Отбили,—но онъ все герой.
Межъ тѣмъ, какою то судьбою
Въ деревню къ моему герою
Пріѣхалъ модный дворянинъ:
Имѣлъ деревни, деньги, чинъ,
Умѣлъ пришаркнуть, изгибаться,
По модѣ быть одѣтъ, чесаться,
На языкѣ залетъ, рѣзецъ,
Изъ франтовъ мудрый молодецъ!
Ума онъ не имѣлъ и стало
Въ немъ ничего не доставало,
Чтобъ женщину собой плѣнить.
Прошло съ недѣлю, или болѣ,
Драгунская жена въ неволѣ
Охотно рада полюбить
И мужу новый лавръ привить.
Но какъ? Когда? помыслить должно.
У воиновъ всегда дозоръ:
Они за всѣми смотрятъ осторожно
И вѣчно ихъ не дремлетъ взоръ.
Извѣстно всѣмъ, что сынъ Киприды
Увертливъ, хитръ и плутоватъ;
На вымыслы мастакъ, богатъ,
Охотно дѣлаетъ обиды
Сѣдымъ и пожилымъ мужьямъ,
Ну такъ,—что худо вамъ!
Въ жену онъ хитрости вселяетъ,
Жену помыслить заставляетъ,
Чѣмъ нуждѣ горю пособить—
Посмотримъ, какъ начнутъ шутить.
Герой, измученный трудами,
Лежалъ въ постели на боку;
Сосалъ онъ трубку табаку,
Пыхтѣлъ, похлопывалъ глазами.
Сидѣла близь него жена;
Смущенно, томно воздыхала
Притворно слезы проливала.
На толь, на толь мнѣ жизнь дана,
Чтобъ вѣчно мучиться, терзаться
И большихъ горестей дождаться?
Какихъ? герой мой вопросилъ:
Иль непріятель близко подступилъ?
Иль думаетъ начать блокаду?
Иль съ мѣста сбилъ мою засаду?
Или—Плутонъ?.. Впередъ ступай
Пали,—скорѣе заѣзжай
Колонна! будетъ!—Слушай, стройся!
—Ахъ, другъ мой, успокойся!
Какая, душенька, война?!
Несчастлива твоя жена!..
Жена?!. Что, развѣ съ плаца сбили?
Но мы пардона не просили...
На то и я хочу сказать,
Хотя-бъ желала помолчать:
Лунатикъ ты!—Кто! я?—такъ точно:
И здравіе твое не прочно.

Забылъ, что ночью дѣлалъ ты?
Я ночью дѣлалъ то, что должно
Какія странныя мечты!
—Сперва легонько, осторожно
Вскочилъ, и въ дырочку пролѣзъ,
Не хлопнулъ дверью и безъ стука;
Потомъ взялъ шестъ прѣдлинный въ руку,
На крышу по стѣнѣ пролѣзъ.
Сидѣлъ съ минуту, опустился;
Смѣялся, плакалъ и сердился
И къ счастію въ постелю легъ.
За палецъ я тебя схватила
Рукою жала и давила,
Чтобъ только ты проснуться могъ.
И въ самомъ дѣлѣ такъ случилось,
Что храбрый капитанъ во снѣ
Сражался съ кѣмъ то на войнѣ.
Воображенье воспалилось!
Слича слова жены своей
Съ ночнымъ мечтательнымъ походомъ,
Въ минуту сдѣлался уродомъ,
Душевно въ томъ повѣрилъ ей.
Какъ славный винопой съ похмѣлья
Надувшись безъ вина сидитъ
И, вспомня прежни дни веселья,
Повѣсивъ рыло, чуть пыхтитъ
Такъ мой герой воображенья
Погрязъ въ печаль и размышленье.
И такъ, лунатикъ точно я?
—Ахъ истина, душа моя.
Что жъ будешь дѣлать ты со мною?
—Хочу за лѣкаремъ послать.
Но гдѣ его въ деревнѣ взять?
Вчера вечернею зарею
Пріѣхалъ Миловъ нашъ сосѣдъ;
Такъ нѣтъ ли съ нимъ... а если нѣтъ?..
И! какъ не быть—пошли скорѣе.
И самой молніи быстрѣе
Жена послала за дружкомъ
Чтобы онъ съ лѣкарскимъ лицемъ,
Въ одеждѣ мудрой, черной, длинной,
Какъ нѣмецъ скромный, благочинный,
Къ нимъ въ домъ съ рецептами предсталъ;
Минута—медикусъ подложный
Махнулъ съ курьерской подорожной;
Герой взглянулъ, затренеталъ.
Какъ туча черная нахмурясь
Дождемъ и молніей грозитъ
Такъ лѣкарь истоурясь
Героемъ, взоромъ смѣрить сулитъ
На что ни смотритъ, поглащаетъ
Увидя лекаря съ собой,
Дрожитъ, трясется, обмираетъ
Умомъ страждущій герой.
Такъ смотритъ нашъ солистъ извѣстный
Нѣмецкій мастеръ гробовой
Финтуя ножкою прелестной
И въ танцахъ носитъ смерть съ собой.
Ступая чинно, благородно,
Какъ нѣмчура—легко свободно
Чуть дамѣ руку подастъ
То будто въ гробъ зоветъ.
Лѣча подагры, водяныя,
Горячки: съ пятнами, простыя,
Мигрень, изжогу, ломъ въ костяхъ;
Истерики и лихорадки,
Всѣ женски нынѣшни припадки,
Скажу въ короткихъ вамъ словахъ:
Я отрасль древняго колѣна,
Родной плямянникъ Галліена.
Мнѣ шуринъ славный Ипократъ
И Эскулапъ крестовый братъ;
И вся мнѣ медицина сватъ.
Нужна-ли жизнь кому? дамъ душу;
Свалить ли съ ногъ кого? тотъ часъ
Я созидаю, строю, рушу
И умерщвляю все какъ разъ.
Сказалъ и руку взялъ больнаго:
Герой мой струсилъ, задрожалъ:
У лѣкарей вѣдь этого
Они всѣхъ давятъ на повалъ.
Ты подъ какой рожденъ планетой?
—Не знаю я науки этой.
Рожденъ ты точно подъ луной;
И такъ, лунатикъ ты, другъ мой.
—Лунатикъ точно?—О! конечно.
Ты долженъ вѣрить въ этомъ мнѣ.
Ну, часто-ль бредишь ты во снѣ?
И нѣтъ, мой другъ любезный, вѣчно.
Скажи, ты хочешь облегченья?
—Безъ всякаго, сударь, сомнѣнья.
Когда не въ духѣ умирать,
Себя ты долженъ пеленать,
Когда ложиться будешь спать.
Какъ! пеленать?—Ни слова болѣ.
Да, да,—промолвила жена.

Иль спеленую по-неволѣ.
Вылѣчивать мнѣ власть дана.
Сказалъ—и сдѣлалъ грозну рожу,
Прихлопнулъ дверью и пошелъ.
Герою подрало всю кожу:
Герой отъ страха онѣмѣлъ.
Какъ пеленать? на что похоже,
И что я буду за дуракъ?
Но если жизнь всего дороже,
То для чего жъ, мой другъ? ни какъ!
Такъ ты не хочешь согласиться?
Терзай нещастную жену,
Заставь ее всего страшиться,
Заставь ее страдать одну.
Заставь, чтобъ съ смертію твоею
Пошла я по міру съ семьею.
Ты любишь, а велишь стенать,
И въ нищетѣ мнѣ умирать.
И слезы ложны полилися.
Зарюмилъ, тронувшись, герой.
—Не плачь, супруга, не крушися,
Что хочешь дѣлай ты со мной.
И сталъ на все простякъ согласенъ.
Какъ милъ ты, какъ уменъ, прекрасенъ!
Нельзя тебя не цѣловать,
Нельзя тебя не обожать.
Вотъ мужъ любезный и примѣрный,
Послушный, тихій, кроткій, вѣрный!
Вотъ мужъ,—примолвлю я,—дуракъ!
Но кто не обольщенъ женою?
Онѣ вертятся Сатаною,
Въ мигъ ввертятъ въ Медишевъ Шишакъ.
Уже чуть солнышко блистало,
Стыдясь передъ розовой зарей,
И искры тусклыя бросало
Отъ угасающихъ лучей,
Герой въ постелю лечь сбирался;
Онъ легъ—и тотчасъ спеленался.
Такъ дамы модны на заказъ,
Какъ будто куклы на показъ,
Вокругъ себя и все шнуруютъ
Чтобы не тронуться рукой,
Чтобъ не умѣть ступить ногой
И какъ статуйки марширують.
Герой заснулъ—но гдѣ жена?
Какъ ласточка съ гнѣзда вспорхнула,
Съ дружечкомъ милымъ прикорнула.
Имѣетъ тонкій вкусъ она

Жена! кой чертъ не отвѣчаетъ?
Жена! ахти, какъ крѣпко спитъ!
Жена! герой мой продолжаетъ,
И видитъ, что одинъ лежитъ.
Желалъ бы тотчасъ приподняться.
Но, какъ? нельзя распеленаться.
Желалъ бы въ мигъ маршировать,
Стучать нечаянну тревогу,
Но, ахъ! ни руку онъ, ни ногу
Не въ состояніи поднять.
Клянуся честью Капитана,
Что я въ любезныхъ дуракахъ,
Что изъ меня страмца, болвана
Сыграли при моихъ глазахъ.
Клянусь, во что бы-то ни стало,
Надуюсь въ мигъ:—и одѣяло,
Пеленки порвались какъ разъ,
И всталъ въ пріятномъ безпорядкѣ;
Какъ мать героя родила,
Трясется, будто въ лихорадкѣ,
Идетъ ревизовать дѣла.
Луна въ окошко чуть мелькала,
Рисуя по стѣнамъ лучи,
И тусклый свѣтъ свой проливала
Сквозь мраки дремлющей ночи.
Вездѣ, казалось, бродятъ тѣни.
Герой на цыпочкахъ побрѣлъ,
На все онъ пристально смотрѣлъ,
И вышелъ по легоньку въ сѣни.
Вездѣ разставилъ въ мигъ дозоры,
Вездѣ передовой форпостъ,
Самъ занялъ самый важный постъ,
Другіе приперъ на запоры;
Не можно птичкѣ пропорхнуть.
Была каморка межъ другими,
Гдѣ вздумалось женѣ заснуть.
Туда онъ захотѣлъ взглянуть
Очами ясными своими.
Взглянулъ—и что же тамъ нашелъ,
Чтобы вѣчно не хотѣлъ.
Власы волнисты разсыпались
У ней небрежно по грудямъ.
Сквозь нихъ какъ не хотя казались,
Цвѣточки алые глазамъ.
Изъ устъ чуть вздохи вылетали
И капли пота осушали
На розовыхъ ея щекахъ;
Слегка свернулось одѣяло,

И будто съ нуждой открывало
Картину рѣдкую для глазъ.
Любовникъ нѣжный, несравненный,
Ея ласканьемъ упоенный,
Казалось, въ послѣдній разъ
Вздохнулъ—и огонь въ лицѣ погасъ.
Къ ружью!—дозоръ идетъ скорѣй
И началъ шевелить усы,
Вставайте—время на часы.
Ну, становись во фронтъ, прямѣе!
Жена упала передъ нимъ,
Упала, не сказавъ ни слова.
Къ отвѣту будь теперь готова,
А тамъ—съ врагомъ поговоримъ!
Представьте нѣжну Афродиту,
Семнадцати не болѣ лѣтъ,
Смертельной блѣдностію покрыту,
Изъ глазъ слеза струей течетъ.
Когда упала на колѣни,
Вулкановы внимая пѣни;
Когда едва пощады ждетъ.
Представьте грознаго Арея
Преображеннаго въ Ѳирсея,
Онъ чуть отъ страха не умретъ—
Любовникъ это драгоцѣнный.
Сдаешься ты, военно-плѣнный?
Слабенькій городъ защищать!
Оставимъ же и мы блокаду
И перестанемъ осаждать.
Но будемъ впрочемъ ретираду
За вашу трусость почитать;
И мирные принявъ законы,
Введемъ мы въ крѣпость гарнизоны
И нужные посты займемъ;
Пардонъ, жена,—пардонъ даемъ;
Но съ тѣмъ, чтобъ крѣпко защищаться
И въ первый приступъ не сдаваться.
Она коснулася къ рукѣ
И стала скромно въ уголкѣ.
Ты что въ ущелинѣ засѣлъ?
Герой мой къ Марсу обратился.
Слабенько врагъ мой укрѣпился,
И рано ты ура запѣлъ.
Изъ шанцовъ тотчасъ разстрѣляю.
Ба! ба! да ты меня лѣчилъ?
Ну, видишь-ли, какъ я вскочилъ
И лунатизмомъ не страдаю.
Я пропишу рецептъ—вставай!
Пардона ты не ожидай.
Увы! онъ долженъ приподняться
И съ трусостью повиноваться.
Герой къ нему рѣчь обратилъ:
Ты всю разстроилъ дисциплину,
Не объявя впередъ причину
Войну прегнусную открылъ,
И цитадель мою разбилъ;
Такъ точно, чтобъ наказанъ былъ.
Стань здѣсь. Хоть чуть пошевелишься,
То цѣльнымъ залпомъ вдругъ хвачу,
Я въ стычкахъ вѣчно не шучу,
Махну и головы лишишься.
Сказалъ и двери отворилъ.
Вотъ дефиле изволь продраться,
Чтобы умѣть ретироваться.
Взмахнулъ ружье—и такъ хватилъ
Ручнымъ его, своимъ прикладомъ,
Что Петиметръ мой задомъ, задомъ
Съ двора чуть лыжи навострилъ,
И задѣваясь за пороги,
Съ трудомъ домой направилъ ноги.
А ты, сказалъ герой женѣ,
Забудь, что было на войнѣ;
Забудь сраженія примѣры.
Хоть страждетъ честь, хочу простить,
Нельзя ужъ бреши починить.
Маршъ вдругъ на зимнія квартиры!
Мужья, которы въ сорокъ лѣтъ
На грѣхъ задумали жениться,
Когда уже надежды нѣтъ
Младой дѣвицѣ полюбиться;
Которымъ храбрый офицеръ
Несчастный подаетъ примѣръ,
Всмотритесь—худо жить съ такою
Младой, прекрасною женою,
Что въ дочери годится вамъ,
И нехотя, но быть бѣдамъ... Кл... въ.

Обнова.

Пою... умолкни все въ натурѣ!
Пою подъячаго супругу на бандурѣ:
Жилъ секретарь
Завязчивая тварь
А у него была супруга дорогая,
Какая?
О томъ читателю хотя и не скажу,
Но точно докажу,
Что баба не повѣса.

Хотя была и стараго остатокъ лѣса
И сляпана по русски топоромъ,
Но дѣло тутъ не въ томъ:
Она была вѣрна и муженька любила.
Коровъ водила
Варила,
Шила.
И тѣмъ секретарю премного удружила.
Супругъ хотя и былъ похожъ на дикобраза,
Жену свою любилъ
И въ угожденіе обнову ей купилъ:
Рабронтъ, съ какой-то сѣткой.
Жена одѣлась и сдѣлалась насѣдкой:
Надулась и носъ къ верху подняла.
Скажи, о Муза, намъ куда она пошла
Надѣвъ обнову?
Доить корову!..

Къ себѣ.

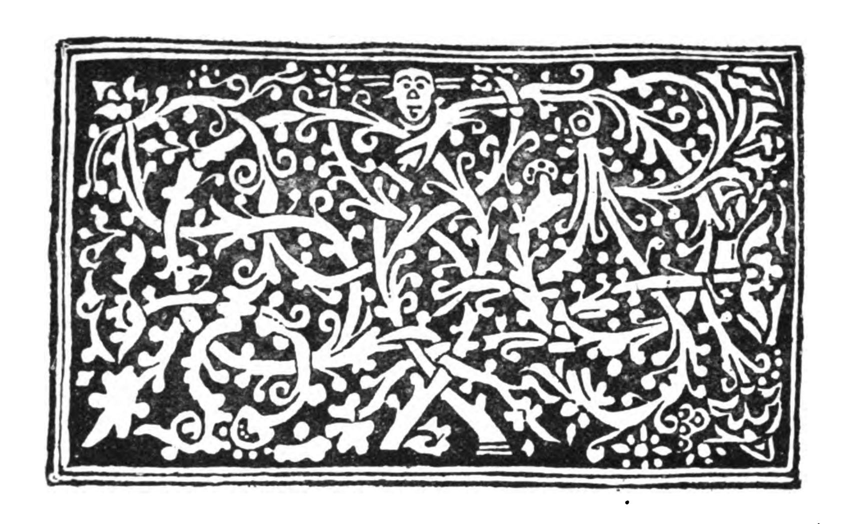
Давноль еще стекло мнѣ льстило?
И младости цвѣты цвѣли?
Теперь, какъ тридцать три пробило,
Увы!.. сѣлъ ракомъ на мели.
Блестящи призраки сокрылись
Амуры къ черту провалились
Нѣтъ больше милой слѣпоты:
Очарованье разрушилось
Все въ видѣ истинномъ явилось,
Все вижу: вздоръ и суеты.
Давно-ль сердца, какъ батареи,
Случалось, приступомъ я бралъ;
Иныхъ, введя любви затѣи
Своимъ сердчишкомъ посужалъ.
Давно ль любилъ я всѣхъ пригожихъ...
Собою тоны задавалъ,
Давноль, какъ бурный вихрь крутился,
Смѣялся, прыгалъ, пѣлъ, рѣзвился?
Теперь! что бредилъ все пропалъ.
Давно-ль раскрашеннымъ скелетамъ
Я подъ носъ амбру подпускалъ?
Увядшимъ Лизамъ и Анетамъ
Стихами новый жаръ давалъ?
Хваля сѣдины и морщины,
Приманкой ставилъ для мужчины;
Клялся и смѣло увѣрялъ:
Что розы ихъ не увядали,
Иль вновь вернувшись возсіяли.
Ну словомъ: много вздору вралъ.
Давно ли знатнаго вельможу
Въ стихахъ и прозѣ величалъ;
Божусь,—не знавъ иного въ рожу,
Предъ цѣлымъ міромъ отличалъ.
Умишко, силы напрягая
И лесть единую сплетая,
Дѣла и подвиги хвалилъ.
Но бѣдныхъ, кои морщатъ лица,
Тѣхъ звалъ прибѣжищемъ вдовицы...

(Окончанія нѣтъ)

. . . .
. . . .

И черезъ Ворликъ при переправѣ
Градовъ на сушѣ Творецъ
Съ дряхлостью почилъ во славѣ...
И поэмѣ сей конецъ!
Вотъ Жуковскій въ саванъ длинный
Скутанъ, лапочки крестомъ,
Ноги вытянуты длинны,
Чёрта дразнитъ языкомъ;
Видитъ вѣдьму, воображаетъ,
И глазкомъ ей подмигнетъ,
И кадитъ и отпѣваетъ
И трезвонитъ и реветъ,
Вотъ Кутузовъ, онъ губами
Бьетъ, грызетъ Карамзина,
Пѣна съ устъ течетъ ручьями,
Кровью грудь обагрена.
Но напрасно мраморъ гложетъ,
Только время тратитъ въ томъ:
Онъ вредить ему не можетъ
Ни губами, ни перомъ.
Но Станкевичъ въ отдаленьи,
Усмотрѣвъ, что это я,
Возопилъ въ остервѣненьи:
«Міръ! потомство! за меня
«Вы злому критику отмстите!
«Мой изъ бронзы выливъ ликъ,
«Монументъ соорудите,
«Я заслугами великъ!
Какъ! и ты безсмертьемъ льстишься?
О, червякъ! отецъ червей!
Я сказалъ:—и ты стремишься
Къ славѣ изъ коры своей?
И тогда, какъ свѣтъ не знаетъ
Точно, гдѣ въ какихъ мѣстахъ
Храбрый Игорь почиваетъ;
Гдѣ Пожарскаго скрытъ прахъ...

(Это послѣднее стихотвореніе въ рукописи не имѣетъ ни начала, ни конца, каковые вѣроятно утеряны ранѣе. Все уцѣлѣвшее здѣсь помѣщено полностію.)

И.

474. Ивану Выжигину отъ Сидора Пафнутьевича Простакова посланіе или отрывки бурной моей жизни. Москва въ университетской типографіи, 1829 года.— Въ 8 д. л. 112 стр.

Въ началѣ этой чрезвычайной любопытной книжки слѣдуетъ посвященіе отъ издателя И. Трухачева—«Всѣмъ почитателямъ Ивана Выжигина».

Чтобы дать понятіе о сей рѣдкой книжкѣ, прилагаю здѣсь для любителей выписку первой главы полностію.

Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ.

Русскій журналистъ, полякъ по происхожденію. Род. 1789 г., ум. 1 сентября 1859 г.

Глава I.

Важный, по мнѣнію моему, разговоръ съ женою моею.

Что это за Выжигинъ? спросила меня жена моя, поправляя чепчикъ къ завтрашнему гулянью на Прѣсненскихъ прудахъ.—Человѣкъ, мой другъ, которой видѣлъ свѣтъ съ извѣстной точки и писалъ объ немъ *положа руку на сердце*. Жена моя подняла быстро голову, взглянула на меня и такъ лукаво улыбнулась, что я, читавшій въ это время— замѣтьте: во второй разъ и съ равнымъ удовольствіемъ — во второй части Ивана Выжигина разсказъ Миловидина о Графинѣ Сансибили и другихъ проказахъ въ Карлсбадѣ, положилъ руку на 174 страницу, дабы не замѣшать ее, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на добрую мою Марью Игнатьевну. — Признаюсь, встрѣчать въ нынѣшнемъ свѣтѣ Гологордовыхъ, Князей Чвановыхъ, Савовъ Савичевъ Гг. Ворoватиныхъ, Глаздуриныхъ. Ножевыхъ и пр. и пр. казалось мнѣ не такъ удивительнымъ, какъ увидѣть добрую жену мою, четырнадцать лѣтъ мирно прожившую со мною въ весьма посредственномъ состояніи, и въ такомъ сословіи, изъ котораго нерѣдко можно примѣчать хитрости свѣта, увидѣть, говорю я, добрую, кроткую и добросердечную спутницу бурной моей жизни въ первый разъ улыбающеюся такъ лукаво, какъ, конечно, не умѣлъ бы, думаю, улыбнуться и самъ сатана при удачномъ успѣхѣ въ развратѣ человѣка. Истинно такъ, это меня удивило.— Послушай, добрая моя Маша, сказалъ я, ты, право, кажется мнѣ, хочешь

уличить Ивана Выжигина и Миловидина въ неправдѣ? — А изъ чего ты это заключаешь другъ мой? спросила жена моя, осматривая чепчикъ свой со всѣхъ сторонъ. — Какъ изъ чего: изъ твоей улыбки, которой не примѣчалъ я на губахъ твоихъ во все время нашей съ тобой жизни. Право, Марья Игнатьевна, тебѣ, кажется, ужъ не подъ лѣта такъ улыбаться. Послѣднія слова сказалъ я почти съ сердцемъ и началъ снова читать Выжигина, украдкою поглядывая на жену мою и желая разгадать, что произведутъ въ ней слова мои и негодованіе.

Добрая Марья Игнатьевна нѣсколько разъ взглядывала на меня, качала по временамъ головою, перекалывала на чепчикѣ то туда, то сюда банты лентъ съ такимъ вниманіемъ, какое врядъ ли могъ бы имѣть и какой нибудь Генералъ, переставляя колонны войскъ на планѣ къ завтрашней рѣшительной битвѣ съ многочисленнымъ непріятелемъ; вотъ приколотъ и послѣдній бантъ на самой верхушкѣ, какъ кессель-батарея предъ крѣпостію; еще разъ оглядѣла жена моя всѣ уголочки и фалдочки лентъ и оборки чепчика своего; съ торжественною радостію поставила его съ болванчикомъ на толстый новоизданный любимой мною письмовникъ, подошла къ зеркалу, поглядѣлась, оправила на шею косынку, сѣла подлѣ меня и съ какою—замѣтьте: опять новою—неизъяснимо доброю миною поцѣловала наморщенной лобъ мой. Я взглянулъ на нее и придумывалъ, чѣмъ бы отблагодарить ее! Признаюсь: я былъ въ затрудненіи; но, слава Богу, она начала разговоръ и вывела меня изъ хлопотъ.

Вотъ разговоръ нашъ.

— Что ты читаешь, мой другъ?

— Благородный поступокъ Арасланъ Султана въ жилищѣ доброй Софьи.

— Нравится ли тебѣ Софья?

— О, конечно, она составляла щастіе благороднаго Азіатца.

— И такъ, положи, мой другъ, книгу; пусть пріятное впечатлѣніе великодушнаго Арасланова поступка останется въ твоемъ сердцѣ и разгладитъ на лбу твоемъ морщины неудовольствія, которыя произвела моя давишняя улыбка.

Въ самомъ дѣлѣ, досада моя почти миновалась; самолюбіе мое казалось удовлетвореннымъ. Я поцѣловалъ руку жены моей и сложилъ книгу.

— Къ чему-бишь приписалъ ты мою улыбку? спросила меня жена, когда я снялъ очки и покойно усѣлся подлѣ нея на софѣ.

— Ты хотѣла, мнѣ казалось, уличить Выжигина и Миловидина въ неправдѣ, или что-то на это похожее.

— Совсѣмъ нѣтъ, мой другъ; я со вниманіемъ слушала, когда ты въ первой разъ читалъ Выжигина, и запримѣтила, что онъ, при всей своей опытности, или еще не совершенно искрененъ, или не сблизился еще съ тою точкою, съ которой могъ бы онъ удобнѣе и точнѣе наблюдать за нравами нынѣшняго свѣта.

— Я тебя не понимаю, другъ мой.

— Странное дѣло! Вы, мужчины, одаренные превосходнѣйшими талантами противу насъ, часто бываете весьма недогадливы и, кажется, безошибочно сказать: отъ излишней увѣренности на свои способности. Ты читаешь Выжигина во второй разъ и съ равнымъ удовольствіемъ?

— О, конечно, *первое* потому, что я съ нимъ знакомъ хорошо, что слышалъ изустно отъ него многое изъ его жизни; *второе* потому, что онъ и точно и красно описалъ всѣ происшествія...

— И *третье*—прервала жена меня, потому что здѣсь во многихъ случаяхъ ты видишь то, что съ тобою самимъ случалось...

— Со мною? какъ такъ?

— Конечно. Помнишь-ли ты, лѣтъ нѣсколько тому назадъ, когда дѣла наши были очень худы, тебя угнетало бѣдствіе, ты, желая облегчить тяжесть скорби своей, цѣлую недѣлю по вечерамъ разсказывалъ мнѣ приключенія твоей жизни.

— Помню, помню. Но какое отношеніе имѣютъ приключенія моей жизни съ жизнію Ивана Выжигина, Миловидина и пр.?

— Какъ какое — припомни ихъ снова всѣ и подумай: Вѣдь съ тобою случалось еще болѣе такого, гдѣ ясно видны были и хитрость и коварства тѣхъ, съ которыми ты имѣлъ дѣла. Но, другъ мой! не сердись на меня за правду: ты слишкомъ простъ, и хотя ясно видѣлъ предметы, но не понималъ ихъ.—Ты молчишь,—это знакъ согласія; и тогда, когда мнѣ извѣстны приключенія твои отъ самаго твоего дѣтства, и тогда, когда ты съ такимъ вниманіемъ перечитываешь книгу и удивляешься написанному въ ней, — я не могла не улыбнуться. Мнѣ казалось странно, что ты по-

читаешь новостію то, что тебѣ такъ извѣстно, какъ дважды два—четыре.

— Ты права, добрая моя Марья Игнатьевна, но мнѣ кажется, со мною все-таки подобнаго не случалось. Напримѣръ, я отъ роду не зналъ такого Исправника, какъ Сава Савичъ.

— Но ты встрѣчалъ подобныхъ имъ и кажется еще поплутоватѣе.

— Можетъ быть; не помню однако же подобнаго плутовства.

— Послушай, мой другъ: ты хорошо знакомъ съ г. Выжигинымъ; напиши къ нему письмецо и проси его: позволитъ ли онъ тебѣ описать важныя происшествія твоей жизни, и если онъ приметъ твое предложеніе, то препоручи мнѣ писать со словъ твоихъ все такъ, какъ было, — я прибавлю мои замѣчанія, то есть все то, что видѣлъ ты въ свѣтѣ глазами въ простотѣ твоего сердца, покажу въ настоящемъ и для тебя даже въ новомъ видѣ. Твои отрывки можетъ быть пригодятся г. Выжигину для второго или третьяго изданія его книги. Они могутъ составить пятую часть, а это не бездѣлица.

— Помилуй, мой другъ; ты хочешь выставить меня предъ публикой какъ... какъ куклу! Да и къ чему ему такіе отрывки. Напечатать нѣсколько лишнихъ листковъ не бездѣлица. Бумага и наборъ дороги.

— А пышное объявленіе: съ прибавленіемъ *того то* и *того то* — развѣ не вознаградятъ убытковъ печатанія?

— Нѣтъ, Марья Игнатьевна, Выжигинъ честный человѣкъ и не сдѣлаетъ этого.

— За него и я согласна; но есть многіе, которые по Русской пословицѣ *чужими руками жаръ загребаютъ.*

— Согласенъ; но зачѣмъ...

— Прошу тебя, согласись, мой другъ—и твои происшествія не менѣе важны, — они также могутъ другому, неопытному открыть глаза и даже, если ты счастливъ, то могутъ кого нибудь привесть въ себя, устыдить, возбудить въ сердцѣ его раскаяніе и обращая на истинный путь правды сдѣлать полезнымъ Государю, Отечеству и ближнимъ!

— Быть такъ! я согласенъ и съ завтрашняго дня начну снова разсказывать тебѣ мои приключенія.

475. Идилліи. Изданіе Владиміра Панаева. Санктпетербургъ, въ типографіи Н. Греча, 1820 года.—Въ 8 д. л. 95+8 стран.

Эта рѣдкая книга съ виньеткою на заглавномъ листѣ и тремя гравюрами въ текстѣ: «Мечтатель», «Зимній ландшафтъ» и «Сатиръ и Наяда»—рисованными И. Ивановымъ и гравированными И. Ческимъ.

Фонъ-Бэръ, К. М.

Академикъ—знаменитый естествовѣдъ теоретикъ и практикъ. Род. 17 февраля 1792 г., ум. 16 ноября 1876 г.

Въ началѣ книги помѣщено краткое предисловіе отъ автора, гдѣ онъ говоритъ, что:

Происхожденіе Пастушеской, или справедливѣе Сельской Поэзіи теряется во мракѣ древности. Мнѣнія ученыхъ о томъ различны. Одни полагали колыбелью оной Сицилію, другіе Аркадію, третьи Лаконію; и честь изобрѣтенія стихотвореній сего рода попеременно была приписываема то Дафнису, *) Ѳеокриту и Стезихору, то самимъ даже богамъ: Меркурію, Аполлону, Бахусу, Пану, Силь-

*) Сицилійскому Пастуху. Говорятъ, что онъ родился въ лавровой рощѣ. Нимфы воспитали его, а боги надѣлили красотою, пріятностію, даромъ Поэзіи, искусствомъ играть на семигласной свирѣли. Ему приписываютъ не только учрежденіе пастушескихъ споровъ, но даже утверждаютъ, что онъ первый соединилъ въ нѣкоторое общество разсѣянныхъ пастуховъ отечественной страны и научилъ ихъ наслаждаться жизнію. По сказанію стихотворцевъ, Дафнисъ умеръ отъ мученій любви.

вану *). Не останавливаясь на сихъ безполезныхъ изысканіяхъ, скажемъ, что Пастушеская Поэзія, изображая преимущественно нравы и образъ жизни людей первобытнаго міра, должна быть современна началу соединенія ихъ въ общество. Выгоды и благотворныя слѣдствія сего соединенія, пробудивъ въ душѣ человѣка дремавшія дотолѣ чувствованія и помышленія, долженствовали естественнымъ образомъ пробудить въ ней и желаніе изливаться въ пѣснопѣніяхъ, сообразныхъ тогдашнимъ младенческимъ понятіямъ. Благодарность къ Божеству невидимому, но благому, и любовь были главнымъ безъ сомнѣнія, содержаніемъ оныхъ **). Мысль сія есть конечно также предположеніе; но достовѣрность существованія временъ патріархальныхъ, описанныхъ Моисеемъ, и столько подобныхъ золотому вѣку язычниковъ, дѣлаетъ оное вѣроятнымъ и едвали не въ книгахъ Священнаго Писанія должно искать первыхъ слѣдовъ Пастушеской Поэзіи.

Сіи-то блаженныя времена, дѣйствительно бывшія или порожденныя токмо воображеніемъ стихотворцевъ, сіи-то счастливые обитатели плодоносныхъ долинъ Сициліи и живописныхъ береговъ Ладона, добродѣтельные, простосердечные, свободные, чуждые всѣхъ страстей и нуждъ, столько обыкновенныхъ въ наше время, составляютъ, какъ мы уже упомянули, предметъ Пастушеской Поэзіи. а образъ жизни сихъ невинныхъ людей; ихъ занятія, склонности, чувствованія, взаимныя отношенія и красоты природы, до малѣйшихъ оныхъ подробности—тотъ обильный источникъ, изъ коего дарованіе Поэта почерпаетъ содержаніе и прелесть разсказа.

Нельзя съ достовѣрностію опредѣлить, какъ назывался въ древности сей родъ стихотвореній. По крайней мѣрѣ сочиненія Ѳеокрита и Виргилія получили названіе *Идиллій* и *Эклогъ* не отъ самихъ стихотворцевъ, но отъ Греческихъ и Латинскихъ Грамматиковъ, жившихъ впослѣдствіи. Сіе двоякое наименованіе одного и того же ввело ученыхъ въ заблужденіе и послужило поводомъ къ раздѣленію произведеній Пастушеской Музы на Идиллію и Эклогу. Подъ именемъ Идилліи разумѣютъ они небольшое сочиненіе, заключающее въ себѣ пріятное описаніе или повѣствованіе, отъ лица самого автора; подъ именемъ Эклоги — ту же Идиллію, съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь авторъ скрывается уже за сцену и даетъ полную волю дѣйствовать своимъ героямъ — разговаривать, пѣть или повѣствовать. Эклогѣ сверхъ сего приписываютъ болѣе силы и важности въ содержаніи. Но къ чему служитъ такое раздѣленіе, когда нельзя положить вѣрныхъ предѣловъ между Идилліею и Эклогою, когда въ одномъ и томъ же сочиненіи встрѣчаемъ ихъ соединенными? Геснеръ чувствовалъ неосновательность сего раздѣленія и назвалъ первый томъ своихъ твореній Идилліями. Самое значеніе этого слова, близкое къ понятію, какое имѣемъ о Пастушеской Поэзіи, даетъ оному первенство на языкѣ Литераторовъ, а имя Геснера дѣлаетъ употребленіе его неподверженнымъ сомнѣнію.

Не одни Пастухи могутъ быть дѣйствующими лицами въ сочиненіяхъ сего рода: — ими равно бываютъ Рыбаки, Земледѣльцы, Садовники и т. п. *). Вотъ причина, по которой осмѣлился я назвать Пастушескую Поэзію *Сельскою*. Сіе наименованіе заключаетъ въ себѣ смыслъ несравненно обширнѣйшій, и токмо принявъ оное, можно безъ ошибки отнести къ сему роду ***Георгики*** Виргилія, ***Обитателя полей*** Делиля, ***Времена*** Сенъ-Ламберта, и другія, кои составляютъ особенное отдѣленіе Сельской Поэзіи, извѣстное вообще подъ именемъ Георгикъ **). Здѣсь Стихотворецъ, не перелетая уже воображеніемъ во времена золотаго вѣка, воспѣваетъ красоты природы, удовольствія деревенской жизни, научаетъ ими пользоваться и располагать занятіями.

Кромѣ Идилліи и Георгикъ, область Сельской Поэзіи заключаетъ въ себѣ еще, такъ называемую, Пастушескую Поэму, которая, хотя изобрѣтена новѣйшими, но поелику въ ней воспѣвается обыкновенно какое нибудь важное происшествіе первыхъ временъ міра, напримѣръ: ***Авелева смерть***, Первая ***Война*** и другія, то она справедливо можетъ быть причислена къ существеннымъ произведеніямъ

*) Принимая пастушескую (Сельскую) Поэзію въ смыслѣ пространномъ, кажется справедливѣе было бы назвать отцемъ ея Гезіода, творца поэмы *Работы и Дни.*

**) Мы увидимъ впослѣдствіи, что Идиллія можетъ имѣть форму Оды, Гимна, Элегіи.

*) Напримѣръ: въ Эклогахъ Санназара, въ Идилліяхъ Клейста и Броннера.

**) Георгики Виргилія можно безъ сомнѣнія отнести и къ роду Дидактическихъ Стихотвореній; но много ли общаго между ними, напримѣръ, между *Наукою любить* Овидія и *Наукою о Стихотворствѣ* Буало?

Сельской Поэзіи. Что же касается до Пастушескихъ Драмъ и Романовъ, *) сихъ незаконныхъ дѣтей воображенія, которыя, будучи утомительны по своей продолжительности, столь неприличной легкому, пріятному сочиненію, обезображены еще соединеніемъ сценъ городской и деревенской жизни: то, вопреки мнѣнію Флоріана, ихъ можно бы совсѣмъ исключить изъ круга Литературы.

Такимъ образомъ Сельская Поэзія раздѣляется собственно на Идиллію, Георгики и Пастушескую Поэму. Займемся въ особенности первою.

Древніе, оставившіе намъ образцы почти во всѣхъ родахъ Поэзіи, и вмѣстѣ тщетное желаніе съ ними сравниться, не были, кажется, столько счастливы относительно Поэзіи Пастушеской. Конечно Идилліи Ѳеокрита **) исполнены простоты удивительной и живыхъ изображеній природы; но сія простота часто переходитъ предѣлы, становится, по крайней мѣрѣ для насъ, слишкомъ грубою; но сіе искусство изображать природу, избирая предметы иногда низкіе, теряется въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ, набросанныхъ безъ разбора и приличія ***). Примѣтно, что Виргилій ****) старался избѣгнуть недостатковъ своего учителя. Его Эклоги, написанныя прекрасными стихами, были бы образцовыми, еслибъ менѣе дышали лестію, еслибъ въ нихъ не намекалось о Римѣ и вообще о предметахъ, превышающихъ понятія и свѣдѣнія простодушныхъ обитателей полей. Нѣкоторые Италіанскіе, Испанскіе и Французскіе Поэты впали въ противную крайность *). Желая избѣгнуть грубой иногда простоты Ѳеокрита, они, по слѣдамъ Мосха и Біона, удалились отъ естественности. Ихъ Пастухи одѣты щеголями; нѣжны, какъ Трубадуры; вѣжливы и остроумны, какъ придворные.

Но не смотря на упрекъ, который осмѣлились мы сдѣлать Пѣвцу Сициліи, онъ оставался лучшимъ Пастушескимъ Стихотворцемъ до половины минувшаго столѣтія, и токмо Пѣвцу Гельвеціи предоставлено было превзойти его. Идилліи Геснера, подобно Ѳеокритовымъ, исполнены простоты; но простота сія не имѣетъ уже ничего низкаго или грубаго; онъ также изображаетъ природу, часто въ малѣйшихъ ея подробностяхъ, но пользуется ими съ величайшимъ вкусомъ, съ строгою разборчивостію; и можно утвердительно сказать, что немногіе стихотворцы достигли столь высокой степени въ искусствѣ живописать. Его картины имѣютъ всю свѣжесть натуры. Самъ Вернетъ позавидовалъ-бы Геснеровой кисти **).

Предшественники сего неподражаемаго писателя, особливо новѣйшіе, кажется, думали, что единственно любовь можетъ быть содержаніемъ Идилліи; по крайней мѣрѣ въ ихъ сочиненіяхъ рѣдко найдешь что-либо другое. Но такое единообразіе наскучаетъ, и вотъ можетъ быть причина, по которой людямъ, незнакомымъ съ Нѣмецкою Литературою, нестолько нравится сей родъ Поэзіи ***). Если Па-

---

*) Первый Пастушескій Романъ: *Любовь Дафниса и Хлои* написанъ Лонгомъ, превосходнымъ Греческимъ Поэтомъ четвертаго вѣка. Пастушескія Драмы введены въ употребленіе Тассомъ и Гваринни.

**) Ѳеокритъ, Сиракузянинъ, жилъ во времена Птоломея Филадельфа. Ему приписываютъ тридцать, дошедшихъ до насъ, Идиллій. Кромѣ Ѳеокрита, Греки имѣли еще Мосха и Біона; но какъ тотъ, такъ и другой весьма уже удалились отъ простоты и естественности, главныхъ качествъ Идилліи.

***) Симъ можно упрекнуть и Боннера, съ тою еще невыгодою, что въ его подробностяхъ виденъ часто не простой наблюдатель природы, но ученый натуралистъ. Онъ не забылъ, кажется, ни однаго насѣкомаго, ни одной амфибіи, живущихъ въ водѣ, или при берегахъ озеръ и рѣкъ; спрашиваю, кому пріятно видѣть на сценѣ сельдей, устрицъ, лягушекъ, раковъ и слизней?

****) Кромѣ Виргилія, Римляне имѣли также двухъ Пастушескихъ Стихотворцевъ, жившихъ гораздо послѣ него, Тита Юлія Калпурнія и Магнуса Авзонія. Эклоги перваго имѣютъ много достоинства.

*) Вотъ имена Пастушескихъ Стихотворцевъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ у сихъ трехъ народовъ: у Итальянцевъ: Петрарка, Санназаръ, Тассъ и Гваринн; у Испанцевъ: Грассилассо, Георгъ, де Мантемаіоръ (Португалецъ), Гильполо, Лопецъ де Вега, Фигероа и Михаилъ Сервантъ; у Французовъ: Маркизъ де Раканъ, Сегре, Г-жа Дезульеръ, Фонтенель, Ламотъ, аббатъ Манженотъ, Беркенъ, Леонардъ, дѣвица Левекъ, Г-жа Вердіе и Флоріанъ. Къ нимъ, съ нѣкоторой стороны, можно присовокупить Делиля и Сенъ-Ламберта.

**) Замѣчательно, что Геснеръ съ успѣхомъ упражнялся въ живописи и гравированіи. Прекрасные эстампы, коими украшены его творенія, изданные въ Парижѣ 1778 года, въ четвертую долю листа, были имъ самимъ нарисованы и выгравированы.

***) Нѣмецкая Литература богата образцами въ семъ родѣ. Она справедливо можетъ гордиться именами Клейста, Броннера, Фосса, Шмита, Роста, Геллерта, Гертнера и другихъ. Шмитъ бралъ изъ Библіи содержаніе для своихъ Идиллій; сцены Ростовыхъ Пастушескихъ Сказокъ взяты, напротивъ, изъ настоящаго времени. Въ нихъ много вольнаго и соблазнительнаго.

стухи Аркадскіе были также люди, то имъ не должны быть чуждыми всѣ тѣ склонности, чувствованія и связи, кои природа положила основаніемъ человѣческихъ обществъ. Не любовниками только — они могли быть супругами, родителями, дѣтьми, друзьями; не все молодыми и здоровыми— часто старыми и больными; не всегда богатыми— иногда бѣдными. Ибо сколько бы ни было вѣроятнымъ существованіе золотаго вѣка; но блаженствомъ совершеннымъ, такимъ, какое обыкновенно сопрягаемъ съ гадательнымъ понятіемъ о Раѣ, смертные никогда на землѣ не наслаждались: оно принадлежитъ Небу.—Геснеръ, можетъ быть, первый умѣлъ распространить предѣлы Пастушеской Поэзіи. Почтеніе къ богамъ, любовь родительская, дѣтская, супружеская, чувства дружбы и сострадагія, рѣзвая веселость и тихая горесть, коими одушевилъ онъ свои Идилліи, дѣлаютъ ихъ разнообразными, правдоподобными, занимательными, близкими къ сердцу всякаго чувствительнаго человѣка, а что всего драгоцѣннѣе, наставительными — прекраснѣйшая цѣль, о которой древніе едва ли и помышляли.

Почти всѣ Пастушескіе Стихотворцы, подражая Ѳеокриту, вводили въ свои Идилліи Колдуновъ и Волшебницъ. Конечно понятію людей необразованныхъ свойственно прибѣгать къ пособіямъ чародѣйства; но всегда ли то хорошо, что взято съ натуры? И можетъ ли нравиться Пастухъ, снискивающій любовь Пастушки помощію приворотнаго корешка или наговора? — Только цѣною собственнаго сердца долженъ онъ пріобрѣтать сердце своей любезной.

Иные, можетъ быть, спросятъ: «для чего стихотворцы не переселятъ Идилліи въ наши времени?» — Тогда она совершенно лишалась бы своего достоинства, даже правдоподобія, а писатель увидѣлъ бы себя въ самомъ затруднительномъ положеніи. Извѣстно, каковы нынѣшніе пастухи и земледѣльцы: продолжительное рабство сдѣлало ихъ грубыми и лукавыми. Такими ли привыкли мы воображать счастливыхъ обитателей Аркадіи? И можно ли это согласить съ тою невинностію и чистотою нравовъ, съ тѣми нѣжными, благородными чувствованіями, въ которыхъ должна заключаться сущность Идилліи?—Впрочемъ нельзя утверждать, чтобы умный, наблюдательный писатель не нашелъ и въ образѣ жизни нашихъ поселянъ новаго источника красоты; нужно только умѣть пользоваться онымъ.—Сія выгода, переносить дѣйствія во времена отдаленныя, сверхъ того, что дѣлаетъ повѣствованіе и свойства лицъ правдоподобными, доставляетъ стихотворцу другую, довольно важную: она открываетъ предъ нимъ богатое поле Миѳологическихъ вымысловъ. Выводя на сцену Нимфъ и Сатировъ, можно придать Идилліи характеръ древности, сдѣлалъ ее разнообразнѣе, занимательнѣе.

Признано уже, что простота нравовъ вѣка Ѳеокритова и почтеніе, въ которомъ было тогда земледѣліе, много способствовали его успѣху *). Для насъ, удалившихся отъ природы на такое разстояніе, успѣхъ сопряженъ съ великими трудностями; но, не смотря на то, слава Пастушескаго Стихотворца въ нашъ вѣкъ неслишкомъ блистательна. Не потому ли, что звуки свирѣли менѣе громки, чѣмъ звуки трубы и лиры? Нѣтъ, можетъ быть потому, что не всякой слухъ способенъ услаждаться нѣжною оныхъ гармоніею. Идиллія никогда не понравится человѣку, котораго сердце закрыто уже для сладостныхъ впечатлѣній невинности и милаго простодушія, кто незнакомъ съ пріятностями мирной сельской жизни, кто равнодушенъ къ прелестямъ природы и не научился наблюдать тайныхъ красотъ ея, которыя съ перваго взгляда кажутся ничтожными,—кто, наконецъ, привыкъ находить удовольствіе единственно въ вихрѣ свѣта, а въ произведеніяхъ словесности искать затѣйливости или высокопарности мыслей. Правда, такихъ людей на свѣтѣ больше; но да утѣшатся послѣдователи Геснера собственнымъ его примѣромъ. «Если я, подобно Ѳеокриту, понравлюсь немногимъ—сказалъ онъ въ предисловіи къ своимъ Идилліямъ: — то почту сіе счастливымъ знакомъ, что подражалъ ему удачно».

Идиллія, если по примѣру сего писателя будемъ разумѣть подъ нею и Эклогу, можетъ быть и описательная, повѣствовательная, драматическая, элегическая и эпическая. Я не остановлюсь на изслѣдованіи сихъ различныхъ ея видовъ: чтеніе

*) Миѳологія и исторія подаютъ справедливую причину думать, что пастушеское состояніе было нѣкогда въ большомъ уваженіи. Его не стыдились цари и самые боги: Парисъ на горѣ Идѣ пасъ стада отца своего, Аполлонъ былъ пастухомъ у Адмета. Вотъ поводъ допускать въ дѣйствующихъ лицахъ Идилліи нѣкоторую степень образованности и познаній.

образцовъ покажетъ то яснѣе; скажу только вообще о качествахъ слога оныхъ. Языкъ пастуховъ есть языкъ сердца, а потому въ немъ должны они искать выраженій для изъясненія своихъ чувствованій; вселенная ограничена для нихъ усадьбою деревни,—пусть же и краснорѣчіе ихъ (вмѣстѣ съ понятіями) будетъ имѣть свои предѣлы: долины, горы и лѣса суть театръ, на которомъ они дѣйствуютъ—вотъ источникъ, изъ коего рѣчь ихъ заимствуетъ украшенія піитическія.—Впрочемъ тонъ разговора, особливо пѣсень, можетъ возвышаться сообразно предметамъ и самому возрасту Пастуховъ. Юноша нѣженъ, веселъ и безпеченъ; старикъ важенъ и поучителенъ въ своихъ бесѣдахъ; козлоногій Сильванъ грубъ и смѣшонъ, какъ дикая его наружность; ревнивый любовникъ наполняетъ поля и лѣса своими жалобами; счастливый супругъ съ благороднымъ восторгомъ описываетъ удовольствія семейственной жизни. Всѣ сіи различныя свойства и отношенія лицъ должны быть изложены приличнымъ каждому изъ нихъ образомъ, или иначе, слогъ Идилліи долженъ былъ простъ и чистъ, подобно невинности пастушескихъ нравовъ; живописенъ, подобно картиннымъ видамъ сельской природы; благороденъ, какъ сама добродѣтель.

Сіе краткое обозрѣніе произведеній Сельской Музы вообще, и въ особенности Идилліи, ведетъ насъ къ справедливому заключенію, что родъ сей составляетъ существенную часть Поэзіи, ибо дѣйствуетъ на сердце и воображеніе, что онъ имѣетъ тайную, можетъ быть, ему одному свойственную, прелесть для души нашей, ибо напоминаетъ ей счастливое время ея младенчества; что наконецъ писатель, посвящающій себя оному, долженъ напередъ изучиться наблюдать природу, познакомиться съ человѣческимъ сердцемъ, и стараться столько же быть полезнымъ, сколько желать нравиться.

Вотъ нѣсколько моихъ и чужихъ мыслей о Пастушеской (Сельской) Поэзіи. Я счелъ не излишнимъ предложить ихъ моимъ читателямъ, и, можетъ быть, поступилъ неосторожно; теперь немудрено сбыться со мною извѣстной истинѣ: совѣтовать гораздо легче, нежели исполнять совѣты. Но что нужды? Я могу утѣшиться тѣмъ, что и въ такомъ случаѣ останусь небезполезнымъ: примѣръ мой будетъ поучителенъ для другихъ, а примѣры всегда убѣдительнѣе наставленій.

Почти всѣ просвѣщенные народы упражнялись въ Сельской Поэзіи *); но Нѣмцы болѣе прочихъ въ оной успѣли **), и Геснеръ, кажется, возвелъ ее на послѣднюю степень совершенства. У насъ, въ Россіи, поле сіе остается еще невоздѣланнымъ. Скажутъ: мы имѣли Сумарокова; правда, но можемъ ли имъ похвалиться? ***).

Сколько сей недостатокъ нашей словесности, столько и собственная склонность—слѣдствіе, можетъ быть, образа первоначальнаго моего воспитанія, мирной семейственной жизни и частаго пребыванія въ деревнѣ, внушили мнѣ намѣреніе испытать себя въ семъ родѣ. Я видѣлъ всю трудность исполненія; но лучше хотѣлъ заблудиться на стезѣ новой, нежели идти избитою дорогою нашей Оды, нашей Басни, и вообще умножить толпу неудачныхъ подражателей лучшимъ нашимъ писателямъ. Геснеръ, попавшійся мнѣ въ руки въ то счастливое время жизни, когда чувствованія, коими одушевлены его творенія, наиболѣе дѣйствуютъ на сердце человѣка, сдѣлался любимцемъ моимъ, образцомъ, которому я осмѣлился послѣдовать.

Изъ 24 Идиллій, предлагаемыхъ здѣсь сужденію читателей, нѣтъ ни одной собственно принадлежащей Геснеру; но я старался подражать ему вездѣ, гдѣ позволяли то слабыя мои способности и трудность стихотворенія, съ коею въ особенности сопряженъ сей родъ Поэзіи.

476. Идолъ китайскій. Шутливая музыкальная драма, представленная на новомъ царскосельскомъ театрѣ, Августа 9 дня, 1779 года.—Въ 8 д. л., 2+88 стр.

Въ началѣ этой весьма рѣдкой книжки помѣщено на трехъ страницахъ содержаніе драмы, а затѣмъ текстъ пьесы, для которой, какъ означено въ концѣ:—«Мусика славнаго Пащелла. Балеты сочиненія Конціанія. Мусика балетовъ Конобія. Декорація изображенія Бигарри. Махины учрежденія Бригонцы. Платье Жекара».

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этой книжки рѣдки.

Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

*) Въ Англіи отличились въ семъ родѣ Попе, Томсонъ, Сидней и другіе.

**) Разумѣя собственно Пастушескую.

***) Переводы Эклогъ Виргилія и Идилліи Г-жи Дезульеръ, которыми подарилъ насъ Г. Мерзляковъ, не могутъ назваться собственностью нашей словесности.

Уличная афиша, призывающая къ истребленію Европейцевъ въ Тянь-Тзинѣ и Шанхаѣ.

477. Изабелла Мендоза, Ишпанская повѣсть, сочиненная госпожею Котца. Переводъ съ французскаго языка. Напечатана при сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. 1760 года.—Въ 8 д. л., 98 стр.

Эта книга очень любопытна по своему историческому повѣствованію. Она была напечатана въ 1760 году въ небольшемъ количествѣ экземпляровъ и вскорѣ-же была распродана; почему въ настоящее время принадлежитъ къ числу рѣдкихъ книгъ.

См. «Послѣдніе матеріалы для библіографіи или описаніе книгъ, находящихся въ библіотекѣ любителя Якова Березина-Ширяева», стр. 235-я, гдѣ сказано:—«довольно рѣдкая».

478. Избіеніе младенцевъ. Поэма въ четырехъ пѣсняхъ. Сочиненіе Кавалера Марино. Переводъ съ италіанскаго. Въ типографіи Императорскаго Московскаго университета. 1799 года.—Въ 12 д. л., 128 стр.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры довольно рѣдки.

См. «Послѣдніе матеріалы для библіографіи или описаніе книгъ, находящихся въ библіотекѣ любителя Якова Березина-Ширяева», стр. 232-я, сказано:—«книжка рѣдкая».

479. Изборникъ Великаго князя Святослава Ярославича. 1703 года. Изданіе Императорскаго общества любителей древней письменности; факсимиле. С.-Петербургъ. 1880 года, бол. л. X стр. объяснительнаго текста+266 листовъ, составляющихъ текстъ „Изборника“ и 3 фотографическихъ снимка.

Текстъ «Изборника» исполненъ посредствомъ фотолитографіи, по способу М. И. Алисова, а

15*

картины—фотохромолитографіи. Къ тексту приложены три фотографическіе снимка съ одной картины и съ двухъ страницъ текста (съ чистой и загрязненной). Роскошное изданіе это напечатано въ количествѣ 360 экземпляровъ и не поступало въ продажу.

Купленъ мною экземпляръ за 60 рублей.

Драгоцѣнный древній окладъ Мстиславова Евангелія (XII вѣка).

480. Избранная библіотека для христіанскаго чтенія. 4 части. Москва. 1784 года.—Въ 12 д. л., въ современномъ кож. переплетѣ.

Означенная «Избранная библіотека для христіанскаго чтенія» составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Четвертый томъ не былъ допечатанъ, вслѣдствіе арестованія ея въ типографіи, какъ масонской книги; она прерывается на страницѣ 242-й. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 2119, сказано «рѣдка», особливо четвертая часть, которая не была допечатана. См. «Реэстръ книгамъ, въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества, имяннаго указа, изъ разныхъ въ Москвѣ лавокъ, отобраннымъ и слѣдующимъ къ доставленію, Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, въ контору, за № 18». Изслѣдованія Лонгинова, Новикова и «Московскіе мартинисты» стр. 62.—Книга замѣчательна, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія.

481. Избранная библіотека для христіанскаго чтенія. 2 части. Москва въ

университетской типографіи, 1819 года.— Въ 16 д. л., часть 1-я 232; часть 2-я 420 стр.

См. «Реэстръ книгамъ, которыя были признаны архіепископомъ Платономъ въ 1786 году—«сумнительными, и могущими служить къ разнымъ вольнымъ мудрованіямъ, а потому къ заблужденіямъ и разгоряченію умовъ» — «Новиковъ и «Московскіе мартинисты». Изслѣдованіе М. Н. Лонгинова, за № 13: «Сія избранная библіотека для христіанскаго чтенія содержитъ въ себѣ превосходную созерцательную нравственность, какую весьма въ немногихъ книгахъ найти можно, и потому при семъ прилагаю выписку изъ предисловія, къ вѣ-

Каразинъ, В. Н.

Ревнитель просвѣщенія, основатель Харьковскаго университета.

рующему и Бога ищущему человѣку.—Миръ Божій да будетъ съ тобою благовѣйный страниче, вѣрующій на сей святой тройственный путь. Разсмотри твою душу, которая была всевысочайшаго единаго истиннаго и прекраснаго, благолюбезная дщерь, сестра и невѣста, но увы лестію сатаны отъ божескаго единства и вѣчнаго свѣта истины, и отъ источника ангельской чистоты и непорочности отлучилася и на распутьяхъ въ нечистыхъ болотахъ и лужахъ многихъ мнѣній осквернилась, въ нечистомъ звѣриномъ тѣлѣ погрязла, и такъ вѣчнаго отлученія, срама и гибели участницею и виновною учинилася».

482. Избранная библіотека русскаго генеалога. (Библіографическій опытъ). Выпускъ первый. Изданія особенно рѣдкія и цѣнныя. Составилъ Л М. Савеловъ. Москва. Типо-литографія И. Н. Кушнерева, 1859 г.—Въ 8 д. л., 25 стр.

Означенная брошюрка посвящена авторомъ Л. М. Савеловымъ—любителямъ русской генеалогіи.

Въ первомъ выпускѣ указано на 48 сочиненій по русской генеалогіи, особенно рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій.

Настоящее изданіе напечатано всего лишь въ количествѣ 100 экземпляровъ.

Купленъ мною экземпляръ за 2 рубля.

483. Избранныя сочиненія госпожи де-ла-Моттъ-Гіонъ, или изъясненія и размышленія на дѣянія и посланія Святыхъ Апостоловъ, руководствующія къ внутренней жизни. Въ III частяхъ. Переводъ съ новаго исправленнаго изданія, 3 части.—Москва, въ университетской тип., 1820, 1821 гг.—Въ 8 д. л.—XXXII—547, XXXII—436, посвященіе кн. Ал. Ник. Голицину, издателя Алексѣя Трескина съ предувѣдомленіемъ.

Книга запрещена. Въ алфавитномъ каталогѣ изданіямъ на русскомъ языкѣ запрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи—за 1804 г. значится за № 244.

484. Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета объ археологическихъ розысканіяхъ въ 1855 году. С.-Петербургъ. 1855 года.—Въ 4 д. л., 189 стр., съ картой и двумя планами.

Означенная книга въ продажу не поступала. Въ отчетѣ описаны раскопки и изслѣдованія П. В. Савельева. Въ текстѣ помѣщены изображенія древностей, найденныхъ при раскопкахъ.

См. у Остроглазова—«Русскій Арх.» за 1891 г. № 9.—Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры рѣдки.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

485. Извращеніе половаго чувства. Проф. Н. А. Оболонскаго. С.-Петербургъ. 1898 года. Типографія Шредера.—Въ 8 д. л. 20 стр.

Это отдѣльный оттискъ изъ журнала «Русскій архивъ патологіи, клинической медицины и бактеріологіи». Отпечатанъ въ количествѣ только двадцати пяти экземпляровъ и при томъ не для продажи.

486. Извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ Россійской Арміи противъ французовъ 1812 года.—3 части. Санктпетербургъ, въ медицинской типографіи 1813—1814 гг.—Въ 8 д. л. Часть 1-я 339 стр., часть II. первой половины 155 стр. и часть III вторая половина и окончаніе войны 64 стр.

Цѣль изданія этой книги объясняется авторомъ ея, Койленскимъ, желаніемъ принести посильную дань военной литературѣ, представивъ ясное, хотя и краткое изображеніе одного изъ знаменитыхъ годовъ, когда въ такомъ яркомъ свѣтѣ проявилась и великодушная твердость Государя и доблести народа русскаго.

Извѣстія начинаются 7 іюня 1812 года изъ Главной квартиры и оканчиваются представленіемъ князя Голенищева-Кутузова Его Императ. Величеству журнала съ 29 декабря 1812 по 1-е января 1813 года.

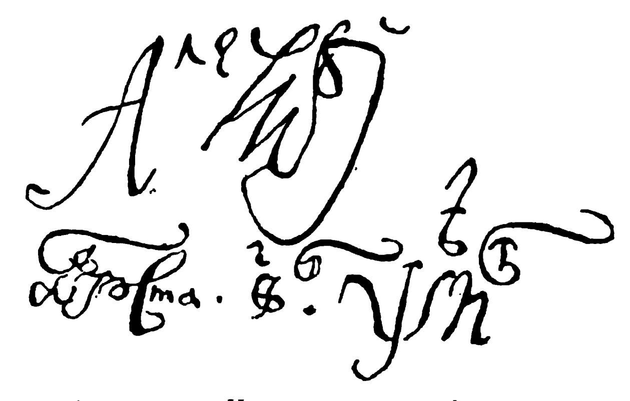
Во II части извѣстія начинаются 1-го января 1813 года изъ Главной квартиры мѣстечка Меречь и оканчиваются 28 мая донесеніемъ генерала Бюлова, который доноситъ, что: «Слѣдуя всѣми силами своими къ Лукау, дабы не быть отрѣзану отъ Берлина, встрѣтилъ близь онаго непріятеля въ 30,000 подъ командою Маршала Удино, который его немедленно атаковалъ, но послѣ кровопролитнаго сраженія Французы на всѣхъ пунктахъ были опрокинуты. Непріятель, дабы прикрыть свое отступленіе, зажегъ предмѣстіе города Лукау, а такъ какъ къ оному ведетъ токмо одна дорога, то кавалерія не могла удобно его преслѣдовать, почему Генералъ Бюловъ отрядилъ влѣво всю Прусскую Конницу и часть Россійской, у него подъ командою находящейся, которая подъ предводительствомъ Генерала Оппена напала на правый непріятельскій флангъ, смяла всю тутъ находившуюся кавалерію, и взяла 2 пушки, одну гаубицу и болѣе 500 плѣнныхъ. Сраженіе начавшееся въ 10 часовъ утра окончилось въ 10 часовъ вечера. Непріятель отступилъ къ Зонненвальде, куда Генералъ Бюловъ за нимъ послѣдовалъ».

Затѣмъ въ III части извѣстія начинаются 19 августа 1813 года, изъ Главной квартиры города Теплицъ, и оканчиваются 19 марта по утру: «Его Императорское Величество и Его Величество король Прусскій имѣли въѣздъ въ Парижъ, въ сопровожденіи гвардіи. Время было прекрасное; стеченіе народа безчисленное. Но встрѣча, сдѣланная ихъ Величествамъ, превосходитъ всякое описаніе. Они находились какъ бы не среди непріятелей, и приняты какъ избавители. Ихъ окружалъ народъ, изъявляющій самыя восхитительныя чувствованія и простирающій къ нимъ руки съ восклицаніемъ: «Да здравствуютъ наши избавители!»

Книга эта заключаетъ въ себѣ описаніе важныхъ историческихъ событій, послѣдовательно изложенныхъ и представляющихъ собою полную картину послѣдней войны Наполеона съ Россіею, такъ гибельно окончившейся для перваго и побѣдоносно для послѣдней.

Книга рѣдкая.

Купленъ мною полный экземпляръ, со всѣми приложеніями, за 10 рублей.

Автографъ Царевича Алексѣя.

487. Извѣстіе о дворянахъ россійскихъ, о ихъ древнемъ происхожденіи, о старинныхъ чинахъ и какія ихъ были должности при Государяхъ, Царяхъ и великихъ князяхъ; о выборѣ доказательствъ на дворянство; о родословной книгѣ; о владѣніи деревень; о службѣ предковъ и собственной, и о дипломахъ,—сочиненное коллежскимъ совѣтникомъ Ф. Н. Мил-

леромъ. Издано И. Р., съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ, относящихся къ тому-же предмету, статей.— Печатано съ указнаго дозволенія въ Санктпетербургѣ, 1790 года. Цѣна безъ переплета 2 р. 40 к.

Книга эта составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. По всей вѣроятности книга была издана въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и по выходѣ въ свѣтъ— быстро распродана. Этимъ только и можно объяснить ея чрезвычайную рѣдкость. «Извѣстіе о дворянахъ россійскихъ» было написано Ф. И. Миллеромъ, по порученію Императрицы Екатерины II которой нужны были свѣдѣнія при сочиненіи грамоты о дворянствѣ. Достаточно указать на содержаніе этого значительнаго историческаго труда, который слѣдовало-бы теперь повторить, разумѣется, въ болѣе широкомъ размѣрѣ.

Въ началѣ книги слѣдуетъ оглавленіе, въ которомъ говорится: I. Какія есть узаконенія на дворянство, какія были дворянскія службы и какія нынѣ есть. II. О дѣтяхъ боярскихъ. III. О жильцахъ. IV. О дворянахъ. V. О стряпчихъ. VI. О стольникахъ. VII. О думныхъ дворянахъ. VIII. О окольничихъ. IX. О боярахъ и проч. X. О дворецкомъ и проч. XI. О конюшемъ и проч. XII. О крайчемъ или кравчемъ. XIII. О оружничемъ или о оружейничемъ. XIV. О казначеѣ. XV. О постельничемъ. XVI. О ясельничемъ. XVII. О ловчемъ и сокольничемъ и проч. XVIII. О дьякахъ или думныхъ дьякахъ и проч. XIX. О стрѣлецкихъ начальникахъ и проч. XX. О выборѣ доказательства на дворянство. XXI. О владѣніи деревень. XXII. Служба предковъ и собственная. XXIII. О дипломахъ. XXIV. Роспись при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, кому сколько по чинамъ велѣно давать подводы. XXV. Сокращенная роспись алфавитнымъ порядкомъ тѣмъ фамиліямъ, отъ которыхъ родословныя росписи въ разрядѣ поданы.—Затѣмъ въ концѣ 371 стр. помѣщена сокращенная роспись алфавитнымъ порядкомъ тѣмъ фамиліямъ, отъ которыхъ родословныя росписи въ разрядѣ поданы, съ показаніемъ откуда тѣ роды произошли, или выѣхали или о которыхъ извѣстія нѣтъ; также—какіе роды отъ тѣхъ родовъ произошли и подъ какими нумерами тѣ родословныя находятся въ разрядномъ архивѣ.

Книга отмѣчена рѣдкою у Сопикова за № 4411.—У Геннади—«Книж. рѣд.»—№ 73.

Куплена мною за 25 рублей.

488. Извѣстіе о двухъ возмущеніхъ, случившихся въ Константинополѣ 1730 и 1731 года при низложеніи Ахмета III и возведеніи на престолъ Магомета V. Переведено съ французскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1738 года.—Въ листъ, 38 стр.

Извѣстіе состоитъ изъ пространнаго описанія о томъ, какъ—«возмущенія, начавшіяся въ Персіи чрезъ бунтъ, который начатъ отъ Эшрефа противу Софі, или шаха, своего государя, у котораго онъ намѣрился отнять престолъ и сѣсть самъ на оной, подали благопріятной случай туркамъ распространить съ сея страны свои границы и завладѣть персидскими провинціями, которыя имъ наибольше были нужны. Эшрефъ, дабы удержаться на престолѣ, который онъ похитилъ умертвивши Софі, или шаха, заключилъ миръ съ турками, которые, чтобъ оставшіяся за ними завоеванія были въ безопасности, отдали ему городъ Таврисъ и нѣкоторыя другія крѣпости, а сами только помышляли пользоваться въ тишинѣ тѣмъ, чѣмъ уже они владѣли. Но ихъ тишина вскорѣ пресѣклась чрезъ перемѣну щастія, которыя они не чаяли. Эшрефъ, будучи въ мирѣ съ турками, не долго наслаждался плодомъ своея неправды, когда сынъ низложеннаго Софі, или шаха, нашелъ способъ собрать до 40,000 человѣкъ войска, подъ командою Тамисъ-Кулыхана, человѣка отважнаго и храбраго; то Эшрефъ принужденъ былъ бѣжать и наконецъ былъ пойманъ, и казненъ жестокою смертію за свой бунтъ и за раззореніе своего отечества, которому онъ былъ причина».

Эта любопытная книга напечатана въ два столбца.

Купленъ мною экземпляръ за 3 руб.

489. Извѣстіе о древностяхъ славяно-русскихъ и объ Игнатіѣ Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ. Москва, 1811 года, въ университетской типографіи,—Въ 12 д. л., 21 стр.

Ѳерапонтовъ (родился 1740 г.) собиралъ и продавалъ въ Москвѣ старинныя рукописи и книги.

К. Калайдовичъ указываетъ нѣсколько рѣдкостей, недоставленныхъ имъ археологу Баузе. «Извѣстіе» это было помѣщено въ «Вѣстникѣ Европы»—часть 55-я, 1811 г. № 1.

Отдѣльное изданіе очень рѣдко.

У Сопикова указано за № 4392. У Смирдина № 2910. У Безсонова—стр. 6. У Остроглазова «Книжныя рѣдкости» за № 97, сказано — «эта книжка перепечатана въ матеріалахъ для исторіи русской книжной торговли», напечатана въ С.-Петербургѣ въ 1879 году.

Поэтому настоящая брошюра въ первомъ изданіи составляетъ большую библіографическую рѣдкость, и потому для большинства недоступна. Въ виду же ея особаго интереса, считаю не лишнимъ привести ее здѣсь дословно, съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

de réponse sur ce que j'en avois mandé, ce que je ne saurois
attribuer qu'au grand nombre des affaires sérieuses dont ce
ministre est accablé, et qui font oublier les moins importantes.
Si vous lui en avez dit un mot, Monsieur, je ne doute
nullement qu'il vous aura témoigné combien il est sen-
sible au soin que vous prenez à chanter si noblement
a nous en la postérité les plus sublimes les vertus de notre
Auguste Souveraine. En conséquence de cette persuasion
je me charge avec plaisir d'envoyer à Sa Majesté Impériale
l'Exemplaire du Livre et de la Dedicace de que vous me faites
l'honneur de m'envoyer, sûr que l'un et l'autre seront
reçus favorablement. Au reste, Monsieur, ma lettre
pour Mr. le Comte d'Ostermann n'a fait purement que
l'office d'un guide; vous n'aviez pas besoin de ma recom-
mendation pour être distingué par ce ministre judicieux,
il a des yeux pénétrants et beaucoup de politesse. Si cependant
cette lettre a contribué à vous procurer quelque agrément
à notre Cour, j'en suis charmé. Je le serai toutes les
fois que vous me donnerez l'occasion de vous prouver
la parfaite estime, et le vrai attachement, avec lesquels
j'ai l'honneur d'être

Monsieur

Votre très humble et très obéissant
serviteur
A. Pr. Cantemir

Факсимиле письма князя А. Д. Кантемира 1739 г.

ИЗВѢСТІЕ

о древностяхъ славяно-русскихъ

и объ

ИГНАТІИ ѲЕРАПОНТОВИЧѢ ѲЕРАПОНТОВѢ,

первомъ собирателѣ оныхъ.

Соч. К. Калайдовича, Москва, въ университетской типографіи 1811 г. (12).

Мы не можемъ доказать, что предки наши стояли на ряду съ просвѣщеннѣйшими народами; но что они были знакомы съ науками и художествами и не мало занимались ими, это извѣстно всякому, знающему свою исторію. По времени и по духу тѣхъ вѣковъ нельзя было ожидать отъ нихъ трактатовъ о математическихъ и натуральныхъ наукахъ; однакожъ обработываніе языка своего, богословскія и философическія разсужденія, всеобщая и особенно россійская исторія и правила чистой нравственности были главнымъ занятіемъ тогдашнихъ, хотя и не многихъ, нашихъ ученыхъ;—основательно познаніе греческаго и латинскаго языковъ не мало способствовало къ распространенію ихъ познаній. Но кто мнѣ докажетъ, что и физическія науки въ XI и XII вѣкахъ не были извѣстны Россіянамъ? *Іоаннъ Смерь* родомъ Половчанинъ, *Петръ* Сиріянинъ и неизвѣстный по имени Армянинъ были весьма искусные врачи тогдашняго времени. Не оставили ли они своихъ сочиненій?—Можетъ быть время и несчастія, претерпѣнныя Россіею, поглотили ихъ? — Многіе скажутъ: для чего намъ знать о просвѣщеніи предковъ? Довольно и того, что мы чего нибудь стоимъ.—Положимъ, что мы ихъ ученѣе—умнѣе; но знаніе своей ста-

рины, какова она ни есть, дастъ намъ болѣе права на просвѣщеніе.

Въ Россіи много отечественныхъ древностей; первое и важнѣйшее мѣсто занимаютъ книги; въ одномъ краю онѣ гніютъ въ углахъ монастырскихъ, въ другомъ *невѣжество жжетъ ихъ*—употребляетъ на обертки, — кое гдѣ попадаютъ онѣ въ руки мелочнымъ торгашамъ и продаются иногда за безцѣнокъ; а очень, очень рѣдко появляется знающій охотникъ, который съ возможнымъ тщаніемъ хранитъ ихъ и дѣлаетъ изъ нихъ лучшее употребленіе. При такомъ небреженіи чего ожидать добраго? Что скажутъ о насъ ученые иностранцы? Какой отчетъ дадимъ мы просвѣщенію? У насъ нѣтъ полнаго собранія древностей, или хотя такого, которое бы превосходило прочія: одинъ имѣетъ то, другой другое, также рѣдкое—единственное, и все это разсѣяно въ рукахъ частныхъ, невѣрныхъ. Кажется, теперь весьма тщательно собираютъ ихъ; но умножающееся число охотниковъ, а особливо до нашихъ древнихъ рукописей, возвышаетъ оныхъ цѣну, и дѣлаетъ то, что нѣкоторые продаютъ рукопись втрое и вчетверо дороже противъ настоящаго. Богатые охотники до славяно-русскихъ древностей, ничего не жалѣя, собираютъ сіи драгоцѣнные остатки — памятники народнаго просвѣщенія въ любезномъ отечествѣ. Не имѣя полнаго собранія, мы должны быть благодарны и симъ частнымъ собирателямъ и тѣмъ, которые доставляютъ рѣдкости въ надежныя руки. Въ Москвѣ давно уже торгуетъ старинными русскими письменными и печатными книгами, также древними иконами, почтенный старикъ *Игнатій Ѳерапонтовичъ*. [1]) Жизнь его не славна важными подвигами, но истинное усердіе, принесенное въ жертву отечеству, должно быть для насъ не менѣе драгоцѣнно.—Онъ родился 1740 года мая 9-го дня, Тульской губерніи въ городѣ Каширѣ. Выучившись самъ собою грамотѣ, онъ получилъ охоту читать и разбирать старинныя церковныя книги, и охота наконецъ сдѣлалась въ немъ страстью. Неимѣніе свободы и не богатое состояніе не позволяли ему собирать рукописей; и такъ онъ рѣшился еще *первый* завесть ими торгъ, и счастливый успѣхъ наградилъ впослѣдствіи всѣ его старанія. Между тѣмъ, читая и перечитывая книги, сколько ему время дозволяло, безъ помощи иностранныхъ языковъ и наукъ, запасся онъ познаніями, и собственнымъ любопытствомъ и опытомъ дошелъ до того, что въ теперешнихъ его лѣтахъ, на 71 году жизни, нѣкоторые изъ почтеннѣйшихъ нашихъ любителей и знатоковъ русскихъ древностей считаютъ себѣ за честь совѣтоваться съ нимъ при изъясненіи старинныхъ книгъ и другихъ древностей, и даже называться его учениками. Профессоры Московскаго Университета *Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ, Дмитрій Николаевичъ Синьковскій* и *Ѳедоръ Григорьевичъ Баузе* были первые, которые обратили вниманіе на драгоцѣнности Игнатія Ѳерапонтовича. Профессоръ Барсовъ нерѣдко при своихъ историческихъ сочиненіяхъ пользовался древнѣйшими лѣтописями, находившимся въ библіотекѣ Ѳерапонтова. Съ того времени много любопытныхъ стекалось видѣть драгоцѣнные памятники вѣковъ протекшихъ, и богатые охотники начали собирать ихъ. — Почтеннѣйшіе любители нашихъ древностей, Графъ *Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ*, Графъ *Ѳедоръ Андреевичъ Толстой, Платонъ Петровичъ Бекетовъ*, много весьма рѣдкихъ вещей чрезъ него получили. Почтенный иностранецъ, умомъ своимъ и обширными свѣдѣніями приносящій честь Московскому университету, Профессоръ Ѳедоръ Григорьевичъ Баузе, приводящій теперь къ концу свое собраніе славянороссійскихъ рукописей, печатныхъ древностей и монетъ, которое едва ли не есть единственное въ своемъ родѣ, весьма много пріумножилъ его купленными отъ Игнатія Ѳерапонтовича рукописными и печатными книгами. Самая древнѣйшая книга, изъ всѣхъ хранящихся у профессора Баузе, и едва ли не изъ всѣхъ собраній, есть *Прологъ* (сокращенное описаніе житій святыхъ), писанный *уставнымъ письмомъ* (unciales literae) въ листъ на пергаментѣ въ 1229 году въ Великомъ Новѣгородѣ [2]).—При нынѣшнихъ обстоятельствахъ мы должны дорожить и сими *поздними* древностями, ибо о древлянскихъ рукописяхъ *Г. Дубровскаго*, писанныхъ, какъ говорятъ, *руническими буквами*, и другихъ отъ временъ Св. Ольги и Владиміра оставшихся, еще ничего не обнародовано [3]). Моравскій дворянинъ *Ганкенштейнъ* хотѣлъ обмануть насъ славянскою рукописью, будто-бы 8-го вѣка (онъ продавалъ ее); но доказательства его признаны недостаточными [4]). Князь *Щербатовъ* увѣрялъ, что онъ имѣлъ *Сборникъ*, писанный 1046 года. Въ каталогѣ древнихъ рукописей Московской Духовной типографіи означены многія XII

и XI и даже X вѣками; но, какъ думаютъ — на угадъ. Самые древнѣйшие письменные памятники. изъ находящихся въ архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, суть три Новгородскія грамоты, писанныя на *пергаментѣ* въ началѣ правленія Ярослава III (1264 года); а изъ писанныхъ на *бумагѣ* всѣхъ древнѣе постановленіе между Симеономъ Іоанновичемъ Гордымъ и его братьями, относящееся къ 1341 году [5]). *И. Бакмейстеръ* замѣчаетъ, что славянскія рукописи, до насъ дошедшія, не старѣе XIII вѣка. Изъ хранящихся въ библіотекѣ С.-Петербургской Академіи Наукъ самая древнѣйшая рукопись на *пергаментѣ* 1298, а на *бумагѣ* 1371 года [6]).

Всѣ письменные памятники, вышеобъявленные, или не вѣрны или позже книги Баузевой; въ 1806 году въ С.-Петербургскомъ журналѣ «Лицеѣ» (№ 4) обнародовано объ одномъ славянскомъ Евангеліи, писанномъ на пергаментѣ 1066 года и поднесенномъ Государю Императору Статскимъ Совѣтникомъ Дружининымъ, которое старѣе Пролога 192 годами. Но ежели въ сей книги почитается доказательствомъ древности только то, что буква Н употреблена вмѣсто И, связное ІЕ за мягкое Е, и Ь иногда вмѣсто Е; то такое жъ правописаніе, какъ замѣчаетъ почтенный сочинитель *Новаго Опыта о Россійскихъ писателяхъ*, видно въ Новгородскихъ Софійскихъ рукописяхъ, принадлежащихъ къ концу XIII и началу XIV вѣка. Кромѣ помянутаго (Пролога), древнѣйшаго памятника славяно-русской письменности, профессоръ Баузе хранитъ у себя много рѣдкихъ, единственныхъ рукописей, собраніемъ которыхъ онъ обязанъ неусыпному старанію Игнатія Өерапонтовича. Примѣчательнѣйшія суть: 1) другой *Прологъ*, писанный на пергаментѣ, безъ означенія времени, не менѣе древній перваго [7]); 2) книга *Степенная*, содержащая Россійскую исторію, писанная скорописью съ удивительнымъ искусствомъ, 1551 года [8]); 3) весьма любопытный и пространный *Лѣчебникъ*, переведенный съ польскаго, принадлежащій къ 1588 году [9]), и 4) неизвѣстными письменами начертанная книга, думать надобно, математическая. [10])—Печатныя древности, хранящіяся у профессора Баузе, не менѣе рукописныхъ важны и любопытны. Первое мѣсто занимаютъ двѣ книги, переведенныя на славянскій языкъ *Францискомъ Скориною* и напечатанныя въ началѣ 16 вѣка, [11]) а также Библія *Острозская* [12]) и первая въ Москвѣ напечатанная книга *Апостолъ*, [13]) куплены у Игнатія Өерапонтовича вмѣстѣ съ другими писанными на пергаментѣ и бумагѣ, также и печатными XVI и XVII столѣтія, объясняющими исторію отечественную и служащія доказательствомъ просвѣщенія народнаго. Почтенный старикъ съ невѣроятною ревностію собиралъ, гдѣ только могъ провѣдать, всѣ древнія книги, нерѣдко и самъ покупая дорогою цѣною. Сожалѣть нѣсколько должно о томъ, что книги, иконы, кресты и другія рѣдкости находятся въ разныхъ рукахъ; но Игнатій Өерапонтовичъ заслуживаетъ общую благодарность за то, что безъ его старанія можетъ быть нѣсколько сотенъ важныхъ книгъ совершенно бы пропали отъ нерадѣнія, ибо лѣтъ за 40 передъ симъ весьма немногіе думали о собираніи ихъ. Можно смѣло сказать, что нѣтъ ни одной печатной книги до временъ Петра Великаго, которой бы Өерапонтовъ не имѣлъ въ рукахъ своихъ. Съ помощію его государственныя хранилища древностей въ наши времена, когда умножились охотники и уменьшились рѣдкости, могли бы весьма обогатиться. И теперь еще библіотека его обильна памятниками вѣковъ протекшихъ: книги Св. Писанія, житія Св. Отцевъ и наставленія церковныхъ учителей, поистинѣ занимаетъ у насъ первое мѣсто, и почтенный старецъ, находя истинное блаженство и услажденіе жизни въ религіи, нерѣдко оставя земное, переселяется духомъ въ горняя, читая таинства Св. Писанія, открытыя истинному сыну церкви. Русскіе патріоты! вы никогда не должны забыть истиннаго усердія, принесеннаго въ жертву отечеству!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Дѣти его торгуютъ *) также церковными книгами въ Москвѣ на Спасскомъ мосту и отправляютъ ихъ почти во всѣ Россійскіе города, а частію въ Молдавію и Сербію.

2. Вся книга писана въ большой листъ довольно чистыми и почти квадратными буквами и каждая страница раздѣляется на двѣ половины, передъ каждымъ мѣсяцомъ—(которые всѣ названы

---

*) Это написано въ 1811 г. Въ настоящее время преимущественно торгуетъ въ Москвѣ церковными книгами внукъ Игнатія Өерапонтовича почтенный Андрей Николаевичъ Өерапонтовъ, на Никольской улицѣ, д. Заиконоспасскаго монастыря.

древними славянскими именами, какъ-то: Сентябрь Руинъ, Октябрь Листопадъ, Ноябрь Груденъ, Декабрь Студенъ, Инварь Присинецъ и Февраль Сѣченъ) изображены по золоту картинки, представляющія святыхъ. Въ концѣ мѣсяца Августа находится слѣдующее *посльсловіе* или заключеніе: въ лѣто.+ ꙃф, ꙁ҃л (6737) концанъ бысть писати прологъ съ (сей) въ великомъ новѣгородѣ къ святому спасу за волокъ вшенкурью мѣсяца. июля въ 7. на память святаго отца сисоя. а повелѣніемъ раба Божія Остафья Васильевица. а писалъ давыдъ дьякъ святаго михайла. на михайлови улицѣ. а вы отци или братья чтите справливая. а мене гришнаго не клените. 'яко же есть писано. но благословите а не клените аминь. — Тотчасъ за симъ слѣдують такія же славянскія письмена, но только не извѣстный смыслъ въ себѣ заключающія. — Игнатій Ѳерапонтовичъ называетъ ихъ письмомъ *Корельскимъ.*

Изъ десяти строкъ первыя пять здѣсь предлагаются:

мацъ щлъітомащсь
ниенсы швинугипу
ромьлтую клтохей
ниледь топгашвитъ
пиѵулию арипъ.

3. Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, г. Дубровскій, проведшій 26 лѣтъ внѣ Россіи, имѣлъ случай достать невѣроятныя драгоцѣнности. По возвращеніи его въ отечество, во многихъ журналахъ провозглашено было о сокровищѣ г. Дубровскаго. Пріятнѣйшее для насъ извѣстіе есть то, что ревностный собиратель, будучи въ Парижѣ, имѣлъ случай купить часть библіотеки Анны Ярославны (дочери Ярослава I, бывшей за королемъ французскимъ, Генрихомъ I), состоящей изъ рукописей, достигающихъ до временъ Рюрика. «Сѣвер. Вѣстн.» 1805. № 2. — Это даже невѣроятно; но если и правда, то зачѣмъ столь долго томить историковъ и литераторовъ?

4. Помянутый дворянинъ въ 1803 году прислалъ изъ Ольмица въ святѣйшій Синодъ описаніе церковной славянской книги будто бы 8-го вѣка; но доказательства его признаны недостаточными. Ганкенштейнъ, не смотря на то, въ 1804 году напечаталъ въ Офенѣ свое описаніе подъ заглавіемъ: Rezension der aelts ten Urkunde der slavischen Kirchengeschichte, Literatur und Sprache eines pergamentener Codex aus dem achten Jahrhunderte. На сію книгу критическія замѣчанія можно читать въ Петербургскомъ журналѣ «Любителѣ Словесности» (1806, май).

5. Три новгородскія грамоты и договоръ Семеона Іоанновича съ братьями напечатаны въ 1-й части 2-го изданія древней Россійской Вивліоѳики, Москва, 1788 г., 8.

6. Древнѣйшій въ Академической библіотекѣ памятникъ на пергаментѣ есть: *Житія св. Отцевъ* писанныя въ Новгородѣ повелѣніемъ архіепископа Іоанна, Григорьемъ Ярославцемъ; а на бумагѣ *Діонисій Арюепагитъ*, переведенный съ греческаго монахомъ Исаіемъ.

7. Начала и конца въ немъ нѣтъ; форматъ и письмо одинаковы съ прологомъ Новгородскимъ, исключая картинъ, представляющихъ святыхъ, которые въ этомъ кажутся гораздо старѣе. Изъ Россійскихъ святыхъ помѣщены здѣсь Борисъ и Глѣбъ, Ѳеодосій игуменъ Печерскій и князь Владиміръ I. Мѣсяцъ май названъ *Травеномъ,* іюнь *Изокомъ,* августъ *Заревомъ.*

8. Книга степенная, изданная Миллеромъ, кончается 'не полною рѣчью, потому что издатель не могъ отыскать конца въ спискахъ; но во всемъ экземплярѣ находится окончаніе. Онъ писанъ священникомъ Стефаномъ Звягинымъ.

9. Лѣчебникъ писанъ скорописью въ листъ; передъ каждою статьею наклеены гравированныя изображенія травъ, деревъ, звѣрей, птицъ, камней и проч., находящагося въ Польскомъ подлинникѣ, печатанномъ въ Краковѣ 1542 года.—Изъ предисловія видно, что эта книга (*лькарская*) травникъ, переведена съ латинскаго на польскій для пана Станислава, воеводы Троцкаго Гажтовтова, съ котораго уже на русскій перевелъ въ Серпуховѣ Панъ Станиславъ Станчевскій, повелѣніемъ воеводы Ѳомы Аѳанасьевича Бутурлина въ 1588 (7906) году. Всѣхъ листовъ въ лѣчебникѣ 1561.

10. Математическія книги встарину у простаго народа *черными* назывались, а самая наука *чернокнижіемъ.* Графъ Мусинъ-Пушкинъ, въ Историческомъ Изслѣдованіи о Тьмутараканскомъ княженіи, говоритъ (на стр. 52 въ примѣч.), что у него есть древняя книга, именуемая *щетная мудрость,* по просту же черная книга, которая

такъ называлась потому, что рѣдкій оную разбирать могъ; ибо составлена почти вся изъ знаковъ, и содержитъ многія ариѳметическія правила и выкладки.—Чернокнижіе или чернокнижничество различалось отъ гаданія тѣмъ, что въ немъ предполагалось сообщеніе съ духами, коихъ будто призывали чтеніемъ книгъ, писанныхъ цифрами. Кромѣ многихъ клеветъ, возложенныхъ на славнаго боярина Матвѣева, было и то, что будто бы онъ съ докторомъ Стефаномъ и Спафаріемъ запершись читали черную книгу, величиною въ полдесть, а толщиною пальца въ три, по которой переводчикъ Спафарій училъ Матвѣева и его сына, и что въ тѣ комнаты (гдѣ они читали) вошло много нечистыхъ духовъ! Послѣ открылось, что это былъ лѣчебникъ, въ которомъ, для удобнаго пріискиванія лѣкарствъ, означено было цифрами. При семъ упомянуть надобно, что славный въ свое время математикъ *Брюсъ* слыветъ отъ простаго народа чернокнижникомъ, вѣроятно по *столѣтнему календарю* своему, и что про высокую Сухареву башню, гдѣ при Петрѣ I была математическая школа, разсказываютъ много нелѣпостей. И такъ математическая книга, хранящаяся у профессора Баузе, по суевѣрію народному, принадлежитъ къ чернымъ книгамъ. Она писана въ листъ и содержитъ ихъ болѣе 1000; судя по бумагѣ и литерамъ, можно смѣло положить, что ей, ежели не болѣе, а навѣрно около 200 лѣтъ; но — что всего для насъ пріятнѣе, то вся она есть ничто иное, какъ *логариѳмы*, которые и въ просвѣщенной Европѣ появились не ранѣе, ибо онѣ только въ 1618 году изобрѣтены Шотландцемъ Барономъ фонъ-Непперомъ. — Начальныя пять строкъ здѣсь представляются:

юыа юыв юыг юыд юые
юыѕ юыз шыи юые юыс
юыса юысв юысг юысд
юысе юысѕ юксз юыси
юысе юык юыка юыкв и такъ далѣе.

Здѣсь отличіе противъ подлинника только то, что въ немъ вмѣсто буквы Ю стоитъ *юсъ*, и вмѣсто курсива написаны цифры красными чернилами.

11. Это есть книга Іова и Канонникъ. Ученый докторъ медицины, родомъ изъ Полоцка, Франциск Скорина, перевелъ всю Библію на русскій, но только не съ 70 толковниковъ, а большою частію съ Вульгаты Бл. Іеронима.—Ни въ одномъ собраніи нашихъ древностей нѣтъ полнаго перевода: въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ хранится большая часть Ветхаго Завѣта. Графъ Ѳедоръ Андреевичъ Толстой имѣетъ нѣкоторыя мѣста Библіи, которыхъ не достаетъ въ Государственномъ Архивѣ; а у профессора Баузе есть три книги, переведенныя Скориною: Іовъ печатанный 1517 года въ Прагѣ предъ Варшавою; Канонникъ, думать надобно, въ Вильнѣ около 1525 года, и книга дѣянія и посланія Апостольскія, напечатанныя 1525 года въ Вильнѣ. Первыми двумя онъ одолженъ Игнатію Ѳерапонтовичу, а третья досталась ему отъ Петра Петровича Курбатова.—Первый, кажется, объявилъ о древнѣйшемъ печатномъ переводѣ Славянской Библіи (неизвѣстномъ ни Майтеру, ни ле-Лонгу) Іоганнъ Бакмейстеръ въ книгѣ своей (Essai sur la Bibliotèque et le Cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Academie de Sciences de Pétersbourg), описывая пять книгъ Моисеевыхъ.

12. Константинъ Константиновичъ Князь Острозскій въ 1581 году напечаталъ своимъ стараніемъ и иждивеніемъ Славянскую Библію въ городѣ Острогѣ, почему она и называется *Острозскою*. Типографщикомъ былъ вызванный изъ Москвы Иванъ Ѳедоровъ (см. ниже.)

13. Царь Іоаннъ Васильевичъ, видя необходимость исправныхъ церковныхъ книгъ, рѣшился въ 1553 году завести у себя типографію, и отыскавши мастеровъ *печатнаго дѣла*, діакона церкви Николая Голстунскаго, Ивана Ѳедорова и Петра Тимофеева, прозваніемъ Мстиславца, повелѣлъ имъ печатать. Первая книга, оконченная марта 1, 1564 года, было *дѣянія апостольска и посланія соборная*, которая печаталась почти цѣлый годъ; но при всѣхъ трудностяхъ отдѣлана довольно чисто.

490. Извѣстіе о рожденіи, воспитаніи и о житіи Святѣйшаго Никона патріарха московскаго и всея Россіи, написанное клирикомъ его Іоанномъ Шушеринымъ. Съ печатнаго изданія 1817 года, сличенного съ тремя древнѣйшими списками. Изданіе Воскресенскаго, Новый Іеруса-

лимъ именуемаго монастыря. Москва, въ университетской типографіи. 1871 года.— Въ 8 д. л. VII+119 стр.

Настоящее изданіе свѣрено по спискамъ Воскресенскому, Соловецкому, Румянцевскому и Иверскому, и можетъ считаться самымъ лучшимъ и полнымъ. Кромѣ того, здѣсь помѣщены нѣкоторыя библіографическія свѣдѣнія объ авторѣ-жизнеописателѣ Иванѣ Корнильевичѣ Шушеринѣ.—См. у Якова Березина-Ширяева, стр. 193, сказано:—«книга составляетъ большую рѣдкость».

491. Извѣстное да не всѣмъ или сборъ любопытныхъ вопросовъ. Съ дозволенія цензурнаго комитета. Санктпетербургъ, печатано въ типографіи Фр. Дрехслера, 1807 года.—Въ 8 д. л. 32+63 стр.

Въ этомъ рѣдкомъ и весьма любопытномъ изданіе содержатся вопросы и отвѣты о человѣкѣ, въ слѣдующемъ родѣ: вопросъ 36 — каковъ человѣкъ? — Отвѣтъ: до седьми лѣтъ по рожденію — младенецъ; до четырнадцати—отрокъ; до двадцати—юноша; тридцати — мужъ; пятидесяти — пожилой; семидесяти пяти старъ. — Вопросъ 37. Каковъ долженъ быть человѣкъ? Отв. на двадцатомъ году пригожъ; на тридцатомъ силенъ; на сороковомъ—разумнымъ; на пятидесятомъ — богатъ; на шестидесятомъ—набоженъ.

На оберткѣ книжки выставленъ № 1 и № 2. Вѣроятно предполагалось издать нѣсколько такихъ книжекъ, но у меня имѣются только 2 книжки.

Купленъ мною экземпляръ за 3 руб. (у В. И. Клочкова, въ Спб.).

492. Изображеніе эмблемы и символы на россійскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкѣ, объясненные прежде въ Амстердамѣ, а потомъ въ градѣ Св. Петра, 1788 года съ пріумноженіемъ изданные статскимъ совѣтникомъ Несторомъ Максимовичемъ Амбоцкимъ, новымъ исправленнымъ изданіемъ; печатано въ С.-Петербургѣ, въ императорской типографіи, 1811 года.— Въ 4 д. л., LXX+70+107 стр. съ рисунк.

Императоръ Петръ Первый, между многими своими добродѣтелями, всячески старался, какъ о введеніи полезныхъ наукъ, искусствъ и художествъ, такъ и о переложеніи полезныхъ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ. Въ числѣ таковыхъ, есть настоящая книга. Въ бытность Государя въ Голландіи, отпечатана была книга «символы и эмблемы» указомъ Императора Петра Алексѣевича, въ Амстердамѣ, 1705 года. Въ заглавіи сей книги изображенъ былъ портретъ сего Государя, съ окружающими оный приличными эмблемами и символами, которые и здѣсь представлены, съ описаніемъ оныхъ по порядку, какъ ниже слѣдуетъ. Эта книга сдѣлалась настолько рѣдкою, что не только въ Россіи, но и въ самой Голландіи, въ немногихъ книгохранилищахъ найдется. Впрочемъ, будучи весьма полезна и любопытна, а притомъ не довольно хорошо на русскій языкъ была переведена, то побудила издателя посвятить, и послѣднія минуты, удовольствію любителей наукъ, и приложить всевозможное попеченіе, какъ о явственнѣйшемъ ея переложеніи, такъ и о вырѣзаніи мѣдныхъ таблицъ и напечатаніи оныхъ, съ приложеніемъ языковъ наиболѣе въ Россіи нынѣ употребляемыхъ. Бывшія прежде въ ней голландскія надписи — переведены на россійское краткое объясненіе съ хронологическимъ описаніемъ гербовъ и эмблемъ, также россійское обширное, и французское алфавитныя оглавленіи символовъ. Вновь прибавлены многія символическія, на мѣди рѣзаны, украшенія по разнымъ мѣстамъ отпечатаны, чего въ прежнемъ изданіи отнюдь не было. На оборотѣ заглавнаго листа сказано слѣдующее: «какъ тѣло и душа, будучи во едино сопряжены, содѣлываютъ естественную связь человѣка, такъ извѣстные образы и слова во едини сложены будучи, составляютъ вразумительныя эмблемы и символы».—Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія. Хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 5 до 10 рублей.

493. Изображеніе истиннаго христіанства съ добродушнымъ къ оному увѣщаніемъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1800 года.—Въ 8 д. л.

См. реэстръ книгамъ, въ силу Высочайшаго Его Императорскаго Величества имяннаго указа изъ разныхъ въ Москвѣ лавокъ отобраннымъ и слѣдующимъ къ доставленію Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода въ контору, за № 108 значится сія книга. См. «Опытъ россійской библіографіи или

полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 4463, сказано: «книга рѣдка». Хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся до 6 рублей.

494. Изображеніе иллирическихъ оружій. Павломъ Риттеромъ на латинскомъ языкѣ изданное, и по его учрежденію на славянскій языкъ переведенное. Изданіе второе, со многими портретами сорбскихъ царей и архіепископовъ. Вѣна, 1741 года.—Въ 4 д. л.

Книга замѣчательна, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія и въ настоящее время составляетъ большую рѣдкость. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 4468, сказано: «книга весьма рѣдкая».

495. Изображеніе и описаніе памятника въ городѣ Прагѣ, что въ Богеміи, на военномъ кладбищѣ, въ честь скончавшихся тамъ россійскихъ офицеровъ, въ 1815 году воздвигнутаго и освященнаго. Вѣна, въ типографіи Іоанна Шпорера, 1815 года; такое-же заглавіе и на нѣмецкомъ языкѣ.—Въ 4 д. л., 6 неп. стр. въ два столбца, изъ которыхъ одинъ на нѣмецкомъ языкѣ съ изображеніемъ на особомъ листѣ памятника и съ виньеткой на первомъ листѣ.

Въ этой книжкѣ подробно описано, сколько погребено нашихъ офицеровъ, скончавшихся отъ ранъ, полученныхъ въ августѣ 1813 года подъ Дрезденомъ и Кульмомъ; памятникъ сооруженъ по повелѣнію Императора Александра I-го. Означенная книжка въ настоящее время составляетъ большую библіографическую рѣдкость. См. Геннади «Книжныя рѣдкости», за № 124; у Остроглазова сказано въ книжныхъ рѣдкостяхъ въ Русскомъ Архивѣ за 1881 годъ, что Шибановъ продалъ экземпляръ г-ну Мазурину за 150 рублей.

496. Изображеніе и изъясненіе фейэрверка и иллюминаціи, которые въ высокоторжественный и всерадостный день рожденія всепресвѣтлѣйшаго державнѣйшаго Великаго Государя Іоанна III, Императора и Самодержца Всероссійскаго, и прочая и прочая и прочая, 12 августа 1741, въ Санктпетербургѣ представлены были. Печатано при Императорской Академіи Наукъ, въ листъ.

Изданіе замѣчательное и весьма рѣдкое.

См. «Отчетъ Императорск. Публичной Библіотеки» за 1852 годъ, стран. 74-я, № 4-й.

497. Избранныя повѣсти и басни Мейснеровы. Переведенныя Василіемъ Подшиваловымъ. 10 книжекъ Владиміръ, въ типографіи губернскаго правленія, 1800 года.—Въ 16 д. л.; 1-я 255, кн. 2-я 284, кн. 3-я 290, кн. 4-я 280, кн. 5-я 257, кн. 6-я 289, кн. 7-я 264, кн. 8-я 260, кн. 9-я 188, кн. 10-я 231 стр.

Въ началѣ каждой книжки приложено по одной гравированной картинкѣ.

Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ, что «многія изъ этихъ повѣстей и басенъ были напечатаны ранѣе въ періодическихъ листахъ, выходившихъ въ 1792 году и трехъ послѣдующихъ годахъ при Московскихъ газетахъ. Разбросанное тамъ я собралъ въ одно мѣсто, перепечаталъ по новому нѣмецкому изданію, расположилъ и съ прибавленіями разныхъ новыхъ пьесъ издаю теперь въ свѣтъ. Перо Мейснерово, его замаичивый стиль и поразительныя сцены, имъ описываемыя, столько извѣстно сердцамъ любящимъ чтеніе, что я не имѣю нужды выхвалять автора, но онъ пишетъ съ большею красотою слога».

Изданіе рѣдкое. — Купленъ мною экземпляръ хорошо сохранившійся со всѣми рисунками.

498. Изображенія разныхъ памятниковъ древности, найденныхъ на берегахъ Чернаго моря, принадлежащихъ Россійской имперіи, снятыя съ подлинниковъ въ 1797—1798 годахъ, съ приложеніемъ географической карты тѣхъ мѣстъ, гдѣ оные памятники обрѣтены, съ древними наименованіями. Изданныя Н. С. Л. Векселемъ. Санктпетербургъ, съ дозволенія цензуры, печатано у Шнора, 1801 г.—Въ 4 д. л., 8 стр. текста и 12 таблицъ рисунковъ.

Это сочиненіе Льва Векселя отпечатанное въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, которые по изданію принадлежатъ къ рѣдкимъ. — См. «Матеріалы для библіографіи или обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ книгъ, находящихся въ библіотекѣ Якова Березина-Ширяева». стр. 75-я, гдѣ сказано: «брошюрка рѣдкая».

499. Изображеніе священнаго помазанія и коронованія Императора Александра III и Императрицы Маріи Θеодоровны въ 1883 году.

Это роскошное художественное изданіе, состоящее изъ 25 листовъ хромолитографированныхъ картинъ, рисованныхъ русскими художниками.

Изданіе въ продажу не поступало и считается рѣдкимъ.

500. Изображеніе фейэрверка для высочайшей коронаціи Ея Императорскаго Величества Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійскія. Въ Москвѣ представлено въ сентябрѣ 1762 года.

Изображеніе фейэрверка исполнено граверомъ А. Мельниковымъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры рѣдки.

Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

501. Изслѣдованія и замѣтки князя М. А. Оболенскаго по русскимъ и славянскимъ древностямъ. Приложеніе къ сочиненію его „О первоначальной русской лѣтописи“. Москва, 1870 г. и др. статьи— Санктпетербургъ. Типографія и хромолитографія Траншеля. 1875 года.—Въ 4 д. л. 4 нен., 471 стр.

Нѣсколько словъ о первоначальной русской лѣтописи; по мысли и плану сочинителя, за этою общею частію его труда, должны были слѣдовать пояснительныя приложенія, гдѣ въ отдѣльныхъ монографіяхъ предполагалось разсмотрѣть нѣкоторые важнѣйшіе вопросы русской старины, какъ-то вопросъ о происхожденіи Руси; о древнѣйшемъ ея бытѣ и письменности. Покойному князю не удалось выполнить это намѣреніе, не удалось вполнѣ высказаться и привести къ желанному концу свои труды, плодъ многолѣтнихъ занятій русско-славянскими древностями: при жизни его отпечатаны были первые два листа, «приложеній». Остальное, частью въ оконченномъ, большею-же частью въ неоконченномъ, такъ сказать,—въ черновомъ видѣ, хранились въ его портфеляхъ. При всемъ томъ, и эти отрывочныя замѣтки содержатъ въ себѣ столько оригинальныхъ и новыхъ взглядовъ, столько иногда поразительныхъ и смѣлыхъ сближеній и объясненій, что было-бы жаль, если-бы они не увидѣли свѣта. Вотъ почему, дочь его, княгиня Анна Михайловна Хилкова, пожелала сдѣлать доступнымъ для всѣхъ ученое наслѣдіе своего родителя.

Въ настоящемъ томѣ соединено почти все, что нашлось въ бумагахъ князя Михаила Андреевича и напечатано безъ всякихъ измѣненій и прибавленій. Читатель найдетъ здѣсь много отрывочнаго и недоговореннаго, много такого, что только затронетъ, но не удовлетворитъ его любознательность; во всякомъ случаѣ возбудитъ мысль, навести изслѣдователей на новыя соображенія—само по себѣ заслуга не маловажная, а потому издательница надѣется, что выходящія нынѣ въ свѣтъ, посмертныя ученыя работы князя М. А. Оболенскаго, въ области изученія отечественныхъ древностей, не будутъ излишними.

Къ 1-ой части приложены слѣдующія изображенія: Блаженной княгини Ольги, снятое съ древней иконы, принадлежащей издательницѣ;—телѣги, везомой волами—также снимокъ съ первой стр. 481 листа рукописи XV вѣка, принадлежащей московскому главному арх Минист. Иностр. Дѣлъ— и портретъ князя М. А. Оболенскаго.—Рѣдкое изданіе.

502. Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ, сочинено особливымъ обществомъ одного губернскаго города Тула, 1790 года.—Въ совр. кож. пер.

Означенное сочиненіе, направленное противъ московскихъ мартинистовъ, принадлежитъ Епископу Аполлосу, написавшему его по заказу Правительства. См. у Лонгинова, стр. 302, находится: «происхожденіе книги очень загадочное»; см. у Губерти—часть II, стр. 140 сказано: «книга рѣдка» и цѣнится отъ 8 до 12 рублей.

503. Изслѣдованія о времени г. Пскова. Н. Иваницкаго. Псковъ, въ типографіи Губернскаго Правленія. 1856 года.—Въ 8 д. л., 35 стр.

Трудъ Н. Иваницкаго представляетъ собою историческій очеркъ, въ коемъ авторъ, приводя свидѣтельства лѣтописцевъ и извѣстныхъ нашихъ историковъ, высказываетъ предположеніе о томъ, что г. Псковъ былъ основанъ еще до рожденія Ольги, но когда именно—до пришествія ли Рюрика или послѣ его, положительно не опредѣляетъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры рѣдки.

504. Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря, графа А. С. Уварова. — С.-Петербугъ, 1851 года.—Въ листъ

Съ атласомъ въ большой листъ, состоящимъ изъ 48 листовъ, заключающихъ въ себѣ хромолитографированныя заглавіе и посвященіе. Рисунки большею частію—хромолитографированныя карты и изображенія монетъ и проч.

Это великолѣпное и роскошное изданіе весьма рѣдко встрѣчаемо въ книжной торговлѣ и цѣнится въ настоящее время отъ 20 до 35 руб., смотря по степени сохранности.

505. Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ В. В. Вельяминова-Зернова. 3 тома. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1863 года.—Въ 8 д. л.; томъ 1-й—XI+558; томъ 2-й—498 стр.; томъ 3-й—502 стр. съ рисунками, планами и чертежами.

Обращаемъ вниманіе любителей старины и отечественной исторіи на это капитальное изданіе Вельяминова-Зернова, такъ много потрудившагося по части изданія памятниковъ и матеріаловъ для изслѣдованія о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, гдѣ особенное вниманіе обращено на родопроисхожденіе касимовскихъ царей и другихъ хановъ и султановъ, о которыхъ много говорилось, что въ этомъ отношеніи труды автора не остались совершенно безплодными. Новаго при этомъ открылось много: такъ между прочимъ, разбирая происхожденіе хана касимовскаго, Уразъ-Мухаммеда, бывшаго султана Киргизъ-Кайсацкаго, авторъ говоритъ:—«Мнѣ удалось вывести не только подробную и точную его родословную, но и опредѣлить вмѣстѣ съ тѣмъ начало и постепенное развитіе всей династіи хановъ и султановъ Киргизъ-Кайсацкихъ, потомки которыхъ существуютъ донынѣ въ Кайсацкихъ ордахъ Оренбургскаго и Сибирскаго вѣдомствъ. Вопросъ этотъ былъ спорнымъ: даже многіе оріенталисты сомнѣвались въ возможности найти для его разрѣшенія какія-либо положительныя данныя.

Въ книгѣ для облегченія читателей всѣ родословныя таблицы всѣмъ ханамъ и султанамъ приложены въ концѣ сочиненія.

Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія.—Рѣдка.

Купленъ мною экземпляръ у букиниста Семенова за 15 рублей.

506. Изслѣдованіе о русскомъ иконописаніи, Ивана Петровича Сахарова. Санктпетербургъ, въ типографіи Якова Трея. 1850 года. — Въ 8 д. л., 2 книжки. I-я книжка — 21 + 28 + 16, II-я книжка — 59+47 стр.

Книга посвящена авторомъ И. П. Сахаровымъ «собирателямъ святыни русской земли».—«Да процвѣтутъ ихъ собранія въ роды родовъ! Да предадутъ они сокровища нашей отчизны, съ завѣтнымъ словомъ, сынамъ своимъ; да упрочатъ они свои собранія до отдаленнаго потомства, во славу имени русскаго народа!» — Въ книжкѣ говорится о русскомъ иконописаніи, которое уже существуетъ болѣе семи столѣтій, но до сихъ поръ не имѣетъ полнаго и отчетливаго описанія. Авторъ говоритъ, что историческая критика еще не касалась сего предмета и труды нашихъ писателей очень рѣдко обращались къ нему.

Это замѣчательное описаніе содержитъ въ себѣ богатые матеріалы для изученія о русскомъ иконописаніи.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о сей рѣдкой книгѣ, прилагаю выписку изъ предисловія къ читателю:

Русское иконописаніе существуетъ болѣе семи столѣтій, но доселѣ не имѣетъ полнаго и отчетливаго описанія. Историческая критика еще не касалась сего предмета и труды нашихъ писателей очень рѣдко обращались къ нему. Писать исторію русскаго иконописанія еще теперь не время и нѣтъ притомъ трудовъ оконченныхъ, нѣтъ изслѣдованій рѣшенныхъ, нѣтъ свѣдѣній, очищенныхъ критикою. Что наше иконописаніе можетъ имѣть свою исто-

рію, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Оно имѣетъ свои памятники, свою литературу, свои событія, исчисляетъ по именамъ художниковъ и знаетъ ихъ труды. Нужно время, нужны труды многихъ людей, чтобы приготовить предварительныя работы, усвоить вѣрныя извѣстія, отвергнуть сомнительныя преданія, изучить событія и открыть людей, дѣйствовавшихъ въ разныхъ вѣкахъ.

Русское иконописаніе столь разнообразно, столь обширно въ своемъ дѣйствіи, что требуетъ многихъ предварительныхъ изслѣдованій. Мы имѣемъ въ нашихъ храмахъ иконы Византійскія и Русскія, умѣемъ отличать ихъ по пошибу (стилю), знаемъ признаки древности, но не знаемъ ихъ исторіи. Мы знаемъ Русскія иконы разныхъ школъ, каковы: Московскія, Новгородскія, Кіевскія, Устюжскія, Строгановскія, Сибирскія, но не знаемъ исторію этихъ школъ. У насъ есть въ русскомъ переводѣ правила Византійскихъ художниковъ, хотя въ половину растерянныя и изуродованныя переписчиками, но мы изъ пустаго тщеславія начали величать ихъ Устюжскими, Новгородскими подлинниками. Нѣсколько столѣтій руководствуемся этими правилами, но не думаемъ отыскивать Греческихъ оригиналовъ для исправленія испорченныхъ нашихъ списковъ. Давно-ли мы узнали о Лицевомъ подлинникѣ? Успѣли-ли оцѣнить въ немъ типъ Византійскаго художества. Мы знаемъ около трехъ сотъ нашихъ иконописцевъ, начиная съ XI вѣка, но не могли составить ихъ біографій, не могли оцѣнить ихъ произведеній. Всѣ наши иконописцы по какому то странному случаю слились въ двухъ именахъ: Рублевѣ и Ушаковѣ. Предъ этими именами все исчезло. Такъ точно повсюду говорятъ о школѣ Строгановской, а забываютъ Устюжскую, изъ которой она возникла.

Родословное дерево Дома Романовыхъ.

Древняя литература нашего иконописанія еще не приведена въ извѣстность. Историческіе акты только недавно стали появляться въ печати. Разъисканія нашихъ писателей касались общихъ предметовъ, но отдѣльныхъ изслѣдованій не видимъ. Въ нашемъ вѣкѣ никто еще не помышлялъ о сравнительномъ изученіи русскихъ иконъ съ Византійскими.

Давно-ли было то время, когда думали, что русское иконописаніе есть удѣлъ смиренныхъ любителей нашихъ древностей? Давно-ли начали появляться въ печати изслѣдованія нашихъ писателей объ иконописаніи? Изъ чего возникли драгоцѣнныя собранія частныхъ людей, невѣдомыя нашимъ отцамъ? Кто воспиталъ такъ умно, такъ мудро нашихъ знатоковъ иконописанія, о которыхъ доселѣ не знаетъ русская печатная литература? Все то было на святой Руси давно, все то знали наши отцы и дѣды, только мы начали забывать свою завѣтную старину въ послѣднія полтораста лѣтъ. Нашему счастливому времени, извѣдавшему пустоту Запада, предоставлена завидная участь: возстановить древнее православное иконописаніе, возвести это великое художество на степень классическаго образованія и изучить его осмивѣковую исторію. Возрожденіе Византійскихъ художествъ возможно только нашему времени. Русскому народу искони суждено было усвоить всѣ эти художества для украшенія своихъ вѣковѣчныхъ храмовъ.

Немногіе изъ русскихъ писателей обращали вниманіе на русское иконописаніе. Въ числѣ этихъ избранниковъ мы считаемъ преосвященнаго Анатолія, И. М. Снегирева, С. П. Шевырева, Н. Д. Иванчина-Писарева, Ѳ. В. Чижова, А. Н. Попова, М. Заринскаго, протоіерея Дебольскаго, П. М. Попова, Н. Мурзакевича. Каждый изъ нихъ постигалъ тайну изученія древняго иконописанія съ своей точки зрѣнія. Потомство скажетъ имъ русское спасибо!

Знатоковъ и любителей иконописанія у насъ такъ много, что ихъ едва-ли не встрѣтимъ во всякомъ русскомъ городѣ. Мнѣніями этихъ людей мы должны дорожить, какъ опытными сужденіями многихъ вѣковъ, какъ основанныхъ на подлинникахъ нашей древности. У насъ на Руси есть такіе знатоки иконописанія, что могутъ войти въ состязаніе съ первымъ европейскимъ ученымъ о Византійскомъ иконописаніи. Они съ перваго взгляда опишутъ вамъ достоинство письма, его пошибъ и всѣ признаки древности. Повѣряйте ихъ слово изученіемъ и наблюденіемъ и вы увидите истину. Говорю это по опыту, безъ всякаго преувеличенія. Къ сожалѣнію, всѣ ихъ знанія умираютъ вмѣстѣ съ ними; они не ведутъ своихъ записокъ, но поученія ихъ вы услышите въ кабинетѣ собирателей. Москва есть средоточіе любителей древностей и знатоковъ иконописанія. Въ Москвѣ только можно изучить наше иконописаніе со всею основательностію.

Въ составъ моихъ изслѣдованій о русскомъ иконописаніи будутъ входить всѣ приготовительныя работы для исторіи русскаго иконописанія. На первый разъ я избираю:

1. Подлинникъ. Эта книга, какъ древнее руководство нашихъ иконописцевъ, заслуживаетъ подробнаго изслѣдованія и отчетливаго изданія.

2. Жизнеописанія русскихъ иконописцовъ. Обозрѣніе трудовъ и время жизни ихъ, вліяніе ихъ на распространеніе иконописанія въ Россіи стоятъ того, чтобъ заняться ими. Безъ приведенія въ извѣстность ихъ подвиговъ мы не можемъ никогда имѣть исторіи нашего иконописанія.

3. Обозрѣніе школъ Византійской и Русскихъ. Предметъ обширный для изслѣдованія. Съ объясненіемъ его и самая исторія иконописанія будетъ въ другомъ видѣ. Изъ обозрѣнія школъ мы только можемъ цѣнить всю важность иконописанія.

4. Обозрѣніе литературы русскаго иконописанія, актовъ историческихъ, относящихся до его исторіи, и изслѣдованій русскихъ писателей объ иконописаніи. Немного мы можемъ насчитать русскихъ старыхъ сочиненій о нашемъ иконописаніи, но и въ этихъ писаніяхъ нашихъ отцовъ мы найдемъ любопытныя свѣдѣнія. Самыхъ актовъ едва ли наберется до 30. Вотъ чѣмъ должны мы дорожить. Будущему историку необходимо знать: на что русскіе писатели обращали вниманіе? Какіе предметы избирали для своихъ изслѣдованій? Нѣтъ сомнѣнія, что писанія ихъ внесли свѣтъ въ трудные вопросы исторіи нашего иконописанія.

5. Обозрѣніе изображеній, сохранившихся въ рукописяхъ. Изученіе изображеній въ рукописяхъ есть первый шагъ къ сравнительному познанію иконъ Русскихъ и Византійскихъ. Большая часть изъ нихъ суть копіи съ Византійскихъ ри-

сунковъ, или Болгарскихъ и Сербскихъ. Они начинаются съ XI вѣка и постоянно продолжаются до XVIII. Сколько въ нихъ скрывается драгоцѣнныхъ данныхъ для нашего иконописанія, сколько пособій найдутъ въ нихъ наши современные иконописцы! А иконописцы наши объ нихъ и не думаютъ. Здѣсь есть чему поучиться и есть что взять за образецъ.

6. Обозрѣніе технической книги состава красокъ, золоченій, левкаса и мурованія стѣнъ. Въ этой драгоцѣнной книгѣ для художества собраны опыты Византійскихъ иконописцовъ. Опытный художникъ не будетъ пренебрегать вѣковыми наставленіями. Надобно желать, чтобы эта книга была издана вполнѣ.

7. Замѣчанія о церковномъ стѣнномъ иконописаніи. Здѣсь для иконописца неисчерпаемыя богатства; здѣсь для наблюдателя на лицо древнія художества: мусія Цареградская и ангелъ al-fresco. Все это приготовитъ новыя данныя для исторіи иконописанія: все это укажетъ на древнее состояніе сего искусства въ Россіи. Наша стѣнопись ведетъ свое начало изъ Византіи. Первыми нашими учителями въ этомъ дѣлѣ были Греки.

Время и новыя данныя откроютъ, можетъ быть, много, чего не зналъ, не понялъ, или иначе понялъ видѣнное мною. Наше иконописаніе еще только возникаетъ съ своею исторіею, съ своими памятниками, съ своими классическими приготовленіями. Дайте пройти этому изученію двадцать, тридцать лѣтъ, и исторія иконописанія установится твердо, отразить всѣ сомнѣнія и предразсудки. Теперь еще время споровъ и сомнѣній; нѣтъ ничего опредѣленнаго, понятнаго для всѣхъ и каждаго. Придетъ пора, и историческая критика утвердитъ прочныя начала нашего вѣрованія въ художество иконописанія. Въ двадцатилѣтнемъ моемъ наблюденіи надъ иконописаніемъ, я сначала видѣлъ наши святыни въ храмахъ и въ старинныхъ домахъ родовыхъ бояръ и купцовъ; потомъ началъ встрѣчать знатоковъ и любителей, а теперь знаю болѣе ста частныхъ собраній. Ученыя изслѣдованія появились только въ послѣднее десятилѣтіе и не касались частныхъ собраній. Путешествій по Россіи, съ цѣлію иконописанія и стѣнописанія, никто еще не предпринималъ: да и будутъ ли они когда? Теперь мы сами учимся, а грядущее поколѣніе представить Европѣ опытныхъ учителей и истолкователей Византійскаго иконописанія. Теперь еще только двѣ духовныя школы иконописанія, а черезъ десять лѣтъ ихъ будетъ двадцать. Тогда это великое художество выдетъ изъ рукъ сельскихъ маляровъ и безталантныхъ иконописцовъ.

Изслѣдованія мои буду печатать отдѣльными книжками, по мѣрѣ собранія матеріаловъ и изготовленія статей. Въ новомъ предметѣ предстоитъ и много работы и много соображеній.

507. Изслѣдованіе о скопческой ереси, напечатано по приказанію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ. 1845 г.—Въ 8 д. л., нен. 120+384 стр. съ приложеніемъ 7 рисунковъ.

Изслѣдованіе о скопческой ереси составлено Н. И. Надеждинымъ и напечатано было въ самомъ ограниченномъ числѣ, экземпляровъ около 25, для членовъ коммисіи, учрежденной для изслѣдованія злоупотребленій, происходившихъ отъ скопческой ереси. Предсѣдателемъ этой коммисіи былъ Липранди. Въ книгѣ собраны всѣ историческія и современныя извѣстія о скопчествѣ, преимущественно изъ документовъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Рисунки, изображающіе принадлежности и обстановку скопческихъ радѣній и портреты главныхъ сектантовъ, литографированные и раскрашенные, слѣдующіе:

1-й. Снимокъ съ скопческаго паспорта.

2-й. Портретъ Кондратія Селиванова.

3-й. Портретъ Александра Ивановича Шилова.

4-й, 5-й и 6-й. Снимки съ картинъ, отобранныхъ у скопцовъ.

7-й. Видъ памятника на могилѣ Шилова, въ Шлиссельбургѣ, въ 1842 году.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о сей библіографической рѣдкости, прилагаю выписку оглавленія книги.

1. Общее введеніе.
2. Происхожденіе исторіи скопцовъ.
3. Религіозное значеніе скопчества.
4. Скопцы въ Россіи.
5. Явленіе скопчества, какъ ереси.
6. Баснословіе, составляющее тайную сущность скопческой ереси.
7. Историческія основы скопческаго баснословія: а) Лже-Христосъ и лже-царь Селивановъ; б) лже-предтеча Александръ Ивановичъ; в) лже-бого-

родица Акулина Ивановна: г) другія позднѣйшія богородицы.

8. Ересь скопческая родилась изъ ереси, называемой христовщиною или хлыстовщиною.

9. Дѣйствіе оскопленія, какъ начинается и какъ совершается у скопцовъ: а) разные виды оскопленія, б) оскопленіе женщинъ, в) гдѣ, когда и какъ оскопленіе производится.

10. Обрядъ принятія въ скопческую секту.

11. Богомоленіе, совершаемое въ скопческихъ сборищахъ: а) время молитвенныхъ собраній, б) призываніе св. Духа, г) радѣнія, д) пѣсни, е) причащеніе, ж) мѣста молитвенныхъ собраній, з) какъ совершалось богомоленіе скопцовъ въ Петербургѣ, въ личномъ присутствіи лже-искупителя.

12. Внутреннее устройство и братскій союзъ скопческой секты.

13. Отношеніе скопческой секты къ православной церкви: а) по содержимому вѣроученію скопцы не только не православные, но не христіане, б) внѣшняя приверженность скопцовъ къ православной церкви есть лицемѣріе.

14. Признаки, изобличающіе принадлежность къ скопческой сектѣ.

15. Статистика скопцевъ.

16. Причины распространенія скопческой ереси.

17. Общія соображенія и выводы о скопческой ереси: а) въ отношеніи нравственномъ, б) въ отношеніи гражданскомъ, в) въ отношеніи государственномъ.

18. Заключеніе.

Изслѣдованіе оканчивается на 384 стр., слѣдующія двѣ страницы ненумерованныя, на которыхъ напечатано оглавленіе «Приложенія». Приложеніе занимаетъ собою 120 стр. Въ «приложеніяхъ» помѣщены страды лже-Христа, посланія лже-Христа, скопческія духовныя пѣсни (всѣхъ пѣсней 55) и образцы скопческихъ пророчествъ.

Въ 1862 г. эмигрантъ В. Кельсіевъ перепечаталъ эту книгу въ Лондонѣ.

Изслѣдованіе о скопчествѣ Надеждина считается величайшей библіографическою рѣдкостію.

Купленъ мною экземпляръ въ полномъ видѣ за 50 рублей.

См. «Книжныя рѣдкости» Геннади № 186; Остроглазовъ — «Русскій Арх.» 1891 г. № 102; Березинъ-Ширяевъ — 1873 г., стр. 183; «Россійская Библіографія» — 1880 года № 19, стр. 144.

508. Изслѣдованіе о скопческой ереси. напечатано по приказанію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ 1844 г. — 8 д. л. 238 стр.

Означенное изслѣдованіе о скопческой ереси составлено, по порученію Министра Внутреннихъ Дѣлъ Графа Л. А. Перовскаго, В. И. Далемъ и напечатано было въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, менѣе 20, въ видѣ рукописи, и тѣ по удостовѣренію П. И. Мельникова почти всѣ сгорѣли; по свидѣтельству П. И. Бартенева, печатаніе книги не было окончено, потому что Н. И. Надеждинъ взялся написать изслѣдованіе о томъ-же предметѣ болѣе подробное; означенная книга чрезвычайно рѣдка и составляетъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость. Къ этому изслѣдованію приложено пять литографій, изображающихъ скопческіе обряды; они слѣдующіе: 1) приводъ, 2) оскопленіе, 3) радѣніе одиночное и пророчество мужчины, 4) радѣніе одиночное о пророчество женщины и 5) радѣніе корабельное. Всѣ эти литографіи составляютъ чрезвычайную рѣдкость См. «Россійскую Библіографію» за 1880 годъ № 19, стр. 414; хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся любителями до 200 р.

509. Изслѣдованіе философскихъ и нравственныхъ проповѣдей. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1787 года.—Въ 8 д. л.

Означенное изданіе, изслѣдованіе философическое, въ настоящее время очень рѣдко встрѣчаемо въ книжной торговлѣ. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 4516, сказано: «рѣдко». Хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся до 6 рублей.

510. Изслѣдованіе христіанства. Переводъ съ англійскаго; въ Яссахъ, 1790 г.— Въ 4 д. л., 190 стр.

Означенное изслѣдованіе христіанства принадлежитъ Іоанну Арндту, изслѣдованіе переведено Л. Сѣчкаревымъ и посвящено князю Григорью Александровичу Потемкину-Таврическому. Книга напечатана была въ Яссахъ въ походной типографіи при главной квартирѣ Потемкина-Таврическаго, книга рѣдка. Цѣнится отъ 10 до 12 рублей.

511. Изслѣдованіе юридическое о принадлежащемъ для суда мѣстѣ, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательствѣ судебномъ, съ генеральнымъ регламентомъ, съ уставомъ главнаго магистрата, и съ инструкціями городскихъ магистратовъ, словеснаго суда и гильдіи, съ уставомъ таможеннымъ, старымъ и новымъ, съ ихъ конфирмаціями и съ инструкціею коммерцъ-коллегіи; со всѣми, приличными вездѣ, указами. Сочинено и издано профессоромъ Дильтеемъ.—Москва. 1779 года.- Въ 4 д. л.

Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія. Въ настоящее время совсѣмъ не находится въ книжной торговлѣ; рѣдка. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 4515, сказано: «книга рѣдкая». Хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся до 10 рублей.

512 Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе къ древней Руси. Сочиненіе Ф. Терновскаго. 2 выпуска. Кіевъ, въ университетской типографіи (Заводзскаго) 1875—1876 годовъ.

Это замѣчательное изданіе было отпечатано въ количествѣ 500 экземпляровъ и по выходѣ въ свѣтъ было скоро распродано, а второе изданіе не было дозволено къ перепечатанію; почему книга эта въ настоящее время сдѣлалась очень рѣдкою и цѣнною, какъ вообще — и всѣ сочиненія Терновскаго.

513. Изъ огня да въ полымя, или вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день. Не сказка, а быль-побывальщина изъ нашихъ дней. Чтеніе для народа. Сочиненіе В. Маркова. С.-Петербургъ, въ типографіи Карла Бахмана. 1876 года.—Въ 8 д. л.

Книжка, по выходѣ въ свѣтъ, была изъята изъ обращенія и сожжена по распоряженію цензуры.

См. «Алфавитный каталогъ изданіямъ на русскомъ языкѣ, запрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи» за № 644.

514. Изъ писемъ туриста. Кіевъ. Типографія „Жизнь и Искусство“.—Въ 16 д. л. 32 стр.

Эта весьма любопытная брошюрка издана Л. Афанасьевымъ въ количествѣ только пятидесяти экземпляровъ не для продажи.

515. Изъясненіе знаковъ, видимыхъ въ писчей бумагѣ, посредствомъ которыхъ можно узнавать, когда написаны, или напечатаны, какія-либо книги. Сочинилъ К. Тромонинъ. Москва, 1844 года.—Въ 4 д. л.

Книга содержитъ въ себѣ 22 стр. текста и 131 табл. снимковъ съ водяныхъ знаковъ, коихъ въ 1827 г. напечатано 150 экземпляровъ, изъ которыхъ весьма не многіе имѣютъ таблицу 131-ю, такъ какъ она была отпечатана уже по выходѣ книги и раздавалась въ видѣ дополненія. Полные экземпляры этого замѣчательнаго и единственнаго въ своемъ родѣ сочиненія—въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость.

Купленъ мною экземпляръ за 35 рублей.

516. Иксъ-лучи Röntgen'а и область ихъ примѣненія въ медицинѣ. Профессора физики Императорскаго Университета Св. Владиміра, Г. де-Ментцъ. С.-Петербургъ, типографія Шредера. 1896 года.—Въ 8 д. л., 8 стр.

Это отдѣльный оттискъ изъ журнала «Русскій архивъ патологіи, клинической медицины и бактеріологіи», издаваемый подъ редакціей проф. В. В. Подвысоцкаго.

Отпечатано въ количествѣ 25 экземпляровъ не для продажи.

517. Иліотропіонъ, то есть обращеніе солнца или созерцаніе воли человѣческой съ волею Божескою. Переводъ съ латинскаго. Въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Новикова, 1784 г., 2 части.—Въ 8 д. Часть 1-я 4+400 стр. Часть 2-я 2+282 стр.

Это сочиненіе состоитъ изъ пяти книгъ, въ которыхъ излагается о божественной силѣ, управляющей и руководящей волею человѣческою. Это сочиненіе было переведено на славянскій языкъ Тобольскимъ митрополитомъ Іоанномъ Максимовичемъ и напечатано въ Черниговѣ въ 1714 году.

518. Иконологическій лексиконъ или руководство къ познанію живописнаго и

рѣзнаго художествъ, медалей, эстамповъ и проч. съ описаніемъ, взятыхъ изъ разныхъ древнихъ и новыхъ стихотворцевъ; съ французскаго переведенъ академіи наукъ переводчикомъ Иваномъ Акимовымъ 2-мъ, тисненіемъ С.-Петербургъ, при Императорской Академіи Наукъ, 1786 года.—Въ 8 д. л., 328 стр.

Означенное сочиненіе посвящается переводчикомъ Его Императорскому Высочеству Пресвѣтлѣйшему Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу Наслѣднику Россійскаго Престола и Королевства Норвежскаго, владѣющему Герцогу Шлезвигъ-Голштинскому, Стормарскому и Дитмарскому, Графу Ольденбургскому и Далменгорскому. Иконологическій лексиконъ весьма рѣдко попадается въ книжной торговлѣ и цѣнится отъ 3 до 5 рублей.

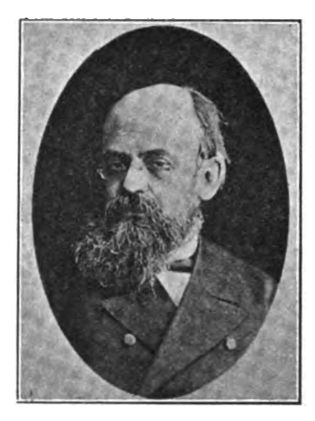
519. Изъясненіе эмблематическаго чертежа рѣкъ болѣзней, изданнаго корреспондентомъ медицинской хирургической академіи докторомъ медицины и хирургіи, бывшимъ генералъ-штабъ-докторомъ 2-й арміи статскимъ совѣтникомъ Малаховымъ. Санктпетербургъ, въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. 1820 года.—Въ 12 д. л., 24 стр., съ отдѣльнымъ гравированнымъ и раскрашеннымъ чертежомъ на большомъ листѣ.

Авторъ этой рѣдкой брошюрки, статскій совѣтникъ Малаховъ, подраздѣляетъ болѣзни на три главныя степени, къ которымъ и относятся показанныя имъ на чертежѣ 172 болѣзни.

Этотъ чертежъ въ настоящее время совсѣмъ ненаходимъ въ книжной торговлѣ.

520. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское. Сочиненіе Ореста Миллера. С.-Петербургъ, въ типографіи Михайлова, 1869 года.—Въ 8 д. л., 830+XXII стр.

Книга Миллера заключаетъ въ себѣ народныя преданія съ ихъ миѳическимъ характеромъ;—для историка драгоцѣнный источникъ и каждый историкъ не принимающій въ разсчетъ народныхъ преданій при своемъ трудѣ, самъ отнимаетъ у себя средство дать душу своему произведенію, освѣтить его тѣмъ свѣтомъ, при которомъ совершались описываемыя имъ древнія событія. Разгадать миѳологическія преданія о Владимірѣ красномъ-солнышкѣ Кіевскомъ и его богатыряхъ, и кіевскій періодъ русской исторіи—заговоритъ передъ вами.

Миллеръ, Орестъ.

Извѣстный профессоръ исторіи русской литературы. Род. 1833 г., ум. 1889 г.
Съ фотографіи Везенберга.

Это крайне рѣдкое и чрезвычайно любопытное изданіе по разнообразію заключающагося въ немъ матеріала.

Книга рѣдкая. Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

521. Иллюстрированный альманахъ, изданный И. Панаевымъ и Н. Некрасовымъ. Санктпетербургъ, въ типографіи Праца, 1848 г.—Въ 8 д. л., 2+116+135 стр. и рисунковъ.

Это весьма рѣдкое и чрезвычайно любопытное изданіе—не поступало въ продажу и по выходѣ въ свѣтъ было запрещено. Причиною къ запрещенію «Альманаха», была повѣсть Станицкаго (Панаевой) «Семейство Тальниковыхъ».— Кромѣ этой повѣсти въ «Альманахѣ» помѣщены сочиненія: Дружинина — «Лола Монтесъ», Даля— «Смотрины и рукобитье», Достоевскаго — «Ползунковъ», Сааруни—«Три Хашиша», Панаева— «Встрѣча на станціи», Майкова — «Старушка», Гребенки—«Заборовъ» и С—ча—«Дуракъ Ѳедя».

Въ началѣ книги находится 6 литограф. рисунковъ Степанова (7-й рисупокъ «Типографскія превращенія»-не помѣщенъ), изображающихъ въ каррикатурахъ: Даргомыжскаго, Кукольника, Бранта,

Каратыгина и Булгарина и 4 политипажа и рисунка на отдѣльныхъ листахъ, а прочіе помѣщены въ текстѣ книги.

См. объ этой книгѣ у Якова Березина-Ширяева, стр. 138.

Панаевъ, Иванъ Ивановичъ.

Извѣстный журнальный дѣятель и беллетристъ. Род. 1812 г., ум. 1862 г.

Съ портрета, приложеннаго къ его сочиненію.

529. Именная вѣдомость дѣламъ, по которымъ Государственный Совѣтъ ходатайствовалъ предъ Государемъ Императоромъ о смягченіи участи подсудимыхъ. (Съ 1846 по 1862 г.) (Безъ означенія года и мѣста печати).—Въ 8 д. л. 171 стр.

Вѣдомость эта составлена:

I-е) по времени рѣшенія дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

II-е) въ алфавитномъ порядкѣ, по фамиліямъ подсудимыхъ.

III-е) по статьямъ уложенія о наказаніяхъ, въ систематическомъ порядкѣ.

IV-е) статьи уложенія о наказаніяхъ показаны по изданію 1857 года.

Изданіе въ продажу не поступало.

Купленъ мною экземпляръ за 3 руб.

523. Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Съ 450 иллюстраціями. 4 тома. С.-Петербургъ. Изданіе А. С. Суворина. 1897—1898 гг.—Въ 4 д. л.—Томъ 1-й — 436 стр. Томъ 2-й—408 стр. Томъ 3-й — 569 стр. Томъ 4-й—651 стр.

Этотъ чрезвычайно капитальный трудъ Н. К. Шильдера—«Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе» — состоитъ изъ четырехъ частей. Первая часть обнимаетъ дѣтство и молодые годы Александра до восшествія его на престолъ; вторая—эпоху преобразованій съ 1801 по 1810 годъ; третья — борьбу съ Франціей съ 1810 по 1816 годъ, и четвертая—послѣднее десятилѣтіе, такъ называемую эпоху реакціи, съ 1816 по 1825 годъ.

Выборъ иллюстрацій для настоящаго изданія сдѣланъ редакторомъ «Историческаго Вѣстника» С. Н. Шубинскимъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ котораго находился весь художественный отдѣлъ. Сообразно съ содержаніемъ текста выбирались исключительно портреты и рисунки, имѣющіе

Императоръ Александръ Первый.

Снимокъ съ портрета, приложеннаго къ „Русской Старинѣ“.

историческое значеніе и достовѣрность, исполненные преимущественно въ Александровское время тогдашними художниками и граверами. При воспроизведеніи соблюдались, главнымъ образомъ, возможно точная передача подлинниковъ, безъ всякихъ украшеній или измѣненій (за исключеніемъ формата), причемъ не допускалось даже исправленіе недостатковъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ художественномъ отношеніи. Почти всѣ иллюстраціи сдѣланы съ рѣдкихъ оригиналовъ, находящихся въ богатомъ собраніи гравюръ П. Я. Дашкова, любезно предоставившаго ихъ въ распоряженіе издателя. Только благодаря его содѣйствію и можно было столь

обильно и роскошно иллюстрировать настоящее изданіе. Портреты и рисунки въ краскахъ исполнены въ хромо-литографіи «Новаго Времени». Фототипіи въ художественной мастерской Вильборга въ Петербургѣ. Геліогравюры — въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Цинкографіи— Ангереромъ и Гешлемъ въ Вѣнѣ и въ цинкографіи «Новаго Времени». Гравюры на деревѣ—Панемакеромъ въ Парижѣ, Беме, Зубчаниновымъ, Матэ, Мультановскимъ, Павловымъ, Рашевскимъ и Шюблеромъ въ Петербургѣ.

Копіи съ картинъ рисованы художниками: С. С. Соломко, В. П. Павловымъ и А. Н. Чикинымъ. Фотографіи съ рѣдкихъ оригиналовъ снимались фотографомъ С.-Петербургской Судебной Палаты А. Н. Малевинскимъ.

Заглавныя виньетки, буквы, заставки и концы (style empire) рисованы художникомъ В. П. Шрейберомъ.

Генералъ-лейтенантъ А. И. Михайловскій-Данилевскій.

Извѣстный русскій военный историографъ. Род. 1790 г., ум. 1848 г.

524. Императоръ Александръ I-й и его сподвижники въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ. Военная галлерея Зимняго Дворца, издаваемая съ Высочайшаго соизволенія и посвященная Его Императорскому Величеству Государю Императору. 6 томовъ. С.-Петербургъ. Въ типографіи Карпа Края, 1845 года.—Въ 4 д. л.

Надъ жизнеописаніями трудился Генералъ-Лейтенантъ А. И. Михайловскій-Данилевскій; портреты съ подлинниковъ рисованы парижскими извѣстными художниками гг. Гюо, Долле, Е. Робильяромъ, И. Робильяромъ и И. А. Клюквинымъ. Во всѣхъ шести томахъ помѣщено 150 біографій и портретовъ сподвижниковъ эпохи отечественной войны, изъ коихъ три гравированы на стали, а остальные литографированные.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этомъ рѣдкомъ изданіи, прилагаю выписку предисловія изъ онаго.

Когда великая война, начатая въ 1812 году, была кончена миромъ въ стѣнахъ Парижа и Императоръ Александръ, преклонивъ колѣна въ торжественномъ моленіи на Парижской площади Согласія, передалъ славу побѣдъ Богу, общій голосъ подданныхъ, въ прошеніи Государственнаго Совѣта, Правительствующаго Сената и Святѣйшаго Синода, возвысился къ Его Престолу, испрашивая позволеніе воздвигнуть Ему памятникъ, и придать имя: Благословенный къ Его имени.

Императоръ Александръ не принялъ предлагаемыхъ Ему почестей. «Да соорудится Мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ онъ сооруженъ въ чувствахъ Моихъ къ вамъ», отвѣчалъ Побѣдитель Наполеона, Спаситель Россіи, Освободитель Европы.

Но отвергая почести и памятники, Ему предлагаемые, Императоръ Александръ хотѣлъ увѣковѣчить потомству великія событія Отечественной войны, соединяя съ ними чувство христіанскаго смиренія, и Богу Побѣдодавцу воздавая хвалу и благодареніе. Такъ въ 25 день декабря 1812 года повелѣно было на вѣчныя времена торжествовать «избавленіе Россійскія Державы и Церкви отъ нашествія Галловъ и съ ними Двадесяти Языкъ». Въ Москвѣ, гдѣ принесена была жертва за спасеніе Отечества, Императоръ Александръ предполагалъ воздвигнуть увѣнчанный лаврами столпъ изъ пушекъ, отбитыхъ у непріятеля въ 1812 году, и заложилъ Храмъ во имя Спасителя, довершаемый нынѣ Наслѣдникомъ Его Царственныхъ доблестей. Грудь сподвижниковъ Императора Александра

украсилась серебряною медалью, гдѣ съ изображеніемъ Всевидящаго Ока, и означеніемъ 1812 года, соединена была надпись: Не намъ, не намъ, а Имени Твоему! Тѣ же слова повторились и на бронзовой медали, которую навсегда опредѣлено носить Россійскому Дворянству. Особенный бронзовый крестъ установленъ былъ для ношенія Россійскому Духовенству.

Но учреждая всѣ сіи народные памятники, Императоръ Александръ хотѣлъ еще всегда имѣть передъ Собою воспоминаніе безсмертнаго 1812 года, окружить Себя памятью его и воспоминаніемъ о Своихъ тогдашнихъ сподвижникахъ. Въ любимомъ мѣстѣ пребыванія Его, въ Царскомъ Селѣ, повелѣлъ Онъ воздвигнуть чугунныя врата и украсилъ ихъ надписью: Любезнымъ Моимъ Сослуживцамъ (на другой сторонѣ во французскомъ переводѣ: A mes chers compagnons d'armes). Наконецъ память 1812 года хотѣлъ Онъ оставить навсегда въ великолѣпныхъ чертогахъ Своихъ, Зимнемъ Дворцѣ, соединивъ здѣсь портреты генераловъ—участниковъ въ войнѣ.

Счастливымъ случаемъ нашелся художникъ англичанинъ Довъ (Dowe), необыкновенное дарованіе коего могло осуществить предначертаніе Императора Александра. Не отличаясь изящностью отдѣлки своихъ работъ, Довъ обладалъ изумительною способностью схватывать сходство въ портретахъ, придавать выразительное положеніе лицамъ и писать притомъ съ непостижимою быстротою. Находясь въ Ахенѣ, во время конгресса въ 1818 году, Довъ обратилъ на себя вниманіе Императора Александра своимъ дарованіемъ, и удостоился чести быть исполнителемъ занимавшей Его мысли. Щедро награждаемый за трудъ, Довъ пріѣхалъ въ Россію. Въ одной изъ залъ Эрмитажа была учреждена его мастерская, и въ нѣсколько лѣтъ неутомимый художникъ кончилъ работу свою. Нерѣдко въ часы думы, или отдыха, Императоръ Александръ посѣщалъ мастерскую Дова, обращая взоры Свои на лица людей 1812 года. Имѣвши однажды счастіе сопровождать Его въ прогулкѣ по мастерской, я осмѣлился сказать Ему: «Здѣсь недостаетъ главнаго, Государь».—«Чего?» спросилъ Императоръ Александръ.—«Вашего портрета».—Онъ задумался, и съ тою невыразимою улыбкою, которую помнятъ всѣ, имѣвшіе счастіе бесѣдовать съ Нимъ, отвѣчалъ: «Это дѣло потомства».—Потомство не замедлило исполнить то, что устраняло смиреніе Императора Александра.

Въ первое лѣто послѣ кончины Благословеннаго Монарха довершена великая мысль Его повелѣніемъ Государя Императора Николая Павловича помѣстить портреты въ особенной залѣ Зимняго Дворца, составляющей нынѣ Военную Галлерею. Она, драгоцѣнный перлъ Царскихъ чертоговъ, была спасена усердіемъ русскихъ воиновъ въ пожарѣ, 1837 года, и когда черезъ годъ возникъ изъ пепла дворецъ Русскихъ Царей, какъ Москва, памятникъ 1812 года, несгорѣвшій въ пожарѣ, нетлѣнными явились изображенія Императора Александра и сподвижниковъ Его, мужей Дванадесятаго года, въ Военной Дворцовой Галлереѣ.

Военная Галлерея находится въ серединѣ дворца, между Бѣлою и Георгіевскою залами, въ которыя ведутъ изъ нея двѣ боковыя двери. Главный ходъ изъ залы передъ церковью. Галлерея длиною болѣе 28-ми саженъ, шириною болѣе 3-хъ саженъ и вышиною болѣе 6-ти саженъ. Десять мраморныхъ колоннъ поддерживаютъ хоры, расположенныя около стѣнъ. Освѣщеніе ея сверху. Невольно благоговѣете, вступая въ сіе святилище воспоминаній тысяча восемьсотъ дванадесятаго года.

Если войдти главнымъ входомъ, вдали видно на передней стѣнѣ изображеніе Императора Александра. Мѣра картины 6 арш. 14 вер. вышины, 4 арш. 14 вер. ширины. Онъ представленъ на боевомъ конѣ Его Марсѣ, спокойный, величавый, съ Его кроткою улыбкою, Его безмятежнымъ мужествомъ, коего, вождь царей и вождей, не измѣнялъ Онъ въ самыя опасныя мгновенія битвъ. Вдали Парижъ, имъ покоренный и помилованный. Далѣе по длинѣ галлереи видите, съ одной стороны, изображеніе Императора Франца, съ другой—Короля Фридриха Вильгельма III-го; оба также во весь ростъ, на конѣ. За ними слѣдуютъ портреты во весь ростъ: Цесаревича, Великаго Князя Константина Павловича, и противъ него на другой стѣнѣ Фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго, Фельдмаршала Герцога Велингтона, и противъ него Фельдмаршала князя Барклая де-Толли (всѣ они по $4\frac{1}{2}$ арш. вышины, 2 арш. 10 вер. ширины). Въ промежуткахъ отъ портрета Императора Александра, почти во всю длину галлереи, по обѣимъ стѣнамъ, снизу до верху, въ пять рядовъ, помѣщены триста пятьдесятъ изображеній Русскихъ

Генераловъ. Всѣ они квадратныя, одной мѣры (1 арш. 2 вер. въ вышину и ширину), въ одинакихъ рамахъ. Въ лавровыхъ вѣнкахъ размѣщены по стѣнамъ надписи золотымя буквами: Тарутино, Клястицы, Бородино, Красный, Кульмъ, Лейпцигъ, Денневицъ, Кацбахъ, Феръ-Шампенуазъ, Бріеннъ, Лаонъ, Парижъ.

Здѣсь ежегодно, въ 25-й день декабря, въ присутствіи Монарха Россіи, совершаются литія и поминовеніе Императора Александра и всѣхъ воиновъ, положившихъ животъ въ годину святой брани за Отечество. Зрѣлище несравненное представляетъ сіе неумирающее напоминаніе памяти Царя Великаго, хвалы Богу Спасителю и торжества побѣды! Установлено, что къ сей литіи приглашаются только тѣ, кто имѣетъ медаль 1812 года, или за взятіе Парижа.

Прекрасно бываетъ и то зрѣлище, когда въ дни Царственныхъ празднествъ, тысячи огней освѣщаютъ чертоги Русскаго Царя, и ярко сверкающая ими, Военная Галлерея кажется ожившею, какъ будто всѣ они одушевляются, сіи изображенія воиновъ Двенадесятаго года, сихъ вождей побѣды.

Но и не только въ такія торжественныя минуты, всегда, и въ часъ тихаго вечера, когда ничего не нарушаетъ здѣсь тишины, вступая въ Военную Галлерею, чувствуете, что ваше Русское сердце бьется сильнѣе, и никогда нельзя привыкнуть къ силѣ производимаго ею впечатлѣнія и хладнокровно пройти черезъ Военную Галлерею. Невольно останавливаешься здѣсь среди собранія трехъ Владыкъ, уже перешедшихъ въ вѣчность, среди дружины вождей Русскихъ — и тысячи воспоминаній тѣснятся въ душѣ зрителя. Здѣсь всѣ они, стратиги, охранившіе Россію въ Двѣнадцатомъ году, мужи битвъ на поляхъ Смоленска, Бородина, Тарутина, Полоцка, Борисова, на берегахъ Нѣмана, Днѣпра, Москвы, Нары, Березины, Эльбы, Рейна и Сены. Здѣсь всѣ они, оживленные кистью художника: и тѣ, кто палъ на поляхъ брани; и тѣ кто потомъ почилъ въ мирныхъ могилахъ; и тѣ, кто отличенъ нынѣ высшими почестями государственныхъ сановниковъ; и тѣ, кто укрылся въ уединеніе, на отдыхъ послѣ подвига жизни—всѣ въ яркомъ разнообразіи жизни предстоятъ они передъ Царственнымъ Вождемъ своимъ! Здѣсь онъ, мудрый Кутузовъ, пылкій Багратіонъ, хладнокровный Барклай де-Толли, безстрашный Витгенштейнъ, Беннигсенъ, Милорадовичъ, Паскевичъ, Дохтуровъ, Волконскій, Чернышевъ, Раевскій, Коновницынъ, Остерманъ, Воронцовъ, Тучковъ, Паленъ, Платовъ, Сакенъ, Васильчиковъ и ихъ товарищи: вотъ они таковы, какими являлись въ минуты боя, при заревѣ городовъ, при огнѣ биваковъ! Съ какимъ неизъяснимымъ чувствомъ смотритъ на нихъ тотъ, который былъ очевидцемъ великаго Двенадесятаго года, видѣлъ ихъ въ кровавый день Бородина, при пожарѣ Москвы, на льдистыхъ берегахъ Березины и на пескахъ Нѣмана! Сколько воспоминаній стѣснится въ душѣ его, сколько подвиговъ, уже отмѣченныхъ Исторіею, и сколько дѣлъ, донынѣ не замѣченныхъ ею, но оживающихъ въ памяти ратнаго товарища!

Нѣтъ! Сюда приходитъ не только самовидѣцъ великой брани! Пролетятъ годы — не будетъ самовидцовъ, не будетъ и ни одного изъ вождей 1812 года, но и тогда сюда придетъ отецъ указать сыну на ликъ Императора Александра, на изображенія людей двѣнадцатаго года, и сказать ему: «Смотри, благоговѣй и изучай повѣсть о чести и славѣ Русской въ выраженіи лица тѣхъ вождей, о которыхъ никогда не умретъ преданіе! Ты не видалъ его, грознаго года Святой войны Русской; но вотъ они, подвигоположники брани великой, кровью купившіе твое счастіе—исчисляй, помни дѣла ихъ и учись подражать имъ, не думая превзойдти ихъ, ибо такой брани уже не будетъ болѣе!» И слова его услышитъ историкъ, также пришедшій оживить здѣсь размышленіемъ память прошедшаго, услышитъ и поэтъ, влекомый сюда жаждою вдохновенія!

Таковы впечатлѣнія, производимыя мыслью Императора Александра, осуществленною Преемникомъ Престола его въ Военной Галлереѣ. И уже давно являлось общее желаніе сдѣлать Военную Галлерею вполнѣ народною. Только жители Петербурга и пріѣзжающіе въ сѣверную Столицу, и тѣ не всѣ и не всегда, могли видѣть сію сокровищницу великихъ воспоминаній, когда тысячи, милліоны Русскихъ были лишены такого наслажденія. Кромѣ того Галлереѣ не было издано описанія, не были исчислены всѣ ея изображенія, и взоръ посѣтителя безотчетно перебѣгалъ здѣсь по рядамъ изображеній. Скажемъ болѣе: многіе ли изъ посѣтителей могли при каждомъ изъ нихъ припомнить всѣ подробности обширной лѣтописи Отечественной

войны, и къ каждому изъ сподвижниковъ ея отнести достойную дань воспоминанія, оживить дѣла каждаго изъ знаменитыхъ воителей, взирая на его изображеніе? Потому общимъ желаніемъ издавна было видѣть всѣ портреты Военной Галлереи срисованными и изданными въ одномъ собраніи, гдѣ было-бы присовокуплено къ каждому портрету, жизнеописаніе, кратко, но вѣрно и вполнѣ излагающее подвиги каждаго изъ вождей, находящихся въ Военной Галлереѣ.

Довъ предпринималъ изданіе гравюръ съ портретовъ Военной Галлереи, но кромѣ того, что при нихъ не было жизнеописаній, дорогая цѣна его изданія не могла сдѣлать его доступнымъ каждому. Все предпріятіе ограничилось немногими портретами и прекратилось смертью художника.

Царствованію Императора Николая предоставлено было выполнить общее желаніе, и Военную Галлерею сдѣлать достояніемъ всего Русскаго Царства. Удостоенные Высочайшаго соизволенія: издать въ литографическихъ рисункахъ всѣ портреты Военной Галлереи, съ жизнеописаніемъ при каждомъ изъ нихъ, приступаемъ къ исполненію сего обширнаго предпріятія съ радостною надеждою, что Отечество оцѣнитъ трудность и заслугу нашего дѣла. Потребно было соединеніе весьма многаго для удовлетворительнаго исполненія его: искусство художниковъ, собраніе матеріаловъ, разсыпанныхъ въ множествѣ сочиненій, и сокрытыхъ въ архивахъ доступнымъ немногимъ и въ самой обработкѣ матеріаловъ. Не приписываемъ себѣ никакой заслуги кромѣ усерднаго труда, и предоставляемъ судъ объ немъ безпристрастной оцѣнкѣ другими. Величайшею наградою исполнителей его будетъ мысль, что драгоцѣнное украшеніе Царскаго Дворца, переданное описаніемъ его въ руки всѣхъ, сдѣлается общимъ достояніемъ каждаго, составляя подробную лѣтопись великой Отечественной войны, украшенную изображеніемъ ея незабвенныхъ дѣятелей. Пусть читаютъ ихъ дѣянія отецъ семейства въ кругу дѣтей, юный воинъ среди своихъ товарищей, и указывая на изображенія вождей Двунадесятаго года, угадываетъ на лицахъ ихъ тѣ чувства самоотверженія, беззавѣтнаго мужества, вѣры въ Бога, любви къ Царю и усердія къ Отечеству, которыя столь доблестно являлись въ ихъ дѣлахъ. Мы не думали о краснорѣчіи, даже удаляли его: говоримъ истину, какъ говорятъ дѣла.

Первая мысль обращается здѣсь къ Царственному Вожденачальнику: прежде всего изображеніе Императора Александра, и очередь дѣлъ и подвиговъ Его въ годину бѣдствій и славы Россіи.

525. Императрица Екатерина II. 1796—1896 года. Москва. Изданіе Абрикосова сыновей, въ типографіи А. И Мамонтова. 1896 года.—Въ 16 д. л., 40 стр.

Источниками этого сочиненія служили слѣдующіе матеріалы: *Соловьевъ.* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. *Незеленовъ.* «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху». *Аѳонасьевъ.* «Русскіе сатирическіе журналы». «Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества». «Русская Старина». «Русскій Архивъ». «Архивъ князя Воронцова» и мн. др.

Изданіе это украшено портретами и рисунками, идущими въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Императрица Екатерина II. 2) Принцъ Христіанъ Августъ Ангальтъ-Цербтскій. 3) Принцесса Іоганна Елизавета Ангальтъ-Цербтская. 4) Великій князь Петръ Ѳедоровичъ 5) Великая княгиня Екатерина Алексѣевна въ 1761 г. 6) Канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ. 7) Императрица Елизавета Петровна. 8) Д. И. фонъ-Визинъ. 9) Открытіе памятника Петру Великому въ 1782 г. 10) Г. Р. Державинъ. 11) Н. И. Новиковъ. 12) И. И. Бецкій. 13) Зимній возокъ. 14) Щеголи на гуляньѣ. 15) Кн. Е. Р. Дашкова. 16) Императрица Екатерина II. 17) Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій. 18) Чесменская морская побѣда 5 іюля 1770 г. 19) Кн. Г. А. Потемкинъ-Таврическій. 20) Графъ Г. Г. Орловъ. 21) Графъ Г. К. Разумовскій. 22) Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій и 23) А. В. Суворовъ.

Книжка въ иллюстрированной обложкѣ.

526. Императорская эрмитажная галлерея, литографированная французскими артистами подъ дирекціею Е. Гюо, печатаемая Полемъ Пети, издатель Гойдефонтенъ. — С.-Петербургъ, 1847 года, 2 тома въ листъ.

Это великолѣпное и роскошное изданіе будетъ всегда имѣть значеніе въ художественной литературѣ. Книга рѣдкая и цѣнится въ настоящее время отъ 30 до 40 рублей, смотря по степени сохранности.

527. Имянной списокъ господамъ депутатамъ, выбраннымъ въ комиссію о сочиненіи проэкта новаго уложенія, кто изъ котораго мѣста выбраны и кто кому имянно сдали, также въ разныя учрежденныя отъ большаго собранія частныя комиссіи опредѣлены и нынѣ дѣйствительно находятся. Генваря по 1-е число 1768 года. Печатанъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.—Въ 8 д. л., 56+5 стр.

Означенный имянной списокъ господамъ депутатамъ составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. См. «Опытъ россійской библіографіи» Василія Сопикова за № 11182, есть у Геннади «книжныя рѣдкости» за № 23, у Губерти III № 101, у Черткова за № 235; эта рѣдчайшая брошюрка цѣнится въ настоящее время отъ 15 до 25 рублей.

528. Имянной списокъ господамъ депутатамъ, находящимся въ комиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія, съ показаніемъ, кто изъ оныхъ, въ разныя отъ большаго собранія, учрежденныя частныя комиссіи, членами и кандидатами опредѣлены, и нынѣ дѣйствительно находятся. Февраля по 24 число 1769 года.

Печатанъ въ С.-Петербургѣ при Сенатѣ.—Въ 8 д. л. 97 нум. стр.

Въ каталогахъ не значится. Лонгиновъ, въ статьѣ «Матеріалы для исторіи комиссіи о сочиненіи проэкта Новаго Уложенія» («Р. В.» 1861 г.) это изданіе относитъ къ рѣдчайшимъ. Въ его библіотекѣ находился экземпляръ сего изданія. Каждая страница описываемой книжки раздѣлена на пять графъ. Въ первой графѣ обозначены номера по порядку, во второй, откуда выбраны (депутаты), въ третьей, имена и фамиліи, въ четвертой, въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ и, въ пятой, гдѣ при исправленіи своихъ должностей находятся. Въ спискѣ помѣщено 562 депутата. За нимъ помѣщенъ списокъ опекунамъ разныхъ иновѣрцевъ и присутствующимъ въ большомъ собраніи и, наконецъ, списокъ присутствующихъ въ частныхъ комиссіяхъ. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки 1851 г. стр. 5; Остроглазовъ «Русскія кн. рѣдкости» за № 107.

529. Интермедіи Мигуэля Сервантеса Сааведра. Переводъ съ Испанскаго А. Н. Островскаго. Съ портретомъ переводчика, гравированнымъ на стали. С.-Петербургъ. Изданіе Н. Г. Мартынова. 1886 года.—Въ 8 д. л. 5+132 стр.

На оборотѣ заглавнаго листа сказано, что печатано по желанію А. Н. Островскаго отдѣльно, только сто экземпляровъ. Изъ нихъ 8 экземпляровъ передано въ цензурный комитетъ, 50 экземпляровъ—Маріѣ Васильевнѣ Островской; въ продажу поступили только 42 экземпляра.

Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько словъ переводчика, гдѣ между прочимъ говорится объ интермедіяхъ Сервантеса: «Между различными произведеніями, которыми мы одолжены главѣ испанскихъ геніальныхъ писателей, наименѣе извѣстны, и наиболѣе заслуживаютъ извѣстности его интермедіи. Въ нихъ читатели увидятъ, какъ давно и съ какимъ разнообразіемъ геній Сервантеса умѣлъ схватывать и раскрывать передъ публикой и самые грандіозные и самые мелкіе сюжеты, и мы осмѣливаемся завѣрять, что въ интермедіяхъ Сервантесъ является болѣе самимъ собою, чѣмъ во всѣхъ другихъ произведеніяхъ, исключая «Донъ-Кихота». Въ этихъ веселыхъ картинахъ, писанныхъ легкими штрихами, геній Сервантеса находится совершенно въ своей сферѣ, тутъ невозмутимо льется неисчерпаемый потокъ его неподражаемаго комизма. Въ рисовкѣ характеровъ восторженныхъ, чудныхъ и смѣшныхъ—Сервантесъ не имѣетъ соперниковъ и такъ-какъ они-то и составляютъ главный матеріалъ интермедій, произведеній, которыя теперь извѣстны подъ именемъ «Сайнетъ» (Sainetes), то никто не колеблется признать ихъ за болѣе самородные и чистые образцы оригинальнаго таланта Сервантеса».

«Языкъ этихъ пьесъ естественъ и вѣренъ относительно лицъ и положеній, остроуменъ, игривъ и блеститъ народными оборотами, пословицами и поговорками. Хотя этотъ родъ произведеній начинается только съ Сервантеса, но онъ же и довелъ ихъ до высшаго совершенства. Написанныя въ началѣ XVII вѣка, они и теперь представляютъ для читателя такой интересъ, какъ будто лица, изображаемыя въ нихъ, взяты изъ общества, насъ окружающаго (что доказываетъ и въ томъ состоитъ ихъ главная заслуга), что нѣтъ предмета, какъ бы низокъ онъ ни казался, который бы не получилъ

важнаго значенія въ рукахъ истиннаго генія, потому что онъ умѣетъ помѣстить въ простомъ и маломъ такой общій и человѣческій интересъ, который заставляетъ его выплыть въ потокъ вѣковъ».

Купленъ мною экземпляръ за 15 рублей.

530. Ирма или приключенія нещастной сироты. Индѣйская повѣсть. Переводъ съ французскаго. 6 частей. Москва, въ университетской типографіи. 1898 года.—Въ 16 д. л. Часть I—192, ч. II—218, ч. III—288, ч. IV—226, ч. V—287 и ч. VI—294 стр., и 6 гравированныхъ рисунковъ, по одному въ каждой части, рѣзан. Л. Фроловымъ.

Въ началѣ этой довольно рѣдкой книжки слѣдуютъ нѣсколько словъ къ читателю отъ переводчика Сергѣя Орлова, гдѣ послѣдній говоритъ, что

«Нещастія, изображенныя въ повѣствованіяхъ, описанныхъ Ирмою, имѣютъ право на сострадание читателя чувствительнаго, ибо горести ею претерпѣнныя и нещастія нѣжнымъ сердцемъ ея испытанныя, сильны тронуть чувства его. Нещастная сія Ирма есть дочь славнаго владѣтеля Индіи, котораго ужасныя нещастія удивляли цѣлую Азію. Здѣсь увидитъ читатель, какимъ образомъ въ цвѣтущей еще юности Ирма лишилась отца, матери, тетки и брата, погибшихъ отъ неслыханныхъ гоненій несправедливаго народа; увидитъ, что въ сихъ горестяхъ она жаждетъ найти утѣшеніе въ чувствахъ любви своей, питаемой къ двоюродному брату своему; но политическія обстоятельства принуждаютъ ее съ отцемъ своимъ оставить отечество. И такъ Ирма оставшись одна на театрѣ ужасныхъ сихъ происшествій и не находя себѣ никакого утѣшенія, цѣлыя сутки проводитъ въ уединенныхъ бесѣдахъ съ собою и скромномъ изслѣдованіи политики: и сіе самое изданіе есть плодъ размышленій ея и чувствительности popстрастнаго ея сердца.

Въ книгѣ сей представляется Ирма, дочь нещастнаго Сбилуи, описывающею исторію ея родителей и представляющею ужасную картину ихъ казни двоюродному брату своему, находившемуся во время сей пагубной революціи съ отцемъ своимъ при одномъ изъ сосѣдственныхъ дворовъ. Принцъ сей, воспитываясь съ Ирмою, по взаимной любви назначенъ былъ родителями ихъ ей супругомъ; почему Ирма, руководимая нѣжнѣйшею любовію, находила единственное облегченіе горестямъ въ сообщеніи ихъ любимцу своему—и тѣмъ откровеннѣе изобразила всѣ происшествія, коихъ она была страдающею свидѣтельницею».

Сергѣй Орловъ.

Это любопытное изданіе куплено мною за 3 рубля.

531. Ирмологій, или осмогласникъ, съ нотами, отъ старыхъ рукописныхъ экземпляровъ собранный іеромонахомъ Іосифомъ Городецкимъ; исправленный и изданный трудолюбіемъ иноковъ обители Львовскаго Св. великомученника Георгія.—Львовъ, 1700 года.—Въ листъ.

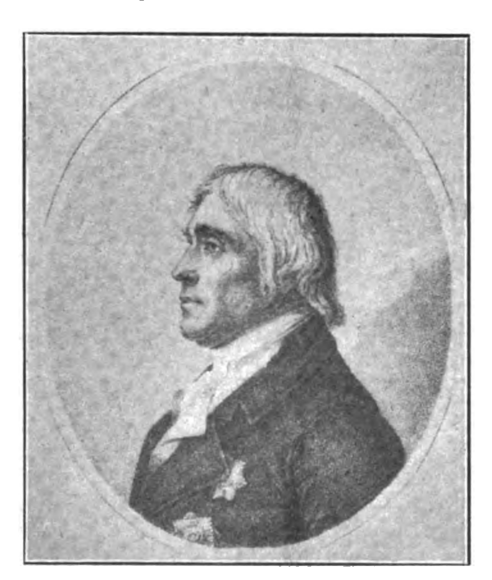
Въ концѣ этой рѣдкой книги авторъ говоритъ слѣдующее:—«Азъ многогрѣшный іеромонахъ Іосифъ Городецкій, перегримъ (пѣшеходецъ) іерусалимскій, егда доспѣхъ въ пятнадесять лѣтъ отъ рожденія моего, идохъ въ монастырь и начахъ прилежати рукодѣлію типографскому, и тѣмъ упражняяся, отъ рукоположившаго мя Боголюбиваго Епископа Львовскаго Іосифа Шумлянскаго по прошенію моему, получивши благословеніе и свидѣтельство грамоты и дахъ обѣты моя воздати Господеви, яже изрекахъ. Дошедше же до Св. великаго града Іерусалима, и тамо гробу Господню поклонихся, и въ водахъ Іорданскихъ умитися сподобихся. Пути великаго моря Египетъ, Александрію и протчіе пресловутые грады палестинскіе южнее обошедшее, такожде и заходные Гишпанію, Италію, Римъ, Венецію и проч. руководствомъ же вышняго десницы въ свое отечество здраво возвратихся и не медля должне пришедъ для благодаренія, благословенію его милости, господину вышереченному епископу Львовскому, яко толико путешествіе благословеніемъ его сотворихъ, и моленъ быхъ отъ начальствующихъ иноковъ въ кафедрѣ Львовской Св. Великомученика Георгія да отъ рукодѣлія Гисерскаго сотворю типографію въ напечатаніе Ирмолоя, азъ же, не щадя себя по толикихъ путныхъ трудѣхъ, яхся дѣла и поспѣшество дарованія Божія, произведъ въ совершеніе роду россійскому удивительное ирмолоя напечатаніе».

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 432, сказано — «книга очень рѣдкая».

532. Иродота Аликарнасскаго повѣствованія въ девяти книгахъ; перевелъ съ нѣмецкаго Андрей Нартовъ; 3 части. Санктпетербургъ, 1763 — 1764 года. — Въ 8 д. л.

Книга замѣчательна, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія. Чистые и хорошо сохраненные экземпляры рѣдки. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 4694.

533. Ироическая пѣснь о походѣ на половцевъ удѣльнаго князя Новгорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ, въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Москва. 1800 года. — Въ 4 д. л., VIII+46 стр., и поколѣнная роспись на складномъ листѣ.

Мусинъ-Пушкинъ, А. И., графъ.

Извѣстный археологъ, членъ россійской Академіи. Род. 1744 г., ум. 1817 г.

Это первое изданіе знаменитаго «Слова о полку Игоревѣ», сгорѣвшее во время Московскаго пожара 1812 года вмѣстѣ съ оригиналомъ и уцѣлѣвшіе лишь весьма не многіе экземпляры сего изданія представляютъ большую библіографическую рѣдкость.

«Ироическая пѣснь», найдена графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ при одномъ бѣлорусскомъ сборникѣ и напечатана въ Москвѣ 1800 года, въ 4 д. л., но какъ выше сказано—погибла вмѣстѣ съ наибольшей частью его рѣдкихъ книгъ, записокъ и вещей въ московскомъ его домѣ, при нашествіи французовъ въ 1812 году, и осталось только то, что было у него въ деревнѣ или въ рукахъ у нѣкоторыхъ его пріятелей.— Хорошо сбереженные экземпляры цѣнятся отъ 25 до 30 рублей.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о сей библіографической рѣдкости, прилагаю при семъ «Ироическую пѣснь» изъ слова въ слово.

Историческое содержаніе пѣсни.

Удѣльный Князь Новагорода-Сѣверскаго Игорь Святославичь, не сдѣлавъ сношенія съ старѣйшимъ Великимъ Княземъ Кіевскимъ, рѣшился въ 1185 году отомстить самъ собою Половцамъ за разореніе подвластныхъ ему владѣній и пріобрѣсть себѣ чрезъ то славу. Къ сему наступленію уговорилъ онъ роднаго брата своего Трубчевскаго Князя Всеволода, племянника своего Рыльскаго Князя Святослава Ольговича и сына своего Князя Владиміра, имѣвшаго удѣлъ свой въ Путивлѣ; и съ симъ немноголюднымъ, но храбрымъ войскомъ, выступилъ въ походъ противъ обидѣвшихъ его.

Маія 1-го, когда пришелъ онъ на Донецъ и располагалъ на берегу лагерь свой, сдѣлалось такое необычайное затменіе солнца, что днемъ звѣзды оказались. Суевѣры всячески убѣждали Князя Игоря оставить свое предпріятіе; онъ не послушалъ ихъ, и отвѣчалъ на то: что одни только трусы боятся чрезвычайностей, что онъ назадъ никакъ не возвратится, и что стыдъ ему тягче смерти. На другой день пошли впередъ, но предубѣжденные несчастнымъ знаменіемъ воины Игоревы едва только увидѣли непріятеля, всѣ пріуныли. Отважный Князь уговаривалъ ихъ, и даже приказывалъ, чтобъ тѣ, которые не хотятъ биться за него, возвратились въ свои домы; однакожъ никто оставить его не хотѣлъ. Встрѣтились Половцы, и первое сраженіе съ ними было весьма удачно для Россіянъ; они

разбили ихъ, и даже овладѣли всѣмъ обозомъ ихъ и богатствами. При сей удачѣ молодые Князья Святославъ Ольговичъ и Владиміръ Игоревичъ подстрѣкамы будучи неопытною храбростію и удальствомъ своимъ, безъ совѣта старѣйшихъ отдѣлились за рѣку Суугли *) для погони за непріятелемъ. Половцы, получивъ себѣ подкрѣпленіе, тотчасъ воспользовались раздробленіемъ Россійскихъ полковъ, обскакали со всѣхъ сторонъ Князя Игоря, и бились безпрестанно два дни. Сей Князь былъ раненъ, а потомъ и въ плѣнъ взятъ со всѣми бывшими съ нимъ князьями. Пять тысячъ оставшагося его войска равномѣрно принуждены были сдаться превосходной силѣ непріятельской. Половцами предводительствовали тогда Князья ихъ Кончакъ и Гзазъ **). Сочинитель, сравнивая сіе несчастное пораженіе (приведшее всю Россію въ уныніе) съ прежними побѣдами надъ Половцами одержанными, припоминаетъ нѣкоторыя достопамятныя произшествія и славныя дѣла многихъ Россійскихъ Князей. Отъ сей побѣды, говоритъ онъ, Половцы сдѣлались дерзновеннѣе и усугубили свои грабительства и разоренія повсюду. Великій Князь Кіевскій Святославъ Всеволодовичъ весьма сѣтовалъ о племянникахъ своихъ Игорѣ и Всеволодѣ Святославичахъ, общественно всѣми любимыхъ. Онъ въ горести своей жалуется на свою старость, препятствующую ему выручить ихъ изъ неволи и взываетъ ко всѣмъ современнымъ Князьямъ о вспоможеніи. Русскія жены оплакиваютъ смерть и плѣнъ мужей своихъ. Игорева супруга Княгиня Ефросинья (дочь Князя Ярослава Владиміровича Галичскаго), оставшись въ Путивлѣ, возноситъ жалобный голосъ свой, то къ вѣтру, то къ солнцу, то къ рѣкѣ Днѣпру. Пѣснь сія оканчивается возвращеніемъ Князя Игоря въ свое отечество, ибо по причинѣ сдѣланныхъ Половцами затрудненій въ выкупѣ его, онъ принужденъ былъ спастись оттуда бѣгствомъ.

Любители Россійской словесности согласятся, что въ семъ оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ сочинеміи виденъ духъ Оссіановъ; слѣдовательно и наши древніе герои имѣли своихъ бардовъ, воспѣвавшихъ имъ хвалу. Жаль только, что имя сочинителя неизвѣстнымъ осталось. Нѣтъ нужды замѣчать возвышенныхъ и коренныхъ въ сей поэмѣ выраженій, могущихъ навсегда послужить образцемъ витійства; благоразумный читатель самъ отличитъ оныя отъ нѣкоторыхъ мелочныхъ подробностей, въ тогдашнемъ вѣкѣ терпимыхъ, и отъ вкравшихся при перепискѣ непонятностей.

*) Рѣка сія въ Половецкихъ кочевьяхъ. Войски Русскія шли отъ Донца къ рѣкѣ Осколу, отъ Оскола къ рѣкѣ Сальницѣ, отъ Сальницы шли всю ночь, и на утро около обѣда пришли къ рѣкѣ Суугли, гдѣ и встрѣтились съ Половцами. Татищ. Книга III, стр. 262.

**) См. Исторію Татищева книгу III, стр. 260—265.

Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежитъ издателю сего *), который чрезъ старанія свои и просьбы къ знающимъ достаточно Россійской языкъ доводилъ чрезъ нѣсколько лѣтъ приложенный переводъ до желанной ясности, и нынѣ по убѣжденію пріятелей рѣшился издать оной на свѣтъ. Но какъ при всемъ томъ остались еще нѣкоторыя мѣста невразумительными, то и проситъ всѣхъ благонамѣренныхъ читателей сообщить ему свои примѣчанія для объясненія сего древняго отрывка Россійской словесности.

*) Г. Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Кавалеру Графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину. Въ его библіотекѣ хранится рукопись оная въ книгѣ, писанной въ листъ, подъ № 323. Книга же сія содержитъ слѣдующія, по ихъ оглавленіямъ, матеріи.

1) „Книга глаголемая Транаграфъ (Хронографъ), рекше начало письменномъ царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ: прежде о бытіи, о сотвореніи міра, отъ книгъ Моисеевыхъ и отъ Іисуса Навина, и отъ Судей Іудѣйскихъ, и отъ четырехъ Царствъ; такъ же и о Асирійскихъ Царехъ, и отъ Александріи, и отъ Римскихъ Царей, Еллинъ же — благочестивыхъ, и отъ Русскихъ лѣтописецъ, Сербскихъ и Болгарскихъ“.

2) „Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе Русскихъ Князей и земля Рускыя“.

3) „Сказаніе о Индіи богатой“.

4) „Синагрипъ Царь Адоровъ, Иналивскія страны“.

5) „Слово о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславля, внука Ольгова“.

6) „Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ о бръзости и о силѣ, и о храбрости“.

7) „Сказаніе о Филипатѣ, и о Максимѣ, и о храбрости ихъ“.

8) „Аще думно есь слышати о свадьбѣ Девгѣевѣ, и о всъхыщеніи Стратиговнѣ“.

СЛОВО
О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ, (а)
ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ,
ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Баяню (б) Баянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеся мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ бо речь първыхъ временъ усобіцѣ; тогда пущашетъ і соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣснь пояше, старому Ярославу (в), храб-

(а) Игорь Святославичъ родился 15 апрѣля 1151 года; во Святомъ Крещеніи нарѣченъ Георгіемъ; женился въ 1184 году на Княжнѣ Ефросиніи, дочери Князя Ярослава Володимировича Галичскаго. Въ 1185 году имѣлъ онъ сраженіе съ Половцами, а въ 1201 году скончался, оставивъ послѣ себя пять сыновей.

(б) Такъ назывался славнѣйшій въ древности стихотворецъ Русскій, который служилъ образцемъ для бывшихъ послѣ него писателей. Изъ нѣкоторыхъ въ примѣръ здѣсь приведенныхъ словъ его явствуетъ, что Баянъ воспѣвалъ всегда важныя произшествія и изъяснялъ мысли свои возвышенно. Когда и при которомъ Государѣ гремѣла лира его, ни почему узнать не льзя; ибо не осталось намъ никакого отрывка, прежде великаго Князя Владиміра Святославича писаннаго. Отъ временъ же его дошла до насъ между прочими слѣдующая народная пѣсня, въ которой находимъ уже правильное удареніе, кадансомъ въ стихотворствѣ называемое; но вѣроятно, что и та въ впослѣдствіи переправлена:

Въ славномъ городѣ Кіевѣ,
У Князя у Владиміра,
У солнышка Святославича,
Было пированіе почетное,
Почетное и похвальное,
Про Князей и про Бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю Поляницу удалую.
Въ полъ-сыта баря наѣдалися,
Въ полъ-пьяна баря напивалися.
Послѣдняя ѣства на столъ пошла,
Послѣдняя ѣства лебединая:
Стали бояре тутъ хвастати... и проч.

(в) Чрезъ стараго Ярослава сочинитель разумѣетъ здѣсь Великаго Князя Ярослава Владиміровича, давшаго Новгородцамъ законы, подъ именемъ Русской Правды до нынѣ извѣстные. Онъ былъ прапрадѣдъ Игорю Святославичу, которому воспѣвается пѣснь сія.

ПѢСНЬ
О ПОХОДѢ ИГОРЯ,
СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,
ВНУКА ОЛЬГОВА.

Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова! начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по вымысламъ Баяновымъ. Ибо когда мудрый Баянъ хотѣлъ прославлять кого, то носился мыслію по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками. Памятно намъ по древнимъ преданіямъ, что повѣдая о какомъ-либо сраженіи, примѣняли оное къ десяти соколамъ, на стадо лебедей пущеннымъ: чей соколъ скорѣе долеталъ, тому прежде и пѣснь начиналася, либо старому Ярославу, либо храброму Мстиславу, поразившему Редедю предъ полками Косожскими, или красному Роману Святославичу. А Баянъ, братцы, не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ: но какъ скоро прикасался искусными своими перстами къ живымъ струнамъ, то сіи уже сами славу Князей гласили.

Начнемъ же, братцы, повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшияго Игоря. Сей Игорь напрягши умъ свой крѣпостію, поощривъ сердце свое мужествомъ и исполнясь духа ратнаго, вступилъ съ храбрымъ своимъ воинствомъ въ землю Половецкую для отмщенія за землю Русскую. Тогда взглянулъ онъ на солнце свѣтлое, и увидѣвъ мракомъ покрытое все войско свое, произнесъ къ дружинѣ своей: «Братья и друзья! лучше намъ быть изрубленнымъ, нежели достаться въ плѣнъ. Сядемъ на своихъ борзыхъ коней, и посмотримъ на синій Донъ». Пришло Князю на мысль пренебречь худое предвѣщаніе и извѣдать счастья на Дону великомъ. «Хочу, сказалъ онъ, съ вами, Россіяне! переломить копье на томъ краю поля Половецкаго, хочу или голову свою положить, или шлемомъ изъ Дону воды достать». О Баянъ! соловей древнихъ лѣтъ! тебѣ бы надлежало провозгласить о сихъ подвигахъ, скача соловьемъ мысленно по дереву, летая умомъ подъ облаками, сравнивая славу древнюю съ нынѣшнимъ временемъ, мчась по слѣдамъ Трояновымъ чрезъ поля на горы. Тебѣ бы пѣть пѣснь Игорю внуку Ольгову. Не буря соколовъ занесла чрезъ поля широкія, слетаются галки

рому Мстиславу (г), иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови (д) Святъславличю. Боянъ же, братіе, не і соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера (е) до нынѣшняго Игоря; иже истягну умь крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцкую за землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ (ж) своей: братіе и дружино! луцежъ бы потягу быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону. Спала Князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго, съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону. О Баяне, сословію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню (з) чресъ поля на горы. Пѣти было пѣснь Игореви, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому; чили въспѣти было вещей Баяне, Велесовь (и) внуче! Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ (і) Всеволодъ: одинъ братъ, стадами къ Дону великому. Тебѣ бы, мудрый Баянъ, внукъ Велесовъ! сіе воспѣть. Ржутъ кони за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ, трубятъ трубы въ Новѣгородѣ, развѣваютъ знамена въ Путивлѣ, ждетъ Игорь милаго брата Всеволода. Богатырь же Всеволодъ вѣщаетъ къ нему: «О Игорь! ты «одинъ у меня братъ! ты одинъ у меня ясный «свѣтъ! и мы оба сыновья Святославовы; ты сѣд«лай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои для «тебя приготовлены и давно у Курска осѣдланы. «Мои Курчане въ цѣль стрѣлять знающи, подъ «звукомъ трубъ они повиты, подъ шлемами возле«лѣяны, концомъ копья вскормлены; всѣ пути имъ «свѣдомы, всѣ овраги знаемы, луки у нихъ на«тянуты, колчаны отворены, сабли изострены; они «скачутъ въ полѣ какъ волки сѣрые, ища себѣ «чести, а Князю славы». Тогда Князь Игорь, вступя въ золотое стремя, поѣхалъ по чистому полю. Солнце своимъ затменіемъ преграждаетъ путь ему, грозная возставшая ночью буря пробуж-

(г) Храбрый Мстиславъ, также сынъ Великаго Князя Владиміра Святославича, родной братъ Ярославу I. Будучи на удѣлѣ въ Тьмутараканскомъ Княжествѣ 1022 года, выступилъ онъ въ походъ противъ Косоговъ. Князь Косожскій Редедя, понадѣясь на крѣпость мышцъ своихъ, будтобъ для пощады съ обѣихъ сторонъ воиновъ отъ напраснаго кровопролитія, предложилъ ему поединокъ. Мстиславъ охотно на сіе согласясь, сразился съ нимъ, и одолѣвъ своего сопротивника, лишилъ его жизни. По сдѣланному предварительно въ пользу побѣдителя условію вступивъ во владѣніе Косоговъ, наложилъ онъ на нихъ дань, завладѣлъ всѣмъ богатствомъ Княжескимъ, а жену и дѣтей его увелъ въ плѣнъ за собою.

Отъ сыновей сего побѣжденнаго Князя Косожскаго произошли извѣстныя въ Россіи фамиліи: Добрынскихъ, Зайцовыхъ, Бирдюковыхъ, Поджегиныхъ, Гусевыхъ, Елизаровыхъ, Спискихъ, Хобаровыхъ и Глѣбовыхъ.

(д) Романъ, сынъ Князя Святослава Ярославича, былъ на удѣлѣ Княженія Черниговскаго въ Курскѣ. Въ 1079 году согласясь съ Половцами, онъ хотѣлъ отнять Переяславль у Великаго Князя Всеволода Ярославича: но наемные союзники его измѣнили ему и заключили особенный миръ съ Великимъ Княземъ Кіевскимъ. Когда онъ за сію измѣну сталъ упрекать Половцевъ, то произошла изъ того ссора, въ которой онъ былъ отъ нихъ убитъ.

(е) Равно-Апостольный Великій Князь Владиміръ Святославичъ, просвѣтившій Русскую землю Святымъ крещеніемъ.

(ж) Дружиною назывались отборные и приближенные воины, сопровождавшіе Государей во всѣхъ походахъ.

(з) Четыре раза упоминается въ сей пѣсни о Троянѣ, т. е. троаа Трояня, вѣчи Трояни, земля Трояня, и седмый вѣкъ Трояновъ: но кто сей Троянъ, догадаться ни по чему не возможно.

(и) Велесъ, Славянскій въ язычествѣ Богъ, покровитель стадъ. Его считали вторымъ послѣ Перуна. По названію Баана внукомъ Велесовымъ, кажется, что онъ жилъ до принятія въ Россіи Христіанской вѣры.

(і) Вуй значитъ дикій, а туръ волъ. И такъ Буйтуромъ, или Буйволомъ, называется здѣсь Всеволодъ въ смыслѣ метафорическомъ, въ разсужденіи силы и храбрости его —Вѣроятно, что изъ сихъ двухъ словъ составилось потомъ названіе богатыря, ибо другаго произведенія оному слову до сихъ поръ не найдено.

Всеволодъ Святославичъ, меньшій братъ Игоревъ, превосходилъ всѣхъ своего времени Князей нетокмо возрастомъ тѣла и видомъ, которому подобнаго не было, но храбростію и всѣми душевными добродѣтелями прославлялся повсюду—Татищ. истор. Часть III, стр. 320.

одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславличя; сѣдлай, брате, свои брзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди; а мои ти Куряни свѣдоми къ мети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копія въскръмлени, пути имь вѣдоми, яругы имь знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи влъцы въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славы. Тогда въступи Игорь Князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, влъзѣ, и по морію, и по Сулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутараканьскый блъванъ. А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому; крычатъ телѣгы полунощы, рци лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ птицъ; подобію влъци грозу въ срожатъ, по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ (к), лисици брешутъ на чръленыя щиты. О руская земле! уже за Шеломянемъ (л) еси. Длъго. Ночь меркнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы.

дастъ птицъ; ревутъ звѣри стадами; кричитъ филинъ на вершинѣ дерева, чтобъ слышали голосъ его въ землѣ незнаемой, по Волгѣ и по морю, по Сулѣ, по Суражу въ Корсунѣ и у тебя, Тмутараканскій истуканъ! Половцы бѣгутъ неготовыми дорогами къ Дону великому; скрыпятъ возы въ полуночи, какъ лебеди скликаяся. Игорь къ Дону войска ведетъ; уже птицы бѣду ему предрекаютъ, волки по оврагамъ вытьемъ своимъ страхъ наводятъ: орлы звѣрей на труны сзываютъ, а лисицы лаютъ на багряные щиты. О Русскіе люди! далеко уже вы за Шеломенемъ. Ночь меркнетъ, свѣтъ зари погасаетъ, мглою поля устилаются, пѣснь соловьиная умолкаетъ, говоръ галокъ начинается. Преградили Россіяне багряными щитами широкія поля, ища себѣ чести, а Князю славы.

Съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя; и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты; орьтъмами и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе (м) храброму Святьславличю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло; небылонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ; Кончакъ (н) ему слѣдъ правитъ къ Дону великому.

На зарѣ въ Пятницу разбили они Половецкіе нечестивые полки, и разсыпавшись какъ стрѣлы по полю, увезли красныхъ Половецкихъ дѣвицъ, а съ ними золото, ткани и дорогіе бархаты. Охабнями, плащами, шубами и всякими Половецкими нарядами, по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ начали мосты мостить. Багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряная чолка и серебряное древко достались отважному Святославичу. Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо, далеко залетѣвъ. Не родилось оно обидъ терпѣть ни отъ сокола, не отъ кречета, ни отъ тебя, черный воронъ, нечестивый Половчанинъ. Бѣжитъ Гзакъ сѣрымъ волкомъ, а въ слѣдъ за нимъ и Кончакъ спѣшитъ къ Дону великому.

(к) Птичій полетъ издавна былъ у многихъ народовъ предзнаменованіемъ щастія или нещастія въ предпріятомъ намѣреніи: и Римляне гадали по птицамъ. Равномѣрно примѣчали, въ которую сторону слетались хищныя птицы, и тамъ неминуемой предполагали быть гибели людской. Волчій вой также предвѣщалъ кровопролитную войну.

(л) Русское село въ области Переяславской на границѣ къ Половцамъ лежащее близь рѣки Ольты. Татищ. Часть III, стр. 120.

(м) Воинскіе почетные доспѣхи.

(н) Гзакъ и Кончакъ, оба Половецкіе Князья, предводительствовавшіе тогда войскомъ своимъ противъ Князя Игоря.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучя съморя идуть, хотятъ прикрыти Д солнца: а въ нихъ трепещуть синіи млъніи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Руская земле! уже за Шеломянемъ еси. Се вѣтри, Стрибожи (о) внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть; пороси поля прикрываютъ; стязи глаголютъ, Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плъкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомь поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты. Яръ туре Всеволоде! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе Яръ Туре Всеволоде. Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны (п) свычая и обычая? Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля (р); были плъци Олговы (с), Ольга Святьславличя. Тьй

(о) Стрибогъ (Славянскій Эолъ) кумиръ во время язычества въ Кіевѣ боготворимый; ему приписывали власть надъ вѣтрами.

(п) Супруга Всеволода Святославовича, брата Игорева дочь Князя Глѣба Юрьевича Переяславскаго.

(р) Тритцати-пяти-лѣтнее Государствованіе Ярослава I надолго оставалось памятнымъ для Россіянъ. Храбрость его превозносима была за одержанныя имъ многократныя побѣды надъ братоубійцею Святополкомъ и надъ Тьмутараканскимъ Княземъ Мстиславомъ, за стобраніе у Польскаго Короля Болеслава принадлежавшихъ Россіи Червенскихъ городовъ и за покореніе Лифляндіи и Эстляндіи. Не менѣе того и мудрость Ярославова славилась въ потомствѣ: онъ построилъ по рѣкѣ Роси и за Днѣпромъ многіе города, населивъ пришельцами и плѣнниками; набожностію своею укоренилъ онъ въ Россіи православную вѣру, родителемъ его насажденную, и старался распространить ученость, приказавъ съ Греческаго переводить лучшія книги и нѣсколько оныхъ для народа по Русски сочинить.

(с) Князь Олегъ Святославичъ, бывшій съ 1065 по 1114 годъ на Тьмутараканскомъ Княженіи. Безпокойный нравъ его и склонность къ возмущеніямъ много навлекли зла на землю Русскую. Половцы всегда были орудіемъ замысловъ его. Онъ многократно приглашалъ ихъ на разореніе своего отечества, и вмѣсто платы за вспоможеніе, попускалъ имъ опустошать и грабить повсюду. Въ 1096 году Русскіе Князья рѣшились усмирить его, и соединенно выступили противъ него со многочисленнымъ войскомъ; но по причинѣ всегда вѣроломныхъ съ его стороны примиреній едва могли удержать алчность его, предписавъ ему съ братьями своими довольствоваться владѣніемъ Чернигова, Сѣверы, Вятичей, Мурома и Тмутаракани, которыя состояли за отцемъ его.

На другой день весьма рано, заря съ кровавымъ свѣтомъ появляется, находятъ съ моря тучи черныя, хотятъ закрыть четыре солнца; сверкаетъ въ нихъ молнія, быть грому страшному, литься дождю стрѣлами съ Дона великаго. Тутъ-то копьямъ поломаться, тутъ-то саблямъ притупиться объ шлемы Половецкіе, на рѣкѣ Каялѣ, у Дону великаго. О Русскіе люди! уже вы за Шеломенемъ. Уже вѣтры, внуки Стрибога, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы; топотъ по землѣ раздается, вода въ рѣкахъ мутится, пыль столбомъ въ полѣ подымается, знамена шумятъ, идутъ Половцы отъ Дона, и отъ моря, и со всѣхъ сторонъ: войско Русское подалось назадъ. Бѣсовы дѣти оградили станъ свой крикомъ, а храбрые Россіяне багряными щитами. О богатырь Всеволодъ! ты, стоя на сторожѣ, градомъ пускаешь стрѣлы на враговъ своихъ, а булатными мечами гремишь объ шлемы ихъ. Гдѣ ты, богатырь, ни появишься, блистая золотымъ своимъ шлемомъ, тамъ лежатъ нечестивыя головы Половецкія, и разсѣчены булатными саблями Оварскіе шлемы ихъ отъ тебя, храбрый Всеволодъ! Какими, братцы, ранами подорожитъ онъ, забывъ почести и веселую жизнь, городъ Черниговъ, отеческой золотой престолъ, всѣ милыя прихоти, обычаи и привѣтливость прекрасной своей супруги Глѣбовны! Прошли съѣзды Трояновы, протекли лѣта Ярославовы, миновались брани Олеговы, Олега Святославича. Сей-то Олегъ мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ сѣялъ. Онъ ступалъ въ золотое время въ городѣ Тмуторокани; звукъ побѣдъ его слышалъ старый великій Ярославъ сынъ Всеволодовъ: но Владиміръ затыкалъ себѣ уши всякое утро въ Черниговѣ, Бориса же Вячеславича слава на судъ привела; онъ положенъ на конскую попону зеленую за обиду молодаго храбраго Князя Олега. Съ той же Каялы велъ Святополкъ войски отца своего сквозь Венгерскую конницу въ Кіевъ ко Святой Софіи. Тогда при Олегѣ Гориславичѣ

бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославь (т) сынъ Всеволожь: а Владимiръ (у) по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ, Бориса же Вячеславлича (ф) слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада Князя. Съ тояже Каялы Святоплъкъ (х) повелѣя отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи (ц) сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа (ч) внука, въ Княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть: нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; о галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. То было въ ты рати, и съ ты плъкы; а сице и рати не слышано: съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя; гримлютъ сабли о шеломы; трещатъ копіа харалужныя, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты костьмы была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворачаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася, другый: третьяго

сѣялись и возрастали междоусобія, была гибель Даждь-Божевымъ внукамъ, жизнь людей въ Княжескихъ ссорахъ прекращалася, и въ Русской землѣ рѣдко веселіе земледѣльцевъ раздавалося: но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы; галки же, отлетая на мѣсто покормки, перекликалися. Такъ бывало во время прежнихъ браней и отъ тогдашнихъ войскъ; а такого сраженія еще и не слыхано, чтобъ съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летали стрѣлы каленыя, гремѣли сабли объ шлемы, трещали копья булатныя, въ полѣ незнаемомъ среди земли Половецкой. Черная земля подъ копытами костьми была посѣяна, а кровію полита, и по всей Русской землѣ возрасла бѣда. Но что за шумъ, что за звукъ такъ рано до зари утреней? Игорь двинулся съ своими полками; жаль ему милаго брата Всеволода. Билися день, бились другой, а на третій передъ полуднемъ пали знамена Игоревы. Тутъ братья разлучилися на берегу быстрой Каялы. Не достало у нихъ вина кроваваго; храбрые Руссы тамъ пиръ свой кончили, сватовъ напоили, а сами полегли за землю Русскую. Увяла трава отъ жалости, наклонились деревья отъ печали. Невеселая уже, братцы, пора пришла: пала въ пустынѣ сила многая, возстала обида Даждь-Божевымъ внукамъ. Она, вступивъ дѣвою на землю Троянову, восплескала крылами лебедиными, на синемъ морѣ у Дону купаючись, разбудила времена тяжкія. Перестали Князья нападать на невѣрныхъ, братъ брату сталъ говорить: «сіе мое, и то моеже». Начали Князья за малое, какъ будто бы за великое, ссориться и сами на себя крамолу ковать. Тѣмъ временемъ нечестивые со всѣхъ сторонъ стекалися на одолѣніе Русской земли. О! далеко залетѣлъ ты соколъ, побивая птицъ у моря; а Игорева храбраго войска уже не воскресити! Воскликнули тогда Карня и Жля, и прискакавъ въ землю Русскую стали томить людей огнемъ и мечемъ. Зарыдали тутъ жены Русскія, приговаривая: «уже намъ объ милыхъ своихъ ни мыслію взмыслити, ни думою вздумати, ни глазами

(т) Князь Ярославъ, сынъ Князя Всеволода Ольговича. съ 1174 по 1200 годъ Княжествомъ Черниговскимъ обладавшій.

(у) Князь Владиміръ Всеволодовичъ, бывшій потомъ Великимъ Княземъ Кіевскимъ и проименованіе Мономаха получившій, въ 1094 году лишась Черниговскаго Престола отъ вышеупомянутаго Тьмутараканкаго Князя Ольга Святославича, принужденъ былъ остаться на удѣлѣ въ Цереяславлѣ.

(ф) Сей Борисъ по Ростовской и Никоновской лѣтописямъ Вячеславичемъ, а у Нестора и Татищева Святославичемъ названъ, и въ поколѣнной I росписи Г. Стриттера Исторіи Россійскаго Государства въ 7 степени показанъ Борисомъ Вячеславичемъ. Но по чему онъ призыванъ былъ на судъ Великаго Князя, лѣтописи о семъ умолчали.

Сбрядъ же съѣздовъ для суда Татищевъ (Исторіи своей въ томѣ 2, на стр. 195 и 196) изъясняетъ слѣдующимъ образомъ: что обвиняемый призыванъ былъ въ шатеръ, гдѣ всѣ Князья сидѣли на коврѣ, и по обыкновенномъ поздравленіи сажали его на такой же коверъ. Потомъ всѣ Князья вышедъ изъ шатра, садились на коней, и раздѣлясь, каждой Князь особо разсуждалъ съ своими Боярами, а судимый оставался одинъ, потому что никто его къ себѣ не допускалъ.

(х) Пять исчисляется Святополковъ; до котораго же изъ нихъ касается сіе обстоятельство, ничѣмъ не объяснено.

(ц) Неизвѣстенъ.

(ч) Кумиръ, въ Кіевѣ боготворимый,—податель всякихъ благъ. Пользующіеся благоденствіемъ, какъ даромъ Даждь-божевымъ, названы внуками.

дни къ полуднію, падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую (ш). Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось. Уже бо, братіе, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крыли на синѣмъ море у Дону плещучи, убули жирня времена. Усобица Княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начяша Князи про малое се великое млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече зайде соколъ, птичь бью къ морю: а Игорова храбраго плъку не крѣсите (щ). За нимъ кликну Карна и Жля (ъ), по скочи по Руской земли, смагу (ы) мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думаю сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускый; а Князи сами на себѣ крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которою то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозный Великый Кіевскый. Грозою бяшеть; притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яругы; взмути рѣки и озеры; иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка (ь) изъ луку (ѣ) моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венидици, ту Греци и

(ш) Половцы, возгордясь побѣдою и взятіемъ въ плѣнъ Игоря съ товарищами, прислали къ Великому Князю Святославу купцовъ Русскихъ съ росписью, сколько за кого требовали окупа. За Игоря положили они цѣну по тогдашнему времени несносную, а именно 2000 гривенъ (фунтовъ) серебра; и хотя Великій Князь Кіевскій, любя его, хотѣлъ выкупить, но Половцы инако на сіе не соглашались, какъ требуя, дабы прежде младшіе Князья всѣ и Воеводы были выкуплены по назначенной въ росписи цѣнѣ.—Татищ. III, стр. 266. 269.

ихъ увидѣтъ, а золота и серебра не возвратить». Возстеналъ, братцы, Кіевъ отъ печали, а Черниговъ отъ напасти; разлилась тоска по всей Русской землѣ; тяжкая печаль постигла Русскихъ людей. Князья между собой враждовали, а нечестивые, рыская по землѣ Русской, брали дань по бѣлкѣ со двора. Сіи-то два храбрые Святославичи, Игорь и Всеволодъ, возобновили злобу, которую прекратилъ было отецъ ихъ, грозный Святославъ, Великій Князь, Кіевскій. Онъ былъ страшенъ всѣмъ, отъ сильнаго воинства и отъ булатныхъ мечей его всѣ трепетали, наступилъ онъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и буераки, помутилъ воду въ рѣкахъ и озерахъ, изсушилъ источники и болота; а нечестиваго Кобяка изъ луки морской, изъ средины желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, подобно вихрю, исторгнулъ; и очутился Кобякъ въ городѣ Кіевѣ во дворцѣ Святославовомъ. Тамъ Нѣмцы и Венеціане, тамъ Греки и Моравцы воспѣваютъ славу Святославу и охуждаютъ Князя Игоря, погрузившаго силу на дно Каялы, рѣки Половецкія, и потопившаго въ ней Русское золото. Тогда Игорь Князь изъ своего золотаго сѣдла пересѣлъ въ сѣдло Кащеево. Уныли въ то время городскія стѣны, помрачилося веселіе. Святославу же худой сонъ привидѣлся: «на горахъ Кіевскихъ въ ночь сію съ вечера одѣвали вы меня (онъ Боярамъ разсказывалъ) чернымъ покровомъ на тесовой кровати; подносили мнѣ синее вино съ ядомъ смѣшанное; сыпали изъ пустыхъ колчановъ на лоно мое крупный жемчугъ въ нечистыхъ раковинахъ, и меня нѣжили. На златоверхомъ моемъ теремѣ будтобъ всѣ доски безъ верхней перекладины; будтобъ во всю ночь съ вечера до свѣта вороны каркали, усѣвшись у Плѣнска на выгонѣ въ дебри Кисановой, и не полетѣли къ морю синему». Бояре Князю отвѣчали: «одолѣла печаль умы наши! сонъ сей значитъ: что слетѣли два сокола съ золотаго родительскаго Престола доставать

(щ) Ясное здѣсь знаменованіе глагола крешу доказываетъ, что слово Воскресеніе точно отъ того происходитъ.

(ъ) Карня и Жля предводители хищныхъ Половцевъ, безъ милосердія разорявшихъ тогда землю Русскую.

(ы) Смага, Малороссійское названіе, жажда, и отъ того говорится: сохнетъ, смягнетъ во рту.

(ь) Кобякъ Князь Половецкій, котораго Великій Князь Святославъ III, въ 1184 году не подалеку рѣки Орла побѣдилъ въ сраженіи, взялъ его самаго въ плѣнъ съ двумя сыновьями и съ другими Князьями и семь тысячь войска его.

(ѣ) Лука, кривизна, излучина.

Морава поють славу Святъславлю, кають Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкія, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата а въ сѣдло Кощіево (э); уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче. А Святъславъ (ю) мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъ те мя, рече, чръною паполомою, на кроваты тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно, и нѣгують мя; уже дьскы, безъ кнѣса вмоемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху, у Плѣсньска (я) на болони (ѳ) бѣша дебрь Кисаню, и це сошлю къ синему морю. И ркоша бояре Князю; уже Княже туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя (ѵ), а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца прилѣшали поганыхъ саблями, а самаю опустоша въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ г҃ день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпла погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ, и Святъславъ тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Ханови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса дивь на землю. Се бо Готскія (а) красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. города Тьмутаракани, или шлемомъ изъ Дона напиться воды, и что тѣмъ соколамъ обрублены крылья саблями нечестивыхъ, и сами они попались въ опутины желѣзныя». Темно стало на третій день: два солнца померкли, оба баграные столпа погасли, а съ ними и молодые мѣсяцы. Олегъ и Святославъ, помрачилися. На рѣкѣ Каялѣ свѣтъ въ тьму превратился; разсыпались Половцы по Русской землѣ, какъ леопарды изъ логовища вышедшіе; погрузили въ безднѣ силу Русскую и придали Хану ихъ великое буйство. Уже хула превзошла хвалу; уже насиліе возстало на вольность; уже филинъ спустился на землю. Раздаются пѣсни Готфскихъ красныхъ дѣвицъ по берегамъ моря синяго. Звеня Русскимъ золотомъ, воспѣвають онѣ времена Бусовы, славятъ мщеніе Шураканово. А намъ уже, братцы, нѣтъ веселія! Тогда Великій Князь Святославъ вымолвилъ золотое слово, со слезами смѣшанное: «О! кровные мои, Игорь и Всеволодъ! рано вы начали воевать землю Половецкую, а себѣ славы искать. Нечестно ваше одолѣніе, не праведно пролита вами кровь непріятельская. Ваши храбрыя сердца изъ крѣпкаго булата скованы и въ буйствѣ закалены. Сего-ли я ожидалъ отъ васъ при сребристой сѣдинѣ моей! Я уже не вижу власти сильнаго, богатаго и многовойнаго брата моего Ярослава съ Черниговскими Боярами, съ Могутами и съ Татранами, съ Шелбирами и съ Топчаками, съ Ревугами и съ Ольберами. Они безъ щитовъ съ кинжалами, однимъ крикомъ побѣждають войска, гремя славою прадѣдовъ. Не говорятъ они, мы де сами предстоящую славу похитимъ, а прошедшею съ другими подѣлимся. Не мудрено ли, братцы, и старому помолодѣть? Когда соколъ перелиняетъ, тогда онъ птицъ высоко загоняетъ и не даетъ въ обиду гнѣзда своего. Но то бѣда, что мнѣ Князья не въ пособіе; время все переиначило». Уже кричитъ Уримъ подъ саблями Половецкими, а Володиміръ подъ ранами. Горе и

(э) О Кощеѣ упоминается въ Исторіи Татищева. Том. III, на стр. 159: что онъ въ 1168 году, когда Великій Князь Мстиславъ II отправился съ войскомъ противъ Половцевъ, перебѣжалъ къ нимъ и предварилъ ихъ о семъ наступленіи.

(ю) Великій князь Святославъ III, сынъ Всеволода II, обладавшій Кіевомъ во время случившагося съ Княземъ Игоремъ нещастія.

(я) Городъ Галичскаго Княженія, смежный съ Владимірскимъ на Волынѣ.—Татищ. Часть III. стр. 287 и 288.

(ѳ) Болтинъ въ критич. примѣч. на 2 томъ Исторіи Кн. Щербатова на стр. 194 и 195 извѣщаетъ: „Волонье значитъ порожжее пространство между валовъ, окрестность города составляющихъ, которое служило для выгону скота, для огородовъ, а иногда нѣкоторыя строенія бывали тамъ дѣланы"—Въ Кіевѣ въ Нижнемъ городѣ выгонная за валомъ земля, по дорогѣ къ бывшему Межигорскому монастырю, и по нынѣ называется Оболонье.

(ѵ) Тьмутараканское Княженіе до тѣхъ только поръ состояло въ полной власти и принадлежало Россіи, пока единоначаліе имѣло еще нѣкоторую силу; но какъ скоро междоусобія и неподчиненность удѣльныхъ Князей къ первопрестольному Кіевскому Князю превзошли мѣру то Половцы, усилившись отъ сихъ несогласій, завладѣли Тьмутараканью.—Смотри Истор. Изслѣд. о Тьмутараканскомъ Княженіи, печат. въ С.-Петербургѣ 1794.

(а) По какой связи сія одержанная Половцами побѣда могла доставить Готфскимъ дѣвамъ Русское золото, сообразить невозможно.

Звоня Рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю (б). А мы уже дружина жадни веселія. Тогда Великій Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ Мотуты и съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Топчакы, исъ Ревугы, и съ Ольберы. Тіи бо бес щитовь съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждають, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте му жа имѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. А чи диво ся братіе стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло Княже ми не пособіе; на ниче ся годины обратиша. Се Умиръ (в) кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володиміръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову (г). Великый Княже Всеволоде (д)! не мыслію ти прилетѣли издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы Чага по ногатѣ, а Кощей (е) по резанѣ (ж). Ты бо можеши по суху живыми шереширы (з) стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. Ты буй Рюриче и Давыде (и), не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акты тури, ранены саблями калеными, на полѣ

печаль сыну Глѣбову! О великій Князь Всеволодъ! почто не помыслишь ты прилетѣть издалека для защиты отческаго золотаго Престола? Ты можешь Волгу веслами разбрызгать, а Донъ шлемами вычерпать. Когда бы ты здѣсь былъ, тобъ были Чага по ногатѣ, а Кощей по резани. Ты можешь на сухомъ пути живыми шереширями стрѣлять чрезъ удалыхъ сыновъ Глѣбовыхъ. О вы храбрые Рюрикъ и Давидъ! Не ваши ли позлащенные шлемы въ крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкаетъ, подобно воламъ израненымъ саблями булатными въ полѣ незнаемомъ? Вступите, Государи, въ свои златыя стремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храбраго Святославича. А ты Осмомыслъ Ярославъ Галицкій! высоко сидишь на своемъ златокованномъ Престолѣ. Ты подперъ горы Венгерскія своими полками желѣзными, ты заградилъ путь Королю, ты затворилъ Дунаю ворота, бросая тягости чрезъ облака, и простирая власть свою до той рѣки! Грозное имя твое разнеслось по всѣмъ землямъ; отверзтъ тебѣ путь къ Кіеву, стрѣляешь ты съ отческаго золотаго Престола на Солтановъ въ земли дальнія. Стрѣляй, о Государь! въ Кончака и въ невѣрнаго Кощея за землю Русскую,

(б) Кто былъ Бусъ, не извѣстно: а о Шураканѣ, въ лѣтописяхъ подъ 1107 годомъ упоминается, что по имени сего Князя названъ былъ Половецкій на рѣкѣ Донцѣ городъ, съ котораго въ 1111 году Русскіе взяли окупъ. Татищ. часть II, стран. 204.

(в) Одинъ изъ Всеволодъ, или изъ союзниковъ Князя Игоря, въ семъ сраженіи участвовавшій.

(г) Кого сочинитель сей поэмы разумѣетъ подъ именемъ сына Глѣбова, рѣшительно сказать нельзя: ибо изъ современниковъ сему произшествію сыновья, отъ Князей Глѣбовыхъ рожденные, были: Владиміръ, сынъ Князя Глѣба Юрьевича, княжившаго въ Переяславлѣ: Ростиславъ, сынъ Князя Глѣба Всеславича, княжившаго въ Полоцкѣ, Романъ, сынъ Князя Глѣба Ростиславича, княжившаго въ Разанѣ.

(д) Сіе относится къ Великому Князю Всеволоду III, сыну Князя Ольга Святославича Тьмутараканскаго.

(е) О Кощеѣ предъ симъ уже упомянуто; а Чага упоиательно то же что и Кончакъ Князь Половецкій (о коемъ ниже упомянется) уменьшительнымъ либо презрительнымъ именемъ названный.

(ж) Ногата ходячая монета, коихъ въ кунѣ было 4, а въ гривнѣ кунами 80.—Рязань также самая мелкая монета изъ ходячихъ, и по соображенію кажется состояло ихъ въ векошѣ 4, а векошей въ ногатѣ 2.—Правда Русская, стр. 18.

(з) Неизвѣстный уже нынѣ воинскій снарядъ. Можетъ быть, родъ пращи, которою каменья метали, или какое либо огнестрѣльное орудіе; ибо въ лѣтописяхъ сего времени упоминается: „что въ 1185 году Кончакъ Князь Половецкій собравъ войско великое, пошелъ на предѣлы Русскіе, имѣя съ собою мужа, умѣющаго стрѣлять огнемъ, у коего были самострѣльныя туги такъ великы, что едва восемь человѣкъ могли натягивать, и укрѣпленъ былъ на возу великомъ, чѣмъ онъ могъ бросать и каменья въ средину града въ подъемъ человѣку: а для метанія огня имѣлъ особый малѣйшій возъ".—Татищ. Часть III, стр. 259.

(и) Современные сему произшествію Князья Рюрикъ и Давыдъ, сыновья Великаго Князя Ростислава Мстиславича,

незнаемѣ? Вступита Господина въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святславлича! Галичкы Осмомыслѣ Ярославе (і) высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ Королеви путь, затвори въ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣляй Господине Кончака, поганаго Кощея за землю Рускую, за раны Игоревы буего Святславлича. А ты буй Романе и Мстиславе (к)! храбрая мысль носитъ вась умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзными попорзи подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны Ханова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже Княже Игорю утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони: по Рсіи, по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго плъку не крѣсити. Донъ ти Княже кличетъ, и зоветъ Князи на побѣду. Олговичи (л) храбрые Князи доспѣли на брань. Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи (м), не худа гнѣзда шестокрилци, непобѣдными жребіи собѣ власти расхытосте? Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы буего Святъславлича. Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Пере-

за раны храбраго Игоря Святославича. А вы, о храбрые Романъ и Мстиславъ! ваша мысль твердая возноситъ умъ на подвиги. Вы отважно возвышатесь въ предпріятіяхъ своихъ подобно соколу, на вѣтрахъ ширящемуся и къ одолѣнію птицы быстро стремящемуся. У васъ латы желѣзныя подъ шлемами Латинскими. Потряслась отъ нихъ земля, и многія страны Ханскія. Литва, Ятвяги, Деремела и Половцы, повергнувъ свои копья, подклонили свои головы подъ тѣ мечи булатные. Но для Князя Игоря помрачился уже свѣтъ солнечный; не отъ добра опали съ деревъ листы. По Роси и по Сулѣ города въ раздѣлъ пошли; а Игореву храброму полку не воскреснути! О, Князь, Донъ тебя кличетъ и Князей на побѣду созываетъ. Храбрые Князи Ольговичи на брань поспѣшили Ингварь и Всеволодъ, и всѣ трое Мстиславичи, не худаго гнѣзда шестокрилицы, не побѣдамиль жребій власти вы себѣ доставили? Къ чему же вамъ золотые шлемы, копья и щиты Польскіе! Заградите въ поле ворота стрѣлами своими острыми, вступитесь за землю Русскую, за раны храбраго Игоря Святославича. Уже Сула не течетъ серебристыми струями къ городу Переяславлю; Двина уже болотомъ течетъ къ тѣмъ грознымъ Половчанамъ при восклицаніи нечестивыхъ. Одинъ только Изъяславъ сынъ Васильковъ позвенѣлъ своими острыми мечами по шлемамъ Литовскимъ; помрачилъ славу дѣда своего Всеслава, и самъ подъ багряными щитами на окровавленной травѣ погибъ отъ мечей Литовскихъ. На семъ-то одрѣ лежа, произнесъ онъ: «Дружину твою, Князь, птицы пріодѣли крыльями, а звѣри кровь полизали». Не было тутъ братьевъ ни Брячислава, ни Всеволода; онъ одинъ испустилъ жемчужную свою душу чрезъ золотое ожерелье изъ храбраго тѣла. Уныли голоса; поникло веселіе. Затрубили трубы Городенскія. О Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы! теперь преклоните вы свои знамена, вложите въ ножны мечи ваши поврежденные; далеко уже отстали вы отъ славы дѣда

(і) Князь Ярославъ, сынъ Князя Владиміра Володарича Галичскаго.

(к) Великій Князь Романъ, сынъ Великаго Князя Ростислава Мстиславича. Сей князь въ 1173 году, въ продолженіе войны своей противъ Литвы, такой страхъ и опустошеніе распространилъ тамъ, что никто не смѣлъ противостать ему. Литовцы, бѣгая отъ него, укрывались въ лѣсахъ. По возвращеніи изъ похода своего, множество плѣнныхъ роздалъ онъ по селамъ въ работы и приказалъ имъ пахать. Отъ сего произошла въ Литвѣ пословица: зле, Романе, робишь, что Литвиномъ орешь. Татищ. Часть III, стр. 183.

Подъ именемъ же Мстислава здѣсь разумѣть должно Князя Мстислава Ростиславича, родного брата вышепомянутому Князю Роману. Онъ равномѣрно явилъ опыты храбрости своей противъ Великаго Князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго. Ибо осажденъ будучи въ Вышеградѣ многочисленнымъ войскомъ и находясь въ крайней опасности, такъ благоразумно и отважно принялъ свои мѣры, что войско непріятелей своихъ, въ которомъ находилось до двадцати союзныхъ Князей, разбилъ и прогналъ.

(л) Князья, отъ Князя Ольга Святославича поколѣніе свое ведущіе.

(м) Потомки Великаго Князя Мстислава Владиміровича, Мономахова сына. У Мстислава было пять сыновей.

яславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ (н) сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія; притрепа славу дѣда своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ - травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. Исхоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, Княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе. Унылы голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи. Ярославе, и вси внуце Всеславли (о) уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи! На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся оружіемъ злата стола Кіевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Бѣла-града, обѣсися сине мьглѣ, утръ же возни стрикусы (п) отвори врата Нову-Граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ. На Немизѣ (р) снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни; посѣяни костьми Рускихъ сыновъ. Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до Куръ Тмуторокани; великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше (с). Тому въ Полотскѣ позвониша заутреннюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Баянъ (т) и пръвое припѣвку смысленный рече: но хытру, ни горазду, ни прицю горазду, суда Божіа не минути. О! стонати Руской земли, помянувше пръвую годину, и пръвыхъ Князей. Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нъ рози нося имъ хоботы пашутъ, копіа поютъ на Дунаи.

(н) О бѣдственной участи Князя Изяслава лѣтописатели Русскіе умолчали.

вашего. Вы своими крамолами начали наводить невѣрныхъ на землю Русскую, на жизнь Всеславову. Былоль какое насиліе отъ земли Половецкой? На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ метнулъ Всеславъ жребій о милой ему дѣвицѣ. Онъ подпершись клюками сѣлъ на коней, поскакалъ къ городу Кіеву и коснулся древкомъ копья своего до золотаго престола Кіевскаго; потомъ побѣжалъ онъ лютымъ звѣремъ въ полуночи изъ Бѣла-города, закрывшись мглою синею; по утру же вонзивъ стрикусы, отворилъ ворота Новгородскія, попралъ славу Ярослава, и съ Дудутокъ пустился какъ волкъ до Немиги. На Немигѣ вмѣсто сноповъ стелютъ головы, молотятъ цѣпами булатными, на токѣ жизнь кладутъ, и вѣютъ душу отъ тѣла. Окровавленные Немигскіе берега не быліемъ были засѣяны, засѣяны костми Русскихъ сыновъ. Князь Всеславъ людей судилъ, Князьямъ города раздавалъ, а самъ по ночамъ какъ волкъ рыскалъ изъ Кіева до Курска и до Тьмутаракани. Для него въ Полоцкѣ рано позвонили въ колокола къ заутрени у Святой Софіи: а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. Хотя и мудрая была душа въ неутомимомъ тѣлѣ, но онъ часто отъ бѣдъ страдалъ. Ему-то мудрый Баянъ издавна составилъ сей разумный припѣвъ: «какъ бы кто хитръ, какъ бы кто уменъ ни былъ, хоть бы птицей леталъ, но суда Божія не минетъ. О! стонать тебѣ земля Русская, вспоминая прежнія времена и прежнихъ Князей своихъ. Стараго Владиміра нельзя было приковать къ горамъ Кіевскимъ. Теперь знамена его достались одни Рюрику, а другія Давиду: ихъ носятъ на рогахъ, вспахивая землю, копья же на Дунаѣ славятся.

(о) Много было внуковъ Всеславовыхъ: Рогвольдъ сынъ Князя Бориса Всеславича, имѣвшій удѣлъ въ Полоцкѣ. Володарь и Ростиславъ, сыновья Глѣба Всеславича: первый также удѣломъ въ Полоцкѣ пользовался, а другой въ Минскѣ. Врячиславъ сынъ Князя Мстислава Всеславича, и Всеславъ сынъ Князя Давыда Всеславича.

(п) По смыслу рѣчи стрикусъ не иное что какъ стѣннобитное орудіе, или родъ тарана, при осадѣ городскихъ воротъ употребляемаго.

(р) Немига, что нынѣ Неменъ, между Минска и Полоцка.— Татищ. II часть, 119 сур.

(с) Не вразумительно.

(т) Здѣсь ясно открывается, что Баянъ пѣлъ о Князѣ Всеславѣ.

Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь, рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна (у) рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтре! вѣтрило! чему Господине насильно вѣеши? Чему мычеши Хановьскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковылію развѣя? Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: о Днѣпре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова: възлелѣй Господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано. Ярославна рано плачетъ къ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему Господине простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче.

Ярославнинъ голосъ слышится; она, какъ оставленная горлица, по утрамъ воркуетъ: «полечу я! говоритъ, горлицею по Дунаю, обмочу бобровый рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ, оботру Князю кровавыя раны на твердомъ его тѣлѣ». Ярославна по утру плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ приговаривая: «О вѣтеръ! вѣтрило! къ чему ты такъ сильно вѣешь? къ чему навѣваешь легкими своими крылами Хановскія стрѣлы на милыхъ мнѣ воиновъ? или мало тебѣ горъ подъ облаками: Развѣвай ты тамо, нося корабли по синему морю. Но за что развѣялъ ты, какъ траву ковыль, мое веселіе?» Ярославна по утру плачетъ, и сидя на городской стѣнѣ въ Путивлѣ, приговариваетъ: «О славный Днѣпръ! ты пробилъ горы каменныя сквозь землю Половецкую; ты носилъ на себѣ Святославовы военныя суда до стану Кобякова: принеси же и ко мнѣ моего милаго, чтобъ не посылать мнѣ къ нему слезъ своихъ по утрамъ на море». Ярославна плачетъ по утру въ Путивлѣ, и сидя на городской стѣнѣ приговариваетъ: «О свѣтлое и пресвѣтлое солнце! для всѣхъ ты тепло и красно: но къ чему ты такъ уперло знойные лучи свои на милыхъ мнѣ воиновъ? Къ чему въ полѣ безводномъ, муча ихъ жаждою, засушило ихъ луки, и къ горести колчаны ихъ закрѣпило?»

Прысну море полунощи; идутъ сморци мьглами; Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари: Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ (ф) свисну за рѣкою; велитъ Князю разумѣти. Князю Игорю не быть: кликну стукну земля; въшумѣ трава. Вежи ся Половецкіи подвизашася; а Игорь Князь поскочи горнастаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ (х) на воду; въвръжеся на бръзъ комонь, и

Взволновалось море въ полуночи; мгла столбомъ подымается; Князю Игорю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой въ землю Русскую, къ золотому престолу отеческому. Погасла заря вечерняя; Игорь лежитъ, Игорь не спитъ, Игорь мысленно измѣряетъ поля отъ великаго Дона до малаго Донца. Къ полуночи приготовленъ конь. Овлуръ свиснулъ за рѣкою, чтобъ Князь догадался. Князю Игорю тамо не быть. Застонала земля, зашумѣла трава; двинулись заставы Половецкія, а Игорь Князь горностаемъ побѣжалъ къ тростнику, и бѣлымъ гоголемъ пустился по водѣ. Онъ помчался на борзомъ конѣ, и скочивъ съ него босымъ волкомъ побѣжалъ къ лугу Донецкому; летѣлъ соколомъ подъ облаками, побивая гусей и лебедей къ завтраку, къ обѣду и къ ужину. Когда Игорь соколомъ полетѣлъ, тогда Овлуръ (Лаверъ)

(у) Супруга Князя Игоря Святославича, дочь Князя Ярослава Владиміровича Галичскаго.

(ф) Въ Россійскихъ лѣтописяхъ онъ названъ Лаверъ, чиновникъ Половецкій; его мать была Русская. Когда Лаверъ сдѣлалъ предложеніе Князю Игорю способствовать ему въ побѣгѣ, то онъ сперва не понадѣялся на него; но послѣ будучи удостовѣренъ отъ конюшаго своего и отъ тысяцкаго въ честности и расторопности его, согласился уйти съ нимъ. И такъ въ назначенный день Игорь напоивъ до пьяна приставленную къ нему стражу, когда всѣ погружены были въ крѣпкомъ снѣ, прошелъ тихо чрезъ Половецкія заставы, переплывъ чрезъ рѣку, ускакалъ на приготовленномъ ему отъ Лавера конѣ. Татищ. Часть III, стр. 270.

(х) Красивая утка съ хохломъ, питающаяся раковинами, за которыми она отмѣнно предъ прочими ныряетъ.

скочи съ него босымъ вълкомъ и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами избивая гуси и лебеди, завтроку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу; претрогоста бо своя бръзая комоня. Донецъ рече: Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа. Игорь рече, о Донче! не мало ти величія, лелѣявшу Князя на влънахъ, стлавшу ему зеленую траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, Чрьнядьми на ветрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславя (ц) по уноши Князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли прѣклонило, а не сороки втроскоташа. На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сороки не троскоташа, полозію ползоша только, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми песьми свѣтъ повѣдаютъ. Млъвитъ Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею (ч). И рече Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Баянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Руской земли безъ Игоря. Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи. Вьются голоси чрезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву (ш) къ

(ц) Юный Князь Ростиславъ сынъ Великаго Князя Всеволода I и Великой Княгини Анны, дочери Половецкаго Князя, утонулъ на рѣкѣ Стугнѣ 1093 года, когда тамъ разбиты были Россійскія войска отъ Половцевъ.

(ч) Сіи слова Половецкихъ Князей касались до Игорева сына Князя Владиміра, которой оставался еще у нихъ въ полону. Онъ влюбился тамъ въ дочь Князя Кончака, и когда Половцы освободили его, то онъ привезши ее въ Россію, крестилъ и съ дитятею, и назвавъ Свободою, обвѣнчался съ нею. Татищ. Книга III, стр. 283.

волкомъ побѣжалъ, отрясая съ себя росу холодную; ибо утомили они своихъ борзыхъ коней. «О! Князь Игорь!» вѣщаетъ ему рѣка Донецъ, «не мало для тебя славы, для Кончака досады, а для Русской земли веселія». Игорь въ отвѣтъ къ рѣкѣ сказалъ: «О Донецъ! не мала для тебя слава, нося Князя по волнамъ своимъ, постилая ему зеленую траву на своихъ сребристыхъ берегахъ, одѣвая его теплыми мглами подъ тѣнью дерева зеленаго, и охраняя его какъ гоголя на водѣ, какъ чайку на струяхъ, какъ Чернядей на вѣтрахъ. Не такова, примолвилъ онъ, рѣка Стугна! Она пагубными струями пожираетъ чужіе ручьи, и разбиваетъ струги у кустовъ». Юному Князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ берега темные. Плачется мать Ростиславова по юномъ Князѣ Ростиславѣ. Увяли цвѣты отъ жалости, преклонились къ землѣ деревья отъ печали. Не сороки стрекочутъ, ѣздитъ по слѣдамъ Игоревымъ Гзакъ и Кончакъ. Тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали, но двигались только по сучьямъ; дятлы долбя, къ рѣкѣ путь показывали; соловьи веселымъ пѣніемъ свѣтъ повѣдали. Молвилъ Гзакъ Кончаку: «когда соколъ къ гнѣзду летитъ, то мы разстрѣляемъ соколенка позолочеными своими стрѣлами». Кончакъ Гзаку отвѣтствовалъ: «естьли соколъ къ гнѣзду полетѣлъ, то мы опутаемъ соколика красною дѣвицею». Въ отвѣтъ на сіе Гзакъ сказалъ Кончаку: «когда его опутаемъ красною дѣвицею, то не будетъ у насъ ни соколика, ни красной дѣвицы, и станутъ насъ бить птицы въ полѣ Половцкомъ».

Сказалъ сіе Баянъ, и о походахъ, воспѣтыхъ имъ въ прежнія времена Князей Святослава, Ярослава и Ольга симъ кончилъ: «тяжело быть головѣ безъ плечъ; худо и тѣлу безъ головы: а Русской

(ш) Урочище въ самомъ городѣ Кіевѣ находящееся, по свидѣтельству Нестора. Было оное на горѣ къ Подолу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ церковь Андрея Первозваннаго, или близь оной. Тутъ Владиміромъ поставленъ былъ на холмѣ идолъ Перунъ. Прежде красивое сіе мѣсто было внѣ града, и пространство между кумиромъ и Кіевомъ посѣщало множество народа для торжественныхъ жертвоприношеній стекавшагося. На сей площади былъ теремный дворецъ Велико-княжескій. Подъ самою горою Днѣпръ прежде имѣлъ свое теченіе, но по времени столько занесло оной пескомъ, что построено тутъ цѣлое предмѣстіе, Подоломъ нынѣ называемое.— См. Татищ. Кн. II, стр. 36.

Святѣй Богородици Пирогощей (щ). Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, а по томъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъславича. Буй туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу. Здрави Князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки. Княземъ слава, а дружинѣ. Аминь.

земле безъ Игоря». Свѣтитъ солнце на небѣ: Игорь Князь уже въ Русской землѣ. Поютъ дѣвицы на Дунаѣ; раздаются голоса ихъ чрезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Пресвятой Богородицѣ Пирогощей. Радость въ народѣ, веселье въ городахъ. Воспѣта пѣснь Князьямъ старымъ, а потомъ молодымъ. Пѣта Слава Игорю Святославичу, богатырю Всеволоду и Владиміру Игоревичу. Да здравствуютъ Князи и ихъ дружина, поборая за христіанъ на воинство невѣрныхъ! Слава Князьямъ и дружинѣ!

(щ) Образъ Владимірской Богородицы, который нынѣ въ Успенскомъ Соборѣ въ Москвѣ возлѣ царскихъ вратъ на лѣвой сторонѣ въ кіотѣ. Его въ древности Богородицею Пирогощею называли потому, что изъ Царя-града привезенъ былъ въ Кіевъ гостемъ, прозывавшимся Пирогощею. Великій Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій въ 1160 году взялъ сію Святую икону отъ отца своего Великаго Князя Юрья Владиміровича и перенесъ оную въ новопостроенный тогда на Клязмѣ городъ Владиміръ; въ Москву же оная принесена въ 1395 году, и съ тѣхъ поръ уже именуется Владимірскою. Татищ. Томъ III, стр. 97 и 127 и въ примѣчаніяхъ стр. 487.

ПОКОЛѢННАЯ РОСПИСЬ

РОССІЙСКИХЪ ВЕЛИКИХЪ и УДѢЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ ВЪ СЕЙ ПѢСНИ УПОМИНАЕМЫХЪ.

а. Вел. Кн. Св. Владиміръ I Святославичъ † 1015.

- б. Мстиславъ Кн. Тмутараканскій и Черниговскій † 1033.
- в. Великій Кн. Ярославъ I. † 1054
- г. Изяславъ Кн. Полоцкій † 1003.

- д. Владиміръ Кн. Новгородскій † 1052.
- е. Святославъ II Вел. Кн. † 1076.
- ж. Вячеславъ Кн. Смоленскій † 1087.
- з. Вел. Кн. Всеволодъ I, въ крещеніи Андрей † 1092. 1. Супруга Царевна Греческая и. 2. Княжна Половецкая
- к. Брячиславъ Кн. Полоцкій † 1044.

- л. Ростиславъ Кн. Тмутараканскій † 1065.
- м. Ярославъ Кн. Черниговскій † 1129.
- н. Олегъ Кн. Тмутараканскій и Муромскій † 1096.
- о. Романъ Кн. Тмутараканскій убитъ † 1079.
- п. Борисъ убитъ 1078.
- р. Вел. Кн. Владиміръ II. Мономахъ † 1126.
- с. Ростиславъ Кн. Переяславскій утонулъ 1093.
- т. Всеславъ Кн. Полоцкій † 1101.

- у. Володарь Кн. Тмутараканскій † 1124.
- ф. Ростиславъ Кн. Рязанскій упом. † 1153.
- х. Всеволодъ II. Вел. Кн. † 1146
- ц. Глѣбъ Кн. Курскій † 1138.
- ч. Игорь Кн. Новгор.-Сѣверскій † 1147.
- ш. Святославъ Кн. Черниговскій † 1164. Супруга его дочь Половецкаго Князя.
- щ. Мстиславъ I. Вел. Кн. † 1132.
- ъ. Юрій I. Долгорукій Вел. Кн. † 1157 женатъ на дочери Половецкаго Кн.
- ы. Василько.

- ь. Владимірко Кн. Галицкій, женатъ на дочери Венгерскаго Короля Стефана II. † 1153.
- ѣ. Глѣбъ Кн. Рязанскій † 1178.
- ю. Святославъ III. Вел. Кн. † 1194.
- я. Ярославъ К. Черниговскій † 1200.
- ѳ. Олегъ Кн. Новгор.-Сѣверскій † 1165.
- ѵ. Всеволодъ Кн Трубчевскій † 1196. аа. Супруга его кн. Ольга Глѣбовна.
- бб. Игорь Кн. Новгор.-Сѣверскій † 1202. вв. Супруга его Кн. Ефросинья Ярославовна.
- гг. Всеволодъ Кн. Новгор. † 1138.
- дд. Изяславъ II Вел. Кн. † 1154
- ее. Ростиславъ I Вел. Кн. † 1168.
- жж. Владиміръ III Вел. Кн. † 1173.
- зз. Святополкъ Кн. Полоцкій † 1154.
- ии. Изяславъ.
- іі. Брячиславъ Кн. Витебскій.
- кк. Всеволодъ.

- лл. Ярославъ Кн. Галицкій † 1188.
- мм. Всеволодъ Князь Пронскій † 1203.
- нн. Романъ Кн. Рязанскій † 1216.
- оо. Игорь † 1194.
- пп. Владиміръ упом. 1180.
- рр. Ярополкъ упом. 1177.
- сс. Всеволодъ III. Чермный Вел. † 1215.
- тт. Святославъ или Борисъ Кн. Рыльскій † 1186.
- Владиміръ въ Петръ Кн. † 1212. Супруга его Свобода Кричаковна кн. Половецкая.
- фф. Давидъ Кн. Смоленскій † 1198.
- хх. Иванъ Берладникъ Кн. Галицкій упом. 1144.
- цц. Святославъ Кн. Новгородскій † 1171.
- чч. Романъ Вел. Кн. † 1180.
- шш. Рюрикъ Кн. Новгородскій † 1211, женатъ на дочери Половецкаго Князя.
- щщ. Мстиславъ Кн. Смоленскій и Новгородскій † 1180.

534. Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену. Ежемѣсячное сочиненіе, издаваемое отъ Тобольскаго Главнаго народнаго училища. Мѣсяцъ сентябрь 1789 года.—„Развязывая умъ и руки, велитъ любить торги—Науки и счастье дома находитъ". — Ода къ Фелицѣ. Напечатана въ I части соб. люб. рос. сл. въ Тобольскѣ, въ типографіи тобольскаго купца Вас. Корнильева.—Въ 8 д. л.

Редакторомъ этого рѣдчайшаго въ настоящее время журнала былъ Панкратій Сумароковъ, проживавшій въ то время въ Тобольскѣ въ ссылкѣ. Сотрудниками журнала были: Ив. Ив. Бахтинъ губернскій прокуроръ, Т. Воскресенскій учитель гимназіи, И. Лафино, жена редактора Н. Сумарокова, А. Малышевъ, И. Небережнинъ, В. Прутковскій, Д. Дегилевъ, А. Глазковъ, А. Боуверъ, Н. Смирновъ, С. Бѣлешевъ, Н. Сѣверяковъ, И. Трунинъ, А. Евсевьевъ, Е. Фроренскій и И. Ивановъ.

Нѣкоторые предполагаютъ, что въ «Иртышѣ» участвовалъ А. Н. Радищевъ.—А. Н. Неустроевъ удостовѣряетъ въ своемъ трудѣ, что полной серіи этого журнала нѣтъ въ Императорской Публичной и Румянцевской библіотекахъ. Журналъ началъ выходить съ 1 сентября 1789 года и продолжался по 1 декабря 1791 года; всего вышло 28 книжекъ (а не 12, какъ показано въ росписи Смирдина). Журналъ наполненъ незначительными мелкими статейками и стихотвореніями. —

См. «Русскія книжныя рѣдкости» г. Геннади, за № 75.—У Остроглазова въ «Книжныя рѣдкости» за № 109.—У Неустроева—стр. 549—556.

Въ виду объясненнаго выше, изданіе это въ настоящее время составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость и для большинства любителей является недоступнымъ. Но такъ какъ книга эта весьма интересна въ историческомъ отношеніи, то я считаю не лишнимъ привести здѣсь изъ нея выписку, съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

См. № 1, стр. 17.

САТИРА

на жестокости нѣкоторыхъ дворянъ къ ихъ подданнымъ.

Хотя Сатиру я писати начинаю:
Однако же перо не злобѣ посвящаю,
Не желчь свою на всѣхъ желаю я излить:
Подвигнутъ жалостью хочу Сатирикъ быть.
А вы, что за скотовъ подобныхъ вамъ пріемля,
Ни бѣдныхъ жалобѣ, ни воплю ихъ не внемля,
Употребляя власть вамъ данную во зло,
На всякъ часъ множите несчастливыхъ число!
Не сѣтуйте за то, что здѣсь изобразитесь,
И на самихъ себя, не на меня сердитесь.
Я первой приписать хвалу вамъ былъ бы радъ;
Но стоите хулы, такъ я-ли виноватъ?
Вы, вмѣсто что бы быть подвластнымъ вамъ слугами,
Преобразили въ ихъ мучителей себя.
Я жъ истину, равно и смертныхъ родъ, любя,
О слабостяхъ людскихъ хоть молча сожалѣю;
А видя страждущихъ, молчать ужъ не умѣю.
Разсмотримъ мы теперь Крисипа прежде всѣхъ,
Которой верхъ своихъ находитъ въ томъ утѣхъ,
Чтобъ деньги лишь копить и ихъ имѣти много,
Кой, будучи богатъ, ведетъ себя убого:
Разсмотримъ слѣдствія мы скупости его,
Тиранства къ подданнымъ чудовища сего;
Жестокости всѣ къ нимъ разсмотримъ безпристрастно:
Увидимъ, что вмѣщенъ въ Сатиру не напрасно,
И что поставленъ онъ хотя и первымъ въ ней,
Но стоитъ во сто кратъ поболѣ казни сей.
Вотъ съ подданными какъ Крисипъ нашъ поступаетъ,
Вотъ какъ онъ кормитъ слугъ, вотъ какъ онъ одѣваетъ:
Сермяжный каждому изъ нихъ дастъ кафтанъ.
Но должно знать, что съ тѣмъ бываетъ данъ,
Чтобъ онъ въ случаѣ былъ холопу одѣяломъ,
Чтобъ въ дождь былъ епанчей, а въ ведро былъ кафтаномъ;
Да чтобы онъ притомъ и прослужилъ пять лѣтъ.
Слуга кричитъ не льзя, однако пользы нѣтъ;
Крисипъ своихъ людей не мало не потворитъ,
Продрался коль кафтанъ, слугу за то онъ поритъ.
Слуга виновенъ въ томъ, чего для не чинилъ;
Хоть суммы господинъ на то не отрядилъ.
То правда, что слугѣ, прикрывши грѣшно тѣло,
Крисипъ и деньгами дастъ посильно дѣло.
Онъ дастъ на сапоги полтину кажду треть,
А чтобы шубу могъ холопъ себѣ имѣть,
Для защищенія отъ зимней непогоды,
Рубля два жалуетъ; на то же срокомъ въ годы.
И сколько кажется та сумма ни мала;
Но должно изъ тогожъ и шапка чтобъ была;

А поясъ и чулки и прочую одежду,
Слуга, всю отложа на барина надежду,
Какъ хочетъ, такъ се ужъ самъ и промышляй.
За то ни часу онъ гулять не помышляй,
И въ праздникъ годовой работай до обѣда,
Или въ ночи что мѣть стащити у сосѣда.
Обжорство вѣдая Крисипъ что грѣхъ великъ,
Даетъ на мѣсяцъ ржи слугѣ лишь четверикъ;
Другой же жалуетъ изъ милости мякины,
Въ тѣхъ мысляхъ, что она годится для скотины,
Которую слугамъ Крисипъ, хотя не мотъ,
Дозволилъ содержать, на ихъ однакожъ счетъ.
Въ добавокъ же Крисипъ всечастно слугъ ругаетъ
Грабитель будучи, ворами называетъ.
Сѣчетъ за лѣность ихъ почти онъ каждый день;
Но онъ ли виноватъ, что въ ихъ вселилась лѣнь?
Виновны слуги въ томъ, что къ уреченну сроку
Не могутъ сработать имъ заданну уроку.
А лишняго Крисипъ вѣть не задастъ во вѣкъ:
Скупяга хочетъ, въ день чтобъ сдѣлалъ человѣкъ
То, что и въ два дни онъ съ трудомъ лишь сработаетъ.
Съ крестьянами Крисипъ подобножъ поступаетъ,
И отмѣнилъ ихъ онъ лишь тѣмъ отъ слугъ своихъ,
Подъ видомъ податей, что грабитъ все у нихъ.
Но время ужъ теперь Крисипа мнѣ оставить.
Пустое что болтать: его ужъ не исправить!
Попробую, Меандръ, къ тебѣ склонити рѣчь.
Ты взоры на себя тѣмъ тщишься всѣхъ привлечь,
Что душъ съ пяти сотъ въ годъ пять тысячъ получаешь,
Посредствомъ ихъ себя отъ равныхъ отличаешь
Каретой, лошадьми, уборами, столомъ;
Арабъ есть у тебя, и въ три жилья твой домъ:
Большимъ боярамъ ты тѣмъ хочешь быть подобенъ.
Хотя ужъ кажется съ Крисипомъ и не сходенъ;
Однакожъ на него ты въ томъ весьма похожъ,
Что подданныхъ своихъ, Меандръ, ты грабишь тожъ,
И что несносною ужъ мучишь ты работой,
Безщадно ихъ сѣчешь, притомъ сѣчешь съ охотой.
Меандръ, ты пьешь всегда Шампанское, Понтакъ,
Крестьяне же твои забыли въ квасѣ смакъ;
А часто бѣдняки и безъ соли хлѣбаютъ,
Мякину иногда за хлѣбъ употребляютъ,
И мясо коль ѣдятъ, то развѣ только въ годъ:
Вотъ роскоши твоей, и вотъ тщеславья плодъ.

Но я-ль, ты говоришь, Меандръ, въ оправданье,
Одинъ лишь у крестьянъ отъемлю пропитанье:
Не тожъ ли дѣлаетъ съ своими и Дамонъ,
Хотя не такъ, какъ я, живетъ роскошно онъ?
Но худо ты, Меандръ, себя тѣмъ извиняешь,
Когда въ примѣръ себѣ тирана поставляешь,
Кой мучитъ бѣдныхъ съ тѣмъ, чтобъ денегъ накопить,
А оныхъ накопя, чтобъ душъ ста два купить,
Дабы вновь купленныхъ лишь мучити подобно.
А муча подданныхъ своихъ Дамонъ толь злобно,
Въ отмщеніе за нихъ онъ мучитъ и себя,
Но все то для дѣтей, которыхъ онъ любя,
Желаетъ, говоритъ, имъ щастіе доставить,
И было бъ вѣкъ чѣмъ жить, печется имъ оставить.
И такъ, виня иныхъ Дамонъ своей виной,
Какъ будто маской скрыть мнитъ гнусной образъ свой:
Лишая что другихъ, покоя самъ не знаетъ,
Не жадность въ томъ свою, дѣтей онъ обвиняетъ.
Посмотримъ же кого виной въ томъ ставитъ Клитъ,
Что каждой почти день его дворецкой битъ,
Да что и всѣмъ слугамъ не рѣдко достается.
Божиться Клитъ въ томъ радъ, что дѣльно онъ дерется.
Но мы увидимъ здѣсь, что дѣльно или нѣтъ.
Коль сытъ его слуга доволенъ и одѣтъ,
Скажи, читатель, мнѣ, судя о томъ ты здраво,
За все то ждать услугъ имѣетъ ли Клитъ право?
Имѣетъ: чаю, ты мнѣ будешь отвѣчать.—
Клитъ худо услуженъ, такъ какъ же слугъ не драть?
Вчера версты три онъ послалъ сходить Матвѣя,
Которой хоть бѣжалъ и прѣя и потѣя,
Со всѣмъ же тѣмъ пришелъ назадъ едва-ли въ часъ?
А Клиту нашему желалось въ этотъ разъ,
Чтобъ сбѣгать могъ Матвѣй одною бы минутой:
Не стоитъ ли за то плутъ казни самой лютой?
А нынче Клитъ сказалъ: горячева подай.
Про кофе думалъ онъ, а Мишка подалъ чай.
Клитъ далъ пощочину, и далъ ему другую;
Да льзя-ль и упустить кому вину такую?
О Муза! перестань!.. Брось тщетной трудъ скорѣй!
Горбатыхъ вѣдь нельзя ужъ сдѣлать попрямѣй.

Примѣчаніе Авторово на сатиру.

Читатель, не дивись, что пахнетъ стариною
Сатира на дворянъ, прочтенная тобою.
Ты скажешь, что у насъ уже Крисиповъ нѣтъ,
Однакожъ не вина и мой прочти отвѣтъ:
Назадъ пятнадцать лѣтъ,
Уродовъ таковыхъ зрѣть всякому случалось,
И ихъ осмѣивать мнѣ нужнымъ показалось.
Въ Сатиру мнѣ они тогда казались быть
Достойны помѣщенья;
Но дѣйствіе наукъ и сила просвѣщенья
Въ коротко время то умѣли учинить,
Что нынѣ ужъ ихъ нѣтъ, иль очень меньше стало...
Пожди, читатель, мало!
Пожди десятокъ лѣтъ другой:
Законы мудрые Монархини благой,
Котора выше всѣхъ Ликурговъ, Марковъ, Титовъ,
Въ людей преобратятъ Меандровъ всѣхъ и Клитовъ.

Иванъ Бахтинъ.

535. Искандеръ Герценъ. Берлинъ, типографія Карла Шультце. 1859 г. — Въ 12 д. л., XIII+261 стр.

Эта рѣдкая книжка издана Н. Елагинымъ и напечатана была въ Берлинѣ, въ 1859 году. Она содержитъ въ себѣ краткій очеркъ, состоящій изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Философія, революція и соціализмъ Искандеровой школы.

II. Затменіе «Полярной звѣзды».

III. Голосъ на кликъ «Съ того берега».

IV. Г. Герценъ и его значеніе.

Затѣмъ, въ началѣ книжки, слѣдуетъ краткое предисловіе, въ которомъ авторъ говоритъ, что:

Уже болѣе десяти лѣтъ назадъ, Русскій уроженецъ, недостойный имени Русскаго, Александръ (Искандеръ) Герценъ, незаконнорожденный сынъ Яковлева, переселился изъ Москвы въ Лондонъ, тайно перевелъ къ себѣ значительныя суммы денегъ, принадлежавшія его отцу, и началъ издавать ругательныя сочиненія противъ бывшаго своего Отечества. Когда сочиненія эти стали извѣстны въ Россіи, всѣ благомыслящіе люди съ негодованіемъ и презрѣніемъ отвергали ихъ и предавали забвенію. Но въ послѣдніе годы, разными тайными путями Герценъ и его единомышленники, начали пересылать эти книги въ Россію—какъ обыкновенно пересылаютъ контрабанду *)—и распространять ихъ во внутреннихъ губерніяхъ, съ цѣлію посѣять въ народѣ самыя пагубныя и преступныя идеи; потому что въ сочиненіяхъ, издаваемыхъ Герценомъ — отвергается бытіе Бога, предается поруганію Христіанская вѣра, явно проповѣдуется безбожіе, и все направлено къ ниспроверженію государственнаго благоустройства въ Россіи. Для того настоящее наше, и всё прошедшее, представляются въ искаженномъ видѣ.

Такія книги и дѣйствія, упорно продолжаемыя, не могли не возбудить наконецъ глубокаго негодованія во многихъ Русскихъ, и они безъ всякаго предварительнаго согласія между собою, по одному общему чувству любви къ Отечеству и желанію обличить клеветы, писали опроверженія на нѣкоторыя книги и статьи Герцена.

Я имѣлъ случай собрать нѣсколько сочиненій, написанныхъ противъ его злонамѣренныхъ толковъ, и, проживая нынѣ за границею, печатаю ихъ, съ согласія писавшихъ. Пусть этотъ грустный эпизодъ нашей литературы совершается за границею Россіи; гдѣ возникло ненавистное на неё нападеніе, тамъ пусть явится и его отраженіе. Иные не находя въ печати опроверженій злоумышленныхъ клеветъ Герцена, могли-бы думать, что Русскимъ нечего отвѣчать ему, и что мы молчимъ въ знакъ согласія по извѣстному выраженію: «кто молчитъ, тотъ соглашается». Но въ настоящемъ случаѣ такое мнѣніе было-бы совершенно ошибочно. Въ Россіи нѣтъ ни одного благомыслящаго человѣка, который-бы соглашался съ клеветами, и могъ не чувствовать негодованія противъ измѣнника, отвергающаго Бога

*) Кромѣ продажи книгъ своихъ и газеты въ Англіи (во многихъ Европейскихъ государствахъ запрещены книги Герцена), кромѣ навязыванія ихъ всѣмъ пріѣзжавшимъ изъ Россіи, онъ посылаетъ ихъ съ жидами черезъ Литовскую границу, черезъ Архангельскій портъ, Одессу и Индію, во всѣ стороны Россіи; обертываетъ газетою бутылки шампанскаго вина и вкладываетъ свои произведенія въ разные съѣстные припасы, приготовляемые за границею и привозимые въ Россію въ задѣланныхъ ящикахъ. Въ примѣръ изобрѣтательности Герцена, приводимъ слѣдующій случай: одинъ помѣщикъ поручилъ знакомому купить для себя на Нижегородской ярмаркѣ десять ящиковъ сардинокъ, и, къ удивленію своему, нашелъ въ привезенныхъ къ нему ящикахъ, въ четырехъ изъ нихъ, Герценскій „Колоколъ“. Не читая, онъ бросилъ его въ печь, и далъ обѣщаніе не покупать никогда сардинъ на ярмаркѣ.

Христіанскую вѣру и Законы, служащіе основаніемъ общественнаго и частнаго благосостоянія.

Изъ какой-бы дали ни слышался голосъ Искандера, судъ общественнаго мнѣнія вездѣ найдетъ его, и имя Герцена, какъ изверга человѣческаго рода, перейдетъ съ позоромъ въ отдаленное потомство. Да и въ настоящее время всеобщее препрезрѣніе современниковъ служитъ наказаніемъ бѣглецу, который съ отверженіемъ Божества и всего священнаго на землѣ, не устыдился порицать и людей, служащихъ опорою Церкви и государственнаго порядка. Какое право имѣетъ Герценъ поносить и подвергать клеветѣ первѣйшихъ нашихъ ерарховъ, знаменитыхъ сановниковъ, и лицъ вовсе ему неизвѣстныхъ? Гдѣ доказательства клеветъ его?.. Онъ съ неуваженіемъ отзывается о Митрополитѣ Московскомъ Филаретѣ, извѣстномъ не только Россіи, но и всему Христіанскому міру: великимъ умомъ, подвижническою жизнію и долголѣтними трудами на пользу Церкви и Отечества. Онъ осмѣливается осуждать дѣйствія истиннаго поборника Православія, С.-Петербургскаго Митрополита Григорія, который десятки лѣтъ подвизается на благо Церкви: словомъ, писаніемъ и неукоризненною жизнію! Онъ поноситъ ихъ за то, что они дѣйствуютъ по долгу своего сана и обличаютъ нечестіе... Не безуміе-ли это со стороны Герцена?

Но вотъ образчикъ, до какой степени простирается его дальновидная злонамѣренность въ революціонной пропагандѣ.

Не довольствуясь распространеніемъ гибельныхъ идей между современниками, онъ желалъ бы и возрастающее юношество пропитать духомъ своего ученія. Съ этимъ намѣреніемъ поноситъ лицъ, препятствующихъ осуществленію его плановъ: осыпаетъ клеветами Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній І. И. Ростовцева, который сдѣлалъ такъ много добра молодымъ людямъ, воспитывавшимся подъ его высшимъ надзоромъ и попеченіемъ, и поселилъ въ цѣлыхъ поколѣніяхъ чувства преданности и любви къ Богу, Государю и Отечеству.

Чтобы устранить людей, ограждающихъ общественный порядокъ, поноситъ Князя В. А. Долгорукова, Графа В. Н. Панина, Е. П. Ковалевскаго, Н. А. Муханова и другихъ достойныхъ лицъ, пользующихся общимъ уваженіемъ.

Въ доказательство того, до какого безстыдства простирается его наглость, приведемъ анекдотъ Герцена о собраніяхъ, будто-бы происходившихъ у М. Н. Мусина-Пушкина. (Колоколъ № 1). Люди, которыхъ называетъ онъ, почти незнакомы другъ съ другомъ.

Всѣ революціонеры и реформаторы начинали свои дѣйствія съ того, чтобы людей честныхъ и преданныхъ Правительству, отдалить отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Съ сею цѣлью выставляли ихъ передъ обществомъ съ отсталыми понятіями, или чрезъ своихъ единомышленныхъ, представляли ихъ въ глазахъ высшаго Правительства неблагонадежными, чтобы преградить путь къ обнаруженію злыхъ умысловъ.

Къ тому-же прибѣгнулъ и Герценъ для достиженія своихъ видовъ на Россію.

Нѣкоторые говорятъ, что въ «Колоколѣ» указываются иногда злоупотребленія. При множествѣ служащихъ лицъ въ Россіи, нельзя, чтобы всѣ они были ангельской чистоты, и конечно могутъ быть разныя злоупотребленія, какъ существуютъ они въ Англіи и въ другихъ государствахъ; но выставляя такіе, извѣстные публикѣ случаи, большею частію мелочныя нарушенія обязанностей службы, онъ, рядомъ съ истиною, печатаетъ клеветы на честныхъ людей,—дѣйствуя уже по своимъ дальнѣйшимъ цѣлямъ. Въ томъ-то и заключается его хитрость.

Въ напечатанныхъ здѣсь четырехъ статьяхъ разобрано ученіе Герцена. Въ трехъ изъ нихъ мы обращаемся къ нему въ духѣ кротости, съ увѣщаніемъ вникнуть въ смыслъ дѣлъ его; въ четвертой исторически описано его происхожденіе, и съ политической точки разсмотрѣно выдуманное имъ ученіе.

Будетъ-ли для него польза отъ нашего слова или нѣтъ, по крайней мѣрѣ мы показали смыслъ и значеніе его ученія для предостереженія людей легкомысленныхъ и маловѣдущихъ.

Если признается полезнымъ и нужнымъ, то книга эта можетъ быть началомъ цѣлаго ряда статей, гдѣ будутъ обличаемы лжи и клеветы Герцена. На первый разъ довольно.

Н. Елагинъ.

Берлинъ.
Августъ, 1859 г.

536. О ZHΛΟΣΟΦΟΣ. Искатель премудрости, или духовный рыцарь, 1791 г., безъ означенія мѣста и года печати; 115+1 стр.—8 д. л.

Это второе изданіе «духовнаго рыцаря», судя по шрифту и бумагѣ, напечатанное въ типографіи Всеволожскаго, существовавшей въ Москвѣ, въ первой четверти текущаго столѣтія; хотя на заглавномъ листѣ выставленъ, какъ и на первомъ изданіи, годъ 5791 (1791), — но дѣйствительный выходъ книги относится къ 1816 или 1818 году.

Это изданіе почти такъ-же рѣдко, какъ и первое, и замѣчательно по сдѣланнымъ въ немъ авторомъ прибавленіямъ. См. Губерти—т. II, стр. 390.

Книга цѣнится отъ 10 до 12 рублей.

537. Искусство быть забавнымъ въ бесѣдахъ. Въ С.-Петербургѣ, съ дозв. указн. 1788 года.—Въ 32 д. л. 131 стр.

Въ этой маленькой книжкѣ описаны разныя увеселительныя забавы, а именно: 1. застрѣлить на лету ласточку и оную опять оживить; 2. преобратить цвѣтъ въ лицахъ; 3. произростить въ три минуты такъ называемый философскій грибъ; 4. узнавать посредствомъ соломенки, который когда часъ; 5. изобразить въ стаканахъ всякаго рода достроенія; 6. узнать: пѣтушокъ ли или курочка выйдетъ изъ яйца; 7. узнать: цѣломудренная ли дѣвица—и многія др. Всего-же 61 забава.

538. Искусство брать взятки. Восточная сказка. Сочиненіе В. Серебренникова Москва, въ типографіи В. Кирилова. 1838 гагода.—Въ 12 д. л , 74 стр.

Книжка, изданная В. Серебренниковымъ, подъ заглавіемъ: «Искусство брать взятки» въ настоящее время совсѣмъ не находима въ книжной торговлѣ и составляетъ библіографическую рѣдкость. По всей вѣроятности, это изданіе было выпущено въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступало. Этимъ только и можно объяснить ея рѣдкость.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, въ СПБ. у книгопродавца-антикварія Л. Мелина за 10 рублей.

Полагая, что вышеназванное сочиненіе В. Серебренникова, представляетъ собою книжную рѣдкость, и слѣдовательно, не всегда бываетъ доступно для большинства любителей, я, въ виду весьма любопытнаго содержанія этой книжки, считаю не лишнимъ привести ее здѣсь полностію, съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

ИСКУСТВО
БРАТЬ ВЗЯТКИ
Восточная сказка.

Не помню, въ который годъ Эгиры, не помню какого именно мѣсяца и числа, но только въ одно *число* вечеръ въ Константинополѣ былъ роскошно-восточный. Свѣжій вѣтерокъ, колыхая волны Босфора, дышалъ прохладою, нѣгою и благовоніемъ... Золотое, закатывающееся солнце гасло въ послѣднихъ лучахъ своихъ на вершинахъ Минаретовъ, или прорѣзывая огненною браздою бѣлую пѣну волнъ залива, уподобляло ихъ — покрывалу протканному золотомъ. Въ столицѣ Османовъ господствовала тишина, удивительная въ городѣ, могущемъ быть центромъ всемірной торговли. Изрѣдка, кой-гдѣ, свѣтъ огня, пробиваясь сквозь окна, обнаруживалъ собою или занятія кади, или неутомимую дѣятельность франкскаго купца, или наконецъ, выгоду содержателя кофейной, гдѣ правовѣрные, какъ статуи, пуская ароматическія волны дыма, безмолвно додѣлывали кейфъ. — Въ это самое время, по улицамъ Истамбула шелъ незнакомецъ, накрѣпко закутанный въ темный *фереджe* (плащъ). Большая, полуциркульная шляпа, надвинутая почти на глаза, доказывала, что это былъ франкъ. Поворачивая изъ улицы въ улицу, существо, о которомъ мы говоримъ, шло, по видимому, безъ цѣли, и ничто, казалось, не обращало на себя его вниманія: ни восхитительный полумракъ вечера, ни превосходный видъ моря, ни великолѣпная панорама города, ни зданіе, гдѣ подозрѣвался бы гаремъ, ни бѣлоснѣжныя *чадры* мусульманокъ—-ничто!.. Приторность жизни, скука, безстрастіе, или презрѣніе ко всему видимому, дѣлали незнакомца похожимъ на Англичанина, пораженнаго сплиномъ, или на Француза, который рѣшился быть ренегатомъ, но колеблется между религіею и почестями; или наконецъ, просто, на автомата, съ уснувшими способностями души.—Чрезъ четверть часа, вечеровой денди улицъ Византійскихъ, котораго въ Европѣ причислили бы къ цеху утаптывающихъ мостовыя и тротуары, машинально повернулъ на площадь Ахмета III, и

замѣтивши недотворенную дверь кофейной —юркнулъ въ нее. Войдя въ комнату, гдѣ имѣлъ право быть каждый франкъ, неизвѣстный небрежно развалился на диванѣ. Смѣтливый невольникъ тотчасъ подалъ эфенди—райю трубку Алепскаго табаку и чашку моккскаго кофе. Запоздалый посѣтитель кофейной едва дотронулся чубука, и, облокотясь на свою руку, онъ, задумчивый, недвижный уподоблялся *обожженной статуѣ*, стоящей близь Тегиръ-Серая.—Не прошло и десяти минутъ окаменѣлости незнакомца, какъ онъ вдругъ вздрогнулъ, будто меткій ударъ кинжала поразилъ его прямо въ сердце. Но гримаса, сдѣланная неизвѣстнымъ, скорѣе походила на злобную радость, чѣмъ на мученіе предсмертной боли. Въ полуглотокъ осушивши чашку и въ одну затяжку опустошивъ трубку, райя поспѣшно всталъ, бросилъ піастръ изумленному турку-ресторатору, въ два скачка былъ уже на улицѣ, и сталъ противъ дома одного изъ кадій истамбульскихъ. Склоня немножко голову, незнакомецъ секунду пребылъ въ нерѣшимости; потомъ тихо проговорилъ *сей часъ иду*! бросился на лѣстницу и очутился подлѣ стула судьи, въ тотъ самый мигъ, когда его благополучіе только что докончилъ попослѣднюю фразу.

Здѣсь мы должны вернуться нѣсколько назадъ, и познакомить читателя съ служителемъ Турецкой Ѳемиды.

Кади (судья) Абдулъ-Сеидъ-Гассанъ десять лѣтъ отправлялъ свою должность, учиняя судъ и расправу надъ правовѣрными, райями, франками, гяурами, такъ-же безпристрастно, какъ какой-нибудь засѣдатель или предсѣдатель Европейскихъ судовъ; руководствуясь иногда кодексомъ Солеймана, а чаще по *аудету* (обычаю) или предопредѣленію,—Абдулъ отлично зналъ правовѣдѣніе, порядокъ дѣлъ, ихъ форму, конструкцію, словомъ, зналъ всѣ тонкости оттоманской юстиціи, до такой степени удивительныя на Дарданелахъ, что Османы не иначе называли своего кади, какъ: искрою мудрости, ушатомъ познаній, кувшиномъ глубокомыслія. Однакожъ, не смотря на эти пышные эпитеты восточнаго пустословія, Сеидъ былъ бѣднѣе своего послѣдняго Векунове, регистратора, и бѣденъ именно потому, что не умѣлъ чистенько взять взятку; а не умѣлъ онъ брать не по недостатку въ нихъ, а потому что не зналъ превосходной Европейской системы бранья, — системы извѣстной каждому повытчику, каждому подьячему съ приписью, и даже безъ приписи.

Я сказалъ, что Гассанъ, называемый ушатъ познаній, кувшинъ глубокомыслія, былъ не богатъ; но не скажу, чтобъ онъ, какъ кади, былъ совершенно чистъ отъ грязи взятокъ; Абдулъ Сеидъ, какъ и всякій другой судья—вдавался въ уклоненія, и каждый разъ расплачивался пятками за свой неосторожный юридическій грѣшокъ. Бывало возьметъ съ праваго истца какихъ нибудь пятьдесятъ піастровъ *новыхъ*, глядь: шасть къ нему на дворъ полицейскій ага, развернетъ *Бужурьлде*, приказъ Визиря, и преисправно отсчитаетъ ему сто ударовъ по пятамъ; возьметъ съ виноватаго отвѣтчика, и тотъ же ага отвѣситъ двойное количество палокъ ногамъ бѣднаго кади.

Чувствительные Европейскіе филантропы сказали-бы: «за что бить глупца судью? Лучше отрѣшить его отъ должности,, и никуда не опредѣлять, какъ уже уличеннаго во взяточничествѣ». Конечно, это весьма справедливо, и тѣмъ справедливѣе для насъ, для такихъ людей, которымъ на каждомъ шагу встрѣчаются существа, проглотившія всѣ кодексы, декреты и билли, выпившіе до дна море юстиціи, и по шею плавающіе въ океанѣ чернилъ; но въ Турціи, въ странѣ, гдѣ просвѣщеніе, или точныя знанія по всѣмъ частямъ только что показали отпрыски, нельзя манкировать юриспрудентами; и потому, Кади-Абдулъ былъ извѣстенъ за дѣльца, не только Эмиру или Визирю, но даже самому Султану.—Даже самъ Падишахъ изволилъ иногда выражаться такъ: «Абдулъ-Сеидъ весьма рачителенъ къ своей должности: уменъ, ловокъ и знающъ по всѣмъ ея частямъ; а что всего лучше, рѣшительный дуракъ по взяточному отдѣленію, хотя изрѣдка и протягиваетъ руку. Если я, разсердясь, моего раба Гассана сброшу съ судейскаго мѣста и пошлю въ Багдадъ, то кто займетъ порожній стулъ судьи? Какой-нибудь оселъ по должности и мудрецъ по взяткамъ; нѣтъ: Аллахъ да сохранитъ мой народъ отъ подобныхъ мудрецовъ! Пусть Абдулъ остается судью въ Истамбулѣ; за службу я ему пошлю мое благоволеніе и мѣшокъ піастровъ, а за взятки капуджи съ палками». — И въ силу этого Гассанъ оставался судью Цареградскимъ.

Какъ-бы то ни было, а Абдулъ Сеидъ, какъ одинъ изъ судей столицы Оттомановъ, долженъ же

былъ держать себя прилично званію и мѣсту имъ занимаемому. Приличія свѣта, разумѣется, извѣстны каждому человѣку, имѣющему счастіе погружаться въ судейскія или секретарскія кресла; эти люди должны знать, когда смириться по дистанціямъ, и вознестись по инстанціямъ; должны иногда унизиться, а иногда вздернуть голову, подчасъ прокатиться въ каретѣ (въ арбѣ), а иногда пробѣжать пѣшкомъ; иногда постоять въ передней вмѣстѣ съ лакеями (невольниками), а подъ часъ горделиво принять въ ней, эта такая судейская аксіома, говоритъ знаменитый Эбнъ-Сеубъ, которую не опровергнетъ все сословіе улемовъ. Кади Абдулъ-Сеидъ Гассанъ постигалъ все это не хуже любаго франкскаго судьи; онъ не постигалъ только одного: какъ могутъ люди, получающіе отъ щедротъ Падишаха 50, много 100 піастровъ жалованья, равняться въ роскоши самимъ Сераскирамъ? и даже, изрѣдка, превосходить Сераскировъ до такой степени, какъ будто дворы домовъ ихъ вымощены философскими камнями?.. Бѣдный Абдулъ! онъ зналъ много, но не понималъ самаго важнаго въ жизни кади, именно: *искуства брать взятки*... Такимъ образомъ, десять лѣтъ коснѣя въ невѣжествѣ Сеидъ почти разорился. Онъ даже задолжалъ значительную сумму греку Натоли и жиду Шапчи. — Задолжать судьѣ столицы, да и какой столицы! Истамбула! и кому? двумъ гяурамъ! Скажите, не стыдъ-ли это кадіямъ всего міра?.. Впрочемъ это было истинно такъ!

Въ вечеръ, нами взятый для сказки, жидъ Шапчи и грекъ Натоли явились къ судьѣ и требовали платежа долга, угрожая въ противномъ случаѣ жалобою къ Эмиру, а мало того къ Сераскиру; то-есть: просто грозили отдать самаго судью подъ судъ. Положеніе Сеида, какъ всякій догадается, было не очень интересно. И если мы прибавимъ, что не молодой османлы—Гассанъ любилъ понѣжиться по молодецки, то-есть: любилъ имѣть гаремъ, составленный изъ хорошенькихъ грузинокъ, черкешенокъ и армянокъ; любилъ держать дюжины двѣ евнуховъ, слугъ и невольниковъ разнаго цвѣта; арбу, шербетъ, кальянъ и другія принадлежности утонченной Европы—виноватъ! Азіи, то весь міръ уразумѣетъ плачевное положеніе кади въ вечеръ нами описываемый. И если воображеніе читателей придастъ Абдулу незнаніе *положительныхъ* доблестей Европейскаго судьи, тогда должно только ахнуть—и ни слова больше!

Между тѣмъ, какъ въ *оный* знаменитый вечеръ всѣ сѣверо-юго-западные судьи славно набивали свои карманы, нашъ восточный кади считалъ финансовые доходы по мѣрѣ палочныхъ ударовъ и раздумался больше нежели когда-либо о собственномъ своемъ я.

— Аллахъ, Аллахъ! восклицалъ онъ, чтожъ я за собака такая въ мірѣ, которая трудится ежеминутно, работаетъ неусыпно, лаетъ гдѣ должно, кусаетъ гдѣ надобно, грызется за правду, и въ награду за все это получаетъ только кость и вслѣдъ за нею ударъ палкою!.. Видно, ужъ такъ написано въ книгѣ предопредѣленія!.. Положимъ, еслибъ я былъ глупѣе отца всѣхъ глупостей, тогда Визирь и Падишахъ—да почіютъ на нихъ милости пророка!—не стали бы держать въ Истамбулѣ пса, подобнаго мнѣ... Вотъ уже десять лѣтъ я служу Султану, и стало, значу что-нибудь для повелителя правовѣрныхъ?.. Ге, ге!.. Пусть я одинъ изъ славныхъ судей столицы; но и одинъ изъ извѣстныхъ бѣдняковъ. Впрочемъ, да будетъ воля пророка!.. Почемужъ товарищи мои, такіе же стражи порога правосудія, какъ и я, богаты какъ жиды? Или пророкъ къ нимъ милостивѣе, или я просто дуракъ, потому что не умѣю порядочно взять *пишкеша*—подарка—взятки? Испытывая пять маневровъ бранья, я 227 разъ получалъ палочные выговоры, будто за неловкость... Кто-жъ откроетъ секретъ, которымъ пользуются мои сослуживцы? Ужъ конечно не Ибрагимъ, мой товарищъ, и не Гамидъ, которыхъ сундуки столькожъ толсты отъ червонцевъ, сколько ихъ правовѣрныя туловища отъ устрицъ и *шишлика*. Кто-жъ выучитъ меня, несчастнаго кади, чистенько брать взятки? Кто откроетъ знаменитое правило взяточничать не насчетъ ногъ?.. Развѣ Шейтанъ!.. А завтра, Натоли и Шапчи посадятъ меня въ тюрьму, меня, кади! О, позоръ, стыдъ сѣдой головѣ моей!.. Да проститъ же мнѣ пророкъ, если я въ отчаяніи призову самаго чорта!.. И такъ: приди, явись ко мнѣ противникъ добра! Явись! тебя зоветъ сынъ Гафиса-Сеида, Абдулъ-Сеидъ-Гассанъ кади Константинопольскій!..

«Честь имѣю представиться» сказалъ чортъ, снимая почтительно шляпу и по европейски раскланиваясь съ Абдуломъ.

Кади задрожалъ; удивленный и испуганный внезапнымъ явленіемъ незнакомца, онъ снялъ очки, и протирая ихъ, отвѣчалъ съ замѣшательствомъ:

— Извините меня, достопочтенный райя!.. Въ такое позднее время я вовсе не ожидалъ просителя. Но, садитесь, прошу васъ, и говорите: какую нужду имѣете вы до бѣднаго служителя правосудія блистательной Порты? Говорите, высокородный лордъ, или маркизъ, или синьоръ, или просто, благородный франкъ! Вашъ слуга — Гассанъ, развѣшиваетъ уши для вниманія потоку сладкихъ рѣчей вашихъ.

«Напротивъ, достопочтеннѣйшій кади, я долженъ спросить: чѣмъ могу служить вамъ? Я не лордъ и не маркизъ, а просто: джуннъ, дивъ, шейтанъ *); то есть, я именно тотъ, кого вы сейчасъ благоволили призывать.—Какъ самый исправный помощникъ, я тотчасъ поспѣшилъ туда, гдѣ нужно мое содѣйствіе. И такъ, любезный кади, скажите: чего хотите вы отъ вашего усерднаго невольника?»

Чортъ сталъ въ фешенебельную позицію, какъ будто учтивый кавалеръ, ожидающій благосклоннаго отвѣта прекрасной дамы.

— Пхе! благородный франкъ! вы шутите надъ бородою; клянусь книгою пророка, вы столько-жъ похожи на злаго духа, сколько я на его высокомочіе Сераскира Истамбульскаго.

«О, вы недовѣрчивы, Абдулъ-Сеидъ, то есть: осторожны, какъ судья. Это похвально! Однако-жъ, я всетаки тотъ-же кого вы звали, и если я прибавлю, что всѣ двери вашего дома заперты, ваши невольники давно спятъ, вы сами не сходили съ мѣста, слѣдовательно, я, никого не безпокоя, прошелъ сюда—путемъ мнѣ извѣстнымъ, тогда что вы скажете? Я, какъ видите, хоть и вдвое выше васъ, Гассанъ, однакожъ умѣю, или правильнѣе, имѣю привычку пролѣзть въ щель и въ скважину замка; теперь вѣрите-ль, что я точно шейтанъ?»

— Если я повѣрю словамъ вашимъ, Эффенди, то позволю всѣмъ гяурамъ забросать грязью гробъ моего отца. Я не *феллахъ* (мужикъ) какой-нибудь, а кади, слѣдовательно, могу различить красное отъ желтаго. Пхе! да за что-жъ-бы Аллахъ грѣлъ меня солнцемъ милости падишаха, если-бъ я, Абдулъ-Сеидъ, судья цареградскій, не умѣлъ отличить чорта отъ франка?.. Полноте, Эффенди! Садитесь-ка, коснитесь моего кальяна, выпейте чашку шербета: это лучше чѣмъ ѣсть грязь.

*) Джинъ или джуннъ: духъ дома—домовой; дивъ—духъ клада; шейтанъ—чортъ.

«Почему-бы кади, возразилъ чортъ, намъ для перваго знакомства не роспить одну бутылку той влаги, которая бросаетъ пробку съ такимъ громомъ, какъ дарданельская пушка ядро?»

— ***Истагфиръ Аллахъ!*** (оборони Боже) что-жъ я за безумецъ такой, чтобъ рѣшился пить вино проклятое пророкомъ!

«Для чего-жъ ты купилъ его у армянина и спряталъ въ уголъ своего погреба? Ужель для соблюденія правилъ корана?»

— Теперь я вижу, райя, вы есть шпіонъ одного изъ французскихъ *эльтцире* (посланника) и знаете не только то, что происходитъ въ домахъ простыхъ обывателей Истамбула, но и то, что дѣлается въ домѣ ихъ судьи, за чѣмъ-же, ваша честь, соизволили пожаловать ко мнѣ, бѣдному кади?

«Ужъ разумѣется не затѣмъ, чтобы курить кальянъ, дѣлать кейфъ, или слушать восточныя глупости. — Выслушай меня, Абдулъ-Сеидъ! Двѣ минуты назадъ, отъ скуки бродя по улицамъ Константинопольскимъ, мнѣ вздумалось завернуть въ кофейную Судже (нашему брату должно быть вездѣ: не для нѣги, шербета и табаку; а для чего нибудь посеріознѣе), предо мною въ мигъ явились кофе и кальянъ. Едва я коснулся трубки, вдругъ, слышу, ты зовешь меня: спѣшу къ твоему дому, и еще разъ слышу воззваніе ко мнѣ. Закрывшись *фереджемъ*, я протянулъ руку къ двери и она тихо отворилась; понимаешь? я вошелъ на лѣстницу, какъ проситель; эта предосторожность была необходима: ибо правовѣрные еще не всѣ спятъ. *Яшмаки* (покрывала) ихъ невольницъ выглядываютъ съ плоскихъ крышъ гаремовъ; слѣдовательно, еслибъ я исчезъ внезапно, онѣ могли-бы подумать, что кади бросилъ франка въ Босфоръ.—Ну, вотъ я и передъ тобою, мой любезный Гассанъ, и ожидаю приказаній. Замѣть однакожъ, что я не всегда столь покоренъ и сговорчивъ, потому что люди чаще имѣютъ нужду во мнѣ, чѣмъ я въ нихъ».

— По чести, Эффенди, я вѣрю вамъ меньше, нежели въ половину; пожалуй я соглашусь назвать васъ *Раммале* волшебникомъ, чародѣемъ, но шейтаномъ — пхе! никогда! за это стоитъ наплевать мнѣ въ бороду.

«Ну, Абдулъ-Сеидъ, теперь я вижу, что ты настоящій приказный и никакъ не обморочишься голословнымъ показаніемъ; для тебя нужны факты,

резоны и доказательства, именно положительные; изволь почтеннѣйшiй! за этимъ дѣло не станетъ.

Чортъ распахнулъ плащъ и бросилъ шляпу. Плащъ обнаружилъ его огненно-косматую шкуру, а шляпа открыла два красивые рога, отъ которыхъ, однакожъ, отречется всякiй пожилой обладатель полдюжины молоденькихъ невольницъ.

«Смотри на меня! воскликнулъ сатана, и увѣрься, что я именно то существо, которое ты призывалъ!»

— *Ля иляхъ илль Аллахъ!* (Нѣтъ божества, кромѣ Аллаха!) вскричалъ кади, падая на диванъ и протягивая свою лѣвую руку къ корану, между тѣмъ какъ правая перебирала мастиковыя зерна четокъ.

Искры, брызнувшiя отъ сатаны, заставили Сеида поспѣшно спрятать обѣ свои руки. Въ комнатѣ сдѣлалось жарко, какъ въ *самумъ*.

«Абдулъ-Сеидъ-Гассанъ! продолжалъ адскiй выходецъ, я есть фокусникъ, маэстро, мудрецъ, глава взяточнаго искуства, и читаю его теорiю всѣмъ желающимъ выучиться, подкрѣпляя иногда практикою мои уроки...»

Гассанъ, закрывши глаза, пыхтѣлъ въ самый уголъ дивана.

«Ты призвалъ меня затѣмъ, чтобъ вразумить тебя искуству брать взятки, и тѣмъ спасти твои ноги отъ палокъ: не такъ-ли?»

Кади шевелилъ губами, повторяя седмь таинственныхъ именъ Аллаха и стихи Корана.

«Зачѣмъ-же боишься ты, трепещешь меня, гросъ-мейстера лихоимства, когда, за секунду, самъ звалъ сюда и хотѣлъ поступить въ число храбрыхъ рыцарей взяточничества? Впрочемъ, таковы люди!

— *Истагфиръ Аллахъ!* бормоталъ кади.

«Опомнись-же Абдулъ и проси, что тебѣ нужно! время у меня и дорого и ничтожно».

Абдулъ молча перебиралъ четки.

«Постой-же судейская пiявица! прошепталъ чортъ, я вижу тебя на сквозь, и знаю тропу къ твоей душѣ». Потомъ прибавилъ громко: «у тебя, Гассанъ, есть дѣло двухъ сильныхъ соперниковъ, имено: Гуссейна и Амурата?..»

— Есть, отвѣчалъ кади, открывая одинъ глазъ.

«По процессу, кажется, Амуратъ правъ, а Гуссейнъ виноватъ?»

— По истинѣ такъ, сказалъ Сеидъ, смотря въ оба глаза.

«Пхе! нѣтъ! по совѣсти,—такъ Амуратъ виноватъ, а Гуссейнъ правъ»...

— Ошибаетесь, Эффенди! и ошибаетесь потому, что не знаете дѣла, возразилъ кади, выправляясь на диванѣ.

«Знаю, не безпокойся, и знаю лучше тебя: ибо прежде нежели просьбы тяжущихся поступили къ тебѣ, я уже читалъ ихъ черезъ плечо адвокатовъ, и имѣлъ время понять сущность дѣла. Повторяю: справедливость на сторонѣ Гуссейна; однакожъ стряпчiй Амурата такъ краснорѣчиво настрочилъ прошенiе, что трудно добраться до истины. Впрочемъ, это прошенiе не основано ни на одномъ стихѣ корана и ни на одномъ параграфѣ Оттоманскаго кодекса: стало быть — оно бездоказательно. Бумага Гуссейна, напротивъ, вся основана на фактахъ и такъ-же твердо держится на нихъ, какъ земля не хребтѣ исполинской рыбы».

— «Самъ Эбнъ-Сеубъ *) говоритъ устами вашими, мой знающiй Эффенди, сказалъ ободрившiйся кади, и я готовъ состязаться съ вами о предметѣ такъ близко касающемся моей обязанности; но, ради гроба пророка! сначала благоволите перемѣнить свою наружность, потомъ покурите кальяну и осушите чашку шербету; потомъ на этой сафьяной подушкѣ да отдохнутъ ваши члены, тогда какъ душа моя будетъ отдыхать на словахъ вашей мудрости.

«Благодарю, Сеидъ, я не привыкъ нѣжиться. Твой кальянъ выкурю залпомъ, а шербета коснуть тогда, когда ты подбавишь въ него побольше сѣры, побольше смолы и немножко огня; это—и вкуснѣе и прохладительнѣе».

— У васъ чудный вкусъ, Эффенди!

«Да; но у всякаго свой. — Теперь начнемъ толковать о дѣлѣ, Абдулъ; я открою тебѣ 50 безопасныхъ, употребительныхъ средствъ брать взятки»...

— Остановитесь, Шейтанъ-Эффенди! Я благодарю васъ за совѣты; но мнѣ очень хорошо извѣстно, что ваше благополучiе ничего не дѣлаетъ даромъ, и всегда впередъ беретъ славную взятку. Издревле, вы, *Джуннъ*, привыкли брать съ правовѣрныхъ, гяуровъ и франковъ кровавыя обязательства, и очень аккуратны въ срокѣ, но я скорѣе соглашусь имѣть дѣло съ двадцатью кредиторами

*) Славный восточный юристъ.

подобными собакамъ Натоли и Шапчи, чѣмъ съ вами, *Дивъ!* Въ первомъ случаѣ я лишаюсь благъ временной жизни, во второмъ — рискую душою, которую да сохранитъ Аллахъ отъ нынѣ и во вѣки.

«По чести ты обижаешь меня, Сеидъ! Ужели, до сихъ поръ думаютъ, будто я тотъ же, что былъ въ средніе вѣка? Пхе! Тогда души были такъ дорогоньки и пріобрѣтались по контрактамъ; но нынѣ ничего нѣтъ дешевле души лихоимца-судьи и взяточника приказнаго!.. Успокойся, мой прозрачный Кади! Я даромъ скажу тебѣ теорію электричества взятокъ. Ты будешь только зерно, отъ котораго со временемъ разрастется цѣлая роща крючковатыхъ рукъ; слѣдовательно мои труды вознаградятся сами собою».

— Если такъ дивъ, *Иншаллахъ!* я согласенъ.

«И такъ пятьдесятъ секретовъ: *взять*, у тебя почти въ тюрбанѣ».

— Пятьдесятъ! говорите вы, Джуннъ? *О Валлахъ вель неби!* да это почти то же, что растворить передъ моимъ носомъ сокровищницу Сераля и сказать: Кади! бери, что тебѣ нравится, и бери братецъ, столько, сколько можешь унести!.. Пятьдесятъ! Гай! Гай!..

«Тебя удивляетъ и радуетъ, словно ребенка такое количество? между тѣмъ, какъ европейскій подьячій второй статьи знаетъ по крайней мѣрѣ сто способовъ, какъ набить себѣ карманы».

— Въ такомъ случаѣ, Дивъ, я полагаю, что эти франкскіе кади и писцы всѣ хромые, или безногіе, потому что при всей ловкости нхъ, при самомъ обширномъ свѣдѣніи прекрасной системы *бранья*, они могутъ промахнуться и накликать капуджи съ палками; тогда горе пятамъ невѣрныхъ!..

«Европейскій Сѣверъ, Западъ и Югъ не знаютъ палочнаго обычая, этого похвальнаго исправленія промаховъ ихъ кадіевъ; и ноги сихъ остаются такъ-же здоровы, какъ ноги арабскаго скакуна. Въ этомъ можно удостовѣриться на первомъ балѣ, гдѣ присяжные франки пляшутъ, вертятся и, не зная усталости, кружатся, будто факиры».

— Аллахъ! Аллахъ! Чтожъ за люди живутъ на Западѣ, Сѣверѣ и Югѣ? Ихъ кади, аги и писцы второй руки знаютъ сто манеровъ брать, и не вѣдаютъ одного—платить за это пятами. Пхе! сыплю пепелъ на ихъ головы.

«Объ этомъ послѣ мы поговоримъ, благополучный кади, а теперь, давай-ка сюда бумаги двухъ соперниковъ Гуссейна и Амурата, мы пораземотримъ ихъ, потрактуемъ дѣло и ты тотчасъ согласишься, что въ знаніи уложенія Солеймана я не уступлю самому Чаушъ-Пашѣ».

Они развернули просьбы, занялись ихъ чтеніемъ и соображеніемъ обстоятельствъ дѣла. Кади, привыкшій къ цвѣтистости восточнаго слога, читалъ скоро, бойко, ловко, какъ будто одинъ изъ лучшихъ секретарей; но чортъ спотыкался на каждой строкѣ и то и дѣло посылалъ въ глубину ада Оттоманскаго адвоката за то, что тотъ кудреватыми фразами, напыщеннымъ, пустозвоннымъ великолѣпіемъ выраженій, старался искажать смыслъ статей кодекса, или перетолковывалъ въ свою пользу изрѣченія корана.—Наконецъ они кончили чтеніе, и послѣ непродолжительной консультаціи, чортъ доказалъ ясно, что правда именно на сторонѣ Гуссейна и дѣло должно рѣшиться, непремѣнно, въ его пользу.

«Сеидъ-Гассанъ! прибавилъ шейтанъ, вотъ тебѣ первый и самый лучшій предлогъ сцапать взятку: слушай!»

— Я расправилъ мои уши, претемный Эффенди.

«Дай замѣтить Амурату, яко-бы ты убѣдился его хитросплетенною просьбой и готовъ нагнуть вѣсы правосудія къ нему. Потомъ скажи ему просто, не унижаясь, не ощипываясь, какъ жидъ, скажи, по европейски, съ достоинствомъ приличнымъ кади и важности процесса: это—молъ, М. Г., дѣльце—стоитъ не меньше сотни полновѣсныхъ червонцевъ.—Возьми золото, увѣрь Амурата, обѣщай ему все, что хочешь, и заключи дѣло въ пользу Гуссейна!»

— Ай! ай! что вы говорите это, Шейтанъ-Эффенди?.. Да такая собака, какъ Амуратъ, тотчасъ осквернитъ прахъ моего дѣда! онъ забрызжетъ меня грязью ругательствъ; Онъ побѣжитъ въ *Джами*, на базаръ, въ бани и будетъ кричать, что кади Абдулъ-Сеидъ ограбилъ его до нитки, раззорилъ въ конецъ, пустилъ по міру!.. Онъ бросится къ Эмиру, Визирю, и *Истагфиръ Аллахъ!* къ самому Падишаху! Тогда счастливъ буду я, если отдѣлаюсь только пятками; не то пожалуй вздернутъ меня на ворота ограды мечети Ахметовой, или швырнутъ въ Босфоръ. Нѣтъ, не совѣтуй-те мнѣ этого, Дивъ!

«Трусъ, да кто повѣритъ громкому лаю Амурата? Если Сераскиръ или Визирь потребуютъ все

дѣло предъ свѣтлыя свои очи, они сейчасъ догадаются, что соперникъ Гуссейна кричитъ и бѣснуется именно потому, что кади Абдулъ не покривилъ душою, и такъ начерталъ резолюцію, какъ будто сама мудрость водила его рукою.—Право такъ, Сеидъ!—Гуссейнъ въ свою очередь не гяуръ, не жидъ, не франкъ какой-нибудь: онъ тоже поблагодаритъ тебя; а эта вторая взятка будетъ уже взяткою облеченною въ благородную форму: *въ награду за труды*, то есть, въ такой подарокъ, который не опасаясь, можно взять подъ самымъ носомъ эмира.—Европейскіе кади охотнѣе употребляютъ этотъ способъ изъ числа ста другихъ, извѣстныхъ въ практикѣ взятокъ.—Потомъ, Гассанъ, приплети сюда-жъ, въ это самое дѣло, твоихъ кредиторовъ: грека Натоли и жида Шапчи: за что щадить этихъ невѣрныхъ? Собаки ужъ приготовили свои просьбы и завтра тебя позовутъ въ диванъ Сераскира Истамбульскаго. «Отдай деньги» скажутъ тамъ, «или ступай въ тюрьму». Не правда-ли»?

— Воистину такъ, мой. Ага! и, да сохранитъ меня пророкъ отъ Дивана и Семибашеннаго замка!.. Но, чтожъ я выиграю, премудрый Эффенди, когда впутаю гяуровъ Натоли и Шапчи въ дѣло, къ которому они чуть-чуть прикосновенны. Развѣ за то упечь псовъ, что они драли съ меня страшные проценты?

«Отчасти за это, а главное потому, что всѣ кодексы и уложенія Оттоманскихъ властителей именно повелѣваютъ отнюдь не выпускать изъ вида даже самомалѣйшаго обстоятельства, имѣющаго соприкосновеніе къ данному дѣлу и хоть однимъ словомъ могущаго пояснить его. И наконецъ для того, что Шапчи и его товарищъ не посмѣютъ жаловаться Сераскиру, когда узнаютъ, что дѣло немножко относящееся къ нимъ, находится въ рукахъ Сеидъ-Гассана, достойнаго стража порога Падишаха. Догадайся, Абдулъ, ты опять берешь невещественную взятку, то есть выигрываешь время; такъ-ли я говорю?»

— Нельзя не согласиться съ вами, Эффенди-Дивъ, ибо слова ваши такъ убѣдительны, какъ будто вы участвовали въ составленіи праведной книги. Да проститъ мнѣ пророкъ подобныя рѣчи! потому что вы хоть и умный Джуннъ, а всетаки духъ лукавый...

«Едва-ли... Однако-жъ, Сеидъ, если пользу взяточнаго искуства я долженъ доказывать тебѣ такъ-же пространно, какъ въ дѣлѣ Амурата съ Гуссейномъ, то надобно употребить цѣлый мѣсяцъ на полное твое образованіе. Признаюсь, упрямѣе, осторожнѣе и тупѣе тебя я не знаю другаго во всей подлунной. По крайней мѣрѣ, знаешь-ли ты хоть первыя, самыя простыя правила взятокъ?»

— Какія?

«Въ праздникъ Байрама сходить съ поздравленіемъ къ лучшимъ жителямъ твоего маленькаго пашалыка, и за поклонъ взять подарокъ?

— Пхе! это знаетъ послѣдній бостанжи!

«Ну, а напримѣръ, въ день своего рожденія— эдакъ, разослать пригласительныя дощечки на кейфъ? А?

— Гай! все это дѣлаютъ даже капуджи; они знаютъ, что правовѣрные не вовсе-же ослы и догадаются, что хозяину нужны не гости, а *пишкетъ* (подарокъ).

«Порядочно!.. И такъ, слушай, Гассанъ, я не буду распространяться въ объясненіяхъ, а начну высказывать оглавленіе взяточныхъ средствъ; ты только смѣкай и считай. Слушай, Абдулъ-Сеидъ кади Цареградскій! Если ты хочешь быть богатъ, извѣстенъ, *въ ходу* (я не скажу: любимъ и уважаемъ, нѣтъ! когда люди славятся и богатѣютъ, любовь, дружба и уваженіе приходятъ сами, не званыя). Если ты хочешь быть богатъ, говорю, то бери взятки: глазами—разъ; носомъ— два; губами— три; желудкомъ, руками, ногами, лошадью, коровой, арбой, любовницей,—сколько?»

Кади пропускалъ зерна четокъ сквозь пальцы и вмѣсто стиховъ корана шепталъ: разъ, два, три...

— Десять! вскричалъ онъ, и всѣ немножко явныя, слѣдовательно опасныя; иныя трудноваты.— И, извините меня Джуннъ, я просто болванъ, потому что не понимаю, какъ можно напримѣръ взять глазами или носомъ?

«Ну-жъ ученикъ! воскликнулъ чортъ, клянусь вѣчною тьмою! европейскій подьячій третьяго разбора нахохотался-бы, слушая насъ!—Скажи мнѣ, великолѣпный кади, для чего ты носишь очки?

— Для того разумѣется, чтобъ лучше видѣть.

«Справедливо.—Вообрази-жъ: приходитъ къ тебѣ проситель, ты, прежде всего протираешь очки, жалуешься ему на слабость зрѣнія, а главное—на

древность и неисправность очковъ: о дѣлѣ ни слова! Этотъ проситель долженъ быть глупѣе самой глупости, если не догадается, что его благополучію кади нужны очки; и на другой день золотые очки сядутъ на твой достопочтенный носъ—. А картины? а обои? а Венеціанскія зеркала и драгоцѣнныя ткани, прельщающія *зрѣніе*? А искристые каменья, ослѣпляющіе *взоры*? А живописное мѣстоположеніе кіоска или дачи на берегахъ Босфора! Всѣ эти вещи пріятныя, болѣе или менѣе нужныя, которыхъ, однако-жъ, нельзя проглотить иначе какъ глазами. Понимаешь, кади, случись-ка у тебя дѣлишко, касающееся до живописца, или купца, или эффенди—владѣльца кіоска, ты ввернешь такой крючокъ, что стѣны твоихъ *ода* (комнатъ) украсятся картинами и зеркалами; твои жены и невольницы одѣнутся въ пурпуръ и бриліанты, и дача поступитъ въ полное твое распоряженіе за то, чтобы отнять крючекъ каверзы отъ двери правосудія и растворить ее. Согласись самъ, Сеидъ, что глаза были тутъ главною и славною причиною взятки?.. Потомъ, ты долженъ, непремѣнно, нюхать табакъ.

— Никогда, мой Ага! Тьфу! что я за гяуръ такой, чтобъ сталъ сквернить свой носъ проклятымъ зельемъ?

«А развѣ твой ротъ и желудокъ не осквернены тѣмъ напиткомъ, отъ котораго невѣрные приходятъ въ такой восторгъ, какъ будто проглотили гранъ опіума? Питьемъ, строжайше запрещеннымъ Мугаммедомъ!.. Не ребячься, Абдулъ, коль хочешь быть отличнымъ взяточникомъ! Въ Европѣ, кади безъ очковъ — все кади; безъ табакерки—полъ-кади; безъ картъ—тѣнь Кади! Табакъ не есть собственно цѣль, а средство понабрать сотню табакерокъ: золотыхъ, серебряныхъ, съ чернетью, съ эмалью, съ каменьями... Впрочемъ и табакъ безразсудно называть *проклятымъ зельемъ*. это распрекраснѣйшая вещь, освѣжающая мозгъ и даже замѣняющая пустоту, происходящую отъ отсутствія мозга. Нюхнешь щепотку табачку и сдѣлается такъ весело, отрадно и хорошо! и такъ поумнѣешь, какъ будто прослушалъ полный курсъ всеобщаго права въ Геттингенскомъ университетѣ.— Да, позвольте! кажется со мною есть табакерка? Я сейчасъ только съ сѣвера и запасся тамъ знаменитымъ *Березинскимъ*; благоволите нюхнуть, мой достойный хозяинъ!»

Кто устоитъ противу чортовыхъ аттакъ? И кади послѣ весьма сильнаго отпора и многочисленныхъ отговорокъ, наконецъ взялъ табаку и нюхнулъ преисправно. (Онъ даже не чихнулъ!).

— Аллахъ! воскликнулъ Сеидъ, что за восхитительное обоняніе коснулось моего носа! Да проститъ мнѣ пророкъ, а я полагаю, что окно рая растворилось, и вѣтерокъ, составленный изъ эсенціи всѣхъ цвѣтовъ, пахнулъ на меня!.. Что подкладка чалмы моей вся соткана изъ тафты познаній, и въ головѣ моей брызжетъ настоящій фонтанъ ума!..

«Поздравляю! Стало ты, Гассанъ, будешь нюхать табакъ и слѣдовательно, брать табакерки,— дѣльно!.. Теперь, любезнѣйшій Абдулъ! ты долженъ самъ догадаться, что ртомъ можно брать превосходный Сирійскій табакъ вмѣстѣ съ дорогими кальянами; что для твоего желудка нужны устрицы, кофе, шампанское, и прочая, также, какъ для коня, коровы и барашка необходимы овесъ, сѣно, трава... Твои ноги также требуютъ обуви, какъ и тѣло платья: не правда-ль?».

— Совершенная правда, Шейтанъ!

«А гдѣ ты прежде добывалъ всѣ эти пустяки?»

— На базарѣ, Дивъ! и платилъ за нихъ чистыми піастрами, отвѣчалъ печально кади.

«Успокойся! теперь твои піастры останутся въ карманѣ; когда надобно-бы тратить ихъ на *вышеименованные* вздоры, то загляни въ настольный реэстръ, сыщи дѣло относящееся ктребуемой вещи, и пошли невольника къ кому должно; бери въ кредитъ; иногда плати; а чаще, когда будешь подписывать опредѣленіе, то этимъ-же перомъ подмахни и платежъ своего долга. Но, въ случаѣ, если-бъ противникъ туфлей, сѣна и шампанскаго, мѣшкомъ піастровъ покачнулъ *чашку* Ѳемиды къ себѣ, то рѣшай дѣло въ пользу количества, а собакѣ-торгашу скажи просто, на отрѣзъ: *не долженъ*! Захочетъ-ли онъ тягаться съ кади, а?»

— Истинно такъ, Джуннъ! Но, при такомъ порядкѣ дѣлъ, куда прикажете дѣвать коранъ, уложеніе Солеймана—и совѣсть?

«Мой достойнѣйшій кади, продолжалъ чортъ, не отвѣчая на вопросъ, я много говорилъ твоему благополучію, и далеко еще не все сказалъ, а время летитъ, Напримѣръ, есть новооткрытый и весьма питательный способъ брать взятки желудкомъ; это называется: дѣловые обѣды. Въ Европѣ они необходимы, потому что на Западѣ есть кліенты, до-

стоинство коихъ запрещаетъ имъ унижаться до дверей передней кади, а кади неизбѣженъ для дѣла такъ-же, какъ и дѣло для него. Вотъ такіе деликатные люди формируютъ, то есть, сервизируютъ отличный юридическій обѣдъ: поятъ и кормятъ весь Диванъ, начиная съ кади до писца 17 статьи, и какъ будто мимоходомъ намекнутъ и о дѣльцѣ. Смотря по тому, кто накормитъ лучше, кади соображаетъ, взвѣшиваетъ и наконецъ рѣшаетъ дѣло. Копія съ рѣшенія, съ числомъ мѣсяца и съ кабалистическимъ числомъ между строкъ, заставляетъ счастливаго просителя догадаться въ чемъ дѣло... Потомъ за обѣдами слѣдуютъ вечера въ одинаковомъ смыслѣ. — Ахъ, Абдулъ-Сеидъ! что это за вечера въ Франкистанѣ! Европейскіе аги, беи и паши только на этихъ великолѣпныхъ вечерахъ позволяютъ себѣ взять невинную взятку. Они счастливцы, обхватываютъ станъ Гуріи—женщины, и какъ вихрь степей Сиріи кружатся съ нею подъ звуки сладостной гармоніи! Держатъ ихъ мягкія ручки, пригоршнями хватаютъ восхитительныя улыбки красавицъ, или вбираютъ въ глаза свои живительный элексиръ взглядовъ юныхъ *Газелей*!

На этихъ-то вечерахъ, любезный Гассанъ! эмиры, кади и подьячіе второго сорта отлично умѣютъ пользоваться превосходною системою взятокъ. — *Карты*, есть такой славный предлогъ *брать*, что самые застѣнчивые взяточники ставятъ его въ числѣ самыхъ легкихъ, деликатныхъ и безопасныхъ средствъ бранья. Впрочемъ, въ Франкистанѣ написано двадцать тысячъ трактатовъ о карточныхъ взяткахъ, и каждый трактатъ изъ десяти дюжинъ профановъ, чуждыхъ взяточнаго искуства, вразумилъ по крайней мѣрѣ дюжину. Тебѣ, Абдулъ-Сеидъ, необходимо прочитать хоть одинъ трактатъ, и вслѣдъ затѣмъ непремѣнно должно выучиться играть въ карты .

— Нѣтъ, ужъ воля ваша, Джунидъ! Пусть невѣрные забавляются, какъ хотятъ и обчищаютъ своего ближняго подъ всевозможными видами, я не возьму картъ въ руки. Иное дѣло шахматы, кости,—а то карты—пхе!

«Тѣмъ хуже для тебя, Гассанъ: ты теряешь благовидный способъ обиранья. Карточная взятка, въ переводѣ, значитъ: *мѣшокъ золота*: и усердно берется солиднѣйшими и осторожнѣйшими кадіями Юга, людьми, которые отнюдь не рѣшатся взять, такъ сказать, голой взятки. Какъ же прикажете всунуть ее въ руку весьма разборчивую? Смѣтливый проситель проигрываетъ сто кушей въ карты. Судья радъ выигрывая, кліентъ въ восторгѣ проигрывая; они поняли другъ друга; вѣсы правосудія погнуты и дѣло съ концомъ! Не правда-ли, умно, ловко, честно!..

— Рѣшительно мастерски, почтенный Эффенди! Должно сознаться, что гяуры далеко опередили насъ, правовѣрныхъ, въ просвѣщеніи. Однакожъ, Дивъ, вы сказали, что на этихъ вечерахъ бываютъ сераскиры, паши, улемы: чтожъ они говорятъ, смотря на продѣлки младшихъ кади и писцовъ второй руки?

«Да ничего!.. Наконецъ, мой любезный ушатъ познаній! я окончу урокъ самымъ простымъ правиломъ, потому, что утонченныхъ ты не можешь понять, слѣдовательно исполнить; это взятка—чрезъ *Каденъ* (жену). Взятки посредствомъ жены есть прекраснѣйшая метода, употребляемая преимущественно западными кадіями, и чѣмъ умнѣе, прекраснѣе, любезнѣе жена, тѣмъ богаче и важнѣе мужъ. Я совѣтую тебѣ, Абдулъ, испытать этотъ способъ и чѣмъ по мѣстности онъ новѣе, тѣмъ прибыльнѣе. Для этого нужно, первое: пристроить къ твоему гарему два крыльца: одно переднее, другое заднее; съ перваго *ты* будешь принимать просителей, а съ другаго *она*; ты станешь брать просьбы, она подарки, и дѣла полетятъ такъ быстро, что ихъ не догонишь на лучшемъ персидскомъ бѣгунѣ. — Да не забудь, кувшинъ глубокомыслія! сбросить *яшмакъ* (покрывало) съ твоей жены въ Геллеспонтъ, это необходимо.

— Никогда не бывать этому! вскричалъ кади, чтобъ я лицо моей Зюльмы выставилъ на показъ нечистымъ глазамъ франковъ, гяуровъ, жидовъ и послѣдователей Али?—Никогда! чтобъ ея молоденькія розовыя пяты получали удары палками за то, что я, старый оселъ, буду брать взятки и богатѣть, никогда! *Истагфаръ Аллахъ*! лучше умру съ голоду, на всю жизнь попаду въ Семибашенный замокъ, но не осрамлю моей жертвочки, моей душечки—Зюльмы!

«Образумься, кади! кто говоритъ тебѣ о прелестной черкеской невольницѣ Зюльмѣ! Она слишкомъ юна, нѣжна и очаровательна для того, чтобъ подвергать ее дерзкому взгляду райи, иля дерзкой, рукѣ капуджи...»

— А вы знаете ее, Джунидъ?

«Кто? я? вѣроятно!

— По чести, мосй эффенди, вамъ не слѣдовало-бы проникать въ чужіе гаремы и высматривать, что тамъ дѣлается.

«Отбрось свою ревность, Сеидъ! Я одинъ только разъ искусилъ женщину, и больше не мѣшаюсь въ это дѣло. Предоставляю сіи глупости молодымъ эффенди и европейскимъ волокитамъ.—Здѣсь идетъ дѣло не о молодой Зюльмѣ, а о старой, брюзгливой и злой Фатьмѣ. Пусть просители видятъ ее и дарятъ; пусть капуджи и бастанжи дуютъ ее палками,—тебѣ что? Признайся, Гассанъ, ты радешенекъ освободиться отъ сварливой бабы? освободись-же отъ нея съ пользою себѣ».

— А что заговорятъ правовѣрные, когда спознаютъ, что Абдулъ-Сеидъ-Гассанъ, кади Истамбульскій, махнулъ на вѣтеръ *яшмакъ* своей жены и обнажилъ лицо ея, словно ладонь руки? И что скажетъ Падишахъ, когда свѣтлыхъ ушей его достигнетъ вѣсть о нарушеніи закона пророка? я думаю, по меньшей мѣрѣ, онъ пришлетъ мнѣ въ награду шелковый шнурокъ.

«Я знаю хорошо твоего повелителя, Абдулъ! Онъ съ головы до ногъ весь преобразованіе. И конечно ты повѣришь мнѣ, когда я напомню о *янычарахъ* и *Галамы?* Если отъ воли Падишаха коренные предразсудки исламизма взлетѣли на воздухъ, то вѣроятно, покрывала мусульманокъ не остановятъ его на пути къ реформамъ. Предсказываю тебѣ, кади: прежде чѣмъ промчится полстолѣтія, *чадры* будутъ столькожъ рѣдки въ Истамбулѣ, сколько теперь онѣ часты».

— Тогда прахъ мой будетъ взвиваться вѣтромъ степей; душа почіетъ въ домѣ пророка, и глаза мои не увидятъ грѣшнаго дѣла!..

«Очень жаль! Согласись, Сеидъ, что взять губами пламенный, продолжительный поцѣлуй съ розовыхъ устъ прелестной какъ гурія мусульманки просительницы,—есть чрезвычайно пріятная взятка?»

— Преисправедливо такъ!

«А тайное свиданіе? а огненныя объятія и восторгъ любви?.. Не правда-ли, это такія вещи, отъ которыхъ не откажется ни одинъ шейхъ?

— Клянусь моею бородою, Джуннъ! я скорѣе соглашусь вырвать мой языкъ, чѣмъ позволю ему противорѣчить вамъ. Вы говорите такъ увлекательно, какъ будто самъ Конфуцій забрался въ вашъ ротъ... Но, почему-бы вамъ, Эффенди, съ своимъ превосходнымъ всезнаніемъ, а пуще съ знаніемъ искуства брать взятки, не обратиться въ какую-нибудь другую страну? Напримѣръ на Западъ, Югъ, Сѣверъ?

«Юго-Западъ имѣетъ почву не слишкомъ лелѣющую сѣмяна взяточнаго растенія; и если когдѣ прозябаетъ оно, то такъ чахло, блѣдно и безжизненно, какъ роза Дегестана, перенесенная на землю Скандинавіи... Но Сѣверъ! Сѣверъ! имѣешь-ли ты понятіе, Гассанъ, объ обширномъ Сѣверостанѣ?

— Почти никакого, Ага.

«И такъ собери-же въ кучу зерна ума твоего, натяни струны вниманія, расширь уши и не пророни ни одного слова.

«На Сѣверѣ есть обширная страна, страна благословенная Предвѣчнымъ съ первыхъ дней творенія; земля которую съ любовію лобызаютъ четыре моря, гдѣ солнце не заходитъ и гдѣ въ одномъ краю зрѣютъ грозды винограда, а въ другомъ камни трескаются отъ мороза. Произростанія всѣхъ климатовъ, украшающія эту землю, служатъ ея обитателямъ къ удовлетворенію и нуждъ и прихотей. И сколько земля сія тучна отъ растеній, столько воды обильны рыбами, а лѣса пернатыми. Художества цвѣтутъ тамъ, науки зрѣютъ... И еслибъ Всевышнему угодно было силою своей воли уничтожить земной шаръ, выключая Сѣверостана, онъ могъ-бы существовать и блаженствовать одинъ, ибо заключаетъ въ самомъ себѣ элементы нужные для совершенной и счастливой самобытности, между тѣмъ, какъ другія страны міра живутъ поддерживая другъ друга, опираясь или подавляя одна другую; взаимность—вотъ ихъ жизнь!—Ты догадаешься, Абдулъ, что я не преминулъ бросить завистливые взоры на страну и на народъ, на которыхъ Всесильный обращаетъ Свое благосклонное око,—и за триста лѣтъ предъ симъ, я всыпалъ пригоршни сѣмянъ взяточнаго тернія на землю Сѣвера; это терніе смѣшалось съ розами и разрослось между розъ!.. Но сто лѣтъ тому назадъ, Великій Падишахъ воцарился въ Сѣверостанѣ; сей властитель былъ изъ числа такихъ, которыхъ Творецъ вѣками даруетъ въ утѣшеніе грустной землѣ и грустному человѣчеству! И прежде чѣмъ родился подобный повелитель, какъ уже былъ причисленъ къ сонму геніевъ.—Сѣверный Падишахъ былъ прекрасной наружности: стройный какъ пальма, величавый, какъ кедръ Ливана,—онъ походилъ на первоздан-

ный вѣнецъ творенія. Но эта, почти совершенная наружность, была ничто иное, какъ скорлупа, скрывающая ядро величія души, благородство сердца и быстроту ума. Сотворивши знаменитаго властителя, Всевышній поручилъ ему свѣтильникъ просвѣщенія, повелѣвая разлить его между безчисленными народами ему подвластными. Падишахъ благоговѣйно принялъ елей, зажженный самою мудростію, и началъ освѣщать имъ души милліоновъ подданныхъ.—Ничто не укрывалось отъ орлинаго, проницательнаго взора Падишаха; онъ принимался за все и успѣвалъ во всемъ. Индѣ, дѣйствуя какъ самовластитель, но чаще какъ отецъ и другъ. Падишахъ пріобрѣлъ сыновнюю любовь и благословенія народа. Подданные не иначе называли его какъ отцемъ; друзья съ уваженіемъ лобызали мощную десницу Падишаха, враги трепетали ея.

«Таковъ былъ сей Падишахъ, который однажды быстро вошелъ въ полное собраніе своего Дивана, лице его горѣло отъ гнѣва, а очи бросали молнію справедливаго негодованія. Визири, Сераскиры и Паши дрожали какъ листочки, взирая на грозу, изображающуюся во всей особѣ Падишаха Но они знали, что гнѣвъ ихъ повелителя былъ всегда справедливъ, и громъ кары его падалъ на главы однихъ виновныхъ. Визири, Сераскиры и Паши успокоились, когда на минуту заглянули въ свои сердца; тамъ они увидѣли только искреннюю любовь къ Государю, пламенное усердіе въ исполненіе его воли и совершенное безпристрастіе въ дѣлалъ судебныхъ!.. Вдругъ Падишахъ величаво обратился къ одному Визирю, своему любимцу и другу, и сказалъ ему голосомъ чрезвычайно грознымъ:

— Пиши фирманъ!

Визирь взялъ листъ пергаменту, обмакнулъ золотое перо въ чернила, и ждалъ пока Государю благоугодно будетъ продолжать.

— Пиши фирманъ: «Если кто въ Сѣверостанѣ возьметъ взятку, на которую можно купить или вымѣнивать веревку, то на этой-же веревкѣ и повѣсить взяточника!»

«Сказавши сіи безсмертныя слова, Падишахъ сѣлъ и спросилъ другія государственныя дѣла. Между тѣмъ Визирь положилъ перо, отодвинулъ листъ, сложилъ руки на груди и смиренно ожидалъ вниманія Государя. Чрезъ четверть часа, Повелитель обернулся къ своему другу Визирю:

«Написалъ?» спросилъ онъ.

Падая во прахъ къ стопамъ Падишаха, Визирь отвѣчалъ:

«Великій мой Повелитель! Отецъ Монархъ и другъ. Я дерзаю не исполнить воли твоей! И да разразитъ меня Предвѣчный, если я не въ первый и не въ послѣдній разъ ослушаюсь тебя! Благоволи-же преклонить высокое вниманіе твое къ ничтожному рабу, котораго совѣты иногда удостоивались быть выслушаны тобою!»

— Встань, и говори, сказалъ милостиво Государь.

«Если я напишу фирманъ, а вы утвердите его своею десницею, тогда никто изъ присутствующихъ въ Диванѣ не долженъ выйдти живой.—Монархъ! мы всѣ люди, всѣ человѣки! И еще не время издавать подобные фирманы!»

«Падишахъ немножко задумался; потомъ свѣтлымъ взглядомъ окинулъ собраніе; потомъ махнулъ рукою, и началъ заниматься дѣлами не какъ глава, Повелитель Дивана, но какъ равный членъ его.

«Слава сѣвернаго Падишаха, казалось, должны бы остаться тайною Дивана, но они были столько значительны и такъ угодны Вышнему, что добрые Геніи сейчасъ подхватили ихъ и щедрою рукою разсыпали по всему Сѣверостану. — Отголосокъ знаменитыхъ словъ Повелителя, какъ громъ, потрясъ скамейки судей, и заставилъ трепетать каждаго взяточника и крючкодѣя, начиная съ тѣхъ, кто дошелъ до высшихъ степеней въ искуствѣ взятокъ, до тѣхъ, которые коснѣли на первыхъ его правилахъ. Просьбы объ отставкахъ и увольненіи кипами полетѣли къ эмирамъ, сераскирамъ и пашамъ...

— Позвольте, Джуннъ! прервалъ кади, вы напоминаете мнѣ одно обстоятельство, случившееся именно со мною не далѣе, какъ два года тому назадъ. Вотъ видите что: въ одинъ день мнѣ взгрустнулось больше чѣмъ когда либо; это непріятное расположеніе духа усиливалось еще болью въ пятахъ; ибо палки недавно прогуливались по нимъ. Я думалъ, думалъ, и рѣшился подать въ отставку. Написавши на сей конецъ краснорѣчивую просьбу, поставляя главною причиною разстройство здоровья, на утро подалъ бумагу эмиру. Эмиръ послалъ ее къ сераскиру, сераскиръ къ визирю. Чрезъ нѣсколько дней меня вдругъ позвали—куда-бы вы думали? Во дворецъ Высокой Порты, то есть: къ самому блистательному визирю! *Истагфиръ* Аллахъ! воскликнулъ я, трепеща всѣмъ тѣломъ, но дѣлать

нечего! должно было итти, и я пошелъ, препоручая себя молитвамъ пророка. Когда я вошелъ въ покои, пресвѣтлая тѣнь Падишаха—Визирь не лежалъ на диванѣ, какъ бывало прежде, а сидѣлъ на франкскомъ стулѣ, около стола, покрытаго книгами и бумагами. Его высокоблагополучіе, свѣтлый лучъ Исламизма, изволилъ самъ читать бумаги, а иногда и писать на нихъ.—Я, какъ прилично истинному мусульманину, войдя, упалъ ницъ, крѣпко стукнулъ лбомъ объ полъ и хотѣлъ было поцѣловать прахъ туфлей Великаго Визиря, но онъ отдернулъ ногу и сказалъ:

«А! Это ты, Абдулъ! Встань и слушай!

— Если я осмѣлюсь встать предъ Вашимъ Великолѣпіемъ, отвѣчалъ я, зажмуривая глаза и плотнѣе прижимаясь головою къ полу, то позволю первой собакѣ откусить обѣ мои ноги.

«Эй! подымите этого болвана!» вскричалъ Визирь. Четверо абиссинскихъ невольниковъ вмигъ поставили меня на ноги. «Гассанъ! продолжалъ онъ, не удостаивая меня взглядомъ, скажи мнѣ: ты мусульманинъ, рабъ Падишаха, или просто гяуръ, песъ?»

— Да поразитъ меня Аллахъ на самомъ этомъ мѣстѣ, отвѣчалъ я, если я, вашъ рабъ, значу что нибудь иное кромѣ правовѣрнаго и слуги Падишаха. Я два раза ходилъ въ Мекку, и восемь лѣтъ имѣю счастіе служить тѣни Аллаха.

«Хорошо, какъ-же ты смѣлъ писать подобныя бумаги?» продолжалъ Визирь, указывая концомъ пера на мою просьбу.

Я хотѣлъ было говорить.

«Молчи и слушай!» прервалъ онъ.

— Вашъ рабъ заколотилъ ротъ и растянулъ уши, прошепталъ я.

«Ты подданный, то есть подвластный человѣкъ, слѣдовательно долженъ служить своему Повелителю и быть одною изъ пружинъ, поддерживающихъ великое бремя правленія, которое Аллаху угодно было возложить на рамена Султана. Понимаешь-ли ты что значитъ *служить*»?

— Гдѣ мнѣ понимать такія мудрости, отвѣчалъ я, это можетъ быть извѣстно только вашей блистательной головѣ, въ которой по волѣ Аллаха цѣлый бассейнъ ума.

«Ты просто набитый дуракъ, Сеидъ. Служить значитъ не имѣть своей воли; безпрекословно быть вѣрнымъ слугою Повелителя, и того мѣста или дѣла, на которыя онъ благоволитъ употребить тебя. Ты имѣешь рабовъ, Абдулъ?

— «Двоихъ — троихъ, не больше, ваша мудрость!

«Поставь себя на мѣсто любаго изъ нихъ, и ты поймешь слово *служить*. Твой зеленый тюрбанъ даетъ тебѣ право на неоцѣнимое счастіе служить только одному Падишаху, но не уполномочиваетъ сдѣлаться господиномъ мѣста или дѣла на время тебѣ ввѣреннаго. Не подумай, чтобъ ты былъ созданъ для должности, а должность для обогащенія, нѣтъ! Занимать мѣсто кади, значитъ служить Аллаху, Падишаху, правосудію и ближнимъ; это значитъ трудиться съ самоотверженіемъ, точно исполнять волю Падишаха, начертанную въ кодексѣ, и тѣмъ оправдать его выборъ и довѣренность. Гассанъ! Коранъ въ душѣ, рука на сердцѣ, совѣсть на сторожѣ, честь передъ глазами, въ умѣ милости Повелителя и уваженіе согражданъ: вотъ каковъ долженъ быть судья! вотъ какъ должно служить и такъ служатъ топчи, шейхи и *Низамъ-Джедитъ* (новое войско). А вы попадете въ кади, да и думаете о томъ, какъ бы дѣлать кейфъ, нѣжиться въ гаремѣ, пить вино какъ гяуры, и брать взятки; а дѣло ступай себѣ какъ знаетъ! Да еще что! служите тогда, когда вамъ захочется, не то готовы показать пятки.. Но слава Аллаху! мы живемъ не во времена Мустафы II или Селима III, нѣтъ! Я Визирь, научу васъ какъ должно понимать свои обязанности къ Падишаху; или въ Анатоліи найдутся еще цѣлые лѣса палокъ.—Теперь, отвѣчай мнѣ, Сеидъ, что-бы ты сказалъ своему невольнику, который здоровъ какъ ты, и который отречется исполнить твою волю, то есть не захочетъ служить тебѣ? А?»

— Вмѣсто отвѣта, ваше блистательное высокомочіе, я влѣпилъ-бы ему 77 палокъ.

«Замѣть-же это себѣ, Абдулъ! Поди, сядь тверже на свою судейскую подушку и не смѣй заикаться объ увольненіи. Ты нуженъ Повелителю правовѣрныхъ, и честная служба не пропадаетъ за нимъ. Но помни, Гассанъ, что слово *взятка*, какъ слово *янычаръ*, было проклято для тебя и для всей твоей Истамбульской собратіи; иначе, я прикажу повѣсить тебя внизъ головою, а на лбу прибью вывѣску съ надписью!—Ступай!».

Визирь взялъ мою просьбу и благоволилъ бросить ее мнѣ прямо въ лицо. Я подхватилъ бумагу, и не помню, какъ очутился дома.

— Что вы скажете на все это, Шейтанъ?».

«Что мнѣ сказать! ужъ конечно подобный Визирь никогда не будетъ моею добычею».

— Ужъ конечно никогда! однакожь продолжайте вашъ занимательный разсказъ о Сѣверостанѣ. Вы, помнится, остановились на увольненіяхъ?

«Точно; тогда какъ справедливые, честные и истинно благородные кади, наибы, шейхи и паши Сѣверостана благословляли Аллаха и съ восторгомъ превозносили своего Повелителя, взяточники и лихоимцы, обвиняя въ искушеніи меня и стараясь семыть грязь съ рукъ своихъ, всячески ругали, поносили и проклинали меня!.. Ты поймешь, Абдулъ, что въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ я не зналъ, гдѣ пріютиться, не могъ найти безопаснаго мѣста. Бросаясь изъ провинціи въ провинцію, изъ города въ городъ, изъ угла въ уголъ, я наконецъ прыгнулъ въ карманъ подьячаго!.. Напуганный франкъ опустилъ руку въ карманъ, и думая, что тамъ лежитъ забытая взятка, схватилъ меня и швырнулъ далеко. Въ отчаяніи я бросился въ чернильницу и пробылъ тамъ около пятидесяти лѣтъ...»

— ***Валлахъ вель неби***! (Аллахъ и пророкъ его!) вскричалъ Сеидъ, что это за удивительный былъ Падишахъ Сѣверостана. Онъ однимъ словомъ своимъ зашилъ на-глухо всѣ глубокіе карманы кадіевъ и эмировъ Сѣверостанскихъ. Мнѣ кажется, Джуннъ, онъ походилъ немножко на нашего всесвѣтлаго повелителя? (Да хранятъ его всѣ Геніи и молитвы пророка!).

«Нѣтъ, Гассанъ! нѣтъ! Цѣлый рядъ Государей Оттоманскихъ не можетъ сравниться съ однимъ Падишахомъ Сѣверостана; и исторія міра рѣдко представляетъ ему подобныхъ!.. Когда я по долгу службы заглядываю въ Сераль, смотрю на занятія Султана и прислушиваюсь къ его словамъ, то очень часто вижу его читающаго дѣянія Сѣвернаго Повелителя, и слышу какъ восклицаетъ онъ:

«***Ля иляхъ иль Аллахъ, ве Мугаммедъ ресуль Аллахъ***! (нѣтъ божества кромѣ Аллаха, а Мугаммедъ пророкъ его!) Мои подданные называютъ меня тѣнью Аллаха на землѣ, а какъ бы я желалъ быть только тѣнью Сѣвернаго Падишаха, этого любимца небесъ, этого безсмертнаго Властителя!

«И знаешь-ли что, Абдулъ, твой Падишахъ старается нѣсколько подражать покойному Государю Сѣверостана».

— Ради пророка! не говорите такъ громко, Эффенди-Дивъ! повѣсьте замокъ скромности на ваши губы и молчите, прошу васъ!

«Чего боишься ты?

— Какъ чего? мой Эффенди! здѣсь стѣны имѣютъ глаза, двери вниманіе, окна слухъ... Слѣдовательно, разсуждать о тайнахъ Сераля значитъ то же, что просовывать свою голову въ петлю.

«Пустяки! мой почтенный ученикъ!

— Пустяки! Гай! гай!.. Хорошо вамъ такъ разговаривать, Джуннъ! потому что, еслибъ самъ Сераскиръ Истамбульскій съ сотнею Низамъ-Джедитъ окружилъ мой домишко, вамъ стоитъ только захотѣть, и вы преспокойно можете спрятаться въ кальянъ, или съ струйкою дыма вылетѣть на воздухъ, или нырнувши въ Босфоръ, выплыть подъ экваторомъ; но я, это другое дѣло! И конечно, мой Эффенди, вы не пожелаете мнѣ, бѣдному кади, висѣть между небомъ и землею на клочкѣ пеньки, какъ невѣрной собакѣ? Лучше раскиньте-ка коверъ краснорѣчія о Сѣверостанѣ, и скажите, на что прогнѣвался тотъ Падишахъ, который велѣлъ писать чудесный фирманъ о взяткахъ?

«Одна бѣдная женщина пожаловалась Падишаху на кади, который вмѣсто того, чтобъ рѣшить дѣло въ пять недѣль, проволочилъ его пять лѣтъ. Обирая правую и виноватаго—онъ разорилъ обоихъ, и накопилъ столько дѣлъ изъ ничего, что ихъ повезли на двухъ самыхъ лучшихъ верблюдахъ».

— Ну, а что случилось съ вами, послѣ чернильной бани, гдѣ вы размягчая и умащая свои члены благовоніями Аравіи, пробыли въ сладкомъ кейфѣ 50 лѣтъ?

«Я не желаю ни одному изъ вашей братіи, Абдулъ, купаться въ такой мерзкой ваннѣ.—Когда я опомнился и почувствовалъ, что еще не захлебнулся въ проклятой чернильной лохани, то ужъ. Великій Падишахъ Сѣвера не украшалъ болѣе собою земли! Предвѣчный послалъ Ангеловъ за его душею и повелѣлъ бережно вознести эту душу на лоно праведнаго Авраама.

«Дерево взятокъ, однимъ словомъ, однимъ дуновеніемъ покойнаго Падишаха погубленное, изсушенное, уничтоженное, снова дало свѣжіе отростки и начало расположаться какъ плевела между пшеницею...»

— А палки, какъ градъ начали сыпаться на пяты невѣрныхъ! не такъ-ли, Дивъ!

«Я уже сказалъ тебѣ, Гассанъ, что Европа не понимаетъ палочной операціи; и каждый бостанжи, или капуджи, сталъ-бы въ пень невѣдѣнія, какъ исполнить предписаніе начальства?»

— Хмъ! за этимъ не стало-бы дѣло. Франки выписываютъ-же изъ нашего царства царствъ прихотливыя бездѣлки, какъ-то: рисъ, табакъ, трубки, шали и прочая, почему-жь не выписать имъ дюжины двѣ исправныхъ капуджи? Но, можетъ быть, франкскіе Падишахи очень щедры на шелковые снурки?

«И этого нѣтъ!»

— Чѣмъ-же наказываютъ этихъ гяуровъ взяточниковъ?—

«Презрѣніемъ!»

— Аллахъ! Аллахъ! что за престранная земля такая, эта Европа? ужъ я увѣренъ, Эффенди, что тамъ раздолье нашему брату?

«Не говори такъ, Абдулъ-Сеидъ! ты не понимаешь, что значитъ всеобщее презрѣніе, а пуще всего презрѣніе Падишаха, которое онъ, въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ, обрушитъ на голову взяточника. Горе, горе виновному! презрѣніе повелителя, какъ проклятіе небесъ, отяготѣетъ надъ двоедушникомъ, и истребитъ его, какъ пламя солнца траву, лишенную влаги! И вырветъ съ корнемъ вредное растеніе...»

— Теперь я догадываюсь, Джуннъ, для чего вы оставили прекрасную Сѣверную землю, именно: отъ нечего дѣлать.—

«Да; учитель только въ двухъ случаяхъ оставляетъ своихъ учениковъ; во первыхъ: если ученики быстро пройдутъ курсъ данной науки и начнутъ превосходить самаго учителя; во вторыхъ: если головы учащихся будутъ тверже мраморныхъ ступеней Сераля и вмѣсто мозгу въ нихъ пыль! Слѣдовательно учить подобныхъ людей есть то же, что стараться выпить проливъ Дарданельскій, не такъ-ли?

— Воистину такъ, Эффенди: вы говорите какъ *Саади*... Слушая васъ, мнѣ такъ пріятно и вкусно, какъ будто я пью млеко благородной кобылицы пророка! Или, будто невольники несутъ меня въ паланкинѣ самой *Шиссеке-Султане* (любимой султанши) и напѣваютъ меланхолическіе стишки; и я, я будто дремлю, такъ сладко дремлю!..

«Да ты и точно дремлешь, Сеидъ, Духъ сна смыкаетъ твои очи, намъ пора прекратить бесѣду, прощай!

«Абдулъ-Сеидъ, кади Истамбулскій, помни мои совѣты, старайся примѣнять теорію къ практикѣ, умѣй пользоваться результатомъ и не забывай, что разумъ, въ практикѣ взятокъ, долженъ служить тебѣ рецензентомъ, а руки, *кондукторе* (проводниками). И если ты не совсѣмъ болванъ, то чрезъ два года будешь не бѣднѣе Трапезунтскаго Паши; а тамъ, какая будущность! Я вижу тебя уже Сераскиромъ! Прощай! Не трудись отпирать двери и будить невольниковъ; для выхода моего достаточно вотъ этой форточки. До свиданія! По первому требованію я явлюсь и докончу превосходный трактатъ *объ искуствѣ брать взятки*!..

Шейтанъ прыгнулъ въ форточку—и былъ таковъ!

Не повѣрю никому, бормоталъ полусонный кади, не повѣрю ни Факиру, ни Дервишу, ни Бекъ-пашѣ, чтобъ шейтанъ былъ золъ какъ собака и отвратителенъ какъ свинья. Тьфу! По крайней мѣрѣ Шейтанъ-Ага-Джуннъ-Эффенди-Дивъ, сейчасъ выскочившій въ окно, былъ изъ числа добряковъ; потому что научилъ меня семидесяти семи способамъ брать чисто-на-чисто взятки. Пхе! Эффенди-капуджи! теперь я плюю въ вашу бороду, ну!.. Хе, хе, хе! то-то мы заживемъ, чудо какъ заживемъ! И сколемъ зубъ козлу Ибрагиму и псу Гамиду сколемъ! *Иншаллахъ*! ужъ какъ-же с...с...ко...л...емъ!

И съ этимъ словомъ его благополучіе кади уснулъ на своей судейской подушкѣ.

539. Искусство и жизнь. Критическія сочиненія Николая Соловьева. Изданіе С. П. Анненкова. 3 части. Москва, типографія Грачева, 1869 года. — Въ 8 д. л. Часть 1-я V+324 стр. Часть 2-я IV+329 стр. Часть 3-я IV+332 стр.

Эти сочиненія Николая Соловьева, какъ извѣстно, появлялись въ журналахъ и газетахъ большею частію подъ вліяніемъ разныхъ набѣгавшихъ вопросовъ.

Эта книга интересна для всякаго, желающаго ознакомиться съ искусствомъ и жизнью.

540. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣ-

чества. Сочиненіе Морица Карьера. Переводъ Е. Корша. 4 тома. Москва, типографія Грачева, 1870—75 года.—Въ 8 д. л. Томъ 1-й X+445 стр. Томъ 2-й VIII+484 стр. Томъ 3-й VII+672+31 стр. Томъ 4-й XI+551 стр.

Авторъ этого капитальнаго труда разсматриваетъ всѣ искусства въ совокупной связи ихъ между собою и съ общимъ ходомъ образованія, но поэзіи въ его трудѣ отведено преобладающее мѣсто.

Матеріалы раздѣлены слѣдующимъ порядкомъ: Томъ 1-й. Зачатки культуры и восточная древность. Томъ 2-й. Эллада и Римъ. Томъ 3-й. Средніе вѣка съ приложеніемъ судебнаго процесса по поводу изданія этого тома. Томъ 4-й. Возрожденіе и реформація въ образованіи, искусствѣ и литературѣ.

Это чрезвычайно любопытное изданіе куплено мною за 25 р. и 5-й томъ за 20 рублей.

541. Искусство Средней Азіи. Сборникъ среднеазіатской орнаментовки, исполненный съ натуры Н. Симаковымъ. Изданіе Общества поощренія Художествъ.— С.-Петербургъ, 1882 года.—Въ большой листъ.

Роскошное и великолѣпное изданіе общества Поощренія Художествъ состоитъ изъ 50 листовъ хромолитографированныхъ рисунковъ. Это прекрасное изданіе удостоено серебряной медали на Московской Художественно - Промышленной выставкѣ 1882 года.

Это рѣдкое изданіе цѣнится въ настоящее время отъ 25 до 40 рублей.

542. Истинное благочестіе христіанское доказано противъ безбожниковъ, язычниковъ, жидовъ и махометанъ. Переведено Московскаго большаго Успенскаго собора ключаремъ Петромъ Алексіевымъ. Печатано при Имп. Московскомъ универ., 1768 года.—Въ 4 д. л , 220 стр.

Книга посвящена Благочестивѣйшей Самодержавнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Всея Россіи и прочая, и прочая, и прочая, Всемилостивѣйшей Отечества Матери.

Эта замѣчательная книга, выдержавъ не одну сотню изданій на всѣхъ европейскихъ языкахъ— сперва была сочинена на голландскомъ языкѣ стихами, потомъ была переведена на латинскій, нѣмецкій, французскій англійскій, шведскій, датскій, греческій, персидскій, арабскій, турецкій, китайскій и въ 1768 году на россійскій. Книга рѣдкая.

Купленъ мною экземпляръ въ хорошемъ видѣ за 12 рублей.

543. Истина и величіе христіанства. Апологетическія общедоступныя чтенія Ците. Переводъ съ нѣмецкаго, протоіерея А. Тачалова. Изданіе второе. Франкфуртъ на Майнѣ. Печатано въ типографіи Г. Л. Бреннеръ. 1876 года.—Въ 8 д. л., 138 стр.

Предлагаемыя здѣсь нами чтенія въ переводѣ протоіерея А. Тачалова, принадлежатъ г. Ците, автору сочиненія «Земная жизнь Христа», написаннаго имъ для нѣмецкаго народа, но также переведеннаго, подъ редакціею г. Орды, на русскій языкъ.

Эти чтенія были выбраны для перевода, какъ наиболѣе удачныя изъ краткихъ общедоступныхъ апологетическихъ сочиненій, въ полезности которыхъ едва-ли кто можетъ сомнѣваться.

«Цѣль этихъ чтеній, говоритъ авторъ (стр. 137), состоитъ въ томъ, чтобы утвердить и укрѣпить вѣру въ Іисуса Христа, въ истину и величіе Евангелія Его; и великимъ благословеніемъ Божіимъ было бы для насъ,—если бы онъ сколько нибудь къ тому содѣйствовалъ».

Чтенія въ подлинникѣ изданы главнымъ обществомъ распространенія назидательныхъ книгъ въ Пруссіи и имѣли уже два изданія.

544. Истина. Повременное изданіе. Печатано въ Іоганнисбургѣ. Въ славянской типографіи А. Гонсѣровскаго.—Въ 8 д. л. четыре части. На церковно-славянскомъ языкѣ.

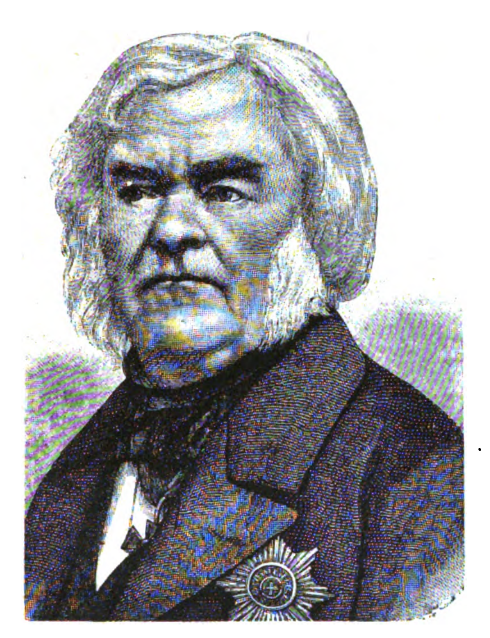
«Истина» повременное изданіе, выходившее въ неопредѣленное время, въ 8 д. л. № 1 вышелъ въ январѣ 1867 года. № 2 въ іюлѣ того-же года. № 3 въ апрѣлѣ 1868 года и № 4 въ томъ-же году.

Въ началѣ первой книжки, на оборотѣ заглавнаго листа, сказано: «Лукавствовать не будемъ».

«Мы не намѣрены печатать что-либо противозаконное. Мы стоимъ за церковь и государство.

Но примиряя жизнь съ вѣрою, приходится много сказать не говореннаго и забытаго, хотя и не противозаконнаго. Къ сожалѣнію, старое забытое кажется «новымъ, самосозданнымъ, впрочемъ полезнымъ», а потому и не можетъ быть пропущено цензурою безъ Высочайшаго разрѣшенія. Мы не обижаемся на благоразумное предопасеніе. Книжка первая будетъ продана на листъ».

Въ виду исключительной рѣдкости этого журнала, считаю не лишнимъ привести здѣсь содержаніе его. Часть 1-я. Статья 1. Истинное благо

Востоковъ (Остенэкъ), **Александръ Христіановичъ**.

Знаменитый филологъ. Род. 16 марта 1781 г., ум. 8 февр. 1864 г.

Грав. Шюблеръ.

(В. Г.). 2. По поводу статей В. Ламанскаго. Посвящается въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Образованность»—3. Союзъ вѣры. (Петергофъ 2 іюля.) и 4. Отъ редакціи. Книжка 2-я. Ст. 1. Бесѣда и поученіе святаго отца нашего Іоанна Златоустаго, на св. и великую пятидесятницу. 2. Отрывокъ изъ исторіи прусскаго старообрядческаго монастыря. 3. Слово мирное старо-обрядцамъ о церкви. 4. Проблески Ѳеодосіянъ. 5. Церковная иконопись и 6. Отъ редакціи. Книжка 3-я. Ст. 1. Проявленіе Божества. 2. Произволъ. 3 Частныя письма объ общемъ вопросѣ. Письмо 1, 2 и 3.—4. Нашему старо-знакомому путешественнику. 5. Дарвинисты. Книжка 4. Ст. 1. Животъ міра. 2. Суевѣріе и безвѣріе. «Непостижимая понимая, оставляй не постижимымъ. 3. Свобода. 4. происхожденіе религій. 5. Плачъ бѣднаго старо-обрядца о распряхъ и раздорахъ. 6. Милосердіе прусскаго правительства надъ нищими, и 7. Народная вѣротерпимость.

См. Отчетъ Императ. Публичной Библіотеки за 1865 годъ, стр. 36-я.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 8 рублей.

545. Истинность старообрядствующей іерархіи противу взводимыхъ на нее обвиненій. Изданіе священника Арсенія. Типографія Мануиловскаго Никольскаго монастыря. — аѿпє года. — Въ 8 д. л. сѯі стр.

Это раскольничье изданіе, напечатанное въ Австріи.

См. Алфавитный каталогъ изданіямъ на русскомъ языкѣ, запрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи. Составл. въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати по 1-е января 1894 года, № 450.

546. Истинный каменьщикъ или выписка, извлеченная изъ трехъ степеней свободнаго каменьщика, съ присовокупленіемъ разсужденій нѣкоторыхъ почтенныхъ братьевъ. Москва, 1815 года—8. д. л.

Означенная книга составляетъ большую библіографическую рѣдкость и въ настоящее время почти не находится въ продажѣ; хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 10 до 15 рублей.

547. Истинная политика знатныхъ и благородныхъ особъ. Переведена съ французскаго языка чрезъ Василія Тредіаковскаго. Санктпетербургъ. Печатано при Императорской Академіи наукъ. MDCCXXXVII года.—Въ 8 д. л. 10+224 стр.

На оборотѣ заглавнаго листа слѣдующій эпиграфъ:

«Кто славенъ своими добродѣтельми,
Тотъ славенъ и великъ есть предъ Богомъ».

Тредіаковскій полагаетъ, что это сочиненіе Фенелона, архіеп. Камбрійскаго, бывшаго учителя дѣтей короля французскаго. — Въ книгѣ описано LXXX правилъ.

Чтобы дать болѣе ясное понятіе о сей рѣдкой книгѣ, прилагаю выписку о добронравіи.

— «Какъ я разсмотрѣлъ, что весьма много есть такихъ людей, которые на пути добронравія

Тредіаковскій, В. К.

Извѣстный Профессоръ Публичный Ординарный латинскаго и русскаго краснорѣчія. Род. 1703 г., ум. 1769 г. августа 6 дня въ Спб.

заблуждаютъ, то онымъ помоществовать и склонять мнѣніе ихъ намѣрился, особливо-жъ для того, чтобъ они добродѣтельно жизнь препровождая, честь получить возмогли. Нынѣ тебя, любезный мой сынъ, научу, какимъ способомъ нравы твоего состоянія исправить. Ученіе мое такъ читай, чтобъ ты оное вразумѣлъ, ибо читать и не разумѣть—небреженіе есть.

И такъ:

Богу молися.
Родителей люби.
Сродственниковъ почитай.
Учителя бойся.
Данное тебѣ береги.
Часто не выходи.
Съ добрыми сообщеніе имѣй.
Въ собраніе не ходи, пока не позовутъ.
Будь благопріятенъ.
Безъ причины не гнѣвайся.
Никому не смѣйся.
Надъ бѣднымъ не издѣвайся.
Взаймы давай.
Смотри, кому, что дать.
Въ судебныхъ мѣстахъ присутствуй.
Чистъ буди.
Гостей посѣщай.
Большому уступай мѣсто.
Меньшаю извиняй.
Вещь свою береги.
Стыдѣніе храни.
Прилежаніе имѣй.
Книги читай.
Чтенное помни.
О благодареніи пекися.
Живи добродѣтельно.
Отъ гнѣва воздержися.
Отъ игръ убыточныхъ бѣгай.
Въ надежду силы ничего не дѣлай.
Меньшихъ себя не презирай.
Рѣдко пиры учреждай.
Умѣренно спи.
Клятвы не преступай.
Отъ излишняго вина избѣгай.
По отечествѣ поборай.
Легкомысленно ничему не вѣрь
Опасно,—совѣтуй.
Отъ блудницъ бѣгай.
Грамотѣ учись.
Ничего не лги.
Добрымъ добро твори.
Не будь злословенъ.
Честь береги.
Праведно суди.
Родителей терпѣніемъ побѣждай.
Благодѣяніе памятуй.
На судѣ стой.
Благоразсуденъ будь.
Чужаго не желай.
Жену люби.
Дѣтей обучай.
Что другимъ приказываешь, то самъ исполняй.
На пиру не много говори.
Повелѣнному учись.
Любовь доброхотно показывай.

Означенная книга рѣдка, какъ и всѣ сочиненія и переводы В. Тредіаковскаго, считающіеся рѣдкими.—См. у Сопикова объ этой книгѣ за № 8424;

у Губерти — № 23; у Остроглазова — № 111; у Бурцева—за № 224.

Купленъ мною экземпляръ за 4 руб. (въ совр. переп.).

548. Истиннаго государствованія подвигъ на нынѣшнія военныя обстоятельства. Сочиненіе Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, переводчика Анатолія Палладоклиса.

Въ Санктпетербургѣ. 1773 года.—Въ 4 д. л., 36 стр.

Въ этой замѣчательной брошюркѣ излагается о заслугахъ Императрицы Екатерины II, какъ побѣдительницѣ турокъ и защитницѣ народовъ отъ мусульманскаго ига.

Эта рѣдкая брошюрка куплена мною за 3 рубля.

549. Истинный свѣтъ, поэма въ девяти пѣсняхъ, сочиненная на россійскомъ языкѣ. Печатано въ университетской типографіи у Н. Новикова, 1780 года. — Въ 4 д. л. 160+4 стр.

Книга была по распоряженію правительства отобрана изъ книжныхъ лавокъ. Содержаніе «Истиннаго свѣта», состоитъ изъ предсказаній Архангела Гавріила объ Іоаннѣ Предтечѣ и изъ повѣствованій о жизни Іисуса Христа, о Его мученіяхъ, смерти, погребеніи, воскресеніи и вознесеніи, все это воспѣвается въ стихахъ. Авторъ этой книги неизвѣстенъ. См. «Опытъ россійской библіографіи» Василія Сопикова за № 8670 сказано: «книга рѣдка», есть у Губерти, стр. 24; хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 8 до 10 рублей.

550. Истолкованія Аглинскихъ законовъ Г. Блакстона, переведенныя по Высочайшему повелѣнію великой законодательницы Всероссійской, съ подлинника аглинскаго, печатаны въ университетской типографіи у Н. Новикова, три части: 1-я часть, 1780 года, 2-я часть 1781 года, 3-я часть 1782 года. — Въ 8 д. л., 12+374, 16+568, XIV+14 стр.

Это сочиненіе одного изъ лучшихъ юристовъ Блакстона переведено на русскій языкъ профессоромъ Московскаго университета Десницкимъ. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 4694, есть у Губерти II, стр. 22, у Смирдина за № 2111; хорошо сохранившіеся экземпляры рѣдки, цѣнятся отъ 6 до 10 рублей.

551. Исторіографія почати́я имени, славы и расширенія народа славянскаго. С.-Петербургъ, 1722 г. — Въ 4 д. л., 13+335+11 стр. — Книга въ совр. кож. переплетѣ.

Это рѣдкое петровское изданіе. Книга эта напечатана въ числѣ 1200 экземпляровъ, и цѣна была назначена каждому экземпляру по 25 алтынъ и 2 деньги.

Книга цѣнится теперь отъ 5 до 7 рублей.

552. Исторія блохи, содержащая въ себѣ весьма любопытныя наблюденія надъ симъ насѣкомымъ. Сочиненіе г. Бертолотто, извѣстнаго своею рѣдкою коллекціею ученыхъ блохъ. Переводъ съ французскаго. Москва, въ университетской типографіи. 1839 года.—Въ 16 д. л., 22 стр. съ рисункомъ.

Исторія описываемаго насѣкомаго по справедливости любопытна и достойна особеннаго вниманія; притомъ, названная книга, въ настоящее время, составляетъ библіографическую рѣдкость и для большинства любителей недоступна. Между тѣмъ, это сочиненіе весьма интересно; почему я считаю не лишнимъ познакомить любителей съ этой библіографической рѣдкостью, и прилагаю при семъ помятную «Исторію» изъ слова въ слово.

Блоха (pulex) есть насѣкомое, принадлежащее къ порядку безкрылыхъ; ея хоботокъ состоитъ изъ пяти суставцевъ, при основаніи которыхъ находятся два овальные чешуйчатые и несуставчатые листочка, ея сосальце состоитъ изъ одного волоска или щетинки; усики четкообразные.

Блоха не имѣетъ крыльевъ; тѣло ея овально, сжато и кожисто; ея два глаза сильно блестятъ; она снабжена шестью ногами; двѣ, называемыя передними, прикрѣплены къ двумъ первымъ кольцамъ тѣла, другія двѣ находятся подъ головою, а заднія, гораздо длиннѣе прочихъ, и будучи чрезвычайно упруги, позволяютъ блохѣ совершать скачки впередъ и управляютъ ея движеніями. Часть, со-

ставляющая бедро, очень велика. Ея личинка имѣетъ пять суставцевъ и оканчивается двумя очень длинными искривленными крючками. Это насѣкомое питается кровію людей и животныхъ, и подвержено совершенному превращенію; личинка его цилиндрическая покрыта волосками, не имѣетъ ногъ, только подъ хвостомъ двѣ небольшія ости; приготовляетъ коконъ, въ которомъ скрывается, превращается въ куколку и наконецъ въ совершенное насѣкомое.

Исторія этого насѣкомаго по справедливости любопытна и достойна вниманія.—Во время совокупленія самецъ помѣщается подъ тѣломъ самки, между ея длинными задними ногами; тогда голова самца наклоняется къ головѣ его подруги; на концѣ живота самца находятся двѣ чешуйчатыя сплющенныя ости, окруженныя волосками и загнутыя вверхъ, посредствомъ которыхъ онъ схватываетъ самку, какъ клещиками и овладѣваетъ ею.

Самка сноситъ обыкновенно отъ десяти до двѣнадцати яицъ, которыя она на произволъ оставляетъ на полу или въ шерсти животныхъ; изъ яицъ по прошествіи пятнадцати дней выходятъ маленькіе червячки тускло-бѣлаго цвѣта; эти червяки или личинки ползаютъ, кружатся съ чрезвычайною легкостію и проворствомъ *). Они не имѣютъ ногъ; ихъ продолговатое тѣло состоитъ изъ тринадцати суставцевъ, явственно другъ отъ друга отдѣленныхъ посредствомъ глубокихъ надрѣзовъ, и покрыто волосками, расположенными у каждаго составца въ видѣ пучечковъ и особенно на хвостѣ скученныхъ.

Достойно замѣчанія, что когда два такіе червяка заключены въ тѣсномъ мѣстѣ и лишены пищи, то они нападаютъ другъ на друга и каждый изъ нихъ съ жадностію впивается въ хвостъ своего противника; держась такимъ образомъ, они образуютъ полное кольцо; но такъ какъ они пожираютъ себя взаимно, то кольцо постепенно съуживается, до тѣхъ поръ, пока они догрызутъ до благородныхъ частей тѣла; тогда они умираютъ въ одно время-- не выпустивъ изъ рта своего противника и оставляя вокругъ себя родъ слизистой жидкости.—Въ подтвержденіе мною сказаннаго, я сохранилъ нѣсколько колецъ, образованныхъ живыми червями. Мнѣ удалось воспитать такихъ маленькихъ червей, вложивъ ихъ въ ящичекъ, оклеенный бархатомъ и питая ихъ пылью, получаемою съ кожи тѣла; поставивъ эту коробочку въ темное мѣсто, я вложилъ въ нее 4 червяка и покрылъ ихъ вышепомянутою пылью, а по прошествіи 15 дней, открывши коробочку, я замѣтилъ, какъ изъ нее выпрыгнула маленькая блоха. Я увидѣлъ другую и тотчасъ схватилъ ее, вскормилъ и воспиталъ, и теперь она находится въ числѣ моихъ ученыхъ блохъ. Со времени этого открытія, я размножалъ моихъ блохъ симъ способомъ и выучивалъ ихъ такъ, что ни одна посторонняя не находится въ числѣ участвующихъ въ представленіи: ихъ искусство передается изъ рода въ родъ.

*) Спустя два дня послѣ вывода своего, личинки начинаютъ ползать, и довольно сильны, чтобы въ 20 минутъ проползть вокругъ коробки, имѣющей 3 дюйма въ окружности.

Спустя отъ одиннадцати до двадцати дней послѣ рожденія, эти личинки уходятъ въ землю, если оная находится вблизи, или же въ какое-нибудь тѣло, обыкновенно же въ пыль; онѣ приготовляютъ коконъ, коего нити похожи на шелкъ, и спустя одиннадцать или двадцать дней, смотря по окружающей ихъ температурѣ, превращаются въ куколку, и скоро выходятъ наружу, чтобъ перейти въ совершенное насѣкомое. Часто проводятъ они зиму въ состояніи хризалидъ и превращаются не раньше весны: эти хризалиды измѣняютъ цвѣтъ за два дня передъ выходомъ изъ коконовъ.

Блоха, разсматриваемая въ микроскопъ, представляетъ любопытное зрѣлище: она покрыта черными и жесткими чешуями, лежащими плотно одна на другой, и такъ устроенными, что онѣ не препятствуютъ движеніямъ животнаго.—Эти чешуи чрезвычайно глянцевиты и къ концу вырѣзаны весьма правильными зубцами; часть, смежная съ головою, дугообразна и очень похожа на хвостъ морскаго рака.—Жало блохи находится между передними лапами, и служитъ ей, чтобъ прокалывать кожу и всасывать кровь; отъ этого и происходятъ красныя пятнышки, видныя послѣ укушенія блохи.—Трудно разсмотрѣть это жало, не отрѣзавъ напередъ переднихъ ногъ, между которыми оно находится, ибо насѣкомое выпускаетъ его только во время принятіи пищи. Можно совершенно изучить многія изъ дѣйствій блохъ, помѣстивъ ихъ въ стеклянную трубочку, и закрывъ отверстія оной, чтобъ въ нее не могъ проникнуть холодъ.

Блоха, которую по справедливости можно бы назвать кровожаднымъ животнымъ, и которая соз-

дана, повидимому, только для того, чтобъ мучить родъ человѣческій, охотнѣе привязывается къ женщинамъ и дѣтямъ, нежели къ мужчинамъ; и какъ бы голодна она ни была, не станетъ извлекать свою пищу изъ мертвеца или умирающаго; она любитъ гнѣздиться въ шерсти собакъ, кошекъ и крысъ; болѣе-же всѣхъ она тревожитъ зайца.

Блохи почти всегда прыгаютъ, а не ходятъ; онѣ могутъ вспрыгнуть на высоту, равняющуюся двѣсти разъ взятой собственной ихъ длинѣ; онѣ производятъ это движеніе, соединивъ всѣ свои ноги подъ животомъ, потомъ распрямляя ихъ вдругъ. Такимъ чрезвычайнымъ прыжкомъ онѣ избѣгаютъ преслѣдованія людей, укушенныхъ ими!

Многіе опыты доказали мнѣ, что нѣкоторые писатели ложно полагаютъ, что блоха производитъ скачекъ только двумя задними ногами, какъ то дѣлаютъ кузнечики,—я нѣсколько разъ отрывалъ заднія ноги у этого насѣкомаго, но оно и безъ нихъ производило скачекъ, хотя и не такой высокій, изъ чего я убѣдился, что заднія ноги, будучи длиннѣе другихъ, служатъ къ тому, чтобъ направляться впередъ и управлять скачкомъ.

Въ одномъ сочиненіи сказано, что видѣли блохъ, которыя возили маленькую золотую пушку.— Другая блоха тащила маленькую золотую цѣпь, къ концу которой была прикрѣплена пулька; все вмѣстѣ вѣсило 1 гранъ *). Въ Британской энциклопедіи я читалъ статью объ естественной исторіи блохи, въ которой упоминается подобное происшествіе.—Хотя это извѣстное и уважаемое сочиненіе содержитъ много истины и вѣрныхъ фактовъ, однако я дерзну упомянуть, основываясь на моей опытности и тщательномъ изученіи блохи, что сила этого насѣкомаго совершенно не замѣчена этими сочинителями; сила блохи такъ велика, что превосходитъ всякое воображеніе.—Дѣлая первыя наблюденія, я вѣшалъ нѣсколько такихъ насѣкомыхъ и узналъ, что 18 хорошо кормленыхъ составляютъ одинъ гранъ, мертвыхъ же нужно 36, чтобъ составить тотъ-же вѣсъ. Поэтому блоха, ведущая военный корабль въ 21 гранъ, приводитъ въ движеніе тяжесть, превышающую 420 разъ собственный ея вѣсъ. Сверхъ сего должно сообразить, что эта блоха, работая каждый день, непремѣнно должна терять свои способности, и не можно вѣрно опредѣлить силу мышцъ блохи; сдѣлавши много наблюденій въ этомъ отношеніи, я полагаю, что это маленькое насѣкомое можетъ привесть въ движеніе тѣло, превышающее тяжестію тысячу разъ собственный ея вѣсъ. Теперь спрашиваю, существуетъ-ли въ природѣ созданіе, могущее равняться съ нею въ ловкости и силѣ?—Нѣтъ!.. лошадь, это благородное животное, можетъ стянуть только въ 16 разъ болѣе собственной тяжести своего тѣла, и то только на колесахъ.

Блоха самецъ обыкновенно въ половину тоньше самки; когда до него дотрогиваются, то онъ подымаетъ хвостъ въ видѣ серпа, его ноги покрыты волосками, цвѣтъ черный, и разсматриваемый въ микроскопъ, онъ гораздо отвратительнѣе. Самка-же, напротивъ, цвѣтомъ, красотою формъ и стройностію сложенія по справедливости заслуживаетъ названія прекраснаго пола... у блохъ.

Блохи очень дики и упрямы; нѣкоторыхъ это упрямство доводитъ до того, что бывши скованы, онѣ не хотятъ двинуться съ мѣста, не принимаютъ пищи, не смотря на всѣ усилія мои побудить ихъ къ тому. Онѣ поджимаютъ ноги и часто остаются безъ движенія до тѣхъ поръ, когда думаютъ, что ихъ никто не замѣчаетъ; если ихъ оставляютъ на 4 или 5 минутъ, то онѣ употребляютъ всѣ силы, чтобъ освободиться, но при малѣйшемъ шумѣ, онѣ опять дѣлаются недвижными. Это качество онѣ имѣютъ общее съ другими насѣкомыми, какъ напр. паукъ; надо предполагать, что онѣ для того такъ дѣйствуютъ, чтобъ заставить другихъ почитать себя мертвыми. Что касается упрямыхъ блохъ, то онѣ обыкновенно умираютъ послѣ 5 и 6 дней.

Собачьи блохи въ силѣ не равняются блохамъ, питающимся человѣческою кровью; онѣ свѣтлѣе и не могутъ оставаться безъ пищи болѣе 6 часовъ; напротивъ того, мои блохи могли бъ пробыть пятнадцать дней безъ пищи, ни мало не пострадавъ отъ этого. Домашнія блохи могутъ прожить безъ пищи одинъ мѣсяцъ, тогда онѣ худѣютъ и дѣлаются въ четверо меньше обыкновенной своей величины; но послѣ 24 кормленія приходятъ въ первобытное состояніе.

У меня всегда находятся въ запасѣ блохъ 20, которыми я замѣняю умершихъ; я сохраняю ихъ въ коробкѣ, въ которой для всякой блохи сдѣлано отдѣленіе, и я ихъ кормлю только одинъ разъ въ двѣ недѣли, между тѣмъ какъ работающія кормятся

*) Почти 1/70 часть золотника.

ежедневно, и еслибъ я ихъ два дня оставлялъ безъ пищи, то на 3-й день онѣ умерли-бъ съ голоду; такъ-же, еслибъ я въ продолженіи нѣкотораго времени, кормивъ одну блоху 3 или 4 раза въ день, оставилъ-бы ее безъ пищи только полдня, то нашелъ-бы ее мертвою или умирающею. — А между тѣмъ, которыя не ѣли 2 недѣли, находятся въ столь-же хорошемъ состояніи, какъ тѣ, которыя кормлены за полчаса.

Въ продолженіи трехъ лѣтъ я произвожу всѣхъ своихъ блохъ въ коробочкѣ; этотъ способъ не только удобенъ, но и помогаетъ распознавать молодыхъ. Притомъ я нашелъ этихъ блохъ болѣе ручными, ибо онѣ никогда не знали свободы, и не скучаютъ по ней. Всякую весну я соединяю полы, и въ апрѣлѣ я нахожу въ коробочкахъ, въ которыхъ находились насѣкомыя, тысячи яицъ, которыя я перекладываю въ другую коробочку и накладываю на нихъ тотъ пухъ, который находится подъ кроватями, гдѣ рѣдко метутъ.—Онъ служитъ ларвамъ пищею и убѣжищемъ.—Плотно закрывъ коробочку, но провертѣвъ въ крышкѣ нѣсколько дырочекъ булавкою для воздуха, я завертываю ее въ шерстяное одѣяло и открываю ее не ближе конца мая.—Первое ихъ движеніе, вышедши изъ кокона, есть прыганье, и безъ этой осторожности онѣ бы всѣ ушли; за симъ я отбираю самокъ и сажаю ихъ въ колесцо, гдѣ онѣ научаются ходить и перестаютъ прыгать; самцовъ же я истребляю, потому что они не такъ сильны и не могутъ быть впряжены. — Внутренность маленькой коробочки весьма любопытна для естествоиспытателя. Во всѣхъ углахъ помѣщены маленькія бѣлыя скорлупки, и такъ тѣсно одна къ другой, что все походитъ на пчелиный улей въ миніатюрѣ.

Можно раздавить блоху и выпустить всѣ ея внутренности, однако она отъ того не умираетъ, если не повредятъ ея головы, отъ которой зависитъ ихъ жизнь. Хотя она будетъ такъ плоско сжата, какъ бумага, однако послѣ 10 минутъ, кормленія, опять получаетъ прежнюю толщину и проворство. Изъ этого можно заключить, что внутренность этого животнаго есть ничто иное, какъ мѣшокъ, способный питать верхнія части.

Многіе несправедливо думаютъ, что блохи предпочитаютъ нечистоту. Если положатъ чистое и черное бѣлье въ мѣсто, гдѣ находятся блохи, то увидятъ, что всѣ онѣ переберутся въ чистое бѣлье; но ихъ болѣе находятъ въ нечистыхъ мѣстахъ потому, что личинки могутъ превращаться въ блохъ тамъ, гдѣ не метутъ и не перемѣняютъ бѣлья и не тревожатъ ихъ. Такъ какъ пыль составляетъ пищу маленькихъ червячковъ, то для того, чтобъ избавиться отъ этихъ мучителей рода человѣческаго, должно чаще смачивать водою полъ и бѣлье подъ кроватями, хотя вода не вредитъ блохѣ, однако ею истребляются ея личинки. Въ прошломъ январѣ я испытывалъ, какое вліяніе имѣетъ на этихъ насѣкомыхъ холодъ; для этого, вложивъ нѣсколько блохъ въ коробку, я повѣсилъ ее внѣ кареты на цѣлую ночь во время 24-хъ градуснаго мороза. Посмотрѣвъ утромъ въ коробочку, я нашелъ всѣхъ блохъ по виду мертвыми. Убѣжденный, что онѣ умерли отъ холоду, я забылъ объ нихъ; но чрезвычайно удивился, открывъ нечаянно коробочку послѣ двухъ недѣль и увидѣвъ, что всѣ блохи живы и въ хорошемъ состояніи. Кажется, что холодъ только производитъ на нихъ оцѣпенѣніе и что онѣ снова оживаютъ въ теплѣ. — Случай породилъ во мнѣ мысль отучить блохъ прыгать. Прежде я долженъ былъ кормить блохъ, прикрывая маленькимъ стекломъ, чтобъ ихъ не упустить, или кормить въ упряжи, отчего онѣ послѣ пяти или шести дней обыкновенно умирали. — Когда блохи засыпаютъ, то свертываются въ шарикъ; одѣтыя же или впряженныя, онѣ не могутъ свернуться и умираютъ чрезъ недѣлю.

Забывши двухъ блохъ въ маленькой коробочкѣ съ пилюлями, я удивился, когда открывъ ее, увидѣлъ двухъ блохъ, спокойно прогуливавшихся въ ней и ничуть не стараясь прыгнуть. Я подумалъ, что голодъ такъ ихъ ослабилъ, что онѣ не могутъ прыгать, потому поспѣшилъ накормить ихъ; но когда ихъ силы совершенно возстановились, онѣ все-таки не прыгали. — Отыскивая причину этой перемѣны, мнѣ пришло на умъ устроить маленькій манежъ для блохъ.

Для этого я устроилъ маленькое, очень легкое колесо, вертящееся свободно на оси; въ колесцѣ сдѣлано маленькое отверстіе, въ которое всаживаютъ насѣкомое, а съ боковъ вставлены стекла; тотчасъ по выходѣ изъ яйца, оно старается уйдти, и не видя стекла, ушибаетъ голову всякій разъ, когда вспрыгиваетъ.—Кажется, что блоха, какъ и другія животныя, не терпятъ ударовъ въ голову, ибо послѣ 8 или 10 дней, онѣ перестаютъ прыгать

даже на свободѣ.—Надо замѣтить, что нельзя пріучить къ этому блоху, наслаждавшуюся уже свободою.—Мои пріученныя блохи не кусаютъ такъ сильно, какъ дикія, потому что я никогда не мѣшаю имъ впускать жало въ тѣло, между тѣмъ какъ онѣ глубже впускаютъ его, если мы безпокоимъ ихъ во время этого дѣйствія.—Совѣтую особамъ, обезпокоеннымъ блохами, не сгонять ихъ, тогда они будутъ укушены только одинъ разъ, но согнавши блоху, она въ другомъ мѣстѣ опять впуститъ жало и до тѣхъ поръ, пока не насытится.

Многіе не могутъ понять, отчего въ домѣ, давно необитаемомъ, иногда находится множество маленькихъ блохъ, которыя чрезвычайно жадны.—Причина этому та, что блохи могутъ распложаться безъ пищи, напр., самка и самецъ, оставленные въ необитаемомъ мѣстѣ, произведутъ дѣтей; эти-же, будучи одарены способностью оплодотворяться тотчасъ послѣ рожденія, произведутъ другихъ, не принимая пищи; такимъ образомъ, каждая оплодотворившаяся чета погибаетъ отъ недостатка пищи, но оставляетъ послѣ себя по храйней мѣрѣ 5 или 6 паръ молодыхъ, которыя оплодотворяются и также умираютъ, такъ что со временемъ онѣ размножаются неимовѣрно, и потому не удивительно, что мы находимъ необитаемые дома наполненными этими насѣкомыми.

Когда двѣ блохи сцѣпляются крючками своихъ ногъ, весьма трудно ихъ разнять, иногда даже не иначе можно это сдѣлать, какъ вырвавъ у которой-нибудь всю ногу.

Изъ всѣхъ наблюденій, сдѣланныхъ мною надъ блохами, достойно замѣчанія слѣдующее: я давно замѣчалъ, что въ мѣстахъ, гдѣ находилось много клоповъ, совершенно не было блохъ, и наоборотъ, тамъ, гдѣ находились блохи, не было клоповъ; это замѣчаніе породило во мнѣ мысль, что блохи должны истреблять клоповъ, и чтобы увѣриться въ томъ, я сдѣлалъ слѣдующій опытъ: на этотъ конецъ лишивъ пищи двухъ такихъ насѣкомыхъ, я посадилъ ихъ вмѣстѣ подъ одно стекло и наблюдалъ, что они будутъ дѣлать.—Клопъ первый замѣтилъ присутствіе своего врага, это видно было изъ того, что онъ поспѣшно двигался, чтобы найдти выходъ изъ подъ стекла, но голодная блоха скоро прекратила его покушенія бѣжать: она вспрыгнула ему на спину, вцѣпилась въ нее крючками, коими вооружены ея ноги, такъ крѣпко, что клопъ какъ ни вертѣлся, не могъ отъ нея освободиться; блоха впустила ему въ спину свое жало, высосала кровь и скоро прекратила жизнь клопа. Возобновляя много разъ этотъ опытъ, я замѣтилъ другое средство, какимъ блоха овладѣваетъ своею жертвою: она подползаетъ подъ его животъ и напряженіемъ мышцъ опрокидываетъ его на спину; клопъ будучи не въ состояніи подняться, скоро бываетъ побѣжденъ блохою, однако сильно защищается. Потому-то блоха чаще употребляетъ первый способъ, какъ скорѣйшій и безопаснѣйшій.

Постоянное упражненіе научило меня распознавать блохъ такъ-же хорошо, какъ пастухъ узнаетъ свое стадо.—Я могъ бы называть каждую по имени и никогда-бъ не принялъ одну за другую; я не могу объяснить, какимъ образомъ это происходитъ, но могу увѣрить, что мои блохи работаютъ попеременно, и я всегда могу назначить, которой пришла очередь.

Укушеніе блохи въ нѣкоторыхъ особахъ производитъ маленькую опухоль и непріятную боль; это происходитъ отъ раздраженія кожи укушенной особы, а не отъ укушенія блохи, которая ни мало не ядовита. Нѣкоторыя изъ моихъ блохъ были кормлены нарочно разными особами и на иныхъ я замѣчалъ эту опухоль, между тѣмъ какъ у другихъ мѣсто укушенія почти не было замѣтно.—Лучшее доказательство тому то, что я каждый вечеръ въ одно время кормлю на своей рукѣ 60 блохъ, и два часа спустя, укушенныя мѣста почти не замѣтны *).

Чешуя блохъ такъ гладка и лощена, что къ ней ничего нельзя приклеить; для этого я перепробовалъ всѣ роды клея, но не достигъ своей цѣли.—Нѣкоторыя особы полагаютъ, что мои сѣдла, шоры и пр. прикрѣплены къ блохамъ клеемъ или другимъ липкимъ веществомъ. Достаточно одного опыта, чтобъ увѣриться въ сказанномъ, и они поймутъ, что эти вещи не могутъ держаться на спинѣ блохъ иначе, какъ привязанными.

---

*) Нѣсколько разъ я изъ любопытства отрѣзывалъ всю заднюю часть блохи, но она не переставала еще существовать; притомъ она можетъ кусать и всасывать кровь; а такъ какъ у ней не достаетъ той части тѣла, которая должна принимать пищу, то насѣкомое не перестаетъ сосать до тѣхъ поръ, пока отъ раздраженія не умретъ; въ такомъ состояніи она можетъ высосать крови въ четверо болѣе собственнаго вѣса.

Между средствами против блох хвалятъ богородицкую траву, листья вяза, руту, чаберъ, листья орѣшника, папоротникъ, зеленый кишнецъ, и тысячу другихъ; но чистота есть единое средство избавиться отъ этихъ насѣкомыхъ, которыя, чтобъ произвести свое превращеніе, непремѣнно должны закапываться въ пыли.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЧЕРТЕЖА.

Фиг. 1. Яичко.
» 2. Гусеница.
» 3. Хрисалида.
» 4. Самецъ.
» 5. Самка.

553. Исторія Бѣлокриницкой іерархіи. Сочиненіе Н. Субботина. Томъ первый (единственный) съ приложеніями и двумя портретами. Москва. Въ типографіи Рисъ. 1874 года.—Въ 8 д. л., VIII+516+141 стр.

На оборотѣ заглавнаго листа цензурное одобреніе за подписью профессора Ф. Сергіевскаго. Затѣмъ слѣдуетъ на 4 стр. содержаніе книги, раздѣленное на 9 главъ. На слѣдующихъ 14 стр. помѣщено предисловіе, въ которомъ авторъ говоритъ, что— «приступая къ изданію исторіи Бѣлокриницкой іерархіи, нужнымъ почитаю сказать нѣсколько словъ о тѣхъ особенно счастливыхъ обстоятельствахъ, которыми вызванъ настоящій трудъ. Въ 1865 году вскорѣ послѣ того, какъ началось дѣло о присоединеніи къ православной церкви намѣстника Бѣлокриницкой митрополіи епископа браиловскаго Онуфрія, коломенскаго епископа Пафнутія, архидіакона митрополіи Филарета и другихъ значительныхъ членовъ нынѣ существующей у старообрядцевъ іерархіи, — дѣло, въ которомъ отъ начала его и до конца,—говоритъ авторъ далѣе,—мнѣ суждено было принять ближайшее участіе, — присоединявшіеся, въ признательность за это участіе и въ видахъ содѣйствія занятіямъ современною исторіею раскола, доставили возможность получить изъ Бѣлой-Криницы всѣ хранившіяся въ монастырѣ бумаги, составлявшія «Архивъ Бѣлокриницкой митрополіи». Архивъ этотъ оказался примѣчательнымъ и довольно богатымъ собраніемъ большею частію подлинныхъ документовъ, имѣющихъ большую важность для исторіи Бѣлокриницкаго монастыря, и особенно—исторіи Бѣлокриницкой іерархіи, за все время ея существованія. Таковы: А) въ значительномъ количествѣ находящіеся здѣсь оффиціальные документы австрійскаго правительства по дѣламъ: о переселеніи раскольниковъ въ Буковину, объ основаніи Бѣлой-Криницы и Бѣлокриницкаго монастыря, объ учрежденіи въ этомъ послѣднемъ архіерейской кафедры, о признаніи Амвросія въ санѣ липованскаго верховнаго пастыря, о судѣ надъ Амвросіемъ, — и по другимъ возникавшимъ въ разное время (до 1863 г. включительно). Б) Подлинныя полныя дѣла о постановленіи старообрядческихъ епископовъ: Кирила, Аркадія Славскаго, Ануфрія Браиловскаго, Алимпія тульчинскаго, Аркадія васлуйскаго, Конона новозыбковскаго; дѣла— о возведеніи Кирила въ званіе митрополита и объ учрежденіи архіепископій славской и московской, съ многочисленными документами, изданными по случаю вызванныхъ послѣднимъ обстоятельствомъ несогласій и раздоровъ между московскими старообрядцами; подлинныя-же дѣла — о низверженіи новозыбковскаго и (весьма обширное) о судѣ надъ Софроніемъ калужскимъ. В) Оффиціальныя записки о текущихъ дѣлахъ въ митрополіи, между которыми особенно важны: начатый инокомъ Павломъ «Памятникъ происходящихъ дѣлъ», доведенный его преемниками по письмоводству до 1862 г. и писанныя архидіакономъ Филаретомъ четыре тетради «Копіи съ разныхъ грамотъ и другихъ документовъ (въ количествѣ 150), разсылавшихся изъ митрополіи въ теченіи 1861—1864». Г) Большое количество бумагъ, относящихся къ такъ называемымъ у старообрядцевъ «церковно-іерархическимъ» дѣламъ и частнымъ монастырскимъ; также подлинныхъ писемъ разныхъ лицъ — письма Алимпія, Амвросія, его сына Георгія, Константина Огняновича, Аркадія Славскаго (экзарха), Ануфрія, Аркадія васлуйскаго, Антонія, Василія Ѳомина и многихъ другихъ».

Исторія Бѣлокриницкой іерархіи Н. Субботина изложена съ полной добросовѣстностью, на основаніи несомнѣнно достовѣрныхъ документовъ, и по указаніямъ людей, ближайшимъ образомъ знакомыхъ съ излагаемыми событіями. Она представитъ не только для настоящаго времени не лишенное занимательности и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полезное чтеніе, но и будущему составителю полной исторіи раскола послужитъ не маловажнымъ пособіемъ, даже въ качествѣ историческаго матеріала.

Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія.

Купленъ мною экземпляръ за 15 рублей.

554. Исторія великой французской революціи. Луи Блана. Въ двѣнадцати томахъ. Томъ I. Переводъ съ французскаго М А. Антоновича. С.-Петербургъ. Изданіе Н. П. Полякова. 1871 года.—Въ 8 д. л. 479 стр.

Книга эта представляетъ огромный интересъ для желающихъ ознакомиться съ сущностью величайшаго событія, перевернувшаго весь государственный строй и жизнь великой страны.

Бланъ, (Жанъ Жоз. Луи).

Французскій публицистъ и историкъ. Род. 29 окт. 1811 г. въ Мадридѣ, ум. 6 декабря 1882 г. въ Каннѣ, и былъ похороненъ въ Парижѣ на счетъ Государства.

Изложеніе очень живое и дающее полное понятіе о великой революціи прошлаго столѣтія, длившейся цѣлыхъ 3 года въ просвѣщенной Франціи.

Въ началѣ книги слѣдуетъ сужденіе Жоржъ Зандъ объ «Исторіи франц. революціи» Луи Блана, которое считаю не лишнимъ привести здѣсь полностію.

Сужденіе Жоржъ Зандъ

объ «Исторіи французской революціи» Луи Блана.

«Прослѣдить день за днемъ, часъ за часомъ эту бурю, среди которой человѣческая душа, содрогаясь отъ ужаса и святаго гнѣва, искала истины въ океанѣ слезъ и крови; пройти всю эту кровь, всѣ эти слезы; не смутиться передъ страшными привидѣніями, пройти подъ отвратительнымъ эшафотомъ, смотрѣть на головы, насаженныя на конецъ пикъ и носимыя надъ разъяренною толпою, встрѣтить фатальную колесницу, на которой жертвы безъ разбора навалены въ кучу; имѣть родныхъ, унесенныхъ или убитыхъ этою грозою; почувствовать до мозга костей ту дрожь, которую предъидущее поколѣніе завѣщало нынѣшнему какъ отраженіе своихъ безсмертныхъ страданій; перевидѣть и перечувствовать все это и все таки послѣ созерцанія подобныхъ потрясающихъ картинъ стать еще болѣе бодрымъ, болѣе убѣжденнымъ, болѣе спокойнымъ и болѣе гуманнымъ, — вотъ великая похвала, съ которою мое сердце можетъ обратиться къ тому, кто поставилъ эти картины предъ моими глазами».

Эти строки мы писали въ 1847 г. Прошло 18 лѣтъ богатыхъ опытами страшными по очевидности съ тѣхъ поръ, какъ мы объявили о появленіи въ свѣтъ двухъ первыхъ томовъ этого важнаго и великолѣпнаго сочиненія, въ настоящее время уже оконченнаго, популяризованнаго илюстрированнымъ изданіемъ, обсуждаемаго всѣми честными умами и ставшаго въ первомъ ряду между историческими книгами, которыя произвелъ нашъ вѣкъ, уже столь богатый подобными книгами.

И такъ перечитывая въ настоящее время 12 томовъ Луи Блана о французской революціи, мы въ десять разъ сильнѣе убѣждаемся въ томъ, что мы думали 18 лѣтъ назадъ. О многихъ ли фактахъ, о многихъ ли дѣлахъ, о многихъ ли сужденіяхъ мы можемъ сказать неизмѣнно то же самое послѣ промежутка времени, богатаго столькими опытами и разочарованіями? Политическій катаклизмъ повидимому разсѣялъ прогрессивные элементы, которые сгруппированы были обстоятельствами вокругъ общаго дѣла; но тамъ, гдѣ личность достойно представляла истинную идею, эти элементы нисколько не потеряли своей силы, разсѣяніе не коснулось нравственной области, удаленіе личностей только придало еще больше силы ихъ

мысли, еще болѣе важности ихъ генію. Тѣ которые были на аванпостахъ освободительнаго движенія, остались во главѣ своихъ колоннъ и въ ихъ рукахъ свѣточъ истины блещетъ еще болѣе яркимъ свѣтомъ, чѣмъ тогда, когда его носили во время бури. Тѣ, за которыми мы слѣдуемъ среди хаоса событій, далеко отъ насъ; они не стоятъ подлѣ насъ, чтобы освѣщать ихъ огнемъ нашу дорогу. Но ужели этотъ огонь погасъ, ужели они удалились отъ насъ? Нѣтъ, они поднялись выше и подобно спокойнымъ и могучимъ маякамъ, посылаютъ на насъ лучи, которыхъ не въ состояніи задержать никакая человѣческая сила.

Что касается до меня, то я не раздѣляю безутѣшнаго отчаянія тѣхъ, которые, представляя себѣ прогрессъ въ извѣстныхъ формахъ, думаютъ, что онъ вдругъ сдѣлалъ поворотъ назадъ, и цѣною явныхъ непослѣдовательностей прокладываютъ себѣ другую дорогу и ищутъ спуска для себя черезъ новыя препятствія. Совершается ли прогрессъ посредствомъ злоупотребленія свободой или же посредствомъ лишенія ея, мы думаемъ, что во всякомъ случаѣ онъ совершается и что теперь онъ уже не можетъ встрѣтить прочныхъ препятствій. Долгій мракъ протекшихъ вѣковъ еще посылаетъ намъ мрачныя облака, которыя усиливаются заволочь небо; но французская революція, страшное и величественное резюме всѣхъ прежнихъ усилій человѣчества, разодрала сверху до низу завѣсу храма и мы уже не увидимъ новаго продолжительнаго господства принциповъ такъ называвшагося божественнаго права.

Жребій этихъ принциповъ совершился. Просвѣтившись философскимъ свѣтомъ, человѣкъ дошелъ до болѣе возвышеннаго понятія о божественномъ. XVIII вѣкъ, бывшій атеистическимъ или деистическимъ, освободилъ насъ отъ страха передъ абсолютнымъ страшнымъ Іеговою, утверждающимъ на небесахъ всѣ повелѣнія, даваемыя относительно насъ земными королями. Съ тѣхъ поръ такъ называвшееся божественное право не имѣетъ значенія; но такъ какъ человѣкъ еще не можетъ обойтись безъ надежды на сверхъестественное вмѣшательство въ его судьбу, то многіе оставили понятіе о представителяхъ божественной воли по праву наслѣдства и стараются замѣнить его понятіемъ о представителяхъ Провидѣнія путемъ завоеванія или по праву искуснѣйшаго.

Право завоеванія неудовлетворительно — это законъ случая, право сильнѣйшаго; оно можетъ нравиться только атеистамъ.

Право умственнаго превосходства нравится тѣмъ, которые не хотятъ допустить божество чуждое нашимъ маленькимъ вседневнымъ дѣламъ. Въ одномъ смыслѣ они дѣйствительно правы: тотъ, кто создалъ человѣка и вселенную, никогда не можетъ оставаться чуждымъ тому, что дѣлаютъ человѣкъ и вселенная; но многіе ли умы спокойны до того, чтобы понять, что божественные законы оставляютъ существа и предметы совершеннѣйшимъ законамъ управляющимъ ими? Впрочемъ слово «оставляютъ» здѣсь не идетъ. Сила, устанавливающая такіе законы, ввѣрила имъ существа и предметы и Богу нѣтъ надобности быть мудрымъ и предусмотрительнымъ по-нашему для того, чтобы представить ему типъ мудрости и предусмотрительности.

Однако можемъ ли мы исключить Провидѣніе изъ числа уважаемыхъ нами предметовъ и изъ нашихъ стремленій? Зачѣмъ исключать эту святую идею, если мы можемъ, понявши ее какъ слѣдуетъ, очистить ее отъ узкихъ капризовъ, которые приписывало ей невѣжественное прошедшее, и требовать законно его отеческаго вмѣшательства въ наши благородныя намѣренія, въ нашу героическую борьбу? И въ самомъ дѣлѣ, ужели Провидѣніе вызвало Цезаря, ужели оно простило его преступленія и покровительствовало его интригамъ, находя болѣе удобнымъ обратиться къ ловкости одного человѣка, чѣмъ просвѣщать невѣжественныя и страстныя массы? Это значило бы приписывать божественному дѣйствію много лѣности и фантазіи, и историческая литература вовсе не серьезно употребляетъ поэтическія выраженія, въ которыхъ говорится, что нѣкоторымъ людямъ принадлежитъ право дѣйствовать во имя боговъ.

Мы думаемъ, что Провидѣніе есть дѣйствіе Бога *въ* насъ самихъ, а не *на* насъ. На этомъ основаніи мы всѣ имѣемъ одинаковое право на его благодѣянія, на его откровенія и мы сами знаемъ все лучше и лучше законы этого дѣйствія, мы сами должны учить другъ друга, ни одному изъ насъ не приписывая исключительнаго права направлять наши мнѣнія и нашу судьбу по своимъ честолюбивымъ прихотямъ.

Нигдѣ великіе результаты, которые народъ можетъ получить отъ инниціативы каждой личности, обильно просвѣщенной въ данный моментъ своего существованія свѣтомъ провиденціальнаго прогресса, не обнаруживались такъ ясно, какъ во время большой французской революціи. Иногда бывали волненія, возбужденныя вліяніемъ той или другой личности, но эти личности чувствовали потребность въ содѣйствіи всѣхъ, чтобы энергически сражаться за принципъ, и люди въ эти великіе часы исторіи почти могли сказать о себѣ: въ настоящее время Богъ занимается нами или по крайней мѣрѣ хранитъ насъ!

Но какое бы чувство мы ни вносили въ наши сужденія, религіозное или фаталистическое, во всякомъ случаѣ мы должны признать, что это—великое зрѣлище и что оно заслуживаетъ быть понятымъ и оцѣненнымъ со стороны потомства, какъ одинъ изъ тѣхъ кризисовъ быстраго развитія, которые обозначаютъ высшія фазы исторіи человѣка на землѣ. Изучить и понять это громадное событіе, значитъ почти усвоить и изучить философію: потому что на какую бы точку зрѣнія мы ни стали, во всякомъ случаѣ нужно признать, что это событіе породило насъ умственно, нравственно и физіологически; что только благодаря ему мы стали тѣмъ, что мы есть теперь, и что безъ него мы можемъ быть еще и теперь имѣли бы передъ собою неизвѣстность.

Но теперь не то. Революція создала логику въ мірѣ. Мы знаемъ теперь, почему общества существуютъ, къ какимъ цѣлямъ стремятся и чего должны достигать. Мы знаемъ, какимъ образомъ они преобразовываются и почему грандіозныя усилія торжествуютъ или оказываются безплодными, смотря по тому, подавляетъ или уважаетъ страсть идею, смотря по тому, заставляетъ ли идея молчать или говорить человѣческое чувство. Все это есть въ революціи. Мы видимъ тутъ воли съ удивительной силой, громадныя ошибки, безпредѣльныя стремленія, плачевныя заблужденія. Это настоящая книга судебъ новыхъ временъ. Въ ней можно основательно изучить законъ человѣческой жизни, увидѣть, изъ какихъ элементовъ она слагается, какъ нужно понимать справедливость фиктивную и справедливость дѣйствительную, гдѣ находится граница, которую совѣсть не можетъ переходить безнаказанно; какія наказанія влечетъ за собою каждое преступное покушеніе, которое повидимому требуется политикой; какія чудеса можетъ совершать вѣра; до какихъ злодѣяній можетъ низойти фанатизмъ и какими прискорбными реакціями наказываются яростныя дѣйствія. Если ограничиться только изученіемъ личности, то кажется ничего не можетъ быть непослѣдовательнѣе человѣческой природы, и когда за основаніе какой нибудь системы берется исторія этой личности, тогда представляется ужасною кажущаяся несправедливость столь прославляемаго историческаго Провидѣнія. Но когда предметомъ изслѣдованія бываютъ дѣйствія и коллективная судьба народа, тогда обнаруживается перстъ Божій, т. е. вѣчная логика, которая управляетъ всѣмъ, которая освобождаетъ или порабощаетъ, заставляетъ идти впередъ или назадъ, падать или подниматься общій прогрессъ, смотря по тому, очищено или помрачено чувство истины въ орудіяхъ этого прогресса. Только въ цѣломъ ряду страшныхъ событій можно открыть великіе законы права и долга и только изъ него съ торжественною очевидностью вытекаетъ связь между дѣйствіями и причинами, показывающая, что добро не происходитъ отъ зла и что никакое зло не способно подавить дѣйствіе добра. Эта ужасающая путаница революціи, созерцаемая съ высоты философскаго ума и здравой совѣсти, становится ясною и убѣдительною какъ математическое доказательство.

Вотъ капитальная вещь, какую съумѣлъ сдѣлать изгнанникъ 1848 г. Онъ изучилъ эту кровавую и славную страницу, непонятную для тѣхъ, которые писали ее своею кровью, и долгое время остававшуюся неясною и для насъ, ихъ потомковъ. Онъ освѣтилъ ее блистательнымъ свѣтомъ великой морали, столь забываемой всегда въ извѣстныхъ политическихъ сферахъ. Онъ ничего не скрылъ, ничего не преувеличилъ, ничего не извинилъ даже въ его любимыхъ герояхъ. Онъ съ неслыханнымъ терпѣніемъ и непоколебимою добросовѣстностью искалъ смысла и значенія безчисленныхъ документовъ, собранныхъ и перерытыхъ имъ въ теченіе 20 лѣтъ. При встрѣчѣ съ самыми разнорѣчивыми показаніями онъ горячо защищалъ дѣло людей оклеветанныхъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали, и однакоже тамъ, гдѣ осуждаетъ мораль, и онъ осуждалъ ихъ. На мѣсто холоднаго безпристрастія, которое ничего не уга-

дываетъ, потому что для него не особенно важно узнать истину, онъ поставилъ въ исторіи неуклонную справедливость, которая все принимаетъ въ разсчетъ и которая изо всѣхъ силъ провозглашаетъ вѣру, умъ и сердце.

Такимъ образомъ его книга есть памятникъ, который останется навсегда. Это есть дѣло таланта перваго разряда, которымъ располагаетъ великій характеръ. Въ немъ напрасно было бы искать слѣдовъ воображаемой личной системы. Дыханіе, оживляюще его, есть дыханіе философіи самой возвышенной, самой ясной, принятой всѣми лучшими умами настоящаго поколѣнія, самой здравой относительно прошедшаго и наиболѣе практичной относительно будущаго. Я не понимаю, гдѣ нѣкоторые критики увидѣли въ немъ доктрину узкаго соціализма, жертвующаго правомъ личности интересу всѣхъ, какъ будто въ обществѣ логическомъ и раціональномъ подобная жертва не повлекла бы за собою смерть соціальнаго тѣла. Жанъ-Жакъ Руссо впалъ въ эту ошибку. Мы знаемъ, что это ошибка, и тѣмъ не менѣе мы стоимъ съ Жанъ-Жакомъ Руссо противъ тѣхъ, которые въ свое время хотѣли пожертвовать тѣмъ, что онъ называлъ общественнымъ договоромъ, фантазіи и эгоизму личности. Легко видѣть, что Луи Бланъ ближе стоитъ къ Руссо, чѣмъ къ Вольтеру; но на какой бы страницѣ мы ни открыли его книгу, вездѣ увидимъ въ ней горячее исканіе истины выше той, которая была предметомъ споровъ XVIII вѣка и послѣдствія которой столь фатально тяготѣютъ надъ революціей. Это высшая истина, это согласіе двухъ докторинъ, это трудъ, завѣщанный намъ нашими отцами, это слово будущаго. Никто еще не можетъ сказать, въ какой именно формѣ будетъ разрѣшена эта великая проблема; но обвинять благородный и великій умъ въ томъ, будто онъ не призналъ и не провозгласилъ ея необходимости, это значитъ не понимать его и почти клеветать на него.

Конечно въ крайнихъ кризисахъ революціи бывали порывы энтузіазма, часы опасности, когда патріотическій героизмъ умѣлъ пожертвовать всѣмъ, даже правомъ личности, идеалу свободы и страсти національности. Это были священные порывы, которые раздѣляетъ самъ историкъ, разсказывая объ нихъ, и которые всѣ мы раздѣляемъ, читая удивительныя страницы, внушенныя ему этимъ предметомъ; но заключать изъ этого, будто онъ мечтаетъ о состояніи порывовъ, лихорадки и страсти какъ о нормальномъ состояніи будущаго общества, это значитъ обвинять автора и читателя въ безуміи, а такія обвиненія не заслуживаютъ и отвѣта.

Показать, какими удивительными усиліями человѣческая совѣсть, бросивши слѣпое суевѣріе пассивнаго повиновенія, искала законъ своего освобожденія; слѣдить за нею безпристрастно въ ея удивительныхъ завоеваніяхъ и ея прискорбныхъ ошибкахъ; показать ее въ ея высшіе моменты, не стараясь оправдывать ужасовъ ея опьяненій; понять и оцѣнить всякій героизмъ, но въ особенности уловить преобразованіе народнаго духа, смотрѣть на выдающихся людей только какъ на временное воплощеніе идей и страстей коллективнаго существа—такова была цѣль знаменитаго историка. Можно сказать, что въ этомъ трудѣ—его сила и его вѣра возвышались изъ года въ годъ, отъ тома къ тому. Проникнутый волненіемъ, какое можетъ вызвать подобный предметъ, онъ однако ни на одно мгновеніе не позволилъ себѣ увлечься фанатизмомъ. Логикъ идеи остался человѣкомъ сердца и даже человѣкомъ нѣжныхъ инстинктовъ. Эта благородная фибра соотвѣтствуетъ стремленіямъ новаго духа. Революція уже довольно далеко отъ насъ, ея завоеванія довольно обезпечены, такъ что молодежи нашего времени нѣтъ уже надобности быть нетерпимою къ ея излишествамъ и нападать на ея жертвы. Молодежь уже вполнѣ готова воспользоваться суровыми уроками исторіи и судить прошедшее съ верховною справедливостью. Она любитъ и цѣнитъ писателя, который не далъ ей превзойти себя и душа котораго, оставаясь юною, находитъ въ чистотѣ своей вѣры и въ высотѣ своего ума столь рѣдкій секретъ—соединять свѣжесть впечатлѣній съ зрѣлостью таланта.

Жоржъ Зандъ.

555. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина. 3 тома. Санктпетербургъ. Печатано въ департаментѣ удѣловъ. 1871 года.—Въ 8 д. л.; томъ I-й—640 стр.; томъ II-й—422 стр. и томъ III-й.

Обращаемъ вниманіе любителей старины и отечественной исторіи на это капитальное сочиненіе Н. Дубровина. Первыя двѣ книги этого обширнаго

труда содержатъ весьма обстоятельно составленный очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ. Въ кн. III-й — помѣщенъ библіографическій указатель источниковъ и матеріаловъ, послужившихъ для составленія первыхъ двухъ томовъ. Изданіе это въ настоящее время распродано и книга рѣдка.

Купленъ мною экземпляръ за 20 рублей.

556. Исторія XVIII столѣтія, или обстоятельное описаніе всѣхъ важнѣйшихъ происшествій и достопамятныхъ перемѣнъ, случившихся въ осьмнадцатомъ столѣтіи, съ пріобщеніемъ подробныхъ извѣстій о жизни и дѣлахъ всѣхъ славныхъ и достойныхъ примѣчанія мужей, въ теченіе онаго жившихъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, въ типографіи Селивановскаго. 1806 г.—Въ 8 д. л.

Все это рѣдкое сочиненіе состоитъ изъ 11-ти частей, но изъ нихъ особенно замѣчательна часть четвертая, въ которой помѣщены статьи, относящіяся преимущественно къ русской исторіи, какъ-то: о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, о Елизаветѣ Петровнѣ, о принцѣ брауншвейгскомъ Іоаннѣ Антоновичѣ, о Мировичѣ и его казни и о первомъ раздѣленіи Польши, о графѣ Понятовскомъ, о царствованіи Петра III и вступленіи на престолъ Екатерины Второй.

Здѣсь, между прочимъ, находится весьма любопытное извѣстіе о смерти Іоанна Антоновича, котораго трупъ былъ поставленъ въ церкви Шлиссельбургской крѣпости, а потомъ отвезенъ въ Тихвинскій монастырь для погребенія.

Книга замѣчательная какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія.

557. Исторія Георіанская о юношѣ князѣ Амилахоровѣ, съ краткимъ прибавленіемъ исторіи тамошней земли, отъ начала до нынѣшняго вѣка, которую разсказываетъ Усимъ, купецъ Анатольскій, сотоварищамъ своимъ между разными извѣстіями; переводъ на россійскій языкъ И. С. С.-Петербургъ. Печатано при Артиллерійскомъ кадетскомъ корпусѣ у содержателя типографіи Х. Ф. Клеэна, 1779 года.—Въ 8 д. л., 104 стр.

Книга съ гравированнымъ портретомъ князя Амилахорова; надъ которымъ простерта рука Императрицы Екатерины II и слѣдуюшая надпись:— «Подъ руки твои припадаю».

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія чрезвычайно рѣдки.

558. Исторія губернскаго города Смоленска отъ древнѣйшихъ временъ до 1804 года, собранная изъ разныхъ лѣтописей и россійскихъ дѣеписателей, трудами Д. Н. Мурзакевича, съ дозволенія начальства. Смоленскъ, при губернскомъ правленіи, 1804 года.—8 д. л., 5+3+IV+ 221 стр.

Означенное изданіе почти все сгорѣло въ пожарахъ города Смоленска и Москвы во время 1812 года. Въ 1847 году П. Никитинъ составилъ и издалъ вновь исторію города Смоленска. См. «Опытъ россійской библіографіи Василія Сопикова» за № 4745; означенное изданіе рѣдкое и цѣнится отъ 5 до 8 рублей.

270. Исторія Екатерины Второй. Сочиненіе В. А. Бильбасова. С.-Петербургъ. Въ типографіи И. Н. Скороходова, 1890 года.—8 д. л., 2 тома. 1-й томъ 643 стр.

Въ началѣ книги находится краткое предисловіе В. А. Бильбасова, въ которомъ онъ говоритъ, что исторія Екатерины Второй должна быть посвящена «Русскому историческому обществу», которому она всецѣло обязана своимъ появленіемъ. Только благодаря трудамъ «Русскаго историческаго общества», издавшаго бумаги Императрицы Екатерины II и ея политическую переписку,—оказалось возможнымъ предоставить самой Екатеринѣ разсказать исторію своей частной и государственной жизни. Раскрыть намѣренія и побужденія, которыя руководили ею. Указать стремленія и цѣли, которыя она преслѣдовала». Далѣе авторъ говоритъ: «какъ въ издаваемомъ теперь первомъ томѣ, такъ и въ послѣдующихъ томахъ исторіи Екатерины Второй — первое слово предоставлено самой Екатеринѣ, весь трудъ автора ограничивается только критическою провѣркою ея показаній. Въ первомъ томѣ исторіи Екатерины Второй, авторъ старался указать тѣ данныя, которыя содѣйствовали Екатеринѣ стать Великой». Этотъ капитальный трудъ В. А. Бильбасова,

сдѣлавшійся въ настоящее время чрезвычайно рѣдкимъ. Купленъ мною экземпляръ за 25 рублей.

560. Исторія или повѣсть о житіи преподобнаго Варлаама пустынножителя, и о Іоасафѣ царевичѣ индійскомъ, написанныя преподобнымъ Іоанномъ Дамаскиномъ. Переводъ съ греческаго. Москва, въ верхней типографіи, 1681 года.—Въ листъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія въ настоящее время составляютъ большую библіографическую рѣдкость.

См. «Опытъ россійской библіографіи» Василія Сопикова—№ 439.

561. Исторія медицины въ Россіи. Сочиненная Вильгельмомъ Риктеромъ. 3 части. Москва, въ университетской типографіи, 1834 г.—Въ д. л., томъ I-й VIII+440 стр., томъ II-й XVIII+352+161 стр., томъ III-й III+544 стр.

Всѣ три вышеуказанныя книги представляютъ изъ себя исторію развитія медицины въ Россіи.

Это капитальный, вполнѣ научно составленный (хотя для настоящаго времени уже устарѣлый) трудъ Вильгельма Риктера, сдѣлавшійся теперь библіографическою рѣдкостью.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 30 рублей.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о книгѣ—прилагаю выписку изъ предисловія.

«По сіе время не доставало у насъ Исторіи Врачебнаго Искусства въ Россіи. Дабы дополнить сей важный недостатокъ въ бытописаніяхъ нашего Отечества, Физико-Математическое Общество, учрежденное при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по представленію моему, просило позволенія воспользоваться всѣми уцѣлѣвшими доселѣ рукописями, которыя какъ историческіе вспомогательные источники по медицинской части, лежали сокрыты въ Государственномъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, Медицинской Конторѣ и монастыряхъ. Въ началѣ 1811 года ученѣйшій и достойнѣйшій попечитель нашъ, Тайный Совѣтникъ Сенаторъ и Кавалеръ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, по особенной любви своей къ наукамъ, исходатайствовалъ сіе позволеніе на имя Общества отъ мудраго, ихъ покровителя, Его Сіятельства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго. Честь совершить трудъ сей предоставлена была мнѣ. Съ тѣхъ поръ возложилъ я на себя обязанность собирать все, относящееся къ сему предмету съ возможною точностію и изображать въ историческомъ порядкѣ, дабы по мѣрѣ силъ своихъ исполнить столь лестное препорученіе.

Какъ исторія древнихъ временъ, относительно къ медицинѣ, по большей части покрыта завѣсою мрака, то къ разсѣянію онаго необходимо предполагалось, какъ прагматическое значеніе исторіи вообще, такъ равно и весьма затруднительное отыскиваніе источниковъ въ особенности, то есть уцѣлѣвшихъ лѣтописцевъ, иностранныхъ путешественниковъ и другихъ, донынѣ безъ употребленія лежавшихъ рукописныхъ памятниковъ древности. Почему я за необходимое счелъ предъ хронологическимъ изображеніемъ дѣяній и случаевъ предложить *всеобщее введеніе* во Врачебную Исторію Россіи, вмѣстѣ съ историческою картиною состоянія здоровья жителей обширной Имперіи. Такимъ только образомъ возможно опредѣлить вліяніе роскоши и утонченія, дѣйствовавшее постепенно съ ходомъ времени на самое ихъ здоровье, дабы по тому судить справедливо о большей и меньшей въ періоды необходимости въ пособіи медиковъ. Послѣдніе, какъ систематически образованные врачи болѣзней, начали быть призываемы къ Россійскому Двору только съ XV столѣтія, то есть со введенія наукъ между западными христіанами. Слѣдующія за вступленіемъ хронологическая исторія содержитъ извѣстія о кругѣ дѣйствія тогдашнихъ медиковъ, ихъ занятіяхъ и образѣ жизни въ Россіи, заимствованныя по большей части изъ драгоцѣнныхъ рукописей, хранящихся въ Государственномъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Нынѣ издаваемая первая часть заключаетъ въ себѣ Исторію Медицины съ древнихъ временъ до вступленія на тронъ дома Романовыхъ: Вторая окончится седьмымъна-десять столѣтіемъ и въ третьей помѣщена будетъ Исторія Медицины въ Россіи съ осьмаго-надесять столѣтія до нашихъ временъ.

Авторъ, предлагая публикѣ плоды трудовъ своихъ, ласкается, что старанія его представить въ точности событія, почерпнутыя изъ столь вѣрныхъ источниковъ, удостоятся благосклоннаго вни-

манія просвѣщенной публики. Онъ ожидаетъ сего тѣмъ съ большею надеждою, чѣмъ менѣе до него сдѣлано было въ этомъ родѣ другими писателями, и чѣмъ слѣдовательно мрачнѣе былъ путь, который надлежало ему себѣ прокладывать.

562. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіею русскаго народа. Сочиненіе Ивана Прыжова.

Господине, крестьяне ся пропиваютъ,
А люди гибнутъ.

Кириллъ *Бѣлозерскій.*

Изданіе книгопродавца - типографа Вольфа. Санктпетербургъ, 1868 года.— 8 д. л., 8+320 стр.

Книга «Исторія кабаковъ въ Россіи» начинается съ краткаго предисловія автора И. Прыжова, въ которомъ говоритъ:—«рѣшаемся сказать нѣсколько словъ о томъ, что могутъ требовать отъ насъ наши читатели. Первый томъ исторіи кабаковъ,—первый посильный трудъ изученія питейнаго дѣла на Руси, былъ оконченъ еще въ 1863 году и съ тѣхъ поръ болѣе и болѣе сокращался въ объемѣ. Вслѣдъ за первымъ томомъ, такъ сказать, оффиціальной исторіи кабаковъ, были заготовлены матеріалы для двухъ послѣдующихъ томовъ, именно: историческій обзоръ кабацкаго быта, происхожденія и быта городскихъ пьяницъ (кабацкихъ ярыгъ), неисчислимой голи кабацкой, то есть: нищихъ, бѣглыхъ, воровъ (бунтовщиковъ) и разбойниковъ. Цѣлью нашей было изучить питейное дѣло со стороны той плодотворной жизни, на которой произрастаютъ кабаки, сивухи, цѣловальники,— взглянуть на него глазами милліоновъ людей, которые не умудрившись въ политической экономіи, видѣли въ пьянствѣ Божье наказаніе и въ то же время испивая смертную чашу, протестовали этимъ противъ различныхъ общественныхъ благъ, иначе—пили съ горя. Но авторъ говоритъ, что второй и третій томы, мы не сочли пока удобнымъ выпустить на свѣтъ Божій, а ограничились только первымъ».— Прекрасная книга Ивана Прыжова содержитъ въ себѣ подробную исторію кабаковъ и ихъ происхожденіе, въ связи съ исторіею русскаго народа.

563. Исторія коммунизма. Сочиненіе Альфреда Сюдра, увѣнчанное Монтіоновской преміею. Переводъ съ французскаго. С.-Петербургъ, въ типографіи Н. Неклюдова, 1870 года.—8 д. л., 471+11 стр.

Въ настоящее время значеніе и интересъ этой книги для русской публики ограничивается собственно очеркомъ исторіи ученія и опытовъ приложенія его къ дѣйствительности.—Книга куплена мною за 6 рублей.

564. Исторія крестьянина 1789—1792 г. Сочиненіе Эркмана и Шатріана, переводъ Марка Вовчка. 2 тома. С.-Петербургъ, типографія Каспари, 1870 г.—Въ 8 д. л.,— 1 томъ 432 стр., 2 томъ—477 стр.

Эркманъ и Шатріанъ.

Авторы извѣстной книги «Исторія крестьянина». Съ фотографіи Везенберга.

Изданіе давно распродано и весьма рѣдко встрѣчаемо въ продажѣ, а особенности томъ первый составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость и совсѣмъ не находимъ въ книжной торговлѣ; цѣнится въ настоящее время отъ 12 до 20 рублей, смотря по степени сохранности.

565. Исторія Малой Россіи. Сочиненіе Д. Бантышъ-Каменскаго, 3 тома, Москва. 1830 года, съ рисунками.

Означенная книга съ 19-ю портретами, 5-ю рисунками и 26-ю раскрашенными изображеніями малороссіянъ и малороссіянокъ въ старинныхъ одеждахъ, планомъ берестеческаго сраженія, снимками подписей разныхъ гетмановъ и предводителей казаковъ и съ картою, представляющею Малороссію подъ владѣніемъ Польскимъ въ началѣ XVII вѣка. Полные и хорошо сбереженные экземпляры

очень рѣдко попадаются въ продажѣ. Это великолѣпное изданіе написано авторомъ по порученію малороссійскаго губернатора князя Рѣпнина; книга цѣнится отъ 15 до 25 рублей.

566. Исторія моего котенка. Баронессы Елены Корфъ. С.-Петербургъ. 1864 года, въ типографіи II отдѣленія собственной Его И. В. Канцеляріи.—Въ 12 д. л., 4 стр.

Это произведеніе малолѣтней, вскорѣ за тѣмъ скончавшейся, дочери графа Модеста Андреевича Корфа, отпечатано въ 30 экземплярахъ. Было два изданія:—одно за другимъ.

См. у Геннади № 208.

267. Исторія новой Сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. Составлена изъ подлинныхъ документовъ Запорожскаго Сѣчеваго Архива А. Скальковскимъ, членомъ статистическаго отдѣленія при Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ, корреспондентомъ-редакторомъ Главнаго Статистическаго Комитета Новороссійскаго края.

Въ цимъ мисти надъ Днѣпромъ,
Де стару Сичь нашу разорили,
Теперь мы надъ Вававлукомъ
Та на Пидьпинни нову Сѣчь зробыли.
Ой нову Сѣчь мы будетъ робыты
Та и будимъ у нея житы.
(Запорожская дума).

Изданіе второе исправленное и значительно умноженное. Три части. Одесса. Печатано въ городской типографіи, 1846 года. — 8 д. л. Часть I-я 367 стр.; часть 2-я 367 стр.; часть 3-я 294 стр. и три карты.

Книга начинается съ предисловія отъ автора; въ предисловіи онъ говоритъ, что «въ 1839 году по Высочайшему повелѣнію мнѣ было дозволено осмотрѣть въ новороссійскихъ губерніяхъ и бесарабской области архивы присутственныхъ мѣстъ, съ тою цѣлію, чтобы извлечь изъ нихъ дѣла и документы, имѣюшіе связь съ политическою исторіею, съ исторіею развитія промышленности и сравнительною статистикою этого края — для составленія изъ этихъ актовъ впослѣдствіи времени Историческаго Архива Новой Россіи. Обозрѣвая архивы, я обращалъ особое вниманіе на описаніе актовъ, касающихся Крыма и запорожцевъ, о которыхъ по недостатку источниковъ я долженъ былъ въ своей новороссійской лѣтописи (1836—1838) говорить мимоходомъ, и при томъ только касаясь исторіи послѣднихъ дней ихъ политическаго существованія». Далѣе говоритъ авторъ: «издавая въ свѣтъ извлеченныя мною изъ мрака неизвѣстности, вырванныя изъ рукъ тлѣнія, сказанія о запорожцахъ, я надѣюсь, что не лихомъ встрѣтятъ соотечественники результатъ моихъ трудовъ. Безкорыстная мысль отмѣтить темную исторію казачества руководила меня, какъ при изысканіяхъ, такъ и при изданіи моего очерка исторіи послѣдняго коша запорожскаго. Если не исполненіе, то цѣль, надѣюсь, заслужитъ снисходительное вниманіе читателей».

Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія; хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 8 до 12 рублей.

Страховъ, Н. Н.

Знаменитый ученый философъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

277. Исторія новой философіи. Сочиненіе Куно Фишера, 4 тома. Переводъ Н. Н. Страхова. Санктпетербургъ. 1862 года. Въ 8 д. л. Изъ V тома переведена 1-я глава: „Критика Кантовской философіи“ Н. А. Иванцовымъ, въ приложеніи къ переводу „Пролегоменъ“ Канта (Вл. С. Соловьева); во II выпускѣ „Переводъ Мо-

сковскаго Психологическаго Общества". Москва. 1889 года.

Означенное сочиненіе К. Фишера отличается замѣчательною логическою стройностію и литературнымъ блескомъ. При изложеніи отдѣльныхъ системъ К. Фишеръ старается поставить читателя на основную точку зрѣнія, основной принципъ системы, изъ котораго и выводитъ затѣмъ все содержаніе послѣдней, какъ логически необходимое, скрывая — иногда насильственно затушевывая — внутреннія противорѣчія системы до конца ея изложенія. Тѣмъ не менѣе ясность педагогическая, стройность и мастерство изложенія, дѣлаютъ книги К. Фишера, весьма пригодными, именно, для начинающихъ изучать новую философію, при чемъ болѣе короткія руководства могутъ быть употребляемы въ видѣ конспектовъ и повторительныхъ курсовъ.

Исторія К. Фишера въ настоящее время рѣдка и совсѣмъ не находима на книжномъ рынкѣ. — См. «Книгу о книгахъ», стр. 20.

Купленъ мною экземпляръ за 25 рублей.

569. Исторія новѣйшей русской литературы (отъ смерти Бѣлинскаго до нашихъ дней). С. А. Венгерова. Часть I (единственная). Конечные годы дореформенной эпохи (1848—1855). С.-Петербургъ, 1885. Въ типографіи Ландау.—Въ 8 д. л., XI+235 стр.

Книга эта очень любопытная и весьма богатая разнообразнымъ матеріаломъ по исторіи новѣйшей русской литературы, за періодъ времени 1848—1855 гг.

На оборотѣ заглавнаго листа сказано, что печатано въ типографіи Ландау; на слѣдующемъ листѣ слѣдуетъ оглавленіе первой части. Далѣе на 16 стр. помѣщено предисловіе С. А. Венгерова, въ которомъ онъ говоритъ, что:

I.

На нашихъ глазахъ происходитъ чудесное превращеніе, глубоко умилительное для нашего національнаго самолюбія. Русская литература, которой еще въ послѣднемъ изданіи такой добросовѣстной

Н. А. Некрасовъ, В. Г. Бѣлинскій, И. И. Панаевъ, жена Бѣлинскаго.
Бѣлинскій передъ смертью.
Съ картины А. А. Наумова, грав. Адтъ.

книги, какъ «Исторія всеобщей литературы» Шерра отведено 4 страницы, столько же, сколько литературѣ румынской и новогреческой, вдругъ стала возбуждать въ Европѣ всеобщее удивленіе, близкое къ энтузіазму. Хотя Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и Грибоѣдовъ уже лѣтъ сорокъ какъ переведены почти на всѣ европейскіе языки, но какъ-то они мало трогали и публику и цѣнителей. Прелесть Пушкинскаго и Лермонтовскаго стиха пропала въ передачѣ, а содержаніе казалось европейскимъ критикамъ подражаніемъ Байрону. Оцѣнить же глубоко-національныя стороны русскаго байронизма, понять насколько въ Онѣгинѣ и Печоринѣ геніально воспроизведены чисто-русскія явленія и теченія, европейская критика, при своемъ полномъ незнакомствѣ съ русской жизнью, не могла. Еще менѣе ей могло быть понятно значеніе Гоголя и Грибоѣдова, съ ихъ воспроизведеніемъ явленій, кажущихся каждому европейцу какою-то грубою и совершенно неправдоподобною каррикатурою.

За то и публика, и критика Западной Европы въ совершенствѣ поняли и оцѣнили гордость и красу русскаго слова второй половины девятнадцатаго вѣка—Тургенева. И при жизни, и послѣ смерти онъ удостоился такихъ отзывовъ въ европейской и американской печати, сочиненія его расходятся въ международной книжной торговлѣ въ такомъ количествѣ изданій, что въ концѣ концовъ можно даже задуматься надъ тѣмъ, гдѣ онъ болѣе знаменитъ и любимъ—у себя дома или заграницею.

Поразительно, однакоже, что при всей восторженной внимательности, съ которою Тургеневъ оцѣненъ и изученъ въ Европѣ, никому изъ прозорливѣйшихъ даже европейскихъ критиковъ не приходило на умъ, что такія снѣжныя вершины литературнаго творчества, какъ авторъ «Записокъ охотника» и «Дворянскаго гнѣзда», не мыслимы на плоской поверхности, что они неизбѣжно требуютъ цѣлой горной цѣпи, цѣлаго ряда такихъ-же горъ, можетъ быть и немного низшихъ, но самихъ по себѣ, все-таки, очень высокихъ и грандіозныхъ и что, слѣдовательно повѣсти и романы Тургенева должны были вырости на глубоко-замѣчательной литературной почвѣ. И только появленіе въ переводѣ «Войны и мира», «Анны Карениной», «Преступленія и наказанія», «Обломова» и другихъ русскихъ романовъ, на которые теперь такой спросъ въ европейской книжной торговлѣ, подчеркнуло это основное положеніе исторіи литературы. Европейская критика была глубоко удивлена, увидѣвши изъ этого ряда первоклассныхъ произведеній, что Тургеневъ, котораго она такъ единодушно признала лучшимъ прозаикомъ второй половины нашего вѣка, имѣетъ у себя дома литературныхъ товарищей, не только не уступающихъ ему въ значеніи, но чуть-ли не даже еще болѣе замѣчательныхъ, чѣмъ онъ.

Такое открытіе не могло пройти безслѣдно и мы, дѣйствительно, видимъ, что въ Европѣ теперь заговорили уже не объ отдѣльныхъ русскихъ писателяхъ, а о русской *литературѣ*, заговорили, какъ мы уже сказали разъ, съ удивленіемъ, близкимъ къ энтузіазму! Авторитетнѣйшій изъ европейскихъ критиковъ—Брандесъ прямо отводитъ русской литературѣ мѣсто рядомъ съ литературою англійскою, нѣмецкою и французскою.

Это почетное уравненіе нашей молодой письменности съ литературою главенствующихъ народовъ цивилизованнаго міра, заматерѣлыхъ въ культурной жизни, не покажется, конечно, преувеличеніемъ всякому, кто хоть нѣсколько размышлялъ надъ первоклассньмъ художественнымъ матеріаломъ, даваемымъ русскою литературою. Литературѣ, въ теченіи какихъ-нибудь шестидесяти лѣтъ выдвинувшей Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Грибоѣдова, Бѣлинскаго и могучую плеяду такъ называемыхъ писателей сороковыхъ годовъ, такой литературѣ развѣ можетъ не быть отведено мѣсто въ первыхъ рядахъ человѣчества?

Можно, собственно говоря, придти къ еще болѣе разительнымъ выводамъ. Если брать для сравненія только новѣйшую русскую литературу — второй половины XIX столѣтія, то простой перечень ея корифеевъ покажетъ, что мѣсто нашей литературы послѣдняго періода ея развитія не рядомъ съ англійскою и американскою литературою второй половины нашего вѣка, кульминаціонными точками которой являются романы Джорджа Элліота, Троллопа, Бичеръ-Стоу и разсказы Бретъ-Гарта, не рядомъ съ новѣйшею нѣмецкою литературою, во главѣ которой стоятъ Ауербахъ, Фрейтагъ, Шпильгагенъ и Поль Гейзе, не рядомъ даже съ французскою литературою послѣднихъ тридцати лѣтъ, хотя она блистаетъ такими сильными талантами, какъ Флоберъ, Додэ, Гюи-де-Мопасанъ и такимъ могучимъ дарованіемъ, какъ Золя,—а рѣшительно

впереди. То, что въ современной западно-европейской литературѣ является послѣднимъ словомъ художественнаго прогресса — реализмъ, въ русской литературѣ безраздѣльно господствуетъ уже около сорока лѣтъ. И притомъ, какой же человѣкъ съ сколько нибудь развитымъ эстетическомъ пониманіемъ, не чувствуетъ насколько мельче многопрославленный европейскій реализмъ послѣднихъ лѣтъ, такъ близко граничащій съ порнографіей и отсутствіемъ идеаловъ, въ сравненіи съ реализмомъ русскихъ писателей, у которыхъ жизненность изображенія въ самомъ дѣлѣ доведена до полнаго воспроизведенія дѣйствительности и гдѣ это до послѣднихъ предѣловъ реальное воспроизведеніе все-таки озарено свѣтомъ идеала и полно такой любви къ человѣку, о которой и помину нѣтъ даже у крупнѣйшихъ европейскихъ реалистовъ послѣдняго времени, въ своемъ реалистическомъ анализѣ жизни доходящихъ до того предѣла, гдѣ трезвость и правда изображенія переходитъ въ апоѳеозъ грубѣйшихъ инстинктовъ животной природы человѣка. И несомнѣнно, въ этой сторонѣ русскаго реализма лежитъ тайна огромнаго успѣха новѣйшихъ русскихъ писателей въ публикѣ и критикѣ Западной Европы. И та, и другая чувствуютъ, что въ немного застоявшійся и подернувшійся мутью потокъ европейской литературы вливается какая-то свѣжая струя, полная своеобразныхъ красокъ, составляющихъ не продуктъ гніенія и разложенія, а результатъ органической работы непочатыхъ и неистощенныхъ еще молодыхъ силъ; что эти вчерашніе варвары говорятъ какое-то новое слово, которому можетъ быть суждено въ самомъ ближайшемъ будущемъ оказать глубокое вліяніе на блѣдное творчество послѣдняго періода европейской литературы, оказать въ силу того, что въ новомъ словѣ, въ этомъ всепроникающемъ реализмѣ говоритъ не тоска пресыщенія и немочь старческаго истощенія, а юношески-страстный порывъ къ свѣту и правдѣ.

Но будемъ, однакоже, увлекаться такимъ частичнымъ сравненіемъ, значеніе котораго можетъ быть парализовано тѣмъ давно констатированнымъ фактомъ, что европейское литературное творчество второй половины нашего вѣка безусловно ниже литературнаго творчества первой половины его, когда сразу выступили такіе гиганты, какъ Байронъ, Шелли, Вальтеръ-Скотъ, Шатобріанъ, Викторъ Гюго, Жоржъ-Зандъ, Диккенсъ, Гейне, не будемъ увлекаться этою очень уже детальною параллелью, а остановимся лучше на всеобщемъ признаніи русской литературы, величиною въ среднемъ выводѣ вполнѣ равною литературамъ самыхъ культурныхъ народовъ міра.

II.

Какъ относится высокое развитіе русской литературы къ формамъ русской общественной жизни? Литература есть отраженіе жизни, гласитъ историческая наука; у великаго народа всегда бываетъ великая литература и, наоборотъ, великая литература есть продуктъ духовнаго существа великаго народа. А у великаго народа, казалось-бы, должны быть величественныя формы общественной жизни.

Таковы теоретическія построенія. Такъ-ли оно, однакоже, на практикѣ? Нужно-ли много распространяться о томъ, что формы русской общественной жизни находятся еще въ совершенно младенческомъ состояніи, что то, что хоть немного удовлетворяетъ культурнымъ требованіямъ, представляетъ собою лишь блѣдную копію западно-европейскихъ образцовъ. Мы, конечно, всего менѣе намѣрены отрицать, что русская общественная жизнь представляетъ собою великую потенцію, можетъ быть — величайшую изъ всѣхъ потенцій, вложенныхъ въ нашъ національный геній, предназначенную удивить міръ своеобразіемъ своихъ общественно-политическихъ построеній, но теперь-то мы говоримъ о настоящемъ и недавнемъ прошломъ и думаемъ, что въ этомъ своемъ видѣ русская общественная жизнь очень уже блѣдна и незначительна, чтобы выдержать сравненіе съ кипучимъ потокомъ общественной жизни западно-европейской.

И если къ этому прибавить, что прочія проявленія интеллектуальной жизни — наука, техника, живопись, скульптура, музыка — хотя и дѣлаютъ у насъ огромные успѣхи и выдвинули не одно славное въ Европѣ имя, но въ общемъ, все-таки, далеко еще не достигли той стадіи, при которой могли бы стать на одну доску съ наукою и искусствомъ Западной Европы (достаточно привести въ подтвержденіе этой мысли, что всякій русскій ученый, техникъ, художникъ и музыкантъ отправляются «*для усовершенствованія*» за-границу), и такъ, говоримъ мы, если къ факту высокаго процвѣтанія русской литературы прибавить то, что наука и

искусство относительно еще не особенно высоко стоятъ въ Россіи, а формы общественной жизни находятся въ совершенно младенческомъ состояніи, то мы приходимъ къ тому знаменательному выводу, что русская литература не только замѣчательное, само по себѣ, явленіе, но что она *самое замѣчательное явленіе русскаго духа*. Вся совокупность стихійныхъ и историческихъ условій, которая создала широкій размахъ русскаго душевнаго склада, ярче всего выразилась въ русской литературѣ. Въ силу своеобразнаго положенія русской интеллигенціи, по интенсивности и качеству своихъ культурныхъ стремленій ни на волосъ не уступающей интеллигенціи самыхъ просвѣщенныхъ странъ Европы, но вслѣдствіе малой культурности окружающей среды, принужденной замыкаться исключительно въ сферѣ интеллектуальныхъ интересовъ, въ силу этого роковаго разлада, русская литература есть центральное проявленіе русскаго духа, фокусъ, въ которомъ сошлись лучшія качества русскаго ума и сердца. Несомнѣнно, литература всякаго другаго народа есть тоже отраженіе лучшихъ сторонъ его духа. Но нигдѣ она не является такимъ *исключительнымъ* проявленіемъ національнаго генія, какъ у насъ. Въ жизни другихъ народовъ литература есть только частный случай общаго культурнаго состоянія той или другой страны въ тотъ или другой періодъ, частное проявленіе духовныхъ силъ, которыя болѣе или менѣе равномѣрно распредѣлены по всѣмъ отраслямъ національной жизни, и во всякомъ случаѣ всюду эпоха дѣлаетъ литературу, а не литература дѣлаетъ эпоху. Поэзія Данте явилась выразительницей того момента исторіи католической церкви, когда она достигла кульминаціоннаго пункта своего цивилизующаго значенія; вѣкъ Шекспира есть вѣкъ реформаціи; Шиллеръ и Гете отражаютъ въ себѣ великій подъемъ національнаго самосознанія, который совершился въ Германіи во второй половинѣ прошлаго вѣка; титаническій полетъ поэзіи Байрона есть непосредственный отзвукъ титанической эпохи конца прошлаго столѣтія, ознаменованной однимъ изъ величайшихъ переворотовъ, когда либо занесенныхъ на скрижали всемірной исторіи.

У насъ этого соотвѣтствія литературы и обще-національной жизни нѣтъ. Самая яркая полоса исторіи русской литературы, эпоха дѣятельности Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бѣлинскаго и нарожденія столь прославленныхъ теперь во всемъ мірѣ корифеевъ новѣйшей русской литературы, эта блестящая полоса русскаго слова совпадаетъ съ одной изъ самыхъ незначительныхъ эпохъ русской исторіи, справедливо охарактеризованный однимъ изъ ея современниковъ какъ вѣкъ «мошекъ и букашекъ». Мы беремъ эпоху 1820—1850 годовъ вовсе не со стороны ея суровости, вовсе не со стороны аракчеевщины, легшей въ основу общественной жизни того времени, а беремъ ее именно со стороны ея крайней незначительности. Суровость иной разъ соединена съ грандіозностью и это можетъ служить источникомъ весьма яркихъ художественныхъ произведеній. Но тридцатилѣтіе 1825—1855 годовъ внѣ сферы интеллектуальной жизни было во всѣхъ отношеніяхъ заурядным временемъ, государственная жизнь котораго не ознаменовалась ни однимъ сколько нибудь изъ ряду вонъ выходящимъ событіемъ и кромѣ суровости, доведенной до крайнихъ предѣловъ возможности, рѣшительно не возможно усмотрѣть другой характерной черты въ этой эпохѣ полнаго летаргическаго сна общественныхъ силъ и общественной иниціативы. И тѣмъ не менѣе, именно эта заурядная эпоха ознаменована ослѣпительно блестящимъ процвѣтаніемъ литературнаго творчества. Ясно, значитъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ уходомъ силъ въ сторону меньшаго сопротивленія. Было-бы, конечно, смѣшно думать, что русскій національный геній имѣетъ какое-то особое предрасположеніе къ художественному творчеству и только въ немъ одномъ можетъ проявляться. Дѣло, очевидно, въ условіяхъ окружающей среды, которая одна и есть причина того, что русская литература является центральнымъ проявленіемъ всѣхъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ русскаго духа, при другихъ формахъ общественной жизни нашедшихъ-бы себѣ не столь исключительное примѣненіе.

III.

Такое центральное положеніе русской литературы не могло не сообщить ей нѣкоторыхъ особенностей, рѣзко отличающихъ ее отъ литературъ другихъ европейскихъ народовъ. Не останавливаясь на томъ, какъ повліяло своеобразное положеніе русской литературы на литературное творчество первой половины нашего вѣка, отмѣтимъ основную особенность литературнаго періода, составляющаго

предметъ настоящаго труда—особенность, непосредственно обусловленную исключительнымъ положеніемъ нашей литературы какъ единственной арены, гдѣ съ большимъ или меньшимъ просторомъ можетъ развернуться нашъ національный геній.

Съ 1855 года наступаютъ новыя времена, ознаменованныя значительными измѣненіями политической атмосферы, которыя имѣли результатомъ необычайный подъемъ общественныхъ силъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы неоднократно будемъ имѣть случай убѣдиться, насколько новыя вѣянія оказали благодѣтельное вліяніе на ходъ умственной жизни въ Россіи вообще и на развитіе литературы въ частности. Слѣдовательно, въ этомъ періодѣ уже замѣчается извѣстное взаимодѣйствіе жизни и литературы. Но утверждая выше, что у насъ нѣтъ соотвѣтствія литературы и общенаціональной жизни, мы этимъ отнюдь не хотѣли бросить русской литературѣ упрека, что она отстаетъ отъ вѣка и не отражаетъ собою всей полноты умственнаго движенія своего времени. Мы хотѣли, напротивъ того, подчеркнуть, что *жизнь отстаетъ отъ литературы*, что русская литература является роскошною розою среди поля, поросшаго бурьяномъ и чертополохомъ, что русская литература всегда впереди своего вѣка и что въ то время, какъ въ духовной жизни другихъ народовъ эпоха дѣлаетъ литературу—у насъ, напротивъ того, литература дѣлаетъ эпоху, придаетъ ей цвѣтъ и сообщаетъ ей ея историческое значеніе. И именно изученіе русской литературы конца пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ особенно поучительно въ этомъ отношеніи. Не смотря на то, что по напряженію общественныхъ силъ эпоха такъ называемаго «возрожденія» нашего до сихъ поръ остается самою яркою въ общественномъ смыслѣ полосою новѣйшей русской исторіи, всякаго, кто приглядывается къ общественному возбужденію этой эпохи, поражаетъ главенствующая роль, которую тутъ играла литература. Во главѣ движенія стояли не представители общественныхъ группъ, а представители литературы. Вождями новаго поколѣнія были критики: Добролюбовъ, авторъ «Очерковъ гоголевскаго періода», Писаревъ, Антововичъ, Шелгуновъ и др. Борьба *общественныхъ* партій происходила главнымъ образомъ на страницахъ журналовъ и, что самое характерное—лозунги были не столько общественные, сколько литературные, такъ что, напр., вопросъ о поэтическомъ значеніи Пушкина становился интегральною частью общественно-политическихъ программъ и краеугольнымъ камнемъ того или другого общественно-политическаго міросозерцанія.

И это-то передовое положеніе русской литературы, какъ эпохи Бѣлинскаго, такъ и эпохи «реформенной Россіи», и сообщаетъ ей ея главную особенность—*необыкновенно яркую общественно-политическую окраску*. Формы русской общественной жизни находятся въ младенческомъ состояніи. Это внѣ сомнѣній. Но *общественныхъ чувствъ*, общественныхъ стремленій у русской интеллигенціи можетъ быть больше, чѣмъ у интеллигенціи народовъ съ самыми развитыми формами проявленія общественной иниціативы. Стоитъ только сравнить общій душевный строй тоскующаго въ поискахъ за общественной правдой русскаго интеллигента съ порядочно таки тупымъ самодовольствомъ западно-европейскаго человѣка, чтобы понять, какіе огромные запасы общественныхъ чувствъ и стремленій таятся подъ блѣдными формами современной русской общественной жизни.

И вотъ весь этотъ запасъ общественныхъ чувствъ, не имѣя возможности въ полной формѣ проявляться другими путями, всецѣло уходитъ въ литературу. Въ Россіи всякій писатель становится въ то же время политическимъ вождемъ, а въ основѣ лучшихъ литературныхъ произведеній нашихъ лежитъ проповѣдь тѣхъ или другихъ общественно-политическихъ взглядовъ и воззрѣній. У насъ писатель долженъ пойти направо или налѣво, а писатель индиферентный къ «политикѣ» не имѣетъ у насъ ни вліянія, ни успѣха въ должной мѣрѣ. Передовой въ литературномъ отношеніи писатель, т. е. въ смыслѣ слѣдованія по новымъ путямъ въ искусствѣ, у насъ всегда передовой и въ политическомъ отношеніи и, наоборотъ, литературный старовѣръ у насъ всегда и политическій ретроградъ. На Западѣ этого нѣтъ. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, возьмемъ послѣднее слово современнаго европейскаго литературнаго новаторства—французскихъ натуралистовъ. Къ какой партіи принадлежитъ Золя, Додэ, Гюи-де-Монасанъ? Что они—республиканцы, легитимисты, бонапартисты? Да ни то, ни другое, ни третье. Они совершенно равнодушны къ политикѣ и никогда ея не затрагиваютъ въ своихъ романахъ, развѣ она имъ понадобится

для характеристики того или другого героя. Гюго въ молодости былъ литературнымъ новаторомъ, а по политическимъ убѣжденіямъ примыкалъ къ легитимизму; въ старости онъ сталъ во главѣ политическаго радикализма, но писать продолжалъ въ обветшаломъ стилѣ романтизма двадцатыхъ годовъ. Еще интереснѣе въ этомъ отношеніи Сентъ-Бевъ— человѣкъ, который произвелъ рѣшительный переворотъ во французской критикѣ и тѣмъ не менѣе пресмыкался предъ Наполеономъ III. Другой новаторъ французской критики—Тэнъ съ пѣною у рта накидывается на великую революцію.

У насъ уже болѣе сорока лѣтъ ничто подобное не мыслимо. Съ тѣхъ поръ, какъ кружокъ Бѣлинскаго рѣшительно примкнулъ къ демократизму, свободолюбивая струя проходитъ чрезъ всю нашу литературу и окрашиваетъ въ свой цвѣтъ всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ литературныхъ дѣятелей. Все, что составляетъ основаніе славы и значенія Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Писемскаго, Григоровича, Островскаго, уже не говоря о Щедринѣ, Некрасовѣ и писателяхъ—«разночинцахъ», вынесенныхъ на литературную арену уравнительнымъ теченіемъ шестидесятыхъ годовъ, все это является передовыми позиціями демократическихъ идей въ Россіи. А *литературные* критики наши—уже прямо политическіе трибуны для которыхъ художественныя произведенія не болѣе какъ удобный объектъ для демонстратированія своихъ политическихъ идеаловъ. Бѣлинскій былъ на столько-же эстетическій критикъ, насколько публицистъ, а Добролюбовъ и Писаревъ были больше публицисты и политическіе памфлетисты, нежели литературные цѣнители. Они узаконили особый родъ критическихъ статей «по поводу» того или другаго произведенія, т. е. статьи, которыя очень мало занимались эстетическою стороною произведенія и очень много общественными выводами, изъ него вытекающими, Знаменитая борьба по вопросу объ искусствѣ была, конечно, только предлогомъ для выясненія новаго общественно-политическаго міросозерцанія шестидесятыхъ годовъ. Статьи Добролюбова какъ будто трактовали о Тургеневѣ, Островскомъ, Гончаровѣ, но на самомъ дѣлѣ это были лирическіе манифесты передоваго русскаго міровоззрѣнія.

— —

IV.

Такова главная особенность новѣйшей русской литературы, безапелляціонно рѣшающая вопросъ о методѣ, который долженъ быть примѣненъ къ изученію русскихъ литературныхъ теченій послѣднихъ тридцати лѣтъ. Что методъ этотъ долженъ быть историческимъ—пространно доказывать не стоитъ: историческій методъ изученія литературы слишкомъ уже установился, чтобы ломать копья во имя его необходимости. Стало уже труизмомъ, общимъ мѣстомъ, что литература какъ отраженіе своего времени должна быть изучаема въ связи съ исторіей той или другой эпохи, что составляя только частное проявленіе общей жизни той или другой страны, она не можетъ быть понята внѣ знакомства съ этой жизнью, внѣ яснаго представленія объ ея бытовыхъ и историческихъ условіяхъ. И такъ, не затѣмъ завели мы рѣчь объ историческомъ методѣ изученія литературы, чтобы доказать, что онъ долженъ быть примѣненъ и къ изученію новѣйшей русской литературы. Мы хотѣли выяснить, что для изученія послѣднихъ десятилѣтій русскаго литературнаго творчества долженъ быть примѣненъ не просто историческій, но *детально историческій методъ*. Для точнаго пониманія западно-европейскихъ литературныхъ теченій мы можемъ ограничиться *общимъ* ознакомленіемъ съ характеромъ историческихъ условій, породившихъ то или другое литературное направленіе. Изучая, положимъ, поэзію Байрона, мы только должны знать, что въ концѣ прошлаго столѣтія сначала произошелъ великій катаклизмъ, перевернувшій вверхъ дномъ всѣ прежде существовавшія религіозныя, государственныя и общественныя представленія, а затѣмъ повторилась вѣчноюная исторія и въ новомъ порядкѣ вещей оказались такіе же изъяны и недостатки, какъ и въ старомъ. Въ типѣ Манфреда въ такихъ общихъ чертахъ сказался отголосокъ того дерзанія человѣческаго ума, которымъ отмѣченъ конецъ прошлаго столѣтія, а въ Чайльдъ-Гарольдѣ опять-таки въ такихъ общихъ чертахъ сказалось глубокое разочарованіе и мизантропія, охватившія тонко-чувствующихъ людей подъ вліяніемъ кровавыхъ событій французской революціи и тѣхъ злоупотребленій во имя свободы, равенства и братства, которыми она ознаменовалась, что въ параллельномъ изученіи всѣхъ деталей событій конца прошлаго столѣтія

нѣтъ надобности для самаго отчетливаго представленія о Байронѣ. Такого-же общаго характера связь нѣмецкаго романтизма съ войнами за освобожденіе Германіи, связь французскаго романтизма съ реставраціею Бурбоновъ и порожденною ею реакціею противъ XVIII вѣка. Послѣднее по времени литературное теченіе европейской литературы—французскій натурализмъ не можетъ быть, конечно, понятъ безъ опредѣленнаго представленія объ огромныхъ успѣхахъ за послѣднія тридцать, сорокъ лѣтъ точныхъ знаній, изгнавшихъ метафизику и всякую иную ложь изъ ихъ послѣднихъ убѣжищъ и привившихъ потребность въ точномъ мышленіи, въ точномъ представленіи обо всемъ, что насъ окружаетъ, всѣмъ сферамъ духовной жизни современнаго европейца. Но нужно-ли намъ для разумѣнія французскаго натурализма детальное знаніе французской государственной жизни послѣднихъ десятилѣтій, нужно-ли въ исторію французскаго натурализма вводитъ подробное изложеніе событій французской политической исторіи семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ? Вотъ отчего мы и говоримъ, что историческій методъ въ приложеніи къ изученію явленій европейской литературы не долженъ идти дальше ознакомленія съ общимъ характеромъ данной эпохи и не требуетъ детальнаго знакомства съ обще-политической исторіей.

Но изученіе новѣйшей русской литературы требуетъ самаго детальнаго знанія событій общественно-политической исторіи нашей. Исторія новѣйшей русской литературы ровно на половину должна быть исторіей новѣйшей русской общественно-политической жизни. Въ эпоху «реформенной Россіи» литература и жизнь до такой степени переплетены другъ съ другомъ, что сплошь да рядомъ при анализѣ того или другого общественнаго явленія нельзя отличить, гдѣ кончается литературный генезисъ его и гдѣ начинается непосредственное дѣйствіе общественныхъ силъ, и наоборотъ при изученіи того или другого факта литературной исторіи не знаешь, гдѣ кончается общественное воздѣйствіе и гдѣ начинается сфера чисто литературнаго творчества. Всякій, кто изучаетъ Щедрина, съ первыхъ-же страницъ видитъ, что имѣетъ дѣло съ первостепеннымъ художественнымъ дарованіемъ, но когда вы присматриваетесь къ тому, какъ онъ въ своихъ произведеніяхъ отражаетъ не только интересы «времени» вообще, а интересы года, мѣсяца и можно даже сказать дня, то вы начинаете понимать, что имѣете дѣло съ явленіемъ настолько же литературнымъ, насколько и общественнымъ, для уразумѣнія котораго вы должны быть посвящены во всѣ детали русской общественной жизни послѣднихъ лѣтъ. Могутъ сказать, что во всѣхъ странахъ сатира очень тѣсно связана именно съ явленіями общественной жизни. Такъ-то оно такъ, но однакоже, нигдѣ она не такъ уже тѣсно съ интересами *дня*, какъ въ сатирѣ Щедрина. Для уразумѣнія «Писемъ темныхъ людей», «Путешествія Гуливера», «Кандида», «Школы злословія», «Пиквикскаго клуба», все-таки совершенно достаточно знать умственную физіономію *вѣка* и ужъ никакъ не болѣе *поколѣнія*, ихъ породившаго. Но *погодное* знаніе русской общественной жизни, безъ котораго вы не поймете четырехъ пятыхъ произведеній Щедрина—это уже чисто русское условіе изученія литературы.

И это-то погодное знаніе общественной жизни необходимо для пониманія почти всѣхъ сколько-нибудь выдающихся произведеній новѣйшей русской литературы. Чтобы вполнѣ обнять значеніе «Наканунѣ» мы должны быть знакомы *au fond* съ тѣмъ радостновыжидательнымъ настроеніемъ, которое обхватило русское общество въ промежуткѣ 1855—1860 гг. подъ вліяніемъ реформаціонныхъ стремленій новаго царствованія. Но для оцѣнки «Отцовъ и дѣтей», которыхъ отдѣляетъ отъ «Наканунѣ» всего три года, уже этого недостаточно. За короткій промежутокъ трехъ лѣтъ успѣло выясниться новое общественное теченіе, безъ детальнаго знакомства съ которымъ мы безсильны понять смыслъ романа и наговоримъ о немъ тотъ-же вздоръ, который наговорила о немъ европейская критика, плохо посвященная въ подробности такъ называемаго «нигилистическаго» движенія. Чрезъ пять лѣтъ послѣ «Отцовъ и дѣтей» появляется «Дымъ» и опять нужны новыя свѣдѣнія объ измѣненіяхъ общественно-политической атмосферы, имѣвшихъ мѣсто въ теченіи этихъ пяти лѣтъ. Наконецъ для пониманія «Нови» требуются уже совсѣмъ новыя свѣдѣнія о явленіяхъ, первые зачатки которыхъ не идутъ дальше начала семидесятыхъ годовъ.

Будетъ лишнимъ забѣганіемъ впередъ, если мы станемъ продолжать этотъ обзоръ произведеній новѣйшей русской литературы, для выясненія значенія

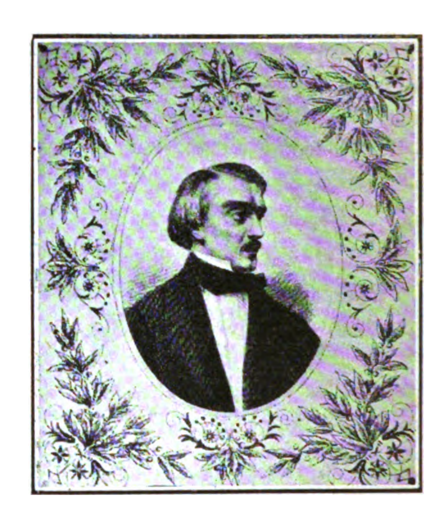
которыхъ требуется самое детальное знакомство съ ходомъ нашей общественно-политической жизни послѣднихъ десятилѣтій. Скажемъ, покамѣсть только въ общихъ чертахъ—и съ этимъ согласится всякій, кто хоть нѣсколько давалъ себѣ отчетъ объ явленіяхъ новѣйшей русской литературной жизни,—что ни стихи Некрасова, и цѣлаго ряда представителей такъ называемой «гражданской поэзіи», ни послѣднія двадцать лѣтъ литературной карьеры Достоевскаго и Писемскаго, ни «Обрывъ» Гончарова и вся огромная серія обличающихъ «нигилизмъ» романовъ, ни такая же огромная серія прославляющихъ нигилизмъ романовъ и повѣстей, ни дѣятельность талантливой плеяды беллетристовъ-народниковъ—Глѣба Успенскаго, Златовратскаго, Рѣшетникова, Левитова и др., ни поражающая своимъ рѣшительнымъ вліяніемъ критическая дѣятельность Добролюбова, Писарева и ихъ продолжателей, ни, наконецъ, знаменательный переворотъ, совершившійся на нашихъ глазахъ съ страстнымъ гонителемъ общественной неправды—Львомъ Толстымъ,—весь этотъ списокъ литературныхъ произведеній, который съ спокойной совѣстью можно назвать каталогомъ всего, что заслуживаетъ вниманія и изученія со стороны историка новѣйшей русской литературы, не можетъ быть понятъ, изученъ и комментированъ безъ тщательнаго изученія всѣхъ деталей и особенности русской государственной и общественной жизни новѣйшаго времени, на своеобразной основѣ которой создалось это удивительное сочетаніе художественной красоты и нравственной силы, широкаго размаха и тоски по идеалу, именуемаго русскою литературою второй половины девятнадцатаго столѣтія.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры чрезвычайно рѣдки.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

570. История о гишпанскомъ принцѣ донъ-Карлосѣ, сынѣ гишпанскаго короля Филиппа II, переведена съ французскаго на россійскій языкъ въ Санктпетербургѣ, при сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. 1760 года.—Въ 8 д. л., 2+106 стр.

Въ началѣ этой рѣдкой книги слѣдуетъ краткое предисловіе отъ автора, въ которомъ онъ говоритъ, что—«сія исторія выбрана изъ всѣхъ гишпанскихъ, итальянскихъ и нидерландскихъ авторовъ, кои писали въ то время, когда оная происходила. Всѣ историки прошлаго вѣка, объявляющіе о несчастномъ гишпанскомъ принцѣ, который подаетъ причину къ сему изданію, не упоминаютъ о любви его къ своей мачихѣ. Какъ разсуждаютъ всегда порочно о таковыхъ вещахъ, то страсть его учинила славѣ сей добродѣтельной королевы нѣкоторый ущербъ.

Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ.

Знаменитый русскій критикъ. Род. 30 мая 1810 г., ум. 28 мая 1848 года.

Съ портрета приложеннаго къ книгѣ А. Баумана „Наши дѣятели“.

Авторъ нашелъ въ разныхъ мѣстахъ обстоятельства ихъ исторіи, вздумалъ издать оныя въ свѣтъ, потому что могутъ они оправдать память сей принцессы и доказать, что съ ея стороны оказана только непорочная любовь».

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры чрезвычайно рѣдко попадаются въ продажѣ.

571. Исторія о казакахъ запорожскихъ, какъ оные издревле зачалися и откуда свое происхожденіе имѣютъ, и въ какомъ состояніи нынѣ находятся, сочиненная отъ инженерной команды. Одесса, въ городской типографіи, 1851 года.—Въ 8 д. л., V+92 стр., съ 3-мя портретами.

Книга издана со списка, хранящагося въ библіотекѣ князя Михаила Семеновича Воронцова, княземъ С. И. Мышецкимъ; съ примѣчаніями С. В. Сафонова, Н. Н. Мурзакевича и Н. Н. Вертилько.

Со стр. 79 и до конца книги помѣщено «Описаніе Запорожской Сѣчи», сочиненіе Василія Чернявскаго, 1766 года.

Хорошо сохранившіеся экземпляры рѣдки.

572. Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артамона Сергіевича Матвѣева, состоящая изъ челобитенъ, писанныхъ имъ къ царю и патріарху, также изъ писемъ къ разнымъ особамъ, съ пріобщеніемъ объявленія о причинахъ его заточенія и о возвращеніи изъ онаго; изданная Николаемъ Новиковымъ, членомъ вольнаго россійскаго собранія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Изданіе первое. Въ Санктпетербургѣ, 1776 года.—Въ 8 д. л., 20+400 стр., съ гравированнымъ портретомъ боярина Матвѣева.

Въ началѣ этой рѣдкой книги слѣдуетъ посвященіе графу П. А. Румянцеву-Задунайскому.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры перваго изданія довольно рѣдки.

См. «Матеріалы для библіографіи или обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ книгъ» Якова Березина-Ширяева, стр. 32-я, сказано—«Оба изданія сдѣлались очень рѣдкими».

573. Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артамона Сергіевича Матвѣева, изданная Николаемъ Новиковымъ, членомъ вольнаго россійскаго собранія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Изданіе второе. Иждивеніемъ типографической компаніи. Москва, въ университетской типографіи у Н. Новикова, 1785 года. — Въ 8 д. л., XV+440 стр.

Эта рѣдкая книга состоящая изъ челобитенъ, писанныхъ бояриномъ Матвѣевымъ къ царю и патріарху, а также изъ писемъ къ разнымъ особамъ; съ пріобщеніемъ объявленія о причинахъ его заточенія и о возвращеніи изъ онаго.

На первыхъ 6-ти страницахъ помѣщено посвященіе книги графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому, при слѣдующихъ выраженіяхъ:

Сіятельнѣйшему Графу,

Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому,

высокоповелительному г. генералу-фельдмаршалу, сенатору, кіевскому, черниговскому и новгородъсѣверскому генералъ-губернатору, Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка подполковнику, Кирасирскаго полка военнаго ордена святаго великомученика и побѣдоносца Георгія полковнику, Россійскихъ Орденовъ св. Апостола Андрея, св. Александра Невскаго, св. Георгія первой степени и св. равноапостольнаго Князя Владиміра первой-же степени, Прусскаго Чернаго Орла и Голстинскаго святыя Анны Кавалеру,

Милостивому государю!

———

Сіятельнѣйшій Графъ!

Милостивый Государь!

Издавая во свѣтъ исторію о невинномъ заточеніи Ближняго Боярина Артамона Сергіевича Матвѣева, не могу я никому посвятить ее пристойнѣе, кромѣ Вашего Высокографскаго Сіятельства, его Правнука и преемника всѣхъ блистательныхъ добродѣтелей, украшавшихъ того Ироя. Писатели и издатели во всѣхъ временахъ часто посвящали дѣянія Ироевъ людямъ, породою только знатнымъ, или высокостепеннымъ; но рѣдко имѣли случай посвящать оныя Ироямъ, каковы были описываемы ими: напротивъ сего я посвящаю сію книгу такому Ирою, который дѣлами своими еще и превышаетъ своего Прадѣда. Симъ дѣйствіемъ сугубо исполняю я должность сына Отечества, обязаннаго служить оному посильными своими трудами и прославлять дѣла и подвиги собратій своихъ, заслугами Государю и Отечеству знаменитыхъ. Артамонъ Сергіевичъ Матвѣевъ весьма достоинъ всемірнаго прославленія, яко истинный Ирой того вѣка; ибо неусыпными трудами и попеченіями чрезъ всю жизнь свою споспѣшествовалъ онъ благополучію Государства, и наконецъ, спасая Государя и Отечество, заслуги свои запечатлѣлъ кровію своею. И такъ, издавая въ свѣтъ сію книгу, свидѣтельствую усердіе мое ко прославленію его имени; а посвящая оную Вашему Высокографскому Сіятельству, знаменитому Ирою нашего вѣка, приношу хотя слабую, но искреннюю жертву побѣдителю,

покорителю и умиротворителю враговъ моего Отечества. Я бы желалъ распространить достодолжную хвалу великимъ Вашего Высокографскаго Сіятельства душевнымъ свойствамъ и добродѣтелямъ, но скудость пера моего налагаетъ на меня молчаніе. Остается мнѣ просить Ваше Высокографское Сіятельство о томъ, чтобы сіе мое усердное приношеніе приняли Вы съ обыкновенною Вашею благосклонностію къ упражняющимся въ словесныхъ наукахъ, и позволили бы мнѣ быть навсегда,

Сіятельнѣйшій Графъ!

Милостивый Государь!

Вашего Сіятельства искреннѣйшимъ, усерднѣйшимъ и вѣрнымъ слугою,

Николай Новиковъ.

Послѣ приведеннаго выше посвященія, слѣдуетъ обращеніе *къ читатемю*, которое приводимъ здѣсь полностію.

Сообщаемая нынѣ мною ученому свѣту книга содержитъ въ себѣ разныя извѣстія, касающіяся до жизни славнѣйшаго мужа временъ Царя Алексія Михайловича. Исторія наша весьма мало можетъ намъ представить ему подобныхъ. Сей есть Артамонъ Сергіевичъ Матвѣевъ, ближній бояринъ, намѣстникъ разныхъ городовъ, Царскія большія печати и Государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, приказовъ Стрѣлецкаго, Казацкаго и другихъ, такожъ и Монетнаго двора Главный Судія. Сей мужъ, неутомимыми услугами, вѣрностію и преданностію къ Государю, безпредѣльною любовію къ Отечеству, милосердіемъ къ Народу, мудростію и правосудіемъ въ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ, храбростію и прозорливостію въ дѣлахъ воинскихъ, и наконецъ ученостію своею, снискалъ себѣ славное названіе Царскаго друга и благодѣтеля народа. Царь Алексій Михайловичъ писывалъ къ нему обыкновенно въ письмахъ своихъ: *Другъ мой Сергѣевичъ!* Одно изъ таковыхъ писемъ доказываетъ совершенно, сколь велики были къ нему любовь и довѣренность сего Государя. Сіе письмо писано было къ нему изъ Москвы подъ Смоленскъ, гдѣ тогда Артамонъ Сергѣевичъ съ войсками находился; въ немъ между прочимъ написано: *Пріѣзжай къ намъ скорѣе, дѣти мои, и я, безъ тебя осиротѣли: за ними присмотрѣть не кому, а мнѣ посовѣтовать безъ тебя не съ кѣмъ, и проч.* Таковыхъ писемъ и другихъ извѣстій и собственныхъ Артамона Сергѣевича записокъ и сына его Графа Андрея Артамоновича, весьма много находится въ домѣ Князей Мещерскихъ, о чемъ я самъ слышалъ отъ покойнаго Его Сіятельства Князя Василія Ивановича Мещерскаго, и которыя онъ разобравъ обѣщалъ ко мнѣ прислать. Желательно бы было, чтобы сіи бумаги ко мнѣ сооообщены были, дабы или при второмъ изданіи пріобщить оныя къ сей книгѣ, или бы можно было приступить и къ сочиненію полной исторіи сего великаго мужа. Любовь же народную къ нему доказываетъ слышанное мною отъ многихъ достовѣрныхъ людей, а паче отъ покойнаго Князя Василія Мещерскаго извѣстіе, которой увѣрялъ меня что онъ сіе извѣстіе почерпнулъ изъ домовыхъ записокъ, находящихся у него, и которое я здѣсь сообщаю. Артамонъ Сергіевичъ Матвѣевъ имѣлъ весьма малый и тѣсный домикъ между Покровскою и Мясницкою, въ приходѣ церкви Николая Чудотворца, что въ Столпахъ, гдѣ послѣ уже построилъ онъ большія каменныя палаты, которыя и нынѣ еще въ цѣлости стоятъ и принадлежатъ Князьямъ Мещерскимъ. Царь нѣсколько разъ ему говорилъ, чтобы онъ построилъ себѣ большія палаты, но Артамонъ Сергіевичъ всегда отговаривался недосугами и неисправностію; наконецъ Царь сказалъ, что онъ самъ прикажетъ ему построить палаты. Артамонъ Сергіевичъ видно, что не старался обременять себя милостями Государскими; и для того, благодаривъ Государя, сказалъ, что онъ уже исправился и намѣренъ того же лѣта строить себѣ палаты. И въ самомъ дѣлѣ приказалъ заготовлять матеріалы къ строенію; но тогда во всей Москвѣ не было въ привозѣ камня для фундамента. Слухъ о семъ въ городѣ разнесся, что Бояринъ Матвѣевъ хочетъ строить палаты, но затѣмъ не начинаетъ, что нѣтъ камня на основаніе дома. Стрѣльцы и народъ, собравшись между собою, переговорили, и нѣсколько человѣкъ на другой день пришли къ Боярину, сказывая, что стрѣльцы и народъ слышали, что онъ нигдѣ не нашелъ купить камня, такъ они ему кланяются, то есть дарятъ камнемъ подъ цѣлый домъ. *Друзья мои!* отвѣчалъ Бояринъ: *я подарковъ вашихъ не хочу; а ежели у васъ камень есть, то продайте мнѣ, я богатъ и могу купить.* При-

сланные отвѣтствовали, что пославшіе ихъ сего каменья не продадутъ ни за какія деньги, а дарятъ своего благодѣтеля, которой имъ всякое добро дѣлалъ; при чемъ просили его неотступно, чтобы онъ приказалъ тѣ каменья принять. Долго не склонялся Бояринъ, но наконецъ согласился и приказалъ привезть. Но въ какое пришелъ онъ удивленіе, когда на другой день увидѣлъ полонъ дворъ навезенныхъ каменьевъ съ могилъ. Выбранные говорили ему: *Привезенные каменья взяты нами съ гробовъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ; и для того-то мы ихъ ни за какія деньги продать не могли, а даримъ тебѣ, нашему благодѣтелю.* Бояринъ, не отпуская ихъ и не принимая каменья, тотчасъ поѣхалъ къ Царю и увѣдомилъ его о семъ неслыханномъ случаѣ. Но Царь отвѣтствовалъ ему: *Прими, другъ мой, сей подарокъ отъ народа; знатно, что они тебя любятъ, что гробы родительскіе обнажили, для того, чтобъ сдѣлать тебѣ угодность. Такой подарокъ и я бы охотно принялъ отъ народа.* Бояринъ возвратился домой, принялъ каменья, дарилъ ихъ, но они ничего не приняли; и такъ отпустя ихъ началъ строить домъ. Къ чести сего мужа должно сказать и то, что Царица Наталья Кириловна, мать Императора Петра великаго, воспитана была въ его домѣ, и жила въ ономъ до самаго вступленія въ замужество Царское. Хорошій его вкусъ и знаніе въ свободныхъ художествахъ утверждаетъ иконостасъ въ домовой его церкви, которой весь написанъ наилучшимъ италіянскимъ письмомъ. Любовь его къ наукамъ доказываетъ то, что онъ всегда имѣлъ обращеніе съ иностранными учеными мужами, что послѣ было причиною его нещастія и ссылки въ правленіе Царя Ѳеодора Алексіевича. Одинъ Польской историкъ увѣряетъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ, при кончинѣ своей, предусматривая слабость силъ тѣлесныхъ обоихъ Царевичей, Ѳеодора и Іоанна Алексіевичевъ, сдѣлалъ было завѣщаніе, которымъ наслѣдникомъ и преемникомъ престола своего опредѣлялъ Царевича Петра Алексѣевича, а Артамона Сергіевича назначалъ правителемъ государства до совершенныхъ лѣтъ младаго Царевича; но что по кончинѣ Царя Алексія Михайловича обстоятельства перемѣнились, и сей случай, по его увѣренію, былъ причиною ссылки Боярина Артамона Сергіевича.

Что касается до сей издаваемой мною книги, то списокъ, съ котораго я издавалъ, угодно было Ея Императорскому Величеству приказать сообщить изъ собственныя Ея Книгохранительницы и поручить мнѣ изданіе онаго. Судьбою предуставлено, чтобы вѣкъ Великія Екатерины былъ вѣкомъ славы и величества Россіи; и чтобы не токмо нынѣ живущихъ великихъ мужей, но и умершихъ память и славныя дѣла, погребенныя во тьмѣ вѣковъ прошедшихъ извлекалися изъ подъ спуда и полагалися предъ очи всего міра при Ея премудромъ правленіи, для прославленія именъ ихъ въ позднѣйшихъ потомкахъ. Сей списокъ, полученный мною отъ Ея Императорскаго Величества, списанъ съ находящагося въ домѣ покойнаго Князя Василія Ивановича Мещерскаго подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

«Оправданіе о безвинномъ раззореніи и о седмилѣтнемъ страданіи, бывшемъ въ ссылкѣ въ Пустоозерскомъ острогѣ Боярина Артамона Сергіевича, и сына его Комнатнаго Стольника Андрея Артамоновича Матвѣевыхъ, съ 7184 по 7190 годъ, при державѣ Пресвѣтлѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, блаженныя памяти, каковое онъ вышепоименованный Бояринъ весьма ясно изнесъ по тремъ своимъ челобитнымъ, тогда отъ бывшаго у него Пристава, отъ Стольника Гавріила Яковлева сына Тухачевскаго, изъ Пустоозерскаго того острога посланнымъ въ Стрѣлецкой Приказъ для донесенія Его Высокопомянутому Царскому Величеству, о всесовершенной той истинной правдѣ и о невинности своей по явной на него клеветѣ и по вымышленному отъ внутреннихъ его Боярскихъ злодѣевъ притворному и самому ложному составу, съ достовѣрными самыми отъ себя доказательствы, къ ясному во всѣхъ тѣхъ злосоставныхъ и сказкою ему причтенныхъ винъ изобличеніемъ освидѣтельствованныхъ, истиннымъ Правосудіемъ Божіемъ и отъ Божественнаго Писанія святыхъ правилъ, отъ Христіанскихъ всѣхъ законовъ и всѣхъ гражданскихъ Правъ и Уложенья, которыя вины безъ всякаго испытанія чрезъ оныя государственныя Права безъ очныхъ ставокъ необходимо надлежащихъ ему Боярину съ ворами и клеветниками оными, и противно всѣмъ Христіанскимъ Законамъ и Правиламъ, и гражданскимъ тѣмъ Правамъ и Уложенію, ему Боярину въ Казанской приказной Палатѣ, при Бояринѣ и Воеводѣ

Иванѣ Богдановичѣ Милославскомъ, нарочно изъ Москвы присланнымъ Дьякомъ Иваномъ Гороховымъ сказаны были, который Дьякъ Гороховъ егожъ Боярскіе и сына его пожитки на его Великаго Государя съ Дьяками со Львомъ Нечаевымъ и съ Никитою Полунинымъ въ прошломъ 7185 году описывалъ и обиралъ. О чемъ о всемъ вышеупомянутомъ обстоятельнѣе извѣстно будетъ изъ тѣхъ его Боярскихъ къ Его Царскому Величеству и къ Святѣйшему Іоакиму Патріарху Московскому и всея Россіи подлинныхъ челобитенъ и къ Ближнимъ Боярамъ съ грамотокъ списанныхъ по порядку ниже сего. А тѣ всѣ подлинныя челобитныя писаны были собственною рукою сына его Андрея Артамоновича». — Кромѣ сего списка имѣлъ я еще три другіе: одинъ находящійся въ Императорской Библіотекѣ при Академіи Наукъ; другой получилъ я отъ Г. Генералъ-Аудитора Лейтенанта Петра Кириловича Хлѣбникова; третій находился у меня купленный мною. Всѣ сіи четыре списка сходствовали между собою совершенно, кромѣ того, что въ трехъ послѣднихъ спискахъ весьма много погрѣшностей, отъ перепищиковъ учиненныхъ. Къ сему списку прибавилъ я собранныя мною надписи съ надгробій многихъ Особъ изъ рода Матвѣевыхъ.

Въ заключеніи желаю читателю моему, чтобы онъ при совершенномъ здравіи пользовался сею книжкою, ожидая съ терпѣніемъ полной исторіи сего великаго мужа.

574. Исторія о раззореніи Трои, столичнаго града Фригійскаго царства, изъ разныхъ древнихъ писателей собрана противъ перваго изданія четвертымъ тисненіемъ напечатанная въ С.-Петербургѣ, 1760 года.—Въ 12 д. л., 470 + 9 стр.

Означенное сочиненіе издано было въ царствованіе Императора Петра Великаго въ 1709 году. См. «Опытъ россійской библіографіи» Василія Сопикова, за № 8567 сказано: «книга рѣдкая»; есть у Як. Березина-Ширяева, см. «Описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ или дополнительные матеріалы для библіографіи», стр. 89 сказано, что были три изданія и всѣ сдѣлались рѣдкими.

575. Исторія о славномъ Рыцарѣ златыхъ ключей Петрѣ Прованскомъ и о прекрасной Магелонѣ, переведено съ французскаго Д. М. Москва. 1780 г.—Въ 8 д. л. Въ Университетской типографіи у Новикова. 164 нум. стр.

Брошюра эта составляетъ въ настоящее время замѣчательную библіографическую рѣдкость.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 6 рублей.

576. Исторія о странствіяхъ вообще, сокращенная новѣйшимъ расположеніемъ чрезъ господина Лагарта. Сочиненіе Прево. Переводъ съ французскаго. Москва. 1728-87 года, 22 части.—Въ 8 д. л., съ рисунками.

Исторія о странствованіяхъ съ многочисленными рисунками и гравюрами, планами и картами. Переводъ этого обширнаго сочиненія принадлежитъ М. Веревкину, посвятившему свой трудъ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ.— Французскій подлинникъ состоитъ изъ 32-хъ частей, но на русскій языкъ переведено лишь 22 части.—У Сопикова—№ 4862, сказано—«книга рѣдкая».

Купленъ мною экземпляръ за 25 рублей.

577. „История о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ, иже за благочестіе, святые церковные законы и преданія, въ настоящая времена великодушно пострадаша“—тутъ же и челобитная монаховъ Соловецкаго монастыря къ царю Алексѣю Михайловичу повѣсть о бѣломъ клобукѣ и другія статьи. Издано старообрядцами.— Въ 4 д. л., безъ означенія года и мѣста печати.

Эта книга напечатана тайно, безъ дозволенія, духовнаго правительства:—«яко противныя церкви и соблазнительная для православныхъ христіанъ».

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры считаются очень рѣдкими.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 442 сказано: «изданіе это очень рѣдкое».

ИСТОРИЯ
О ОТЦѢХЪ И СТРАДАЛЬЦѢХЪ
СОЛОВЕЦКИХЪ:

иже за благочестіе и святые церковные законы и преданія, въ настоящая времена, великодушно пострадаша.

Въ дѣлѣ вѣры никто со стороны мѣшаться не долженъ.

В. Жуковскій.

(Наставникъ Воспитат. Александра II. Письмо 15 Іюля 1851; II томъ, 4 Выпускъ 2 до Отд. Академіи Наукъ).

Аще оубо древле творцевъ Оміръ толико тщаніе, толико подвизаніе, толикіи трудъ показа: во эже написати тройска града начало, жительство и разореніе, во эже показати мужы исполины храбрыя великомощныя и крепкодушныя: иже эсть честь отечества даже досмерти подвисашася. Колико намъ подоблетъ множайшее тщаніе, вящшій подвигъ и теплѣйшее оузердіе іавити, коизявленію: неграда крѣпка и преславна, стѣнъ твердостію чюдими. Столповъ высотою оудивляема, и мужей храбрыхъ множествомъ прославляема. Но монастыря свята и пречюдна, эгожe іако начало свято и избранно, тако жительство преподобно и благолюбезно, тако конецъ богооугоденъ и предивенъ: внемъ же мужи чуднаго и высокаго жития, мужи храбраго и крепкаго терпѣнія, мужи твердаго и невлаемаго веледущія возияша: неплотскихъ ниже вещественныхъ сопостатовъ, но не вещественныя мысленныя враги храбрю и зѣло, храбро побѣдивше иже заотеческія законы, за церковное православіе, видаша плещы своя нараны, хребты на оудареніе, оуды на раздробленіе, тѣлеса намуки конечнѣ насмерть предавщыяся забезсмертную жизнь элмаже мнози толико жаждущіи любожелательно слышати осемъ. Толико понуждающи въ любосниcканія трудъ, элико околичествѣ старыхъ мужей, возиявшихъ повременемъ во обители. Толико и о дивнемъ моужествѣ страдавшихъ занепріятіе новостей назіавити благоревностнѣ потщахомся втрудъ собранія непохвалу мужемъ чюднымъ іаже во оустѣхъ грѣшныхъ не красна есть соплетающе носамыя вещи самыя дѣянія отецъ; іаже отразличныхъ списателей собрахомъ іаже отоустъ само бывшихъ вовремя разоренія обители въ воинствѣ слышахомъ: іаже отъ оставшихъ соловецкихъ Отецъ извѣстно на оучихомся: сія благолюбивыхъ оутесемъ представляюще возвѣщаемъ. Ипервѣе оубо оначалѣ старыя обители, когда создася каковыми ктиторами, каковыми же законы, каковыми преданіи благочиніи о градися. Таже и оживущихъ вней отцѣхъ каковыя старости элико высокаго житія іакова чюднаго воздержанія бяху, наконецъ овеликодушіи страданія ревности благочестія, крѣпости терпѣнія, блаженныхъ отецъ, вовремя разоренія бывшихъ, и крови своя за благочестіе проліявшихъ, всемъ собраніи предлагаемъ. да откорене древо и отсего вѣтви, отвѣтвей же плоды оудобнѣйше обявятся, и невѣдящіи слышавше оудивятся вѣдящіиже памятію обновятся, добраго оусердія плодъ обще обнимутъ корысть послушанія внебѣ воспріимутъ.

Монастырь Соловецкіи эсть киновія сі есть обще жительство: собранный отстекшихся иноковъ, воэдино имѣнное и эдинотрапезное, Паче же эдино мысленное спасительное пребываніе: соградденъныи внѣ мірскихъ жилищъ воединомъ отморскихъ отоковъ соловки именуемѣмъ отнего и соловецкіи нарицатися приятъ: Начало житія воотоцѣ преподобныи отецъ Саватіи произведе влѣто зцки приблагочестивѣмъ князѣ Василіи Василіевичѣ: многа лѣта оуэдиненнымъ житіемъ спасительно безмолствова: попреставленіи же онаго, преподобныи отецъ сосима, обнови жительство отока, и кинокъ возгради и братію собора: чины и опуставы и преданія церковная и отеческая кназданію душъ человѣческихъ предавъ спасительное, спасительное наслѣдіе оученикомъ остави: иякожe омѣстоположеніи каковства киновіи и количества отстоянія вселенныя: тако о веществѣ зданія и згроможденія, тако овидѣ благолѣпоства и оукрашенія и утвердости монастыря оставляю писати: гяже нетокмо россіаномъ замовидѣніемъ правено оувѣряема но вселенныя исторіографомъ и гіографомъ назападѣ и востоцѣ пребывающымъ сія весьма извѣстна и воописаніи суть. Толико же вседобрыми законы, и пресвѣтлымъ благочестіемъ просія толико благочиніемъ, и преданіемъ, опуставовъ оукрасися іако посредѣ россійскихъ монастырей свѣтитися іако лунѣ посредѣ звѣздъ, ибо оученицы преподобнаго тако сохраняху благочестіе не повредно, законы несыблемы, преданіе не оущербно: іако и значала пріяша тако отпреподобнаго отца наоучишеся; ни что же претворяюще или приносяще: и толь твердо сохраниша іако вовремя искушенія. икровьми сіе запечатлѣша: эже грядущіе іавитъ слово: житиліеже отока сі эсть оученицы преподобныхъ отцѣхъ оумножишася зѣло іако сѣмя авраамле: имъ же число допятихъ сотъ и вящше восхождаше, кромѣ бѣлцевъ и искушающихся множае сущихъ отблагаго бо корене потокъ молитвенныхъ благоносною Зосимы и Саватія отецъ, благій садъ и много плоденъ собранія и зрaсте, добрыня вѣтви старыя мужы и здаде: не токмо цвѣтами добродѣтелей видимо красящихся, но и плодами благодатія Божія и царствія небеснаго наслѣдіемъ обогатившыяся, іакови быша попреставленіи старыхъ прежде Іоаннъ и Василіи пономарь

посмерти своэй вкупѣ спреподобными людямъ чюдеснѣ іавляющеся. Таже Іоаннъ и Логинъ бывшая киновіи служебники, нынѣ же новоіавленная іаренская чюдотворца. Филиппъ святыи которыи киновій и многотщательный ктіторъ и всероссійскій чюдотворецъ, и архіерей Іаковъ игуменъ и многотрудный чюднаго стѣно зданія соградитель. Преподобныи Иринархъ игуменъ и дивныи пустынно житель. Преподобный Діодоръ, трудникъ нобщежитель соловецкія киновіи. Тако и пустынно житель и отшельникъ чюдныи иже послѣжде юрьэгорскіи возградивый монастырь, ивнемъ отсдѣтнихъ къ Богу свято преселивыися: Преподобныи и дивныи пустынножитель Андрей бывыи трудникъ, соловецкіи иже пятьдесятъ и осмь лѣтъ пустынно-оуэдиненіємъ господеви работавъ, выше эстественныя благодати сподобися: Ксимъ и прочіи бесчисленніи общежители велиціи постницы и пустынніи безмолвницы соловецкаго отока іако пресвѣтлыя звѣзды просіяша, онихъ же книга житія преподобною отцу, ижитіє Філиппа митрополита. ижитіе преподобнаго Диодора началника юрьегорскаго іавляють вконечна яже времена израстанія отъ расанъ соловецкаго чюдотворцевъ сада: преподобный и духоносный Элеазаръ чюдотворецъ анзерскіи соградивый скитъ и жительство внемъ составивъ: иже чистаго ради житія пророческими дарованіи обогатися, о Никонѣ патріарсѣ, иначаловодителѣ новостей. впослушаніи иунего пребывающимъ прорече. іако великое зло росіа себѣ сего израсти: видя святыи эдиною служащу литоргію Никону, іако достовѣреніи анзеро-житиміе рекоша змія черна и зѣло велика около выи эго оплѣтшася и велми оужасеса оттогда возненавидѣвъ эго сотвори ему бѣжати. Илія святыи игуменъ, и первыи архимандритъ, мужъ великаго воздержанія: иже толикое воздержаніе стяжа, іако єдинъ хлѣбъ съ водою іадяше, дане познанъ будетъ неядыи, варенія воду теплую затрапезою ядаше, Іоаннъ юродивый въ человѣчествѣмъ боуствѣ, небесною мудростію обогативыися: иже смерти своея день предвѣдый, ходя вообители помноги дни, гласомъ веліемъ звате: ктоми будетъ спутникъ до іерусалима; и никтоже глаголемыхъ разумѣти можаше. ввечеръ же конечныя нощи пріиде къ единому отъ оусмарей его же друга себѣ имяше глагола: друже гради сомною до Філиппова кладезя, іако дивну вещь имамъ ти іавити: оному же глубоконощіемъ отрицающуся, во оутріє ити обѣщавшися отъ иде, утру же бывшу оусмарь невидѣвъ онаго, текъ къ Филиппову кладязю, обрѣте того огосподѣ скончавшася, и въсѣмъ повѣда: тогда разумѣша вси яко въ небесный іерусалимъ блаженный спутника себѣ зваше. Гоури блаженныи инокъ, иже благоюродствомъ житія, великихъ чюдодѣяній изводитель показася, иже въ хлѣбницѣ жительствуя и въ хлѣбопекарную пещь по исвлаченіи хлѣбовъ въ нестерпимыи зной вхождаше, поустіе затворивъ пещи іако впрохладѣ нѣкоемъ стояше, поклоны и молитвы богови приносяя. Сей опріѣздѣ Никона патріарха помощи святаго Філиппа напредъ прорече; сеи блаженныи отцу Игнатію идѣже срѣташе присно глаголате: Игнатіе изыди отмонастыря сего, ибо свои монастырь равныи собереши: кое слово блаженнаго послѣждо дѣло іавися: егда Игнатіе въ пальеостровстѣмъ монастырѣ за благочестіе содвѣма тысящама и седьми стами народа отнашедшихъ воиновъ огнемъ скончася. Іоаннъ нарицаемыи похабныи, иже блаженнымъ поханствомъ, благодати предсрѣти будущія сподобися сей всоловецтѣй киновіи пребывая еще миру сущу глубоку ходя вообители вопіяше бѣжимъ отсюду. іако иноземцы грядутъ ко обители и нѣкоему отморeплавателей пріѣхавшу во обитель Амсіу именемъ моляшеся и взятсъ собою набрегъ, томужe вопрошающу почто: рече, іако иноземцы будутъ разорять обитель, възявже его наладію, и особь вопросивъ блаженнаго осемъ. оуслыша іако царово воинство пріидетъ и разоритъ обитель и обычай и законы монастырскія измѣнятся, набрегъ же пріэхавъ живате ввесехъ приморіа калгалакши и прочихъ нѣкогда ходящу ему и обычнѣ юродствующу мужъ піяныи оттусущихъ діаволомъ наущенъ наскочивъ на блаженнаго оудуривъ оземлю ди его даже до полуомертвія. Іоаннъ же мало полѣжавъ воставъ ивозрѣвъ на оубійцу, рече ему: кіи прибытокъ получилъ еси, се въ скорѣ отпсовъ растерзанъ будеши и ниже слѣда костей твоихъ обрящется слово блаженнаго дѣло абіе бываетъ помалѣ грядущему тому въ весь нѣкую нападше на него пси всего растерзаша. и ниже костеи эго оставиша по глаголу блаженнаго, ипонеже вовсѣхъ странахъ поморія хождате. даже и доградa архангельскаго и древле церковныя благочестія оуставы гласомъ свободнымъ возвѣщате. іатъ бысть и свезенъ наколмогоры: и помногихъ истязаніяхъ, поразличныхъ мученіяхъ и ранахъ непреложное нрава блаженнаго разумѣвше мучители

даша отвѣтъ на сожженіе, ведому блаженному насмерть весь народъ стечеся на позоръ, іако и самому воеводѣ пріехатн имущу младенищнаго дѣтища. и эгда въ сроубъ спустиша эго. ста на востокъ моляшеся, объявшу же огню срубъ и опаливщу страдальца паде наземлю, тогда младенецъ воеводы возопи: перстомъ оуказоуя. отче отче: се Іоаннъ на высоту пойде, се на небо восходитъ, сія отнарода мнози близостоящіи слышавше прославиша Бога маловременными мученія скорбми. навѣчную небесе славу, своя рабы восводяща: Подвижницы и молитвенници, іако воотходнѣй пустыни отока тако и во обители зѣло велици быша живоуще: не токмо исперва, но и предзамѣмъ временемъ искушенія. Таковъ бяше братъ оные иже скончеваяся отцу духовному исповѣда, іако кѣлейнаго правила впредъ натридесятолѣтное время наполни. Таковъ бяше діаконъ оный, его же ногамъ отъ многостоянія опухшымъ, ниже мало радяте: послучаюже нѣкогда идыи напѣніе сапогоу эго погрясшу, сквозѣ мостъ, извлекъ ногу обрѣте сапогъ полнъ крове, звлекъ сапогъ и вложивъ въ него ногу, паки напѣніе срадостію аки ничтоже пострадавъ течаше.

Мнози вниxъ и старыxъ писаніи опасніи вѣдателіе, мнози и вразсужденіяхъ благо искусні смотрители быша: и толико мнози, іако обители оныя правленію, своими настоятельми довлѣющіи: и не токмо обители но и навысочайшыя архіерейскія престолы отцы соловецтіи избираеми бяху. Мнози исловесныя мудрости наказанія причастницы отсочиненниxъ ими повѣстей показоуются: отсихъ эсть и Герасимъ Фирсовъ, моужъ довольнаго оученія, иже во время Никона патріарха новопреданіи слово о крестномъ знаменіи эже на лицахъ сочинивъ добрѣйшее моудрости своея, изъображеніе посебѣ остави отсего быше означенныи Игнатій, моудрости воду іако гоуба почерпе: иже вся олонецкія и каргопольскія страны въ догматѣхъ стояти оутверди, и непроходимыя пустынныя дебри, благочестивыми наслади жительми. Таково бяше преподобныхъ отцевъ сажденіе, таковыи много благоплодный садъ, таковое благорасленное древо. приводахъ божіихъ законовъ насажденное: тѣмже и листь его вовремя великобурнаго искушенія не отпаде: но зрѣлыя плоды и цѣлы благосодителю возпослашася како же возпослашася послушайте. Егда оубо древле прореченное время приспѣваше абіе Никонъ въ патріаршескія дворы вхождаше. Тогда пророчества выше іавленнаго Елеазара събывашеся, іако Никонъ патріаршескими одеждами облагашеся. Иже пріемъ высочайши престолъ, великаго смущенія имятежа церковь, великихъ оозлоблении ивѣдъ люди великаго троуса и колебанія всю россію исполни. Не поколебимыя церковныя предѣлы поколебавъ, недвижныя благочестія оуставы предвигнувъ, соборныя святыхъ отцевъ клятвы прерва: и іаже въ сокровищи сердца новостей посѣяніе возъимѣ. сія въ церковь неправдѣ внести оумысли еже треми знаменатися перестами, еже пятьми благословляти, еже крестомъ двочастнымъ просфиры печатати. еже аллилоуіа трегоубити вопсалмоглаголаніи, еже пять просфиръ въ проскомеди имѣти, еже колѣнопреклоненіи восвятыя посты въ церкви не творити, еже на колѣнахъ стоящымъ въ прежесщеноѣй и вечоръней, молитися, и прочая безчисленная чиновъ же и оуставовъ премѣненія, оувѣщавъ царя и сѵклитъ, и собора вся архіереи соборовъ овыя ласканіемъ овыя царскимъ страхомъ, къ своему намѣренію привлече: непокорившихсяже оусами темницами ранами и заточеньями озлобивъ горчайшими смертьями настоящаго житія лиши. и повелѣ печатати книги свышеозначенными нововнесеніи, итыя всюду пострaнамъ россійскія державы разсылати, и всякую слоужбу молитвословія поонымъ совершати. коимъ повсюду разъсылаемымъ, вовся митрополію грады страны, монастыри: и села и веси: вовсѣхъ парахіахъ каждому священниковъ раздаваемымъ. Никто же обрѣтеся противустоящь.

Никтоже оная новшества возражающа, ни единъ отъ великихъ монастырей и градовъ, мало постоя. страху царъскаго оуказа вся колеблещу. кромѣ Павла добляго епископа коломенскаго, и великоревностнаго протопопа Аввакума, въ самое первособоріа время сія возразившихъ, и прочихъ малыхъ. но вси книги новопечатныя и неходяще пріяша, и слоужбы поонымъ новодѣйствующе совершаху. Дошедъшымъ же царьскимъ и патріаршымъ писменомъ, и въ соловецкую преподобныхъ отцевъ обитель, въ купѣ и сновопечатными книгами: отцы оныя вси совѣтъ сотворше, нехотяше сихъ отнюдь пріяти: но отвѣтъ посланнымъ впять возвратиши. Предъ знаменанныиже Илія архимандритъ, мужъ добраго разсужденія. рече къ нимъ отцы и братіе. совѣтъ мои благоугоденъ вамъ дабудетъ. книги посланныя от-

патріарха пріимемъ. во еже не безсловесно гнѣвъ нася воспалите, разсмотривше-же оныхъ несогласіе и противность въ Божіимъ закономъ; вину благословну возъимѣемъ стоянія нашего, совѣтомъ же архимандрита пріявше оныя, дадоша вѣдущымъ разсмотряти новины, никакоже поних службы совершающе. Архимандриту же Иліи отвещественныхъ кновещественнымъ отшедшу въ мѣсто его поставленъ бысть архимандритъ Варфоломій. и понеже соловецкаго монастыря слава, елико о общежительныхъ преданіяхъ. толико и оцерковныхъ благочестія оуставѣхъ. опасное храненіе вовся россійскія концы пролѣташе, и многимъ отъвсюду инокомъ же и міряномъ стекающимся вообитель: Никаноръ архимандритъ савина монастыря, желаніемъ безмолвнаго отишія обятъ бысть моужъ сый духовнаго разсужденія и духовникъ царевъ, вмонастырь пріиде и взнакома рукама пріятъ бывъ со отцы прочее туживаше. Слоухуже оттвердости благочестія отцевъ соловецкихъ простирающуюся дойде допатріаршаго намѣстника и прочихъ архіереевъ. по Никонѣ защищеніе повинназя пріимшихъ ниже іазыки поостривше неправедно направедныя подъ ходятъ царя, клевещутъ непреподобныя, возжигаютъ гнѣвъ, воспаляютъ іарость самодержца: и посылаетъ оуказъ, еже възяти архимандрита соловецкаго кмосквѣ.

Отцыже соловецтіи совѣтъ общь соборнѣ сотворше, написаша къ царю молительное прошеніе: вънемъ же моляху самодержца даослабитъ имъ по отеческимъ оуставомъ, во отчестѣмъ стяжаніи жити: во утвержденіи пишемыхъ, привождаху свидѣтельства, іако старопечатныхъ московскихъ и бѣлороссійскихъ книгъ, тако старописменныхъ, и харатейныхъ, тако сербскихъ и острозскихъ. Привождаху тако старыхъ россійскихъ архіереевъ. соборнѣ и особне писаніемъ свое ручно тая утверждавшихъ. Іако греческихъ святыхъ оучителей сія засвидѣтельствовавшихъ. Привождаху преподобныхъ чюдотворцевъ сице соловецкихъ іакоже и прочихъ россійскихъ восвоихъ обителяхъ тажде и согласная предавъшихъ и непремѣнно хранити повелѣвшихъ. Привождаху повсемественный россійскія церкве благолѣпный и неизмѣнныи обычай, іако отъ грекъ при Владимірѣ пріяся, тако до настоящаго времене непоколебимо соблюдеся еже и отстарыхъ образовъ греческаго живописательства объявляется. Тыя недвижимыя оуставы, непремѣнныя святыхъ обычаи, моляху оувѣщеваху самодержца даподастъ имъ неизмѣнно хранити. Новоуставленныхъ же Никономъ преданіи и зъвѣщаху предъ Богомъ, іако никогдаже смѣютъ пріяти за еже неподъпасти подъ отческія клятвы, аще и гнѣвъ царевъ зѣльно разъжжется наня; готови не токмо ноужды искорби радостиѣ терпѣти: но и кроволіяніемъ и главоположеніемъ своимъ святыхъ печатати оуставы, съ сицевымъ молительнымъ прошеніемъ стаковою челобитною, послаша къ царю соборнаго старца Александра Стукалова, аще же оумолиша Никанора архимандрита, духовника царева, съ Варфоломѣемъ архимандритомъ соловецкимъ схати къ москвѣ во еже оутолити гнѣвъ царскіи воспаленъныи на обитель и оупросити жителемъ ея въ древле церковныхъ оуставѣхъ стояти, иже и обѣщася всеревностно о благочестіи трудитися.

Пріехавшимаже архимандритома къ москвѣ, и къ самодержцу представшима егда и соловецкихъ инокъ прошеніе государю подадеся: иже прочетъ ниже прія его ниже ослабити восхотѣ отцемъ подревле церковнымъ оуставомъ жити, архимандритъ Никаноръ, аще и много царя оувѣщеваше онавращеніи древняго благочестія, паче же о соловецтѣй обители обаче ничтоже оуспѣваше, но гнѣвъ царевъ наипаче распаляшеся: Тогда и вселенскимъ патріархомъ къ москвѣ прибывшимъ, и собору архіереевъ собрану. царь предъстави Никанора патріархомъ и собору: и многими ласканьми, и оувѣщаньми и страхомъ поноуди покоритися воли ихъ, и клобукъ греческіи рогатыи на главу ему возложиша: Посемъ царь и патріархъ, посласта въ соловецкіи монастырь архимандриты, Варфоломея Іосифа и Никанора попрошенію его: воеже оувѣщевати соловецкія отцы къ покоренію патріарху и пріятію новопечатныхъ книгъ. Варфоломея оубо монастырь отдати архимандриту ново поставленному Іосифу, прежде бывшему строителю соловецкому, иже на Москвѣ: Никаноръ же непросився оувѣщати отцы соловецкія, вещію же самою къ покаянію обратізя запреступленіе: Иегда архимандрити пріехаша въ Киновію, отцы соловецтіи сретоша честно іако подобаетъ и кину оувѣдавша чесого ради пріехаша. и есть оувѣщанія къ пріятію новопечатныхъ книгъ, всесоборнѣ онымъ отказавше. оумрете желательно извѣствующе, неже измѣнити отеческихъ преданіи отслаша я безъдѣльны: Никаноръ же елико къ преступленію іако человѣкъ ослабѣвъ низведеся, толико теплѣйше напокаяніе

навратився притече, толикое смиренное прощеніе отцемъ Киновіи принесъ паки слюбовію пріяся;

Симъ тако бывшымъ, и архимандритома къ пославшимъ возвратившимися. и Никанору къ киновіи оставшу пріиде отцаря оуказъ въ киновію. Никанора зовущи къ москвѣ: но соловецтіи отцы іако же онъ невосхотѣ ехати тако исіи посланному его невыдажа. Самиже между собою все соборнѣ совѣтоваше, послаша къ москвѣ соборнаго старца предъ помянутаго Герасима Фирсова мужа іако святыхъ писаніи, тако и внѣшнемъ наказаніи зѣло искусна суща. Послаша мужа таковаго. молити и вѣщевати самодержца: да ослабитъ стяжанію преподобныхъ отцевъ во преданіи ихъ неизмѣннѣ жити и скончатися. єго же власти духовніи до самодержца недопустиша, но напути, іако извѣстніи, глаголѣютъ, іако. Филиппа задушиша. и прежде царя земнаго, къ набожному отслаша. за єго же церковь толикіи и таковыи подвигъ даже досмерти показа: Царь же отъ патріарха и прочихъ оувѣщанныи, не ослабляше инокомъ соловецкимъ, водревнихъ уставоположеніяхъ жити: тѣмъ и часто посылаше нѣкія духовныхъ властеи, во еже преклоните я покоритися того воли: иже пріезжающе расличнѣ оныя оувѣщеваху, моленіемъ ласканіемъ и прещеніемъ оубѣждаху пріяти новыя книги: Мнози же и отъ новоградскаго митрополита восылахуся на оувѣщаніе соловецкія киновіи отецъ; нотіи тверди вдревле церковнѣмъ благочестіи, іако Адама ити стояху: къ прежде іавленнымъ оувѣтствованіемъ, іако столпи къ вѣтру обретошася: тако дѣломъ восхотѣша исполнити іако словомъ самодержцу въ прошеніи назнаменаша; лучше возжелаша смерть облагочестіи вкусити, неже что отновопреданіи пріяти. елмаже иже мниміи духовніи, духа кротости неимущіи, иже о священныя руки кровьми не повинныхъ осквернити желающіи; гнѣвъ самодержца возбудиша, и зѣло возжігше на іарость подвигоша, еже мучителными руками мѣсто святое озлобити. и посла воеводу Игнатія Болохова соединымъ стомъ воиновъ вооруженныхъ, въ киновію соловецкую: дастрахомъ оружія, всѣхъ подъклонитъ воли царя и патріарха и предъ знаменнаго Іосифа архімандрита на свою степень возведетъ: Отсюду отцемъ соловецкимъ подвигъ натрыжненія, и великаго натрижненія наста: и едино отдвоихъ предлагаемо бѣ, или покоршимся ново оустановленнымъ преданіямъ. привременныя сладости житіемъ, или стоящимъ водревле церковнѣмъ благочестіи, смерть горчайшая обѣтовашеся. тѣмъ и собираютъ вся іаже во обители люди, аще иноки, аще бѣлцы, въ въ соборную кѣлію: предлагающе имъ царевъ гнѣвъ, и посланнаго воинства прибытіе наразореніе совѣтуетъ крѣпкодушнымъ мужемъ желающимъ настоящія смерти горестію, будущихъ святымъ сладостей, получити во обители пребывати совѣтуютъ немощнымъ истрашливымъ сердцамъ къ брани, и желающимъ оставися, набрегъ морскои отъехати. сему совѣту во оуши всѣхъ братіи возвѣстившуся мали нѣціи отинокъ и бѣлецъ, на брегъ изыти восхотѣша, прочіи же вси оуготовишася на смерть, за древле церковныя законы: ихъже число дотысящи и пятихъ сотъ восхождаше. приехавшему воеводѣ Болохову отвѣтствоваша: іако аще итмами лютая пострадждутъ, обаче древнихъ благочестія законовъ отврещися немогутъ. итако затворишася въ монастырѣ. въ лѣто зрои Воеводаже оный своинствомъ, стояху подъ монастыремъ четыре кругообращенія: весною подъ монастырь пріезжающе чрезъ все лѣто во островѣ заяцкомъ пребываху различная озлобленія киновіи творяще: воесень паки набрегъ съ Сумскіи островъ возвращахуся. веліе оутѣсненіе и нужду. веліе насиліе и скорбь монастырю сотвориша отсюду нетокмо и изъ монастыря исходити недающе. но и многи служебныя старцы и слуги. хватати воиномъ приказа и различно мучивъ смерти предаяше.

Іако и блаженнаго онаго Іоанна Захаріева бывшаго писаря соловецкаго, таже пустынножителя и оученика дивнаго отца Пимина. зѣлными мученіи озлобивъ смерти предаде. коего страданіе бѣ сице:

Нѣкіи поселянинъ отживущихъ въ пустыни христіанѣхъ. донесе воеводѣ, воевода же въ пустыню навзысканіе посла. воиниже шедше обрѣтоша отца Пимина, и оученика его. Григорія, и сего блаженнаго Іоанна: и связавше приведоша я къ воеводѣ, въ Сумскіи островъ. и іако приведоша воевода прежде оувѣщаніемъ, многимъ ласканіемъ, обѣщаніемъ честей и богатствъ таже гроженіемъ и прещеніемъ мученіи. оныя отъ высоты благочестія низъвести, потщався. ничтоже оуспѣ и ниже въ малѣ возмогъ твердости оума ихъ поколѣбати разгнѣвався повелѣ посадити въ темницу. внейже пребыша годищъное время. дручими гладомъ и жаждею и прочими темничными озлобленьми, Вооноже время, и славніи въ терпѣніи страданія старцы

Сила и Алексѣй. въ кандалаштѣмъ монастырѣ заточеніе. за древле церковное благочестіе терпяху; нимъ же вся страна поморія стицахуся отъ благочестіи вопрошеніихъ, къ симъ и блаженныи Іоаннъ, отъ темницы посланіе посылаетъ; въкоемъ древняго благочестія оуставы похваляетъ, новопреданнаяже оустановленія оукаряетъ, сіе посланіе, егда погрѣшеніемъ носящаго оброненное найдеся, и донесено бысть вруцѣ воеводы: еже прочетъ зѣло разгнѣвася, и отсамодержца чрезъ писаніе власть пріемъ муками его истязати. Кіихъ оумышленіи напемъ не показаше. кіихъ прогорчайшихъ мученіи на того хребтѣ нековашѣ; прежде бо въ пытки тряскою руцѣ его сломи, таже бичемъ тѣло его зѣло изрaни. посемъ израненное оно тѣло на огнь бросивъ, іако жещи повелѣ; и ниже тако оумилосердися, но и отсоженнаго толико тѣла, ребра клещами разженными изъ влачити повелѣ: и ниже здѣ насытився ослаби но и главы его остригъ тѣма, воду студенѣйшую пане многъ часъ лити повелѣ. страдалецъ же іако страдалецъ, чрезъ два нощеденства, не неослабными мученіи напрягаемъ, страдальчески вся, и доблественно и Бого благодарно терпяше. конечно мучанъ видѣвъ свое изънеможеніе, повелѣ честную главу страдальца мечемъ посѣщи, въ суботу попятьдесятницѣ въ небесное суботство страстотерпца главоусѣченіемъ препославъ. и ниже намертвое тѣло блаженнаго немилостивыи оумилосердился. егда бо благолюбивіи гробъ ему содѣлаша, погребальная оуготоваша, пѣнязи собраша, и ікону богоматери принесоша: воиномъ вся сія ограбити повелѣ: страдальца же тѣло рогозомъ обвивше, и въ землю честнаго безчестно закопавше погребоша, Се первыи плодъ и добрѣйшіи или истѣе рещи гроздъ сладчайшій соловецъкаго преподобныхъ отецъ, всестарѣйшаго винограда, въ точилѣ мученіи изгнетшася, на божественнѣйшую вечерю ко всѣхъ царю и Богу принесеся отца же Пимина, егда воевода на испытаніе мученіи привести повелѣ воиномъ, и егда совлекоша его, видѣ вереги тяжки натѣлеси его: оустыдѣвся сихъ мучитель Богу тако изволившу, повелѣ паки въ темницу въ садити; и многое время сѣдивша соученикомъ, отпущена быста паки въ пустыню преподобника, немного прейде по смерти предъ іавленнаго страдальца. отъ изъшедшихъ соловецкаго монастыря отцевъ. Димитрій и Тихонъ, снимаже и бѣлецъ Іовъ поймани бывше, и вомрачнѣйшей темницѣ затворени, гладомъ жаждею студенію наготою веригами оузами и прочими различными озлобленіи оудручени, и свѣтлости будущаго царствія преселишася: близъ онаго погребена быша. Но отъ онудуже изъшедше. слово паки а есть въ повѣсти осоловецтѣй обители, возвратимъ: воевода оныи Болоховъ, три или четыри неполная годищная времена, пребывъ въ Сумстѣмъ островѣ, наездами лѣтодневными святую озлобляя обитель, и ничтоже оуспѣвъ: царьскимъ оуказомъ къ царствующему москвѣ граду възятъ бысть.

Въ мѣсто же онаго отсамодержца посланъ бысть полковникъ стысящею воиновъ, еже разорити святую киновію: ему же имя Климентъ Іовлевъ человѣкъ лютыи и немилостивыи; иже пришедъ кообители зѣльнѣйшую тѣсноту горчайшую нужду, множайшыя пакости святому мѣсту сотвори, кони бо и волы монастырскія иже имѣяху на островѣ навоженіе древесъ и прочихъ братскихъ нуждъ водворѣ нато оустроеннѣмъ вся загнавъ водворъ, вся безъ остатка сожже въ купѣ искѣліею, ксимъ и келія служебныя окрестъ обители іаже на островѣ создани бяху, вооупокоеніе труждающихся служебнковъ: тако иловецкія келіи и хитрости сѣти и мрежіе и неводы соорудіами ихъ, вся не благіи онъ безъ человѣчьно сожже: но мзду за сіе отъ Бога немедлѣнно прія, пораженъ бысть іазвою согнитія, и червей воскипѣніемъ: и всихъ болѣзненно страдаше, тѣмъ и оуказомъ царьскимъ възяся къ москвѣ. итамо злыи злѣ погибе, въ той іазвѣ и живота лишися. подъ монастыремъ стоявъ два года. Семоу оубо злѣ скончавшуся. внего мѣсто царевымъ повелѣніемъ посланъ бысть Іоаннъ Мещериновъ, актейшіи мучитель и снимъ воиновъ тысьща триста. иже пришедъ подъ киновію сомногими стѣннобитными хитростьми, всяку кознь, всяко оумышленіе къ разореніи киновіи, чрезъ два лѣта показа: въ лѣтное время стоя къ зимѣ же отезжая набрегъ, но ничтоже оуспѣ. сущіи же во обители отцы видяще себѣ таковыми напастьми окружены, видяще самодержца отъ архіереовъ іарости весма воспалена и помощи имати человѣческія весма отчаявшеся. Къ единому владычице всѣхъ и Богу прибегаху. къ пречистей владычице и богородицѣ прибѣгаху. къ преподобнымъ отцемъ Зосимѣ и Саватію прибѣгаху зъгоркими слезами и воплемъ, помощи и заступленія просяху. кратнымъ же толико противостояху, воеже недати дерзновенія внити voограду монастыря: большеже молитвами и слезами и дне-

нощнымъ Богостояніи противу вооружахуся и млатвенными противу стрѣляху стрѣлами, подва молебна накоеждо нощеденьствіе пѣти оуложиша, іако да Господь Богъ о нихъ оумилосердився благоволитъ непредати вруки ратныхъ: но своими щедротами незаблудное спасеніе просящымъ оустроитъ. Премилостивый же Господь близъ всѣмъ призывающымъ и воистину, посла наня моръ великіи знаменіями іазъ іавляемыми, прежде тріехъ или четырехъ дней смерти: внеже время язвеніи, воиночество постригахуся, и святую схиму пріимаху и покаяніемъ души своя очищаху, и напутника святое тѣло и кровь Христа Бога пріимающе, ко Господу отхождаху, и таковыми іазвами таковою христіанскою смертію мнози скончавшеся іако доседмихъ сотъ преставишася. Предъреченныиже воевода Мещериновъ и кои его окрестъ святыя обители стояще стрѣляюще во обитель непочиваху, окогда и спушекъ, окогда и спищалеи: помолитвамъ преподобныхъ отцевъ ограждающимъ обитель, ратніи ничтоже оуспѣваху, аще и много труждахуся и нѣкогда направивше пушку отдерзосте безъумная воолтора соборныя церкве стрѣлиша, и лѣтѣвъ іадро оно оулучиво окно, оудари твоего терпѣнія Христе вообразъ всемилостиваго спаса, иже воолтарѣ стояше: до толика безъзаконія безумная дерзость занесе и понеже два лѣта воинство вообители пріезжающе всякими хитростьми всякими градоемствы козньствующе излобити оныя невозмогоша. въ третіе лѣтовоевода повелѣ всему воинству на островѣ озимѣти конечную тѣсноту киновіи отцемъ содѣла, различная градоемная орудія на разореніе обители оуготовавъ: повелѣ хитрецемъ три великія гранатныя пушки отдрева содіати по множеству пороха чиненыхъ желѣзныхъ іадръ вмѣщающыя: око бо изнихъ. іадръ оваже оваже іадръ вмѣщающе бѣша. содѣланнымъ онымъ приказа начиненыя толичествомъ іадръ, на обитель пущати: оудобно воспещевавъ іими; іаже во обители строенія, и живущыя вниxъ и спаливъ развѣяти: іако же бо летяще, огня палежемъ приближающыяся опаляху. тако разрываеми чрепами безъ милостивно расокрушаху и смерти предаяху. но елико тіи іаростными оустремленіи, наразореніе святаго подвизахуся мѣста: толико божіе милосердие преподобною чюдотворцу молитвами, покрываше обитель, disуетна тѣхъ показуя оухищренія. егда допустиша стрѣльбою первую начиненую кознь на обитель, погрешивше надежды ничтоже оуспѣша: возшедши бо на высоту пущенное и недошедши обители оустѣнъ градныхъ разорвася. Посемъ пустиша второе, преизлише наполнивше порохомъ: но и тое разпальшися зѣло; и огнемъ лютости и скоростію духа оустремльтися, прелѣтѣвши обительская зданія на пустыни разорвася ниже малыя пакости обители содѣла. Таже третію много сочиненную кознь, имущю тіадръ рече воевода стрелбою пустити наобитель негда и спущени взыдоша навысоту воздуха, елико презѣлнымъ стремленіемъ толико необычнымъ шумѣніемъ іако враны стадомъ паряще: и навысотѣ онои надъ самую возлѣтѣша вседержителя церковь, скрежетаніемъ шума зрящія оужасающе клокотаніемъ же огня и жупела, видящихъ колебающе сердца и послѣдними злыми святому претяще мѣсту. егда же отвысокошумнаго лѣтѣнія обратиша прямо низшествіе, егда близъ быша святыхъ вратовъ, иже насоборнѣй церкви: тогда отъ твоего милосердія Христе внезапу іако духъ нѣкіи дуну отцеркве. ирасточи онѣхъ стремленіе: іако нѣкимъ женоми тако отцеркве растекошася, и разметашася, внѣ монастыря окрестъ оградныя стѣны обители ни коегожe повреждeнія или досады сотвориша: точію три іадра посредѣ монастыря падоша, едино оухлѣботворныя кѣліи, второе воиномъ мѣстѣ. третіе оусамыя гробницы или часовни преподобнаго чюдотворца Германа: внегдаже іадро оное, еже оугробницы Германовы разорвася, воoно время къ церкви преподобнаго чюдотворцу, свѣщевжигательныи старецъ, бяше моляся преподобныма озаступленіи нашедшихъ злыхъ видѣ очезрительно старца свѣтолѣпна въ церковь вшедша. возрастомъ мала, иже прѵступль къ священныма ковчегома возопи братіе Зосима и Саватіе востаните, идемъ къ праведному Христу Богу суда праведна на обидящыя ны просити, которіи намъ покоя и въ земли дати нетерпятъ. и абие преподобная воставша вракахъ своихъ сѣдоста глаголюща: брате Германе иди и почивай прочіе, оуже отмщеніе обидящимъ ны посылается, ипаки возлегша оуспоста, и пришедыи святолѣпный старецъ невидимъ бысть. Тогда разумѣ старецъ, іако святолѣпныи онъ приходяи Германъ бѣ: прослави Бога и преподобныхъ чюдотворцевъ милостивное призрѣніе: и шедъ ко отцемъ киновіи повѣда видѣніе: они же слышаннымъ дивишася, ившедше въ церковь, возслаша степлыми слезами молебная благодарствія господеви, и пре-

подобнымъ чюдотворцемъ, тако милосьтивно освоей обители прилѣжащымъ, елма же отъ стрелянія пушекъ и пищалей, ниже злобы киновіи, ниже трудности каковыя сотвориша: ино козньствованіе хитрости воевода оумысли, повелѣ окрестъ монастыря рвы копати иградки строити, воини повелѣнная тщательно творяще, окрестъ монастыря хождаху. Тогда нѣкіи бѣлецъ и служитель соловецкіи, именемъ Димитрій, отвысоты забралъ истолповъ оградънихъ книмъ вопіяше: почто много отъ любезніи труждаетеся; и толикія подвиги и поты туне и въ суе проливаете, приступающе костенамъ града: зане и пославыи вы государь царя косою смертною посѣкаяся, свѣта сего отходъ. Слышащіи же юродство вмѣняху быти слово, еже послѣжде дѣйствительнѣ збывшееся показася истинно и эгда рвы ископаша. воинство все порвамъ хождаше. ибо бяху градки высотою состѣну градовую: ксимъ башни высокія сотвориша и подъкопы многія подведоша и пороху множество закатиша, и въ К Г декабря приступъ великъ воини сотвориша, и лѣстницы къ стѣнѣ приставиша и всѣмъ воинствомъ навзятіе прyступиша.

Сущіиже во обители отцы въ соборную церковь стекшеся слезами и молитвами отъ Бога помощи и отъ преподобнаго чюдотворцу заступленія прошаху: анже настѣнѣ града стражіе и слуги. противу ратнимъ стояще подобляюще творяще настѣну взыти недадяху, и охрабърившеся лѣстницы оныхъ сокрушиша, и самое воинство, отобители далече отгнаша, отсихъ Богу и владычицѣ и преподобнымъ чюдотворцемъ все радостное благодареніе воздаша сохраньшимъ обитель невреждену.

Видѣвъ воевода іако ничтоже Киновію ратующе оуспѣваютъ. іако ниже козньми ниже хитростьми и оумышленіи каковыми ниже стрѣляньми: наконецъ ниже приступами, подъщавшеся Киновію взяти возмогоша: но бездѣльни и посрамлени въ спять отхождаху отлагаетъ прочее надежду отъ Киновіи, отчаявается овзятіи, облагается безнадежіемъ весьма остояніи, за невозможное взятія толикую крѣпость имѣющаго града, и что дѣйствовати прочее недомумѣется, Но понеже случается домомъ великимъ отдомашнихъ развращатися случахтся, и исполиномъ храбрымъ отприближенныхъ оумерщвятися, случается градомъ крѣпкимъ и непроборимымъ отъ своихъ соплеменникъ. предаватися. издѣ окиновіи тожде состроятся, Мнихъ нѣкій во обители Ѳеоктистъ имянемъ нощію отъ обители чрезъ стѣну изшедъ кратнымъ пріиде: и іакоже остави обѣщаніе свое и отескую обитель оставляетъ идревле церковное благочестіе: лобызаетъ Никоново новопреданіе, и нетокмо, себѣ и единѣй души своей неполезная и злая ходатайствуетъ: но и Іюдинѣ злобѣ ревнуетъ опреданіи обители смышьляя, и іако Энея и Антеноръ трояномъ, тако лукавыи Ѳеоктистъ своей обители аще и неравнымъ образомъ бываетъ. Бяше во обители пролазъ изъсушильныя палаты сквозѣ градовую стѣну: кіимъ прежде воду во оную палату носиша, и въ началѣ эгда затворяхуся во обители оную скважню блиндами, но не зѣло крѣпко задѣлаша. Сію дверь вѣдый оныи предатель Деоктистъ приступль къ воеводѣ проситъ войновъ, воеже смотрити тоя скважни. и времени подобни: обѣщаетъ предати кромѣ труда обитель. воеводаже даде ему пядьдесятъ воиновъ: насовершеніе дѣла: входаше мнихъ со оными нощьми много время ко оному пролазу, глаголютъ же іако отрожества Христова даже до 29 дто генваря по вся нощи къмѣсту оному хождаше, и неможаще обрѣсти времене потребна затишину и прозрачное нощей. эгдаже пріиде день вселенскія суботы всемірнаго православныхъ христіанъ поминанія, восхотѣ Господь чрезъ нужду страданія и своя рабы въ вѣчьное пріяти оуспокоеніе, въ вечеръ пятока сі есть генваря въ 28, буря возьдвижеся зѣло велика, и мразъ велій соснѣгомъ на обитель восхождаше. Вноць ону единому отсотниковъ Логину именемъ, емуже отначальствующихъ киновіею, поручено бяше храненіе града. и стрегущихъ накараулахъ дозираніе спящу во своей кѣліи, пришедъ нѣкто возбуди глаголя: Логине востани что спиши, іако воинъство ратныхъ подъстѣною, во градъ будутъ скоро: воспрянувъ же тои никого видѣ, и прекрестився паки возлегъ оуспе. Вторoе приступивъ глаголя: Логине востани, что беспечально спиши; се воинство ратнихъ во градъ входити: возбнувъ же и прекрестився размышлявше: что хощетъ сіе быти; что видѣнная іавляютъ; эгда приспѣніе нѣкое соблажняющіе есть: вѣдяще во стражи хранящее стражбу опасно, и возлегъ паки оуспе, приступивъ третіе іавивыйся, возбуди его и поношаще глаголя: Логине востани, воинство ратующихъ оуже воградъ вниде: воспрянувъ же трепетенъ тече скоро къ стрегущимъ и видѣвъ бодро стрежение творящыя, и отратныхъ никаковаже слыша

нападенія, въшедъ ко отцемъ киновіи возбудивъ и повѣда трикратное іавленіе, эже слышавше трепетни бывъше возбудиша всю братію, во еже принести къ Богу молебное пѣніе бяше бополунощіе и собравшеся въ церковь, Господу Богу и Богородицѣ владичицѣ и преподобнымя чюдотворцема, молебны степльшими слезами сотвориша, послѣжде и полунощницу и оутреню почину отпѣша, и понеже еще тмѣ велицѣ сущи, и оутру глубоку одержащу, разыдошася покѣліямъ. Въ послѣдниже часъ нощи зари оуже заводящейся, эгда стражіе откарауловъ изыдоша въ кѣлію на покой Вторіиже напремененіе начаша оуготовлятися водневное стреженіе. Тогда предъреченныи предатель своины, обрѣтше время. плинды изъ окна ломами желѣзными выбивше, эдинъ по единому вхождаху въ ону палату, доидеже и вся наполнися: и шедше разломиша замки, и врата града отверзше воинство пустиша ратныхъ во обитель, стражіеже оуслышавше шумъ и говоръ, настѣнѣ въскочиша и видѣша воинство просыпавъшееся постѣнахъ и вовратахъ града оужасошася, ничтоже могуще, ничтоже вѣдуще сотворити.

Мужественніиже изнихъ Стефанъ Антоніи и съпрочими тридесятьми изъшедше ковратомъ насрѣтеніе. Іако мужи мужественнѣ смертную чашу за отеческіе законы испиша, вовратѣхъ старыхъ отвоиновъ посѣчена быша. отцы киновіи. и прочіи слуги и трудницы оуслышавше, пачеже оузрѣвше, нечаянное новосодѣянную плачевную вещь разбѣшеся восвоя кѣліи затворишася. еже оуслышавъ воевода несмѣ долго во обитель внити: нопосылаше начальники воиновъ молити и оувѣщевати иноки, даничтоже боящеся изыдуть искѣліи, никоего же имъ озлобленія сотворити обѣщаяся, и клятвою крѣпкою свое обѣщаніе печатствова.

Отцыже вѣру емше лису тому. собрашеся изыдоша восрѣтеніе съ честными кресты, и старыми иконами. Сей же забывъ обѣщаніе преступу и кълятву, повелѣ воиномъ иконы и кресты отъ іати, иноки же вся ибѣльцы закараулъ покѣліямъ розвести, самъ въ станъ свой возвратився: приказа Самоила мужа добля и крѣпка, исотника перваго привести късебѣ. Семужъ приведену рече къ нему: почто противился еси самодержцу, и воинство посланное отбивалъ еси отъ ограды тои мужественно противу отвѣща: несамодержцу азъ противихся, но за отеческое благочестіе, и за старую обитель мужествовахъ, ихотящихъ разорити преподобныхъ отцевъ поты непущахъ во ограду. разъіарився ксимъ Мещериновъ, повелѣ воиномъ мужественнаго Самоила пястницами крѣпко бити и толико биша онаго, дондеже на оныхъ біеніяхъ честную душу свою въруцѣ Богу предаде оумершаже приказа изънесшымъ вровъ бросити: и сему бывшу призвати повелѣ архимандрита Никанора: иже отстарости и трудовъ молитво предстоянія многолѣтныхъ, ногама ходити неможаше: нонамалыхъ саночкахъ посланніи вземше привезоша. воеводаземъ его предъ себе глаголя согнѣвомъ: рцы ми Никаноре: чесо ради противился еси государю: чесо ради обѣщався оувѣщати прочыя. нетокмо преступилъ обѣтъ но и самъ сними насопротивленіе церкви совѣщался еси: чесо ради воинства во обитель непустите, ихотящія ити оружіемъ отбиваете. На сія священный старецъ отвѣща: самодержавному государю ниже противляхомся ниже противитися помышляхомъ когда: зане наоучихомся отъ отцевъ, къ царемъ чествованіе паче всего іавляти. ноучихомся отъ апостола, Бога боятися, царя почитати, ноучихомся отсамого Христа воздавати кесареви кесарева, а Божія Богови, и понеже Божіихъ неизмѣнныхъ законовъ апостольскихъ и отеческихъ преданіи посредѣ вселенныя живущимъ соблюдати, непопущають нововнесенныя оуставы иновшества патріарха Никона, Сихъ ради оудалихомся мира изъбѣгохомъ ивселенныя, и въморскіи сіи отокъ въстяжаніе преподобныхъ чюдотворцевъ вселихомся. воеже въпреподобнѣмъ селеніи, преподобными ихъ чины оуставы и обычаи, тѣмъ же благочестіемъ постопамъ ихъ руководитися желающе васъ же иже растлити древле церковные оуставы, обругатисвященныя отцевъ труды, разрушити богоспасительныя обычаи пришедшихъ во обитель праведно недопустихомъ таковая исимъ подобная блаженныи глаголя накаждая заданія свободнымъ отвѣщая гласомъ, разгнѣва паче воеводу, иже бесчестною бранію и нелѣпыми словесы оукаряше отца, коимъ отецъ противу мужествуя. Что величаешіся: что высишися рече іако не боюся тебе ибо исамодержца душею круцѣ своей имѣю. сія наипаче разъіариша мучителя, и вскочи онъ отсѣдалища своею тростію біяше блаженнаго поглавѣ поплѣщама ихребту не оусрамився ниже иноческаго образа, ниже сѣдинъ святолѣпныхъ, ниже великаго священства сана итоль жестоко

біяше іако изубы священнаго блаженнаго отъ оустъ изби таже воиномъ повелѣ оужемъ занозѣ оцѣпившимъ совсякимъ руганіемъ исмѣхомъ: Отъ наглости безъсрамныя и воединой свитцѣ безчестно многочестнаго влещи за монастырьскую ограду. мѣра влеченія іако полъ поприща, и вровъ глубокии вринувшымъ стрещи дондеже оумретъ. повелѣннымъ скоро совершаемымъ терѣпяше страстотерпѣцъ, іако вовлачении хухнанія исмѣхи отвлекущихъ, оударянія изараженія главы окаменіе иземлю. тако и въ глубочайшемъснѣгѣ, налютомъ и нестерпимомъ мразѣ воединой срачицы чрезъ всю нощь сранами и мразомъ боряся предъозареніемъ же дневнаго свѣта, вздыде отъ тмы настоящаго живота, внемерцающій присносущии свѣтъ. иотъ глубокаго рва въ первысочайшее небесное царство: Посемъ привести повелѣ соборнаго старца именемъ Макарія. наприведеннагоже возрѣвъ звѣровидно рече. О старче злыи откуду таковыя дерзости наоучитеся: еже навоинство посланное стрѣляти. приступляющыя къстѣнамъ ограды оружіемъ отгоняти. насія свободнымъ іазыкомъ отцевъ отвѣтствова, мы царемъ никогдаже противитися смышляхомъ, но подобляющіе покореніе и честь іако отъ Божіихъ законовъ наоучихомся, тако безъ всякаго препятства отдаемъ: стояхомъ же вамъ противу ратными: насвятую обитель немилостиво наступающимъ. и на святыя церкви безсрамно стрѣляющимъ: іако пріидосте насиліемъ оружія разорити оческія законы и распудити Христово стадо: сего ради вообитель вы пустити не повелѣвахомъ, и приступающыя ратно прочь отбивахомъ. иотвѣтомъ симъ іако стрѣлою пораженъ мучитель, скочивъ рукама своима би блаженнаго немилостивно поглавѣ иланитома, таже жезломъ толико, елико изнемощи біющему наконецъ повелѣ нозѣ вервію связати исруганіемъ немилостиво вълещи набрегъ моря и положити насмерзшемся ледѣ іако датрегубою болѣзнію давимъ отвоздуха и леда и воды преболѣзненно отъ житія отидетъ, таковымъ илютнымъ мученіемъ, толико нестерпимою студенію и мразомъ налячен страдалѣцъ отстудености временнаго житія. къ безсмертнаго царствія блажайшей веснѣ прейде: Посемъ Хрисанфа древорезца хитраго и Өеодора живописца мудраго соученикомъ Андреемъ, мужи елико во обители знамениты, толико и отблагочестія ревности теплѣйшія приведены. воевода испытавъ и іако тверды и непоколѣбимо въ отческихъ законѣхъ видѣ повелѣ смертію лютѣйшею казнити, руки и ноги имъ отсѣши таже исамую главу отрѣзати еже соблаженнымъ ревеніемъ соблагодатною сладостію подемше блаженнии главопосѣченн быша. симъ горчайшею смертію ковсесладостному блаженству отшедшимъ. Повелѣ прочія изъзакараула привести, иноки и бѣльцы, числомъ іако дошестидесятихъ, и различно испытавъ отбрѣте водревле церковнѣмъ благочести тверды и непревратны, зѣлною іаростію воскипѣвъ смерти и казни различны оуготовавъ, повѣсити сія завѣща овыя завыю, овыя же заноги, овыя же и множайшыя междеребрія острымъ желѣзомъ прорѣзавше и крюкомъ продѣвнымъ нанемъ овѣсити каждаго насвоемъ крюкѣ, блаженніиже страдальцы, съ радостію выю въ вервію вдѣваху. срадостію ноги къ небеснымъ тещи оуготовляху, срадостію ребра напрорѣзаніе дающе и широчайше спекулаторомъ прорѣзати повелѣвающе. Таковымъ неслышаннымъ мужествомъ таковымъ неповѣстнымъ оусердіемъ томленія безъ человѣчная терпяще на безсмертное оупокоеніе къ небесемъ возълѣтѣша.

Иныя же отъ отцевъ звѣросердечныи мучитель заноги вервію оцѣпивше къ конськимъ хвостомъ привязати повелѣ безъмилостивно но по отоку и влачити, дондеже душы испустятъ: сіи ониже тако люто и мучительно влачими ничто же младенческо іавляху, но молитву іособливу творяще Христа сына Божія воустѣхъ имуще, тако честныя своя и святыя души отстрадательнаго подвига, навѣчный покой воспущаху. Прочыяже киновійскихъ жителей, иноки и бѣльцы, слуги и трудники испытавъ. обрѣте вся крѣпкодушны и единомудренны вся въ древлецерковнѣмъ благочестіи стоящыя вся за отеческія законы оумрети готовы: многшими истязанми истрастьми озлобивъ, смертьми горчайшими и болѣзненными настоящаго лиши житія. Симъ преднаписаннымъ оубо толиками страстьми и таковыми преболѣзненными скончаніи, къ безболѣзненнымъ обителемъ отшедшимъ: и всея киновіи жителемъ. Іако пшеницѣ въ день жатвы, серны мученія по жатнымъ, не оугомися злосердыи воевода оттоликихъ кровопролитій ниже оумягчися мучительное сердце толико многихъ неповинныхъ, толико священныхъ непорочныхъ, толико иноковъ преподобныхъ неправеднѣ мучивъ: но и наоставшыя звѣрски рыкаетъ. и понеже здравыхъ не обрѣтъ. повелѣ болящія отжестоты нрава изводити и испытовати, елмаже твердѣйшія здравыхъ и крѣпльшія

сильныхъ обрѣтаетъ ихъ во отеческихъ законѣхъ, къ мученію сихъ распаляется и зане отмноголѣтныхъ трудовъ и подвиговъ со одра двизатися немогущыя новѣйшую страсть непреподобныи оумышляетъ подвѣма вмѣсто хребтами связати, и вервію занозѣ оцѣпити повелѣ. Сице на брегъ морскіи влачити, воединыхъ свиткахъ немилостивно и на ледѣ вовремя лютаго мраза оставляти, овыя же іорданъ просѣкше ненасквозь: ноподобіемъ богоявленскаго водосвященія и наполнивше таковыми связнями болничныхъ отцевъ воду пропущаху, и тако въ престуденѣй онѣй водѣ натрескущѣмъ ледѣ вселютѣйшимъ давими мразомъ, блаженніи они трудницы померзаемымъ и леденѣемымъ истаеннымъ плотемъ ихъ и кледу примерзающимъ благодарно терпяще конецъ житія пріимаху къ пятидесятимъ сто числомъ суще ниже малодушія что показавше: но іако отцы отчески. іако старцы старчески, и великодушнѣ лютыя и ругательныя казни немощными оуды сосладостію подъимше къ вѣчнымъ селомъ востекоша. Всехъ оубо въ киновіи пострадавшихъ различными казньми житія теченіе скончавшихъ, иноковъ и бѣлцевъ всякаго чина. кромѣ малыхъ оставшихъ или предавшихся ихъ же число вящше трехъ сотъ и къ четыремъ стомъ приближашеся: или допятихъ сотъ: іако нѣціи глаголаша дохождаше: иже вси единодушно на смерть задревніе благочестіе и мужественно потекоша, мнози отсихъ воеводѣ дерзновенно воспіяху: аще сладостно ти есть видѣніе наше. оумертвіе очеловѣче. что медлиши, отпусти насъ странствія настоящаго житія, къ будушему никогда же ветшающему дому, іако и государь царь немедлѣнно занами будетъ иты самъ томителю готовися на судъ Божій снами, кровосѣяніи твоихъ пожинати рукояти, кая словеса преподобныхъ отцевъ, помалѣ дѣломъ совершишася. Мещериновъ же елико въ кровоизлііаніи и казнехъ предъявленныхъ отцевъ труждашеся, толико и о оставшихъ еще малыхъ зѣло печашеся, ихъ же смерти предати невосхотѣ: номногими біеньми израни, въ нихъ же и Димитрія оного кричавшаго состѣны приведъ вопроси, оуслыша тожде, іако государя царя оуже жива нѣсть вельми изранивъ броси втемницу ругаяся. Се оувидимъ пророчество его забытіе. Сей Димитріи посмерти государевѣ отпачальника иноко біенъ зѣло івсылку на Мезень осужденъ и отмногихъ ранъ, на пути везомъ ко Господу блаженнѣ отиде, прочіея же Мещериновъ врасныя оукрайны россійскаго царствія, назаточеніе разсла, иніи же въ темницѣ седяше оумроша и понеже киновіи жилища опустошишася, келіи испразднишася, болница праздна возлежащихъ іавлящихъ іавляшеся, пустыя святыя церкви молящихся киновіатъ пусть монастырь своихъ жителей показася исполнишася окрестныя обители на отоцѣ наполнишася луды и морстіи брези тѣлесъ мертвыхъ висящихъ и на земли лежащихъ. земля отока и кaменія обагрися неповинною кровію преподобныхъ; Мещериновъ несытоpaчительство о имѣніи стяжавъ, іако обрѣтъ время нача грабити вещи монастырскія и церковныя. Іаже древле благочестивіи царіе и князи, и прочіи отъ благородныхъ сооружиша: даже и до иконъ старыхъ дерзаше; тогда отъ оставшихся отцевъ, инокъ Епифаніи мужъ благаго и постояннаго житія, казначейскую службу имый возбраняше ему одерзости: носси нетокмо непрестаяше, но и ключей прошаше, еже въ казну ходити, и волею неполучивъ силою отня. На Епифанія же вины иныя обрести не могіи. отблагочестіи истязоваше и онепущеніи царства воинства во обитель. тойже свободнымъ гласомъ тако о благочестныхъ законехъ, и церковныхъ преданіяхъ, іако предъпострадавшіи отцы отвѣтствуютъ, разярися мучитель, повелѣ вельми бити его и біеннаго занозѣ оцѣпившимъ внѣ обители въ ровъ или на брегъ морскіи бросити и стрещи дондеже оумретъ тако и блаженныи, аще и послѣжде отецъ пойде, но тѣмъ же путемъ благочестія и страданія текіи. оныя достиже, и радуяся сними небеснаго блаженства наслаждается. Но оубо еже оразореніи киновіи еже остраданіи блаженнныхъ отцевъ елико слышася и извѣстися толико преднаписася: нуждно прочіе и озбытіи пророченія преподобныхъ отцевъ сочетательнѣ, тако оумертвіи государя царя іако осмерти воеводы Мещеринова въ кратцѣ слово изъіавити, іакоже достовѣрныхъ оусты и писаньми изъбразися. егда оубо воевода навзятіе монастыря костѣнамъ приступаше егда предатель лукавыи времене подобна еже внутрь киновіи въ вести воинство смотряше. Тогда на Москвѣ государь царь тѣлесною болѣзнію обемлется, въ самую наблюдателю блуднаго, заседмицу доразоренія киновіи. Седмодневнымъ неможеніемъ томленія, и зане болѣзнь крѣпцѣ оумножися, смерти пріиде. окиновіи прочее милосердствуетъ: посылаетъ къ патріарху, проситъ благословенія, оставити киновію по отеческимъ за-

кономъ жити, рекоша же іако и чюдотворца соловецкая іавишася самодержцу молитва ослабити обитель ихъ: Патріархъ же всероссійскіи Іоакимъ крепчайшій іавися копрошеніямъ симъ: Не толико пекися о царствѣмъ здравіи елико осоловецкія киновіи взятіи: Нетако онемощи боляще: іако киновъ разоренъ слышати хотяше: оувѣща оного омилости небрещи, желая чюдотворцевъ поты испровресщи: малымъ днемъ прешедшимъ елма скорби царя зѣло оучастища: паки посылаетъ къ патріарху, паки призвавъ молитъ и увѣщеваетъ: еже простити соловецкія отцы, еже оставити въ преданіихъ чюдотворцевъ небоязненно жити.

Патріархъ ожесточися паче камене:
Несмотряще царевы болѣзни пламене:
Увѣри царя милость ко отцемъ отложити:
Хотя мѣсто святое кровію облити:
Царь елико патріарху покоряшеся:
Толико лютнѣйши болѣзнь оумножашеся:
И толико болѣзни зѣлное терпяше:
Едва едва и отдыхати можаше:
Видѣ тогда государь своего пастыря:
Недавающа цѣлительнаго пластыря:
Но здравію его содѣвающа спону:
Отнеяже оутлатичеся пути къ смертному гробу:

Въ четвертокъ тоя седмицы оухвати самодержца болѣзнь зѣло крѣпка, знаменіе дающи смерти: іако врачы дохтуры и вся врачевскія хитрости отъ себе отслати. Всуботу же тоя седмицы посылаетъ гонца наскорѣ, къ соловецтѣй обители, разрѣшая гнѣвъ негодованія, оставляя отцы жити въ древле церковнѣмъ преданіи. прошаше отъ нихъ молитвы и благословенія, ниже патріарха, ниже ины отъ духовныхъ вопросивъ: но своею властію, своимъ произволеніемъ, осхотѣ милоствь изъліяти ко огорченъным нуждникомъ. егда же государь милость показа къ соловецкимъ отцемъ, егда посла посла скораго бежца веляща отступити воинству отъ обители преподобныхъ: тогда воевода стоящіи подкиновію чрезъ подъведеніе предателя киновію възя генваря въ 29, въ 8 часъ мясопустныя суботы; и вся жители елико иноческаго и елико мирскаго чина, острѣйшими мученія серпы. іако класы пожне, и оубіенныхъ тѣлесами и неповинныхъ кровію старое окропи мѣсто. И егда воевода толикая и таковая показа кровоіянія разоривъ чюдотворцевъ стяжаніе. Егда кровавою ону соверши благо неугодную жертву: тогда и сей часъ того дне государь царь оставляетъ венецъ своего царствія, оставляетъ и власть миродержанія, и смертію отсего житія отъ слезъ оумираетъ. Воевода Мещериновъ о смерти самодержца ничтоже вѣдыи, посылаетъ гонца къ москвѣ радостнѣ овзятіи обители возвѣщая: и іако оба гонца на Вологдѣ срѣтостася, овъ прощеніе обители радостно ношаше, овъ разореніи тоя плачевно повѣдаше: и къ царствующему граду обратишася: Егда воградъ въехавша страненъ видъ оузрѣста, сигклигъ царскіи, и прочыя благородныхъ, одеждами облачены черными: безгласно іавляюще случаи плачевныи. смерть самодержца всѣмъ восвѣщаютъ рыдати своего государя вся понуждаютъ. Посмерти самодержца сынъ его Ѳеодоръ скипертъ властодержанія россійскаго іако наслѣдіе отца и дѣда оудержася: оуслыша отнѣкихъ Мещеринова въ соловецтѣй киновіи грабяша вещи церковныя и казенныя и повелѣ указомъ къ москвѣ безчестно взяти. и тако оныи мучитель немилостивый разрушитель старыя киновіи звѣронравныи и лютѣйшій кровопитель ругательно и желѣзоносящъ къ царьскому граду свезенъ: помалѣ отъ суда земскаго къ набожному и неоумытному восхищенъ: мучительныхъ и кровоіятельныхъ сѣяніи прегорчайшыя плоды пожинати. Чтоже прелукавыи онъ предатель вторыи образы и дѣлы іюда, толико премножайшаго кровоіянія величайшая книга пореченному; предавати мя тебѣ, боліи грѣхъ имать, Іоаннъ: Эда безнаказанія, эда безъ отмщенія житіе сіе прейде, никакоже. но іакоже множайшую сотворивъ злобу тако множайшее и томленіе получивъ, житія исчезаетъ.

Повзятіи бо монастыря на приказъ на вологду, и попущеніемъ божіимъ внескусенъ оумъ предався, впаде въстрасти нечистыя, въскверны блуднаго розліянія. посемъ впаде въ болѣзни неисцѣлныя, въболѣзни струпнаго прокаженія. всебо тѣло окаяннаго отглавы и доногу лютымъ гноемъ кипяще, таковымъ тяжкимъ мученіемъ. Толиками не стерпимыми струпоболіи. злѣ томимъ на многа времена злѣ и съпроверже презлѣйшую душю свою, отъ временнаго къ небесконечному мученію немилостино взяся, и осихъ оубо толико довлѣютъ; паки возвратимся къ предъ лежащему теченію повѣстнаго пути.

Въ киновіи же оубіенныхъ отецъ, или истѣе рещи преподобныхъ страдалецъ блаженная тѣлеса, непогребена ниже покровена на іаснинѣ воздуха бяху; отсуботы мясопустныя всю іакоже четыредесятницу тако и пятьдесятницу и вящшую часть поста святыхъ апостоловъ ови висяще ови лежаще; всякаго смрада и вони мертвыхъ непричасти: Но іако спящихъ человѣковъ, тако тѣлеса она цвѣтяху благодати красотою. Веснѣ же наставили, и велкому дне свѣтильнику теплими зрѣнія лучами аеръ иземлю всю осіявшу, снѣги изничтожишася, леды растаяшася, воды проліяшася, морстіи брези іако о земли тако оостовѣхъ, тако округъ соловецкаго отока; всюду отълѣда очистившеся водами исполняхуся. Аиже нагубѣ морстѣй ледъ, на немже отческая тѣлеса лежаху, не истаяваше и нерастлѣвшеся: Но недвижимъ отътоликія солнца теплоты. отътако зельнаго вара распаленія, іако камень крѣпкіи, адамантъ нерушимый іавляяся, твердъ и непоколѣбимъ стояще, преестественнымъ знаменіемъ симъ самою чюдесе вещію. благочестивое страданіе отцевъ и старость тѣлесъ лежащихъ, паче трубы всѣмъ проповѣдая: чюдомъ и оужасомъ сердца зрящихъ. колеблюще. и приезжающимъ набогомоліе въ киновію, дивное зрѣніе оное дивныи трепетъ истрахъ видящымъ подаже и нетокмо ледъ иже подтѣлесы старыхъ постланныи, толико крѣпокъ, толико твердъ обрѣтеся: но исамая блаженная страдалецъ тѣлеса іаже нагубѣ морстѣй лежащая, іаже на столпѣхъ различно висящая, іаже наземли острова казненно поверженна, въ таковыя весневыя дни и въ тако жарчайшая солнце печенія ничтоже естественныхъ показаша ниже ропы, ниже вони смрадныя со обычныя мертвымъ тѣлесемъ изліяша: новыше естественныхъ благодати содеръжаніемъ, іако живыхъ или спящихъ тѣлеса, тако лежаху, іако цвѣтъ наполѣхъ, іако кринъ воудолѣхъ, тако цвѣтяху и благоукрашахуся.

Тѣмъ и властители, иже поизбіеніи отцевъ киновіею обладающіи, и предводительствующіи воинствамъ, преестественными сихъ чюдоносій одолѣваеми знаменьми: елико окрѣпкомъ стояніи и не растаяваемой твердости леда чюждахуся, толико и о изрядной цѣлости и нерастлѣніи страдальческихъ тѣлесъ оудивляхуся: и намилость къ безвиннымъ осужденникомъ паче же блажайшемъ страстотерпцемъ преклонъшеся, къ самодержцу написавше прошаху оснятіи собраніи и покрытіи, землю, толико временно лежащихъ отеческихъ тѣлесъ.

Извѣствуютъ же самобывшіи тамо, іако оубіенніи блаженницы ввидѣніи сна нѣкіимъ отначальствующихъ представше рекоша: аще хощете леда видѣти растаяніе, наша тѣлеса опрятавше погребенію предайте: донелѣ же бо она верху лежати будутъ. ледъ нерастаетъ. егдаже отсамодержца оуказъ пріиде, повелѣвающь сопрятати оубіенныхъ преподобнихъ тѣлеса. Тогда сотщаніемъ опрятавше отсюду и отлѣда и ототока и отстолповъ и землю ископавше на лудѣ морстей нарицаемей женстей когрѣ, разтоящей отмонастыря іако полъ поприща, вся блаженныхъ тѣлеса въкупѣ положивше, и каменіемъ могилу закладъше, посыпавша. иже бо въкиновіи въ купѣ душе спасительно жиша. иже едино благо оумнѣ о благочестіи пострадаша: сіи и посмерти тѣлесемъ своимъ возлещи въ купѣ избраша. вѣрно же іако и на небесѣ въкупѣ престолу славы предстояще вѣчнаго блаженства наслаждаются.

Погребеніе бывшю сі эсть отеческимъ тѣлесемъ собраннымъ и землею покровеннымъ. крепкіи онъ ледъ итвердшей въ сопротивостояніи столиянныхъ показываися лучь, вскорѣ зѣло растаявъ, и абіе растлѣвся неіавися, и элико прежде жесточайшъ и каменнъ обретеся, толико послѣжде мягчайжъ и оудобно растаянъ показася: иколь крѣпостію своего нерастаянія зрящихъ оудивляще очеса, толь и внезапнымъ истаяніемъ премѣненія видящихъ оустраши зраки: обоими дѣйствъ случаи блаженныхъ отцевъ чюдное страданіе; паче своя рабы пречюднаго Господа, всѣмъ народомъ объявивъ прослави.

Тако оубо всекрасному преподобныхъ чюдотворцевъ стяжапію. тако предоброму честному киновіи селенію, іако цвѣтомъ ощипаннымъ, іако саду оторгану, іако вѣтвемъ осеченнымъ, іако плодомъ обраннымъ, іако розгамъ отломленнымъ, іако винограду всесладчайшему. точиломъ мучительныхъ изъ гнѣтеніи напремирную вечерю всепремирному царю и владыцѣ принесшимся.

Киновія прочее пуста иноческаго чина, церкви же пусты поющихъ іавившися: іако нѣкая сѣнь въ виноградѣ, или овощное хранилище въвертоградѣ, или градъ оборенъ и опустошенъ не благолѣпна, но безъ образна показася, сегоради самодержецъ оуказомъ повелѣ изразныхъ росіи монастырей мниховъ собрати, всоловецкія киновіи насе-

леніе; еже есть собраніе скоро совершися, и монастырь паче отокъ соловецкій пока собранными мнихами иновопредлинными отникона догматами и оуставы наполнися. понеже вмѣсто древнихъ оныхъ идобродѣтельныхъ отцевъ, новіи мниси въстяжаніе собрашася преподобною чюдотворцу: вмѣсто благочинныхъ не благочинніи, вмѣсто трезвыхъ піянствованіи, вмѣсто цѣломудренныхъ оплазивіи, вмѣсто молитвенныхъ молвотворніи, вмѣсто благолюбивыхъ ипустыннолюбивыхъ отцевъ міръ и житіе міра сего любящіи частицы словѣ вкиновіи все лишася. ивселившеся измѣниша отеческія чины же и оуставы, измениша ипреподобную чюдотворцу преданія: нетокмо іаже одогматѣхъ изаконѣхъ, надлежащыя къвѣре иблагочестію: но іаже общежителное оукрашающыя благочиніе, іаже иноческое оублаголѣпствующыя житіе, отсюду вкиновіи оумножишася мятежи ибезчинія, оумножишася покѣліямъ особояденія и пирогощенія, оумножишася винопитія ипіянства ираждающихъ піянство питіи содержанія: оставляю іаже на пѣніи клирико въ безчинія іаже срамословіи исквернословіи оучащенія, илаяніи неподобныхъ изношенія. іаже табаки держанія табакопитія ипрочыя неблаголѣпныя и безчинныя обычаиже и дѣянія: имиже иотнихъ испревратися общежительства чинъ и благолѣпіе, исвятотворное иноческаго житія спасительное пребываніе, оскудѣ превысочайшая слава, ичесть небесо подобныя соловецкія киновіи благочинія. и оскудѣвши исчесаше, иелико благочинія киновіи слава ичесть оскудеваше толико страдальцевъ блаженныхъ честь ислава идящи предвозрасташе, и неотчеловѣкъ иназемли токмо: но свыше отнебесъ различными знаменіи и различнымъ чюдесы страдальческія облистоваше гробъ. изрящихъ очеса исердца озаряя просвѣщаше. Мнози отжителей соловецкихъ, ови отинокъ ови отбѣльцевъ. видителіе сихъ нагробѣ страдальчествѣмъ бываху: зряще иногда свѣщи горящія. иногда свѣтъ необыченъ преестественнѣ просиявшыя, иногда огнь палящь ивозакачющь и иногда иная повѣдаху видѣнія бывающа;

Тѣмъ и мнози отжителей соловецкихъ, вѣрою оусердія влекоми, нагробъ блаженныхъ приходити, и кадило благоуханія приносити: и занееже іавѣ заначальствующихъ страхъ не смѣяху, вътайнѣ се творити обыкоша: иніи въ мѣсяца временочисліе, иніи вседмицы обношеніе, иніи вкругообращеніе лѣта приходяще и гробъ ихъ благоговѣйно покадивше восвоя возвращахуся. Инетокмо кновіате соловецтіи, нетокмо житиліе отока, зрителіе сихъ знаменіи бываху: но иотбрегожители округонасельницы мнози. Множицею чюдная видѣнія, зрѣти глаголаху. нагробѣ блаженныхъ страдалецъ: наипачеже въ день натрижненія ихъ, егда тѣлеса своя въ жертву чисту владыцѣ и Богу принесоша.

Тогда наипаче веледаровитыи Богъ блаженство страданія своихъ оугодниковъ объіавляше зрящымъ; Іако любезно того владычеству сихъ страданіе, и пріятно паче всесожженій овнихъ іюнчихъ. паче темъ агнецъ тучныхъ. Ащели которіи отлюбозавистныхъ. аще иотзависти злобою болящихъ, аще кіи отлюбозазирательныхъ и новинамъ радующихся человѣкъ, слово повѣствованію зазрѣти хотяще рекутъ: іако оубіенныя и смертію злодѣйческою оубіенныя человѣки, ниже отбога знаменьми и чюдесы іавленно ниже соборнѣ свидѣтельствованныхъ похваляюще дерзновенно святости и царствія наслѣдники сія страдальцы законно и праведно именуемъ, нарицающе отъ сихъ показаній доводствуемъ.

Святость есть и нарицается непорочное и цѣлое вѣры содержаніе іако отщающее вѣрою внутренняго человѣка пореченному: святыню вѣра творитъ: носіи блаженницы цѣлость вѣры, непорочное благочестія не оущербленное православія доконца соблюдоша; Іако самое житіе ихъ предънаписанная повѣсть іавляетъ оубо святости сутъ. Паки: святость есть житіе добродѣтельное чистое и благоугодное, іако просвѣщающее и освѣщающее добрыхъ дѣлъ блистаньми душою человѣка: Носіи преподобницы добродѣтель житія благоугоднаго сіесть отверженіе міра отверженіе страстеи очищеніе и освященіе душы и тѣла доконца жизни показаша, іако самая дѣла ихъ, благолѣпное оукрашеніе общежительнаго чина, и благоугодность кончины ихъ оутверждаетъ оубо святости сутъ причасницы. святыи златоустъ ктимодею и, нравоученіе ді: святости сутъ вси, елицы вѣру праву съжитіемъ имутъ, аще и знаменіи нетворятъ, аще и бѣсовъ неизгоняютъ, святости сутъ доздѣ златоустъ.

Но и сіи отцы вѣру праву имѣша, и житіе честное и добродѣтельное стяжаша, и доконца соблюдоша: оубо святости есть знаменіе благодать даемая свыше правовѣрнымъ. сесть духа святаго дарованіе. прорицанія будущихъ, знаменіи и чюдесъ дѣйства, іако изъ іавленіе чистоты вѣры,

чистоты житія, обрученіе будущаго царствія, іаже неправовѣрнымъ и грѣшнымъ недается.

Но сіи страстотерпцы благодати божія изъобильно причастишася благодатію оукрѣпляеми лютыя скорби, нестерпимая мученія. горчайшія смерти ненуждею но добрымъ произволеніемъ радостно понесоша: Благодатію просвѣщаеми, смерть іако самодержца россійскаго. тачо Мещеринова мучителя нелложно предрекоша: Благодатію сохраняемы и посмерти тѣлеса ихъ. въ толикое времене лежанія, тако нетлѣнны и всякія вони смрада вышша. Іако іледъ поднима постланный невврежденъ лѣтними жарчайшими солнцепеченіями и нерастаянъ показася: и прочая знаменія и чюдеса вышеописанная, благодатію суть изъвѣстная начертанія: апонеже таковыя благодати дарованіи сподобишася, оубо и святыхъ наслѣдія суть сопричастницы. Святости есть знаменіе, и вящше знаменіе еже вовсемъ послѣдовати святыя церкви, святымъ пастыремъ и оучителемъ еже вѣру благочестія ихъ цѣлу и непревратну, еже преданія, сихъ нерушима, еже житіе ихъ непорочно и право въсебѣ изъображати: ноизбраннаго сосуда гласу.

Помните наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово божіе; на ихъ же взирающе насконьчаніе жительства подражайте вѣру ихъ и паки. Въ наоученія странна и различна неприлагайтеся. но сіи божественніи отцы слышавше гласъ сей, по мниху наставники своя іако святыя монастыри россійскія Петра, Алезія, Іону, Филиппа, и прочыя оучителей тако и преподобныя Антонія Өеодосія Сергіа Варлаама Кирила Зосиму и Саватія, и прочія чюдотворцевъ: и поминающе взираху на онѣхъ благочестія всесвѣтлое, православія непорочное, догматовъ все цѣлое, жительства святое, скончанія благоугодное; взирающе же на оныя, подражатели вѣры подражатели и житія ихъ іавишася, и іакоже они въτроицу единаго Бога вѣроваша, тако и сіи вѣроваша. и іако они крестнымъ знаменіемъ двѣма перстома знаменашася, тако и сіи знаменашася; и іако они аллилуя сугубое пояху и пѣти пѣша во псалмоглаголаніяхъ, тако и сіи пѣша и содержаша: и іако тіи крестомъ трисоставнымъ просфиры печаташа ктайно дѣйствію, тако и сіи печаташа; и іакоже сія тако и прочая церковная преданія чины и оуставы іакоже они тако непремѣнно вовсемъ содержаша, и занежа вѣру онѣхъ цѣлу и непоколеблему, занеже преданія тѣхъ невреждены соблюдающе: внаученія странная отъ тѣхъ оученія, впреданія иная оттѣхъ преданій, вчины и оуставы различныя тѣхъ чиновъ и оуставовъ придожитеся неможаху: и нетокмо непреложишася, но задревле церковное благочестіе за отеческая преданія досмерти ставше, сладцѣ и крову своя изліяша. Аще оубо святыхъ вѣру цѣлу инепорочну, аще преданія церковная оныхъ неврежденa, аще догмати благочестія тѣхъ нерушими содержавше имѣша. Аще засодержаніе оныхъ досмерти подвизашася, іавѣ іако блаженства тѣхъ несподобятся, егда неспасошася святіи чюдотворцѣ креститися двѣма перстома и благославляти наоучившіи: ей спасошася: егда на богооугодиша божественное аллилуя двойственѣ пѣти научившіи и оутвердившіи; ей благоугодиша; егда несоцарствуютъ Богу и святымъ крестомъ трисоставнымъ просфиры знаменовавшіи и знаменати предавшіи; всяко соцарствуютъ егда несвятости суть чюдотворцы иже догматы благочестія преданія церковная чины же и оуставы отгрековъ пріемшіи, тако инамъ предавшіи: во истину святости суть оубо всіи преподобницы, таяжде святыхъ догматы, таяжде преданія, тыяжде чины и оуставы, и содержавше икровми запечатавше, безъвсякаго прекословія спасошася благоугодиша и святости суть. отчюждавши ли сія отнаслѣдія царствія, Отноволюбителю, со отчюждаеми и оныя путь царствія симъ показавшыя: Аще отрѣкаеши оученики, отрекай и оучители, аще отгоняеши наставляемыя, отгоняй инаставники. Аще отлучаеши овцы, отлучай ипастыри, таковымъ наоучившія преданіямъ. на таковыхъ благочестія пажитехъ сія оупастыя, или вспятообразнѣ глаголю: Пріемлешими пастыри и оучители во ограду пажити набожныя, пріемли и оученики непорочно воученіяхъ оныхъ пожившія, и овцы іако вслѣдъ гласа оныхъ текшія, тако и напажитехъ тѣхъ воспитаныя жившія и скончавшіяся. едино оубо отдвоихъ предлежитъ ти, или пріемлющу російскихъ святыхъ оучителей и чюдотворцевъ, со пріяти сихъ несумѣнно вѣрою въ слѣдъ ихъ текшихъ; или отрѣвающу сія, соотреяти и оныя таковымъ наоучившыя преданіямъ, и нерасторгненою златою плѣницею, іако вѣры тако и житія ксебѣ привязавшимъ, ихъ же бо вѣра едина, догматы благочестія едины, житіе и мудрованіе едино, сихъ всяко и мѣсто едино будетъ, инемѣрою количества но взрокомъ качества: аще инако могутъ сія быти, вашей

совѣсти, вашему сужденію попущаемъ, праведною вагою суда судите.

Се оубо отсюду зѣло іасно благоугодность святости сихъ показуется: Проповѣдаетъ сихъ благоугодность вѣры и благочестія цѣлое и непорочное проповѣдаетъ житіе честно и благоугодное проповѣдаетъ ревности изрядное, мужества всекрѣпкое, стояніе непоколебимое, страданіе преподобное, вопіютъ пророчении ихъ забытія, всемъ вѣдомая знаменія бывшая аще и невѣрующимъ тяжконосна, же и видѣвшимъ зѣло прелюбезна и іатовѣрна суть, и въ купо глаголательнѣ и вѣра и житіе, и много страдательное о правдѣ благочестія скончаніе, благоугодность оныхъ, іаснѣйшіе всякія трубы возвѣщаютъ.

Аще бо по евангельскому гласу заправду изъгнанніи блажени, и царствія наслѣдницы суть: колико блаженнейшіи иже заправду оумрете вcежеланно сподобльщійся, и аще маккавеи оны, иже засвиная мяса пострадаше съ мученики причтожася. коль наче сіи, иже зацерковное православіе, за святыя отеческія законы запреподобныхъ чюдотворревъ преданія, благоревностно пострадавшіи, святыхъ мученикъ лику сопричтутся. И толико господеви пріятни, толико возжелѣни суть, іако въ таковое время зимы, въ таковымъ случаи мразовъ цвѣтами добродѣтелей прозябоша, и плоды всекрасные возрастивше садителю принесоша: эгда патріарха Никона страхъ вся обья, эгда престолонамѣстницы страхомъ колѣбахуся, эгда архимандрити и священници вѣрнымъ дрожаще оужасахуся, егда монастыри и киновіи трепещуще оцѣпенѣваху, егда веси грады и страны, трусомъ движахуся: Егда вся страха и трепета оузами связавшеся къ новинамъ приступахъ: Тогда, сіи крѣпціи подвижницы, іако воини вседобліи. іако лви нѣціи отъ пустыни возревновавше и возъмужавъшеся, зацерковныя велѣнія сташа, и недословесъ ниже глаголовъ токмо охрабрившеся. но и вся, настоящаго житія оплевавше красоту славу нищу и прочаа, настрасти подвиговъ, натерпѣніе зельныхъ болѣзней, на самую смерть, таковымъ неслышаннымъ всеоусердімъ пострадавше скончавшася, и елика нужды и скорби и еликая мученія и смерти претерпѣша облагочестіи: толикихъ почестей и вѣнцовъ, отъ Господа Бога сосвятыми мученики получити сподобяшася: Іако тожде сними рвеніе облагочестіи, тожде страданія терпѣніе, тожде смерти подъятіе понесоша, тѣмпжде славы Божія вѣнцы оувѣнчаются.

Исія оубо клюбозазирающымъ елико понашему худосилію довлѣютъ словеса. мыже любо препирательное оставльше, оотставшихъ отцѣхъ соловецкія киновіи въ малѣ повѣствоваше, къ пристанищу отишія ладійцу словесе низпустивше оупокоимся.

Элма оубо росіистіи архіереи и новостей изъобрѣтатели, іарости гнѣвомъ и злобы возгнѣжденіемъ поджигаеми: подъоустиша самодержца наразореніе соловецкія киновіи, хотяще погасити оставшуюся благочестія древняго искру, и въ пепелъ забытія обратити: Но элико тіи каиновою завистію боляще, брато оубійствомъ руки оскверяни непочиваху: Толико неповинно изливающаяся кровь авелевъски къ Богу отземли вопіяше, ивъмѣсто авеля оубіеннаго сѣмя правовѣрнымъ Богъ сифа воздвизаше. Тако сажденіе преподобныхъ отцевъ Зосимы и Саватія измѣнивъ мѣсто отока напустыни, паки возрастать; паки процвѣтати; паки плодоносити небесному дѣлателю непрестаяше.

Егдабо воинство осадити и разорити киновію готовляшеся, тогда отъ отцевъ киновіискихъ обще соборнымъ совѣтомъ мнози набрегъ моря отъехавше иноцы и бѣлцы, попустынямъ поселившеся: и іако авраамле сѣма многоплодни и многожителни, и воблагочестіи древле церковномъ, и житіи отечестѣмъ крѣпкостоятельни показашася, и не токмо пустыни дебри и блата, но нокрестъ прилежащія грады и веси благочестія свѣтомъ научивше и просвятивше, сториченъ плодъ ковладыцѣ принесоша.

Іаковъ бѣ преподобный отецъ имногострадальный Епифаній, иже элико трудами и подвиги высокаго житія, толико и благодатными духа святаго дарованными, оукрашенъ сей изъ киновіи соловецкія въ началѣ никоновыхъ нопреданій исшедъ, съ единымъ черноризцемъ, и въ обонѣжскія страны пришедъ многи отъ окрестъ живущихъ воблагочестіи оутверди, многи на путь спасенія настави; и насунѣ рѣцѣ преподобному старцу Кирилу началнику мѣста споживе, и исцѣлі и вселившіяси бѣсы молитвами отгна, инекоему злѣ живущему послѣднее житі въ добрѣмъ покаяніи, другому же злодѣю внезапную и горкую смерть предърече, ивышереченному Кирилу хотящую быти скорбь біеніе и оузы и отмѣста изъ бѣжаніе предъ глагола іаже вся повремени сбышася.

Таже къ Москвѣ шедъ и великимъ страдальцемъ Аввакуму Лазарю и Ѳеодору прилѣпився и сними добрыи путь страданія текіи. колико оузъ

итемницъ, колики томленіи ибіеніи. колико страстей и бѣдъ претерпѣ: ксимъ и въ земленой тюрьмѣ многолѣтно томленъ бысть, ещеже идвократное языка рѣзаніе за благочестіе претерпѣвъ, чюдеснѣ Богомъ исцѣленнымъ паки глаголаше, конечнѣе же во риѳмъ годѣ, въсамыи страстей Христовыхъ день сіесть великіи пятокъ въсрубѣ со предреченными страдальцы огнесожженіемъ отъ здѣшнихъ преселенныи жертва жива и одушевлена владыцѣ и Богу принесется.

Таковъ бѣ идивный отецъ Саватій иже поизшествіи отъ киновіи, помногимъ пустынямъ и мѣстомъ ходя, многія въ благочестія законѣхъ пребывати оутверди, многія иноческому житію наказа, іако зѣло бяше искусенъ и благопостояненъ и опасенъ, въобоученіи иноческихъ. егдабо оному въ молитвѣ Богу предстоящу, аще въ соборѣ соиными, аще на единѣ въкѣліи случашеся что необно или шумъ имятежъ іаковый или говоръ необыченъ человѣческій: никогдаже блаженикъ сей обращашеся назадъ или главу мало воздвизаше, или поне очима мало позрѣти хотяши. Постояши іако столпъ непреклоненъ, іако камень недвижимъ, молитвенною цѣвницею въпебо оударяя, къприпадающимъ нечювственъ пребываше. и не токмо самъ сія творяше, но ипрочымъ озиратися весма возбраняя глаголаше іако Богу ицарю царемъ предстоящымъ не подобаетъ на худыя человѣкъ случаи низъ влачитеся данекако Бога паче прогнѣвлемъ тѣмъ и многія благому си обычаю ревнителя показа. и въ реченнемъ годѣ, къ москвѣ шедъ съ Никитою священникомъ испрочими облагочестіи много подвизався, іатъ бысть, ипотемничнѣмъ ипрочихъ различныхъ болѣзнѣхъ злостраданіи и озлобленіи, главоусеченіемъ мученія конецъ житія совершивъ, къ небесному владыцѣ възыдѣ.

Предъіавленный Игнатій соловецкіи, діаконъ и екклисіархъ бывый киновіи: иже видѣніемъ мудрости и разума собраніемъ толико оукрашенъ толико оудобренъ бяше, іако иотноволюбителей нѣкто оупражняяся всихъ онемъ изъглагола, Игнатіи соловецкіи, сосудъ полный мудрости и нагнетенъ есть. Сей блаженный позшествіи отсоловецкія киновіи, многія пустыни страны иградыобходя, древле церковное благочестія слово оутверждая и къдобродѣтельному житію люборачительны души возграждая. Сей объонежескія икаргопольскія предѣлы, воотеческаго православія оутверди законѣхъ, инепроходимыя выгорѣцкія пустыни дебри и блата благочестивыми насади жительми. ичиномъ и оуставомъ общежительства преподобныхъ отцевъ соловецкихъ, оудобривъ оукраси оныя дебри. бяше бо мужъ житія воздержнаго ибезстрастнаго, еще же и прозорливаго дара исполненъ, многимъ хотящая быти провидѣвъ предъглагола, овымъ вбѣды и напасти въ паданія, овымъ наказаніе засогрѣшеніе объяви, многи любовію кънему и ревностію приближающіяся отсылаше отсебѣ, преступники быти предіавляя: овыя ниже или худо присвояющіяся ему призываше и оучаше послѣдніе житія тѣмъ оуправительное сказуя, кая по временомъ вся збышася. Сій эдинъ отсоловецкія киновіи изыде и сомногими ко Господу въ зыде. Въ палье островстемъ монастыри. содвема тысящьма иседьми стами собравшихся, задревніе отцевъ благочестіе. отприсланныхъ воиновъ сожженъ въ мирная покоища прейде.

Германъ смиренно мудрыи и крѣпкіи иже страданіемъ за благочестіе оудобривыися прежде въ сумстемъ островѣ темничьная оузоноженія цѣлое лѣто объхожденіе съблаженнымъ отцемъ Пиминомъ претерпѣвъ, свобожденъ бысть. таже въ новѣ градѣ темничнымъ озлобленіемъ томленъ и милостію Божіею на спасеніе многи чюднѣ избавленъ. таже сомногими собравшимися іако съ тысящею и пятьми стами въвыше реченнѣмъ монастырѣ отвоиновъ пріехавшихъ огнепаленіемъ отздѣшнихъ въбудущая преселивыися добрѣ.

Іосифъ глаголемыи сухой: иже довольна лѣта въ обители соловецтей поживыи: сей и въ сумстемъ островѣ здославнымъ отцемъ Пиминомъ въ темницѣ лѣто цѣлое задревнее благочестіе сидѣвъ свобожденъ бысть. таже въ каргопольскихъ предѣлахъ пустыннымъ житіемъ оудобрився и приходящія кнему древлецерковными законы и добродѣтельнымъ житіемъ научивъ оукраси и въпустыни дорстѣй вовремя гоненія, собрався сомножествомъ народа наскончаніе. коварствомъ воиновъ живъ оухващенъ и вградъ коргополь свезенъ: многая томленія оузы темницы ираны занепристатіе кповинамъ претерпѣ: нотвсѣхъ сихъ благодатію Божіею избавленъ бысть послѣжде во обонѣжскихъ пустыняхъ странствова. таже въ лѣто ЗС въпудожстѣй волости. сомножествомъ народа собрався отнаезда войскаго, самъ оубо отвоиновъ обличающь новины ихъ пулею оустремленъ, отъ настоящія къ будущей жизни

израдно. преселиса. прочи же огнемъ скончашася, числомъ суще іако тысяща двѣстѣ душъ.

Евфимій дивныи эгоже іако зачатіе и рожденіе чюдно тако и житіе свято и преподобно сей К I лѣтъ постригся и довольно воинѣхъ монастырѣхъ обучився, таже въ соловецтѣй киновіи многа лѣта богоугоднымъ житіемъ препроводи, и вовремя обстоянія соинѣми отцы на брегъ моря изъшедъ, первѣе въпоморіи пустыню житіемъ испытавъ: таже въсоловецтѣмъ оуэздѣ на островѣ видансkія волости, по откровенію Божію іако самъ повѣда осмолѣтное время препроводи жестокимъ и выше естественнымъ живыи житіемъ: млека бо и сыра и рыбы никогда же вкушаше, но единымъ сухоіаденіемъ довлѣяше, одежды теплы никогда же стяжа, но воединой рясѣ, тако зимою влютыя мразы, іако лѣтомъ въ жарчайшыя знои пребываше никако же тоя измѣняя тѣмъ и благодать отъ Бога провидѣти предбудущая пріимъ о наводненіи рѣки и онанесеніи леда великаго навиданскую волость предрече. еже по трехъ недѣляхъ толико наводненіе и толикое леда нанесеніе бысть, еже ниже прежде ниже послѣжде когда содѣясь, мнгогимъ напредхотящая быти предрече: и дважды по оклеветанію нѣкіихъ отъ закащиковъ въ принужденіе пріятія новинъ пойманъ: и вязаніемъ и руганіемъ и темницами томленъ непокорися, паки свобождашеся: и таковымъ доброжитіемъ пребывъ время довольно преставися ко Господу. по осмолѣтіи же преставленія его гробокопатели послучаю гробъ его окопавше, честное тѣло его и ризы вниxъ же положися и гробъ, вся цѣла и нетлѣнна іако нова обрѣтоша.

Преподобніи изнаменосніи отцы, дивніи пустынножитиліе, Павелъ священноинокъ, Сарапіонъ діаконъ и Логинъ слуга: иже многа лѣта безмолвнымъ житіемъ воотцѣ морстѣмъ господеви работавше: сіи бяху жители киновіи соловецкія, и вовремя гонительнаго смятенія отлучившеся обители приехавше на островъ глаголемый великіи, иже близъ ковдыскія волости: и ту пребыша блаженніи время немало ангельскимъ живуще житіемъ: іако Л лѣтъ господеви работаша, ни единаго же человѣковъ видяще: и еже чюднейше, іако звѣробійцемъ и рыболовцемъ, и прочимъ человѣкомъ на островъ той потребъ ради присно пріезжающимъ блаженніи благотрудницы ниже вѣдоми, ниже познаваеми бываху: въ толикая оубо лѣта откуду пищу, откуду одежду тѣлеси, отколхъ житницъ, откоихъ сокровищъ приобрѣтаху; отъ человѣкъ се оутаися, іако выше естества и постиженія, единому пречюдному Богу, чуднѣ своя рабы іако хотящу питаящу и одѣвающу, егда же благоволи Богъ въпослѣднія роды. мужы совершены іавити: рыболовцы волости оныя ловяще во островѣ, изшедше въпустыню, обрѣтоша кѣлію, и въ кѣліи живуща великаго отца Павла, прочымъ оуже ко Господу отшедшымъ, снимъ же довольно бѣсѣдовавше, вся онемъ и оспостнику его оувѣдаша: и пищи оунего вкусивше, и благословеніе пріемше, и пріехавше въ волость возвѣстиша боголюбцемъ: иже еликихъ желаніемъ раченія толикихъ и подвигомъ тщанія потрудившеся, потребныхъ ладійху наполнивше на островъ пріехаша, и много время искавше хождаху: ноничтоже обрѣтоша, ниже кѣліи ниже семого отца, и нетокмо тогда, но инослѣждe многащи ходящи и ищуще ничтоже обрести возмогоша. Полѣтѣ же единомъ, видѣша нѣціи отжитель, воостровѣ ономъ столпъ огнемъ отъ земли до небеси сіяющъ: и видѣвше разумѣша, іако пустынный отецъ ко Господу отиде, виду столпа онаго преставленіе прознаменавшу.

Геннадіи глаголемый качаловъ, иже отсоборныхъ братій киновіи единъ сынъ: Сей многія грады и пустыни обшедъ, и внижнемъ новѣ градѣ поиманъ. нужду оузъ, темницы ираны терпя, ангельскимъ іавленіемъ чюднѣ свобожденъ бысть: также на тихвинѣ В I лѣтъ въ пустыни поживъ образъ спасенія и древле церковнаго благочестія многимъ показа. Послѣдже во олонецкомъ оуездѣ въ выговствѣй пустыни довольна лѣта поживе, многоже къ добродѣтельнымъ стезямъ спасенія настави: оумиленіе же толико стяжа, іако никоего же пѣнія безслезъ препровождаше. аще оутреню, аще часы аще вечерню и павечерницу пояше толико слезязяще іако многожды възабытіе прихождаше отъ многаго хлипанія. Сицевымъ Бого оугоднымъ житіемъ, таковыми преподобными дѣлы труждаяся въ пустыни оной преставися. невозлегъ на одрѣ, ниже простерся. но седя и молитвенное правило Богу возсылая, душу Богу предаде.

Прочіи же отецъ соловецкихъ ови вовремя разоренія пострананъ російскимъ во оземствія ови же прежде изшедше, странствованіемъ благочестивнѣ разсѣяшеся и идѣже аще впустыняхъ скитѣхъ иотхожденіи, житіе стяжавше: добродѣтельными и справленьми мнози пастези древле благочестивыхъ законовъ навратиша, многи наспасительное

житіе наставивше, отздѣшнихъ преселишася и невоградѣхъ россійскія державы, инже въпустыняхъ токмо, но ивсамомъ соловецкомъ отоцѣ, мнози пустынніи отцы, ивелицы подвижницы, іакоже довзятія киновіи быша. тако и вовремена взятія невреждени заневѣдомое отсташася: высочайшимъ добродѣтелей житіемъ текуще и молитвенныя фиміамы, на небесныи присно возносяще жертовникъ. Нѣкіимъ же откиновію жителей ипоразорени подобіемъ выше реченную отцу Павла и Серапіона іавляхуся, елицы болѣзноное одревле благочестіи втаи содержаще быша, аще нынѣ въживыхъ нѣціи отнихъ неизреченнымъ промысломъ Божіимъ хранимии обрѣтаются, аще отземныхъ кнебеснымъ селеніемъ вся преселишася, отъ человѣковъ видѣнія сіе сокрыся: единаго едини всепрозрительному знанію, ихраненію подлежаще осташася, иоoставшихъ оубо иоземствованихъ отцѣхъ толико, елико отсоживущихъ имъ слышаше невся, но отчасти знаменитыхъ слова долготы оубѣгающе написахомъ.

Аще бо поединому хощемъ исчисляти добро плодное сѣмя преподобною Зосимы и Саватія чюдотворцу: сѣмя святое иблаго расленое, сѣмя спасенія душъ многогобзовательное, сѣмя воинственну сѣмя небеснаго царствія, лѣто хощетъ повѣствующа, постигнути: іаже пѣсковъ морскіи или звѣзды ненебесныя, тако оучилицы чюдотворцевъ соловецкихъ изкиновіи изшедше оумножися и оумножиша: елико поградѣхъ населѣхъ елико въ пустыняхъ, иненаселехъ населиша благочестія населеніемъ благодати Бѳжія молитвами преподобныхъ чюдотворцевъ, истрадавшихъ отцевъ, въдѣло служенія помогающей.

Таковъ оубо преподобныхъ отцевъ киновіи, все благоуханнѣйшіи имного плодовитыи виноградъ. Таковъ преблагокраснѣйшіи и все старѣйшіи садъ: іако коумныхъ очесъ сладозренію преоудивительныя испущающихъ цвѣты, іако кмысленныхъ оумовъ обонянію, доброароматныя испущающе вони: тако и души словесныхъ насыщенію всесладчайшія добродѣтелей плоды прозябающь показася.

Таковіи чада поученницы елицы понихъ абіе, елицы въсредовременствѣ, елицы предъ самымъ взятіемъ пожиша: иже іако синове родительское наслѣдіе, іако оученницы оучителей хитрость ихудожество отокъ восприіяша. тако и дѣлы отеческіи добродѣтелей образъ цѣлъ и всекрасенъ изъобразиша. таковіи благоискусныхъ спасенія начало подвижниковъ. духовніи воини иже вовремя лютѣйшаго искушенія іавившаяся крѣпцы и неподвижно: тако облагочестіи благодуховенную ревностію оуіаснившеся возблисташа, сицевыя труды ипоты имужественная боренія. сицевая оудивительная многолѣтно стоянія икрепчайшыя терпѣнія показаша. Сицева много болѣзненная страданія ижесточайшая смерти все оусердно претерпѣша, коликими храбростей своихъ побѣдительными просвѣтительными подвиги, коликими мужественныхъ страдании, пресвѣтлыми оукрасившеся оувязошася вѣнца.

Таковіи оставшіи страдалческихъ натриженіи останцы, страстотерпческаго гумна паздеріе. іако отсеменъ поздное или отуглія искра впопелѣ загребена, толико воздувші обгрѣвшіи и просвѣтившіи благочестіемъ идобродѣтелми человѣческая сердца, ивъкупособрательнѣ рещи, таково киновіи соловецкія начало и жительства теченіе имногоплачевное наконецъ разореніе іако слышасте ивидѣсте іако повѣдано бысть квамъ. Тѣмъ-же отвсе оусердніи любослышателіе, таковая итоликая радостная иплачевная слышаве, горкая несладостная вкусивше, обюхавше огорчившеся инасладившеся, сугубыми стезями рыданія и веселія шествовати долженствуимъ. во всѣтуимъ оубо ивосплачимъ молю, киновіи благоспасительная. многотомительнаго разоренія ибезъмилосерднаго погубленія: іако всепрекрасное спасенія прибѣжище, претихое отзлодыхательныхъ грѣхообуреваніи отишіе. всесладчайшее человѣческія жизни корабле плаваніи невлаемое пристанище, испровергаемое разорися;

Возрыдаемъ іако христіянскаго душепитанія много гобзовательная пажи, иноческаго благообученія благоискушнѣйшая овчарня, церковнаго закона храненія, всекрѣпкая ограда, оборнышися, изложися. Возстанемъ крѣпцѣ, іако толь пресвѣтлая человѣческаго мракохожденія свѣща, всесіяющіи грѣховнаго нощеборенія свѣтильникъ. многозарное многострастныя тмы свѣтило, подъспудъ разоренія подложившися оусасе. Плачемъ іако таковіи преподобніи отцы, толь много искусніи человѣческаго спасенія обучители, толь не прелестніи небеснаго путехожденія предъводители. безъчеловѣчныхъ томлении смертьми отнасъ отлучени неіавляются.

Возрадуемся же и возвеселимся. іако въ последняя сія игоркоплачевная времена, дивныи отцевъ преподобныхъ соборъ, всекрасныи страдальцевъ полкъ, всеизрядное мученикъ воинство воззіявши возблиста: нмиже и отнихъ инаши мрачныя звѣ-

ницы свѣтомъ древле церковнаго благочестія осіявлеми просвѣтишася, и веселяшеся благодаримъ Господа Бога несказаннаго въ милосердіи и несъскуднаго благодаримъ, таковыя своя оугодники истины свѣтилники, все свѣтлыя спасенія столпы, преподобныя чюдотворцы намъ показавшаго.

Прославимъ преподобния наша теплая молитвеника Зосиму глаголю и Саватія, прославимъ: и свѣтомъ благочестія, изарею церковозаконія, и лучами отце преданія, и оутромъ куновіо благочинія, и днемъ добродѣтельно житія преіасно ны просвѣтившая.

Похвалимъ и крѣпкыя церковныя страстотерьпцы похвалимъ; иже страстотерпческія подвиги страстотерпческимъ мужествомъ, въ страстотерпчестѣмъ страданіи предивнѣ понесшыя и страстотерпческую многотомленія смерть заистину всежелательно избравшыя, иже своимъ несказаннымъ оусердіемъ, неслышаннымъ великодушія терпѣніемъ, неповѣстною о Христѣ храбростію врага супостата діавола своея крове теченіемъ оудавиша, и древле церковнаго православія свѣтъ. іако насвѣщницѣ любозрителемъ пресвѣтло показаша, веледушію онѣхъ оудивимся. Преславнѣй храбрости возъчюдимся, многострадательнымъ бореніемъ возговѣимъ, многоревностное оправдѣ скончаніе оублажимъ и коль оудивленіи изъобразованія, коль хваленіи цвѣтособранія соплетающе вѣнцы, толь всесладчайшыя благоусердія, толь прекраснѣйшыя благотворенія прінесше цвѣты, всесущеньныя главы страдавшихъ оувязше вѣнчаимъ. Возъжелаимъ оныхъ теплое ревности, и непоколебимое благочестія, неизложимое терьпѣнія, твердое и непревратное о правдѣ страданія даже досмерти.

Возлюбимъ сихъ дѣянія. молитвъ присныя фиміамы, оумиленія рѣки, воздержанія бразду, смиренія сребро, цѣломудрія здравость, терьпѣнія твердость, разсужденія свѣтлость, оупованія высокое, любве превосходяще, и прочихъ добродѣтелей все изрядное богатство въ сокровище.

Подражаимъ міроотверженія очищенное, иночества благо обученое, объщежительства благолѣпное, благочиніе благолюбезное изърядство. Наконецъ и вѣры и житія и благоговѣниства онѣхъ, всеоусердніи ревнители будемъ. и елико возлюбленная ими и содержанная подражати возъусердствуемъ. Толико и возненавидѣнная и отриновенная ими, отдушъ нашихъ оттрясть попецѣмся: и іако добродѣтелей оныхъ всекраснѣйшій видъ, въ душахъ нашихъ изъобразующе живописати потщимся, Тако и божественную ревность великохрабрства и долготерпѣнія, благоначертати въ сердцахъ подвигнемся, и іаже сіи страстотерпцы и сихъ отцы, паче же святіи чюдотворцы, возъжелаша взяша понесоша и сокровищьствоваша. Сія имы лобызаимъ. и всежелательнѣ объемъше въ сердечнѣмъ сокрыемъ... хранилищи. Аіаже возненавидѣша оплеваша отвергоша отъ себе. Сія и мы возненавидѣвше, и отдушъ нашихъ изметавше проженіемъ. Но сюже вѣрою сіи, имже благочестіемъ, имиже добродѣтельми въслѣдъ святыхъ несомнѣнно шествоваша, симы имы всѣми спасенія стезями, вослѣдъ грядуще, благоревностно и незаблужденно шествуимъ, іако да и въ будущемъ преблаженнѣмъ вѣцѣ тояже радости вѣчныя, тояже славы безконечныя, тояже чести святымъ оуготованныя сподобимся получити, о Христѣ царѣ и безѣвсяческихъ. аминь.

Конецъ втораго тома.

